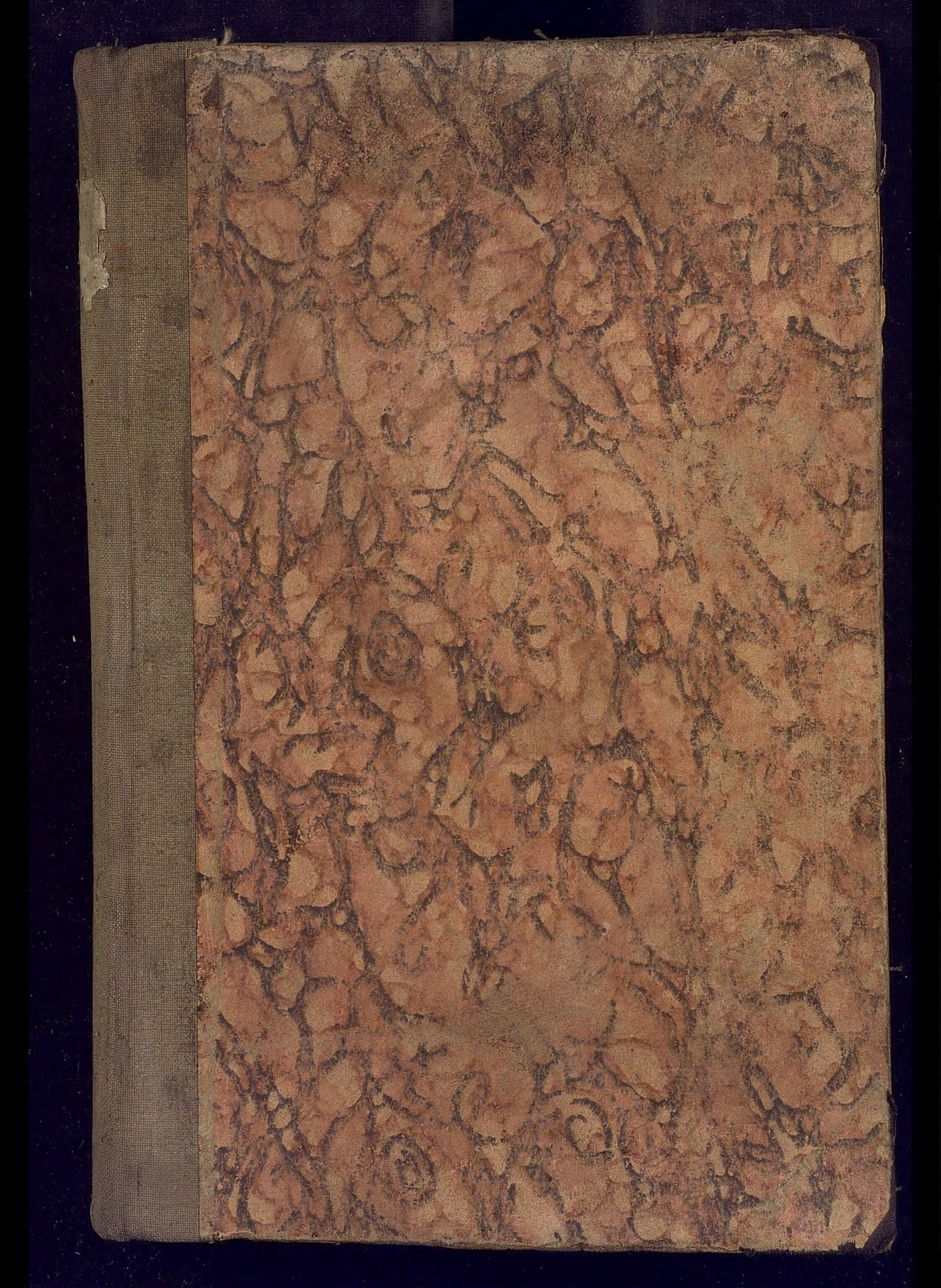
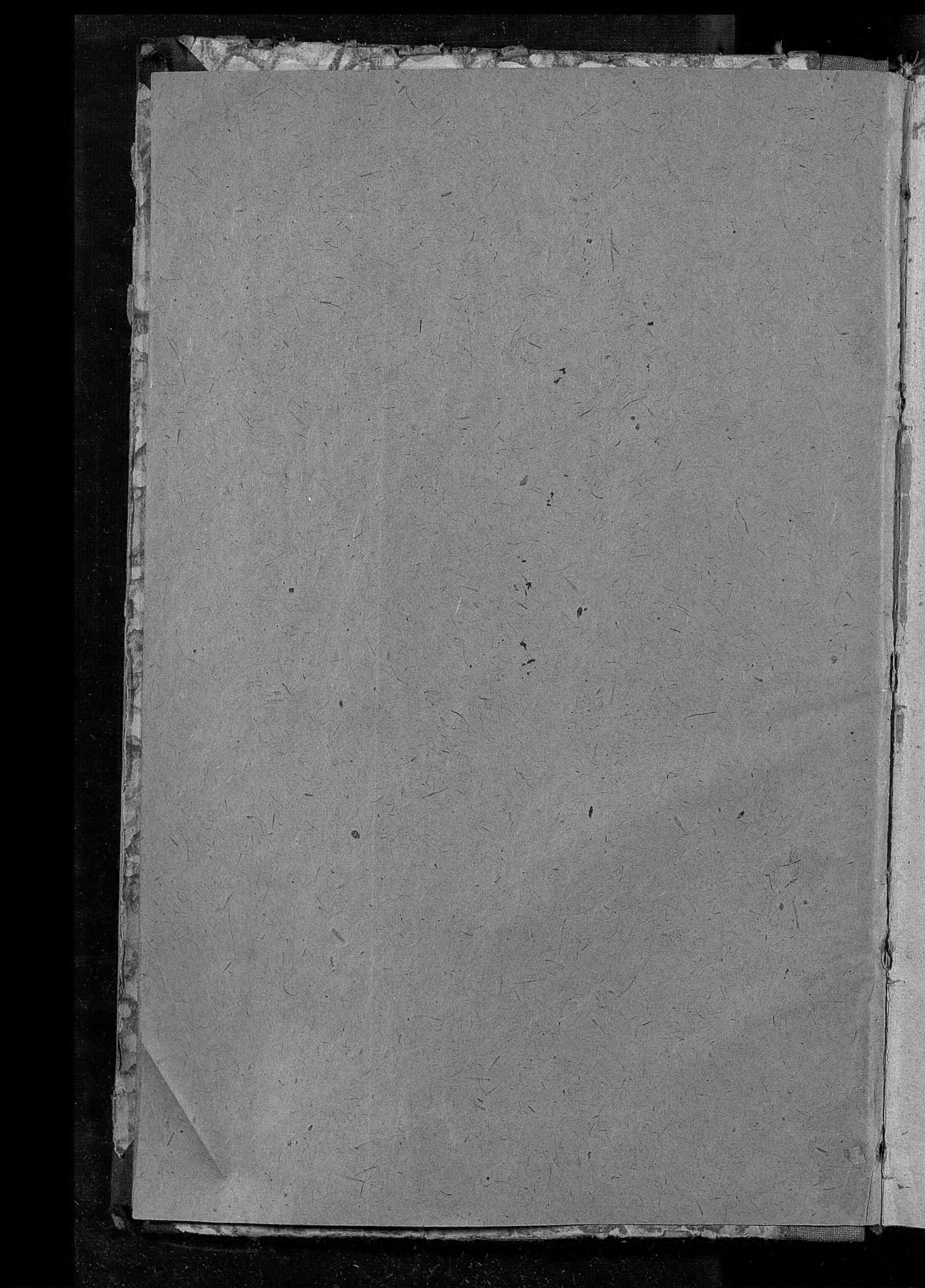

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

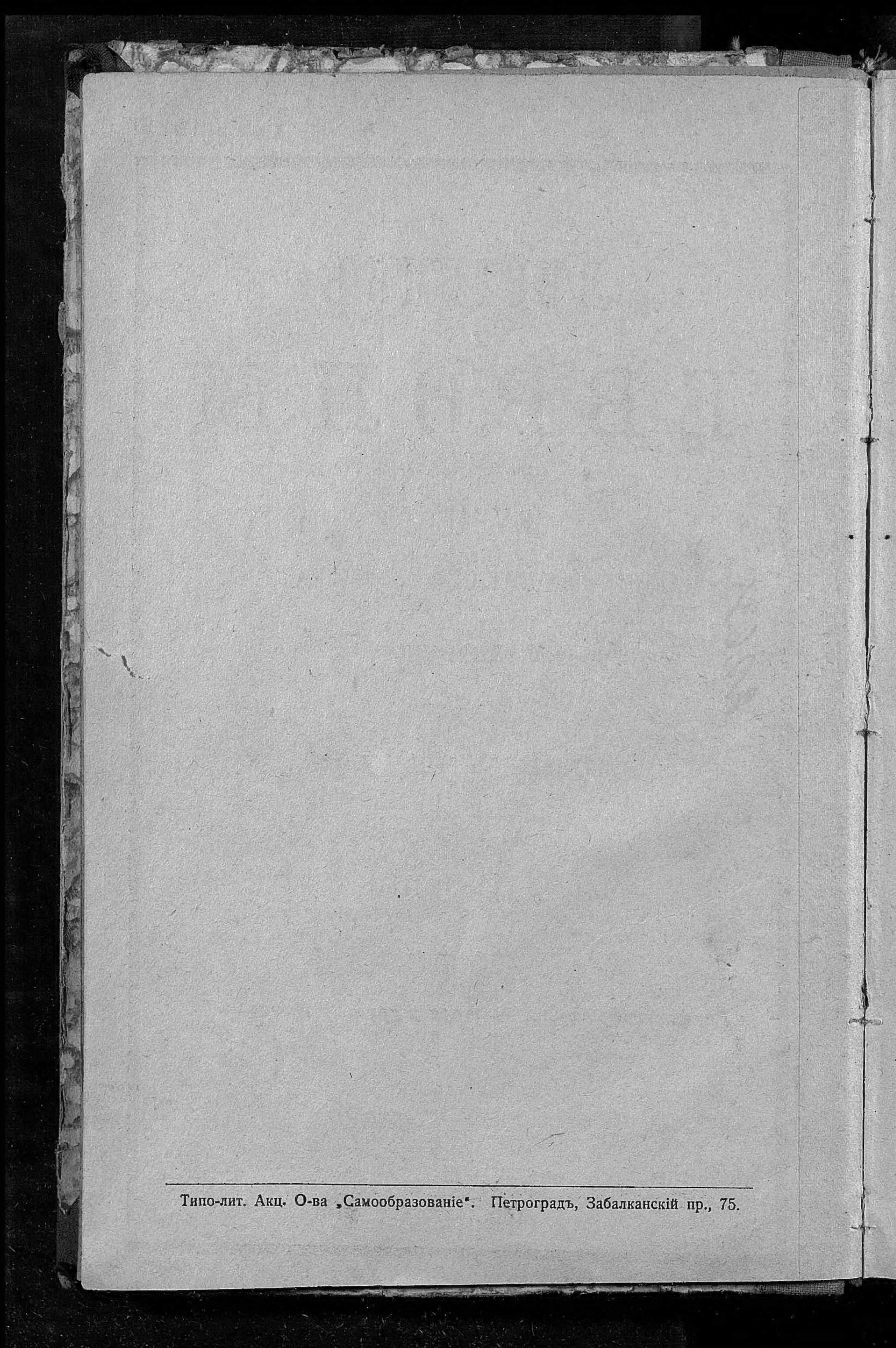

АПРѢЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. — АПРѢЛЬ.

		стр.
	ПРИЛОЖЕНІЕ. Портретъ М. М. Ковалевскаго	III
	МАКСИМЪ МАКСИМОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ. — **К. Арсеньева**	V
	М. М. КОВАЛЕВСКІЙ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. — **А. Ѳ. Кони**	XI
	ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ. — **Д. Овсянико-Куликовскаго**	XXVIII
I.	МЫ ПРОСНЕМСЯ. — Повѣсть изъ современной жизни. — *(Продолженіе.)* Графа **Л. Л. Толстого**	1
II.	ИЗЪ ГЮГО (Légendes des siécles). — **С. Андреевскаго**	33
III.	1. НА ШОССЕ. 2. ОТДЫХЪ. 3. СОЧЕЛЬНИКЪ. — **Вл. Ладыженскаго**	37
IV.	ТИХІЙ ДОМЪ НАШЪ... Стих. — **Т. Ефименко**	56
V.	ПОГАСШАЯ ЛАМПАДА. — **Е. Кривцова**	57
VI.	ДУША СНѢГОВЪ. — Стихотв. — **Алексѣя Липецкаго**	68
VII.	РЕФЛЕКСЪ ЦѢЛИ. — **И. Павлова**	69
VIII.	НАДЪ РѢКОЙ. — Стихотвореніе. — **Петра Бунакова**	76
IX.	СЕРВАНТЕСЪ (1616—1916). — **Сергѣя Боткина**	77
X.	ИЗЪ ЛѢТОПИСИ НАУКИ ЗА УЖАСНЫЙ ГОДЪ. — Наука у антиподовъ и антиподы науки. — Менделизмъ и эволюція. — Отвѣтъ изъ третьей части свѣта. — **К. Тимирязева**	99
XI.	ПРОСЛАВЛЕННАЯ СУДОМОЙКА. — Повѣсть изъ „Образцовыхъ новеллъ" Сервантеса. — Съ испанск., пер. **М. Ватсонъ**	129
XII.	РАЗВѢ КТО ЗНАЕТЪ... — Стихотвореніе. — **А. Чумаченко**	184
XIII.	НА ВЕРШИНѢ. Романъ Темпля Сёрстона. — *(Окончаніе.)* Пер. съ англ. **М. Славинской**	185
XIV.	ХРОНИКА. — БОРЬБА СЪ ДОРОГОВИЗНОЙ ВО ФРАНЦІИ. — **Г. Цыперовича**	221
XV.	ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. — **П. А. Тверского**	250
XVI.	ПУТИ РАЗВИТІЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ НАЦІИ. — **М. А. Осоргина**	261
XVII.	ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Современное политическое положеніе и подводная война. — Германская система террора. — Рѣчь канцлера Бетмана-Гольвега и ея особенности. — Общее настроеніе противниковъ. — Паденіе Трапезунда и смерть Гольцъ-паши	276
XVIII.	НА ТЕМЫ ДНЯ. — Новыя перемѣны въ составѣ министровъ. — Уходъ генерала Поливанова. — Назначеніе графа Бобринскаго. — Пренія о бюджетѣ въ Государственной Думѣ. — Судьба „еврейскаго" запроса. — Письмо Е. К. Брешко Брешковской. — Юбилей П. И. Макушина. — А. А. Сабуровъ и Д. Г. фонъ-Дервизъ. **К. Арсеньева**	287

СТР.

XIX. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Черты общественно-политическаго облика М. М. Ковалевскаго. — Его терпимость и отзывчивость. — М. М. Ковалевскій въ первой Думѣ. — Депутатъ-учитель. — Его аргументація въ пользу отвѣтственнаго министерства. — Къ десятилѣтію созыва первой Думы. — Была ли первая Дума жизнеспособна? — В. П. Обнинскій. — **В. Кузьмина-Караваева** 302

XX. НѢМЕЦКАЯ КНИГА О РОССІИ. — **Л. Слонимскаго** 321

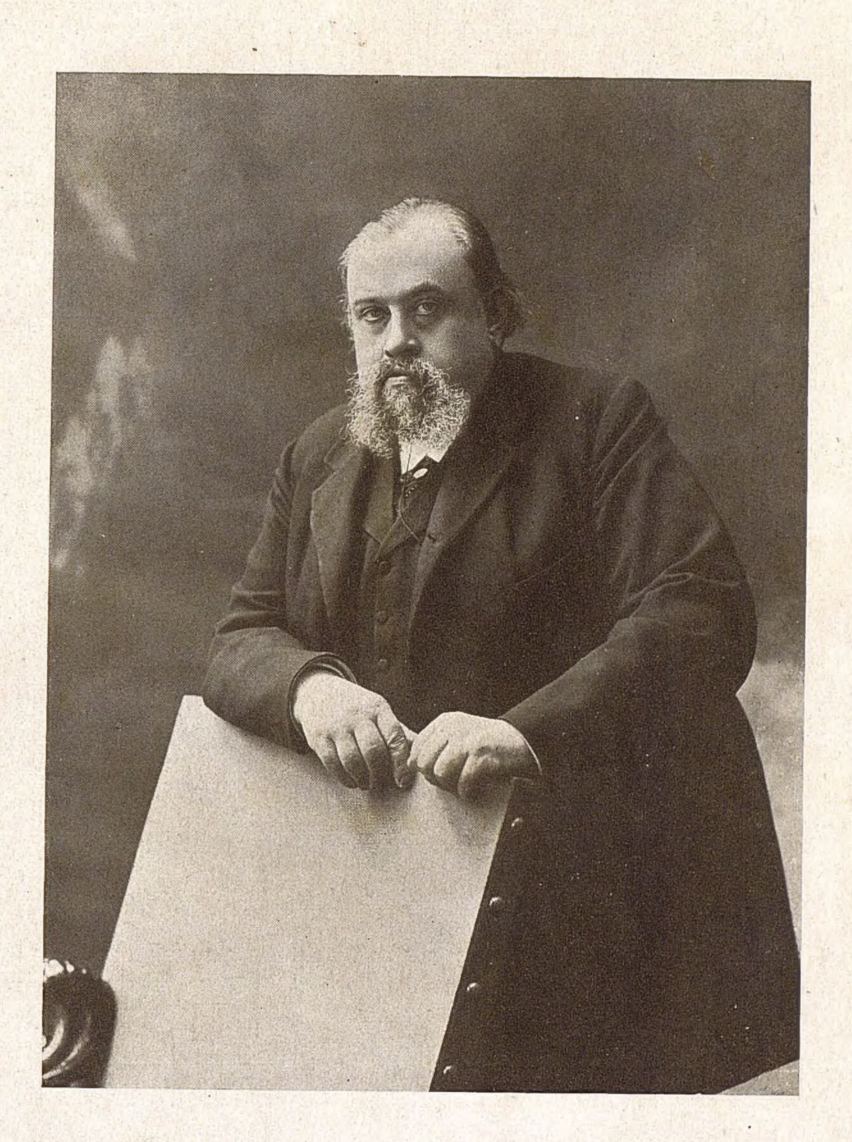
XXI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Дневникъ Льва Николаевича Толстого. Изданіе первое, подъ редакціей В. Г. Черткова. Томъ I. 1895—1899 (Съ портретомъ 1897 г.), Москва, 1896. — С. Елпатьевскій. Литературныя воспоминанія (Близкія тѣни, часть II). Кн-во писателей въ Москвѣ. — Н. Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени, Петроградъ, 1896. — **Ч. В—ій.** — „Родной языкъ въ школѣ", ежемѣсячный журналъ. Годъ изданія первый, 1914—15, №№ 1—9—10 (4—5). **— Е. К—вичъ.** — Л. Я. Гуревичъ. Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ войны 1915—1915 г. Петроградъ, 1916 г. — Н. Д. Кондратьевъ. Развитія хозяйства Кинешемскаго Земства Костромской губерніи. Съ предисловіемъ проф. П. П. Мигулина. Подъ редакціей прив.-доц. А. I. Буковецкаго. Изданіе Кинешемскаго Уѣзднаго Земства. Кинешма. 1915 г. — **И. Михайловъ.** — Д. Г. Скоттъ. Эволюція растеній. Петроградъ. 1915 г. — Ш. Депаре. Превращенія животнаго міра. Петроградъ. 1915. — **В. В.** — Календарь русской природы на 1916 г. Естественно-историческій справочникъ. Редакторы: Н. К. Кольцовъ, Н. М. Кулагинъ, Л. А. Тарасевичъ. Изданіе журнала „Природа". Москва. — **В. Б—ъ.** — Марія Монтессори. Руководство къ моему методу. Переводъ Р. Ландсбергъ. Москва. 1916 г. — **В. В.** 326

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 344

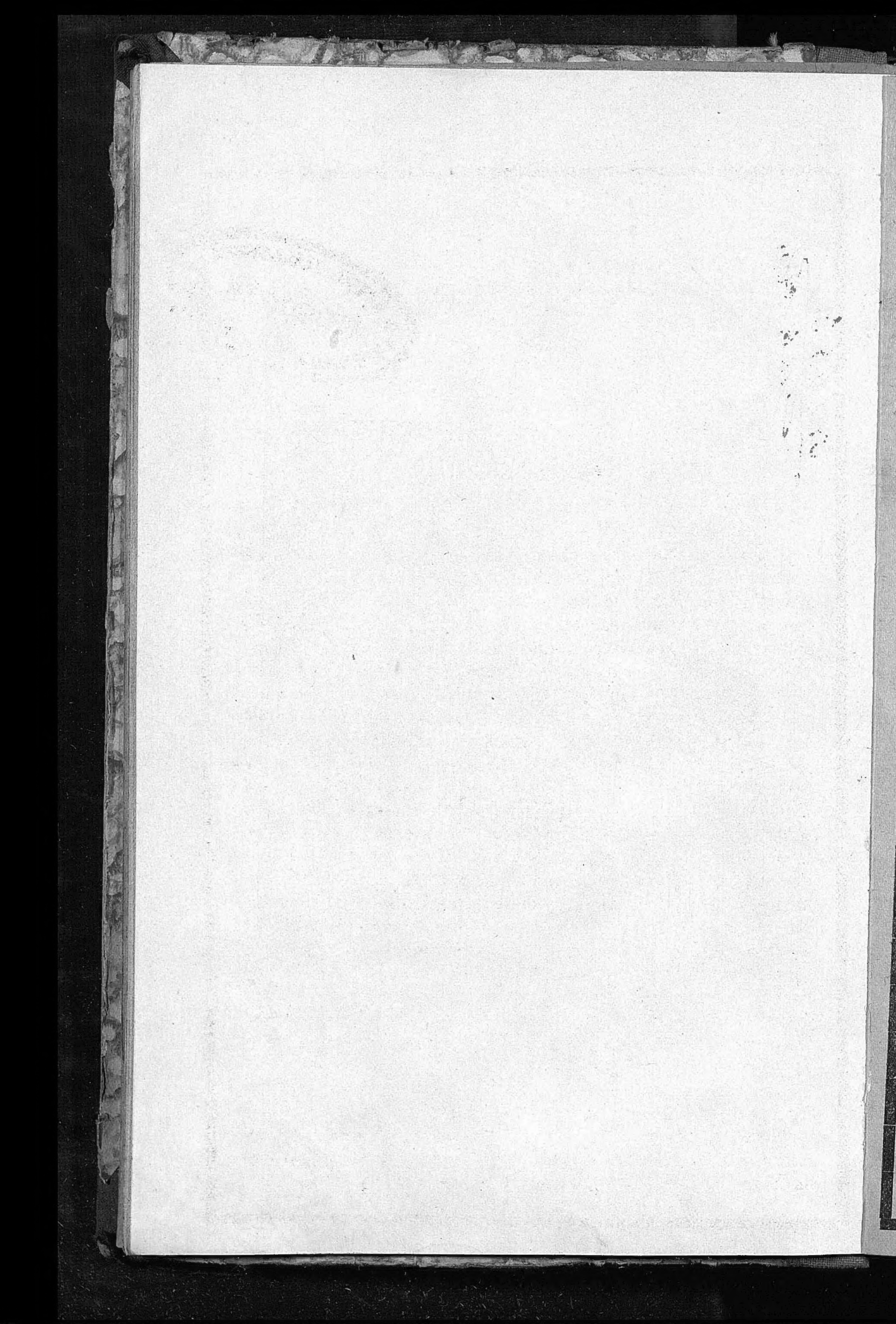
XXIII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 346

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 349

М. Ковалевскій

МАКСИМЪ МАКСИМОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

Обновленная — или, вѣрнѣе, обновляющаяся — Россія все больше и больше цѣнитъ своихъ выдающихся людей. Было время, когда признаніе въ большихъ кругахъ общества и народа находили только побѣдоносные полководцы, только ихъ смерть чувствовалась какъ общее національное горе, только ихъ имена сохранялись въ народной памяти. Значительно позднѣе ореолъ славы сталъ достояніемъ великихъ писателей, если не при жизни, то послѣ смерти: нужно было, по выраженію поэта, „увидѣть ихъ гробъ", чтобы понять, какъ много они сдѣлали для родины. Значеніе замогильнаго тріумфа получили похороны Некрасова, Достоевскаго, въ особенности Тургенева. Теперь широко раздвинулись стѣны народнаго Пантеона. Погребеніе М. М. Ковалевскаго напомнило ту величественную картину, свидѣтелемъ которой былъ Петербургъ 27-го сентября 1883 года. И это понятно: однажды возникнувъ, политическая жизнь не можетъ не вызвать благодарности и любви къ ея лучшимъ дѣятелямъ. Несравненно больше, чѣмъ прежде, стало и число людей, которымъ знакома и дорога ихъ работа. Въ толпѣ, собравшейся 26-го марта у Симеоновской церкви, были представители всѣхъ народностей России, всѣхъ ея классовъ и сословій. Ничего не было манящаго для глаза, привлекающаго праздное любопытство. Десятки тысячъ людей провожали до мѣста послѣдняго успокоенія того, кто трудился всю жизнь надъ изученіемъ и рѣшеніемъ задачъ ближайшаго и болѣе отдаленнаго будущаго. Другіе проводы, не менѣе знаменательные, были устроены печатью, и на фонѣ общаго сочувствія особенно рельефно выступали попытки замолчать потерю или подкопаться, соблюдая внѣшнее приличіе, подъ авторитетъ покойнаго.

Цѣльной и крупной фигурой М. М. явился съ самаго начала своей научной и общественной дѣятельности. Ему было мало вліянія, которое онъ быстро пріобрѣлъ, какъ профессоръ, на университетскую молодежь, мало было и поддержки, которую онъ оказывалъ начинающимъ ученымъ. Онъ основалъ, вмѣстѣ со своими ближайшими друзьями, журналъ („Критическое Обозрѣніе"), который долженъ былъ отмѣчать все цѣнное въ текущей русской литературѣ; онъ сталъ выбирать для многихъ своихъ изслѣдованій такія темы, которыя ставили его въ непосредственное соприкосновеніе съ жгучими вопросами дня. Таковы, напримѣръ, его труды по общинному землевладѣнію, возбуждавшему тогда глубокій, по временамъ страстный интересъ. Приложеніе къ русской жизни, къ русскимъ порядкамъ могли имѣть и такіе его экскурсы въ прошлое Англіи, какъ „Исторія полицейской администраціи въ Англіи" или „Полиція рабочихъ въ Англіи въ XVI в. и мировые судьи, какъ судебные разбиратели споровъ между предпринимателями и рабочими". Посвятивъ себя на время изученію вопроса о законѣ и обычаѣ, М. М. не ограничился теоретической, книжной его обработкой, а совершилъ сопряженную съ большими трудностями и лишеніями поѣздку въ Сванетію, для ознакомленія на мѣстахъ съ обычаями осетинъ. Его „Этюды по русскому обычному праву", его книга — „Современный обычай и древній законъ въ Россіи" были вкладами не только въ науку, но и въ практическую жизнь. Среди этой кипучей дѣятельности его застигла неожиданная, ничѣмъ не вызванная невзгода: онъ былъ уволенъ безъ прошенія отъ должности профессора. И вотъ для него начинается восемнадцатилѣтній періодъ вынужденной оторванности отъ Россіи. При тѣхъ матеріальныхъ условіяхъ, въ которыя былъ поставленъ Ковалевскій, періодъ оторванности очень легко могъ обратиться въ періодъ бездѣйствія. М. М. сдѣлалъ его періодомъ усиленнѣйшаго труда: кабинетныя занятія шли у него рука объ руку съ лекціями въ заграничныхъ университетахъ; одна объемистая книга слѣдовала за другою, иногда переводимая на иностранные языки, иногда прямо излагаемая на одномъ изъ нихъ. Имя Ковалевскаго стало извѣстнымъ по обѣ стороны Атлантическаго океана; въ его лицѣ наши государствовѣды точно также доказали свою равноправность съ западноевропейскими учеными, какъ это сдѣлали въ области точныхъ наукъ Менделѣевъ и Мечниковъ. Ковалевскаго не могло, однако, удовлетворить творчество въ сферѣ мысли; ему нужна

была также работа болѣе практическаго характера, непосредственно направленная на пользу Россіи. На рубежѣ XIX и XX вѣковъ онъ основалъ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями, École russe des hautes études. Особенно велика потребность въ такой школѣ была именно тогда: множество русскихъ молодыхъ людей не могло найти мѣста въ русскихъ университетахъ или прямо выбрасывалось за предѣлы государства. Самъ читая цѣлый рядъ курсовъ, М. М. умѣлъ привлекать лекторовъ, солидарныхъ съ нимъ во взглядахъ на высшее образованіе. Задачей школы было, между прочимъ, смягченіе рѣзкихъ противоположностей между крайними мнѣніями, сближеніе политическихъ группъ, способныхъ дѣйствовать на общей почвѣ и, скорѣе по недоразумѣнію, нежели въ силу неустранимыхъ разногласій, отчужденныхъ другъ отъ друга. Въ моей памяти особенно запечатлѣлся разсказъ о выступленіи, въ минуту разгара гнѣвныхъ страстей, такого удивительнаго примирителя, какимъ былъ покойный А. И. Чупровъ.

Какъ ни принималъ къ сердцу М. М. судьбы парижской Русской школы, она могла быть для него только суррогатомъ, недостаточнымъ и неполнымъ, дѣятельности въ Россіи. Неудивительно, что онъ вернулся на родину, какъ только показались первые признаки новой эры. Уже въ сентябрѣ 1905 года онъ принимаетъ живое участіе въ московскомъ земскомъ съѣздѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ погружается въ самую глубь прогрессивнаго теченія. Въ началѣ 1906 года онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ основаніи партіи демократическихъ реформъ. Теперь не время объяснять, почему она не слилась съ наиболѣе къ ней близкой партіей народной свободы; не время также говорить о причинахъ ея скораго исчезновенія. Въ Думѣ перваго созыва ея роль была очень замѣтна; число примыкающихъ къ ней депутатовъ быстро увеличивалось. Во вторую Думу проникъ только одинъ ея членъ — и этимъ, несмотря на его выдающіяся дарованія, была предрѣшена ея судьба. Въ то же самое время прекратилось изданіе газеты „Страна“, основанной Ковалевскимъ въ февралѣ 1906 года и служившей органомъ партіи; слишкомъ часто на нее обрушивались цензурные удары, заставлявшіе ее умирать и возрождаться подъ новымъ именемъ. Не было недостатка и въ судебныхъ ея преслѣдованіяхъ, благополучное окончаніе которыхъ, столь рѣдкое въ тѣ времена, свидѣтельствовало о безсодержательности обвиненій. Печальный опытъ, произведенный „Страной“, не помѣшалъ Ковалевскому взять

на себя, съ 1909 года, изданіе „Вѣстника Европы“, когда его отказался вести дальше утомленный и престарѣлый М. М. Стасюлевичъ. И Ковалевскій былъ не только издателемъ, спокойно переживавшимъ нерѣдкія, на первыхъ порахъ, критическія минуты существованія „Вѣстника Европы“, но и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ редакціи, однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ журнала. Его статьи на темы дня чередовались съ этюдами изъ области исторіи и политической экономіи. Для его энергичной натуры и этого было недостаточно; ему нужно было немедленно отзываться на очередные, злободневные вопросы политической и общественной жизни, и, когда ему не удалось дѣло съ собственной газетой, онъ сталъ писать въ ежедневныхъ изданіяхъ: въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а въ послѣднее время, главнымъ образомъ, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, выходящихъ въ Петроградѣ и потому быстрѣе бросающихъ въ публику написанныя здѣсь статьи. Чрезвычайно характерна для Ковалевскаго эта жажда постояннаго общенія съ широкими общественными кругами. Рядомъ съ кабинетнымъ ученымъ трудомъ ему была необходима рѣчь на форумѣ, прямо и немедленно отзывающаяся на запросы жизни. Журналистика не была для него единственнымъ путемъ, ведущимъ къ этой цѣли. Онъ дѣйствовалъ на молодежь своими лекціями въ университетѣ, въ институтахъ Политехническомъ и Психоневро-патологическомъ; онъ дѣйствовалъ на массы слушателей, очень часто, особенно въ послѣднее, военное, время, участвуя въ публичныхъ чтеніяхъ на политическія, философскія и литературныя темы; онъ предсѣдательствовалъ въ Вольномъ Экономическомъ обществѣ, въ Юридическомъ обществѣ, въ кружкахъ имени Льва Толстого и имени Герцена; онъ устраивалъ у себя болѣе или менѣе многочисленныя собранія, когда нужно было пустить въ ходъ новую мысль, положить начало новому дѣлу (у него, напримѣръ, шли переговоры между членами Государственной Думы и Государственнаго Совѣта объ организаціи прогрессивнаго блока); онъ являлся ходатаемъ передъ властями за преслѣдуемыхъ, высылаемыхъ, арестуемыхъ. И не трудно себѣ представить, какъ тяжелъ былъ для М. М. перерывъ этой дѣятельности, вызванный его плѣномъ въ Карлсбадѣ. Личныя стѣсненія и непріятности, этимъ вызванныя, онъ переносилъ спокойно; жалобъ отъ него почти не было слышно; но онъ не могъ примириться съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ въ такое время, когда такъ важно могло

быть его слово и дѣло. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ вернулся изъ Австріи съ потрясеннымъ здоровьемъ; способность сопротивленія организма была подорвана, и нуженъ былъ только послѣдній толчокъ, чтобы свалить этого богатыря. И какъ характерно для Ковалевскаго было его рѣшеніе ѣхать, вопреки увѣщаніямъ его близкихъ, въ засѣданіе Государственнаго Совѣта (18 марта). Въ этотъ день заканчивалось разсмотрѣніе законопроекта о подоходномъ налогѣ, и М. М. считалъ невозможнымъ отказаться отъ участія въ засѣданіи, говоря, что каждый отдѣльный голосъ можетъ имѣть значеніе. И раньше, чувствуя себя уже очень нехорошо, онъ не пропускалъ очень утомлявшихъ его засѣданій Верхней Палаты.

Большимъ несчастьемъ для М. М., большой потерей для Россіи было пораженіе его въ Харьковѣ, на выборахъ въ Государственную Думу второго созыва. Потерпѣвъ неудачу въ февралѣ 1907 года, придѣйствіи избирательнаго закона 1905 года, М. М., очевидно, не имѣлъ никакихъ шансовъ успѣха на выборахъ въ Думу третьяго, затѣмъ четвертаго созыва, происходившихъ на основѣ положенія 3-го іюня. Для него оставался открытымъ только одинъ доступъ къ политической жизни: избраніе въ члены Государственнаго Совѣта отъ Академіи Наукъ и университетовъ. Выборъ, дѣйствительно, два раза палъ на М. М.; но какъ мало работа въ нашей Верхней Палатѣ соотвѣтствовала его способностямъ и силамъ, какъ мало она могла замѣнить пережитое имъ однажды въ средѣ народныхъ представителей! Именно для дѣятельной роли былъ созданъ М. М., а не для успокоенія въ „усыпальницѣ", какъ онъ назвалъ Государственный Совѣтъ въ своей послѣдней рѣчи. Какъ тяжело ему было чувствовать, что его слова проходятъ безслѣдно, что напрасно развертываніе его богатыхъ и разностороннихъ знаній, его стремленій къ лучшему будущему — передъ аудиторіей, значительное большинство которой озабочено только поддержаніемъ традицій и порядковъ, осужденныхъ опытомъ цѣлыхъ десятилѣтій! Какъ были бы подхвачены при другой обстановкѣ его ироническія варіаціи въ этой рѣчи на тему о дикарѣ, подрубающемъ дерево, чтобы собрать плоды! И какою глубокою горечью и горестью проникнуты слова, вкладываемыя имъ (въ той же рѣчи) въ уста нашихъ союзниковъ, но едва ли далекія отъ его собственнаго взгляда на оффиціальную Россію, представленную большинствомъ Государственнаго Совѣта: „Вы—все же прежнее сословное, чиновное государство, которому менѣе всего свойственно чувство равенства пе-

редъ закономъ, судомъ, налогомъ, управленіемъ"! Едва ли М. М. могъ примириться и съ внѣшнею неотзывчивостью Верхней Палаты на рѣчи ораторовъ: ему, по всей вѣроятности, было бы пріятнѣе шиканье, были бы пріятнѣе свистки, чѣмъ дисциплинированная тишина, провожающая ораторовъ. И только недавно надъ лѣвыми и вообще сколько-нибудь независимыми членами Государственнаго Совѣта пересталъ тяготѣть предсѣдательскій гнетъ, выражавшійся сплошь и рядомъ въ далеко непарламентарныхъ формахъ... Еще невыносимѣе, впрочемъ, было для М. М. и его друзей сознаніе полнѣйшей безплодности той работы, которая совершалась въ Государственномъ Совѣтѣ. Слишкомъ хорошо извѣстно, какую роль сыграла Верхняя Палата въ исторіи нашего послѣконституціоннаго законодательства. Чтобы не уйти съ поля битвы, на которомъ насчитываются только пораженія, нужно было высоко развитое чувство долга, нужна была непоколебимая вѣра въ будущее.

При всей бѣглости взгляда, брошеннаго въ этихъ строкахъ на жизнь М. М. Ковалевскаго, онъ можетъ нѣсколько облегчить разгадку обаянія, которымъ былъ окруженъ покойный. Пушкинъ сказалъ про Петра, что онъ „на тронѣ вѣчный былъ работникъ". Вѣчнымъ работникомъ былъ и Ковалевскій, и въ его работѣ не было ничего мелкаго, узкаго, эгоистичнаго. Она вся съ начала до конца имѣла просвѣтительный характеръ, и это чувствовалось всѣми, кто съ ней соприкасался. Она сдѣлала его близкимъ и дорогимъ для людей различнаго типа, различнаго положенія, различнаго образа мыслей. Конечно, чтобы узнать всѣ качества его ума и сердца, нужно было быть не только свидѣтелемъ, но и участникомъ его работы. Такое участіе выпало на долю ближайшихъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы". Въ постоянныхъ сношеніяхъ съ М. М. они оцѣнили его гуманность, его поистинѣ удивительную скромность, его широкое доброжелательство (то, что французы называютъ bienveillance universelle), его неистощимую работоспособность. Никогда и ни въ чемъ онъ не вносилъ разлада въ редакціонное дѣло; уважая чужое мнѣніе, онъ проводилъ свое въ самой мягкой формѣ и только до тѣхъ поръ, пока считалъ еще возможнымъ убѣдить своихъ противниковъ. Пробѣлъ, оставленный имъ въ редакціи нашего журнала, очень великъ; но воспоминаніе о немъ будетъ служить для насъ такимъ же соединительнымъ звеномъ, какимъ была при его жизни его добрая улыбка.

К. Арсеньевъ.

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ
ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Горестная вѣсть о кончинѣ, послѣ долгихъ и упорныхъ страданій, Максима Максимовича Ковалевскаго вызвала въ печати рядъ воспоминаній о немъ и сочувственныхъ некрологовъ. Въ нихъ не было довольно обычныхъ у насъ общихъ мѣстъ и безсодержательныхъ узоровъ, вышитыхъ по трафарету на канвѣ послужного списка или перечня названій ученыхъ сочиненій почившаго. Наоборотъ, чувствовалось, что въ памяти писавшихъ, рядомъ съ образомъ ученаго и общественнаго дѣятеля, неотразимо возникалъ прежде и сильнѣе всего образъ человѣка съ чуткимъ и отзывчивымъ, добрымъ и великодушнымъ сердцемъ. Съ послѣднимъ слабымъ и прощальнымъ біеніемъ этого сердца изъ нашей бѣдной людьми общественной среды ушелъ служитель правовыхъ и государственныхъ идеаловъ, прилагавшій къ ихъ практическому осуществленію всю силу своихъ блестящихъ дарованій и многостороннихъ знаній, слово котораго было неразрывно связано съ дѣломъ. Для полной оцѣнки его личности и дѣятельности еще не наступило время. Многогранность первой и разнообразіе второй требуютъ подробнаго изслѣдованія въ систематической и полной біографіи, долженствующей занять поучительное мѣсто въ исторіи развитія русскаго просвѣщенія и правосознанія. Но теперь, въ виду его свѣжей могилы подъ грудой вѣнковъ съ краснорѣчивыми надписями, хочется сказать нѣсколько словъ о его участіи въ нашемъ законодательствѣ, т. е. о его работѣ въ обновленномъ съ 1906 года Государственномъ Совѣтѣ.

Въ теченіе восьми лѣтъ мы были сосѣдями по кресламъ въ Маріинскомъ дворцѣ, въ залѣ засѣданій Верхней Палаты. Прежнія мимолетныя встрѣчи смѣнились у насъ за этотъ долгій

періодъ постояннымъ обмѣномъ мыслей и взглядовъ, въ которыхъ мы по большей части, хотя иногда и по разнымъ основаніямъ, сходились. Дѣлясь выводами изъ подлежавшихъ нашему разсмотрѣнію матеріаловъ и соображеніями по вопросамъ, которые предстояло рѣшить, мы, само собою разумѣется, попутно касались явленій окружавшей насъ жизни. Трудно помириться съ мыслью, что прекратилось привычное удовольствіе, съ которымъ приходилось, придя въ засѣданіе, видѣть или поджидать появленіе его крупной фигуры съ красивымъ русскимъ лицомъ, милой улыбкой, живымъ, но часто грустнымъ взоромъ и могучимъ голосомъ. Больно думать, что не придется болѣе слышать его остроумныя замѣчанія и тонкія характеристики, быть невольнымъ свидѣтелемъ его готовности къ широкой и деликатной помощи нуждающимся въ разныхъ отношеніяхъ, его письменныхъ и личныхъ заступничествъ и его неизмѣннаго альтруизма, на служеніе которому онъ отдавалъ себя, не жалѣя часто безплодной траты времени и труда на разнообразныя хлопоты. Человѣкъ цѣльный, вѣрный разъ принятому направленію и усвоеннымъ убѣжденіямъ, онъ привлекалъ къ себѣ откровеннымъ выраженіемъ своихъ взглядовъ, за которымъ не чувствовалось никакой reservatio mentalis. Въ спорахъ онъ былъ, прежде всего, человѣкомъ воспитаннымъ и внимательнымъ, хотя легкая иронія въ изложеніи своего несогласія и въ частномъ разговорѣ, и на каѳедрѣ очень часто сквозила въ его словахъ, не оскорбляя, но иногда чувствительно жаля. И въ заочныхъ отзывахъ его о комъ-либо соболѣзнованіе слышалось чаще, чѣмъ суровое осужденіе; послѣднее выпадало на долю лишь нелюбимыхъ имъ медоточивыхъ людей Молчалинскаго типа и тѣхъ, къ которымъ примѣнимо образное народное выраженіе: „духомъ къ небу паритъ, а ножками еще въ аду перебираетъ“.

Здоровье Ковалевскаго послѣ возвращенія его изъ Карлсбада, гдѣ онъ былъ насильственно задержанъ австрійцами, замѣтно пошатнулось. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, глаза его потеряли прежнюю живость и по временамъ, казалось, смотрѣли съ печальной задумчивостью вдаль, „на тотъ берегъ“. Смерть какъ будто уже коснулась его концомъ крыла, унося съ лица его краски жизни. Онъ часто, вопреки привычкѣ, сидѣлъ въ неподвижной позѣ, а тѣлесная слабость, которую онъ, повидимому, старался скрыть, особенно явно сказалась въ томъ, какъ тяжело и непривычно опирался онъ на ораторскій пюпитръ, говоря свою блестящую и остроумную

рѣчь о подоходномъ налогѣ въ засѣданіи 15 февраля. Это засѣданіе открылось моимъ возраженіемъ противникамъ введенія подоходнаго налога. Кончая его, я сказалъ: „Мы выслушали въ прошлое засѣданіе рядъ некрологовъ нашихъ недавно скончавшихся товарищей. Нѣкоторымъ изъ насъ — и въ томъ числѣ мнѣ — можетъ приходить въ голову мысль: не въ послѣдній ли разъ всходимъ мы на эту каѳедру, съ которой еще такъ недавно говорили ушедшіе отъ насъ въ вѣчность? Подъ вліяніемъ такой мысли я рѣшаюсь просить васъ, господа, въ видѣ завѣта и ходатайства, оживить дѣятельность Государственнаго Совѣта, освободить его отъ грозныхъ признаковъ законодательнаго артеріосклероза и вызвать въ немъ пользованіе его важными правами — правомъ запроса и почина. Пусть онъ въ своей работѣ напоминаетъ не лѣнивый стукъ маятника старыхъ, хриплыхъ часовъ, а бодрящій шумъ станковъ дѣятельной мастерской!“ Могъ ли я думать, что Ковалевскій, моложе многихъ изъ насъ годами, взойдетъ послѣ меня на эту же каѳедру именно въ послѣдній разъ, и что мнѣ предстоитъ немногимъ черезъ мѣсяцъ съ болью въ сердцѣ притти къ одру его болѣзни, увидѣть его измученное недугомъ лицо, въ горячемъ пожатіи его руки почувствовать его послѣдній привѣтъ и услышать отъ него: „Простимся! Теперь уходите: вамъ тяжело, и мнѣ тяжело тоже!..“ Черезъ два дня послѣ этого venit summa dies et ineluctabile fatum, — и тотъ, кто жилъ всей полнотой жизни, отдавая себя людямъ и труду всецѣло, не думая о смерти, какъ будто ея не существуетъ, — тотъ, кого многіе, по прекрасному старинному выраженію, „положили въ сердцѣ своемъ“, былъ положенъ въ гробъ!..

Выступая по законодательнымъ вопросамъ обыкновенно отъ лица той лѣвой, или академической, группы, къ которой онъ принадлежалъ, Ковалевскій ясно сознавалъ условія своей дѣятельности. Какъ всякая многочисленная коллегія, составленная изъ разнородныхъ элементовъ, изъ представителей различныхъ классовъ населенія и отраслей труда, группирующихся въ отдѣльныя партіи, наша Верхняя Палата являетъ большую пестроту въ отношеніи прошлой дѣятельности, служебнаго опыта, объема свѣдѣній и практической подготовки входящихъ въ ея составъ лицъ. Поэтому трудно, чтобы не сказать: невозможно, установить общіе одинаковые пріемы для ораторской рѣчи въ ея стѣнахъ, не говоря уже о различіи темперамента, дара слова и запаса техническихъ или юридическихъ знаній у выступающихъ на каѳедрѣ членовъ ея. Тутъ

не можетъ быть рѣчи о разборѣ уликъ и доказательствъ, юридическихъ положеній и фактическихъ обстоятельствъ, свойственныхъ судебному процессу. Подробныя и мелочныя данныя и сопоставленіе цифровыхъ выкладокъ могутъ только способствовать утомленію аудиторіи и ослабить ея и безъ того далеко не всегда напряженное вниманіе. Напрасно также надѣяться подѣйствовать горячностью и искренностью своего личнаго убѣжденія, стараясь внушить слушателямъ его кажущуюся оратору справедливость. Въ законодательныя собранія большинство приходитъ съ заранѣе установленнымъ взглядомъ сложившимся подъ вліяніемъ личнаго и житейскаго опыта или полученнымъ готовымъ изъ директивъ, принятыхъ собраніемъ той или другой партіи. Многіе горячую рѣчь будутъ слушать съ любопытствомъ и даже съ сочувствіемъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея мѣстамъ или той формѣ, въ которую она вылилась. Но партійная дисциплина, иногда очень тяжелая, въ большинствѣ случаевъ отражается на окончательномъ голосованіи, особливо, когда оно производится закрытой баллотировкой. Еще менѣе можетъ повліять на такое голосованіе слово оратора, приличествующее ученой каѳедрѣ или публичной лекціи, въ особенности если оно принимаетъ характеръ поученія или наставленія. Поэтому политическій ораторъ можетъ дѣйствовать двояко на уравновѣшенныхъ и считающихъ себя представителями правильнаго взгляда на вопросъ слушателей. Ему слѣдуетъ — что встрѣчается очень рѣдко и въ видѣ исключенія — вызвать въ общемъ представленіи опредѣленные и не подлежащіе сомнѣнію образы и возбудить соотвѣтственныя имъ чувства, т. е., употребляя французское выраженіе, „montrer et émouvoir". Или же ему нужно со спокойнымъ достоинствомъ высказывать свое мнѣніе, никому его не навязывая, но подкрѣпляя крупными и яркими данными изъ запаса своихъ свѣдѣній, относящихся именно къ обсуждаемому вопросу. Дѣйствуя логическими соображеніями, онъ долженъ приглашать своихъ слушателей non indignari, non admirari sed intelligere, какъ говоритъ старинное правило. Эти пріемы рѣчи усвоилъ себѣ, не лишая ея ни живости, ни яркости, М. М. Ковалевскій. Соприкасаясь въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по соціологіи съ исторіей и философскими изъ нея выводами, онъ, несомнѣнно, раздѣлялъ мнѣніе Тэна о томъ, что въ этой наукѣ необходимо выяснять и объяснять постоянныя и дѣйствующія силы и отъ нихъ отправляться, чтобы намѣтить въ общихъ чертахъ абрисы будущаго,

лишь затѣмъ обращаясь къ изученію случайныхъ и побочныхъ явленій. Отыскивая въ явленіяхъ исторіи откровеніе общечеловѣческихъ идей и видя въ ея голосѣ не только приговоръ неподкупнаго судьи, но и вѣщее слово пророка, Ковалевскій снабжалъ свои мнѣнія о пріемлемости или непріемлемости того или другого законопроекта ссылками на крупныя явленія бытового и правового уклада Западной Европы, преимущественно въ Англіи и Франціи. За это по его адресу иногда слышались, находившіе себѣ отголоски и въ печати, упреки въ ненужныхъ и скучныхъ экскурсіяхъ въ область исторіи. О „скукѣ“ ихъ говорить прямо неумѣстно, а что касается до ненужности этихъ экскурсій, то можно ли находить ихъ ненужность въ нашемъ обществѣ, гдѣ такъ часто встрѣчаются люди, совершенно серьезно думающіе, что исторія начинается лишь съ нихъ и съ ихъ дѣятельности? Въ его рѣчахъ всегда слышалось желаніе всмотрѣться въ корень вопроса, очистивъ его отъ разныхъ наростовъ и ложныхъ представленій, затемняющихъ его дѣйствительное существо. Признавая, что въ движеніи законодательства приходится не столько работать надъ установленіемъ новаго, сколько трудиться надъ разсѣяніемъ старыхъ предразсудковъ и закоренѣлыхъ заблужденій, онъ старался разоблачить то подобіе истины, которое въ жизни отдѣльныхъ государствъ дѣлаетъ гораздо болѣе зла, чѣмъ приноситъ добра настоящая истина. Въ рядѣ его рѣчей звучала горячая любовь къ родинѣ въ смыслѣ служенія великой задачѣ просвѣщенія Русской земли. Его выступленія были не особенно часты. Онъ какъ будто слѣдовалъ совѣту Конфуція, предостерегающему въ общеніи съ людьми отъ двухъ важныхъ ошибокъ: говорить прежде, чѣмъ это нужно, — и не говорить, когда это нужно. Но, высказывая на каѳедрѣ свои взгляды, онъ говорилъ сильно, съ рѣдкими жестами и обращеніями преимущественно къ той сторонѣ, откуда онъ ожидалъ или слышалъ возраженія и противоположное мнѣніе. Въ интонаціяхъ его могучаго голоса слышалась сдерживаемая внутренняя сила. Но его слово никогда не было рѣзкимъ и не содержало въ себѣ личныхъ выпадовъ. Онъ даже неоднократно заявлялъ, что поставилъ себѣ за правило, опровергая доводы „инако мыслящихъ“, никогда не называть послѣднихъ. Вынужденный опровергать какое-нибудь не согласное съ фактической правдой утвержденіе, онъ снисходительно примѣнялъ къ нему французскій терминъ: „une contre-verité“. Примѣры уваженія къ чужой личности и благородства въ пріе-

махъ борьбы, вынесенные имъ изъ годовъ пребыванія въ Англіи, сказывались въ его ораторской повадкѣ. Это проявлялось, между прочимъ, и въ отношеніи его къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыми прерывалъ его рѣчь предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ. Вдумчивый и справедливый судебный дѣятель, достойный въ этомъ качествѣ полнаго уваженія, онъ въ роли предсѣдателя Верхней Палаты, быть можетъ, подъ вліяніемъ нароставшаго недуга, сведшаго его въ могилу, бывалъ часто мрачно и подозрительно настроенъ, рѣзко и безъ разумнаго основанія прерывая говорившихъ, — между которыми бывали люди весьма пожилые и съ большими государственными заслугами, — тономъ, носившимъ всѣ признаки, такъ называемаго „обрыванія". Добродушная улыбка озаряла при этихъ остановкахъ лицо Ковалевскаго; съ явной ироніей въ голосѣ заявлялъ онъ, что подчиняется тому, что сказано предсѣдателемъ, и продолжалъ развивать свои доводы. Одна изъ такихъ остановокъ была довольно характерна. Возражая противъ замѣны закона мѣстными обязательными постановленіями, Ковалевскій сказалъ: „Государственныя пользы и нужды обдумываются и рѣшаются органами законодательной власти и не должны затѣмъ снова оцѣниваться и разсматриваться, какъ открытый вопросъ, семьюдесятью или восемьюдесятью администраторами. Цѣлость и единство Имперіи требуютъ, чтобы законъ, дѣйствующій въ Петербургѣ, считался закономъ и въ Ялтѣ, и въ Вологдѣ. Въ этомъ состоитъ различіе закономѣрнаго строя и строя революціоннаго. Только необыкновеннымъ смѣшеніемъ понятій можно объяснить призывы къ отступленію отъ законовъ въ интересахъ мнимаго спасенія государства, какъ это дѣлалось въ эпоху террора и коммуны". — „Прошу не упоминать ни о французской коммунѣ, ни о террорѣ", рѣзко остановилъ его предсѣдатель. „Я только съ осужденіемъ", замѣтилъ Ковалевскій. — „Если вы желаете говорить по вопросу, — раздраженно продолжалъ предсѣдатель, — то оставайтесь въ рамкахъ, въ которыя онъ вложенъ: высокое собраніе не нуждается въ лекціяхъ". — „Совершенно подчиняюсь распоряженію предсѣдателя", отвѣтилъ Ковалевскій, но это не удовлетворило суроваго блюстителя дисциплины. „Покорнѣйше прошу подчиниться безусловно моему распоряженію. Не угодно ли продолжать!" — „Позвольте привести слова, сказанныя Бенжаменомъ Констаномъ о строгомъ исполненіи закона", продолжаетъ дальше Ковалевскій, но предсѣдатель окончательно выходитъ

изъ себя. „Вы опять продолжаете свое? — восклицаетъ онъ. — Если вы не подчинитесь моему распоряженію, я васъ лишу слова". — „Я ссылаюсь на общеизвѣстный авторитетъ", замѣчаетъ Ковалевскій. „Пререканій нѣтъ, Максимъ Максимовичъ, — рѣшительно заявляетъ предсѣдатель. — Я допускаю полную свободу слова, но въ предѣлахъ и порядкѣ, мною указанныхъ".

Такіе и имъ подобные „инциденты" не могли, конечно, огорчить или сильно взволновать Ковалевскаго, знавшаго цѣну себѣ и своимъ „лекціямъ". Они могли вызывать въ немъ лишь понятное и не лишенное юмора недоумѣніе. Гораздо тяжелѣе чувствовалъ онъ себя, когда ему пришлось послѣ трудныхъ и тяжелыхъ преній по важному законопроекту о расширеніи области высшаго образованія видѣть, что проектъ, который былъ допущенъ къ постатейному обсужденію, при чемъ послѣднее прошло по всѣмъ спорнымъ статьямъ большинствомъ голосовъ, вдругъ, совершенно неожиданно, къ удивленію многихъ и къ злорадству нѣкоторыхъ, отвѣтомъ на вопросъ: „принимается ли проектъ въ цѣломъ?" оказывался безусловно отвергнутымъ.

Вообще надо признать, что дѣятельность М. М. Ковалевскаго въ нашей Верхней Палатѣ въ общихъ ея собраніяхъ и въ разныхъ постоянныхъ и временныхъ комиссіяхъ была очень активна. Ей посвящалъ онъ много своего, и безъ того перегруженнаго работой, времени, спѣша въ засѣданія нерѣдко изъ какой-нибудь отдаленной окраины Петрограда, гдѣ передъ тѣмъ читалъ очередную лекцію своего курса. Только рѣдкое и при томъ серьезное его нездоровье лишало возможности видѣть его крупную фигуру на одномъ изъ крайнихъ мѣстъ, занятыхъ представителями академической группы. Значительная часть его работы проходила въ Комиссіи законодательныхъ предположеній, куда онъ постоянно избирался въ началѣ каждой сессіи, нерѣдко одновременно съ Д. Д. Гриммомъ. Эта работа, не видная не только для постороннихъ, но и для большинства членовъ Совѣта, не вошедшихъ въ составъ комиссіи, вліяя иногда на окончательные выводы по тому или другому вопросу, не оставляла осязательнаго слѣда въ редакціи ея соображеній. Случаи, когда Ковалевскій оставался при особомъ письменномъ мнѣніи, бывали рѣдко, такъ какъ онъ предпочиталъ выступать противъ нераздѣляемыхъ имъ положеній, принятыхъ комиссіей, въ общемъ собраніи. Отчеты о засѣданіяхъ послѣдняго

содержатъ въ себѣ, за послѣднія восемь лѣтъ, около 35 его рѣчей и столько же подписей подъ предложенными по обсуждавшимся законопроектамъ поправками. Излишне перечислять эти рѣчи, — достаточно отмѣтить важнѣйшіе вопросы, которыхъ онѣ касались. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ указать на неоднократныя разъясненія Ковалевскимъ правъ законодательныхъ учрежденій и условій ихъ дѣятельности. Онъ предостерегалъ отъ поспѣшнаго и слишкомъ широкаго примѣненія 87 ст. Основныхъ Законовъ, настаивая на томъ, что для правильнаго приложенія ея къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ необходимо, чтобъ таковыя были дѣйствительно чрезвычайными, очевидно и властно требующими неотложныхъ мѣръ, откладывать которыя нельзя, не рискуя общественнымъ благомъ и безопасностью. Въ томъ, что дѣйствіе такихъ мѣръ прекращается, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по открытіи Государственной Думы въ нее не будутъ внесены соотвѣтствующіе законопроекты, онъ не видѣлъ особаго обезпеченія правильности, обдуманности и цѣлесообразности этихъ мѣръ. Возобновленіе занятій Государственной Думы можетъ состояться на много мѣсяцевъ позже принятія не вызываемой дѣйствительно чрезвычайными обстоятельствами мѣры, и послѣдняя въ этотъ промежутокъ можетъ въ правовой и практической жизни общества пустить такіе цѣпкіе корни и произвести такія измѣненія сложившихся отношеній, что отмѣна ея явится новой и тягостной въ своемъ осуществленіи ломкой. Горячо отстаивая преимущества закона передъ временною мѣрой, онъ говорилъ: „все установленное прочно въ юридической литературѣ отправляется отъ той мысли, что при управленіи государствомъ, какова бы ни была его форма, надо класть въ основу законъ, а не широко и произвольно толкуемую необходимость. Я присутствовалъ однажды въ нѣмецкомъ рейхстагѣ во время произнесенія канцлеромъ имперіи графомъ Бисмаркомъ одной изъ его знаменитыхъ рѣчей. Она заканчивалась слѣдующимъ заявленіемъ: „Господа, вы имѣете во мнѣ человѣка, который готовъ подчинять свою личную волю и личное усмотрѣніе закону, благу страны и сохраненію внутренняго мира въ государствѣ“. Поэтому Ковалевскій совѣтовалъ лѣчить больные общественные порядки не наскоро, не въ смутныя эпохи, а въ эпохи относительнаго затишья, — предусмотрительно и основательно, согласно коренному правилу здраваго управленія: „gouverner c'est prévoir“. Смущала его, на ряду съ

поспѣшностью „мѣропріятій“, медлительность нашего нормальнаго законодательства, вслѣдствіе которой мы, какъ я выразился при обсужденіи проекта подоходнаго налога, страдаемъ „болѣзнью законодательнаго долготерпѣнія“. Въ энергической рѣчи по вопросу о страхованіи рабочихъ, возникшему еще въ 1893 году, онъ нарисовалъ картину той нерѣшительности, съ которой у насъ приступаютъ къ работамъ по удовлетворенію давно назрѣвшихъ нуждъ, своевременное вниманіе къ которымъ могло бы предотвратить многія печальныя явленія въ настоящемъ и будущемъ. Указывая на обычное у насъ откладываніе разрѣшенія отдѣльныхъ и важныхъ задачъ подъ предлогомъ необходимости разрѣшить сразу весь разносторонній и много лѣтъ неподвижно лежащій вопросъ во всемъ его объемѣ, онъ говорилъ: „удобно ли намъ сказать: мы рабочей нуждой заниматься будемъ только тогда, когда тридцать лѣтъ, прошедшія для рабочаго законодательства если не вполнѣ безплодно, то, во всякомъ случаѣ, не столь плодовито, какъ можно было желать, восполнятся еще нѣсколькими годами, а, можетъ быть, десятилѣтіемъ. Въ интересахъ единства нашего законодательства, изъ желанія не упустить ни одного вида труда при проведеніи законодательства о страхованіи, повременимъ еще десять лѣтъ, послѣ чего мы, авось, наконецъ, рѣшимся издать общій законъ о страхованіи. Я думаю, что это было бы неблагоразумно. Рѣшеніе государственныхъ вопросовъ происходитъ теперь въ Россіи на глазахъ у всѣхъ. Все, что здѣсь говорится, что здѣсь обнародывается, что здѣсь рѣшается, становится достояніемъ милліоновъ людей. И я не желалъ бы, чтобы эти милліоны вынесли то впечатлѣніе, что народныя нужды, справедливые запросы рабочихъ массъ — величина, не имѣющая значенія въ глазахъ людей, которые, какъ вы, господа, призваны раздѣлить законодательную дѣятельность съ Монархомъ“.

Статьями 107 и 108 Законовъ Основныхъ Государственному Совѣту предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ Основныхъ, — а также обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій какъ ихъ самихъ, такъ и подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Этими драгоцѣнными правами, могущими внести особую жизненность въ дѣятельность Верхней Палаты и придать ей независимое отъ представленій мини-

стровъ, проходящихъ черезъ Государственную Думу, значеніе, нашъ Государственный Совѣтъ почти вовсе не пользуется. Не хочется думать, что старыя бюрократическія соображенія о томъ, ловко ли, удобно ли своевременно ли, — играютъ и здѣсь роль, но за время существованія нашего обновленнаго строя нельзя насчитать болѣе двухъ-трехъ законодательныхъ предположеній, возникшихъ по почину Государственнаго Совѣта, а въ теченіе девяти послѣднихъ лѣтъ были лишь два запроса: по поводу „Хрестоматіи" Тулупова и Шестакова и обнародованія закона о западномъ земствѣ въ порядкѣ 87 ст. Зак, Осн. послѣ того, какъ проектъ о немъ былъ отвергнутъ голосованіемъ Совѣта. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣднему запросу — о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя Совѣта министровъ — предшествовали непріятныя служебныя послѣдствія, связанныя съ этими дѣйствіями для нѣкоторыхъ изъ членовъ вліятельной въ Совѣтѣ партіи. Между тѣмъ нельзя отрицать, что за этотъ періодъ времени наша государственная жизнь и общественный бытъ представляли не разъ не только достаточныя, но и настоятельныя данныя для законодательнаго почина и для запросовъ даже и при предположеніи олимпійскаго равнодушія къ потребностямъ страны и къ правовому положенію ея. По поводу недружелюбнаго и даже пугливаго отношенія нѣкоторыхъ къ почину Верхней Палаты мнѣ невольно вспоминается, какъ одинъ изъ вновь назначенныхъ въ первые годы обновленнаго строя членовъ высокаго собранія, человѣкъ ученый и имѣвшій въ своей области знанія не меньшій авторитетъ, чѣмъ Ковалевскій въ своей, на мое заключеніе о цѣнности права законодательнаго почина, съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнулъ: „нѣтъ, нѣтъ! Только безъ почина! зачѣмъ еще это?!". Находя, что путемъ соглашенія обѣихъ палатъ можно бы значительно ускорить наше законодательство, распредѣливъ по отдѣльнымъ вопросамъ починъ между ними, Ковалевскій говорилъ: „У насъ получается то впечатлѣніе, что Государственный Совѣтъ не вѣритъ въ то, что его самодѣятельность дала бы какіе-нибудь результаты, Были такія эпохи въ жизни и другихъ парламентовъ, между прочимъ англійскаго, когда отъ правительства было заявляемо ему, что свобода преній въ высшемъ собраніи состоитъ не въ томъ, „чтобы каждый самонадѣянный болтунъ говорилъ все, что вздумаетъ, а въ томъ, чтобы отвѣчать на предложенія правительства: да, да, нѣтъ, нѣтъ". Эта точка

зрѣнія не устояла, и англійская парламентская свобода основана именно на отрицаніи этой точки зрѣнія. Когда опытъ доказываетъ, что наши скромныя „пожеланія“ совершенно не принимаются въ расчетъ объединеннымъ правительствомъ, неужели намъ предстоитъ сложить оружіе и отказаться отъ почина и отъ разсмотрѣнія работъ нашихъ же собственныхъ комиссій?“ Рядъ рѣчей посвященъ имъ и волновавшему наши палаты вопросу объ аграрномъ законодательствѣ, поставленному ребромъ въ проектѣ закона о землеустройствѣ. Ковалевскій не стоялъ безусловно за сохраненіе сельской общины въ томъ видѣ, какъ ее создало Положеніе 19 февраля 1861 года; напротивъ, онъ высказывался за свободный выходъ изъ общины, воспрещенный въ 1893 году еще недавно дѣйствовавшимъ закономъ, но его смущало то, что онъ называлъ „разрухой сельской земельной общины и семейной собственности“. Первая изъ этихъ „разрухъ“ должна, по его мнѣнію, „пойти на пользу того сельскаго мѣщанства, которое еще недавно, слѣдуя народному говору, уничижительно называли кулаками и міроѣдами, — которыхъ теперь называютъ хозяйственными мужичками, — которыхъ мы скоро назовемъ помѣщиками, у которыхъ если не въ первое, то во второе поколѣніе окажутся несомнѣнныя заслуги предковъ и которыхъ поэтому переведутъ въ ряды дворянства. Да, число дворянъ будетъ увеличено, и многіе изъ этихъ дворянъ обогатятся не только за счетъ крестьянъ, у которыхъ они могутъ скупать по закону 6 надѣловъ, а на практикѣ скупятъ, разумѣется, несравненно больше, но и за счетъ помѣщиковъ болѣе ранней формаціи, у которыхъ обезземеленіе началось уже давно“. Возражая противъ заявленія, что усиленное, сопряженное съ упраздненіемъ общины, члены которой въ теченіе 24 лѣтъ не знали передѣловъ, созданіе мелкихъ личныхъ собственниковъ „подорветъ несогласныя съ сохраненіемъ порядка стремленія, пробудившіяся въ русскомъ крестьянствѣ“, онъ приводилъ рядъ подобныхъ опытовъ, предпринятыхъ въ различныя эпохи и въ различныхъ странахъ, оказавшихся совершенно безплодными. Рисуя картину перехода крестьянъ отъ малоземелья къ безземелью подъ вліяніемъ массы неблагопріятныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій и при отсутствіи законодательныхъ мѣръ для предотвращенія безработицы, слѣдствіемъ чего явится чрезвычайное развитіе пролетаріата, онъ спрашивалъ: „готовы ли мы, въ настоящее время, считаться съ послѣдствіями этого обстоятельства?“ Горячо защищая, такъ называемую, семейную собствен-

ность и ссылаясь на законы, дѣйствующіе въ южно-славянскихъ земляхъ, закрѣпляющіе существованіе „задруги“, на „сябровъ“ Литовскаго статута и „складничество“ старой Руси, на существованіе въ купеческомъ быту, близкомъ къ народному, „приписки къ капиталу“, на изслѣдованія Пахмана по обычному праву и, наконецъ, на взгляды ряда ученыхъ и оберъ-прокурора второго департамента сената Тютрюмова, онъ говорилъ, что дорожитъ семейной собственностью, между прочимъ, потому, что она принимаетъ подъ свою охрану интересы женщины, матери и жены гораздо болѣе, чѣмъ писаное право. Упраздненіе ея было бы величайшею несправедливостью по отношенію къ русской женщинѣ, которая въ виду отхожихъ промысловъ и воинской повинности мужа весьма часто является фактической домохозяйкой, которую нельзя послать на всѣ четыре стороны... Рѣчи Ковалевскаго по аграрному вопросу были сведены имъ, — въ отвѣтъ на намеки на то, что онъ, стоявшій всегда за свободолюбивыя рѣшенія, высказываетъ неожиданно консервативные взгляды, — къ слѣдующему конечному выводу: „Предоставьте самимъ заинтересованнымъ, сообразно обстоятельствамъ самымъ различнымъ, столько же климатическаго, сколько и общественнаго характера, связаннымъ также съ уровнемъ ихъ умственнаго развитія и подготовкой, полученной ими въ сельскомъ хозяйствѣ, — предоставьте имъ самимъ рѣшить — выйти ли имъ въ собственники или, по крайней мѣрѣ, въ семейные совладѣльцы или остаться имъ въ составѣ міра. Пойти далѣе и продолжать систему правительственной опеки было бы опасно, — опасно, и для тѣхъ, надъ которыми мы будемъ мудрить, опасно и для мудрящихъ“.

Въ рѣчахъ объ отношеніи церкви къ государству, о свободѣ совѣсти, о сокращеніи праздничныхъ и неприсутственныхъ дней и объ упраздненіи ограниченій, связанныхъ со сложеніемъ священнослужителями своего сана, Ковалевскій являлся всегда выразителемъ широкихъ и человѣчныхъ взглядовъ. Онъ подкрѣплялъ ихъ не только краснорѣчивыми примѣрами изъ исторіи и законодательства западныхъ православныхъ государствъ, но и ссылками на ученія церковноучителей, какъ Лактанцій и Тертулліанъ, и на взгляды людей, высоко чтившихъ задачи и завѣты православной церкви, какъ Юрій Самаринъ и Иванъ Аксаковъ, а также чрезвычайно интересными личными наблюденіями надъ горцами Кавказа, считающимися христіанами, но вся вѣра которыхъ, повидимому, сво-

дится къ смутному представленію о св. Николаѣ Чудотворцѣ. Противъ отмѣны ограниченій, которыми для вдоваго, больного, усомнившагося въ своемъ призваніи священника обставлено оставленіе имъ своего сана, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта было настойчиво выставляемо опасеніе, чтобы при снятіи этихъ ограниченій „люди злонамѣренные, настроенные въ смыслѣ враждебномъ къ существующему общественному и государственному строю, не поспѣшили бы вступить въ ряды священства, зная, что, когда они оставятъ эти ряды, ничто не помѣшаетъ имъ поступить на государственную службу“. „Я этихъ опасеній не раздѣляю, — сказалъ не безъ ироніи Ковалевскій, — и по понятной причинѣ: люди, которые идутъ въ народъ для того, чтобы распространять ученія, несогласныя съ существующимъ государственнымъ или общественнымъ строемъ, очевидно, всего менѣе озабочены мыслью о поступленіи въ будущемъ на государственную службу; они преслѣдуютъ свои цѣли, но въ число этихъ цѣлей занятіе мѣста на государственной или общественной службѣ не входитъ“.

По поводу сокращенія праздничныхъ дней, столь необходимаго для производительности народнаго труда, ему снова пришлось защищать права закона предъ узаконеніемъ усмотрѣнія. Составители проекта сокращенія предполагали предоставить вѣдомству народнаго просвѣщенія установлять для учебныхъ заведеній особые праздничные дни сверхъ имѣющихъ быть обозначенными въ законѣ. „Вопросъ о присутственныхъ и неприсутственныхъ дняхъ, господа, — сказалъ Ковалевскій, — есть вопросъ государственной важности, и только законодательныя учрежденія государства призваны высказывать на этотъ счетъ свое мнѣніе. Нельзя отказаться отъ мысли, что найдутся черезчуръ услужливые, ну, скажемъ, директора гимназій, которые признаютъ общегосударственное значеніе за днемъ рожденія министра народнаго просвѣщенія или главы правительства. Что же, предоставить ли имъ въ этомъ отношеніи полный просторъ? Я думаю, въ этомъ не является никакой необходимости; законъ пишется для всѣхъ, и я не вижу, почему часть законодательныхъ функцій, хотя бы болѣе спеціальнаго характера, должна была бы быть передана директорамъ гимназій, ректорамъ университетовъ, начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, а не осталась бы всецѣло за законодательными учрежденіями“. — И задачи уголовной юстиціи нашли себѣ оцѣнку въ рѣчахъ Ковалевскаго объ условномъ осужденіи, условномъ освобожденіи, от-

мѣнѣ административной гарантіи по преступленіямъ должности и о судѣ присяжныхъ. Настаивая на отмѣнѣ административной гарантіи для должностныхъ лицъ, нерѣдко ведущей къ ихъ полной безнаказанности, онъ выступилъ съ горячей защитой суда присяжныхъ, основываясь на вѣковомъ опытѣ Англіи и блестяще аргументируя постановленіями совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, признавшихъ еще въ 1894 году, что это судъ жизненный имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, честно и стойко выдержавшій тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель.

Когда обсуждался прошедшій черезъ Государственную Думу проектъ объ установленіи общеимперскаго законодательства для Финляндіи и заключающійся въ немъ перечень тѣхъ отраслей управленія этой частью Имперіи, на которыя должно распространиться такое законодательство, Ковалевскій, признавая, что русскіе подданные должны пользоваться въ Финляндіи одинаковыми съ мѣстными гражданами правами, а послѣдніе должны нести расходы на оборону государства во всей его совокупности, представилъ вѣскія возраженія противъ содержанія этого перечня. Онъ находилъ, что подъ предлогомъ объединенія не слѣдуетъ налагать руку на бытовой укладъ и сложившіяся условія правовой жизни страны, подводя подъ перечень, который при томъ былъ объявленъ лишь примѣрнымъ, почти всю ея законодательную дѣятельность, предоставляя ей ограничиваться лишь тѣмъ, что французы называютъ „les intérêts du clocher". Какъ ученый и представитель Академіи Наукъ, онъ остроумно возражалъ противъ запроса по поводу книги, въ которой антимилитаризмъ, какъ политическій лозунгъ, близоруко смѣшивался съ облеченными въ поэтическую форму мечтаніями о томъ, что настанетъ предсказанное пророкомъ Михеемъ время, когда мечи будутъ перекованы въ рала, или съ приводимымъ Пушкинымъ упованіемъ Мицкевича на „времена, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся". — Въ интересахъ справедливости, онъ при преніяхъ объ авторскомъ правѣ настаивалъ на вознагражденіи иностранныхъ авторовъ со стороны переводчиковъ или издателей, доказывая, что вопли противъ этого положенія, впервые выдвинутаго И. С. Тургеневымъ, исходятъ не отъ авторовъ научныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій, а отъ поставщиковъ сенсаціонныхъ рома-

новъ и т. п., съ переводною стряпнею которыхъ „вовсе не связанъ поступательный ходъ знаній въ Россіи". Наконецъ, вѣрный своему взгляду на законъ и личное усмотрѣніе, онъ въ интересахъ просвѣщенія ходатайствовалъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ объ установленіи права воспитанниковъ духовныхъ семинарій, кадетскихъ корпусовъ и реальныхъ училищъ поступать въ университетъ въ законѣ, взамѣнъ предоставленія министру народнаго просвѣщенія циркуляромъ разрѣшать тѣмъ или другимъ такое поступленіе... Я говорилъ выше, какая судьба постигла это ходатайство.

Если бросить взглядъ на роль и работу Ковалевскаго въ Государственномъ Совѣтѣ, то нельзя не признать жестокости удара, нанесеннаго смертью его законодательнымъ трудамъ этого учрежденія. Когда минетъ война, а, быть можетъ, и ранѣе послѣднему будетъ предстоять разсмотрѣніе проектовъ о свободѣ печати, о неприкосновенности личности и по цѣлому ряду національныхъ и вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Какую цѣну имѣлъ бы здѣсь голосъ Ковалевскаго, въ которомъ слышался бы опытъ автора, редактора и издателя, уваженіе къ кореннымъ гражданскимъ правамъ человѣка и истинное пониманіе свободы совѣсти, не замѣняемой суррогатомъ свободы вѣроисповѣданія! Уже теперь стоятъ на ближайшей очереди проекты объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за преступленія должности и за причиненные ими убытки, о реформѣ устарѣлаго устройства Сената, не согласнаго съ его достоинствомъ и значеніемъ, и о военной цензурѣ...

Просвѣщенный взглядъ Ковалевскаго на его житейскія задачи, глубокое пониманіе долга передъ родиной, отсутствіе тупой нетерпимости къ людямъ другихъ мнѣній, если послѣднія истекаютъ лишь изъ ошибочнаго, но чистаго источника, умѣнье распознавать душу человѣка подъ наклееннымъ на него враждебною или предательской „дружеской" рукой ярлыкомъ — дѣлали невозможною личную къ нему вражду. И, дѣйствительно, личныхъ враговъ Максимъ Максимовичъ, повидимому, не имѣлъ. Напротивъ, почти каждый, кто встрѣчался съ нимъ, подпадалъ подъ вліяніе свѣта его ума и теплоты его сердца и начиналъ чувствовать къ нему живую привязанность. Въ отзывахъ о немъ всегда слышалось такое невольное расположеніе. Говоря о немъ, многіе называли его попросту „Максимомъ", подобно тому, какъ старые московскіе студенты звали своего любимаго, высоко даровитаго и своеобразнаго профессора римскаго права Крылова —

„Никитой“, влагая въ это слово представленіе о комъ-то близкомъ и дорогомъ, къ которому не хочется заочно обращаться въ общепринятой и безразличной по отношенію ко всѣмъ формѣ. Но въ общественной своей дѣятельности онъ испыталъ „месть враговъ и клевету друзей“ и горькія разочарованія, столкнувшись не разъ съ умышленнымъ или невѣжественнымъ непризнаніемъ его труда и заслугъ. Особенно сильный ударъ былъ нанесенъ ему въ разгарѣ его профессорской дѣятельности въ Москвѣ. Послѣ десятилѣтняго преподаванія (1877—1887) сравнительной исторіи права, государственнаго права иностранныхъ государствъ и исторіи политическихъ ученій, при чемъ онъ, проводя идеи государственной мудрости, указывалъ молодежи, въ чемъ справедливость, гдѣ ея пути и какъ слѣдуетъ идти по нимъ, онъ былъ уволенъ отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія безъ прошенія. Избавленный судьбою отъ необходимости искать себѣ насущный заработокъ, онъ увидѣлъ, что на родинѣ для работы въ привлекавшей его силы и симпатіи области ему закрытъ путь, — и уѣхалъ за границу. Тамъ — въ Англіи, Франціи, Швеціи и даже Америкѣ — для русскаго ученаго нашлись и каѳедры, и успѣхъ, и заслуженное уваженіе, но мысль его была постоянно обращена къ родинѣ. Онъ вернулся домой при первой возможности свободно приступить къ любимому и самому разнообразному просвѣтительному труду. Послѣднія девять лѣтъ его пребыванія въ Россіи были сплошнымъ служеніемъ родинѣ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ — словомъ и дѣломъ, лекціями и публичными чтеніями, руководительствомъ и предсѣдательствомъ въ ученыхъ собраніяхъ, — работами публицистическаго, литературнаго и научнаго характера и т. д. Можно безъ преувеличенія сказать, что весь день и, вѣроятно, часть ночи были у него заняты трудовымъ образомъ, и нельзя не удивляться, когда онъ находилъ возможность еще слѣдить за текущей печатью и научными новостями, редактируя въ то же время и издавая вновь свои многочисленныя сочиненія. И на всемъ, что онъ дѣлалъ, виденъ былъ пламень его самостоятельной, независимой мысли. Но давно уже сказано, что всякое пламя приноситъ себя въ жертву: чѣмъ ярче оно пылаетъ, тѣмъ скорѣе потухнетъ. Эту мысль, очевидно, отгонялъ отъ себя Ковалевскій, но послѣдствія его дѣятельности безъ отдыха и срока для его физическихъ силъ сказывались сами собою и вызывали ежегодныя поѣздки за границу съ лѣчебною цѣлью,

Послѣдняя изъ нихъ, въ 1914 году, была, во многихъ отношеніяхъ, роковою. Ему пришлось быть безсильнымъ и связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, даже заподозрѣннымъ въ „панславистскомъ коварствѣ", быть свидѣтелемъ того, какъ волна искусственно возбужденнаго ожесточенія смывала пріобрѣтенія человѣческой культуры и залоги ея дальнѣйшаго духовнаго развитія, стремясь „обезпощадить" людское сердце. И на родинѣ онъ уже не засталъ пережитаго безъ него общаго единодушнаго общественнаго подъема, направленнаго къ одной цѣли и внушаемаго горячимъ желаніемъ встать на защиту права противъ насилія, слабаго противъ сильнаго. Ему, кромѣ того, многіе мѣсяцы пришлось ожидать возможности систематически работать по законодательнымъ вопросамъ — и въ то же время видѣть и ежедневно чувствовать, какъ растетъ въ нѣкоторыхъ слояхъ и группахъ общества корыстное стремленіе использовать войну для собственной наживы, съ какимъ безстыдствомъ съ забвеніемъ страданій защитниковъ родины, развивается вакханалія роскоши и грубыхъ наслажденій и нагло осуществляется совѣтъ: „ловить моментъ!" — Онъ умѣлъ относиться къ многозначительнымъ явленіямъ жизни всегда серьезно, никогда трагически, но, конечно, переживаемое имъ въ послѣдній годъ въ связи съ воспоминаніями о томъ, что лучшія семнадцать лѣтъ своей жизни онъ вынужденъ былъ работать на чужбинѣ, — объ этой una sub pectore cuncta vetustas, — не могли не угнетать его усталое и больное сердце... И оно перестало биться...

1 Апрѣля 1916 г. А. Θ. Кони.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ.

...Смерть всѣхъ уравниваетъ, но всякій смертный умираетъ по-своему.

Максимъ Ковалевскій умиралъ тяжело и горестно, но безъ страха и трепета, съ умилительною покорностью. И до послѣдняго вздоха сохранялъ онъ полноту сознанія и ясность мысли.

Онъ прожилъ жизнь славную и яркую, — жизнь, которую — въ ея общественныхъ и политическихъ проявленіяхъ — я бы назвалъ „мудрою", если бы не зналъ, что къ титулу „мудреца" и всякимъ притязаніямъ на мудрость покойный всегда относился со свойственною ему веселою ироніей.

Реалистъ и эмпирикъ по складу ума, позитивистъ по убѣжденію, онъ былъ весь земной и „здѣшній" и принималъ міръ, какъ онъ есть, — не съ огульнымъ осужденіемъ или огульнымъ примиреніемъ мыслителя-доктринера, а съ разборомъ и критикою необыкновенно-умнаго человѣка жизни, вооруженнаго обширными познаніями и умѣющаго судить и рядить по земному, — раціонально, осмотрительно, гуманно и справедливо.

Темныя стороны жизни, ея противорѣчія, все глупое и суетное, ей свойственное, въ извѣстной мѣрѣ скрашивались или обезвреживались въ его сознаніи примиряющею ироніей и благодушнымъ смѣхомъ.

Полный непосредственной жизнерадостности, одаренный исключительнымъ здравымъ смысломъ и широкимъ умомъ, превосходно приспособленнымъ къ оцѣнкѣ земныхъ интересовъ и дѣлъ, онъ — на всѣхъ поприщахъ, на какихъ ему приходилось выступать, — по праву являлся центральною фигурою, животворнымъ очагомъ, откуда исходили свѣтовые лучи мысли и тепловые лучи жизни. — Легче, бодрѣе, ве-

селѣе жилось въ общеніи съ нимъ, въ его присутствіи и даже вдали отъ него — при одномъ сознаніи, что гдѣ-то существуетъ этотъ большой человѣкъ съ искрящимся умомъ, съ неизмѣннымъ благодушіемъ, съ веселымъ и добрымъ смѣхомъ, съ избыткомъ заразительной жизнедѣятельности.

При нашей — русской — склонности къ унынію, апатіи и угрюмости, нашъ „Максимъ", какъ мы его величали, былъ символомъ радости бытія, — мы инстинктивно тянулись къ нему, какъ все живущее тянется къ теплу и свѣту...

Есть люди „со слезой", — Максимъ не принадлежалъ къ ихъ числу: онъ былъ человѣкъ съ улыбкой, смѣхомъ и шуткой. И, право, это — отличная дезинфекція... Съ нею, вопреки всему, какъ-то легче живется на свѣтѣ...

Но, конечно, и слезы имѣютъ свою цѣну, и даже большую. Конечно, безъ нихъ не обойтись... И вотъ сейчасъ мы плачемъ...

Плакалъ и онъ, умирая.

Онъ уходилъ изъ жизни съ глубокой смертной тоской. Когда, по его просьбѣ, ему прочитали лермонтовскаго „Ангела", — при заключительныхъ строкахъ: „и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли", онъ разрыдался.

Можно догадываться: ему стало жаль „скучныхъ пѣсенъ земли", — и въ этотъ мигъ, вслѣдъ за стихами Лермонтова, воскресли воспоминанія дѣтства, и возникъ образъ матери, которую онъ горячо и свято любилъ...

„Ради памяти матери" (какъ объяснилъ онъ намъ) онъ пригласилъ священника.

И онъ сказалъ служителю церкви: „усталъ — хочу видѣть мать"...

Онъ не былъ ни атеистъ, ни матеріалистъ, ни отрицатель потусторонняго бытія: онъ былъ позитивистъ, склонный къ агностицизму, — къ точкѣ зрѣнія, не исключающей домысловъ о потустороннемъ мірѣ, о возможности загробныхъ свиданій...

Не будучи религіозной натурой въ тѣсномъ смыслѣ и далекій отъ всякой мистики, онъ принималъ религію потому, что принималъ жизнь: вѣдь религія — дѣло жизни. И еще потому, что, какъ соціологъ и историкъ культуры, онъ хорошо понималъ міровую необходимость религіи.

Въ этомъ глубоко-трогательномъ эпизодѣ онъ оставался вѣренъ себѣ. Онъ умиралъ по-своему — какъ жилъ по-своему,— человѣкомъ „внѣпартійнымъ", человѣкомъ внутренне-свобод-

нымъ, которому чуждо все узко-доктринерское, все сектантское...

...Страха смерти не было. Была только глубокая предсмертная тоска и жажда жизни. По временамъ вспыхивала робкая надежда, быстро угасавшая. Онъ чувствовалъ, что уходитъ. И переносилъ это чувство съ незауряднымъ мужествомъ...

Выраженіе его лица говорило о покорности... Какъ живой, лежалъ онъ въ гробу, примиренный съ покоемъ и безмолвіемъ смерти...

Д. Овсянико-Куликовскій.

МЫ ПРОСНЕМСЯ.

(ПОВѢСТЬ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ [1].)

ГЛАВА XV.

Изъ полка Слонимовъ на другой день до завтрака заѣхалъ къ Маврикію Нелькену на Невскій. Здѣсь у него былъ очень крупный онкольный счетъ, который таялъ не по днямъ, а по часамъ. Утромъ онъ уже видѣлъ биржу въ „Новомъ Времени", видѣлъ то же самое наканунѣ въ вечерней газетѣ и зналъ, что его „нефтяныя" и „металлургическія" еще свалились на нѣсколько десятковъ рублей или рублей каждая. Онъ сильно игралъ на биржѣ, какъ только получилъ въ распоряженіе состояніе Вѣры, и, сильно сразу проигравъ, теперь хотѣлъ отыграться.

Одинъ „знакомый финансистъ" посовѣтовалъ ему реализовать то, что у него было прежде, и пріобрѣсти новыя бумаги. Онъ послушался. Потерялъ тысячъ двадцать и теперь, вмѣсто того, чтобы отыгрываться, терялъ съ каждымъ днемъ все больше.

Всѣ говорили, что такое положеніе на биржѣ не можетъ оставаться, — что бумаги падали, падали и дальше падать имъ было некуда. А бумаги еще понижались, еще обезцѣнивались, какъ никогда прежде, по совершенно неизвѣстнымъ публикѣ причинамъ. Слонимовъ за послѣдніе два мѣсяца часто не спалъ ночей, скрывая отъ Вѣрочки истинное положеніе дѣлъ, или искалъ забвенія въ выпивкѣ или даже картахъ. Пошло особенно плохо въ послѣдній мѣсяцъ. Было потеряно незамѣтно и быстро около 60 тысячъ рублей, и Слонимовъ приходилъ въ отчаяніе, представляя себѣ ту огромную сумму

---

[1]) См. Мартъ, стр. 5.

жениныхъ денегъ, въ сто тысячъ, которую онъ уже успѣлъ пропустить съ тѣхъ поръ, какъ женился. Надо было вернуть эти деньги, во что бы то ни стало. Надо было отыграться, иначе онъ не успокоится никогда.

У Нелькена франтоватый молодой человѣкъ, завѣдывавшій „онколемъ“, отнесся и на этотъ разъ совершенно спокойно къ паденію биржевыхъ бумагъ и сталъ увѣрять Слонимова, что это паденіе временное; онъ сказалъ, что, безъ сомнѣнія, черезъ недѣлю-другую „картина должна рѣзко измѣниться“. Что было дѣлать? Не реализировать же опять съ громаднымъ убыткомъ всѣ цѣнности безъ всякой надежды въ будущемъ вернуть потерянное? Конечно, было лучше еще рисковать, ждать, выдерживать. Безъ выдержки нѣтъ биржевой игры. Безъ риска нѣтъ ни выигрыша, ни отыгрыша. Бумаги не могутъ упасть ниже своей стоимости. Все благополучно на политическомъ горизонтѣ. Балканы успокоились. Съ Австріей примиреніе. Германія спокойна. Тройственное согласіе прочно, какъ никогда. Дальній Востокъ молчитъ. Урожай удовлетворительный.

И Слонимовъ, „обдумавъ“ всѣ данныя, немножко успокоился и поѣхалъ къ Кюба завтракать. Онъ рѣшилъ выпить три рюмки лимонной водки сразу, чтобы сразу же стало спокойнѣе на сердцѣ. Онъ жилъ въ это время въ водоворотѣ, въ суетѣ, въ какомъ-то безумномъ вихрѣ, когда человѣку нѣтъ возможности не только мыслить спокойно, но вообще нѣтъ возможности мыслить. Все „все равно“ въ этомъ состояніи. Куда-нибудь этотъ вихрь примчитъ. „Ну, потеряемъ половину состоянія, — думалъ Слонимовъ, — всѣ наши деньги, все же останется у насъ домъ и имѣнія, которыя пока еще въ общемъ владѣніи съ Дмитріемъ. Опять-таки будемъ людьми, и людьми состоятельными“. Но ему все же было обидно, обидно до сердечной боли, что, вмѣсто выигрыша, онъ проигралъ, что его мечты о богатствѣ, о конскомъ заводѣ, о собственномъ особнякѣ не осуществились и теперь, можетъ быть, никогда не осуществятся. Онъ говорилъ женѣ: „Какое у насъ состояніе? Нищенское! Вотъ посмотри на А. или на Б.! это я понимаю! Двѣсти тысячъ годового дохода!“

Его жадность не имѣла предѣловъ.

Послѣ трехъ рюмокъ лимонной у Кюба, Слонимовъ почувствовалъ, что натянутые нервы его немножко успокоились. Онъ встрѣтилъ знакомыхъ офицеровъ и сталъ пить съ ними красное вино и говорить о сегодняшнихъ бѣгахъ.

XVI.

У Вѣрочки была только одна настоящая радость, которой она жила, — она готовилась быть матерью.

Сколько часовъ, сколько дней и ночей она только и думала, только и мечтала, что о „немъ"! Этотъ новый „онъ" былъ ея будущій сынъ, котораго она желала и ждала, которому тайно готовилась посвятить всю свою жизнь. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ дальше она, душой и тѣломъ, отходила отъ мужа и тѣмъ ближе подходила къ своему будущему ребенку. Физически она чувствовала себя плохо. „Привычныя", какъ говорится, отношенія съ мужемъ стали ей невыносимы, а она изо всѣхъ силъ сдерживала себя, чтобы не отталкивать его, чтобы не сердиться на него, когда онъ начиналъ „странно" улыбаться и посмѣиваться; когда же онъ вдругъ цѣловалъ ее въ губы долгимъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ, она тайно ненавидѣла его, но отдавалась, чтобы удержать его подлѣ себя, чтобы онъ не уѣхалъ играть или, можетъ быть, къ женщинамъ. Вѣра была худа, блѣдна и сильно подурнѣла. Внутри она была неспокойна, чувствуя безпокойство мужа и, хотя знала, что это безпокойство его отъ плохого состоянія дѣлъ, не хотѣла вмѣшиваться въ нихъ, говоря себѣ, что, все равно, это ни къ чему не поведетъ. Она утѣшалась мыслью, какъ и онъ, что все же у нихъ что-нибудь останется.

Наступилъ конецъ мая, и полкъ Слонимова ушелъ въ лагерь.

Вѣрочка съ Марьей Густавовной на лѣто переѣхала въ Павловскъ.

Лѣто прошло быстро, какъ одинъ мѣсяцъ, и вотъ опять въ городъ, опять дождь и слякоть и та же столичная жизнь. Отъ Дмитрія за все это время Вѣра получила еще весной одно только письмо изъ Испаніи, въ которомъ онъ какъ будто мирился съ ея замужествомъ, „разъ она ужъ непремѣнно его хотѣла". Про себя онъ писалъ, что чувствуетъ себя превосходно во всѣхъ отношеніяхъ и наслаждается жизнью на чудной земной планетѣ.

Слонимовъ за лѣто потерялъ на биржѣ почти все свое состояніе и, когда его „экзекутировали" въ банкѣ, у него осталось всего только три тысячи рублей.

У него упало сердце, когда онъ, вдругъ отрезвившись, понялъ свое положеніе. На что же они будутъ жить дальше?

На его офицерское жалованье и тѣ 200 рублей, которые ему посылали родители изъ Калуги? Положимъ, у него нѣтъ долговъ. Они всѣ были заплачены послѣ женитьбы. Но зато нѣтъ и денегъ на великолѣпную квартиру, на автомобиль, на рестораны, театры и прислугу. Онъ все еще скрывалъ отъ Вѣры истинное положеніе. Онъ все еще не терялъ надежды, такъ или иначе, отыграться. И вотъ, взявъ въ карманъ свои послѣднія три тысячи, онъ рѣшилъ на нихъ испробовать послѣднее средство.

Былъ конецъ сентября. Клубы снова наполнились отдохнувшими за лѣто игроками и „работали" на славу.

Слонимовъ со своими тремя тысячами поѣхалъ играть. Онъ сказалъ себѣ, что слѣпо отдастся судьбѣ, и судьба не можетъ не сжалиться надъ нимъ. Но судьба оставалась къ нему безжалостной. Онъ быстро проигралъ свои три тысячи; разгоряченный, занялъ еще пять тысячъ и не только безъ денегъ, но съ новымъ долгомъ за душой, въ тупомъ отчаяніи, въ 6 часовъ утра вернулся домой. Игроки всѣ одинаковы. Вѣра мирно спала. Онъ раздѣлся въ уборной и вошелъ въ спальню. Вѣра проснулась отъ стука двери. Увидавъ блѣдное, страшное лицо мужа съ синяками подъ глазами, съ блуждающимъ взглядомъ, какъ у преступника, она пришла въ настоящій ужасъ. Отъ него несло виномъ и запахомъ табачнаго дыма. Движенія его были рѣзки и угловаты.

— Что такое? — спросила она, вскочивъ на колѣна.

— Ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ! Говори мнѣ! Сейчасъ говори, что такое?

— Проигралъ, — отвѣтилъ онъ мрачно, — все проигралъ! У насъ больше ничего не осталось.

— Какъ ничего? — не поняла сразу Вѣра.

Она знала, что полтораста тысячъ онъ взялъ у нея прошлой зимой и ими распоряжался.

— Такъ, ничего.

Онъ повалился на постель, уткнувшись головой въ подушку. Она стала коротко, настойчиво, жалобно разспрашивать. Онъ долго молчалъ. Потомъ поднялся, припалъ къ ея рукѣ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Прости, прости меня, — повторялъ онъ слабымъ, хриплымъ голосомъ, — я знаю, что простить нельзя. Но я для тебя же, для насъ хотѣлъ вернуть потерянное, и вотъ, ушло все, все, до одной копейки! И еще долги!

— Сколько?

Онъ отвѣтилъ.

Она стала быстро одѣваться. Онъ, виноватый, истрепанный, смотрѣлъ на нее, полулежа на постели, и мрачно думалъ, что ему остается одно, — застрѣлиться. Но онъ отлично зналъ, что у него не хватитъ на это рѣшимости.

Она одѣлась. Потомъ подошла къ нему и сказала твердо:

— Успокойся. Сегодня ты уплатишь долгъ, и съ сегодняшняго же дня я возьму въ руки всѣ наши дѣла.

Онъ хотѣлъ отвѣтить ей, что „дѣлъ“ больше никакихъ у нихъ не осталось, хотѣлъ спросить ее, откуда она достанетъ денегъ, но языкъ его не поворачивался, онъ не смѣлъ выговорить слова.

Она вышла изъ спальни, тихонько закрывъ за собой дверь. Онъ легъ и сейчасъ же заснулъ. Она собрала свои жемчуга и брилліанты и поѣхала съ ними въ ломбардъ. Заложивъ ихъ, она привезла домой пять тысячъ.

Слонимовъ, проспавъ до трехъ часовъ дня, наконецъ проснулся. Вѣрочка молча протянула ему пачку новыхъ пятисотрублевыхъ розовыхъ бумажекъ. Вечеромъ онъ поѣхалъ съ ними въ клубъ отдавать долгъ. Но онъ отдалъ только половину его, а на остальную опять сталъ играть, чтобы отыграться, и опять проигралъ эти двѣ съ половиной тысячи, оставшись должнымъ столько же. Онъ обѣщалъ Вѣрѣ вечеромъ же отдать долгъ и вернуться домой. Вмѣсто этого онъ вернулся опять только въ шесть утра. Она ждала его всю ночь и всю ночь не раздѣвалась. Нервы ея напряглись до послѣдней степени. Когда, наконецъ, онъ вошелъ въ переднюю, самъ открывъ входную дверь англійскимъ ключомъ, она выбѣжала къ нему навстрѣчу. Но тутъ силы измѣнили ей, и она всей тяжестью своего тѣла, снопомъ, на животъ, упала въ дверяхъ на паркетъ. Онъ бросился ее поднимать и, обезсиленный, едва поднялъ. Потомъ съ трудомъ дотащилъ до дивана въ гостиной.

По телефону онъ потребовалъ доктора. Испуганная, въ лиловомъ халатѣ, прибѣжала Марья Густавовна съ ввалившимися внутрь, какъ у старухи, губами. Она не успѣла вставить своихъ фальшивыхъ челюстей.

Вѣра скоро пришла въ себя, но отъ волненія и безсонной ночи у нея начались боли. Вызванная акушерка заявила, что начались преждевременные роды.

Она мучилась двое сутокъ и въ страшныхъ страданіяхъ родила мертваго мальчика.

Боялись за ея жизнь.

XVII.

Передъ Рождествомъ вернулись изъ своего почти годового путешествія Дмитрій и Ольга Степановна. Изъ Испаніи они ѣздили въ Алжиръ, потомъ лѣто провели въ Швейцаріи, а осень опять въ Италіи.

Дмитрій прямо съ вокзала поѣхалъ къ сестрѣ. Онъ зналъ о томъ, что случилось съ ней; зналъ, что она была больна, и догадывался, кто виновникъ. Ему было до боли жаль Вѣру, и онъ почувствовалъ теперь, что, въ сущности, она одна близка ему, пожалуй, дороже всѣхъ на свѣтѣ. Онъ раскаивался въ томъ, что тогда былъ недостаточно участливъ къ ней, что онъ спокойно и ласково не поговорилъ съ ней. Можетъ быть, она бы не сдѣлала того рокового шага, который долженъ былъ испортить всю ея жизнь.

Вѣра встрѣтила брата въ крошечной передней новой, скромной квартирки, въ которую она переѣхала съ мужемъ, и молча, крѣпко его обняла. Онъ посмотрѣлъ на ея похудѣвшія руки, на ея измѣнившееся до неузнаваемости, вытянутое и несвѣжее лицо, и у него сперло въ горлѣ. Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ губы, потомъ поцѣловалъ ея руку, чего не дѣлалъ никогда. Она заплакала и еще разъ бросилась къ нему на грудь. Потомъ за руку она потащила его въ свою комнату. Они сѣли рядомъ, и она начала разсказывать.

— И все-таки ты его любишь? — спросилъ онъ въ тяжеломъ волненіи. — И послѣ всего этого надо жить съ нимъ и еще мучиться?

— Я должна, — сказала она тихо, — я его жена. Я еще попробую исправить его.

Онъ горько засмѣялся.

— Онъ мнѣ вѣренъ, — сказала Вѣра съ чувствомъ удовлетворенія, — я не могу упрекнуть его въ невѣрности. А это главное.

— Ты думаешь?

— Да.

Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ о томъ, что̀ она пережила. Она вскользь, мимоходомъ, сказала ему о мертворожден-

номъ ребенкѣ. Но онъ чувствовалъ, что это было ея главное горе.

— Если бы еще у васъ были дѣти, — сказалъ онъ, помолчавъ.

— Господи! Онъ же былъ! — выкрикнула она съ болью, — такой крупный, славный мальчишка! Я видѣла. Я брала, цѣловала его крошечныя мертвыя ручки...

И вдругъ опять она затряслась въ судорожныхъ рыданіяхъ.

Немножко успокоившись, она продолжала:

— Какъ я ждала его, какъ я обожала его, — мой бѣдный маленькій мальчикъ! И подумай! За что? За что убили его, замучили его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ родиться?! Нѣтъ, не говори лучше... Не говори объ этомъ...

Дмитрій взялъ сестру за руку и тупо смотрѣлъ передъ собой.

— Можетъ быть, еще будетъ, — продолжала Вѣра, — а, можетъ быть, и нѣтъ. Я такъ устала, я такъ ослабѣла за это время. Только что чуть-чуть стало лучше... Но такъ трудно все, тяжело, грустно... И Всеволодъ ходитъ мрачный, мрачнѣе ночи... Мы живемъ совсѣмъ иначе теперь. Сократились въ десять разъ. Доходовъ мало... Я брала только половину дохода отъ дома.

Она хотѣла разсказать ему о заложенныхъ брилліантахъ и жемчугахъ, но не посмѣла. Дмитрій почувствовалъ, что она чего-то не договариваетъ. Но не могъ догадаться — чего. Онъ думалъ о томъ, что̀ посовѣтовать сестрѣ, какъ помочь ей. Но, какъ почти всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, мысль, что совѣтовать другому нельзя, что совѣты никогда не идутъ на пользу, останавливала его. Однако онъ не удержался и заговорилъ серьезно и горячо:

— Послушай, тебѣ надо что-нибудь предпринять. Такъ не можетъ оставаться. И прежде всего надо поправиться. Я поговорю съ твоимъ мужемъ. Мнѣ кажется, лучше всего тебя отправить на югъ — одну. Съ Марьей Густавовной, напримѣръ. А потомъ, дальше видно будетъ. Что же касается средствъ къ жизни, то половины дохода отъ дома тебѣ одной достаточно для безбѣдной жизни; что же касается твоего мужа, то ему, очевидно, никакихъ денегъ не хватитъ. Я хотѣлъ тебѣ напомнить еще, что у тебя есть еще нетронутый капиталъ, — это жемчуга и брилліанты покойной мамы. Ты можешь реализовать ихъ, — помни, это капиталъ тысячъ въ пятьдесятъ.

Вѣра смутилась и опустила голову. Она рѣшилась сказать.

— Я заложила ихъ, чтобы заплатить его долги.

— Во сколько? — спросилъ онъ, сдерживая негодованіе.

— Въ пять тысячъ рублей.

— Ихъ надо выкупить. Сейчасъ же, — сказалъ онъ рѣшительно, — сію минуту дай мнѣ квитанцію.

Она покорно встала и пошла къ старинной шифоньеркѣ краснаго дерева.

Дмитрій смотрѣлъ на ея высохшую спину, пока она возилась въ ящикахъ, на ея похудѣвшую бѣлую шею, въ которой образовалась сзади ямка, и у него кипѣла злоба въ душѣ къ тому, кто засушилъ ея молодость.

„Одинъ изъ худшихъ типовъ современнаго русскаго мужчины, которому дорого только одно — деньги и наслажденія, — думалъ онъ мучительно, чувствуя, что онъ самъ близокъ къ этому типу, — ничего святого, нуль истинной порядочности, все грязное, безшабашное, — глупое смятеніе".

И тверже, чѣмъ когда-нибудь, онъ рѣшилъ начать новую жизнь, въ корнѣ измѣниться самъ.

Вѣра подала ему большого формата квитанцію ломбарда. Онъ сунулъ ее въ карманъ, всталъ и протянулъ ей руку.

— Я зайду поговорить съ твоимъ мужемъ вечеромъ, — сказалъ онъ, — ты лучше не пугай его и не бойся сама. Я буду съ нимъ сдержанъ. Я только хочу убѣдить его отправить тебя на югъ, на поправку. Это необходимо. Я требую этого.

Она молчала и благодарно жала ему руку, глядя на него своимъ милымъ, прямымъ взглядомъ.

Дмитрій вышелъ отъ сестры нахмуренный и несчастный. Онъ чувствовалъ тупое безнадежное горе, передавшееся ему отъ сестры. Выйдя на улицу, еще не покрытую снѣгомъ, онъ сѣлъ на своего извозчика и поѣхалъ въ банкъ за деньгами. Самъ онъ истратилъ уже большую долю своего денежнаго наслѣдства, но все же у него оставалась отъ него хорошая половина, и онъ могъ легко помочь сестрѣ. Надо было, во что бы то ни стало, выручить драгоцѣнности покойной матери, на которыя онъ всегда смотрѣлъ съ благоговѣніемъ.

XVIII.

Въ двѣнадцатомъ часу дня Дмитрій уже входилъ въ ломбардъ съ пятью тысячами въ карманѣ. Помѣщеніе, гдѣ

закладывались вещи, было биткомъ набито самымъ разнообразнымъ народомъ. У одной дальней кассы, тамъ, гдѣ принималось платье, стоялъ длинный хвостъ женщинъ и мужчинъ съ узлами въ рукахъ. Ближе къ входу стояло нѣсколько человѣкъ, закладывая серебряныя и золотыя вещи. Пріемщикъ быстро оглядывалъ заклады, бросалъ ихъ на вѣсы и сейчасъ же назначалъ цѣну. Опытъ у него былъ громадный, да и дѣла было столько, что онъ гналъ очередь возможно быстрѣе.

— Портсигаръ, — выкрикивалъ онъ, — три рубля.

— Нельзя ли пять? — смущаясь, обратился къ нему юноша, владѣлецъ вещи, — мнѣ всегда давали пять!

— Ну, хорошо! Четыре.

— Давайте, — сказалъ обрадованный юноша.

— Дамскія серьги съ жемчугами! — крикнулъ пріемщикъ барышнѣ, которая записывала, — сто рублей.

Дама, принесшая серьги, стала просить, чтобы ей дали больше. Пріемщикъ отказалъ. Дама согласилась. За дамой подошла очень бѣдно одѣтая, худая, высокая женщина, протягивая въ кассу маленькій свертокъ.

— Что такое? — спросилъ ее пріемщикъ.

— Посмотрите, — сказала она, потупясь.

Пріемщикъ развернулъ бумажку и привычнымъ движеніемъ опрокинулъ на вѣсы четыре тоненькихъ серебряныхъ дѣтскихъ крестика.

— Серебряныя старыя обозначенія! — крикнулъ пріемщикъ барышнѣ, чтобы не употреблять слово „крестикъ".

— Полтора рубля! — прибавилъ онъ громко.

— Нельзя ли два? — взмолилась бѣдная женщина, — къ празднику ребятамъ ѣсть нечего. Отецъ пьяница. Хлѣба не на что купить.

Послѣднія слова она произнесла, повернувшись къ Дмитрію.

Онъ смотрѣлъ на эту картину, о которой не имѣлъ до этого дня ни малѣйшаго представленія, и ужасъ сковалъ ему сердце.

„Такъ вотъ гдѣ изнанка жизни! — подумалъ онъ мрачно, — такъ вотъ до чего доходятъ люди и какъ живетъ городская нищета!"

Ему хотѣлось поскорѣе и подальше убѣжать отсюда, забыть то, что онъ видѣлъ. Онъ подошелъ вслѣдъ за женщиной къ кассиру и попросилъ его возвратить ему заложен-

ныя по квитанціи вещи и получить за нихъ деньги. Сейчасъ же, внѣ очереди, ему все устроили.

Когда онъ вернулся въ гостиницу „Франція", въ которой остановился на этотъ разъ, онъ заперся въ своемъ номерѣ, бросился на кровать и долго лежалъ неподвижно, думая обо всемъ томъ, чѣмъ встрѣтилъ его Петербургъ.

— Какъ же быть ему? Какъ, чѣмъ жить? Что дѣлать для того, чтобы мало-мальски чувствовать себя хорошо среди всей этой лжи, среди безумства роскоши, съ одной стороны, и, съ другой — безпросвѣтной нищеты?

Онъ мучительно искалъ и не находилъ отвѣтовъ.

Онъ не могъ забыть женщины, заложившей „серебряныя обозначенія"; и ея голосъ звучалъ въ его ушахъ, ея озабоченное измученное лицо живо представлялось ему, лицо матери, выбившейся изъ послѣднихъ силъ, борющейся, хуже звѣря, за существованіе, свое и своихъ дѣтей.

„А я буду опять въ правленіи моего цемента, — думалъ Дмитрій, — въ клубахъ, въ ресторанахъ, на скачкахъ и бѣгахъ, въ театрахъ и гостиныхъ!"

Какъ нелѣпо и какъ безконечно тяжело!..

Онъ вспомнилъ одного молодого араба, съ которымъ онъ такъ хорошо бесѣдовалъ въ Алжирѣ. Этотъ арабъ такъ здраво, просто смотрѣлъ на вещи, такъ свѣжо всѣмъ интересовался и, казалось, былъ счастливымъ человѣкомъ.

У него была молодая жена и двое дѣтей, которыхъ онъ обожалъ и для которыхъ жилъ и трудился.

Какъ просто казалось Дмитрію, послѣ разговора съ этимъ счастливымъ сыномъ солнца, устроить и свою жизнь такъ же разумно и счастливо.

А здѣсь?

Мрачный номеръ гостиницы „Франція". Рядомъ въ ресторанѣ гостиницы уже съ двухъ часовъ дня полно размалеванными дамами, торгующими тѣломъ. Шампанское, водка, вино, табакъ...

Длинный темный вечеръ и за нимъ разгульная ночь въ игрѣ, пьянствѣ и обжорствѣ.

„Неужели опять жить этой жизнью? — думалъ Дмитрій съ тоской и отчаяніемъ, — нѣтъ, довольно, не могу больше. Если не найду дѣла болѣе живого, полезнаго, уѣду лучше въ деревню и буду сидѣть тамъ съ книгой въ рукахъ. Лучше буду спать тамъ круглыя сутки и не дѣлать дурного, чѣмъ не спать круглыя сутки и дѣлать только дурное".

И онъ рѣшилъ энергично съ завтрашняго же дня искать работы, которая могла бы быть полезна другимъ, и, если не найдетъ такой, навсегда уѣхать изъ Петербурга. Послѣ завтрака онъ опять поѣхалъ къ Вѣрочкѣ, захвативъ съ собой ея драгоцѣнныя вещи.

Ему открылъ дверь самъ Слонимовъ, который одѣвался, спѣша куда-то.

— Батюшки! Митя! — фамильярно и развязно обрадовался онъ, протягивая руку, — вотъ не ожидалъ.

— Да, я хотѣлъ заѣхать къ вамъ позднѣе, но нужно еще повидать Вѣру.

— Милости просимъ, милости просимъ! Я спѣшу въ городъ, но могу остаться для тебя на минуту.

Онъ снялъ шинель и вошелъ за Дмитріемъ въ гостиную.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами, — сказалъ Дмитрій, оборачивая къ нему холодное лицо съ прищуренными глазами. — Разрѣшите сейчасъ или въ другое время?

— Ради Бога! Ради Бога! Всегда къ твоимъ услугамъ, — сказалъ Слонимовъ, садясь въ кресло и закуривая папиросу.

— Вѣрочка у меня немножко поболѣла, — прибавилъ онъ съ фальшивой нотой жалости, — ну, да теперь, слава Богу, ей гораздо лучше... Она почти здорова.

Дмитрій поставилъ на столъ пакетъ съ драгоцѣнностями, на который Слонимовъ все время косился, и самъ сѣлъ въ кресло.

Онъ началъ спокойно говорить, что ему кажется необходимымъ для Вѣры уѣхать на продолжительный срокъ на югъ и хорошенько поправиться; что видъ у нея ужасный; что ей хорошо было бы уѣхать одной, безъ мужа.

— Почему одной? — рѣзко перебилъ его Слонимовъ, — если ей нужно отдохнуть, то мнѣ тѣмъ паче. И кромѣ того, принципіально, я не отпускаю ее никуда одну.

— Принципіально? — улыбнулся Дмитрій. — У васъ, кажется, нѣтъ никакихъ принциповъ, если вы въ одинъ годъ безчестно проиграли все ея состояніе.

Онъ подчеркнулъ слово „безчестно“.

Слонимовъ блѣдный вскочилъ на ноги.

— Если бы вы не были ея братомъ... — сказалъ онъ глухо и запнулся.

— Я попрошу васъ удалиться отсюда, если вы позволяете оскорблять меня въ моемъ домѣ, — продолжалъ онъ,

хмуря тонкія брови и напуская на себя важность. — Я безчестно ничего не дѣлаю, да было бы вамъ извѣстно! И если я дѣйствительно проигралъ, то я проигралъ честно, какъ порядочный человѣкъ, желая отыграться и сдѣлать для той же Вѣры лучше, а не хуже.

Рука его затряслась отъ волненія, и онъ сталъ нервно давить папиросу въ пепельницѣ.

Дмитрій смотрѣлъ на его порѣдѣвшіе волосы, на его некрасивую жилистую руку и глубоко ненавидѣлъ его въ эту минуту.

— Я бы просилъ васъ, — сказалъ онъ спокойно, — не волноваться. Я желаю, чтобы Вѣра поправилась, и это желаніе мое должно быть удовлетворено. Здѣсь, съ вами, она врядъ ли можетъ почувствовать себя лучше. Мой совѣтъ — ей уѣхать съ Марьей Густавовной въ Италію и вернуться только весной. Средства на ея путешествіе есть.

— Мы не нуждаемся въ вашихъ подачкахъ, — рѣзко вскрикнулъ Слонимовъ, — и вообще я прошу васъ не вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла. Если вы не желаете удалиться отсюда, то я самъ оставлю васъ. Пожалуйста. Моя квартира къ вашимъ услугамъ. Но знайте, впредь, я прошу васъ со мной никогда не говорить о томъ, что васъ не касается.

Повидимому, очень довольный собой, онъ вышелъ въ переднюю, быстро одѣлся и, стукнувъ дверью, ушелъ.

Вѣрочка все слышала изъ сосѣдней комнаты и сейчасъ же, блѣдная, вышла къ Дмитрію, который продолжалъ невозмутимо сидѣть въ креслѣ, опустивъ голову на грудь.

— Хорошъ, — только сказалъ онъ грустно, увидавъ сестру.

— Я боюсь его, — торопливо заговорила Вѣрочка. — Когда онъ вернется, онъ убьетъ меня. Отъ него все станетъ.

— Хочешь переѣхать ко мнѣ?

— Нѣтъ... Все-таки, все-таки, несмотря ни на что, я люблю его, люблю! Вотъ, что ужасно.

Она сѣла подлѣ брата и закрыла лицо руками.

— Онъ, очевидно, не хочетъ, чтобы я уѣзжала одна. Онъ непремѣнно хочетъ ѣхать со мной самъ. Такъ и пусть. Можетъ быть, онъ поживетъ немного и уѣдетъ.

— Дѣлайте, какъ хотите, — сказалъ Дмитрій, — вотъ вещи матери, а вотъ двѣ тысячи на путешествіе. Я страшно усталъ, поѣду спать въ гостиницу.

Онъ всталъ, поцѣловалъ Вѣру и тихонько тяжелой походкой пошелъ изъ гостиной.

XIX.

Дмитрій нашелъ себѣ квартиру на Мойкѣ и переѣхалъ въ нее одинъ изъ гостиницы „Франція“.

Онъ рѣшилъ съ Ольгой еще за границей, что будутъ жить въ Петербургѣ врозь, чтобы оставаться каждому самостоятельными. Ольга Степановна нашла себѣ три комнаты на Кабинетской.

Она поняла теперь окончательно, что Дмитрій не женится на ней и что она ему уже немного наскучила.

Къ тому же и онъ меньше нравился ей послѣ того, какъ она его узнала ближе. Это былъ человѣкъ неуравновѣшенный, нерѣшительный, вѣчно колеблющійся. У него было семь пятницъ на недѣлѣ, тысячи плановъ и намѣреній, изъ которыхъ онъ исполнялъ только то, что было легче и проще всего.

То онъ ѣхалъ изъ Алжира дальше въ Индію и Японію, то не ѣхалъ.

То онъ мечталъ еще попасть играть въ Монте-Карло, то проклиналъ игру, говоря, что никогда больше играть не будетъ.

То онъ былъ неожиданно нѣженъ съ Ольгой и клялся ей въ томъ, что онъ никогда не разстанется съ ней, если она не разлюбитъ его, то онъ былъ къ ней холоденъ и мраченъ, едва отвѣчалъ ей и вдругъ начиналъ ухаживать за какой-нибудь другой приглянувшейся ему женщиной. Во Флоренціи, которую онъ особенно любилъ, Дмитрій такъ увлекся одной русской молодой графиней Толь, которая хорошо пѣла романсы Глинки, что Ольга не на шутку обезпокоилась. Она, была увѣрена въ томъ, что эта встрѣча главнымъ образомъ была причиной того, что Дмитрій опредѣленно рѣшилъ возвратиться отсюда въ Россію, хотя на самомъ дѣлѣ это было совсѣмъ не такъ. Ольга сознавала, что она на половину уже разлюбила Дмитрія. Онъ былъ не тѣмъ, какимъ она хотѣла, чтобы онъ былъ.

Съ нимъ было часто скучно. Онъ задумывался надъ вопросами, которые ее вовсе не интересовали, и вмѣстѣ съ тѣмъ не интересовался тѣмъ, что ей казалось особенно важнымъ.

Она изучала школы живописи и знала ихъ великолѣпно. Онъ равнодушно смотрѣлъ на картины и останавливался только передъ тѣми, которыя его поражали. Рѣдко онъ спрашивалъ, чья картина. Она слѣдила за современной литературой и покупала себѣ всѣ новыя книги.

Онъ вдругъ покупалъ себѣ Коранъ Магомета и начиналъ его внимательно читать или перечитывалъ по нѣсколько разъ надоѣвшіе ей разсказы Чехова.

Она воображала себя выше его по развитію и образованію и удивлялась его равнодушію ко многому, чѣмъ, казалось, прежде онъ интересовался.

Въ Петербургѣ Ольга рѣшила оглядѣться и, по всѣмъ вѣроятіямъ, разойтись съ Дмитріемъ съ тѣмъ, чтобы, конечно, найти себѣ другого, за котораго можно будетъ выйти замужъ и устроиться прочно, навсегда. Она мечтала быть центромъ какого-нибудь артистическаго или литературнаго общества, мечтала имѣть опредѣленное положеніе въ свѣтѣ, которыхъ съ Дмитріемъ она чувствовала, что не получитъ.

У него не было никакихъ твердыхъ цѣлей, къ которымъ онъ бы стремился. Онъ жилъ, точно игралъ въ жизнь и ожидалъ, что она сама, какъ шальная карта, принесетъ ему счастіе.

Она думала, что только энергіей и настойчивостью можно было добиться жизненныхъ благъ. Она старалась сначала вліять на него, но онъ не поддавался ея внушеніямъ, равнодушно пропускалъ ихъ мимо ушей.

— Добиваться? — повторялъ онъ за ней съ недоумѣніемъ, — развѣ можно въ жизни чего-нибудь хорошаго добиться? Хорошее это то, что приходитъ само, путемъ, съ одной стороны, внутренняго развитія, съ другой — случайностями...

Она спорила съ нимъ, доказывала, но онъ оставался при своемъ мнѣніи.

Послѣ исторіи съ Слонимовымъ Дмитрій еще тверже рѣшилъ, что онъ уже не будетъ жить, какъ жилъ прежде.

Онъ поведетъ совершенно другой, здоровый и правильный образъ жизни, какимъ жилъ во Флоренціи, напримѣръ, и ни за что не будетъ измѣнять ему. Онъ будетъ вставать рано, гулять передъ кофе, потомъ „работать“, потомъ заниматься спортомъ, не пить, ложиться рано спать.

Конечно, онъ перестанетъ играть и забудетъ о существованіи женщинъ, которыя ему надоѣли.

Постепенно онъ совсѣмъ порветъ съ Ольгой, а тамъ, позднѣе, женится и обзаведется семьей.

Первые дни въ Петербургѣ Дмитрій былъ весь поглощенъ заботами о сестрѣ и приведеніи въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ. Ему удалось-таки убѣдить Слонимова отпустить жену съ Марьей Густавовной на Ривьеру и, хотя Слонимовъ не ѣхалъ съ ними теперь же, онъ помирился на томъ, что черезъ недѣлю самъ отправится вслѣдъ за ними.

Онъ велъ себя развязно, почти вызывающе, и Дмитрію стоило большихъ усилій спокойно разговаривать съ нимъ.

Вѣрочка была покорно молчалива. Ея собственная личность точно совсѣмъ испарилась, исчезла куда-то, и она вся охотно отдавалась въ распоряженіе другихъ... Поминутно она плакала.

Привести въ извѣстный порядокъ матеріальныя дѣла Дмитрію было трудно. По дому было много неуплаченныхъ долговъ. Изъ него было взято все, что можно было, тѣмъ же Слонимовымъ.

Денежныя дѣла Дмитрія были плохи потому, что бумаги его упали, а наличныя деньги истрачены.

Изъ деревни эстонецъ писалъ, что урожай яровыхъ погибъ, что надо было купить овса, что сѣна мало, что нужны деньги на расходы служащимъ.

— Тяжело, тяжело, тяжело, — думалъ и чувствовалъ Дмитрій, переѣзжая изъ одного банка въ другой, — тяжело и безсмысленно быть автоматомъ, черезъ который пропускаются деньги.

Освободившись немного отъ срочныхъ дѣлъ, онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ старымъ товарищамъ и друзьямъ отца. Всѣ приняли его радушно, и всѣмъ онъ старался показать, что онъ вернулся въ Петербургъ съ новыми лучшими намѣреніями... Двумъ-тремъ старикамъ-дѣльцамъ Дмитрій сказалъ, что онъ ищетъ „живого дѣла“ и проситъ указать таковое.

На это одинъ старикъ сказалъ, что новое живое дѣло — „антрацитъ“.

Другой сказалъ, что будетъ новое интересное дѣло — „стекло“.

Но оба эти дѣла, „стекло“ и „антрацитъ“, показались Дмитрію такими мертвыми, а не живыми, что онъ не могъ заинтересоваться ими. Все-таки онъ просилъ дать ему знать, когда эти дѣла начнутся.

Цементное дѣло Дмитрія шло вяло, и онъ искалъ уже

кого-нибудь, кому бы онъ могъ сбыть свои паи. Желающихъ почти не было.

Всѣ въ Петербургѣ, какъ и онъ, говорили о какихъ-то новыхъ дѣлахъ, искали ихъ и всѣ какъ будто были безъ денегъ.

Очень скоро обычная петербургская хандра овладѣла Дмитріемъ, и въ эти минуты онъ звонилъ къ Ольгѣ. Она тоже не находила того, чего искала, и связь ихъ продолжалась, какъ прежде.

Сначала она избѣгала ѣздить вмѣстѣ по городу, но потомъ открыто показывалась вмѣстѣ всюду, и всѣ видѣли теперь уже явно то, о чемъ раньше только говорили. Нѣсколько разъ они встрѣтили на улицахъ Ширяева, который совершенно просто и радушно поклонился имъ.

Разсказывали, что онъ сначала только былъ огорченъ, но потомъ не только помирился, но былъ радъ тому, что отдѣлался отъ своей умной жены.

Какъ-то Дмитрій, Ольга и Миша Головинъ обѣдали вмѣстѣ у „Медвѣдя“.

Засидѣлись долго. Говорили, осуждали все и всѣхъ. Особенно Головинъ, наговорившись о Галиціи и австріякахъ, началъ вдругъ все и всѣхъ ругать. Ольга ему вторила. Игралъ оркестръ Леонарди. Чередовались Танго, Très moutarde, модныя цыганскія, — все современныя вещи. Понемногу свѣтлый залъ пустѣлъ.

Дмитрій выпилъ три бокала шампанскаго, и ему хотѣлось пить еще.

„Нѣтъ, невозможно, — думалъ онъ, — въ нетрезвой обстановкѣ вести жизнь трезвую. Говорятъ о борьбѣ съ пьянствомъ? Но какъ это люди говорятъ объ этомъ за шампанскимъ?! Впрочемъ, — думалъ онъ, — хорошіе господа пьютъ, но не напиваются. Это разрѣшается и это не называется пьянствомъ“.

Сегодня онъ бы напился: такъ ему было нехорошо на душѣ; но онъ зналъ уже по опыту, что онъ напиться никогда не можетъ. Онъ будетъ боленъ, если выпьетъ лишнее, но пьянъ до самозабвенія, до веселаго настроенія духа, какъ другіе, онъ никогда не будетъ. Одно только уносило его мысли вонъ изъ этой безумной лживой сутолоки, — это еще большее безуміе: игра, за которой онъ успокаивался, а играть онъ зарекся.

Ольга должна была ѣхать на вечеръ къ одной свѣтской

дамѣ, Шамингъ, которая ее ласкала и принимала попрежнему, и знакомствомъ съ которой она дорожила. Былъ уже одиннадцатый часъ.

— Однако мы засидѣлись, — спохватилась Ольга, — я бѣгу. Мнѣ надо заѣхать на минуту домой, потомъ на Набережную.

И она встала, чтобы проститься. Дмитрій и Головинъ встали за ней.

— Я провожу тебя? — спросилъ Дмитрій.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала рѣшительно Ольга, — я поѣду одна, а вы еще посидите.

И она пошла къ выходу, элегантная, изящная, какъ всегда, со своимъ бѣлымъ высокимъ esprit на зимней шапочкѣ.

Дмитрій и Головинъ остались за кофе и ликеромъ. Имъ хотѣлось поболтать, побыть вмѣстѣ.

— И долго это будетъ продолжаться? — спросилъ Головинъ, когда Ольга исчезла за колоннами зала.

— Не знаю...

— Вѣдь вы, кажется, очень мало любите другъ друга, насколько я замѣтилъ?

— Ты правъ.

— Такъ зачѣмъ же тянуть эту исторію, которая, тебѣ особенно, страшно вредитъ?

— Вообще зачѣмъ тянуть всю эту грязную исторію жизни? — мрачно сказалъ Дмитрій, — по-моему, все — „все равно"; здѣсь немного лучше, немного хуже... Я мечталъ начать новую жизнь — не пить, бросить женщинъ, работать. А вотъ только два мѣсяца дома, а уже успѣлъ опуститься, какъ слѣдуетъ. Недостаетъ только картъ, чортъ возьми! — прибавилъ онъ задорно, — надо будетъ опять разговѣться. Поѣдемъ сегодня? А?!

Онъ оживился. Головинъ курилъ сигару и молчалъ. Получивъ наслѣдство отъ дяди, онъ послѣднее время сильно игралъ и теперь сидѣлъ въ ресторанѣ такъ поздно только для того, чтобы отсюда прямо поѣхать въ клубъ.

— Вѣдь ты же закаялся, — наконецъ, проговорилъ онъ недовольно, — зачѣмъ же опять лѣзть? Чтобы проиграть, какъ Слонимовъ? Вѣдь ты же не умѣешь играть.

— А ты умѣешь? — спросилъ Дмитрій.

— Конечно, — я уже выигралъ десять тысячъ и я не я, если не выиграю двѣсти!

— Ого! Какъ же это, позвольте спросить?

— Очень просто, — отвѣтилъ Головинъ, — я изобрѣлъ систему, по которой проиграть нельзя! Система очень простая. Проигралъ сегодня, сколько взялъ въ карманъ, — ушелъ. Выигралъ — опять ушелъ. И при этомъ я выигрываю въ недѣлю пять разъ, а два раза проигрываю. Выигрываю системой удваиванія и выжиданія шансовъ.

— Надо характеръ. Сорвешься.

— Никогда въ жизни...

И Головинъ еще сталъ развивать свою систему, и Дмитрій слушалъ его съ удовольствіемъ.

„Пусть это самообманъ, — думалъ онъ, — пусть глупости. Но люблю! Не знаю почему, но игру люблю чуть ли не больше всего на свѣтѣ“.

Головинъ посмотрѣлъ на часы и вдругъ сорвался съ мѣста. Дмитрій вышелъ за нимъ въ переднюю, убранную чучелами медвѣдей.

Вмѣстѣ, мимо кланяющихся швейцаровъ, они вышли на улицу, вмѣстѣ сѣли на извозчика и вмѣстѣ поѣхали въ клубъ. Дмитрій игралъ въ карты всю ночь.

ГЛАВА XX.

На французской Ривьерѣ было тепло, какъ лѣтомъ. Блестѣло яркое солнце. Пахло весной. Цвѣли фіалки и зацвѣтала пахучая мимоза. Богатые праздные люди всѣхъ странъ свѣта слетѣлись сюда на экспрессахъ и прожигали здѣсь свои деньги и жизни.

Былъ разгаръ сезона, и всѣ гостиницы были полны.

Первое время Вѣрочка жила одна съ Марьей Густавовной въ небольшомъ отелѣ въ Beau Lieu. Слонимовъ не пріѣхалъ черезъ недѣлю, какъ собирался, и написалъ, что пріѣдетъ только недѣли черезъ три, такъ какъ его задержали въ Петербургѣ „дѣла“. Вѣрочка не могла понять, какія это были дѣла, но тѣмъ не менѣе была этому искренно рада.

— Слава Богу! Значитъ, можно еще пожить спокойно, отдохнуть и немножко поправиться.

Какъ только она въѣхала въ эту дивную полосу свѣта и морского воздуха, какъ только почувствовала тепло, позволявшее гулять въ одномъ платьѣ, ей стало легче, и надежда на что-то лучшее впереди шевельнулась въ ея утомившемся сердцѣ.

„Неужели можно еще жить? Быть здоровой, радостною?“ — подумала она съ трепетной надеждой.

И солнце, и море, и жизнь кругомъ отвѣчали ей, что можно.

Она лучше стала спать и ѣсть, начала больше ходить, и силы стали возвращаться къ ней.

О мужѣ и прошломъ она старалась не думать.

Такъ пролетѣли три недѣли, какъ вдругъ явился Слонимовъ и сразу, съ первыхъ же словъ, отравилъ Вѣрѣ все окружающее. Въ штатскомъ платьѣ, дурно сидѣвшемъ на его костлявомъ тѣлѣ, онъ имѣлъ пошлый видъ какого-то не то приказчика изъ магазина, не то лакея.

— У, какая ты худая, — первое, что сказалъ онъ, увидѣвъ Вѣру, — а я то воображалъ, что ты поправилась!

— Не такъ скоро, — внушительно возразила ему Марья Густавовна, — нужно время.

— А знаешь, — оживленно сказалъ Слонимовъ, — со мной вмѣстѣ въ поѣздѣ пріѣхала въ Ниццу madame Шамингъ. Помнишь ее? Хорошенькая. Она очень тебя любитъ и все безпокоилась о твоемъ здоровьѣ. Пріѣхала отдохнуть. Вѣдь мужъ у нея болванъ форменный!

Вѣру совсѣмъ не интересовала эта мало знакомая ей дама, и она почти не слушала мужа. Она со страхомъ ждала, что онъ скоро заговоритъ о деньгахъ; и дѣйствительно прямо отъ Шамингъ онъ перешелъ къ нимъ.

— Ну, какъ вы устроились? Дешево? — спросилъ онъ, — конечно, здѣсь дешевле, чѣмъ въ Ниццѣ. А у меня осталось въ карманѣ всего пятьдесятъ франковъ. Конечно, ты ссудишь меня маленькой суммой?

— Сколько? — спросила Вѣра холодно.

— Ну хоть пятьсотъ франковъ пока, — развязно отвѣтилъ онъ.

— Хорошо. Но больше я дать не могу. Я обѣщала Дмитрію дать ему отчетъ.

И она сейчасъ же достала деньги и дала ему. Онъ молча взялъ ихъ и равнодушнымъ жестомъ положилъ въ пустой бумажникъ. Онъ объявилъ, что будетъ жить въ Ниццѣ и только навѣщать Вѣру временами, чтобы исполнить желаніе ея „братца“ и не нарушать ея лѣченія...

Пріѣхалъ онъ всего на недѣлю. Въ Петербургѣ „масса дѣла“. Онъ поцѣловалъ руку жены и ушелъ, спѣша на поѣздъ въ Ниццу. Очевидно, онъ былъ чѣмъ-то или кѣмъ-то увлеченъ.

„Можетъ быть, эта Шамингъ, — подумала Вѣра брезгливо, — вѣдь она мѣняетъ своихъ поклонниковъ, какъ перчатки. Можетъ быть, очередь за Всеволодомъ, свободнымъ мужемъ больной жены?“

И, странное дѣло, она не почувствовала никакой ревности въ душѣ, никакого непріятнаго чувства. Что это? Неужели она его больше не любитъ? Неужели онъ ей больше не нуженъ?

И она поняла, что это дѣйствительно было такъ, что пришло время, когда она совершенно спокойно могла жить безъ него, когда онъ сталъ ей только въ тягость.

И мысль разойтись съ нимъ навсегда, уже не разъ приходившая ей прежде, теперь созрѣла у нея въ опредѣленное и твердое рѣшеніе.

Измѣняетъ онъ ей или нѣтъ, — все равно, она больше никогда фактически не будетъ его женой. Она слишкомъ презираетъ его, чтобы относиться къ нему, какъ прежде.

Два дня Слонимовъ не показывался въ Beau Lieu, и Вѣра жила подъ тяжелымъ предчувствіемъ, что гдѣ-нибудь въ Ниццѣ или Монте-Карло онъ прожигаетъ тѣ пятьсотъ франковъ, которые она дала ему. Если онъ явится и еще будетъ просить денегъ, она категорически откажетъ ему.

На третій день онъ явился нервный, расшатанный, какъ всегда послѣ игры и кутежа, и сталъ съ мѣста жаловаться на здоровье.

Онъ былъ гораздо болѣе боленъ, чѣмъ она, ему, а не ей слѣдовало лѣчиться. Онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Онъ не хочетъ жить пролетаріемъ и проживать послѣднія деньги жены. Все, что онъ говорилъ ей уже сто разъ, онъ повторилъ и теперь.

Наконецъ, онъ попросилъ ее дать ему еще 500 франковъ въ послѣдній разъ въ жизни.

— Нѣтъ, — твердо сказала Вѣра, — я не дамъ вамъ больше никогда, ни одной копейки.

Въ первый разъ она сказала ему „вы“. Онъ уставилъ на нее удивленные глаза.

— Что такое? — спросилъ онъ, блѣднѣя.

— То, что я сказала, — спокойно отрѣзала Вѣра, — я вамъ больше не жена и никогда больше женой не буду.

— Значитъ, разводъ? — наглымъ тономъ спросилъ онъ, вставая. — Давно бы такъ, моя милая. Давно бы такъ! Я же самъ нѣсколько разъ предлагалъ. Но вѣдь на разводъ

опять надо деньги? У меня ихъ нѣтъ. Я охотно возьму вину на себя, какъ предлагалъ раньше, но не могу же я оставаться безъ гроша въ карманѣ.

— Я найду, — сказала Вѣра, — а пока прощайте.

Она вышла изъ комнаты, чтобы идти къ завтраку въ общую столовую.

Онъ засмѣялся ехидно и бросилъ ей со злостью вслѣдъ:

— Хорошо же! Я буду помнить.

И онъ, сбѣжавъ съ лѣстницы отеля, побѣжалъ внизъ, къ станціи, куда подходилъ съ шумомъ поѣздъ.

Вѣра, блѣдная, но спокойная, прошла въ столовую. Она не ожидала отъ самой себя такой опредѣленной твердости и была довольна. Солнце укрѣпило ея волю. Въ ней просыпались новыя чувства и желанія, о которыхъ она забыла.

Впереди другихъ — простое и откровенное желаніе уже не просто жить, а жить по-человѣчески.

ГЛАВА XXI.

Бывшій гвардейскій солдатъ, лакей Григорій, два дня ждалъ домой своего хозяина, и только на третьи сутки утромъ Дмитрій вернулся.

Гдѣ онъ былъ это время? Что дѣлалъ? Онъ помнилъ только то, что было рѣшительно все, — игра, вино, пѣніе и женщины. Онъ зналъ по пустому бумажнику, что онъ проигралъ и прокутилъ все, что у него было въ карманѣ, а было пять тысячъ, и что онъ еще писалъ кому-то чекъ на три тысячи. Онъ опять свихнулся и свихнулся такъ, какъ никогда.

Наканунѣ днемъ заѣзжала къ нему Ольга Степановна. Она въ безпокойствѣ спрашивала, гдѣ Дмитрій, и, получивъ отвѣтъ, что неизвѣстно, уѣхала его искать. Но она не нашла его ни въ Европейской гостиницѣ, гдѣ онъ днемъ иногда игралъ на билліардѣ, ни у „Медвѣдя“.

Только вечеромъ, когда она снова принялась за розыски, она напала на его свѣжіе слѣды въ ресторанѣ Контана. Тамъ сказали, что Дмитрій въ обществѣ трехъ дамъ и двухъ кавалеровъ только что обѣдалъ здѣсь, въ отдѣльномъ кабинетѣ, а послѣ обѣда вся компанія уѣхала на автомобиляхъ въ циркъ Модернъ.

Ольга махнула рукой и рѣшила, что теперь она окон-

чательно разойдется съ Дмитріемъ. Онъ дошелъ и до измѣны ей. Значитъ, все кончено между ними. Вернувшись домой, она написала ему длиннымъ моднымъ почеркомъ короткое письмо и сейчасъ же отправила его съ посыльнымъ по назначенію.

Дмитрій нашелъ письмо на письменномъ столѣ и, узнавъ почеркъ, даже не сталъ его читать; сейчасъ же, какъ снопъ, онъ завалился спать. Въ 4 часа дня онъ проснулся съ тяжелой головой, разбитый, полубольной. Онъ вспомнилъ француженку, съ которой кутилъ эти дни, и ему захотѣлось снова увидѣть ее. Она ждетъ его въ гостиницѣ „Франція". Стоитъ только взять извозчика и поѣхать туда. Онъ одѣлся, выпилъ чернаго кофе и вышелъ въ переднюю одѣваться. Въ это время кто-то позвонилъ на парадной. Григорій отперъ дверь, и вошла Ольга.

— Такъ не поступаютъ порядочные люди... Я не ожидала. Письмо получилъ?

— Получилъ, но не успѣлъ прочесть.

— На одну минуту, надо поговорить.

Они прошли въ маленькую гостиную.

Григорій скрылся въ концѣ коридора.

Дмитрій не садился, не снималъ пальто.

— О чемъ говорить? — процѣдилъ онъ лѣниво, сквозь зубы, — все ясно.

— Да, — многозначительно сказала Ольга Степановна.

Потомъ начала трагическимъ тономъ:

— Я любила тебя, Дмитрій. Я мечтала создать вмѣстѣ съ тобой красивую, интересную жизнь... Я думала, что могла быть счастливой. Я ошиблась... Ты не тотъ, какимъ я тебя воображала... Впрочемъ, я отчасти это знала. Мнѣ жаль тебя, но помочь я чувствую себя не въ силахъ. Я старалась быть для тебя всѣмъ, чѣмъ только ты хотѣлъ. Для тебя я разошлась съ мужемъ и разбила мою жизнь.

— Все? — спросилъ Дмитрій.

— Нѣтъ, — продолжала Ольга, — теперь, когда совершенно ясно, что мы не можемъ оставаться вмѣстѣ, я прошу тебя только объ одномъ — никогда больше не видать меня, не писать мнѣ и совершенно забыть, что я существую.

Дмитрій не ожидалъ отъ нея такого поворота.

„Неужели она еще любитъ меня? — подумалъ онъ, — прочемъ, это все равно. Я не могу любить ея".

— Хорошо, — сказалъ онъ просто, — я согласенъ.

— Только не сердись на меня, — добавилъ онъ со своей добродушной манерой, протягивая ей руку, — я шалопай ужасный. Это вѣрно. Но горбатаго, видно, могила исправитъ. Если я чѣмъ-нибудь могу быть полезенъ тебѣ?..

Она поняла и сердито блеснула глазами.

— Мнѣ ничего не нужно отъ тебя. У меня есть, слава Богу, мои средства. Я ухожу. Прощай и будь счастливъ.

Онъ пожалъ ей руку и пошелъ въ переднюю. Она вышла за нимъ.

— Куда такъ спѣшишь? Къ какой-нибудь новой любви? — спросила она, выходя за нимъ на лѣстницу.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ спокойно, — дѣло новое затѣваю. Хочу стать милліонеромъ.

На улицѣ они разошлись въ противоположныя стороны. Дмитрій поѣхалъ къ француженкѣ.

ГЛАВА XXII.

Душа Дмитрія попрежнему оставалась пуста, и потому попрежнему ему нечѣмъ было жить.

Поэтому-то онъ снова пустился въ „жизнь забвенія“, какъ онъ называлъ свои дурныя увлеченія, и искалъ въ ней хоть временнаго забвенія отъ душившей его тоски.

Связь съ Ольгой была дѣломъ прошлымъ. Она не помогла ему. Скорѣе, наоборотъ, еще запутала его положеніе и отсрочила разрѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ. Дмитрій не ожидалъ этого. Онъ воображалъ себѣ раньше, что одна женщина все-таки лучше многихъ, что съ одной женщиной жить и общаться легче, чѣмъ со многими. Но опытъ показалъ ему, что это было не такъ. Онъ былъ больше рабомъ Ольги и своей связи съ ней, чѣмъ былъ рабомъ своихъ прошлыхъ мимолетныхъ отношеній. Теперь, думая о женитьбѣ, онъ боялся ея, увѣренный въ томъ, что она свяжетъ его, пожалуй, еще сильнѣе.

Конечно, все зависитъ отъ будущей жены. Есть жены ангелы, а есть... Одна жена даетъ мужу больше свободы, чѣмъ у него было раньше, другая скручиваетъ его навѣки вѣковъ. Какъ бы то ни было, Дмитрій пересталъ думать о женитьбѣ, какъ о ближайшей цѣли, и сталъ жить по старому, сегодняшнимъ днемъ, дѣлая все, что ему хотѣлось. Но ему хотѣлось очень малаго; онъ ничего искренно не лю-

билъ, кромѣ наслажденія, и потому онъ наслаждался, наслаждался игрой, виномъ, женщинами.

Дни летѣли, сливались въ одну незамѣтную полосу, и окружающее, несмотря на всю его мерзость, не мучило потому, что его не было видно.

Не было видно ничего въ этомъ дурманѣ жизни, кромѣ утренней зари на петербургскихъ улицахъ, кромѣ карточныхъ комнатъ и игры, кромѣ шампанскаго за ужинами, кромѣ женщинъ, когда онѣ приходили на умъ. Дѣла были между прочимъ. Только настолько, насколько нужны были деньги. И Дмитрій сознательно теперь сторонился всего новаго, всякихъ новыхъ „дѣлъ", чтобы не нарушать ничѣмъ созданную имъ „жизнь забвенія".

„Все равно, долго ли, коротко ли она продолжится? День — да мой. День да ночь — сутки прочь. Что деньги? Что сама жизнь? О чемъ жалѣть? О чемъ тужить? День пережитъ — и слава Богу". Не все ли равно, проживетъ ли онъ все и останется нищимъ или сохранитъ до смерти свое состояніе? Та же смерть. Та же скучная жизнь съ деньгами или безъ денегъ. Лучше безъ денегъ, потому что безъ нихъ меньше соблазновъ".

Такъ онъ разсуждалъ, находясь въ постоянномъ туманѣ, хотя чувствовалъ, что въ этихъ разсужденіяхъ все было несправедливо. Онъ отлично понималъ, что правда была въ томъ, что лучше совсѣмъ не имѣть денегъ, чѣмъ тратить ихъ такъ, какъ онъ тратилъ. Но онъ не зналъ, можно ли вообще тратить ихъ иначе съ пользой. Ему казалось, что деньги созданы именно для такихъ тратъ, которыя онъ дѣлалъ, а на хорошія дѣла деньги не нужны. Добро не требуетъ золота. Оно безкорыстно. Оно внѣ сферы корысти и матеріи. Когда онъ слышалъ холодныя разсужденія о томъ, что надо умѣть пользоваться деньгами, что деньги благо, когда ими дѣлаютъ благо, а зло, когда ими дѣлаютъ зло, онъ не соглашался и всегда старался доказать, что деньги могутъ только дѣлать зло, потому что онѣ сами зло, а не чистое благо.

Но, разсуждая такъ, онъ все же не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что нельзя тратить деньги съ пользой.

Напримѣръ, на народныя школы, читальни, больницы? Но какъ только эта мысль приходила ему въ голову, такъ новый вопросъ сейчасъ же возникалъ за ней.

„А развѣ навѣрное польза отъ этихъ школъ, чита-

ленъ, больницъ и такъ далѣе? Какая, напримѣръ, мнѣ лично была и есть польза отъ нихъ?"

Такъ думалъ Дмитрій въ это тяжелое для него время и жилъ согласно съ этими путанными, смутными мыслями, все глубже и глубже погрязая въ развратъ, лѣнь и апатію. Такъ онъ жилъ до самой весны, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, судьба не протянула ему свою могучую руку. Неожиданно пришли весенніе, свѣтлые дни.

ГЛАВА XXIII.

Давно уже Дмитрій не встрѣчался съ Мишей Головинымъ и зналъ про него только отъ общихъ знакомыхъ, что онъ взялъ отпускъ изъ министерства и уѣхалъ за границу. Дмитрій чувствовалъ безъ него пустоту и не разъ вспоминалъ о немъ въ тяжелыя минуты.

„Вотъ бы съ кѣмъ развѣять тоску, — думалъ онъ, — вотъ онъ бы понялъ, что у меня дѣлается на душѣ".

Какъ-то днемъ, когда Дмитрій только что проснулся, какъ онъ говорилъ въ шутку, очень рано, потому что вечерняя газета еще не выходила, и думалъ о томъ, какъ онъ проведетъ вечеръ и ночь, къ нему неожиданно позвонили. Черезъ минуту въ спальню безъ доклада вошелъ Головинъ.

Онъ поразилъ Дмитрія своимъ помолодѣвшимъ, радостнымъ, почти счастливымъ видомъ.

— Какъ? — спросилъ онъ, улыбаясь, — еще въ постели?

— Еще! — повторилъ Дмитрій, — ты лучше скажи: уже проснулся! Здравствуй! Страшно радъ тебя видѣть. Ты совсѣмъ пропалъ. Гдѣ былъ и что дѣлалъ?

Миша сіялъ. Онъ не зналъ, повидимому, съ чего начать, и стоялъ передъ Дмитріемъ, то ударяя его по плечу, то по головѣ.

— У меня все отлично, братъ. Великолѣпно! Игру бросилъ навѣки. Веду себя примѣрно. А вотъ ваша милость какъ? Это хуже? А?! Вѣдь это надо бросить? А?! Довольно!

Дмитрій съ удивленіемъ взглядывалъ на него. Что такое случилось съ малымъ? Онъ, кажется, трезвъ, а совсѣмъ пьянъ духомъ. Влюбленъ, что ли? Или выигралъ гдѣ-нибудь?

Онъ никогда не видалъ пріятеля въ такомъ настроеніи.

Дмитрій заинтересовался и сталъ быстрѣе, чѣмъ обыкновенно, мыться и одѣваться, урывками допрашивая Головина, въ чемъ дѣло и гдѣ онъ странствовалъ.

— Былъ въ Парижѣ, потомъ на Ривьерѣ, — сказалъ Головинъ, усѣвшись въ кресло, — видѣлъ твою сестру. Она очень, очень поправилась и очень, очень безпокоится о тебѣ... А самъ я выхожу въ отставку.

— Въ отставку? — удивился Дмитрій, — а потомъ?

— Потомъ буду жить въ деревнѣ, — сказалъ Головинъ и улыбнулся.

— Стало быть, съ сестрой Вѣрой ты дружишь? — спросилъ Дмитрій, растирая красную шею полотенцемъ.

— Да, да. Очень, очень, — отвѣтилъ Миша и вдругъ, какъ мальчикъ, покраснѣлъ.

— Ты говоришь, что она поправилась?

— Очень, очень, по-моему.

Дмитрій не хотѣлъ говорить о разводѣ сестры, о которомъ онъ самъ только что хлопоталъ въ Синодѣ.

— У тебя все „очень“ сегодня, — улыбнулся онъ добродушно, — и ты дѣйствительно „очень“ милъ. Значитъ, вмѣстѣ завтракаемъ? А?

— Какой завтракъ! Уже четыре часа. Обѣдать пора.

— Ну, обѣдаемъ? Это безразлично, какъ называется. Можно завтракать въ двѣнадцать ночи, а ужинать въ восемь утра.

— Я хочу, чтобы ты сегодня не ѣздилъ въ клубъ, — сказалъ Головинъ, — а вечеромъ поѣхалъ бы со мной и Мэри на острова.

— Согласенъ, — сказалъ Дмитрій, — а сестра твоя поправилась?

— Совершенно.

— Ну, слава Богу.

Мэри тоже недавно болѣла тяжелымъ тифомъ. Дмитрій зналъ объ этомъ со стороны; самъ онъ не былъ у Головиныхъ ни разу за всю зиму, какъ вообще не былъ почти ни у кого. Мэри онъ почти забылъ и совершенно ею не интересовался. Миша сталъ говорить о сестрѣ.

— Я сначала и не зналъ, что у нея былъ тифъ,—говорилъ онъ взволнованно, — а была больна серьезно. Теперь зато ты ее не узнаешь. Расцвѣла, выросла, —прелесть.

— Я помню ее дѣвочкой, — сказалъ Дмитрій, подвязывая галстукъ передъ зеркаломъ.

— Ну, готово! — прибавилъ онъ, натянувъ пиджакъ, — теперь можно выпить стаканъ чая. Хочешь? Я больше не пью ничего спиртнаго, кромѣ водки и шампанскаго. Не играю и не курю. Ахъ, чортъ возьми, папиросы дошли! Три штуки осталось. Надо заказать. Григорій! А Григорій! Куда онъ, чортъ, запропастился?..

Вошелъ лакей. Дмитрій приказалъ ему заказать по телефону 500 штукъ новыхъ папиросъ.

— Васъ ожидаетъ посыльный отъ князя С., — сказалъ лакей, принявъ приказаніе.

— Что такое?

— Не знаю-съ, кажется, принесъ деньжонокъ.

— Деньжонокъ?.. А, это карточный долгъ. Ну-ка, гони сюда посыльнаго.

— Сію минуту-съ.

Вошелъ посыльный съ пакетомъ въ рукахъ.

— Двѣ тысячи рублей отъ князя С., — сказалъ онъ, низко кланяясь, — просили расписочку.

— Расписочку? Сію минуту, — сказалъ Дмитрій, весело улыбаясь.

Онъ принялъ деньги, расписался, далъ посыльному три рубля на чай и, когда остался одинъ съ Мишей, вдругъ громко расхохотался.

— Вообрази — сказалъ онъ, вспоминая свое вчерашнее счастіе въ карты, — С. продулся вдребезги и полѣзъ на мѣлокъ. Говорю ему: „Брось, продуешься!“ Нѣтъ же, писалъ мнѣ до закрытія клуба и остался-таки долженъ двѣ тысячи.

— Онъ, кажется, разошелся съ женой? У него цыганка какая-то.

— Богъ его знаетъ! Какое мнѣ дѣло! — радовался Дмитрій, — я убилъ ему вчера семь картъ подъ рядъ.

— Онъ проигралъ, кажется, за свою карточную карьеру тысячъ триста, если не больше, — продолжалъ вспоминать Миша.

— Ну, и чортъ съ нимъ! Какое намъ дѣло! А я? Думаешь, я мало проигралъ? Ну, довольно объ этомъ. Лучше еще разскажи про милую Францію и нашихъ милыхъ сестеръ.

— Да, знаешь, я тоже скоро уѣзжаю въ Карцовку съ сестрой на все лѣто. А ты, значитъ, къ себѣ въ Зыково?

— Разумѣется.

ГЛАВА XXIV.

Послѣ обѣда у „Медвѣдя" Дмитрій и Миша Головинъ на автомобилѣ заѣхали на Набережную за Мэри, чтобы вмѣстѣ ѣхать на острова. Мэри не заставила себя ждать и, улыбающаяся, веселая, въ сѣромъ клѣтчатомъ костюмѣ и въ бѣленькой шляпѣ съ малиновой бархатной отдѣлкой сейчасъ же вышла на подъѣздъ въ сопровожденіи важнаго швейцара.

„Какъ? Это Мэри Головина? — удивленно подумалъ Дмитрій, — та самая дѣвочка подростокъ, еще въ полукороткой юбкѣ, которую я видѣлъ тогда у нихъ за обѣдомъ?"

Онъ не вѣрилъ глазамъ, пораженный ея стройной сформировавшейся фигурой, ея красивымъ, чистымъ лицомъ, съ лучистымъ одухотвореннымъ взглядомъ, ея золотистыми, блестѣвшими на солнцѣ, кольцами остриженныхъ во время тифа волосъ.

Онъ выскочилъ изъ автомобиля и снялъ передъ ней шляпу, пожимая ея сухую руку въ бѣлой перчаткѣ.

— Мы очень давно не видались, — сказала она привѣтливо. — Какой чудный вечеръ! Тепло, какъ лѣтомъ.

Миша усадилъ сестру справа, рядомъ съ ней посадилъ Дмитрія, а самъ сѣлъ противъ нихъ.

— На острова, — крикнулъ онъ шофферу.

Автомобиль затрещалъ, потомъ тихо сталъ заворачивать. Они покатили по людной Набережной по направленію къ Троицкому мосту.

Автомобили, коляски, извозчики, пѣшеходы. Точно весь городъ высыпалъ изъ душныхъ домовъ подышать первымъ теплымъ весеннимъ вечеромъ.

Солнце еще высоко свѣтило надъ городомъ.

Нева, полная чистой весенней водой, точно сама горделиво радовалась тому, что природа, наконецъ, расковала ее отъ льдовъ и снѣга. Весело бѣгали по ней пассажирскіе пароходики. Мощно и спокойно несла она въ заливъ обильныя ладожскія воды.

— Хорошо, — сказала Мэри, оглядываясь кругомъ, когда автомобиль, затертый со всѣхъ сторонъ автомобилями, извозчиками и трамваями, тихо пошелъ по Троицкому мосту, — какъ красивъ Петербургъ въ такой чудный вечеръ! Смотрите туда, къ Биржѣ, какъ это величественно, широко. А тотъ берегъ — съ новой татарской мечетью, — какая прелесть.

Знаете, послѣ тифа я точно вновь родилась на свѣтъ... Я все вижу, все чувствую гораздо сильнѣе. Вы чувствуете, напримѣръ, этотъ замѣчательный влажный и мягкій воздухъ? Точно какой-то живительный напитокъ, котораго, вѣроятно, нѣтъ нигдѣ въ мірѣ!

И она стала дышать, втягивая въ себя воздухъ.

Дмитрій хотѣлъ было возразить ей, сказать, что ничего хорошаго нѣтъ въ Петербургѣ, но не дерзнулъ разрушать ея настроенія.

Миша тоже былъ веселъ, какъ никогда, и все время улыбался своей доброй улыбкой, показывая запломбированные золотомъ зубы.

Не доѣзжая Стрѣлки, они оставили автомобиль и пошли походить.

Взморье было гладко. Ни одной волны, никакой ряби. Весь заливъ впереди ярко блестѣлъ подъ лучами все ниже спускавшагося на западъ солнца.

По водѣ бѣлѣли паруса. Со страшной быстротой съ рѣки вылетѣла моторная лодка и съ шумомъ, разсѣкая по пути воду на двѣ длинныя высокія волны, унеслась въ море. Въ лодкѣ стояло четверо: двое мужчинъ и двѣ дамы. Дмитрій узналъ одного изъ нихъ, богатаго издателя-еврея, знакомаго по клубу.

— Поѣдемте на лодкѣ? — продложила Мэри, — я такъ бы хотѣла.

— Великолѣпно, — обрадовался Миша, взявшійся развлекать сестру.

И они прошли къ пристани, гдѣ стояли лодки для катанія. Они выбрали голубую лодочку, съ обычнымъ поэтическимъ названіемъ „Лебедь"; Дмитрій и Миша взялись за весла и очень быстро отъѣхали далеко отъ Стрѣлки. Минуя мели, они стали грести еще дальше и немного влѣво, такъ что теперь мысъ Крестовскаго острова остался у нихъ сзади. Кронштадтъ сталъ еще виднѣе.

— А это что? — вдругъ воскликнула Мэри. — Смотрите ради Бога! Пожаръ?

Гребцы бросили весла и всѣ стали смотрѣть въ сторону Петербурга.

Надъ нимъ громадное облако дыма сплошь заволокло все небо, всѣ строенія, дома, церкви, всѣ трубы фабрикъ, точно тамъ горѣлъ громадный, страшный пожаръ.

Отсюда, изъ-подъ чистаго неба, на чистой водѣ залива,

ясно и жутко вдругъ выдѣлился весь громадный и смрадный городъ.

Всѣ пришли въ настоящій ужасъ.

— И тамъ мы живемъ, — закричалъ Дмитрій, — и эту копоть вы называете живительнымъ напиткомъ? Нѣтъ, я больше никогда не вернусь туда! Я останусь здѣсь.

Мэри тоже была поражена видомъ коптящаго Петербурга, и веселье ея на минуту потухло. Умные, почти черные глаза ея выразили грусть. Она качала головой, какъ передъ бѣдой.

— Ничего! Теперь министры рѣшили бороться съ дымомъ! — весело сказалъ Миша. — Обратно, господа! А то будетъ поздно.

И онъ взялся за весла. Дмитрій сдѣлалъ то же самое. Но прежде, чѣмъ начать грести, онъ посмотрѣлъ Мэри прямо въ глаза и сказалъ:

— Послѣ этого я серьезно буду думать о томъ, чтобы тоже переселиться въ деревню. Нѣтъ, право, честное слово! Съ какой стати мы губимъ наши жизни, когда это никому не нужно? Я завтра же укладываюсь, кончаю всѣ дѣла и уѣзжаю на все лѣто въ Карцовку.

Онъ засучилъ мускулистыя руки, сжалъ крѣпко губы, взмахнулъ веслами и изо всѣхъ силъ рванулъ ихъ на себя.

Лодка сразу подалась впередъ на нѣсколько аршинъ. Дмитрій молчалъ, нагнувъ голову на крѣпкихъ, какъ канаты, мускулахъ шеи, и гребъ, гребъ безъ отдыха. Онъ слушалъ теперь разговоръ Миши съ Мэри, которые тоже начали строить планы на лѣто.

Мэри мечтала ѣздить верхомъ, сказала, что она стремится къ своимъ пчеламъ.

— Мы пріѣдемъ къ тебѣ въ Карцовку верхами, — сказалъ Миша, обращаясь къ Дмитрію. — Я вообще не понимаю, почему мы такъ мало видимся лѣтомъ. Сосѣди за сорокъ верстъ, а не видаемся почти никогда!

— Ты лѣнтяй, — сказалъ, наконецъ, Дмитрій, — а я негодяй!

Мэри быстро взглянула на него, но ничего не сказала. Она знала отъ брата о кутежной жизни Дмитрія, она знала о его игрѣ, и ей почему-то всегда за глаза было его жалко.

Даже въ тотъ единственный и первый разъ, что она его видѣла у нихъ за обѣдомъ, когда онъ почти не обратилъ на нее вниманія, она почувствовала къ нему ту же

безпричинную жалость. Онъ ей понравился своимъ скромнымъ, точно угнетеннымъ чѣмъ-то видомъ, и она подумала, что онъ, должно быть, хорошій малый.

Когда въ тотъ вечеръ Женя, уѣзжая, сказала Мишѣ, что Дмитрій ей мало понравился, Мэри заступилась за него, сказавъ, что ей, напротивъ, онъ понравился.

— Такъ ты негодяй? — повторилъ Миша, — развѣ?

— Конечно.

— Но зато я не лѣнтяй! Это навѣрное. Самъ скоро увидишь! Я вамъ покажу. Такихъ натворю чудесъ!

Опять они замолчали. Лодка быстро подвигалась впередъ. Мэри сидѣла на рулѣ и обнаженную руку опустила въ воду.

Вдругъ она чистымъ задушевнымъ голосомъ запѣла что-то.

— Это откуда? — удивленно спросилъ Дмитрій.

— Не знаю, — просто сказала Мэри.

Миша, весь красный отъ работы веслами, улыбался.

Мэри вдругъ заговорила задумчиво и тихо, точно сама бесѣдовала съ собой и этой мыслью какъ бы продолжала пѣсню, которая также неожиданно пришла ей въ голову.

— Вотъ мы всѣ мечтаемъ теперь о деревнѣ, — сказала она, — и я мечтаю. Проклинаемъ Петербургъ, а придетъ осень, опять всѣхъ насъ потянетъ въ эту копоть. Городъ и деревня, — что лучше? Старый и никуда не годный вопросъ. Вездѣ хорошо, если самъ живешь хорошо. Вездѣ плохо, если сама плоха. Прошлымъ лѣтомъ было такъ хорошо въ Зыковѣ, а потомъ вдругъ стало нестерпимо. Этотъ дикій народъ, его нравы, водка, драки, болѣзни, убійства. Помнишь, Миша, какъ Семенъ убилъ жену? Билъ, билъ ее и добилъ до смерти. Вотъ вамъ и прелестная русская деревня. А что дѣлать? Ужасно трудно. Я понимаю жить на необитаемомъ островѣ... Но вѣдь и тамъ надо ѣсть, пить и укрываться отъ града и снѣга. Помните разсказъ Стринберга? Вообще, жизнь — трудная штука, и иногда коптящій Петербургъ лучше чистаго воздуха лѣса.

Дмитрій и Миша гребли и слушали ее. Они уже приближались къ пристани.

Солнце совсѣмъ заходило. Становилось прохладнѣе. Публика со Стрѣлки разъѣзжалась. Когда Дмитрій простился съ Мэри, высадивъ ее и Мишу у подъѣзда ихъ дома, было уже десять часовъ.

— Что же теперь? — подумалъ онъ съ грустью, — опять въ клубъ?

Но онъ почувствовалъ, что сегодня онъ физически не можетъ идти туда, въ этотъ душный, преступный вертепъ, не можетъ и не хочетъ.

Онъ поѣдетъ спать, а завтра, завтра, если ему удастся, онъ вечеромъ уѣдетъ въ деревню. Все время онъ слышалъ въ ушахъ милый голосъ Мэри, сказавшей ему: „До свиданія въ Зыковѣ“, и видѣлъ передъ собой ея умные черные глаза. Она мало говорила за весь вечеръ. Больше слушала и смотрѣла. И по тому, какъ она на все смотрѣла и все слушала, Дмитрій понялъ, что она не только понимаетъ все вѣрно и здраво, но понимаетъ необыкновенно тонко, такъ, какъ немногіе. Напримѣръ, когда она говорила о деревнѣ и городѣ, видно было, что она чувствовала сама то, что сказала, и это не была только умная вѣрная мысль, а ея собственное отношеніе къ жизни.

„Вотъ съ такимъ человѣкомъ пріятно жить... — подумалъ Дмитрій. — Впрочемъ, развѣ можно жениться? Развѣ я на это способенъ? Достоинъ? Надо прежде заслужить, очиститься...“

И новая жизненная энергія чуть-чуть шевельнулась въ его заплывшей тиной душѣ. Вспомнивъ объ Ольгѣ и о томъ, что она осталась недовольна тѣми десятью тысячами, которыя онъ послалъ ей, вспомнивъ о прожитомъ и проигранномъ на половину наслѣдствѣ, онъ поморщился, точно отъ физической боли, нахмурился и безнадежно махнулъ рукой.

„Сколько испорчено, сколько сдѣлано непоправимаго и дурного! — подумалъ онъ съ острымъ раскаяніемъ. — Неужели я не понимаю, что пора, давно пора остановиться?“

Онъ сталъ обдумывать все по порядку, что̀ надо было сдѣлать въ городѣ, чтобы возможно скорѣе уѣхать, и когда дома онъ крикнулъ Григорія и приказалъ ему достать чемоданы, Григорій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на его свѣтлые, преобразившіеся, блестѣвшіе рѣшительностью большіе глаза.

Гр. Л. Л. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ В. ГЮГО.

(LÉGENDE DES SIÈCLES.)

КЕДРЪ.

Близъ моря Чермнаго, въ таинственной пустынѣ,
Гдѣ велъ Израиля Самъ Богъ и гдѣ понынѣ
На небѣ сумрачномъ, туманомъ облеченъ,
Сіяетъ Божій Ликъ, загадочный, какъ сонъ, —
Когда-то шелъ Омеръ, служитель Магомета,
Шеикъ, прославленный глубокимъ знаньемъ свѣта.
Онъ съ думой тайною въ Аравіи блуждалъ...
Порой на палицу онъ руки опиралъ
Для отдыха, и вновь съ невѣдомою думой
Онъ дальше уходилъ безмолвный и угрюмый.
И такъ, пройдя кругомъ святую Палестину,
Нашелъ онъ въ Патмосѣ песчаную равнину,
Гдѣ, лежа на землѣ, подъ солнечнымъ лучомъ,
Апостолъ Іоаннъ объятъ былъ тихимъ сномъ.

Апостолъ Іоаннъ, какъ намъ гласитъ преданье,
Не умеръ, и его, для тайнаго призванья,
Хранитъ въ запасѣ Богъ. Еноха и Илью
Онъ также присудилъ къ земному бытію,
Пока не явится Антихристъ — и они
Его не поразятъ въ тѣ горестные дни.

Апостолъ почивалъ, и взоръ его чудесный,
Которому открытъ свободно міръ небесный,
Покоился въ тѣни опущенныхъ рѣсницъ.
Онъ видѣлъ, этотъ взоръ, какъ шумно пали ницъ
Предъ гнѣвомъ Божіимъ твердыни Вавилона
И стѣны гордыя великаго Сіона.

Онъ, избранный, одинъ лучи свои пролилъ
Въ ту бездну черную, гдѣ тьмы нечистыхъ силъ
Таились въ глубинѣ зіяющей пещеры.
Онъ видѣлъ въ будущемъ безумный хохотъ Вѣры,
Пославшей небесамъ проклятія свои,
И все, что ждетъ людей предъ гибелью земли.

Апостолъ почивалъ, и съ неба голубого
Лучъ солнца ударялъ въ открытый лобъ Святого.

Омеръ же праведный, почти пророкамъ равный,
Нашелъ въ пустынѣ кедръ. Вершиною державной
Онъ гордо высился надъ берегомъ морскимъ.
Вѣтвистъ онъ былъ и старъ, и тѣнь была подъ нимъ.
И, ставъ предъ нимъ, Омеръ взглянулъ на сѣверъ темный,
И руку онъ простеръ, чтобъ видѣлъ кедръ огромный
То мѣсто за моремъ въ туманѣ дальнихъ странъ,
Гдѣ спалъ на островѣ апостолъ Іоаннъ, —
И молвилъ, тронувъ кедръ, незыблемый отъ вѣка:
„Ступай ты, кедръ, прикрой святого человѣка“.

Надъ горькимъ озеромъ такъ не былъ недвижимъ
Въ Содомѣ бѣлый столбъ, оставшійся нѣмымъ
По волѣ Господа, какъ тронутый шеикомъ
Былъ тихъ могучій кедръ въ своемъ покоѣ дикомъ.
На немъ не дрогнулъ листъ.
Тогда Омеръ со злостью
„Ступай же“ закричалъ и кедръ ударилъ тростью.
И вновь, незыблемый, не чуялъ кедръ удара.

И сталъ тогда просить таинственнаго дара
Шеикъ съ молитвою у Бога. Онъ вознесъ
Десницу къ небесамъ и важно произнесъ:
„Ступай, вѣтвистый кедръ, иди въ тотъ дальній край —
„Во Имя Господа Всесильнаго ступай!

— Зачѣмъ ты ранѣе то Имя не назвалъ?
Сказало дерево. — И мощно затрещалъ,
Весь дрогнувъ, кедръ. Широкими вѣтвями
Онъ въ воздухѣ махнулъ, какъ судно парусами.
Онъ землю старую и камень раскололъ,
И когти вытащилъ, и корни онъ расплелъ, —

И съ силою взлетѣлъ подъ небо кедръ огромный,
И въ даль понесся онъ какой-то птицей темной,
Оставилъ за собой онъ Ѳивы, Ерихонъ,
Безчисленныхъ боговъ угрюмый Пантеонъ —
Египетъ, Нилъ и Уръ, отчизну Авраама,
И рѣки райскія, убѣжище Адама,
И, быстро пролетѣвъ безмолвный Ханаанъ,
Прорѣзалъ съ вышины надъ моремъ онъ туманъ,
И палъ на Патмосѣ, покрывъ шатромъ тѣнистымъ
Святого, спавшаго подъ зноемъ золотистымъ.

Когда жъ апостола оставилъ тихій сонъ,
Онъ тѣнью дерева былъ странно изумленъ,
И съ важной строгостью у кедра онъ спросилъ:
„Скажи, вѣтвистый кедръ, зачѣмъ ты поспѣшилъ
Въ одинъ короткій мигъ нежданно зародиться,
Воспрянуть изъ земли и листьями покрыться?
Въ пустыню голую, гдѣ знойный свѣтитъ день,
Твою не призывалъ я сумрачную тѣнь.
Творится въ мірѣ все естественно и просто.
Земнымъ созданіямъ столь сказочнаго роста
Природа не даетъ. Разумно рѣшено
Такъ Господомъ Самимъ, что все насаждено
Должно быть съ прочностью. И долго выростаютъ
Деревья крѣпкія. Людей переживаютъ
Они, пока дойдутъ до полной высоты.
Дождемъ пролитая, возносится въ листы
Изъ корня темнаго живительная влага,
Даруя дереву таинственныя блага
Въ незримыхъ капелькахъ питательной росы,
Скрывающей въ себѣ залогъ его красы.
Кора его прочна, какъ мѣдная кольчуга,
Которой не сорветъ бичующая вьюга,
И стволъ его въ землѣ такъ сильно укрѣпленъ,
Чтобъ могъ онъ вынести давленіе временъ,
И всѣ его года, отъ корня до вершины,
Вездѣ намѣчены на кольцахъ сердцевины.
И чудомъ старый кедръ не дѣлался великъ.
Что часъ соорудилъ — разрушить можетъ мигъ“.

И молвилъ кедръ: „Все такъ, апостолъ справедливый.
Но въ даль меня послалъ старикъ благочестивый“.

Святой же Іоаннъ, не ждавъ того отвѣта,
Спросилъ: „Кто онъ?“ — „Омеръ, служитель Магомета“,
Сказало дерево. — „Онъ властно повелѣлъ,
Чтобъ землю кинулъ я, гдѣ сотни лѣтъ сидѣлъ,
И шелъ бы защитить тебя своею тѣнью“.
Тогда оставленный, по Божьему велѣнью,
Забытымъ средь живыхъ апостолъ Іоаннъ
Воскликнулъ съ острова на берегъ дальнихъ странъ:
„Пророки новые, идущіе въ народы,
Не смѣйте нарушать спокойствіе природы!“

1877. С. Андреевскій.

I.

НА ШОССЕ.

Второй уже день я шагалъ по грязному шоссе вмѣстѣ со своей ротой. Она стояла въ резервѣ на отдыхѣ и во время этого отдыха пополнялась людьми изъ маршевыхъ командъ, которыя точно лились откуда-то изъ глубины страны, какъ ручьи, медленно катившіеся къ морю. Многихъ изъ прежнихъ товарищей со мной уже не было. Теперь шли другіе, люди разныхъ положеній и возрастовъ, даже разныхъ національностей, собравшіеся со всѣхъ концовъ огромной страны. И всѣ вмѣстѣ, усталые, потные и грязные, второй день шли по шоссе. Шли нестройно, сбиваясь въ кучи и теряя тактъ марша, перекладывали ружья съ плеча на плечо, гуськомъ обходили глубокія лужи и мѣнялись короткими замѣчаніями, обрывками фразъ, иногда шутками. Мы были, казалось мнѣ иногда, сѣрой толпой рабочихъ, съ трудомъ пробиравшихся куда-то впередъ на неизбѣжную и тяжелую работу. Офицеровъ у насъ было мало. Командовалъ нами прапорщикъ запаса, добродушный человѣкъ изъ молодыхъ адвокатовъ, поздоровѣвшій на моихъ глазахъ отъ физическаго труда. Теперь онъ шелъ сбоку, по самому краю шоссе и перепрыгивалъ черезъ камни. Другіе прапорщики сливались съ нашей сѣрой толпой, какъ мы сливались съ дождливымъ и хмурымъ ноябрьскимъ небомъ.

Усталые, мы останавливались тутъ же для приваловъ, сбоку шоссе. Для этого стоило только перепрыгнуть черезъ канаву, полную холодной, замерзающей грязи, и расположиться на лужайкѣ или прямо на озимяхъ, убѣгавшихъ изумрудными нитками въ сѣрую и холодную даль. Тогда ставили ружья

въ козлы, ложились прямо на мерзлую землю и начинали болтать. Ждали походную кухню, которая тащилась гдѣ-то въ хвостѣ обоза, и поминутно останавливалась, пропуская конныя части или зарядные ящики. Но отдыхъ приносилъ всегда хорошее настроеніе, и было величайшимъ удовольствіемъ лежать на краю канавы, вытянувъ уставшія и слегка нывшія ноги.

— Надо бы костеръ теперь безпремѣнно, — говоритъ кто-нибудь убѣжденно.

— Зачѣмъ?

— А такъ. Нешто безъ костра можно?! Съ нимъ веселѣй. Опять же погрѣться. Нельзя безъ костра.

И тогда нѣсколько человѣкъ поднимались и шли съ топорами къ окаймлявшимъ шоссе толстымъ тополямъ и каштанамъ. Сѣрые и голые стояли они вдоль дороги, зіяя бѣлыми ранами. Ихъ не валили на землю, а прямо отдирали куски отъ ихъ живого тѣла проходившія мимо части, свои и чужія. И было что-то странное и жуткое въ этихъ большихъ голыхъ деревьяхъ съ содранной корой и съ отрубленными кусками живого бѣлаго тѣла. Казалось, никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но стоило только остановить на нихъ взглядъ, какъ въ душу проникалъ щемящій и тревожный холодокъ.

— Скажи, что будетъ съ ними весной! — спросилъ я товарища. — Что будетъ съ ними, когда жаркое солнце позоветъ къ жизни все, что еще можетъ жить?

Товарищъ отвернулся, точно я его чѣмъ-то обидѣлъ. И потомъ, помолчавъ:

— А съ нами, что будетъ съ нами? Развѣ ты знаешь? Не все ли равно...

И онъ заговорилъ о другомъ, объ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ дому недѣлю тому назадъ, и о которыхъ я уже зналъ, стараясь, какъ и мы всѣ, отмахнуться отъ тяжелой мысли о смерти, съ которой невозможна была бы наша теперешняя походная жизнь. А рядомъ съ нами медленно разгорался костеръ.

Достали гдѣ-то охапку соломы, и бѣлые сырые куски дерева трещали и дымились, переходя въ пламенные языки. По грязному шоссе тащилась наша кухня, и чей-то голосъ кричалъ задорно и весело:

— Поздравляю, ребята! Разносолы пріѣхали!

Жирныя, пахнувшія дымкомъ, щи казались намъ вкус-

ными и еще выше поднимали настроеніе уставшихъ людей. Точно въ этомъ горячемъ желѣзномъ ящикѣ на колесахъ ѣхало вслѣдъ за нами веселье, которое теперь маленькими порціями разносили нестроевые солдаты.

Наша кухня и нашъ обозъ располагались на отдыхъ тутъ же, рядомъ съ нами. Маленькой полянки рядомъ съ шоссе для этого уже не хватало. Обозъ съ своими лошадьми тѣснился сбоку, поближе къ двумъ полуразрушеннымъ халупамъ и изумрўднымъ лентамъ хлѣбовъ, убѣгавшимъ въ сѣрую даль. Распряженныя лошади отряхались и фыркали и, ища свободы, вырывались иногда на хлѣба.

Тогда изъ халупы выбѣгали двѣ женщины, — молодая и старая, — и начинали что-то быстро кричать нестроевымъ солдатамъ. Музыкальная польская рѣчь звучала тревожно и раздраженно, но не для всѣхъ изъ насъ убѣдительно. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ моихъ товарищей говорилъ мнѣ съ недоумѣніемъ:

— Поди жъ ты! Сердятся тоже насчетъ озимей. Нешто теперь намъ до ихнихъ хлѣбовъ! Опять же, гляди, онѣ и такъ ужъ потоптаны.

Дѣйствительно, мѣстами онѣ были сильно помяты. А нѣсколько дальше правильные ряды всходовъ пересѣкались полуобсыпавшимися канавами окоповъ, остатками проволочныхъ загражденій и рядами небольшихъ холмиковъ съ разбросанной кругомъ глиной.

— Ишь ты, какихъ дѣловъ здѣсь настряпали... А онѣ насчетъ хлѣбовъ своихъ безпокоятся, — говоритъ мнѣ товарищъ.

— Нѣмецкія позиціи были, — произноситъ чей-то равнодушный голосъ.

— А ты глаза-то прежде разуй, — отвѣчаетъ другой такой же равнодушный голосъ. — Нѣмецъ, онъ ежели своего хоронитъ, такъ вровень съ землей, даже ногами притопчетъ, чтобъ не видать было. А тутъ холмики понасыпаны. Вонъ... Вонъ маленькій крестикъ бѣлѣется... Значитъ, рота своимъ господамъ офицерамъ поставила.

— Ну, и народское здѣсь дѣло, — слезы однѣ! — говоритъ загорѣлый бородатый запасный. — Деревни всѣ выжжены, халупы ихнія по бревнамъ растасканы и чужими, и нашими. Народъ по оврагамъ и лѣсамъ, какъ звѣрь, укрывается. Прямо надо говорить, слезы однѣ! И не придумаешь. Если бы, къ примѣру, у насъ такъ, въ Воронежской губерніи...

И, не докончивъ рѣчи, бородатый запасный умолкаетъ и задумчиво смотритъ куда-то вдаль, въ сѣрѣющія подъ осеннимъ небомъ поля. Умолкаетъ и грустно-тревожная женская рѣчь. Мы отдыхаемъ.

А по шоссе мимо насъ идетъ непрерывное движеніе, какъ потокъ, неумолимый и властный, не останавливающійся ни ночью, ни днемъ... Короткій осенній день быстро спѣшитъ погасить свои краски, точно онъ усталъ и недоволенъ всѣмъ окружающимъ. И теперь, когда мы медленно и лѣниво встаемъ, чтобы строиться и продолжать путь, кругомъ быстро темнѣетъ. Нашъ выходъ на шоссе нѣсколько замедляется. Маленькое замѣшательство, потому что вдругъ на минуту остановился неудержимый потокъ. Остановилась артиллерія, и замолкъ грохотъ и лязгъ стальныхъ орудій. Пропускаютъ встрѣчный санитарный обозъ. Молоденькій военный докторъ ѣдетъ верхомъ, смѣшно скорчившись на сѣдлѣ, какъ мирный штатскій, въ первый разъ взобравшійся на лошадь и уже уставшій на первой верстѣ. Мимо молчаливыхъ и холодныхъ орудій пробираются двуколки и одноколки, украшенныя краснымъ крестомъ и наполненныя ранеными. Они лежатъ, прикрытые сѣрыми шинелями, тихіе и молчаливые, словно ко всему равнодушные. Изрѣдка на козлахъ повозокъ мелькаютъ молоденькія женскія лица, прикрытыя темной повязкой. Большіе и яркіе красные кресты выдѣляются на темныхъ платьяхъ сестеръ. Солдаты отдаютъ имъ честь такъ же, какъ и офицерскимъ погонамъ. Привѣтъ труду и состраданію, такъ же какъ и жестокому долгу. Санитарный транспортъ проходитъ, и вновь движется ровный потокъ. Теперь уже и мы вступаемъ въ него, какъ ручей въ рѣку, и движемся вслѣдъ за артиллеріей, изрѣдка обгоняемые казачьими всадниками. Отдохнувшіе, мы идемъ размашистымъ шагомъ, перекидываясь замѣчаніями и разговорами о домашнихъ дѣлахъ, о полученныхъ письмахъ, о разныхъ вещахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлью нашего похода. Точно всѣмъ передъ неизбѣжной работой, которая надолго оторветъ насъ отъ этого, хочется побыть въ своемъ товарищескомъ кругу и наговориться о личныхъ дѣлахъ.

И такъ, минута за минутой, тянется въ удручающемъ однообразіи живой потокъ, иногда сжимающійся, чтобы пропустить встрѣчныхъ или дать мѣсто обгоняющимъ. Мимо насъ проходитъ къ резервамъ какой-то обозъ. Онъ, видимо, спѣшитъ, и сопровождающій его всадникъ нервничаетъ и то-

ропится и безпрестанно кричитъ давно уже охрипшимъ голосомъ:

— Пропустите, братцы! Спѣшно приказано! Безъ воды люди сидятъ!

И ползутъ, прыгая по ямамъ и выбоинамъ, какія-то бочки.

Сзади на парной бричкѣ мѣстнаго производства ѣдетъ кто-то изъ крупныхъ чиновниковъ военнаго вѣдомства. По погонамъ штатскаго совѣтника на солдатской шинели не разберешь должности. Не то контроль, не то полевая почта. А еще сзади напираетъ чей-то автомобиль, настойчиво пролагая себѣ дорогу и поминутно давая гудки. Маленькія, лохматыя лошаденки въ бричкѣ пугаются. Сначала онѣ жмутся къ канавѣ, а потомъ вдругъ бросаются впередъ по дорогѣ. Въ обозѣ начинается безпорядокъ и замѣшательство. Дышло брички попадаетъ въ бочку и пробиваетъ ее. Льется вода, раздаются растерянные, негодующіе крики. Всадникъ, провожающій обозъ, оборачивается и кричитъ хриплымъ голосомъ:

— Осади назадъ! Воду-то, воду берегите! Куда прешь, старый чортъ, ослѣпъ, что ли!

— Прошу васъ, господинъ офицеръ, осторожнѣе выбирать выраженія, — отвѣчаетъ раздраженный голосъ изъ брички.

— Воду-то выпустили, черти! А потомъ: „осторожнѣе, господинъ офицеръ!“ Я тебѣ не офицеръ, а фельдфебель.

И вдругъ изъ брички раздается совершенно такой же раздраженный и почему-то такой же хриплый голосъ:

— Рапортъ подамъ! Не-до-пустимо! Подъ судъ! Нарушеніе дисциплины!

Резонный, можетъ быть, окрикъ начальства не производитъ въ этой обстановкѣ замѣтнаго впечатлѣнія. Всѣмъ, должно быть, слишкомъ понятна цѣнность воды тамъ, гдѣ люди пробиваютъ тонкій ледокъ осенней лужи, чтобы напиться.

Торопливо и молча приводятъ въ порядокъ обозъ, устанавливаютъ въ рядъ перепутавшихся лошадей, и вновь движется въ медленномъ стремленіи неудержимый потокъ. И еще черезъ нѣсколько верстъ, когда уже замѣтно сгущаются долгія сумерки осенняго дня, вдругъ раздается впереди глухой раскатъ грома. Странное и жуткое впечатлѣніе. Вспоминается зной лѣтняго дня, ликующая жизнь природы и темно-сизыя тучи въ вышинѣ душнаго воздуха.

Жутко оттого, что ничего этого теперь нѣтъ. И опять гдѣ-то впереди глухой раскатъ грома.

— Это наша тяжелая сибирская начала, — говоритъ, ухмыляясь, запасный воронежецъ. — Она, братъ, шутить тоже не любитъ.

И теперь, съ каждымъ шагомъ впередъ, намъ все слышнѣй канонада невидимыхъ батарей, — своихъ и чужихъ. То это рѣдкіе громовые удары, то сплошной гулъ отдаленной грозы. А медленный потокъ на шоссе все такъ же движется впередъ къ близкимъ резервамъ. Новая остановка въ пути, чтобы, прижавшись къ канавѣ, пропустить людей оттуда, гдѣ теперь слышится непрерывный гулъ канонады. Въ густыхъ сумеркахъ осенняго дня я всматриваюсь въ безконечную вереницу фуръ, повозокъ, въ отдѣльныя группы пѣшихъ людей. Нашъ потокъ останавливается надолго этимъ встрѣчнымъ потокомъ. Дѣти и старики, ярко-полосатые костюмы польскихъ крестьянокъ, какъ въ калейдоскопѣ перемѣшиваются здѣсь съ мелкимъ домашнимъ скарбомъ, со всѣмъ тѣмъ, что случайно, словно въ порывѣ отчаянія, спѣшатъ захватить съ своихъ пепелищъ бѣженцы.

Канонада впереди все такъ же бьетъ ровными громовыми ударами. Но теперь въ темномъ воздухѣ уже видны сине-багровые взрывы шрапнели. Гдѣ-то сбоку загорается деревня и горитъ тихимъ и ровнымъ пламенемъ, котораго теперь некому тушить.

— Здорово! — говоритъ запасный воронежецъ, прислушиваясь къ пушечному гулу.

— Здорово! Ураганнымъ огнемъ пошли, — должно, къ ночной атакѣ готовятся.

А встрѣчный потокъ бѣженцевъ все еще тянется мимо насъ. И кажется, что не будетъ конца этимъ вереницамъ повозокъ и фуръ, людей и мелкихъ домашнихъ животныхъ. И вотъ еще: какія-то длинныя фуры, биткомъ набитыя перинами и дѣтьми. Евреи, такіе жалкіе въ своихъ длинныхъ лапсердакахъ, пейсахъ и маленькихъ шапочкахъ, жмутся около фуръ. И въ свѣтѣ зарева далекаго пожара, при сине-багровыхъ взрывахъ шрапнели, на меня глядятъ испуганно и странно огромные глаза дѣвочки, утонувшей въ перинѣ среди жалкаго скарба... Эти глаза, прекрасные, тревожные и молящіе, долго стоятъ передо мной и преслѣдуютъ меня даже и тогда, когда мы, часомъ позже, сворачиваемъ съ загроможденнаго шоссе и пробираемся по проселочной дорогѣ, похожей на тропинку, мимо заброшеннаго фольварка, къ нашимъ резервамъ. Гулъ выстрѣловъ гудитъ впереди перекатываю-

щимся громомъ, и вспышки шрапнели тонутъ въ заревѣ тихо горящей деревни. Теперь рядомъ со мной идетъ нашъ ротный изъ адвокатовъ, и я спрашиваю его, какъ человѣка бывалаго, о впечатлѣніяхъ первой атаки.

— Какъ вамъ сказать? — произноситъ онъ вяло и медленно. — Вотъ вы спросили сейчасъ: страшно ли это? Нѣтъ, или, можетъ быть, да, — я и самъ навѣрно не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, жутко, очень ужъ жутко. Но вѣдь это только въ первыя минуты, въ какія-то неуловимыя мгновенія... А потомъ, — я не знаю, какъ у другихъ, — но меня вдругъ охватило чувство свободы. Вы не понимаете? Но вѣдь мы всѣ чѣмъ-то связаны въ жизни. И разныя привязанности, и матеріальныя отношенія. А тутъ вдругъ ничего нѣтъ назади и не нужно. Человѣкъ и передъ нимъ смерть,— ничего больше...

Я всю жизнь стремился къ свободѣ и теперь съ грустью думаю, что вотъ такая свобода близка, и мнѣ, и всѣмъ моимъ товарищамъ...

II.

ОТДЫХЪ.

Вторая летучка третьяго передового земскаго отряда расположилась на этотъ разъ очень удобно. Точно судьба захотѣла, наконецъ, вознаградить ее за долгія недѣли лишеній. Стоянки въ крестьянскихъ халупахъ, гдѣ было сыро и холодно и приходилось спать на тѣсно составленныхъ носилкахъ, пріемъ раненыхъ въ такихъ же халупахъ, наскоро передѣланныхъ въ перевязочныя, безпрерывныя передвиженія по ночамъ вслѣдъ за своей дивизіей, — все это миновало. Теперь летучка расположилась въ маленькой барской усадьбѣ, полузаброшенной и полуоставленной. Большой каменный флигель былъ приспособленъ для лазарета, а въ маленькихъ комнатахъ барскаго дома размѣстился весь персоналъ. Онъ занялъ весь домъ, кромѣ трехъ комнатъ, въ которыхъ жили племянникъ хозяина, приказчикъ и экономка. Установилась жизнь не только удобная, но и спокойная. Дивизія сидѣла въ окопахъ верстахъ въ пяти или шести впереди и вела по-

зиціонную войну. Изрѣдка шла перестрѣлка, затихавшая къ вечеру, гремѣли выстрѣлы орудій, своихъ и чужихъ, выстрѣлы, къ которымъ всѣ уже прислушались и привыкли. И раненыхъ было немного. Атаки давно уже не предпринимались, но иногда по утрамъ привозили раненыхъ враговъ и своихъ изъ развѣдочныхъ командъ.

А впереди со второго этажа барскаго дома виднѣлся въ развалинахъ разрушенный городокъ. Онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и теперь еще не былъ занятъ никѣмъ. Изъ-за него все еще велась безконечная кровавая борьба, и передовыя части доставляли летучкѣ раненыхъ дѣтей, забытыхъ и брошенныхъ населеніемъ и игравшихъ на улицахъ подъ взрывами шрапнели. А въ общемъ было спокойно, и теперь, въ самый разгаръ красивой, въ этомъ году запоздавшей весны, персоналъ земскаго отряда отдыхалъ отъ напряженной работы и долгихъ зимнихъ скитаній вслѣдъ за своей дивизіей.

Жизнь въ усадьбѣ просыпалась рано, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ. Смѣнялись дежурившія въ лазаретѣ сестры и въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ проходили по саду, какъ молчаливыя тѣни. Потомъ показывался на крыльцѣ начальникъ летучки, Николай Капитонычъ. Высокій и худой, обросшій давно не стриженной бородой, онъ пожимался отъ утренняго холодка и суетливо бѣжалъ на кухню, на конюшню, будилъ санитаровъ и водворялъ тотъ порядокъ, строгій и неумолимый, въ который онъ вѣрилъ и которымъ самъ любовался. И казалось, что одновременно съ нимъ просыпался и садъ заброшенной усадьбы. Блестя жемчужной росой, онъ словно улыбался всходившему солнцу и выставлялъ изъ поросшихъ травой цвѣтниковъ яркія розы. Тогда выходила изъ кухни и присаживалась на крылечкѣ экономка, толстая пани Ядвига, и по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижно, грѣясь на солнцѣ. Изрѣдка прислушивалась она къ отдаленному пушечному выстрѣлу, качала сѣдѣющей головой и вздыхала:

— О Езусъ коханый!

Слѣдующимъ появлялся въ саду приказчикъ, панъ Серватка. Онъ издали, вѣжливо приподнявъ шляпу, кланялся пани Ядвигѣ и, подойдя къ ней, долго топтался на одномъ мѣстѣ, въ недоумѣніи разводя руками. Дѣлать ему было рѣшительно нечего, и потому этотъ толстый маленькій господинъ, съ гордо поднятыми кверху усами, направлялся медленной походкой по липовой аллеѣ въ конецъ сада, туда, гдѣ

на берегу ручья стояла статуя Мадонны въ лучезарномъ вѣнцѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Санитары растапливали полевую кухню и запрягали лошадей. Казакъ, пріѣхавшій съ извѣстіемъ изъ штаба дивизіи, привязывалъ лошадь у балкона. Начинался обычный дѣловой день... А къ семи часамъ уже кипѣлъ самоваръ въ маленькой столовой барскаго дома. Жили дружно. И когда весь персоналъ размѣщался за чайнымъ столомъ, то казался большой семьей, какія въ старину бывали въ крестьянскихъ дворахъ. Во главѣ стола, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ Николай Капитонычъ и зачѣмъ-то сурово и строго поглядывалъ кругомъ. А со стѣнъ, казалось, съ такой же строгостью глядятъ старые портреты въ потемнѣвшихъ отъ времени рамкахъ: Наполеонъ, Мицкевичъ и Костюшко... Но доктора, и сестры, и санитары-студенты весело болтали между собой. Вспоминали тѣхъ, кто остался далеко на востокѣ. И всѣ слова ихъ точно были освѣщены надеждой, — надеждой на то, что все это, наконецъ, кончится. Панъ Серватка, занимавшій всегда одно и то же мѣсто на краю стола, поднималъ съ недоумѣніемъ брови, отчего поднимались еще болѣе кверху его усы, и бросалъ въ пространство вопросъ:

— А что, будьте ласковы мнѣ сказать, будетъ теперь съ хозяйствомъ моего пана?

Никто не зналъ. Вопросъ оставался безъ отвѣта, если не считать вздоха пани Ядвиги, пившей чай за отдѣльнымъ столикомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ.

— О Езусъ коханый!

Позже всѣхъ, къ самому концу долгаго чаепитія появлялся самъ панъ Пржигодскій. Онъ былъ тщательно расчесанъ, отъ него пахло одеколономъ, и еще издали всѣмъ бросался въ глаза его яркій, искусно повязанный, галстукъ. Онъ галантно обходилъ всѣхъ съ привѣтствіемъ, начиная съ женщинъ, и небрежно садился за столъ. Запивая медленными глотками остывшаго чая кусочки хлѣба, онъ говорилъ иногда съ иронической ноткой:

— Увы! Кто мнѣ скажетъ теперь, гдѣ мой дядя? Развѣ я знаю, что сталось съ нимъ въ нашихъ австрійскихъ имѣніяхъ? А между тѣмъ я вынужденъ былъ запереться здѣсь безъ всякихъ средствъ и бѣденъ, какъ церковная мышь.

И вновь наступало молчаніе. Панъ Серватка, впрочемъ, иногда считалъ нужнымъ ставить точки надъ „i“ и тогда говорилъ:

— Да. Любилъ-таки панъ покутить въ Варшавѣ. Ой, какъ любилъ!

И нельзя было понять, отъ почтительности или презрѣнія поднимались тогда кверху его усы. А панъ Пржигодскій утвердительно кивалъ головой, соглашаясь съ тѣмъ, что были когда-то хорошіе, веселые дни. И еще какіе! А вотъ теперь...

И разговоръ переходилъ на войну, на то разореніе, которое несетъ она съ собой, какъ кошмаръ, обращая кругомъ все въ пустыню.

Послѣ обѣда жизнь земскаго отряда затихаетъ на короткое время. Санитары и сестры ложатся отдохнуть, готовясь къ ночной работѣ. Пишутъ письма, одно за другимъ, накапливая ихъ, чтобы отправить при первой возможности. Панъ Пржигодскій дремлетъ у ручья, въ тѣнистой аллеѣ, съ французскимъ романомъ въ рукахъ. Ни экономки, ни пана Серватки не видно. И Николай Капитонычъ уходитъ наверхъ, въ свою маленькую комнату, подремать, а, главное, написать письма. Онъ чувствуетъ, что ему непремѣнно надо кому-нибудь написать. Кругомъ ежедневно пишутся письма, и ему слѣдовало бы написать хоть кому-нибудь изъ знакомыхъ. Знакомыхъ у него, разумѣется, много, но на письма онъ очень лѣнивъ. Отъ этого писаніе писемъ кажется ему изумительно труднымъ дѣломъ, и онъ постоянно задаетъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: о чемъ же, собственно, ему слѣдуетъ написать?.. И такъ долго сидитъ онъ въ раздумьѣ въ своей маленькой комнатѣ. Его перо останавливается на первой же строчкѣ, чернила засыхаютъ, и онъ начинаетъ думать о прошломъ. Онъ думаетъ о томъ, что какъ-то очень ужъ суетливо и странно прошла его жизнь. Въ дѣтствѣ приличная бѣдность и анекдотически скучная и жестокая гимназія, потомъ кратковременное офицерство. И все это представляется теперь какъ сонъ, въ которомъ стерлись подробности. Затѣмъ высшее образованіе, лекціи въ сельско-хозяйственномъ институтѣ и долгая земская работа, къ которой онъ прильнулъ всей душой. Но, Боже мой, какой неудовлетворенной и странной кажется теперь ему эта работа! Смѣшно оглянуться назадъ и видѣть цѣлую жизнь проведенной въ мелкой, совсѣмъ, можетъ быть, ненужной борьбѣ. Точно цѣлые года уходили не на дѣло, а на доказательства кому-то о его необходимости, цѣлые года тягостнаго топтанія на одномъ мѣстѣ. И въ душѣ Николая Капитоныча живетъ отъ

этого смертельная усталость. И вотъ такое прошлое отодвинуло куда-то на второй планъ личную жизнь, приговаривало его къ невольному путешествію на сѣверъ и ничего не оставило ему даже въ воспоминаніяхъ, кромѣ мимолетнаго увлеченія. Эта любовь къ одной изъ артистокъ быстро вспыхнула въ его душѣ при первой случайной встрѣчѣ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ и такъ же быстро угасла, когда судьба развела ихъ, ее — по тернистой дорогѣ къ искусству, его — по пути выборовъ, помѣщичьяго либерализма и циркулярнаго строительства общественной жизни. Николай Капитонычъ думаетъ съ грустью объ этомъ и все собирается кому-нибудь написать. Друзей и пріятелей въ общественныхъ сферахъ у него достаточно, а писать нечего. Не описывать же имъ разныхъ подробностей происходящей на его глазахъ войны. Всѣмъ этимъ занята теперь общественная мысль, и удивительная порода писателей, которыхъ зовутъ корреспондентами, успѣла уже наложить свой штемпель на событія, сдѣлала ихъ въ родѣ ходячей монеты — однородными и затертыми. Да и кому нужны вообще его личныя впечатлѣнія? Его работа нужна, онъ это знаетъ, а его переживанія и впечатлѣнія могли бы быть дорогими только той близкой душѣ, которой у него нѣтъ и, кажется, никогда не было. И Николай Капитонычъ все собирается написать и все откладываетъ свое намѣреніе на завтра. Зато получаемыя изрѣдка письма онъ хранитъ и любитъ перечитывать. Онъ выискиваетъ тѣ, которыя больше говорятъ его сердцу. Вотъ письмо сестры милосердія, дочери его товарища, которую онъ носилъ на рукахъ маленькой дѣвочкой, и которая работаетъ теперь гдѣ-то далеко отъ него въ такомъ же отрядѣ. Въ концѣ концовъ, письмо тоже совсѣмъ дѣлового характера.

„... Въ дѣтствѣ, увлекаясь „Борьбой Буровъ съ Англіей“ и другими воинственными повѣстями, мы съ подругой тайно отъ всѣхъ назвались нашими любимыми героями, которымъ мы не позволили умереть вмѣстѣ съ неумолимымъ концомъ книги. Мы создали себѣ вторую жизнь. Въ ней я забывала о фрейлейнъ, заботившейся о томъ, чтобы я надѣвала калоши, когда отправлялась на нашъ дворикъ на призрачномъ конѣ за призрачными подвигами. Забывала объ угрозахъ оставить меня безъ кофе, когда долго по утрамъ, проснувшись, я лежала съ открытыми глазами, выдумывая безконечную жизнь нашихъ безсмертныхъ героевъ. Но ко-

нецъ былъ. Былъ тогда, когда мы увидѣли передъ собой не ущелья и горы Кавказа, а сѣрыя поля и деревеньки и валяющихся вмѣстѣ съ поросятами деревенскихъ ребятишекъ, когда мы съ подругой поклялись, если будетъ война съ Россіей, обстричь себѣ волосы и въ мужскихъ костюмахъ встать въ ряды солдатъ защищать родину. Не знаю, кто развѣнчалъ нашихъ дѣтскихъ воинственныхъ героевъ! Подвигъ въ убійствѣ кажется уродствомъ, а подвигъ въ смерти?.. — Въ душѣ чувствуешь, что гораздо труднѣе жить, чѣмъ умереть и что умереть — это слишкомъ мало... Я разсуждала, что сестеръ такъ много, что я буду не нужна. Но разсужденія не помогли, когда охватила тоска неудовлетворенности. Хотѣлось отдать всѣ свои силы, и время, и мысли. Но въ столицѣ работать мнѣ тяжело. Идти въ сестры здѣсь часто значитъ — мода, а ходить въ костюмѣ сестры — пошлость. Желая быть полезной, я рѣшила работать въ ближайшихъ къ войнѣ лазаретахъ, гдѣ мнѣ кажется я не могу быть лишней... Я не прошу у васъ протекціи, и если по вашему убѣжденію я не имѣю права, то вопреки этому убѣжденію вы меня не устраивайте...“

Милая, славная дѣвочка! Николай Капитонычъ ее и не устраивалъ именно оттого, что лѣнивъ и не любитъ писать, и еще оттого, что самъ боится даже подумать о какой-нибудь протекціи. А вотъ теперь перечитываетъ письмо и думаетъ о томъ, сколько такихъ чистыхъ и безкорыстныхъ душъ притянулъ къ себѣ кошмарный ужасъ войны на ряду съ другими, такъ на нихъ не похожими. И Николай Капитонычъ думаетъ, что люди — это отдѣльныя волны огромнаго океана и всѣ они почему-то кажутся ему жалкими... А вотъ и еще письмо изъ его маленькой коллекціи. Оно написано не ему. Это помятый листокъ бумаги, вынутый изъ кармана раненаго, умершаго тутъ же и похороненнаго за садомъ, недалеко отъ того ручья, на берегу котораго дремлетъ теперь съ французскимъ романомъ въ рукахъ панъ Пржигодскій. У Николая Капитоныча не хватило духу изорвать этотъ листокъ, и онъ перечитываетъ его всегда, когда разбираетъ свои письма. Коротенькая записка, написанная на клѣтчатомъ листкѣ, вырванномъ изъ тетради.

„Тятя я о тебѣ соскучился пріезжай скорѣе домой привези пряниковъ да конфетку я тебя буду ждать. Твой сынъ писалъ

Ваня.“

Дальше былъ рисунокъ. Контуры маленькой руки были обведены карандашомъ.

На рисункѣ была надпись: „Это Анютина рука“.

А еще дальше:

„И нельзяли тибе какъ сняться на карточку. Какъ льзя такъ снимись а нельзя тебѣ виднее“.

Николай Капитонычъ думаетъ нѣкоторое время объ этомъ Ванѣ, который ждетъ пряниковъ и карточку и присылаетъ сюда контуры руки маленькой сестренки.

Потомъ, усталый, онъ вдругъ рѣшаетъ отложить свои письма назавтра. Онъ медленно раздѣвается, открываетъ настежь окно въ цвѣтущій весенній садъ и ложится въ постель. Черезъ нѣсколько минутъ вдругъ врывается въ окно раскатъ грома.

„Это восьмидюймовое,“ думаетъ онъ, засыпая.

Утомленный предшествовавшей безсонной ночью, Николай Капитонычъ проспалъ долго. Отъ этого онъ не слыхалъ, какъ въ усадьбу въѣхали гости, и проспалъ гудки ихъ автомобиля. Проснулся онъ только тогда, когда они вошли въ комнату и привѣтствовали его веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ. Это были — старый земскій докторъ, завѣдующій эпидемическимъ райономъ у самыхъ позицій, и уполномоченный изъ комитета, снабжавшій отряды деньгами и забиравшій у нихъ документы. Оба стояли у постели и смѣялись въ то время, какъ Николай Капитонычъ глядѣлъ на нихъ удивленными спросонья глазами.

— Хорошъ! — говорилъ, давясь смѣхомъ, уполномоченный. — Въ ясный и тихій весенній вечеръ спитъ себѣ, какъ младенецъ. Хоть бы пушкамъ-то велѣлъ замолчать на время своего отдохновенія.

— Прошу слова, — сказалъ Николай Капитонычъ.

И, наскоро одѣваясь, онъ всталъ съ постели, — длинный, худой и высокій.

— Прошу слова. Я долженъ сказать вамъ, господа, что къ пушкамъ мы всѣ здѣсь давно ужъ привыкли, и онѣ не производятъ на насъ впечатлѣнія. Но условія современной войны таковы, что дѣлаютъ совершенно невозможнымъ прекращеніе канонады ни днемъ, ни ночью. И если современная война вся держится техникой, то...

— Лишаю васъ слова, — сказалъ докторъ. — Одѣвайтесь скорѣе и угощайте насъ чаемъ гдѣ-нибудь, въ вашемъ

великолѣпномъ саду, на лужайкѣ или на балконѣ, — это все равно, но только скорѣе.

На балконѣ, гдѣ былъ накрытъ чайный столъ, было на этотъ разъ необычайно весело. Весело и отъ пріѣзда гостей, привезшихъ долгожданныя письма и новости, и отъ благоухавшей кругомъ весны съ ея цвѣтущей бѣлой акаціей и каштанами, убранными блѣдно-розовыми свѣчами цвѣтовъ. И опять-таки, какъ это всегда бывало въ непосредственной близости къ войнѣ, говорили о далекой родинѣ, о знакомыхъ, обо всемъ, что только интересуетъ людей въ жизни, но только не о войнѣ. А когда стемнѣло, и въ кустахъ жасмина запѣлъ соловей, и вставшая луна засеребрила воздухъ надъ садомъ, всѣмъ захотѣлось музыки. Старый докторъ, большой любитель и дилетантъ, пошелъ къ піанино, чтобы сыграть то, что онъ еще помнилъ наизусть. И теперь, въ этой обстановкѣ, ему захотѣлось передать Шопена такъ, какъ онъ его понималъ.

И долго лились прекрасные звуки. Рѣзко и странно выдѣлялись они среди пѣнія соловья и отдаленнаго грохота батарей. А когда докторъ кончилъ, только тогда замѣтили, что одинъ изъ слушателей тихо плакалъ, примостившись въ неосвѣщенномъ уголкѣ. То былъ панъ Пржигодскій.

— Что съ вами? Что съ вами? — бросились къ нему сестры.

— Finis Poloniae, finis Poloniae, — повторялъ, всхлипывая, панъ Пржигодскій.

— Но того еще не можно знать, — возражалъ панъ Серватка, поднимая кверху усы и брови.

И опять нельзя было понять, съ почтительностью или презрѣніемъ относится онъ къ пану Пржигодскому.

А соловей попрежнему пѣлъ въ темныхъ кустахъ жасмина, попрежнему слышенъ былъ грохотъ далекихъ батарей, и вдали поднималось красное зарево. Это горѣлъ теперь, можетъ быть, уже окончательно разрушенный городъ...

III.

СОЧЕЛЬНИКЪ.

Въ пустой и холодной передней помѣщичьяго дома, половина котораго занята была врачами земскаго отряда, а

другая военными докторами сибирской дивизіи, часто раздавался тревожный, но сухой и странный голосъ. Никто не отвѣчалъ этому голосу, къ нему постепенно привыкли и даже, кажется, не всегда слышали. А голосъ время отъ времени продолжалъ раздаваться, — все тотъ же сухой, тревожный и до странности жуткій голосъ:

— Кто тамъ? Кто тамъ? Кто тамъ?

Мимо шмыгали сестры милосердія и солдаты въ огромныхъ мохнатыхъ папахахъ, не отвѣчая на голосъ и ни на что не обращая вниманія. И тогда умолкалъ встревоженный голосъ, умѣвшій говорить только два слова. И старый зеленый попугай, оставленный здѣсь, или, быть можетъ, забытый бѣжавшими отъ войны хозяевами, начиналъ чистить взъерошенныя перья, глядѣлъ, пожимаясь отъ холода, обиженнымъ и неудомѣвающимъ взглядомъ кругомъ и, наконецъ, засыпалъ. И тогда надолго умолкалъ странный голосъ.

Подъ вечеръ, въ сочельникъ передъ Рождествомъ, когда запыхавшійся солдатъ прибѣжалъ доложить, что все готово, изъ дому вышли сразу всѣ военные доктора. Нѣсколько сестеръ изъ земскаго отряда присоединились къ нимъ. Составился молчаливый кортежъ, чтобы проводить на покой капитана двѣнадцатаго полка, скончавшагося передъ обѣдомъ отъ пулевой раны въ паху. Капитанъ, доставленный ночью изъ окопа, былъ сравнительно веселъ всю ночь и только передъ утромъ забылся. А когда очнулся, то сказалъ слабымъ голосомъ товарищу-доктору:

— Ты, братъ, вотъ что. Ты напиши. Все равно, надо же вѣдь, чтобы знали. Ты напиши.

И не сказалъ ничего больше. Теперь его хоронили.

День стоялъ холодный и хмурый. Съ вечера шелъ снѣгъ, къ утру растаявшій, и солдаты-санитары, несшіе наскоро сколоченный гробъ, шагали по грязи. Верстахъ въ четырехъ, не смолкая ни на минуту, гремѣли пушки, и одна изъ сестеръ думала теперь о томъ, что онѣ странно напоминали раскаты весенняго грома. Надо было пройти весь садъ, на опушкѣ котораго, при дорогѣ, хоронили умершихъ въ одной братской могилѣ. Тамъ стоялъ простой деревянный крестъ, далеко видный изъ-за зелени елей. Повернули на узенькую дорожку и шли вдоль быстрой и крошечной рѣчки съ какимъ-то коротенькимъ, точно ласкательнымъ польскимъ названіемъ, — кажется, — Мися. И такъ же молча, какъ шли, опустили гробъ въ могилу и бросили на него по горсти

земли. И только, когда уже шли назадъ, старшій докторъ произнесъ медленно:

— Такъ-то, господа. Вотъ она — жизнь человѣческая. Нѣтъ ужъ Николая Петровича.

Но никто на это ничего не отвѣтилъ, и всѣ молча, пожимаясь отъ холода, воротились домой.

— Кто тамъ? Кто тамъ? Кто тамъ?— говорилъ странный голосъ.

Въ земскомъ отрядѣ, составленномъ изъ поляковъ, шла суета, усилившаяся къ вечеру. Волновались больше всѣхъ сестры милосердія. Онѣ поминутно бѣгали на кухню, носили какіе-то пакетики и все спрашивали, не вернулся ли посланный въ ближайшій городишко санитаръ. Густыя сумерки превращались уже въ ночь, вдали были видны синенькіе огоньки разрывавшейся шрапнели, а санитаръ все еще не возвращался. Но сестры не унывали. Онѣ заняли самую большую комнату въ домѣ и объявили, что позовутъ всѣхъ, когда будетъ готовъ ужинъ, вѣками освященный ужинъ сочельника. Дежурные разбрелись по дѣламъ, а свободные, не мѣшая хозяйкамъ, сошлись на половинѣ военныхъ врачей. Здѣсь было слишкомъ тепло и накурено, но уютно. Пили чай, говорили о войнѣ, къ которой прикованы были мысли всѣхъ и отъ которой нельзя было оторваться, и вдругъ переходили къ отрывочнымъ воспоминаніямъ. Кто-то вспомнилъ родной городъ и вдругъ начиналъ разсказывать, какъ тамъ живутъ, и этотъ разсказъ казался чѣмъ-то давно минувшимъ, къ чему трудно вернуться. Другой начиналъ говорить о семьѣ и читалъ отрывокъ изъ стараго, нѣсколько недѣль тому назадъ полученнаго, письма. Тогда комната почему-то дѣлалась еще уютнѣй, и словно въ тѣни мелькали наивныя и веселыя дѣтскія лица. Разговоръ былъ оживленнымъ и общимъ. Угрюмо молчалъ только одинъ младшій врачъ. Молча уходилъ онъ навѣщать раненыхъ, молча возвращался и садился въ уголъ, задумчиво теребя рѣдкую бороду.

— Да брось ты, Вася, — сказалъ ему старшій товарищъ. — Этакъ вѣдь и говорить по-человѣчески позабыть можно.

И потомъ, обращаясь къ компаніи:

— Онъ, господа, войну считаетъ нелѣпостью. То-есть не просто нелѣпостью, а, такъ сказать, преступленіемъ. Но вѣдь что же съ этимъ подѣлаешь?! Въ жизни есть такія вещи,

которыя надо переживать, какъ бы ты къ нимъ ни относился. Не правда ли?

Младшій врачъ ничего не отвѣтилъ. Онъ отвернулся къ окну, въ которое глядѣлась холодная, мутная ночь съ нарождавшимся въ туманѣ молодымъ мѣсяцемъ.

И черезъ минуту уже забыли объ этомъ тоскующемъ человѣкѣ. Снова шелъ оживленный разговоръ, перебиваемый воспоминаніями. Говорили о позиціяхъ и объ отбитой атакѣ, объ упорствѣ врага и о томъ, что война можетъ затянуться надолго.

— Удивительно это упорство, съ какимъ нѣмцы лѣзутъ въ атаку, — сказалъ одинъ изъ гостей. — Идти густыми колоннами на огонь — это безуміе.

— Такое же безуміе, если это только безуміе, и у насъ. Развѣ вы не слышали, какъ говорилъ плѣнный нѣмецъ о томъ, что люди въ мохнатыхъ папахахъ удивляютъ его тѣмъ, что дерутся не только днемъ, но и ночью. Война есть война и ничего больше, — возразилъ старшій врачъ.

— Посмотрите, господа, посмотрите: идетъ автомобиль!

— Ну, значитъ, въ польскомъ отрядѣ будетъ сочельникъ съ гостями. Къ доктору обѣщалась съ оказіей пріѣхать сестра.

Оказія эта представлялась уполномоченнымъ, имѣвшимъ дѣло въ отрядѣ. Теперь этотъ уполномоченный, освободившись отъ безчисленнаго множества какихъ-то кульковъ, заваливш ихъ его въ автомобилѣ, галантно высаживалъ пріѣхавшую гостью. Гостья была музыкантшей, кончавшей консерваторію, пугалась уже за нѣсколько верстъ до пункта грома выстрѣловъ и все спрашивала, убьютъ ее или нѣтъ. Уполномоченный былъ увѣренъ, что нѣтъ, и потому старался припомнить, гдѣ это въ музыкѣ изображаются пушечные выстрѣлы. Тогда путешественница успокоилась и заговорила о прелюдіи Шопена, которую хотѣла бы сыграть, если бы нашлось фортепіано. Теперь она вынимала какія-то лакомства и подарки, привезенные ради праздника.

— Видите ли, для того, чтобы на войнѣ быть героемъ, надо ни во что считать свою жизнь, — продолжалъ докторъ. — Это самое главное. И чѣмъ больше вы присматриваетесь къ людямъ, тѣмъ больше вы убѣждаетесь, что люди вообще къ этому имѣютъ способность. Вспомните хоть бы этого фейерверкера, который крикнулъ, чтобы разбѣгались люди

кругомъ, а самъ бросился тушить загоравшійся зарядный ящикъ. Презрѣніе къ своей жизни — и ничего больше.

— Позвольте, но во имя чего? Во имя спасенія другихъ, — по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, — сказалъ кто-то.

— Ахъ, господа, разумѣется, должна же быть, въ концѣ концовъ, и въ войнѣ какая-нибудь идея, но не въ ней одной дѣло, — настойчиво говорилъ докторъ, точно стараясь убѣдить другихъ въ совершенно ясной для него мысли.

И споръ разгорѣлся снова. Говорили о значеніи войны, разбирали ея экономическую необходимость, вспоминали примѣры изъ исторіи. И въ безконечныхъ противорѣчіяхъ спутались, наконецъ, окончательно и съ недоумѣніемъ стояли передъ этой загадкой, какъ передъ кошмаромъ.

— Господа! Прошу пановъ до коляціи, — торжественно и радостно сказала вбѣжавшая сестра милосердія.

Было пріятно бросить тягостный споръ, и вся компанія, шутя и смѣясь, направилась въ столовую. И вдругъ, при самомъ входѣ, всѣхъ охватило молчаніе. Въ углу, гдѣ-то у печки, примостилась маленькая елочка, куски гигроскопической ваты бѣлѣли на ней какъ снѣгъ, и нѣсколько свѣчей мерцали, какъ звѣзды. На столѣ дымился уже постный супъ съ грибами. Но сѣсть было еще нельзя. Надо было всѣмъ присутствующимъ ломать другъ съ другомъ облатку, обмѣниваясь пожеланіями счастія. И этотъ трогательный и милый обычай занялъ достаточно времени. Онъ перешелъ и въ другія комнаты, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ санитарамъ и кучерамъ повозокъ, возившихъ раненыхъ съ позицій. Нѣкоторые задумывались надъ тѣмъ, какого счастія пожелать другъ другу теперь, среди крови и терпѣливаго страданія...

А потомъ шелъ ужинъ. Длинный и чинный рождественскій ужинъ. Подъ грубой скатерью на столѣ шуршало сѣно; за супомъ слѣдовала рыба, которую гдѣ-то ухитрился достать посланный санитаръ, за рыбой традиціонныя клецки, орѣхи и пряники. И въ самомъ концѣ ужина сестры милосердія начали пѣть. Начала молоденькая, похожая на дѣвочку, сестра съ наивными голубыми глазами. Неувѣренный, высокій, слегка дрожащій голосъ началъ коляду. Это былъ гимнъ Младенцу Іисусу, гимнъ мира и правды, къ которымъ всегда стремится измученное человѣчество. Нѣсколько увѣренныхъ женскихъ голосовъ подхватили рождественскій гимнъ, волной передался онъ въ сосѣднюю комнату, и теперь пѣли уже

всѣ, — и нѣжные голоса женщинъ, и грубые голоса санитаровъ и кучеровъ.

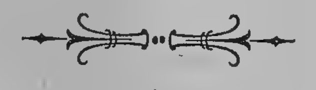
Здѣсь, подъ гулъ доносившихся пушечныхъ выстрѣловъ, звучалъ этотъ гимнъ, и странно было слышать его въ такой обстановкѣ и смотрѣть на маленькую елку, стыдливо прижавшуюся у печки въ углу. И когда, наконецъ, смолкъ рождественскій гимнъ, всѣ о чемъ-то задумались. О чемъ теперь думали эти люди?

— Господа, — сказалъ вдругъ вошедшій штабный офицеръ, — господа, я заѣхалъ поздравить васъ съ праздникомъ. Что же касается до новостей, то предупреждаю васъ, что сегодня къ утру вамъ будетъ много работы. Ночью приказана атака. Да вотъ, слышите, кажется, уже началось...

И тогда всѣ выбѣжали на крыльцо. Вдали слышалась частая перестрѣлка, въ темнотѣ громыхали орудія... Отъ хлопанія дверей въ холодныхъ сѣняхъ проснулся старый забытый попугай. И странный, жутко-тревожный голосъ повторялъ безпрестанно:

— Кто тамъ? Кто тамъ? Кто тамъ?

Вл. Ладыженскій.

* *
*

Тихій домъ нашъ боги посѣтили,
Чтобы здѣсь остаться навсегда.
Нашихъ стадъ по красотѣ и силѣ
Не превысятъ царскія стада.
И прохожій смотритъ, какъ за домомъ
Яблони склоняются въ шатры,
И у насъ такъ радостны знакомымъ
Праздники и скромные пиры.
Не внесите къ намъ дорожной пыли,
Будьте тихи — дѣти чутко спятъ.
Тихій домъ нашъ боги посѣтили,
И союзъ нашъ свѣтелъ сталъ и святъ.

Т. Ефименко.

ПОГАСШАЯ ЛАМПАДА.

1.

Любили ли вы, лежа ночью въ постели, смотрѣть, какъ гаснетъ огонекъ лампады передъ темнымъ ликомъ въ яркой ризѣ? Уже нѣтъ масла въ цвѣтномъ стаканчикѣ, но фитиль еще пропитанъ имъ. Огонекъ задыхается въ мощныхъ объятіяхъ мрака, но не хочетъ уступить. Онъ синѣетъ, ослабѣваетъ, вотъ-вотъ исчезнетъ. Но не вѣрьте, — въ минуты слабости онъ собираетъ силы. Вотъ онъ снова вспыхнулъ ярко и вырвалъ у тьмы слабо замѣтныя черты Великой Матери на серебряномъ фонѣ, его блѣдный лучъ обрисовалъ смутно контуры мебели, подчеркнулъ насмѣшливо длинныя уродливыя тѣни и ласково улыбнулся вашему ложу. Онъ принимаетъ, какъ всякій честный боецъ, свою агонію за побѣду, но вы знаете, что это — агонія, и порой вашъ усталый взоръ даже раздражаетъ упрямое миганіе. Вотъ совсѣмъ погасъ, но нѣтъ, — опять дрожитъ и бьется синяя искорка.

И, когда, — почти всегда неожиданно, — онъ исчезнетъ, и ночь станетъ пристально вглядываться въ васъ изъ-за стекла окна или щели между косякомъ и шторой, — вамъ, не правда ли, жаль хотя на мгновеніе бѣднаго погибшаго огонька?

2.

Въ лампадѣ ея давно не было масла. Кто виноватъ въ этомъ, — суровый капризъ жизни, открывшей ея огонь сквозному вѣтру, или сама, неразумная дѣва, не позаботившаяся о томъ, чтобы масла хватило подольше, а дѣтски восхищавшаяся только тѣмъ, что огонь пылалъ ярко и весело?

Сорокъ съ небольшимъ лѣтъ назадъ вышла она на житейское распутье. Совершался на Руси великій переломъ. Трещали и рвались старыя цѣпи, плелись новыя, вмѣсто желѣзныхъ — шелковыя. Сила

уступала хитрости, грубая правда — изощренной лжи. За святыми знаменами юности шли жадной толпой мародеры, маркитанты, осквернители могилъ... И народъ, обрученный съ свободой, тщетно искалъ на брачномъ ложѣ невѣсты своей...

Но дочь семьи недавнихъ владыкъ этого народа была почти рада своей бѣдности, — вѣчной подругѣ независимости. Кусокъ хлѣба, омытый слезами, — все-таки свой кусокъ. Древній человѣкъ съ обаятельной поэзіей мечты, рожденной въ поту и крови рабовъ, остался далеко позади. Пусть гибнутъ старыя усадьбы, — ихъ смѣнятъ школы. Пусть разлагается и вымираетъ барство, — ему идетъ на смѣну аристократія духа. Барышня станетъ работницей на народной нивѣ и трудомъ собственнымъ и дѣтей своихъ искупитъ грѣхи отцовъ.

Городъ русской мысли, арена и пантеонъ ея, принялъ въ каменныя объятія юную дочь провинціи и научилъ ее трудиться и любить.

3.

„Куда идти, къ чему стремиться?
Гдѣ силы юныя пытать?"

Природа не дала ей красоты, — и она не создала собственной семьи. Природа отказала ей въ талантѣ, — и она не стала ни артисткой, ни художницей, ни писательницей. Умъ ея рождалъ порой яркія блестки, но былъ неглубокъ, и наука не открыла ей дверей своего алтаря.

Были, какъ въ каждой юности, свѣтлые миражи, но разсудокъ и жизнь скоро разбивали ихъ. А тутъ грянула страшная катастрофа, и заговорили разбитыя, надорванныя, разсѣянныя силы о маленькихъ дѣлахъ и маленькихъ людяхъ...

Некрасивая, неглупая, добрая и честная, маленькая женщина избрала себѣ въ удѣлъ скромную работу акушерки, — труженицы, которую общество вспоминаетъ лишь скандальными процессами, забывая о подругѣ своихъ матерей и женъ въ мгновенія тягчайшихъ мукъ женщины, едва минетъ урочный девятый день.

Хищница, мастерица абортовъ, изгонительница плода, укрывательница темныхъ дѣлъ, сообщница разврата — ужасна, возмутительна, ей мало достойной казни. Но она сплошь да рядомъ извѣстна, обезпечена, даже уважаема. А честная сестра ея по профессіи такъ же мало замѣтна, какъ честный дворникъ, честный трубочистъ, честный извозчикъ.

Воистину, „маленькое дѣло"!

4.

Сколько безсонныхъ томительныхъ ночей прошло передъ нею! Сколько женскихъ очей, то полныхъ слезами, то сухихъ въ истомѣ отчаянія, глядѣло на нее, какъ на спасительницу и владычицу жизни и смерти! Сколько запекшихся устъ красавицъ и уродовъ, счастливыхъ и несчастныхъ, спокойныхъ и истеричекъ, терпѣливыхъ и избалованныхъ, лепетало, говорило, кричало и вопило одинъ и тотъ же страшный и роковой вопросъ:

— Скоро ли?

Наступалъ страшный кризисъ, женщина теряла образъ человѣческій. Иногда холодѣло отъ поцѣлуя смерти истомленное чело ея. Иногда создавался компромиссъ, — смерть уступала жизни ребенка за мать или мать за ребенка. Но чаще жизнь побѣждала, и радость искупала муки единымъ мгновеніемъ. Пѣла въ восторгѣ душа матери:

— Мой, мой! Богатый, нищій, законный, незаконный, слабый, сильный, — мой прежде всего! Мой, дорогой, любимый!"

И муки, и смерть, и радость, и безконечную любовь, и первый крикъ молодой жизни, едва пустившей ростокъ, — все видѣла и принимала первая она, — скромная жрица „маленькаго дѣла".

5.

Ко всему привыкаетъ человѣкъ. Энтузіазмъ молодого творчества уступилъ мѣсто равнодушію опыта, теплое слово души смѣнилъ шаблонъ истрепанной фразы. Изъ жрицы стала ремесленница, порой небрежная и легкомысленная раба случая. На смѣну служенію пришла „практика". Семья разсыпалась. Родители умерли, почти ничего не оставивъ дѣтямъ. Обвѣяннымъ духомъ стараго барства, всосавшимъ съ молокомъ матери традицію особыхъ привилегій издревле благороднаго сословія, пришлось, скрѣпя сердце, сливаться съ толпой бездомнаго пролетаріата и готовить къ тому же дѣтей, говоря имъ объ ужасахъ нищеты и безграничной власти капитала:

— Жизнь страшна. Исчезъ вѣкъ даровой славы, почтенія къ заслугамъ предковъ. Комфортъ, поэзія, красота, любовь, — все покупается за деньги. Будь смѣлъ, дерзокъ, циниченъ, безпринципенъ, трудолюбивъ, настойчивъ, хитеръ. Тогда подымешься изъ бездны и станешь жить достойно твоего имени. Останешься идеалистомъ, романтикомъ, донъ-Кихотомъ, — будешь вѣчнымъ шутомъ, и благородное имя станетъ позорной кличкой въ глазахъ господъ и рабовъ.

Моя героиня стала гордиться, что имѣетъ собственный кусокъ лѣба, куп ленный тяжелымъ трудомъ,—гордость дочери новаго времени.

6.

Но сердце женщины полно жажды личнаго бога. Отвлеченная идея, сознаніе пользы общественнаго служенія, благоговѣніе передъ святыми завѣтами духа, — все мертво и холодно, если не слито съ „кѣмъ-нибудь". Магдалины нѣтъ безъ Христа.

Но природа не дала ей красоты. Ее уважали, въ ней цѣнили хорошаго человѣка, несли ей на грудь горе, повѣряли тайну, — часто любви къ другой, ниже безконечно ея въ духовномъ смыслѣ, но съ миловиднымъ личикомъ и стройнымъ станомъ. Больше ничего не дождались ни робкій, молящій взглядъ, ни ночная мечта, ни орошенная слезами ея подушка.

Наконецъ, пожалѣла жизнь. Скупо, скаредно, капризно, все-таки пожалѣла. Встрѣтила она человѣка, обиженнаго судьбой, также неудачника, слишкомъ застѣнчиваго, чтобы стать счастливымъ, и слишкомъ чистаго, чтобы сдѣлаться развратникомъ.

Двѣ души сквозь зеркало любви увидѣли прекрасное начало въ грубой оболочкѣ и стали близки. Она вышла замужъ. Годъ былъ отдыхомъ въ тихой пристани.

Но къ концу его надвинулась гроза. Истрепала ли жизнь слабый мозгъ ея мужа, сказались ли печальная наслѣдственность или грѣхи далекой молодости, но разсудокъ его сталъ мутиться. Тщетны были ласки, нѣжность и заботы жены. Съ каждымъ днемъ смотрѣлъ онъ равнодушнѣе на ея отчаяніе и муки, пока не ушелъ совсѣмъ въ вѣчность, чужой и нѣмой.

Снова стала она на распутьѣ, уже на переломѣ, съ сѣдиной въ волосахъ, съ первыми штрихами морщинъ на челѣ.

7.

Буря промчалась. На обломкахъ разбитой старины создалось и расцвѣло новое. Она увидѣла родныхъ братьевъ и сестеръ, осѣвшихъ прочно въ своихъ гнѣздахъ, увидѣла ихъ дѣтей, изъ которыхъ одни уже строили жизнь, другіе мечтали о любви, третьи, прелестныя и невинныя, жили настоящимъ днемъ, олицетворяя его отъ книгъ о герояхъ и игрушекъ до сладкаго материнскаго сосца.

И въ каждомъ увидѣли глаза ея дорогую кровь, кровь ея отца и матери. Она сквозила въ чертахъ лица, прорывалась въ привычкахъ, ею звучали голоса и отзывались убѣжденія. Прошлое, отодвинувшись далеко, стало милѣе, сгладивъ туманъ недостатковъ и пошлости, сверкая лишь достоинствами. Безконечной нѣжностью звучали въ устахъ ея

слова о племянникѣ или внукѣ, слова женщины, не имѣвшей собственныхъ дѣтей:

— Онъ — вылитый дѣдушка Петръ Ивановичъ.

И, если-бы кто-нибудь изъ скептиковъ осмѣлился ей сказать тогда: „Послушай, тетя, развѣ походить на дѣдушку Петра Ивановича — уже такое счастіе?“ она не нашла бы словъ для негодованія.

Одинокая, истрадавшаяся, потерявшая личное счастіе, нашла его въ любви къ роду.

8.

Родная кровь стала ея кумиромъ. Если кто-нибудь изъ родни побѣждалъ судьбу и людей, завоевывалъ себѣ хорошее положеніе, это было естественнымъ:

— Онъ такой-то. Нашъ родъ и доблесть — синонимы.

Случалось другому родному терпѣть неудачи, — она говорила:

— Это естественно. Людей выдающихся, честныхъ, талантливыхъ всегда гонятъ.

И, если даже неудачникъ купался въ грязи, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, если отъ него отворачивались съ презрѣніемъ самые близкіе люди, у нея находилось и тутъ слово оправданія:

— Онъ — хорошій человѣкъ въ душѣ, но слабый, увлекающійся, безхарактерный. Его погубили худые люди, нужда, любимая женщина.

Не было вины родного, которую она не могла бы простить.

Она поселилась въ городѣ, дорогомъ ей по воспоминаніямъ дѣтства и юности, стоявшемъ на перепутьѣ всей Россіи, — грязномъ, неуютномъ, неустроенномъ, но близкомъ сердцу, гдѣ были родныя могилы, и ея дѣвичья фамилія звучала не чуждымъ звукомъ. Долгое время не мѣняла она ее и на своей вывѣскѣ. Для всѣхъ родныхъ имя ея и города стали неразрывно связанными и неотдѣлимыми. И, посѣщая городъ, никто изъ членовъ рода не миновалъ ея кровли. Разныя впечатлѣнія и воспоминанія оставляли ей гости. Однихъ она винила за сухость и эгоизмъ, другихъ одобряла за вниманіе и любовь, тѣхъ бранила за непрактичность и безалаберность, иными гордилась за успѣхи въ жизни. Но всѣхъ вѣнчали въ ея глазахъ имя и кровь. Человѣчество вѣками тщетно грезитъ о братствѣ, эгоизмъ разбиваетъ общественныя, партійныя, кружковыя узы. Одинокая лампада въ скромномъ захолустьѣ говорила:

— Люди, будьте братьями хотя бы въ узкой сферѣ кровнаго родства.

И загоралась свѣтлая искорка въ сердцѣ, и медлила рука съ поднятымъ камнемъ.

9.

Но беречь дорогую лампаду было некому.

Одни лежали въ могилахъ, другіе скитались въ чужихъ краяхъ, третьихъ связала по рукамъ и ногамъ собственная семья, четвертыхъ увлекли карьера и слава, пятые ушли съ головой въ тину пошленькаго мѣщанскаго благополучія, шестые отдали бы ей все, если бы что-нибудь сами имѣли. А всѣ вмѣстѣ, какъ всегда бываетъ, не видѣли настоящей правды, настоящаго смысла существованія бѣдной, больной старушки, — горячей, взбалмошной, рѣзкой, часто смѣшной, всегда безалаберной, всегда нуждавшейся, всегда о чемъ-то просившей, за кого-нибудь хлопотавшей. Дьяволъ жизни, имя которому — нужда, злорадно бросалъ на ея черты клеймо смѣшной попрошайки, безтактной сплетницы, неопрятной мотовки. Близорукимъ пошлякамъ казалось болѣе естественнымъ и благоразумнымъ съ ея стороны соединить съ безконечными жалобами на нищету откладываніе на черный день, съ ханжествомъ и лицемѣріемъ — практическую скаредность. Всѣ такъ дѣлаютъ. Она не была похожа на „всѣхъ“, нуждаясь сама, но ни въ чемъ не отказывая другому, ворча на нужду, но обижаясь, когда у нея не останавливались или не приходили обѣдать. Старое барство, старое студенчество, родовыя традиціи, наивная религіозность и чуткая отзывчивость одинокаго сердца, — такова была гамма, которую до смерти пѣла ея душа.

10.

Борьба съ жизнью полна безконечныхъ наслажденій духа, но тѣло въ ней изнашивается быстро, въ особенности сердце. Красота подвига требуетъ жертвъ, — иначе, въ чемъ цѣнность добра?

Что-то стало портиться внутри, ходъ часового механизма сталъ глуше, жизненная сила съ бо̀льшимъ трудомъ каждый годъ поднимала твердѣвшія и хрупнувшія стѣнки сосуда любви и ненависти, счастія и страданій. Она чувствовала боли въ сердцѣ, — то рѣзкія, какъ уколы булавки, то тупыя, продолжительныя, какъ нытье костей при ревматизмѣ, — слышала перебои, задыхалась при ходьбѣ. Врачи лѣчили ее обычными палліативами, сознавая безсиліе послѣднихъ при отсутствіи душевнаго покоя. А развѣ могла она не волноваться каждую минуту? То любимый внукъ срѣзался на экзаменѣ, то племянникъ совершилъ растрату казенныхъ денегъ, то племянница жаловалась на из-

мѣну мужа, а не было родныхъ, — находились чужія печали. Человѣкъ получаетъ облегченіе, изливъ скорбь передъ другимъ, но горе тому, кто слишкомъ часто и сильно дѣлитъ съ людьми страданія ихъ!

11.

Палліативы стали безсильны.

Она слегла, чтобы больше не вставать.

Было чудное время. Молодая весна цвѣла въ апогеѣ красоты и страсти. Аметистовыя гроздья сирени, дыша ароматомъ, вѣнчали доски полусгнившихъ заборовъ и пошатнувшіеся столбы старыхъ бесѣдокъ и скрипучихъ качелей. Нѣжныя чашечки ландышей цѣловали дѣвственныя груди и, будя мечту счастія, благоухали въ фарфорѣ и хрусталѣ у письменнаго стола и юношескаго ложа. Розовыя зори и серебряныя звѣзды улыбались безконечнымъ поцѣлуямъ и безчисленнымъ клятвамъ любви. И грязный, захудалый, пошлый городокъ былъ озаренъ отблескомъ поэзіи.

Было трудное время. Пошатнувшійся, но не разбитый, врагъ собиралъ силы и грозилъ новыми ударами. Что-то не ясное еще, но страшное носилось въ воздухѣ, и страшнѣе всего было то, что никто не зналъ, откуда ждать удара, какъ съ нимъ бороться. Каждый день тысячами гибли люди, съ каждымъ днемъ меньше становилось мѣста для прибывающихъ страдальцевъ, и бѣлое знамя съ кровавымъ крестомъ стало знаменемъ міра.

Жизнь была вдесятеро дороже и прекраснѣе въ эти дни. Счастливые пугливо бѣжали отъ смертнаго ложа, несчастныхъ угнетало собственное свое горе, большинство давила работа, меньшинство топило страхъ быть призванными на работу въ оргіяхъ пира во время чумы. Всѣмъ было не до нея, не до того, что въ одинокой постели, въ спертомъ воздухѣ маленькой комнаты, въ износившемся и изстрадавшемся тѣлѣ огонекъ жизни уже сталъ синимъ и дрожащимъ, что удары ея сердца все тяжелѣютъ и часто замираютъ, — не остановиться ли?

Совѣсть, другъ страдальцевъ, заступилась за нее. Легкой птицей помчалась она по сердцамъ, которымъ служила умирающая. Одному набросала яркими штрихами воспоминанія дѣтства, другому напомнила о ласкѣ и привѣтѣ въ тяжелую минуту, третью упрекнула отказомъ въ помощи, четвертымъ просто приказала повиноваться узамъ крови и традиціямъ рода. И вотъ сошлись около ложа всѣ родные, бывшіе въ городѣ и стали служить умирающей, какъ никогда не служили живой.

Такъ всегда бываетъ, хотя сказано цѣлый рядъ вѣковъ назадъ: „Богъ мой не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“.

12.

Изъ темной, сырой, маленькой комнатки догорающую лампаду бережно и любовно перенесли, чтобы она погасла медленно и красиво, въ большую свѣтлую палату лучшей больницы. Тамъ всегда вблизи нея находились врачъ, сестра милосердія, прислуга, ванна, электричество, свѣжій воздухъ, прекрасная пища... Она лежала одна, никто не безпокоилъ ее. Старое тѣло наслаждалось мягкой, чистой постелью, усталые глаза любовались въ окно на капризные изгибы вѣтвей, одѣтыхъ въ весенній хризолитъ, на вѣчное далекое небо, напоминавшее море, по которому облака то неслись легкими хлопьями, похожими на брызги пѣны, то плыли тяжело и медленно, темнѣя въ складкахъ, какъ паруса кораблей. Вечеромъ ей улыбалась красавица-заря, ночью порой, изъ-за отогнувшейся шторы, заглядывала въ палату, какъ любопытная дѣвочка, серебряная звѣздочка... И минуты отдыха отъ страданій въ одиночествѣ бывали такъ нѣжны, трогательны, прекрасны, что она инстинктомъ, даннымъ всѣмъ дѣтямъ природы на грани двухъ существованій, угадала:

„Я скоро умру“.

Но умирать не хотѣлось именно потому, что послѣ страданій жизнь пышно улыбалась и цвѣла кругомъ для нея.

13.

Всѣми гранями оборачивался передъ ней самоцвѣтный камень.

Чертилось ярко, какъ на экранѣ кинематографа, прошлое, — въ особенности далекое-далекое, какія-нибудь дѣтскія ссоры, катаніе въ саняхъ по искрящемуся снѣгу, святочное гаданіе, первыя грезы любви, жаркіе споры въ студенческой мансардѣ, сходки, душная „галерка“ театра, сладкія слезы надъ вдохновеннымъ романомъ или аріей любимаго пѣвца. Лица, дорогія и противныя, смѣшныя и серьезныя, глядѣли на нее... Отецъ, мать, покойные братья и сестры, мужъ, — всѣ, ушедшіе въ вѣчность, звали ее къ себѣ. Встрѣтитъ ли она ихъ тамъ? Если бы кто-нибудь могъ сказать намъ „да“, страхъ смерти исчезъ бы для многихъ.

Настоящее было полно заботъ и тревоги. Оно — ея страданія, наркозъ лѣкарствъ, пошлыя фразы и загадочные взгляды врачей, пе-

чальная улыбка сестры, разговоры съ родными, въ которыхъ она замѣчала настойчивое стремленіе уклониться отъ роковой темы, — состоянія ея здоровья. Оно — грустная дума о тѣхъ родныхъ, кого нѣтъ у ея ложа. Для нея дороги всѣ члены рода, но любить всѣхъ одинаково сильно часто не можетъ даже материнское сердце. И, какъ нарочно, самыхъ симпатичныхъ, наиболѣе связанныхъ съ нею узами воспоминаній и общей жизни нѣтъ близко. Кто на войнѣ, кто въ другомъ городѣ. Болѣзнь, подбиравшаяся медленно и незамѣтно, подтачивала организмъ и вдругъ неожиданно такъ быстро свалила ее, что многіе изъ далекихъ, пожалуй, не успѣли и получить извѣстія о роковомъ финалѣ.

Увидитъ ли она ихъ когда-нибудь?

Выступала надежда, легкомысленная, безпечная, но милая и безконечно добрая и начинала, обнявъ страдалицу, создавать съ ней, какъ няня съ ребенкомъ, карточный хрупкій домикъ будущаго. Только бы какихъ-нибудь два-три года. Дождаться окончанія великой борьбы народовъ, привѣтствовать новую прекрасную жизнь отчизны, обнять вернувшихся родныхъ героевъ, благословить на мирные подвиги милую молодежь. А тамъ умереть спокойно, окруженной любовью и заботой, не по долгу, какъ теперь, когда всѣмъ некогда, а настоящей искренней любовью, не вынужденной.

— Доживешь, — шептала надежда, — всѣхъ увидишь, всего дождешься. Тебя хорошо лѣчатъ, за тобой хорошо ухаживаютъ. Развѣ не замѣчаешь сама, что сердце уже не такъ часто тебя безпокоитъ, какъ раньше, что ты уже не такъ сильно задыхаешься? Развѣ можно сразу возстановить силы надорваннаго организма? Ты сама немножко виновата, вѣрнѣе не ты, а печальная судьба твоя. Но не все ли это равно? Ты полежишь въ больницѣ, будешь потомъ лѣчиться гдѣ-нибудь на курортѣ. Родные сдѣлаютъ все, чтобы поставить тебя на ноги. Вѣдь ты всю жизнь отдала имъ. Неужели они будутъ такъ неблагодарны? Конечно, нѣтъ.

И она повторяла за старой няней человѣческаго рода:

— Да, да...

14.

Больница, сверкая надъ городомъ день и ночь красными крестами на бѣлоснѣжномъ полѣ, неустанно принимала въ объятія людское страданіе, лила кровь, отсѣкала зараженные члены, провожала поправившихся, хоронила погибшихъ. Ей некогда было оплакивать однихъ, радоваться съ другими. Какъ хозяйка большой гостиницы или ресторана, она давала каждому изъ гостей только то, что значи-

лось на ея карточкѣ, не оказывая никому особаго вниманія. Но сердце наше также имѣетъ свои потребности, и среди крови, стоновъ, криковъ и жалобъ создавались симпатіи и антипатіи, зрѣли вражда и дружба, дѣлились общими настроеніями души, порой стыдливо и робко зацвѣтала любовь...

Однажды, когда скорбь утихла въ холодныхъ стѣнахъ, или, по крайней мѣрѣ, утратила острую форму, въ тихій часъ зари и ужина она услыхала издалека нѣжные, звенящіе аккорды гитары. Знакомая, давно забытая мелодія странно дрожала и вилась за стѣнами, одинокая и чужая здѣсь, какъ фея, порхнувшая капризно въ царство мрака. Сначала неувѣренная, она стала расти и побѣждать тишину, лелѣя страдающія души, успокаивая боль, наводя на мечту о любви, красотѣ и жизни.

Ея глаза стали влажны. Когда гитара замолкла, она молила ее мысленно:

— Еще... пой еще...

И точно повинуясь, гитара зазвенѣла опять ухарски-молодецки Вихрь серебряныхъ колокольчиковъ озарилъ лицо ея улыбкой.

Перестала гитара чеканить удалой мотивъ, но звучалъ онъ долго, замирая въ ушахъ, и, когда сестра принесла ужинъ, она спросила:

— Скажите, пожалуйста, кто это у васъ играетъ на гитарѣ?

— Солдатикъ одинъ, легко раненый, — улыбнулась сестра. — Васъ безпокоитъ игра?

— Боже сохрани, — живо возразила больная. — Я такъ люблю музыку, а гитару въ особенности. Если другимъ больнымъ не мѣшаетъ...

— Напротивъ, всѣмъ нравится. Все-таки развлеченіе.

— Конечно. А онъ очень хорошо играетъ... Онъ молодой?

— Да, совсѣмъ молодой, чуть ли не послѣдняго призыва.

— Хорошо... А красивый?

— Ого, вы вотъ ужъ чѣмъ начинаете интересоваться. Это добрый признакъ...

Ей стало неловко и безконечно радостно, какъ влюбленной дѣвушкѣ, въ первый разъ получившей поцѣлуй.

15.

Это было послѣднимъ привѣтомъ жизни.

Ночью синій огонекъ вспыхнулъ — и исчезъ.

Пасмурное влажное утро нашло ее похолодѣвшей.

16.

Обычная пошлая сутолока закипѣла вокругъ трупа.

Ни у кого нѣтъ столькихъ друзей, какъ у мертвеца, и ни объ одной должности не хлопочутъ съ такимъ рвеніемъ, какъ о мѣстѣ на кладбищѣ. Люди, черствые и сухіе въ жизни, жрецы и жрицы мертвой субботы, — почти всегда вдохновенные поэты похоронъ.

Ее отпѣли, похоронили, раздѣлили нехитрое наслѣдство, поставили ей памятникъ, бросаютъ порой на могилу цвѣты, служатъ панихиды. Бранить мертвыхъ не принято, — и ее не бранятъ. Но, если вы спросите людей, такъ горячо и беззавѣтно ею любимыхъ:

— Въ чемъ былъ смыслъ ея жизни? Чего лишило васъ ея отсутствіе? Чѣмъ вы виноваты передъ нею?

Никто не пойметъ значенія этихъ вопросовъ.

Что такое жизнь? Что такое любовь?

Е. КРИВЦОВЪ.

ДУША СНѢГОВЪ.

Серебряный сводъ надъ землей,
Сверканье серебряныхъ блестокъ...
Синѣетъ чистѣйшей слюдой
Подъ яркой луной перекрестокъ.
    Съ тѣнями отъ снѣжныхъ бугровъ,
    Отъ старой дуплистой ракиты
    Алмазныя тайны міровъ
    Въ гармонію дивную слиты.
Гдѣ небо? Гдѣ грани земли? —
Все бѣлое, пышно — нѣмое —
Все въ бисерной тонетъ пыли,
Окутано мглистой зимою.
    И только душа, просвѣтлѣвъ,
    Сквозь музыку сновъ и молчанье,
    Земной различаетъ напѣвъ,
    Мелодію слезъ и страданья.
Для слуха ея нѣтъ оковъ.
Она, какъ сіянье и тѣни,
Съ печальной душою снѣговъ
Слита въъ безпредѣльномъ моленьи...

Алексѣй Липецкій.

РЕФЛЕКСЪ ЦѢЛИ[1]).

Много лѣтъ тому назадъ я и мои сотрудники по лабораторіи начали заниматься физіологическимъ, т. е. строго объективнымъ анализомъ высшей нервной дѣятельности собаки. При этомъ одной изъ задачъ являлось установленіе и систематизированіе тѣхъ, самыхъ простыхъ и основныхъ дѣятельностей нервной системы, съ которыми животное родится и къ которыми потомъ, въ теченіе индивидуальной жизни, посредствомъ особенныхъ процессовъ, прикрѣпляются и наслаиваются болѣе сложныя дѣятельности. Прирожденныя основныя нервныя дѣятельности представляютъ собой постоянныя, закономѣрныя реакціи организма на опредѣленныя внѣшнія или внутреннія раздраженія. Реакціи эти называются рефлексами и инстинктами. Большинство физіологовъ, не видя существенныхъ разницъ между тѣмъ, что называется рефлексомъ и что — инстинктомъ, предпочитаетъ общее названіе „рефлекса", такъ какъ въ немъ отчетливѣе идея детерминизма, безспорна связь раздражителя съ эффектомъ, причины съ слѣдствіемъ. Я также предпочительно буду употреблять слово „рефлексъ", предоставляя другимъ, по желанію, подмѣнять его словомъ „инстинктъ".

Анализъ дѣятельности животныхъ и людей приводитъ меня къ заключенію, что между рефлексами долженъ быть установленъ особый рефлексъ, рефлексъ цѣли — стремленіе къ обладанію опредѣленнымъ раздражающимъ предметомъ, понимая и обладаніе и предметъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Обрабатывая вопросъ о животныхъ особо, для предстоящаго лабораторнаго изслѣдованія, въ настоящее время я позволю себѣ предложить вашему благосклонному вниманію

---

[1]) Сообщеніе, сдѣланное на III съѣздѣ по экспериментальной педагогикѣ въ Петроградѣ 2-го января 1916-го года.

сопоставленіе фактовъ изъ человѣческой жизни, относящихся, какъ мнѣ кажется, до рефлекса цѣли.

Человѣческая жизнь состоитъ въ преслѣдованіи всевозможныхъ цѣлей: высокихъ, низкихъ, важныхъ, пустыхъ и. т. д. при чемъ примѣняются всѣ степени человѣческой энергіи. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то, что не существуетъ никакого постояннаго соотношенія между затрачиваемою энергіею и важностью цѣли: сплошь и рядомъ на совершенно пустыя цѣли тратится огромная энергія и наоборотъ. Подобное же часто наблюдается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, который, напр., работаетъ съ одинаковымъ жаромъ какъ для великой, такъ и для пустой цѣли. Это наводитъ на мысль, что надо отдѣлять самый актъ стремленія отъ смысла и цѣнности цѣли и что сущность дѣла заключается въ самомъ стремленіи, а цѣль — дѣло второстепенное.

Изъ всѣхъ формъ обнаруженія рефлекса цѣли въ человѣческой дѣятельности самой чистой, типичной и потому особенно удобной для анализа и вмѣстѣ самой распространенной является коллекціонерская страсть — стремленіе собрать части или единицы большого цѣлаго или огромнаго собранія, обыкновенно остающихся недостижимыми.

Какъ извѣстно, коллекціонерство существуетъ и у животныхъ. Затѣмъ, коллекціонерство является особенно частымъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ которомъ основныя первыя дѣятельности проявляются, конечно, наиболѣе отчетливо, еще не прикрытыя индивидуальной работой и шаблонами жизни. Беря коллекціонерство во всемъ его объемѣ, нельзя не быть пораженнымъ фактомъ, что со страстью коллекціонируются часто совершенно пустыя, ничтожныя вещи, которыя рѣшительно не представляютъ никакой цѣнности ни съ какой другой точки зрѣнія, кромѣ единственной, коллекціонерской, какъ пунктъ влеченіе. А радомъ съ ничтожностью цѣли всякій знаетъ ту энергію, то безграничное подчасъ самопожертвованіе, съ которыми коллекціонеръ стремится къ его цѣли. Коллекціонеръ можетъ сдѣлаться посмѣшищемъ, преступникомъ, можетъ подавить свои основныя потребности, все ради его собираній. Развѣ мы не читаемъ часто въ газетахъ о скупцахъ-коллекціонерахъ денегъ, о томъ, что они, среди денегъ, умираютъ одинокими, въ грязи, холодѣ и голодѣ, ненавидимые и презираемые ихъ окружающими и даже близкими? — Сопоставляя все это, необходимо придти къ заключенію, что это есть темное, первичное, неодолимое влеченіе, инстинктъ

или рефлексъ. И всякій коллекціонеръ, захваченный его влеченіемъ и вмѣстѣ не потерявшій способности наблюдать за собою, сознаетъ отчетливо, что его такъ же непосредственно влечетъ къ слѣдующему номеру его коллекціи, какъ послѣ извѣстнаго промежутка въ ѣдѣ, влечетъ къ новому куску пищи.

Какъ возникъ этотъ рефлексъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ стоитъ къ другимъ рефлексамъ?

Вопросъ трудный, какъ и вообще вопросъ о происхожденіи. Я позволю себѣ высказать относительно этого нѣсколько соображеній, имѣющихъ, какъ мнѣ кажется, значительный вѣсъ.

Вся жизнь есть осуществленіе одной цѣли, именно охраненіе самой жизни, неустанная работа того, что называется общимъ инстинктомъ жизни. Этотъ общій инстинктъ или рефлексъ жизни состоитъ изъ массы отдѣльныхъ рефлексовъ. Большую часть этихъ рефлексовъ представляютъ собою положительно-двигательные рефлексы, т. е. въ направленіи къ условіямъ, благопріятнымъ для жизни, рефлексы, имѣющіе цѣлью захватить, усвоить эти условія для даннаго организма, захватывающіе, хватательные рефлексы. Я остановлюсь на двухъ изъ нихъ, какъ самыхъ обыденныхъ и вмѣстѣ сильнѣйшихъ, сопровождающихъ человѣческую жизнь, какъ и всякаго животнаго, съ перваго ея дня до послѣдняго. Это пищевой и оріентировочный (изслѣдовательскій) рефлексы.

Каждый день мы стремимся къ извѣстному веществу, необходимому намъ, какъ матеріалъ для совершенія нашего жизненнаго химическаго процесса, вводимъ его въ себя, временно успокаиваемся, останавливаемся, чтобы черезъ нѣсколько часовъ или завтра снова стремиться захватить новую порцію этого матеріала — пищи. Вмѣстѣ съ этимъ ежеминутно всякій новый раздражитель, падающій на насъ, вызываетъ соотвѣтствующее движеніе съ нашей стороны, чтобы лучше, полнѣе освѣдомиться относительно этого раздражителя. Мы вглядываемся въ появляющійся образъ, прислушиваемся къ возникшимъ звукамъ, усиленно втягиваемъ коснувшійся насъ запахъ, и, если предметъ поблизости насъ, стараемся охватить или захватить новое явленіе или предметъ соотвѣтствующими воспринимающими поверхностями, соотвѣтствующими органами чувствъ. До чего сильно и непосредственно наше стремленіе прикоснуться къ интересующему насъ предмету, явствуетъ хотя бы изъ тѣхъ барьеровъ, просьбъ и запрещеній, къ кото-

рымъ приходится прибѣгать, охраняя выставляемые на вниманіе даже культурной публики предметы.

Въ результатѣ ежедневной и безустанной работы этихъ хватательныхъ рефлексовъ и многихъ другихъ подобныхъ долженъ былъ образоваться и закрѣпиться, наслѣдственностью такъ сказать, общій, обобщенный хватательный рефлексъ въ отношеніи всякаго предмета, разъ остановившаго на себѣ положительное вниманіе человѣка, — предмета, ставшаго временнымъ раздражителемъ человѣка. Это обобщеніе могло произойти различнымъ образомъ. Легко представляются два механизма. Иррадіація, распространеніе раздраженія съ того или другого хватательнаго рефлекса, въ случаѣ большаго ихъ напряженія. Не только дѣти, но даже и взрослые, въ случаѣ сильнаго аппетита, т. е. при сильномъ напряженіи пищевого рефлекса, разъ не имѣется ѣды, нерѣдко берутъ въ ротъ и жуютъ несъѣдобные предметы, а ребенокъ, въ первое время жизни, даже все его раздражающее тащитъ въ ротъ. Затѣмъ, во многихъ случаяхъ, въ силу совпаденія во времени, должно было имѣть мѣсто ассоцированіе всяческихъ предметовъ съ различными хватательными рефлексами.

Что рефлексъ цѣли и его типическое форма-коллекціонерство находится въ какомъ-то соотношеніи съ главнымъ хватательнымъ рефлексомъ — пищевымъ, можно видѣть въ общности существенныхъ чертъ того и другого. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ важнѣйшую часть, сопровождающуюся рѣзкими симптомами, представляетъ стремленіе къ объекту. Съ захватываніемъ его начинаетъ быстро развиваться успокоеніе и равнодушіе. Другая существенная черта — періодичность рефлекса. Всякій знаетъ, по собственному опыту, до какой степени нервная система наклонна усвоять извѣстную послѣдовательность, ритмъ и темпъ дѣятельности. Какъ трудно сойти съ привычнаго темпа и ритма въ разговорѣ, ходьбѣ и т. д. И въ лабораторіи, при изученіи сложныхъ нервныхъ явленій животныхъ, можно надѣлать много и грубыхъ ошибокъ, если не считаться самымъ тщательнымъ образомъ съ этою наклонностью. Поэтому особенную силу рефлекса цѣли въ формѣ коллекціонерства можно было бы видѣть именно въ этомъ совпаденіи обязательной при коллекціонерствѣ періодичности съ періодичностью пищевого рефлекса.

Какъ послѣ каждой ѣды, спустя извѣстный періодъ, непремѣнно возобновится стремленіе къ новой порціи ея, такъ

и послѣ пріобрѣтенія извѣстной, напр. почтовой марки непремѣнно захочется пріобрѣсти слѣдующую. Что періодичность въ рефлексѣ цѣли составляетъ важный пунктъ, обнаруживается и въ томъ, что большія безпрерывныя задачи и цѣли, умственныя, какъ и физическія, всѣ люди обыкновенно дробятъ на части, уроки, т. е. создаютъ ту же періодичность — и это очень способствуетъ сохраненію энергіи, облегчаетъ окончательное достиженіе цѣли.

Рефлексъ цѣли имѣетъ огромное жизненное значеніе, онъ есть основная форма жизненной энергіи каждаго изъ насъ. Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится къ постоянно достигаемой, но никогда недостижимой цѣли, или съ одинаковымъ пыломъ переходитъ отъ одной цѣли къ другой. Вся жизнь, всѣ ея улучшенія, вся ея культура дѣлается рефлексомъ цѣли, дѣлается только людьми, стремящимися къ той или другой поставленной ими себѣ въ жизни цѣли. Вѣдь коллекціонировать можно все, пустяки, какъ и все важное и великое въ жизни: удобства жизни (практики), хорошіе законы (государственные люди), познанія (образованные люди), научныя открытія (ученые люди), добродѣтели (высокіе люди) и т. д.

Наоборотъ. Жизнь перестаетъ привязывать къ себѣ, какъ только исчезаетъ цѣль. Развѣ мы не читаемъ весьма часто въ запискахъ, оставляемыхъ самоубійцами, что они прекращаютъ жизнь потому, что она безцѣльна. Конечно, цѣли человѣческой жизни безграничны и неистощимы. Трагедія самоубійцы въ томъ и заключается, что у него происходитъ чаще всего мимолетное, и только гораздо рѣже продолжительное, задерживаніе, торможеніе, какъ мы физіологи выражаемся, рефлекса цѣли.

Рефлексъ цѣли не есть нѣчто неподвижное, но, какъ и все въ организмѣ, колеблется и измѣняется, смотря по условіямъ, то въ сторону усиленія и развитія, то въ сторону ослабленія и почти совершеннаго искорененія. И здѣсь опять бросается въ глаза аналогія съ пищевымъ рефлексомъ. Правильнымъ пищевымъ режимомъ — соотвѣтствующей массой ѣды и правильною періодичностью въ пріемѣ пищи — обезпечивается всегда здоровый сильный аппетитъ, нормальный пищевой рефлексъ, а за нимъ и нормальное питаніе. И наоборотъ. Припомнимъ довольно частый житейскій случай. У ребенка весьма легко возбуждается отъ слова объ ѣдѣ, а тѣмъ болѣе отъ вида пищи пищевой рефлексъ ранѣе надлежащаго срока.

Ребенокъ тянется къ ѣдѣ, проситъ ѣду и даже съ плачемъ. И если мать, сантиментальная, но не благоразумная, будетъ удовлетворять эти его первыя и случайныя желанія, то кончится тѣмъ, что ребенокъ, перехватывая ѣду урывками, до времени надлежащаго кормленія, собьетъ свой аппетитъ, будетъ ѣсть главную ѣду безъ аппетита, съѣстъ въ цѣломъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, а при повтореніяхъ такого безпорядка растроитъ и свое пищевареніе и свое питаніе. Въ окончательномъ результатѣ ослабнетъ, а то и совсѣмъ пропадетъ, аппетитъ, т. е. стремленіе къ пищѣ, пищевой рефлексъ. Слѣдовательно, для полнаго, правильнаго плодотворнаго проявленія рефлекса требуется извѣстное его напряженіе. Англосаксъ, высшее воплощеніе рефлекса цѣли, хорошо знаетъ это, и вотъ, почему на вопросъ: какое главное условіе достиженія цѣли? — онъ отвѣчаетъ неожиданнымъ, невѣроятнымъ для русскаго глаза и уха образомъ: существованіе препятствій. Онъ какъ бы говоритъ: „пусть напряжется, въ отвѣтъ на препятствія, мой рефлексъ цѣли — и тогда-то я и достигну цѣли, какъ бы она ни была трудна для достиженія". Интересно, что въ отвѣтѣ совсѣмъ игнорируется невозможность достиженія цѣли. — Какъ это далеко отъ насъ, — у которыхъ „обстоятельства" все извиняютъ, все оправдываютъ, со всѣмъ примиряютъ! До какой степени у насъ отсутствуютъ практическія свѣдѣнія относительно такого важнѣйшаго фактора жизни какъ рефлексъ цѣли; а эти свѣдѣнія такъ нужны во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ капитальнѣйшей области воспитанія.

Рефлексъ цѣли можетъ ослабнуть и даже быть совсѣмъ захлопнутъ обратнымъ механизмомъ. Вернемся опять къ аналогіи съ пищевымъ рефлексомъ. Какъ извѣстно, аппетитъ силенъ и невыносимъ только въ первые дни голоданія, а затѣмъ онъ очень слабнетъ. Точно также и въ результатѣ продолжительнаго недоѣданія наступаетъ заморенность организма, паденіе его силы, а съ нею паденіе основныхъ нормальныхъ влеченій его, какъ это мы знаемъ относительно систематическихъ постниковъ. При продолжительномъ ограниченіи въ удовлетвореніи основныхъ влеченій, при постоянномъ сокращеніи работы основныхъ рефлексовъ падаетъ даже инстинктъ жизни, привязанность къ жизни. И мы знаемъ, какъ умирающіе въ низшихъ бѣдныхъ слояхъ населенія спокойно относятся къ смерти. Если не ошибаюсь, въ Китаѣ даже существуетъ возможность нанимать за себя на смертную

казнь. — Когда отрицательныя черты русскаго характера: лѣность, непредпріимчивость, равнодушное, или даже неряшливое отношеніе ко всякой жизненной работѣ навѣваетъ мрачное настроеніе, я говорю себѣ: нѣтъ, это не коренныя наши черты это — дрянной наносъ, это — проклятое наслѣдіе крѣпостного права. Оно сдѣлало изъ барина тунеядца, освободивши его, въ счетъ чужого дарового труда, отъ практики естественныхъ въ нормальной жизни стремленій обезпечить насущный хлѣбъ для себя и дорогихъ ему, завоевать свою жизненную позицію, оставивши его рефлексъ цѣли безъ работы на основныхъ линіяхъ жизни. Оно сдѣлало изъ крѣпостного совершенно пассивное существо, безъ всякой жизненной перспективы, разъ постоянно на пути его самыхъ естественныхъ стремленій возставало неопредолимое препятствіе въ видѣ всемогущихъ произвола и каприза барина и барыни. И мечтается мнѣ дальше. Испорченный аппетитъ, подорванное питаніе можно поправить, возстановить тщательнымъ уходомъ, спеціальною гигіеной. То же можетъ и должно произойти съ загнаннымъ исторически на русской почвѣ рефлексомъ цѣли. Если каждый изъ насъ будетъ лелѣять этотъ рефлексъ въ себѣ какъ драгоцѣннѣйшую часть своего существа, если родители и все учительство всѣхъ ранговъ сдѣлаетъ своею главной задачей укрѣпленіе и развитіе этого рефлекса въ опекаемой массѣ, если наши общественность и государственность откроютъ широкія возможности для практики этого рефлекса, то мы сдѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы должны и можемъ быть, судя по многимъ эпизодамъ нашей исторической жизни и по нѣкоторымъ взмахамъ нашей творческой силы.

И. Павловъ.

НАДЪ РѢКОЙ.

Стою надъ быстрой полою водой,
Что отраженье звѣздъ такъ бережно качаетъ.
Мнѣ кажется: твой голосъ молодой
Весенней пѣснѣ пѣсней отвѣчаетъ...
Прислушался... Нѣтъ, это шумъ вѣтвей,
Веселый шумъ проснувшейся березы,
Что грезитъ о листвѣ, — о красотѣ своей
И ждетъ, когда грозы весенней хлынутъ слезы.

Петръ Бунаковъ.

СЕРВАНТЕСЪ.

(1616—1916.)

I.

Испанцы XVI и XVII столѣтій были большими искателями-авантюристами. Они всегда и всюду искали то, чего не имѣли, и всегда жаждали чего-то лучшаго, что̀ каждому представлялось его счастьемъ. Если счастье и представлялось всѣмъ различно: кому — богатствомъ, кому — святостью, а кому славой, то любовь къ приключеніямъ, связаннымъ съ исканіемъ счастья, всѣхъ объединяла; безпокойныя исканія уже сами по себѣ доставляли несказанное удовольствіе, — недаромъ испанцы того времени любили говорить, что „надежда на лучшее имѣетъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ обладаніе ничтожностью“.

Таково было настроеніе всей Испаніи, среди сыновъ которой одни, направивъ свои взоры къ небу, были вдохновенными искателями истины и красоты, а другіе, не переступавшіе въ своихъ стремленіяхъ границъ земного, были простыми авантюристами. И разница между ними была не въ психологіи и не въ духовныхъ силахъ, а въ тѣхъ цѣляхъ, для достиженія которыхъ эти силы примѣнялись: монахъ, основывавшій новые монастыри или рефирмировавшій старые, былъ такимъ же искателемъ какъ солдатъ — конкистадоръ и нищій бродяга.

Въ Испаніи XVI и XVII столѣтій все создавалось и все приводилось въ движеніе духомъ авантюры; этотъ духъ одинаково ощущался въ дворцахъ, монастыряхъ и хижинахъ; имъ обусловливались всѣ мелкіе поступки и великія дѣянія людей того времени.

Развѣ католическое возрожденіе, во главѣ котораго стала Испанія, не было своего рода грандіознымъ искательствомъ?

Когда въ лучахъ взошедшаго солнца античности растаяли послѣдніе снѣга средневѣковья, — испанцы ухватились за павшее знамя католицизма и не для того, чтобы вернуть прошлое и пойти по старой дорогѣ, но съ тѣмъ, чтобы, обновивъ старое, найти новую истину и

пойти по новымъ неизвѣданнымъ путямъ. И вотъ ученый Суáресъ принимается за переработку средневѣковой теологіи, которой онъ хочетъ дать научное обоснованіе, — онъ хочетъ влить новое вино въ старые мѣхи. Игнатій Лойола, когда вся Европа была объята пламенемъ ненависти къ римской церкви и папѣ, рѣшаетъ спасти папу и церковь основаніемъ новаго ордена вѣрныхъ воиновъ Христа. И свою жизнь приключеній во Христѣ Игнатій открылъ ночнымъ бдѣніемъ въ Монсеррате; онъ прочелъ въ рыцарскихъ романахъ, что оруженосцы предъ принятіемъ рыцарства проводили ночь въ церкви на стражѣ у своего оружія, — и поэтому Лойола провелъ ночь предъ иконой Богоматери, которую онъ слезно молилъ посвятить его въ рыцари Христа. Святая Тереса, боясь торжества лютеранъ и кальвинистовъ, реформируетъ орденъ кармелитокъ и основываетъ новыя обители, въ которыхъ нѣсколько женщинъ примѣрной жизнью и молитвой должны спасти церковь отъ ея враговъ. И Тереса странствовала около тридцати лѣтъ по доламъ и весямъ Испаніи, строя монастыря и созывая защитницъ правой вѣры.

Католическое возрожденіе Испаніи XVI вѣка было проявленіемъ пробудившагося мистическаго чувства, которымъ загорѣлись въ то время сердца всѣхъ людей. Мистика разлилась широкой волной по всему Пиренейскому полуострову, придавъ испанскому католицизму особый — одному ему свойственный — характеръ. А развѣ мистикъ не тотъ же искатель божественнаго счастья и приключеній души?

Испанскіе мистики оставили подробныя описанія странствованій души въ поискахъ Бога, который свѣтилъ имъ подобно отдаленной звѣздѣ на темномъ небѣ ихъ внутренняго міра. И въ надеждѣ достичь эту звѣзду искатели погружались въ себя, отдаваясь тѣмъ непредвидѣннымъ душевнымъ приключеніямъ, которыя представлялись имъ на ихъ мистическомъ пути.

Какъ все новое, религіозное движеніе въ Испаніи должно было развернуть свои знамена и провозгласить своему дѣлу новыхъ защитниковъ. Такъ святая Тереса избрала въ патроны своихъ монастырей Іосифа, мужа Маріи, культъ котораго съ ея легкой руки широко распространился по всей Европѣ. Но истиннымъ знаменемъ испанскаго католицизма былъ созданный имъ догматъ Непорочнаго Зачатія, въ которомъ можно видѣть прекрасный символъ дѣвственной вѣры непорочной и чистой души старой Испаніи, которая не знала индиферентизма итальянскаго Возрожденія, раціонализма Лютера и скепсиса Монтеня. Религіозныя сомнѣнія были чужды испанцамъ, которые всѣ жили въ лучахъ одного и того же для всѣхъ ихъ неподвижнаго солнца истинной вѣры.

Испанцы были авантюристами по призванію, — вѣдь это они

снарядили экспедицію Колумба, и изъ ихъ среды вышли завоеватели Новаго Свѣта Фернандо Кортѐсъ и Франсиско Писàрро. И поэтому, хотя въ жилахъ императора Карла V и короля Филиппа II текла австрійская кровь, — ихъ политика вполнѣ соотвѣтствовала настроенію всей страны. А развѣ можно назвать иначе, какъ авантюрой, предпринятую Карломъ борьбу съ еретиками и невѣрными, — и стремленіе, возстановивъ средневѣковую имперію, соединить подъ своимъ скипетромъ весь католическій міръ? И какъ безпокойный духъ, императоръ носился на своемъ ворономъ конѣ по всей Европѣ, оставляя за собою обагренныя кровью земли и зарева пожаровъ. Когда же онъ убѣдился въ неосуществимости своихъ надеждъ, онъ отрекся отъ престола и удалился въ небольшой монастырь, затерявшійся въ горахъ Эстермадуры.

Мечты Карла передались его сыну Филиппу, который женился на Маріи Тюдоръ, чтобы вернуть въ лоно церкви отступницу Англію, противъ которой онъ послалъ въ 1588 году знаменитую Непобѣдимую Армаду, почти цѣликомъ погибшую у англійскихъ береговъ. Эта неудача не удержала Филиппа III, его наслѣдника, отъ попытки завоевать Англію, поддержавъ возстаніе католиковъ въ Ирландіи. Въ 1599 году Филиппъ отправилъ флотъ, состоявшій изъ 85 кораблей, который, ничего не сдѣлавъ, вернулся, потерявъ въ морѣ 22 корабля. Въ 1602 году флотъ былъ опять посланъ: на этотъ разъ испанцамъ удалось соединиться съ ирландцами, вмѣстѣ съ которыми они были наголову разбиты.

Испанскіе монархи были авантюристами на престолѣ, — недаромъ Карлъ V зачитывался рыцарскими романами, а Филиппъ II, будучи инфантомъ, любилъ выходить на придворныя торжества въ костюмѣ странствующаго рыцаря.

Подданные этихъ королей были такими же авантюристами, искателями и мечтателями. Въ Испаніи XVI и XVII столѣтій былъ очень распространенъ особый общественный типъ — такъ называемыхъ изобрѣтателей реформъ. Большею частью это были бѣдняки, которые надѣялись ловкой выдумкой одновременно спасти государство отъ гибели и себя отъ голода. Изложивъ свои мысли въ докладныхъ запискахъ и даже въ объемистыхъ книгахъ, они подавали свои проекты королю. Эти проекты бывали не только невыполнимы, но прямо фантастичны. Поэтому изобрѣтатель реформъ сталъ въ литературѣ комической фигурой, надъ которой любили посмѣяться писатели: одинъ изъ нихъ предлагаетъ для облегченія взятія Остендэ выбрать губками окружающую городъ воду, а другой хочетъ улучшить правительственные финансы приказомъ, чтобы всѣ подданные Его Величества постились разъ въ мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ, а полученныя съ

этого дня сбереженія отдавали бы королю. Хотя эти образы карикатурны, однако, по существу, они очень характерны для типа изобрѣтателя реформъ.

Короли и ихъ подданные были родственны по духу; разница между ними заключалась лишь въ томъ, что первые могли осуществлять свои планы въ разныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, а вторые не шли далѣе письменнаго изложенія своихъ исканій.

Духъ, опредѣлившій религіозную жизнь и политику Испаніи, сказался также и въ литературѣ. До середины XVI вѣка любимымъ чтеніемъ испанцевъ были романы, посвященные описанію разнообразнѣйшихъ и чрезвычайно фантастичныхъ приключеній странствующихъ рыцарей. Во второй половинѣ того же столѣтія читатели очень увлекались мистическими трактатами, повѣствовавшими о странствованіяхъ души въ поискахъ Бога; въ это же время возникъ интересъ къ плутовскимъ новелламъ, т. е. къ автобіографіямъ бродягъ-авантюристовъ. Съ конца XVI вѣка и въ теченіе всего XVII излюбленнымъ развлеченіемъ жителей почти всѣхъ испанскихъ городовъ стали театральныя представленія, при чемъ основнымъ содержаніемъ всѣхъ пьесъ были любовныя похожденія ихъ героевъ. Въ этомъ отношеніи большое типологическое значеніе имѣетъ донъ Хуанъ (= донъ-Жуанъ), герой комедіи Тирсо де Молина Севильскій обольститель: въ немъ обострились особенности, свойственныя всѣмъ героямъ испанскихъ комедій. Донъ-Хуанъ — авантюристъ любви.

Такъ въ рыцарскихъ романахъ и мистическихъ трактатахъ, въ плутовскихъ новеллахъ и драмахъ, испанская литература вся была проникнута однимъ и тѣмъ же духомъ. Иначе не могло быть, такъ какъ литература всегда бываетъ выраженіемъ духа своего времени. Эти люди были авантюристами даже по самому процессу своего художественнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, они были большею частью импровизаторами, такъ какъ писали лишь въ пылу вдохновенія, не умѣя долго обдумывать и отдѣлывать своихъ произведеній. А импровизаторъ въ мірѣ фантазій есть своего рода искатель приключеній.

II.

Колыбелью испанскаго народа была центральная часть Пиренейскаго полуострова, т. е. занятое Старой и Новой Кастиліей плоскогоріе, ограниченное съ сѣвера Кантабрійскими горами, а съ юга Сіеррой Мореной. Средняя часть плоскогорія пересѣкается горной цѣпью Гуадаррамы и довольно полноводными рѣками Дуеро и Тахо.

Эта мѣстность совсѣмъ не отличается живописностью, мягкостью и нѣжностью. Напротивъ, пейзажъ центральной Испаніи очень бѣденъ, строгъ и суровъ. Сожженныя солнцемъ и безплодныя равнины смѣняются голыми скалами. Тутъ не растутъ изящныя пальмы и задумчивые кипарисы, но мощные дубы и сухія, корявыя маслины. Люди селились здѣсь либо на берегахъ рѣкъ, высыхавшихъ лѣтомъ, либо на холмахъ, отдѣлившихся отъ горныхъ цѣпей и похожихъ на груду какимъ-то великаномъ наваленныхъ камней. Такъ кастильскіе города приняли видъ, — гдѣ оазисовъ въ пустынѣ, а гдѣ орлиныхъ гнѣздъ въ горахъ.

Быть можетъ, эта бѣдная и однообразная природа повліяла на развитіе въ испанцахъ авантюризма, — не имѣя ничего привлекательнаго вокругъ себя, они невольно должны были искать иного и лучшаго. Особенности родной природы были также причиной и бѣдности испанцевъ, благодаря которой они выходили на большую дорогу приключеній въ надеждѣ улучшить свое положеніе. Однако, если одни искали приключеній отъ бѣдности, то другіе дѣлали это отъ праздности, которая была тяжкимъ недугомъ старой Испаніи. Привлекала и свобода, которую давала жизнь авантюриста, а иной разъ человѣка побуждала жажда познанія, страсть къ неизвѣданному и неиспытанному. Наконецъ, многовѣковая борьба съ маврами могла также развить въ людяхъ привычку и любовь къ скитальческой жизни и приключеніямъ.

Таковы возможныя причины наиболѣе простыхъ или элементарныхъ проявленій искательства. При желаніи объяснить происхожденіе болѣе сложныхъ проявленій того же духа приходится убѣдиться, какъ мало душа націи зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ. Духъ человѣческій лишь отчасти подчиняется окружающимъ матеріальнымъ условіямъ, слѣдуя въ главномъ законамъ внутренняго своего развитія.

Духовныя исканія испанцевъ XVI столѣтія нашли себѣ благопріятную почву въ душевной неуравновѣшенности и неудовлетворенности людей того времени, жизнь которыхъ отличалась поэтому удивительной неровностью: ея движеніе порывисто, повороты неожиданны. Эти люди дѣйствовали, отдаваясь настроенію момента и считаясь только съ представшей имъ случайностью. Тревожность души этихъ нервическихъ натуръ никогда не оставляла ихъ въ покоѣ. Эти особенности сказались особенно сильно въ жизни художниковъ-писателей, въ которыхъ характерныя черты эпохи всегда выражаются ярче.

Лопе де Вега еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ бѣжитъ изъ родительскаго дома, побуждаемый страстнымъ желаніемъ поглядѣть на Божій міръ. Пятнадцати лѣтъ онъ принимаетъ участіе въ военной экспедиціи маркиза де Санта Крусъ на Азорскіе острова. Нѣсколько лѣтъ

спустя онъ похищаетъ дочь герольдмейстера Филиппа II, на которой женится противъ воли ея отца, — и съ тѣмъ только, чтобы черезъ мѣсяцъ, покинувъ жену, уплыть съ Непобѣдимой Армадой. Этотъ человѣкъ всегда болѣлъ какимъ-то зудомъ неудовлетворенія и безпокойства. Переживъ смерть любимаго сына и жены, онъ становится священникомъ. Этотъ поступокъ столь же неожиданенъ, какъ и всѣ дѣйствія Лопе де Веги. Всегда отдаваясь настроенію момента, онъ былъ удивительно неуравновѣшенъ въ своемъ поведеніи: одѣвъ рясу, онъ продолжалъ писать любовныя письма для герцога Сесса, своего покровителя, пока духовникъ не пригрозилъ ему отказомъ отпустить грѣхи. Жизнь Лопе вплоть до его глубокой старости была полна романическими приключеніями. Свою „послѣднюю любовь“ онъ переживалъ, будучи не только убѣленнымъ сѣдиною священникомъ, но еще и членомъ святой Инквизиціи. А въ минуты раскаянія Лопе бичевалъ себя и съ такою силой, что стѣны его комнаты были обагрены кровью.

Признанный всѣми современниками величайшимъ драматургомъ, Лопе самъ никогда не удовлетворялся своей славой и въ теченіе всей жизни страстно искалъ все новыхъ и новыхъ формъ для выраженія своего чувства и своихъ творческихъ грезъ. Такъ онъ испробовалъ себя въ лирикѣ, поэмѣ, героикокомической эпопеѣ и романѣ.

Лопе былъ рѣдко цѣльной и вѣрной себѣ натурой: онъ былъ искателемъ во всемъ: въ поэзіи и въ жизни.

Такова была бо́льшая часть людей того времени. Таковъ же былъ и величайшій писатель Испаніи, — авторъ Донъ-Кихота, который былъ сыномъ своей эпохи, какъ въ личной жизни, такъ и въ творчествѣ.

Мигель де Серва́нтесъ Сааведра родился въ одномъ изъ городовъ центральной Испаніи, — въ Алькала́ де Энаресъ; его крестили въ октябрѣ 1547 года. Дѣтство и юность Мигеля прошли въ скитаніяхъ съ отцомъ, который занимался медицинской практикой. Привыкшій съ дѣтства къ безпокойной скитальческой жизни и движимый жаждой яркихъ впечатлѣній — Сервантесъ, когда ему было около 20 лѣтъ, покинулъ родину и отправился въ Италію, куда, можетъ быть, его также тянули уже пробудившіеся въ немъ литературные вкусы. Живя въ Италіи, Сервантесъ обучился ея языку и познакомился съ ея литературой; его сердце особенно плѣнилъ Аріосто, пламеннымъ почитателемъ котораго онъ сталъ. Вскорѣ бѣдность заставила Мигеля поступить на службу къ кардиналу Акваривѣ, но однообразная и монотонная жизнь въ домѣ прелата не могла его удовлетворить. И вотъ онъ становится солдатомъ и героемъ знаменитой битвы при Лепантно, участники которой разсказывали, что Сервантесъ, будучи въ день битвы въ горячкѣ, отказался воспользоваться своимъ

правомъ не принимать участія въ бою. Сервантесъ получилъ отвѣтственное командованіе одной изъ лодокъ, которымъ было предписано охранять лѣвый флангъ христіанскаго флота; свое порученіе онъ исполнилъ блестяще, получивъ тяжелую рану въ лѣвую руку, которою онъ болѣе уже никогда не могъ владѣть. Однако, это не помѣшало ему участвовать послѣ и въ другихъ дѣлахъ противъ турокъ. Но и усердіе и храбрость не помогли автору Донъ-Кихота, который не выходилъ изъ очень скромныхъ должностей; вѣроятно онъ держалъ себя слишкомъ независимо и свободно, и не зналъ, да и не хотѣлъ знать, искусства ловкаго обхожденія съ людьми. Недовольный своимъ положеніемъ и не усидчивый Сервантесъ рѣшилъ вернуться въ Испанію, гдѣ онъ надѣялся найти лучшее. Однако, судьба распологала иначе. Корабль, который везъ писателя, былъ захваченъ пиратами, и Сервантесъ попалъ въ алжирскій плѣнъ. Онъ томился въ плѣну пять лѣтъ, живя въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, но не теряя бодрости и присутствія духа, сочиняя комедіи, дѣлая безпрестанныя попытки освободиться и питая въ себѣ фантастическій планъ возстанія всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ. Сервантесъ проявилъ въ плѣну удивительную силу духа и рѣдкое благородство: когда его попытки освободить себя и своихъ товарищей по несчастью кончались неудачей, онъ бралъ всю вину на себя, чтобы избавить друзей отъ тяжелаго наказанія. И духовная мощь этого человѣка, закованнаго въ цѣпи, была столь необычайна, что она внушала страхъ тѣмъ самымъ жестокимъ туркамъ, которые не боялись истязать и мучить другихъ. Интересно, что послѣдняя попытка Сервантеса бѣжать была раскрыта однимъ доминиканскимъ монахомъ, хотѣвшимъ извлечь изъ этого нѣкоторыя выгоды. Этотъ Іуда, по имени Бланко де Пасъ, получилъ въ награду золотую монету и горшечекъ съ масломъ. Въ концѣ концовъ Сервантесъ былъ выкупленъ на средства его родныхъ и добрыхъ монаховъ, занимавшихся выкупкой плѣнныхъ христіанъ.

Въ 1580 году герой битвы при Лепанто былъ уже на родинѣ, гдѣ ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ и гораздо болѣе немилосерднымъ и безпощаднымъ. Этимъ врагомъ была — бѣдность. Сервантесъ сталъ писать драматическія сцены, онъ опубликовалъ пастушескій романъ Галатею, но вскорѣ ему пришлось оставить литературный трудъ, которымъ онъ не могъ поддержать себя и свою семью; тогда онъ обратился къ практической дѣятельности, къ торговымъ дѣламъ. Сначала онъ занимался поставкой пшеницы и масла для Непобѣдимой Армады, а затѣмъ онъ получилъ должность сборщика налоговъ въ южной Испаніи. Тѣмъ временемъ Сервантесъ продолжалъ писать драмы и въ сентябрѣ 1592 года онъ заключилъ контрактъ съ однимъ театральнымъ антрепренеромъ, обязуясь дать шесть

комедій, которыя должны были быть „лучше всѣхъ, представлявшихся раньше въ Испаніи". Однако и эта попытка окончилась неудачей: современники не хотѣли признать Сервантеса хорошимъ драматургомъ. Томясь своей дѣятельностью, которая была ему совсѣмъ не по нутру, Сервантесъ, наконецъ, ухватился за послѣднее средство ко спасенію: онъ рѣшилъ уѣхать въ Америку. За неимѣніемъ денегъ было необходимо получить даровой проѣздъ, но для этого слѣдовало заручиться какой-нибудь правительственной должностью. Сервантесъ подалъ соотвѣтственное прошеніе, въ отвѣтъ на которое ему былъ данъ совѣтъ пріискать себѣ подходящее занятіе на родинѣ. А между тѣмъ никакого „подходящаго" дѣла ему не давали.

Запутавшись въ счетахъ по сбору податей, авторъ Донъ-Кихота задолжалъ правительству и, не имѣя никакихъ личныхъ денегъ, онъ попалъ въ тюрьму, въ которой просидѣлъ около трехъ мѣсяцевъ. Получивъ свободу, Сервантесъ покинулъ южную Испанію и переѣхалъ на сѣверъ. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Вальядолидѣ, а потомъ въ Мадридѣ. Въ 1605 году появилась въ печати первая часть Донъ-Кихота, по поводу которой Лопе де Вега писалъ въ одномъ частномъ письмѣ: „среди множества современныхъ писателей нѣтъ ни одного столь плохого, какъ Сервантесъ, или настолько глупаго, чтобы хвалить Донъ-Кихота".

Въ 1610 году Сервантесъ надѣялся покинуть Испанію: онъ хотѣлъ быть принятымъ въ число свиты неаполитанскаго вице-короля графа Лемоса. Этой надеждѣ не суждено было сбыться: жизненный опытъ не научилъ шестидесятилѣтняго старика умѣнію „устроиться" — его обошли на этотъ разъ, какъ его обходили и раньше.

Послѣднія шесть лѣтъ своей жизни Сервантесъ провелъ въ Мадридѣ. Это были годы наивысшаго развитія его художественнаго генія, когда имъ были напечатаны его замѣчательныя новеллы, остроумныя и въ сценическомъ отношеніи совершенныя интермедіи и, наконецъ, — вторая часть Донъ-Кихота. Незадолго до появленія послѣдней нѣкій писатель выпустилъ подъ псевдонимомъ Авельянеды свое продолженіе исторіи рыцаря Печальнаго Образа, въ предисловіи котораго онъ всячески бранилъ Сервантеса. Такова была послѣдняя несправедливость, которую автору Донъ-Кихота пришлось испытать на землѣ.

Бѣдный и неоцѣненный по заслугамъ Сервантесъ тихо и кротко доживалъ свою долгую и полную страданій жизнь... Однажды по пыльной проѣзжей дорогѣ онъ возвращался въ Мадридъ, погруженный въ безмятежное созерцаніе прошлаго, знакомое однимъ только старымъ людямъ, — и которое такъ тонко выражали въ портретахъ своихъ стариковъ и старушекъ великіе испанскіе живописцы. Такъ и Сервантесъ, возвращаясь домой, погрузился весь въ свое былое. Нерадостныя то

были воспоминанія: вспоминалась неудачная военная служба, вспоминались годы въ плѣну, вспоминалась тяжелая борьба за существованіе и тюрьма, вспоминались всѣ несправедливыя оскорбленія людей, и одна за другой вставали, какъ тѣни, всѣ неосуществившіяся грезы и мечты. Спутники Сервантеса молчали, и все кругомъ было тихо: молчала далекая равнина, тихо синѣли горы вдали, и на высокомъ небосводѣ въ лучахъ вечерняго солнца тихо таяли золотыя и розовыя тучки.... Вдругъ тишина была нарушена какимъ-то студентомъ, который не могъ нагнать нашихъ спутниковъ и звалъ ихъ, недоумѣвая, куда они такъ торопятся. Одинъ изъ путешественниковъ отвѣтилъ, что причиною ихъ торопливости является крупный шагъ лошади Мигеля де Сервантесъ. Какъ только студентъ услышалъ это имя, онъ, догнавъ путешественниковъ и поровнявшись съ Сервантесомъ, слѣзъ со своего осла и воскликнулъ: „Съ изувѣчной рукой и здоровымъ духомъ, ты во вѣки знаменитъ, веселый писатель и услада музъ!" — Такъ незадолго до смерти авторъ Донъ-Кихота услышалъ изъ устъ никому неизвѣстнаго студента мнѣніе о немъ молодыхъ и чуткихъ людей его времени. Черезъ три недѣли Сервантеса не стало.

И развѣ это не странно, что человѣкъ, который самъ пережилъ такъ много горя, былъ любимъ другими за веселье и смѣхъ? Сервантесъ могъ смѣяться, такъ какъ, познавъ все ничтожество людей, онъ сумѣлъ сохранить любовь къ человѣку и вѣру въ лучшія свойства его души.

19 апрѣля, за четыре дня до смерти, Сервантесъ писалъ посвященіе къ послѣднему своему роману Персилесъ и Сихисмунда. Въ этомъ посвященіи онъ прощался и со своимъ творчествомъ и со своими читателями: „Прощай веселье, прощайте шутки и вы, мои веселые друзья: я умираю и надѣюсь увидѣть васъ вскорѣ довольными на томъ свѣтѣ!" — Такъ прощался съ міромъ великій писатель. 23 апрѣля 1616 года [1]) Мигель де Сервантесъ Сааведра закрылъ свои глаза навѣки.

Кончилась безпокойная, скитальческая жизнь человѣка, жаждавшаго сказочныхъ приключеній и прожившаго десятки лѣтъ въ самой сѣрой и безотрадной прозѣ, — человѣка страстно искавшаго въ теченіе всей своей жизни счастья, которое ему только улыбалось издалека.

---

[1]) По новому стилю, такъ какъ новый календарь былъ введенъ въ Испаніи въ 1582 году. Шекспиръ и Сервантесъ умерли не въ одинъ и тотъ же день, такъ какъ въ Англіи въ 1616 году еще жили по старому стилю. Въ 1616 году разница между обоими стилями была въ 10 дней.

III.

Между душевнымъ складомъ писателя и характеромъ его героевъ всегда существуетъ нѣкоторая связь. Художникъ невольно передаетъ создаваемымъ имъ людямъ свои стремленія и смотритъ на нихъ черезъ призму своей души. Фантастъ Шекспиръ надѣлилъ необузданной и страстной фантазіей всѣхъ своихъ героевъ: умственно высоко развитыхъ и людей совсѣмъ грубаго ума; злодѣевъ и добродѣтельныхъ.

Сервантесъ былъ натурой безпокойной, неустаннымъ искателемъ счастья и приключеній; одновременно это былъ рѣдко благородный человѣкъ, истинный рыцарь. Авантюризмъ настроенія и благородство чувства и мыслей, — вотъ основныя особенности души автора Донъ-Кихота, который поэтому не могъ себѣ представить людей иначе, какъ въ постоянномъ исканіи и вѣчномъ движеніи, а также всегда видѣлъ въ людяхъ что-нибудь хорошее, какъ бы плохи они бы ни были.

Герои Сервантеса всегда чего-то ищутъ и всегда странствуютъ. И таковъ не только донъ-Кихотъ, но и рѣшительно всѣ дѣйствующія лица новеллъ нашего писателя. Почему они скитаются и чего они ищутъ?

Женщины ищутъ любви. Доротеа, героиня одного изъ вставныхъ эпизодовъ Донъ-Кихота, обманутая дономъ Фернандо, надѣваетъ мужской костюмъ и отправляется въ поиски своего возлюбленнаго. Такъ же поступаетъ Теодоса, героиня новеллы Двѣ дѣвушки; а Леокадья изъ той же повѣсти даже предпринимаетъ путешествіе въ Италію, чтобы найти обманувшаго ее Марка Антонія и заставить его исполнить данное имъ слово.

Сервантесъ, какъ и Кальдеронъ, очень любилъ образъ смѣлой и предпріимчивой дѣвушки, которая, будучи обманутой, не падаетъ духомъ, но, сѣвъ на коня и взявъ шпагу, покидаетъ родительскій домъ и мчится за своимъ обидчикомъ.

Мужчины — авантюристы преслѣдуютъ разныя цѣли. Одни, какъ лисенсіатъ Видріера, пускаются въ странствованія, чтобы не умереть на родинѣ съ голоду; другіе, какъ ревнивый экстремадурецъ, ищутъ богатства и наживы; а третьи думаютъ вмѣстѣ съ мудрымъ псомъ Бергансой, что „путешествія и общеніе съ разнообразными людьми дѣлаютъ людей умными“; такъ донъ Антоніо де Исунса и донъ Хуанъ де Гамбоа, учившіеся въ саламанкскомъ университетѣ, бросаютъ занятія и отправляются во Фламандію, чтобы увидѣть и узнать міръ (новелла Сеньора Корнелія).

Однако, голодомъ, жаждой богатства и стремленіемъ къ знанію мотивируется авантюризмъ лишь небольшой группы героевъ Сервантеса,

преобладающее большинство которыхъ искало только приключеній въ свободной и независимой жизни. Для болѣе простыхъ натуръ эти приключенія были просто развлеченіемъ; болѣе сложные и тонкіе люди видѣли свои авантюры въ свѣтѣ общихъ идей. Богатый молодой человѣкъ Родольфо (новелла Сила крови) ѣдетъ въ Италію, влекомый желаніемъ вкусить отъ веселой и свободной жизни этой страны. Праздный юноша Лоайса (изъ новеллы Ревнивый эстремадурецъ) занимается для развлеченія романическими приключеніями. А донъ-Кихотъ считалъ свои скитанія служеніемъ идеѣ странствующаго рыцарства. Бѣдный ламанчскій идальго такъ же, какъ и всесильный императоръ Карлъ V, хотѣлъ воскресить старые средневѣковые идеалы и вѣрилъ, что возможно подчинить имъ позабывшую ихъ и ушедшую впередъ жизнь.

Множество мальчиковъ Сервантеса, которые прекрасно жили дома и были окружены любовью родныхъ, предпочитали спокойному существованію подъ домашнимъ покровомъ безпокойную и полную самыхъ невѣроятныхъ неожиданностей жизнь бродягъ. Такъ Карріасо и Авенданьо (новелла Именитая судомойка), сыновья богатыхъ и знатныхъ родителей, бѣжали изъ родительскаго дома въ Толедо, гдѣ одинъ изъ нихъ, увлекшись судомойкой постоялаго двора, поступилъ въ слуги къ ея хозяину, а другой сталъ заниматься водовознымъ промысломъ.

Всѣ эти люди — и малые мальчики и пятидесятилѣтній донъ-Кихотъ — сходятся въ любви къ приключеніямъ и въ желаніи безпечно отдаться случайному теченію событій, чѣмъ ихъ надѣлилъ ихъ общій отецъ Мигель де Сервантесъ, который также всѣмъ имъ далъ, хотя бы крупицу своего душевнаго благородства.

Сервантесъ не только былъ убѣжденъ въ существованіи хорошихъ людей, но даже думалъ, что „не всѣ дьяволы одинаково плохи“. Поэтому онъ съ особенной радостью отмѣчалъ хорошія стороны въ людяхъ дурныхъ. Онъ какъ будто совсѣмъ и не вѣрилъ въ возможность существованія абсолютно плохихъ людей; какъ Льву Толстому, ему казалось, что „каждый человѣкъ носитъ въ себѣ зачатки всѣхъ свойствъ людскихъ“ и поэтому всегда измѣняется: сегодня онъ плохъ, а завтра будетъ хорошъ; вчера уменъ, а сегодня глупъ — „люди, какъ рѣки; вода во всѣхъ одинакая и вездѣ одна и та же, но каждая рѣка бываетъ, то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая“.

Если герои Сервантеса и совершаютъ что-нибудь нехорошее, то они вскорѣ раскаиваются и исправляются. Донъ-Кихотъ въ порывѣ гнѣва подымалъ на Санчо руку, а затѣмъ спѣшилъ извиниться предъ своимъ оруженосцемъ. А Санчо, поддавшись однажды жадности и

попросивъ у своего господина положить ему жалованье, тутъ же искренно раскаялся въ своемъ грѣхѣ и смылъ его горячими слезами.

Бродяга и воръ Реполидо (новелла Ринконете и Кортадильо), избивъ изъ-за денегъ свою подругу Каріарту, въ тотъ же день приходитъ къ ней просить прощенія.

Дѣвица Кардуча (изъ новеллы Цыганочка), уязвленная равнодушіемъ приглянувшагося ей цыгана, подбрасываетъ несчастному свои драгоцѣнности и затѣмъ обвиняетъ его въ кражѣ. Когда цыганъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, Кардуча раскаялась и призналась въ своемъ преступленіи.

Одинъ ревнивый старикъ (нов. Ревнивый эстремадурецъ), боясь измѣны молоденькой жены, держалъ ее въ домѣ подъ запоромъ, изолировавъ отъ общенія со всѣми людьми. Однако, ловкій молодой человѣкъ Лоайса нашелъ способъ тайно проникнуть въ жилище ревниваго мужа, который однажды засталъ жену въ объятіяхъ незнакомца. Старикъ съ горя занемогъ и умеръ, но передъ смертью онъ не только простилъ жену, но и призналъ себя во всемъ виноватымъ, — и поэтому онъ увеличилъ сумму капитала, оставляемаго женѣ въ наслѣдство, и благословилъ ее на бракъ съ Лоайсой.

Грязный и преступный сводникъ (комедіи Счастливый сводникъ) раскаивается въ своихъ грѣхахъ и уѣзжаетъ въ Америку, гдѣ становится доминиканскимъ монахомъ и умираетъ въ святости.

Таковы плохіе люди Сервантеса; они бываютъ плохи только временно и съ тѣмъ, чтобы непремѣнно придти или вернуться къ добру. Душа человѣческая представлялась Сервантесу океаномъ, который, хотя и имѣетъ свои отливы, всегда возвращается вновь къ покинутымъ имъ берегамъ.

IV.

Если Сервантесъ велъ всѣхъ людей отъ дурного къ доброму, то это было не только выраженіемъ личнаго міровоззрѣнія, но также и опредѣленной тенденціей, которую ему внушило его время. Годъ спустя послѣ смерти Сервантеса, родился Мурильо, картины котораго въ севильскомъ госпиталѣ, какъ говоритъ Мутеръ, „можно было бы назвать благотворительными концертами: онъ въ нихъ напоминалъ богатымъ о труждающихся и обремененныхъ“. Живописецъ стремился изображеніемъ красоты добра въ сценахъ, взятыхъ изъ народной жизни, возбудить въ сердцахъ зрителей христіанскую любовь къ ближнему; поэтому Мутеръ назвалъ эти картины образцами „филантропическаго натурализма“: „какъ Рафаэль выразилъ въ картинахъ Ватикана философію Возрожденія, такъ Мурильо изобразилъ здѣсь этику контръ-реформаціи“.

Сервантесъ, какъ и Мурильо, подчинялъ свое искусство нравственнымъ цѣлямъ. Донъ-Кихотъ долженъ былъ отучить читателей отъ чтенія пустыхъ рыцарскихъ романовъ, имѣвшихъ пагубное вліяніе на людей. Свои новеллы Сервантесъ назвалъ „примѣрными", думая, что „среди нихъ нѣтъ ни одной, изъ которой нельзя было бы извлечь полезнаго примѣра". А театральныя представленія должны были быть, по мнѣнію нашего писателя, такими, чтобы зритель уходилъ изъ театра „влюбленнымъ въ добродѣтель". Таковы были благія намѣренія Сервантеса, который, къ счастью современниковъ и потомковъ, настолько увлекался своими образами, что забывалъ о поставленныхъ себѣ нравственныхъ цѣляхъ.

Сервантесъ сходился съ Мурильо не только въ этической тенденціи, но также и въ эстетическихъ задачахъ. Творчество автора Донъ-Кихота и Примѣрныхъ новеллъ тѣсно связано съ живописью его времени.

Испанская живопись, какъ и все искусство эпохи католическаго возрожденія, была насквозь проникнута демократическимъ духомъ. Возрожденное католичество, въ противоположность протестантизму, не отреклось отъ искусства, но заключило съ нимъ союзъ, увидѣвъ въ немъ сильное средство для привлеченія народныхъ массъ. Но, желая дѣйствовать на народъ, искусство должно было стать народнымъ, т. е. изображать близкое народу, — и при томъ такъ, чтобы оно было ему понятно. Поэтому искусство пошло по пути натурализма, порвавъ съ традиціями классическаго возрожденія — аристократическаго по цѣлямъ, содержанію и пріемамъ творчества: искусство Возрожденія служило удовлетворенію эстетическихъ потребностей немногихъ цѣнителей, владѣтельныхъ князей или папъ, и дальше идеализированной реальности оно никогда не дерзало идти.

Искусство католическаго возрожденія противоставило аристократическимъ цѣлямъ демократическія, аристократическому содержанію — народное, идеализированной реальности — натурализмъ. Всѣ эти особенности католическаго искусства ярко представлены испанской живописью XVI и XVII столѣтій.

Рибера любилъ народную жизнь; поэтому подъ видомъ мадоннъ и апостоловъ онъ изображалъ торговокъ и простыхъ крестьянъ. Nature morte заняла видное мѣсто въ картинахъ этого художника, которому нравилось выписывать корзины съ хлѣбомъ и общипанныхъ куръ. Предпочитая идеальной красотѣ неприкрашенную дѣйствительность, Рибера любилъ писать старыя, морщинистыя лица и жилистыя руки. Его вниманіе особенно привлекало все некрасивое, напр. кривоногіе нищіе.

Мурильо создалъ цѣлую семью уличныхъ мальчишекъ и продав-

щицъ, а его картины изъ жизни Христа и Маріи всѣ свелись къ бытовымъ народнымъ сценамъ. Мурильо былъ также очень неравнодушенъ къ nature morte: онъ любовался желтизной апельсинныхъ корокъ, золотистымъ виноградомъ и самыми обыкновенными глиняными кувшинами.

Даже изящный придворный живописецъ Веласкесъ охотно воспроизводилъ народные типы, бездушные предметы и безобразныхъ карликовъ.

И все, что испанцы изображали — сцены изъ народной жизни, уродовъ и nature morte, — все это они передавали съ поразительной правдивостью и точностью. Испанскіе художники думали, что, любя правду, народъ не можетъ понять идеализированныхъ образовъ и формъ, вслѣдствіе чего демократическое искусство должно быть натуралистическимъ. Къ созданію такого искусства испанцы были особенно хорошо приспособлены, такъ какъ авантюристы абсолютно не романтики: они любятъ дѣйствительную жизнь, а не фантастическую; безпокойные искатели земного рая и обѣтованной земли они ищутъ счастья въ мірѣ реальномъ и видимомъ. Міръ воображаемый и невидимый мало безпокоилъ испанца, такъ какъ отъ святой католической церкви онъ зналъ о немъ все, что было ему можно и должно знать. Испанцевъ непреодолимо тянуло ко всему конкретному, видимому и осязаемому; они были реалистами даже въ религіи, — поэтому они и были большими мистиками: имъ было недостаточно вѣрить въ Бога — имъ надо было ощутить Его непосредственно. Испанія, столь излюбленная романтиками, была, быть можетъ, одною изъ наиболѣе чуждыхъ романтизму странъ.

Натурализмъ живописи и литературы въ Испаніи XVI и XVII столѣтій является плодомъ національнаго испанскаго характера и общихъ культурно-историческихъ тенденцій эпохи.

Самымъ яркимъ представителемъ испанскаго литературнаго натурализма былъ, конечно, Сервантесъ. Его творчество совпадало съ живописью его времени, какъ въ содержаніи, такъ и по художественнымъ пріемамъ: оно народно и натуралистично.

Сервантесъ былъ демократическимъ писателемъ; его читали по преимуществу, какъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ, въ постоялыхъ дворахъ и лакейскихъ. И писатель съ гордостью заявляетъ, что трудно найти переднюю, въ которой не нашлось бы экземпляра Донъ-Кихота. А въ гостиной знатнаго кабальеро его было бы, пожалуй, трудно встрѣтить. Такова судьба этого романа — его всегда особенно любили дѣти, дѣти по возрасту и дѣти по развитію: „Чистые сердцемъ Бога узрятъ“.

Хотя въ Донъ-Кихотѣ, какъ въ большомъ соціальномъ рома-

нѣ, представлено почти все испанское общество, однако, нельзя не замѣтить, что Сервантесъ останавливается съ особенной любовью на народныхъ типахъ и бытовыхъ картинахъ изъ народной жизни. Мелкопомѣстный дворянинъ донъ-Кихотъ жилъ въ небольшой деревенькѣ, гдѣ интеллегенція была представлена сельскимъ священникомъ и цырульникомъ. Когда донъ-Кихотъ покидаетъ свой домъ и отправляется странствовать вмѣстѣ съ крестьяниномъ Санчо Пансой, мы видимъ его почти исключительно въ деревенской обстановкѣ и среди простолюдиновъ: то на проѣзжей дорогѣ, то въ бѣдной придорожной вентѣ. Если исключить дона Діего де Миранду, въ домѣ котораго донъ-Кихотъ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней, то можно сказать, что простые люди всегда лучше относились къ рыцарю Печальнаго Образа, такъ какъ они умѣли видѣть въ немъ и уважать человѣка. Герцогъ съ герцогиней и донъ Антоніо Морено не желали донъ-Кихоту зла, но, нисколько его не уважая, они смотрѣли на него только, какъ на веселящаго ихъ шута. Донъ Антоніо даже не посовѣстился возить несчастнаго рыцаря по всѣмъ улицамъ Барселоны верхомъ на мулѣ, да еще съ надписью: „Вотъ донъ-Кихотъ Ламанчскій". Изъ простыхъ людей никто не могъ такъ посмѣяться надъ бѣднымъ дальго, который и возблагодарилъ ихъ за это. Не случайность,- что донъ-Кихотъ обратился именно къ козопасамъ со своей прекрасной рѣчью о золотомъ вѣкѣ: „Счастливо то время и счастливъ тотъ вѣкъ, который древніе назвали золотымъ, и не потому, что золото, столь цѣнимое въ этотъ нашъ желѣзный вѣкъ, добывалось въ ту счастливую пору безъ всякаго труда, но потому, что люди, которые тогда жили, не знали этихъ двухъ словъ: твое и мое. Въ тѣ святыя времена всѣ вещи были общими... Тогда всюду былъ миръ, всюду дружба и согласіе... Тогда переживанія любящей души выражались столь же просто, какъ ихъ переживала душа, и не измышлялись искусственныя сочетанія словъ для превознесенія чувства. Тогда ложь и коварство еще не смѣшались съ правдой и искренностью. Правосудіе не выходило изъ своихъ предѣловъ, и его не дерзали смущать, ни оскорблять корыстолюбіе и лицепріятіе, которыя теперь его унижаютъ, смущаютъ и преслѣдуютъ. Законъ произвола еще не былъ принятъ судьями, ибо тогда не было подлежащихъ суду дѣлъ и не было подсудимыхъ"...

Содержаніе этой рѣчи не было понято козопасами, но они почувствовали музыку вдохновлявшаго ее чувства, и поэтому полюбили всѣмъ сердцемъ странствующаго рыцаря. Таково бываетъ всегда дѣйствіе искренняго слова, исходящаго изъ глубины души. Такъ завоеватель южной Америки Франсиско Писарро обратился къ индѣйцамъ съ рѣчью объ основахъ христіанства и могуществѣ короля Кас-

тиліи. Ни слова не понявъ, дикари одобрили рѣчь и приняли испанское знамя.

Сервантесъ создалъ въ Донъ-Кихотѣ рядъ замѣчательныхъ народныхъ образовъ и сценъ изъ народной жизни, которые всѣмъ хорошо извѣстны. Кто не сохранилъ въ памяти описанія похоронъ несчастнаго въ любви студента и свадьбы Камачо, — описанія каталанскихъ разбойниковъ съ ихъ атаманомъ Роке Гинартомъ и освобожденныхъ донъ-Кихотомъ каторжниковъ?

Народные образы и сцены не менѣе ярки въ интермедіяхъ и новеллахъ нашего писателя.

Вотъ, какъ начинается повѣсть Ринконете и Кортадильо: „Въ постояломъ дворѣ Молинильи, находящемся въ глубинѣ извѣстныхъ алькудійскихъ полей, на дорогѣ изъ Кастиліи въ Андалусію, въ жаркій лѣтній день случайно встрѣтились два мальчика отъ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ; оба были очень миловидны, хотя ихъ одежда и была гдѣ распорота, а гдѣ изодрана да очень помята; ихъ брюки были холщевыми, а плаща и чулокъ у нихъ совсѣмъ не было... Они имѣли обожженныя солнцемъ лица, длинные черные ногти и не очень чистыя руки“.

Кто не узнаетъ въ этихъ мальчикахъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ мальчugановъ Мурильо?

Ринконете и Кортадильо (такъ звали нашихъ героевъ), несмотря на свой небольшой возрастъ, были уже опытными плутами и ворами. Благодаря этому, когда они прибыли въ Севилью, ихъ приняли въ существовавшее въ этомъ городѣ своеобразное братство воровъ и разбойниковъ, рѣшившихъ заниматься своимъ дѣломъ на кооперативныхъ началахъ. Каждый членъ братства имѣлъ въ городѣ опредѣленный районъ для своихъ дѣйствій. Все украденное сносилось въ помѣщеніе братства, гдѣ одна часть украденнаго добра распредѣлялась между членами, а другая шла на умилостивленіе полиціи. Во главѣ всей этой коопераціи стоялъ нѣкій Мониподьо, который бывалъ предсѣдателемъ общихъ собраній всѣхъ членовъ; онъ же принималъ дѣлаемые братству заказы и заботился о скоромъ ихъ выполненіи: за условленное вознагражденіе общество бралось кого-угодно убить или же только избить, при чемъ заказчики могли точно обозначить число ударовъ. Все это дѣлалось не какъ-нибудь, а съ большою правильностью: при заказѣ слѣдовало внести половину всей полагающейся суммы, а остатокъ выплачивался, когда заказъ приводился въ исполненіе. Для избѣжанія недоразумѣній была заведена памятная книга, въ которую вносились текущія дѣла.

Въ домѣ, въ которомъ собиралось братство, имѣлась икона Богоматери; возлѣ этой иконы висѣла небольшая плетеная корзиночка

для подаяній и лоханочка для святой воды. На деньги съ подаяній братство постоянно возжигало лампаду предъ чудотворной иконой одной изъ севильскихъ церквей. Члены братства были очень набожны: всѣ они ежедневно молились по четкамъ и не говорили по субботамъ съ женщинами, носившими имя Маріи; они были глубоко убѣждены въ помощи и защитѣ, какъ Бога, такъ и всѣхъ святыхъ, которымъ они ставили свѣчи передъ трудными или опасными предпріятіями. Когда Кортадильо спросилъ одного изъ этихъ почтенныхъ людей, чѣмъ онъ занимается, то послѣдній отвѣтилъ: „Я разбойничествомъ служу Богу и добрымъ людямъ... Не пускаясь въ богословскія тонкости, я знаю, что каждый человѣкъ можетъ своимъ занятіемъ воздать хвалу Богу".

Сервантесъ имѣлъ особенное тяготѣніе къ подонкамъ общества, къ людямъ, выброшеннымъ изъ обычной жизненной колеи. Поэтому мы не найдемъ въ его творчествѣ картинъ изъ жизни зажиточнаго крестьянства, которыхъ такъ много въ драмахъ Лопе де Веги. Сервантесъ охотнѣе присматривался къ пастухамъ, нѣсколько оторваннымъ, благодаря своему роду занятій, отъ безмятежной жизни въ тѣни родной колокольни, что сближало этихъ людей съ милыми его безпокойной душѣ цыганами.

Описаніе пастуховъ дало Сервантесу поводъ къ осужденію современныхъ ему пастушескихъ романовъ, которые создали до неузнаваемости идеализированные образы пастушковъ. Какъ извѣстно, нашъ писатель во дни своей молодости самъ написалъ въ такомъ стилѣ свою Галатею; зато въ зрѣломъ возрастѣ Сервантесъ далъ въ Разговорѣ двухъ собакъ правдивую картинку пастушескаго быта. Авторъ говоритъ, что пастухи не поютъ подъ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ, и ихъ пѣсни не бываютъ такъ красивы и гармоничны, какъ повѣствуютъ объ этомъ романисты; напротивъ, голоса пастуховъ настолько хриплы, что было бы правильнѣе сказать, что они не поютъ, а кричатъ или хрюкаютъ, какъ свиньи; аккомпаниментомъ обыкновенно служитъ стукъ двухъ дубинокъ, или же двухъ черепковъ. Пастухи совсѣмъ лишены приписанной имъ романистами поэзіи. Большую часть дня они заняты починкой своей обуви или же... вычесываніемъ вшей. И называются они не Галатеями и Гіацинтами, а просто Антоніями и Павлами.

Кто видѣлъ Поклоненія пастуховъ Веласкеса и Мурильо, тотъ непремѣнно вспомнитъ ихъ при чтеніи этой характеристики Сервантеса.

Если авторъ Донъ-Кихота только интересовался пастушескимъ бытомъ, то вольная жизнь цыганъ его, несомнѣнно, увлекала: онъ посвятилъ ей цѣликомъ одну новеллу — „Цыганочка" — и говоритъ о

ней также въ другихъ повѣстяхъ. Цыгане Сервантеса, какъ и его воры, имѣютъ свои житейскія правила, которыя они блюдутъ ненарушимо. Они владѣютъ всѣмъ сообща, за исключеніемъ женъ. Имъ совсѣмъ неизвѣстна ревность; свято чтя дружбу, они не трогаютъ женъ или подругъ своихъ друзей. Когда же женщины измѣняютъ, они ихъ убиваютъ и хоронятъ гдѣ попало въ горахъ или въ пустоши. Свободно кочуя, они считаютъ себя хозяевами всѣхъ полей, лѣсовъ, горъ и рѣкъ, — однимъ словомъ, хозяевами всего, что они встрѣчаютъ. Имѣя постелью жесткую землю вмѣсто мягкой перины, они этимъ не печалятся, такъ какъ въ стѣнахъ дома имъ душно и скучно. То ли дѣло имѣть надъ собою вмѣсто крыши звѣздное небо!

Цыгане считаютъ своими всѣхъ лошадей и муловъ, попадающихся имъ навстрѣчу въ поляхъ, а также карманы всѣхъ людей въ городахъ. Когда ихъ уличаютъ въ преступленіи и приводятъ къ судьѣ, они никогда не признаются и не видятъ въ этомъ ничего дурного, такъ какъ разница между односложными словами „да“ и „нѣтъ“ слишкомъ незначительна.

Такъ живя, цыгане не знаютъ страха потерять честь; они не проводятъ безсонныхъ ночей въ мученіяхъ изъ-за неудовлетвореннаго честолюбія и не встаютъ спозаранку, чтобы проводить какого-нибудь магната или подать во время меморіалъ королю. „Они имѣютъ все, что хотятъ, такъ какъ удовлетворяются тѣмъ, что имѣютъ“.

Если въ новеллахъ Сервантеса много картинъ изъ народной жизни, то ихъ не меньше въ его интермедіяхъ. Въ этихъ небольшихъ драматическихъ сценкахъ встрѣчаются почти исключительно народные типы: крестьяне, солдаты, псаломщики, плуты и сводники. Драматургъ умѣетъ тонко подмѣтить во всѣхъ этихъ людяхъ ихъ слабыя и смѣшныя стороны. Вотъ, напр., мы присутствуемъ на выборахъ деревенскихъ алькальдовъ или судей. Предлагаются нѣсколько кандидатовъ, которые всѣ, по мнѣнію выборщиковъ, имѣютъ какую-нибудь замѣчательную особенность. Одинъ изъ нихъ обладалъ удивительно тонкимъ вкусомъ; однажды, испробовавъ вино, онъ замѣтилъ, что оно отдаетъ деревомъ, кожей и желѣзомъ: когда бочка была окончена, то на ея днѣ нашли маленькій кусочекъ дерева и небольшой ключикъ съ кожанымъ ремешкомъ. Другой кандидатъ въ судьи умѣлъ починить сапоги лучше всякаго сапожника, а третій прекрасно помнилъ множество пѣсенокъ. Когда одного изъ этихъ людей спросили, умѣетъ ли онъ читать, этотъ добрый малый очень обидѣлся и отвѣтилъ: „Конечно, нѣтъ и въ моемъ родѣ никогда не было столь легкомысленнаго человѣка, который обучился бы этимъ пустякамъ, ведущимъ мужчину къ костру, а женщинъ къ вольному поведенію“.

Сервантесъ никогда не льстилъ народу и не боялся смѣяться

надъ его слабыми сторонами, какъ невѣжество, корыстолюбіе или грубость. Одновременно онъ относился съ большимъ уваженіемъ къ простолюдину, какъ къ человѣку, который всегда можетъ улучшиться. Указывая народу на его недочеты и внушая ему вѣру въ возможность улучшенья, Сервантесъ тѣмъ самымъ будилъ въ немъ мысль и велъ его къ нравственному совершенствованію. Поэтому Сервантесъ долженъ быть названъ величайшимъ народнымъ писателемъ.

Авторъ Донъ-Кихота былъ родственен живописцамъ своего времени не только въ народности своего творчества, но также и въ любви къ окружающей человѣка обстановкѣ, къ предметамъ обихода и потребленія. Подобно Веласкесу и Мурильо, любя nature morte и intérieur'ы, онъ былъ совершенно равнодушенъ ко внѣшней природѣ: въ творчествѣ нашего романиста пейзажъ такъ же рѣдокъ, какъ и въ современной ему живописи.

Вотъ, напр., какъ Сервантесъ описалъ дворикъ, въ которомъ собрались уже извѣстные намъ севильскіе воры и плуты: „небольшой дворъ, выложенный кирпичемъ, былъ столь чисто вымытъ, что казался ярко-краснымъ. На одной сторонѣ стояла скамейка на трехъ ножкахъ, а на другой — съ отбитымъ носомъ кувшинъ, покрытый разбитой чашкой; въ глубинѣ двора лежала цыновка, а въ серединѣ находился горшокъ дикихъ васильковъ".

Вспомнимъ еще описаніе угощенія донъ-Кихота козопасами: на черномъ фонѣ темной южной ночи выдѣляется разведенный костеръ, надъ которымъ въ котелкѣ варится мясо; вокругъ огня сидятъ кружкомъ козопасы и ихъ гости: донъ-Кихотъ и Санчо; всѣ сидятъ на козьихъ шкурахъ, а странствующій рыцарь на перевернутомъ корытѣ; ѣдой служатъ сухіе желуди, сыръ и козье мясо; пьютъ всѣ изъ одного и того же рога. Невдалекѣ отъ костра виднѣются подвѣшенные къ пробковому дереву мѣхи съ виномъ.

Такія точныя описанія обстановки, вещей и яствъ встрѣчаются въ произведеніяхъ Сервантеса постоянно.

Любя воспроизведеніе бездушныхъ предметовъ, испанскіе художники особенно интересовались изображеніемъ самаго человѣка. Поэтому въ испанской живописи XVI и XVII столѣтій портретъ занялъ очень видное мѣсто. Севильянецъ Пачеко въ часы досуга рисовалъ портреты своихъ современниковъ; въ 1499 году онъ издалъ книгу съ 170 рисунками, которые сопровождались небольшими біографіями. Въ картинѣ погребенія графа Оргаса художникъ Греко изобразилъ въ хоронившихъ графа людяхъ знакомыхъ ему толедскихъ кавалеровъ. Сурбаранъ и Веласкесъ создали цѣлую галлерею портретовъ всей духовной и свѣтской Испаніи.

И надо замѣтить, что испанцы очень любили некрасивыя и даже

безобразныя лица. Веласкесъ не написалъ ни одной красивой женщины и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ нѣсколько портретовъ поражающихъ своимъ безобразіемъ идіотовъ и карликовъ; а Рибера предпочиталъ стариковъ молодымъ людямъ и калѣкъ здоровымъ. Искусство католическаго возрожденія изображеніемъ уродства и старости словно проповѣдывало бренность всего земного и ничтожность того тѣла, которое такъ боготворила эпоха возрожденія античности.

По любви къ безобразному Сервантесъ былъ типичнымъ художникомъ эпохи барокко. Въ его произведеніяхъ можно найти много удивительно экспрессивныхъ описаній человѣческаго уродства. Таково, напр. въ новеллѣ Ринконете и Кортадильо описаніе Мониподьо, главаря шайки воровъ: „Онъ казался лѣтъ сорока пяти или шести, былъ высокаго роста, со смуглымъ цвѣтомъ лица, густыми черными волосами, сходившимися бровями и впалыми глазами; онъ былъ въ рубашкѣ, съ открытымъ воротомъ, благодаря чему виднѣлся цѣлый лѣсъ волосъ на груди; на кожаной перевязи висѣла широкая и коротенькая шпага; онъ имѣлъ волосатыя руки, короткіе, толстые пальцы, а ногти широкіе и загнутые, какъ когти“. Таковъ былъ Мониподьо, который, по словамъ самого Сервантеса, представлялъ собою „самаго грубаго и безобразнаго варвара въ мірѣ“.

Въ Разговорѣ двухъ собакъ имѣется описаніе тѣла колдуньи, лежавшей въ безпамятствѣ на полу: „Она была очень длинна и состояла изъ однѣхъ костей, покрытыхъ темной, волосатой и грубой кожей; животъ, словно сдѣланный изъ овечьей шкуры, свисалъ до середины бедеръ; сухія и морщинистыя груди походили на пустые воловьи пузыри; она имѣла черныя губы, рѣдкіе зубы, согнутый и словно составленный изъ шашекъ носъ, вытаращенные глаза, лишенную волосъ голову, впалыя щеки, худую шею и провалившуюся грудь“.

Любовь къ безобразному вмѣстѣ съ правдивымъ описаніемъ народнаго быта и обстановки связываютъ Сервантеса съ великими живописцами его времени.

Испанія XVI и XVII столѣтій создала единственное по силѣ выраженія искусство, народное по содержанію и натуралистическое по пріемамъ творчества.

V.

Міровоззрѣніе, выраженное Сервантесомъ въ донъ-Кихотѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ духовному облику испанцевъ XVI и XVII столѣтій. Если это міровоззрѣніе вполнѣ національно и вышло изъ сокровенной глубины души испанскаго народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно совсѣмъ чуждо всему обще-европейскому міропониманію.

Гордый своимъ умомъ европеецъ рѣшилъ, что во вселенной царствуетъ не случай, а законъ; и за каждымъ мгновеніемъ европеецъ видитъ слѣдующую за нимъ ступень къ той цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ.

Міропониманіе донъ-Кихота зиждется на культѣ случая и текущей минуты.

Сдѣлавшись странствующимъ рыцаремъ, донъ-Кихотъ не выбираетъ тѣхъ или другихъ приключеній, но отдается первымъ попавшимся; онъ беретъ то, что ему предлагаетъ жизнь; онъ не выбираетъ даже пути своего слѣдованія, а ѣдетъ туда, куда захочетъ его конь. Имѣя одну широкую цѣль возстановленія справедливости на землѣ, онъ считаетъ каждый представшій ему случай значительнымъ и цѣннымъ, — поэтому онъ и отдается ему всецѣло, не думая о возможности болѣе важныхъ дѣлъ; то, что ему предлагаетъ данный моментъ, выростаетъ для него въ цѣлую гору, совсѣмъ застилающую его горизонтъ.

Есть въ донъ-Кихотѣ еще одна удивительная особенность: несмотря на то, что люди смѣются надъ нимъ или бьютъ его, а всѣ его предпріятія кончаются полной неудачей, — онъ, этотъ бѣдный странствующій рыцарь, не только не унываетъ, не падаетъ духомъ, но остается спокойнымъ и радостнымъ; и съ его лица словно не сходитъ какая-то таинственная улыбка, похожая на улыбку египетскихъ статуй. Такой человѣкъ долженъ былъ знать какую-то тайну, — тайну жизни. И донъ-Кихотъ, дѣйствительно, ее зналъ. Для него не существовало объективной истины, онъ не вѣрилъ разуму и его логикѣ, но вѣрилъ одной только своей личной интуиціи и внутреннему голосу своей совѣсти. Поэтому ничто не могло сокрушить его энергіи. Донъ-Кихотъ видѣлъ весь міръ такимъ, какимъ онъ хотѣлъ его видѣть, и инымъ онъ его и не старался увидѣть, ибо думалъ, что каждый человѣкъ представляетъ себѣ окружающее по своему желанію: „то, что одному кажется тазомъ цырюльника, то мнѣ кажется шлемомъ Мамбрина, а третьему покажется еще какою-нибудь иною вещью".

Гдѣ же тогда истина? — Истина въ томъ, чего хочетъ воля личности: когда донъ-Кихота везли въ клѣткѣ домой, онъ считалъ себя не заключеннымъ, а заколдованнымъ, и подтвержденіе этому онъ находилъ во внутреннемъ голосѣ своей души. Поэтому плѣнный рыцарь не спорилъ и сидѣлъ въ своей клѣткѣ молча и такъ тихо, что походилъ на каменную статую. Это молчаніе донъ-Кихота, быть можетъ, всего краснорѣчивѣе, ибо имъ онъ пріобщаетъ насъ къ величайшей тайнѣ, которой онъ владѣлъ:

„Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей

Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!"

Донъ-Кихотъ дѣйствительно умѣлъ жить въ самомъ себѣ; наружный шумъ никогда не заглушалъ его таинственно-волшебныхъ думъ. Поэтому всегда терпѣвшій пораженія странствующій рыцарь былъ все же счастливъ, и таинственная улыбка не сходила съ его лица.

Самъ Сервантесъ и не подозрѣвалъ, что можно найти глубокій философскій смыслъ на днѣ прозрачныхъ и свѣтлыхъ водъ его замѣчательнаго романа, такъ какъ, стремясь, какъ художникъ, только къ правдивому и вѣрному изображенію окружавшей его дѣйствительности, онъ не идеализировалъ своихъ героевъ и относился къ нимъ со снисходительностью мудреца — поэтому и въ Донъ-Кихотѣ онъ не видѣлъ тѣхъ чертъ, которыя стали впервые открываться взорамъ людей XIX вѣка. Люди этого вѣка увидѣли въ романѣ Сервантеса символическое изображеніе никогда не прекращающейся борьбы идеала съ дѣйствительностью, — борьбы, которая кончается пораженіемъ и осмѣяніемъ идеалиста-мечтателя и побѣдой житейской грубой прозы.

Кто же онъ, этотъ авторъ Донъ-Кихота, интермедій и Примѣрныхъ новеллъ? Онъ былъ неутомимымъ искателемъ счастья съ рѣдко благородной душой и художникомъ, страстно влюбленнымъ въ человѣка и его жизнь, взятую во всемъ ея разнообразіи.

Сергѣй Боткинъ.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ НАУКИ ЗА УЖАСНЫЙ ГОДЪ.

„L'année terrible" — такъ прозвалъ Гюго злосчастный для его родины 1870 годъ, но и у великаго поэта, конечно, не нашлось бы словъ, чтобы выразить тотъ безысходный ужасъ, который держитъ въ своихъ когтяхъ несчастные народы Европы вотъ уже второй годъ!... И однако, какъ въ 1870 году французскіе ученые гордились тѣмъ, что не покидали своего поста даже въ дни осады Парижа, такъ и теперь во Франціи и въ Англіи (о Германіи по нашимъ цензурнымъ условіямъ не имѣемъ свѣдѣній [1]) всѣ научные факторы продолжаютъ функціонировать — даже Британская Ассоціація послѣ продолжительнаго обсужденія вопроса рѣшила не отмѣнять своей обычной годичной сессіи.

Исполняя свою роль лѣтописца научной жизни, представляю отчетъ какъ о той сессіи, которая закрылась въ самый моментъ объявленія войны, такъ и о той, которая засѣдала уже въ самый ея разгаръ.

I. Наука у антиподовъ и антиподы науки.

Несомнѣнно, что высшаго своего развитія современная наука достигла у народовъ англо-германской расы и что одной изъ причинъ этого было отсутствіе ея централизаціи. Ни въ Англіи, ни въ Германіи не сосредоточивалась она въ какомъ-нибудь одномъ центрѣ, но равномѣрно распредѣлялась во всей странѣ, а въ Англіи, сверхъ того, была дѣломъ частнаго общественнаго почина, а не одной только изъ функцій правительственной опеки надъ народомъ.

Это отсутствіе централизаціи наукъ, особенно наглядно обнару-

[1]) Замѣчу, что въ Англіи, по заявленію научныхъ журналовъ, особымъ распоряженіемъ правительства разрѣшенъ свободный пропускъ изъ Германіи всѣхъ произведеній печати, касающихся науки.

живалось въ дѣятельности того учрежденія, о которомъ мнѣ приходилось изъ года въ годъ давать отчетъ на этихъ страницахъ. Это странствующій „парламентъ науки“ — Британская Ассоціація, ежегодно мѣняющая мѣсто своихъ засѣданій. Собираясь болѣе чѣмъ полвѣка въ различныхъ городахъ Соединеннаго Королевства, она за послѣднія десятилѣтія включила въ сферу своей дѣятельности и заокеанскія колоніи — Канаду, и новые южно-африканскіе штаты, и наконецъ, въ 1914 г. — свою Австралійскую республику[1]).

И на этотъ разъ, несмотря на дальность разстоянія, съѣздъ былъ многочисленъ и оживленъ, но въ виду именно этой дальности заѣхавшие такъ далеко пожелали побывать въ различныхъ мѣстахъ этой дикой части свѣта, и засѣданія были распредѣлены между нѣсколькими городами; даже президентская рѣчь была великодушно распредѣлена между двумя аудиторіями, въ двухъ городахъ. Къ сожалѣнію, эта необычная внѣшняя обстановка рѣчи не соотвѣтствовала ея внутреннему содержанію. Президентомъ этотъ разъ былъ профессоръ Бэтсонъ, о которомъ мнѣ не разъ уже приходилось здѣсь говорить. Общіе выводы, къ которымъ пришелъ въ нихъ этотъ болѣе эксцентричный и упрямый въ своей тенденціозности, чѣмъ основательный ученый, конечно, озадачили его слушателей, но едва ли ученые молодой страны вынесли лестное представленіе объ ученыхъ старой метрополіи, если судили о нихъ по такому образцу. Парадоксы и явныя несообразности этой рѣчи остались безъ возраженія. Но отвѣтъ тѣмъ не менѣе пришелъ, но уже изъ третьей части свѣта — съ нимъ выступилъ предсѣдатель подобной же ассоціаціи — Американской, собиравшейся по своему обыкновенію въ послѣднихъ числахъ декабря того же 1914 года. Познакомимся въ краткомъ пересказѣ съ этимъ любопытнымъ научнымъ диспутомъ.

Содержаніе рѣчи Бэтсона на заѣзженную общую тему о н а с л ѣ д с т в е н н о с т и отличалось характеристическою для автора безсистемностью, отсутствіемъ руководящей идеи. Связующимъ цементомъ служило только непокидающее его желаніе доказать несостоятельность на этотъ разъ не только дарвинизма, но и вообще эволюціоннаго ученія. Даже въ привѣтственныхъ словахъ, предпосланныхъ самой рѣчи, онъ постарался включить лейтъ-мотивъ своей рѣчи и заявилъ, что самый фактъ осуществленія этого съѣзда представляется не результатомъ, какъ можно было бы подумать, общей эволюціи человѣчества въ области высшаго продукта его творчества — въ области науки, — а, напротивъ, является доказательствомъ существованія н е-

---

[1]) Думаю, что эти слова и филологически и исторически и по существу передаютъ выраженіе Australian Commonwealth или Commonweal.

нормальныхъ (abnormal) умовъ въ средѣ физиковъ, химиковъ, инженеровъ, сдѣлавшихъ возможнымъ этотъ съѣздъ Британской Ассоціаціи по сю сторону земного шара. Въ этомъ заключался намекъ на то, что человѣчество, какъ и весь органическій міръ, движется скачками, а не непрерывнымъ процессомъ развитія, какъ воображалъ Дарвинъ. Приступая къ самому предмету своей рѣчи (или рѣчей), онъ заявилъ, что общимъ содержаніемъ ея будетъ наслѣдственность, что онъ постарается объяснить сущность открытій Менделя и тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ нихъ по отношенію къ двумъ вопросамъ, къ эволюціонному ученію въ самомъ широкомъ смыслѣ и въ частности къ естественной исторіи человѣческаго общества. Первая тема составляетъ содержаніе лекціи въ Мельбурнѣ, вторая — въ Сиднеѣ. Въ этой статьѣ мы познакомимся только съ первой задачей, намѣченной Бэтсономъ.

Менделизмъ и эволюція.

Начинаетъ Бэтсонъ свою рѣчь съ категорическаго заявленія, что признаніе значенія наслѣдственности и ея изученіе представляетъ совершенно новое явленіе. Какъ будто онъ никогда не слыхалъ о томъ, что еще въ половинѣ XVIII вѣка существовалъ такой точный изслѣдователь, какъ Кёльрейтеръ (1761—66[1]), по слѣдамъ котораго пошелъ Гертнеръ (1859) съ его 9000 опытовъ, по стопамъ котораго уже пошелъ (по его собственному заявленію) Мендель. Если бы Бэтсонъ не только опровергалъ Дарвина, но и читалъ бы его, то онъ научился бы у него уважать этихъ предшественниковъ Менделя такъ же, какъ ихъ уважалъ самъ Мендель.

Въ основѣ современнаго эволюціоннаго ученія лежитъ представленіе объ измѣнчивости, и должно признать, говоритъ Бэтсонъ, заслугу Дарвина, который, особенно въ послѣдніе годы, выдвигалъ значеніе этого фактора[2]).

Но говоритъ это Бэтсонъ только потому, что цѣль его рѣчи, какъ увидимъ, доказать, что никакой измѣнчивости на свѣтѣ не существуетъ. Затѣмъ, почти мимоходомъ, онъ раздѣлывается съ эмбріологіей и цитологіей, признавая, что онѣ ничего не дали для основной задачи, представленной эволюціей. Эти неудачные методы, продолжаетъ

---

[1]) Саксъ въ своей исторіи ботаники говоритъ: „Изслѣдованія Кёльрейтера производятъ впечатлѣніе будто они были произведены въ наше время".

[2]) Любопытно, что другой противникъ Дарвина, Ле-Дентекъ, съ такою же увѣренностью утверждаетъ, что Дарвинъ совершенно упустилъ измѣнчивость изъ виду.

онъ, мы замѣнимъ менѣе притязательными, менѣе понятными, но не менѣе прямыми. „Разъ мы не можемъ увидѣть, какимъ образомъ курица изъ яйца и сѣмени даетъ начало цыпленку, какъ душистый горошекъ изъ своего яичка и крупинки цвѣтня даетъ начало другому душистому горошку, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ различія между различными породами куръ и душистыхъ горошковъ распредѣляются у ихъ потомства. Разбивъ задачу на ея составныя части, мы раскрываемъ для себя новые шансы успѣха. Это мы называемъ менделизмомъ, так какъ Мендель научилъ насъ этому. При помощи перекрестнаго оплодотворенія онъ сочеталъ признаки различныхъ разновидностей у ихъ помѣсей и наблюдалъ, какъ они будутъ распредѣляться у недѣлимыхъ послѣдующихъ поколѣній". Какъ будто Кельриджъ и Гертнеръ и десятки другихъ ученыхъ не имѣли въ виду той же задачи? Съ такою же самоувѣренностью и вопреки истинѣ, въ другомъ мѣстѣ, Бэтсонъ повторилъ свое обычное невѣрное утвержденіе, будто прежніе изслѣдователи говорили огульно о наслѣдованіи цѣлой организаціи отца и матери и только Мендель заговорилъ о передачѣ отдѣльныхъ признаковъ, между тѣмъ какъ Дарвинъ во всей своей книгѣ о наслѣдственности говорилъ именно о передачѣ признаковъ (characters), подчеркивая тотъ фактъ, какъ ничтожны бываютъ иногда эти отдѣльные передающіеся признаки. Можно подумать, что Бэтсонъ разсчитывалъ найти въ своей австралійской аудиторіи дикарей, не имѣвшихъ въ рукахъ ни одной книжки по наслѣдственности. Потѣшившись надъ неопредѣленностью словъ „кровь", „чистокровный" и замѣтивъ мимоходомъ, что ему болѣе нравилось бы библейское „сѣмя" — „сѣмя Авраамово", онъ догматически поясняетъ, что современная наука замѣнила эту неопредѣленность опредѣленнымъ будто бы понятіемъ „факторы", разумѣя, подъ этимъ понятіемъ элементарные зачатки признаковъ, и заявляетъ, что первая задача новой науки — экспериментальной *генетики*[1]) сводится къ изученію *числа и взаимодѣйствія*[2]) *этихъ факторовъ*, а затѣмъ анализу различныхъ типовъ жизни. „Excusez du peu!" иронически замѣтилъ бы на это французъ. Шутка ли сказать — опредѣлить число элементарныхъ факторовъ всѣхъ признаковъ организмовъ и на этомъ построить всѣ типы жизни! И это только для почина, а далѣе и не то еще будетъ. Хотя бы, очевидно заговорившійся, ораторъ вспомнилъ заключенія другого такого же смѣлаго ученаго, какъ онъ, — Де-Фриза. На самомъ порогѣ новаго XX вѣка на общемъ собраніи съѣзда гер-

1) Бэтсонъ, какъ извѣстно, обозначаетъ этимъ словомъ будто бы имъ самимъ изобрѣтенную новую науку — ученіе о наслѣдственности.

2) Курсивъ мой.

манскихъ натуралистовъ этотъ довольно таки легкомысленный ученый выступилъ съ геніальной мыслью, которой онъ далъ широко вѣщательное названіе біо-хроническое уравненіе. Это было не болѣе и не менѣе какъ тотъ же подсчетъ числа этихъ элементарныхъ факторовъ и такой же смѣлый подсчетъ продолжительности періодовъ времени, отдѣляющей появленіе на свѣтъ этихъ отдѣльныхъ факторовъ, а перемноженіе этихъ двухъ гадательныхъ цифръ должно было дать реальную величину для опредѣленія продолжительности жизни на землѣ ($M \times L = BZ$). Не знаю, какое впечатлѣніе произвела эта геніальная формула на ту аудиторію, которой она была предподнесена, какъ подарокъ новорожденному вѣку; одно только извѣстно, что ни друзья Де-Фриза — по благоразумію, ни противники, — изъ уваженія къ наукѣ, — вотъ уже пятнадцать лѣтъ о ней не упоминали, пока, на-дняхъ, не нашелся жестокій критикъ, извлекшій ее изъ заслуженнаго забвенія для вящщаго уязвленія своего соперника[1]).

Однимъ изъ главныхъ завоеваній этого ученія о „факторахъ" Бэтсонъ глубокомысленно признаетъ такое положеніе: „Родители, оба лишенные извѣстнаго фактора, могутъ дать начало только отпрыску, также лишенному этого фактора, и наоборотъ, родители, чистокровные по отношенію къ извѣстному фактору, даютъ начало отпрыску также чистокровному по отношенію къ этому фактору". Для установленія первой половины этого положенія не нужно даже никакой науки — генетики, оно понятно даже съ ходячей юридической точки зрѣнія — родители, ничего не имѣющіе, не могутъ что-нибудь завѣщать, а что касается второй части, то ее высказывалъ уже Ламаркъ задолго до Менделя. „Но, — продолжаетъ Бэтсонъ, — если зародышевыя клѣточки чистокровныхъ организмовъ всѣ между собою сходны, тѣ, которыя происходятъ отъ перекрестнаго оплодотворенія, будутъ смѣшаннаго характера". И это положеніе было извѣстно задолго до Менделя. Слѣдуемъ далѣе за Бэтсономъ. „Разъ удалось опредѣлить факторы по ихъ послѣдствіямъ, можно опредѣлить средній составъ различныхъ семействъ, — получаемыхъ при различныхъ комбинаціяхъ производителей". Этотъ законъ дѣйствительно открытъ Менделемъ и одновременно съ нимъ, въ томъ же 1867 году, Жоденомъ[2]), но Мендель случайно наткнулся на совершенно частный случай (встрѣча доминантныхъ и рецессивныхъ формъ), который его послѣдователи поспѣшили возвести въ общій законъ, гласящій, что при скрещи-

---

[1]) Лотце въ статьѣ, о которой придется упомянуть ниже по другому поводу.

[2]) Все это было разъяснено въ моей статьѣ Отбой мендельянцевъ (В. Е. 1813).

ваніи между собой недѣлимыхъ перваго поколѣнія помѣсей должно получиться $^3/_4$ потомства въ одного родителя и $^1/_4$ въ другого. Настоящій общій законъ (биноминальный) $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$ былъ открытъ уже послѣ Менделя (Корренсомъ и др.). Его частный законъ проявляется только при доминантности одной изъ формъ, т. е. когда $ab = a$ или b, при чемъ получится $3a + b$ или $3b + a$[1]). Невольно спрашиваешь себя, по какому праву Бэтсонъ, вопреки всѣмъ извѣстнымъ фактамъ, продолжаетъ приписывать Менделю и то, что было добыто гораздо ранѣе, и то, что было выяснено послѣ него. Слѣдуетъ еще добавить, что ни биноминальный законъ, ни его частный случай, изученный Менделемъ, по которому можно предсказывать средніе результаты скрещиванія (т. е. при очень большомъ числѣ случаевъ), не представляютъ какого-нибудь общаго значенія; такъ, напримѣръ, къ человѣку ни тотъ, ни другой не примѣнимы. По общему (биноминальному) закону потомство отъ скрещиванія между собой представителей перваго поколѣнія мулатовъ должно бы состоять на половину изъ мулатовъ и по четверти бѣлыхъ и черныхъ, а по Менделю на $^3/_4$ изъ черныхъ и $^1/_4$ изъ бѣлыхъ (или наоборотъ); но ни этого ни другого, несмотря на значительное число доступныхъ изученію случаевъ, никогда не наблюдалось. И все же, какъ мы видимъ, Бэтсонъ самоувѣренно обѣщаетъ (правда, въ другомъ городѣ) говорить о „примѣненіи менделизма къ естественной исторіи человѣческаго общества".

И нельзя сказать, чтобы мысль о противорѣчіи того, что онъ продолжаетъ утверждать — о всеобщемъ значеніи менделизма — съ дѣйствительными фактами, не приходитъ въ голову Бэтсону. Нѣтъ, онъ храбро заявляетъ: „Часто возникаетъ вопросъ, не существуетъ ли и другихъ системъ наслѣдственности, кромѣ Менделевской"[2]) и приводитъ даже примѣръ такихъ исключеній (мериносовая овца, трубастый голубь), но отдѣлывается отъ этихъ существенныхъ возраженій, доказывающихъ, какъ искусственно было раздуто имъ значеніе менделизма уклончивой фразой, что эти и „множество (hosts) другихъ фактовъ пока еще не затронуты и нуждались бы въ слиш-

---

[1]) Напомню еще, что основное представленіе Менделя и Жодена о расщепленіи признаковъ родителей было самостоятельно высказано Дарвиномъ; имъ же предложенъ и терминъ segregation, который Бэтсонъ постоянно приписываетъ Менделю.

[2]) Снова могу напомнить читателю свою статью „Отбой мендельянцевъ" гдѣ, для большей наглядности, въ формѣ таблицъ показалъ, какую ничтожную часть всего ученія о наслѣдственности занимаетъ менделизмъ и какъ мало существуетъ „другихъ системъ". Статья эта не прошла совсѣмъ безслѣдно въ нашей популярной литературѣ.

комъ технических подробностяхъ изложенія для ихъ объясненія". Послѣ нѣсколькихъ голословныхъ и темныхъ намековъ о чаемыхъ въ будущемъ завоеваніяхъ менделизма онъ, наконецъ, переходитъ къ задачѣ, которую обѣщалъ разрѣшить въ этой рѣчи, т. е. къ установленію отношеній менделизма къ „исторіи органическихъ существъ или къ тому, что принято теперь называть теоріей эволюціи". При этомъ онъ вторично и еще опредѣленнѣе заявляетъ, что „постарается въ своей второй лекціи (въ Сиднеѣ) показать непосредственное значеніе менделизма по отношенію къ поведенію (conduct) человѣческаго общества.

Переходя, наконецъ, къ своей темѣ, Бэтсонъ снова начинаетъ съ похвалы Дарвину (невольно вспоминается Маркъ Антоній у Шекспира, — „and Brutos was an honorable man!"): „Мы снова возвращаемся къ Дарвинову безподобному своду фактовъ. Мы, конечно, едва ли могли бы соперничать съ нимъ въ его глубокихъ знаніяхъ, въ широтѣ охвата и силѣ его аргументаціи, но въ нашихъ глазахъ ему уже недостаетъ философскаго авторитета!.. Мы читаемъ его эволюціонную теорію, какъ читаемъ Люкреція или Ламарка, наслаждаясь ихъ простотой и смѣлостью. Практическое, экспериментальное изученіе явленій измѣнчивости и наслѣдственности не только открыло новое поле изслѣдованія, оно открыло новыя воззрѣнія, предъявляетъ новыя критическія требованія. Еще находятся натуралисты, развивающіе свои телеологическія системы, которыя привели бы въ восторгъ Панглосса, но въ настоящее время не многіе ими соблазняются". Бэтсонъ снова прибѣгаетъ къ своему излюбленному пріему, который Щедринъ такъ мѣтко характеризуетъ: „если сознаешь въ себѣ какой-нибуда порокъ — припиши его непремѣнно своему сопернику". Почтенный сынъ клэрджимена, выступившій съ перваго же своего шага (въ эпиграфѣ своей первой книгѣ) не только телеологомъ, но и креаціонистомъ, называетъ Дарвина телеологомъ и Панглоссомъ, вполнѣ сознавая, что вся причина его ненависти къ Дарвину лежитъ именно въ томъ, что тотъ навсегда покончилъ съ защитниками телеологіи и креаціонизма. На этотъ разъ Бэтсонъ даже забываетъ, что самъ только что засвидѣтельствовалъ фактъ, что Даравинъ, особенно въ послѣдніе годы, именно склонялся къ экспериментальному изученію явленій измѣнчивости, на которыя онъ самъ ссылается, не имѣя, какъ увидимъ далѣе, о нихъ никакого понятія и голословно ихъ отрицая. Весь комизмъ его рѣчи заключается именно въ томъ, что онъ пускается судить о томъ, о чемъ не имѣетъ никакого представленія. А пока вотъ какъ побѣдоносно въ нѣсколькихъ словахъ раздѣлывается онъ съ ученіемъ о естественномъ отборѣ: „Ученіе объ переживаніи наиболѣе приспособленныхъ еще имѣло бы смыслъ въ примѣненіи къ организму, какъ

цѣлому, но пытаться на основаніи этого принципа приписывать значеніе каждой части, каждому явленію и во имя науки видѣть вездѣ только приспособленіе — значитъ возвращаться къ оптимизму восемнадцатаго вѣка". Очевидно, Бэтсонъ снова думаетъ, что заѣхалъ къ такимъ дикарямъ, которые не знаютъ, что ни Дарвинъ, ни его послѣдователи никогда такимъ вздоромъ не занимались. Они только показали, что именно тѣ особенности организмовъ, которыя подали поводъ самымъ выдающимся философамъ (какъ Кантъ) и теологамъ (какъ Пэли) строить свои телеологическія и креаціонистскія ученія, что эти особенности, отличающія органическія существа отъ предметовъ не органическихъ и составляющіе коренную загадку органическаго міра, могутъ получить естественное научное объясненіе. Этого-то люди, подобные Бэтсону, и не прощаютъ дарвинизму. Что касается до тѣхъ особенностей строенія, которыя не являются приспособленіями, то онѣ и нуждаются въ объясненіяхъ, и это не служитъ орудіемъ въ рукахъ метафизиковъ и теологовъ, а слѣдовательно, и не вызываетъ отвѣта со стороны ученыхъ, хотя для присутствія многихъ изъ этихъ особенностей строенія Дарвинъ и дарвинисты могли бы дать объясненіе на основаніи его другого принципа — соотношенія (corelation). Читатели „Вѣстн. Евр". могли въ одной изъ моихъ статей познакомиться съ замѣчательными изслѣдованіями Н. В. Цингера, доказавшаго, что у изслѣдованныхъ имъ растеній цѣлый рядъ безразличныхъ признаковъ находится въ соотношеніи съ однимъ признакомъ, представляющимъ необходимое жизненное приспособленіе или, по мѣткому выраженію самого автора, являющимся его функціей [1]). И только разсчитывая на полное невѣжество своей аудиторіи, могъ Бэтсонъ позволить себѣ такую дерзкую выходку: „Подобныя допущенія, послѣднія лохмотья телеологической [2]) пестряди (fustian), въ которую любили рядиться Викторіанскіе философы, окончательно уничтожены. Тѣ, кто утверждаютъ, что все существующее прекрасно [3]), должны будутъ впредь откровенно основывать эту свою вѣру на неприступной скалѣ предразсудка и отказаться отъ фактовъ природы."

Раздѣлавшись цѣною такого безстыдства съ эволюціоннымъ

---

[1]) Годъ итоговъ и поминокъ. В. Е., 1910.

[2]) Рядящіеся въ лохмотья „викторіанцы" (любимая брань мендельянцевъ), какъ объяснилъ Кибль, одинъ изъ учениковъ Бэтсона, это — Лайель, Дарвинъ, Гексли, Голтонъ и т. д.; словомъ, та плеяда ученыхъ, которыми гордится современная наука. Повидимому, Бэтсонъ и ему подобные вообще мечтаютъ о возвратѣ георгіанскихъ временъ, такъ удачно охарактеризованныхъ также „викторіанцемъ" Теккереемъ въ его „Четырехъ Георгахъ".

[3]) Это говорится о дарвинистахъ, которые, рядомъ съ опровергнутой ими телеологіей философовъ и теологовъ, основали другую область изслѣдованія — дистелеологію (Геккель).

ученіемъ, Бэтсонъ съ развязностью безотвѣтственнаго невѣжды раздѣлывается и со всей біологіей: „Всякая теорія біологіи должна основываться на фактахъ химіи и физики [1]). Но наши свѣдѣнія о химіи и физикѣ живыхъ тѣлъ почти равны нулю“. „Живыя тѣла, какъ это видно изъ простѣйшаго опыта, обладаютъ силами (powers), о которыхъ намъ и не снилось“ и „кто знаетъ, что за всѣмъ этимъ скрывается?“ И этимъ вопросительнымъ знакомъ, за которымъ скрывается феноменальное невѣжество, говорящій уничтожаетъ все, что сдѣлано геніальными учеными въ теченіе трехъ столѣтій. Очевидно, Бэтсонъ воображаетъ въ эти минуты, что передъ нимъ сидятъ какія-нибудь маорисы.

Переходя, наконецъ, къ заявленной имъ темѣ своей рѣчи: „Объ отношеніи эволюціоннаго ученія къ менделизму“, онъ еще съуживаетъ ее и объясняетъ, что будетъ говорить только о значеніи одного изъ фактовъ современнаго эволюціоннаго ученія — объ „измѣнчивости“. „Здѣсь, конечно, не мѣсто для какихъ-нибудь обобщеній“, такъ начинаетъ онъ настоящее содержаніе своей рѣчи и черезъ нѣсколько словъ огорошиваетъ слушателей заявленіемъ, что никакой измѣнчивости не существуетъ. Какое еще болѣе широкое обобщеніе можно было придумать? Въ этомъ широчайшемъ обобщеніи и заключается дѣйствительное содержаніе его рѣчи.

Но Бэтсонъ могъ бы еще болѣе озадачить своихъ слушателей, открыто высказавъ имъ, если бы былъ дѣйствительно откровененъ, что главное содержаніе его рѣчи заключается въ отреченіи отъ менделизма, такъ какъ это и составляетъ самую существенную часть его рѣчи. Такимъ образомъ, изъ двухъ словъ, изъ двухъ понятій, вошедшихъ въ составъ заголовка его рѣчи, ни того, ни другого не существуетъ — не существуетъ ни эволюціи, ни менделизма. О какой же связи между ними можетъ быть рѣчь? Постараемся разобраться въ этой путаницѣ, характерной для всѣхъ выступленій Бэтсона. Я уже указывалъ выше на несостоятельность и этой рѣчи, на постоянное метанье изъ стороны въ сторону, можетъ быть, умышленное, но потому именно дѣлающее труднымъ ея толковое изложеніе.

Мы видѣли уже выше, что онъ возбуждаетъ вопросъ, не существуетъ ли, помимо менделизма, и другихъ системъ наслѣдственности, и оставляетъ его открытымъ; но теперь необходимо его разрѣшить для того, чтобы показать, какимъ роковымъ образомъ вынужденъ Бэтсонъ отказаться отъ своего менделизма, замѣнивъ его именно тѣмъ, что прежде онъ не менѣе категорично отрицалъ. Это необходимо сказать, потому что самъ Бэтсонъ старается затушевать свое окон-

---

[1]) Къ которымъ Бэтсонъ еще недавно относился съ полнымъ презрѣніемъ но которыя послѣ полученнаго жестокаго урока (В. Е.) — вдругъ сталъ уважать.

чательное пораженіе, скрыть, что онъ вынужденъ поклониться тому, что сжигалъ, и сжигать то, чему поклонялся".

Изъ моихъ предшествовавшихъ статей[1]) читатели, вѣроятно, припомнятъ точку зрѣнія Бэтсона на ученіе Менделя, — то, что можно назвать мендельянствомъ въ отличіе отъ менделизма, т. е. того, чему училъ самъ Мендель. Напомню вкратцѣ основныя черты этого различія. Выражаясь языкомъ самого Бэтсона, для самого Менделя существовали двѣ „системы" наслѣдственности, изложенныя въ его двухъ извѣстныхъ мемуарахъ. Для Бэтсона и его школы[2]) только одна — та, которая выражена формулой: три — въ папашу одинъ — въ мамашу или vice versa. Другой типъ, который признавали всѣ ученые и практики, въ томъ числѣ и Мендель, тотъ, когда потомство представляетъ средній характеръ, т. е. соединяетъ признаки и отца и матери и передаетъ эти средніе признаки потомству. Бэтсонъ и его школа голословно отрицали эту „систему" наслѣдственности. Въ разбираемой теперь рѣчи онъ категорично отрекается отъ прежней точки зрѣнія и долженъ признаться, что „болѣе обычный результатъ скрещиванія заключается въ образованіи формы средней между чистыми формами родителей". Этимъ категорическимъ заявленіемъ, можно сказать, Бэтсоновское мендельянство упраздняется, сдается въ архивъ излюбленный случай въ ученіи, обязанный своимъ происхожденіемъ упрямству ограниченнаго, фанатическаго человѣка, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ утверждавшаго прямо противорѣчившее подавляющему числу фактовъ и — что еще изумительнѣе — находившаго послѣдователей и поклонниковъ.

Этимъ можно было бы и удовольствоваться, признавшись, что въ теченіе ряда лѣтъ упрямо заблуждался и вводилъ въ заблужденіе и сказать свое mea culpa. Но это не похоже было бы на Бэтсона. Онъ сваливаетъ все на какихъ-то „своихъ коллегъ мендельянцевъ" (some of my Mendellism collegues[1]). Это они, видите ли, „утверждали, что генетическіе факторы неизмѣнны и неуничтожаемы; я же теперь утверждаю, что они могутъ порою претерпѣвать количественную дезинтеграцію, вслѣдствіе чего получатся разновидности среднія между тѣми, изъ которыхъ онѣ произошли. Все это только отклоненія отъ нормальной правильности ритма или тѣхъ волнъ дифференціаціи, въ силу которыхъ свойства распредѣлятся между различными членами типа!" Наговоривъ еще нѣсколько такихъ же ничего не объясняющихъ темныхъ фразъ и сваливъ, такимъ образомъ, свою многолѣт-

---

[1]) На что я указывалъ на этихъ страницахъ не разъ.

[2]) Это, вѣроятно, всѣ эти Пуннеты, Донкасты и др., въ унисонъ подпѣвавшіе своему патрону, а теперь выброшенные имъ за бортъ. Какъ отнесутся теперь къ нимъ и многочисленные ихъ русскіе поклонники?

нюю ошибку „на какихъ-то безотвѣтственныхъ коллегъ менделъянцевъ", Бэтсонъ выходитъ сухъ изъ воды. Впрочемъ, въ двухъ мѣстахъ своей рѣчи онъ долженъ еще признаться, что и этимъ своимъ новымъ превращеніемъ изъ исключительнаго менделъянца въ такого же исключительнаго кернерьянца[1]) онъ обязанъ не себѣ самому, а Лотси[2]).

Но признать другую „систему" наслѣдственности, кромѣ своего менделъянства, для Бэтсона мало; на его языкѣ признать что-нибудь значитъ признать это исключительно существующимъ и отрицать все остальное. Такъ, признавъ измѣнчивость въ силу образованія среднихъ формъ при скрещиваніи, онъ объясняетъ, что никакихъ другихъ причинъ измѣнчивости и не существуетъ. Остановимся на этой его аргументаціи нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она содержитъ цѣлое новое или вѣрнѣе — подогрѣтое очень старое анти-эволюціонное ученіе.

Всѣ явленія измѣнчивости, по Бэтсону, могутъ быть подведены подъ три случая: 1) черезъ потерю факторовъ, 2) черезъ ихъ фракціонированіе, 3) черезъ появленіе новыхъ факторовъ. Первый случай онъ допускалъ и при своемъ узкомъ менделъянствѣ: это его возлюбленная теорія absence presence — отсутствія присутствія, по которой измѣненія сводятся къ исчезновенію какого-нибудь признака ранѣе существовавшаго. Второй случай это выдуманное имъ объясненіе для образованія среднихъ формъ, которое онъ отрицалъ (даже наперекоръ самому Менделю), а теперь признаетъ за преблaдающій способъ измѣнчивости. Остается еще третій случай — появленіе новыхъ факторовъ. Этотъ случай онъ категорически отрицаетъ и съ необычною для него ясностью и опредѣленностью развиваетъ свой взглядъ, сводящійся къ формальному отрицанію какой бы то ни было эволюціи. На этотъ разъ онъ даже принимаетъ необычно торжественный тонъ. „Мы должны начать съ средняго обсужденія вопроса: не можетъ ли ходъ эволюціи быть разумно представленъ какъ развертываніе первоначальнаго комплекса, уже заключавшаго въ себѣ все то разнообразіе, которое проявляется нынѣ живущими существами. Я не предлагаю произнести какое-либо рѣшительное сужденіе — рѣшить, что въ этомъ отношеніи вѣроятно, что невѣроятно. Какъ я уже сказалъ, не время теперь выдумывать какія нибудь теоріи эволюціи, да я и не предлагаю никакой; но такъ какъ мы должны признать, что эволюція все же совершалась, что такъ или иначе современ-

---

[1]) Въ вышеупомянутыхъ своихъ статьяхъ я особенно подчеркиваю, что, кромѣ менделевской „системы" наслѣдственности, существуютъ и другія, причемъ указывалъ особенно на Кернера.

[2]) На курьезной статьѣ котораго намъ, можетъ быть, придется остановиться.

ныя формы возникли изъ меньшаго числа формъ, то мы и вправѣ остановиться на вопросѣ: „обязаны ли мы остановится на старомъ воззрѣніи, что эволюціонный процессъ шелъ отъ простого къ сложному, или, въ концѣ концовъ, мыслимо, что онъ шелъ совсѣмъ навыворотъ?“ [1]) Отмѣтимъ прежде всю лукаво уклончивую форму этого толкованія: то поставленый вопросъ признается вполнѣ умѣстнымъ и законнымъ, то объявляется несвоевременнымъ и празднымъ, то вновь признается и провозглашается вполнѣ умѣстнымъ и предлагается въ еще болѣе опредѣленной категорической формѣ. Очевидно, Бэтсонъ желаетъ себѣ обезпечить отступленіе и, въ случаѣ провала, ожидающаго его новую затѣю, покончить съ эволюціей, выйти снова сухимъ изъ воды, взваливъ позоръ пораженія, какъ только что указано съ мендельянствомъ, на какихъ-то анонимныхъ „коллегъ“. Но какъ ни хитроуменъ этотъ пріемъ, Бэтсонъ не можетъ скрыть факта, что главное содержаніе его лекціи (отказъ отъ мендельянства — только затушеванный имъ эпизодъ) — отношеніе наслѣдственности къ эволюціи и сводится къ этому вопросу. И онъ самъ склоняется не на старое воззрѣніе, какъ онъ презрительно выражается, т. е, на то, котораго держатся всѣ ученые, способные мыслить и обладающіе необходимымъ запасомъ фактовъ, а на новое, по его мнѣнію, въ дѣйствительности же старѣйшее, т. е. то, котораго въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ придерживались люди, не обладавшіе необходимыми данными для составленія правильнаго воззрѣнія. Новое ученіе Бэтсона, дѣйствительно, только повтореніе очень старыхъ воззрѣній; онъ, словно, никогда не слыхалъ о борьбѣ стараго „эволюціоннаго“ (правильнѣе — инволюціоннаго) ученія съ вытѣснившимъ его „эпигенезисомъ“. Онъ еще убѣжденъ, что „когда факты, открытые генетической наукой [2]), станутъ достояніемъ всѣхъ біологовъ, а не одного только кружка, какъ теперь“, неизбѣжно возникнутъ многія и долгія пренія — „я только подготовляю для нихъ почву. Я прошу васъ держать ваши умы открытыми въ виду этой возможности. Для этого необходимо нѣкоторое усиліе. Мы должны извратитъ нашъ обычный складъ мышленія. На первый разъ можетъ показаться чистой нелѣпостью предположеніе, что первобытныя формы протоплазмы могли быть достаточно сложны, чтобы дать начало разно-

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Онъ продолжаетъ воображать, что создалъ какую-то новую науку о наслѣдственности. Хорошъ основатель новой науки, который черезъ десять лѣтъ доженъ сознаться, что не зналъ цѣлыхъ обширныхъ категорій фактовъ о наслѣдственности, уже четверть вѣка тому назадъ ставшихъ достояніемъ популярной литературы (Кернеръ, идеи котораго только теперь дошли до Бэтсона, имъ признаются за новость.)

образнѣйшимъ формамъ жизни. Но развѣ легче себѣ представить, что эта возможность была дана добавленіемъ чего-то извнѣ?“ И съ чисто схоластической діалектикой онъ пытается доказать невозможность второго предположенія. Какова можетъ быть природа этихъ добавленій? Будетъ ли это матерія? Конечно, нѣтъ. Говорятъ, что удобреніе желѣзными солями можетъ превратить розовую гортензію въ голубую. Но вѣдь желѣзо не наслѣдуется, оно не можетъ размножаться и т. д. Бэтсонъ, вѣроятно, не слыхалъ, что лѣтъ сорокъ и болѣе тому назадъ Гофмейстеръ, а по его стопамъ Саксъ, высказывали ту мысль, что то, что имъ извѣстно объ измѣненіи растительныхъ формъ подъ вліяніемъ свѣта, тяжести, влажности и другихъ факторовъ, допуская ихъ дѣйствіе въ теченіе несмѣтныхъ промежутковъ времени, было бы уже, можетъ быть, достаточно для объясненія безконечнаго разнообразія растительныхъ формъ и, что все, ставшее намъ извѣстнымъ въ этомъ направленіи, дѣлаетъ болѣе и болѣе вѣроятнымъ это воззрѣніе. Если все это неизвѣстно Бэтсону, то хоть заглянулъ бы онъ въ книгу Генсло, своего соотечественника, къ тому же еще клерджимена и антидарвиниста (два наиболѣе существенныя качества въ глазахъ Бэтсона). Генсло въ своей книгѣ (The heredity of acquired characters, 1908) приходитъ къ выводу, что изученіе географическаго распредѣленія растеній на безчисленныхъ примѣрахъ учитъ насъ, что цѣлый рядъ признаковъ (даже такихъ, которыми пользуются для установленія цѣлыхъ отдѣловъ растительнаго царства, какъ, напр., однодольныхъ) зависитъ отъ условій ихъ обитанія, на что, съ другой стороны, указываютъ прямые отвѣты, подтверждающіе, что такія же измѣненія вызываются экспериментально дѣйствіемъ именно тѣхъ условій. Ему ничего этого неизвѣстно; онъ, впрочемъ, не слыхалъ о существованіи или, по своему обыкновенію, голословно отрицаетъ существованіе одного изъ наиболѣе успѣшно развивающихся отдѣловъ біологіи — эспериментальной морфологіи. Только этимъ полнымъ невѣжествомъ въ той области современнаго изслѣдованія, которую онъ выбралъ темой своей рѣчи, объясняется дерзко самоувѣренная выходка въ родѣ слѣдующей: „Еще скептичнѣе (т. е. скептичнѣе, чѣмъ къ ученію о естественномъ отборѣ) относимся мы (т. е. мендельянцы) къ вѣскости тѣхъ ссылокъ на внѣшнія условія, какъ на прямыя причины явленій измѣнчивости, на которыя Дарвинъ, во всякомъ случаѣ въ позднѣйшіе годы, съ такимъ жаромъ (emphasis) ссылается“. Эта выходка доказываетъ только одно, что Дарвинъ предугадалъ то направленіе, которое біологія приняла уже послѣ его смерти и особенно въ XX столѣтіи, между тѣмъ, какъ Бэтсонъ голословно отрицаетъ цѣлое плодотворное направленіе современной біологіи, какъ до этой рѣчи отрицалъ существованіе другихъ „си-

стемъ" наслѣдованія, кромѣ той, которую признавали мендельянцы въ чемъ теперь долженъ каяться[1]). Тѣмъ не менѣе, полагая, что своимъ остроумничаніемъ насчетъ того, что желѣзо не наслѣдуется и не размножается, онъ что-то доказалъ, Бэтсонъ приступаетъ, наконецъ, къ главному тезису своей рѣчи: измѣнчивость заключается не въ появленіи чего-нибудь новаго, а только въ потерѣ или въ перетасовкѣ стараго. И, чтобы не оставалось въ умахъ слушателей ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его точки зрѣнія, онъ поясняетъ ее на самомъ предѣльномъ случаѣ, въ примѣненіи къ человѣку. „Я увѣренъ въ томъ, что когда-нибудь окажется, что артистическіе способности человѣчества зависятъ не отъ придачи чего-нибудь къ экипировкѣ обыкновенаго человѣка, а отъ удаленія факторовъ, которые въ нормальномъ человѣкѣ препятствуютъ проявленію этихъ дарованій. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что они должны быть разсматриваемы, какъ кнопки, при давленіи на которыя освобождаются способности, обыкновенно задерживаемыя. Инструментъ всегда налицо, но онъ заторможенъ". Въ награду за такое блестящее открытіе невольно хочется пожелать самому Бэтсону поскорѣе нажать на кнопку, которая тормозитъ его собственный умственный механизмъ. Не довольствуясь этими завѣреніями, въ подкрѣпленіе которыхъ онъ можетъ привести только такіе доводы: „я увѣренъ", „не подлежитъ сомнѣнію", — онъ пытается пояснить свою мысль на конкретномъ примѣрѣ. Недавно профессоръ Кокрель, между тысячами культивируемыхъ имъ подсолнечниковъ, нашелъ одинъ съ цвѣтками[2]) отчасти красными. Разводя его потомство безъ скрещиванія, онъ получилъ невиданное чудо — красный подсолнечникъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ просто скажетъ, что это любопытный случай измѣнчивости — появленіе новаго свойства у растенія, воздѣлываемаго въ громадныхъ размѣрахъ въ теченіе вѣковъ. Бэтсонъ не смущается и говоритъ, что стоитъ только допустить, что вмѣстѣ съ желтой окраской у всѣхъ растеній подсолнечника существуетъ и красная, да кромѣ того, существуетъ начало, препятствующее его проявленію (inhibitor), и все объяснится исчезновеніемъ этого неизвѣстнаго „ингибитора". Конечно, дѣло очень просто: вмѣсто очевиднаго факта — появленія новаго признака,

---

[1]) Ученики Бэтсона въ грубомъ отрицаніи явленій измѣнчивости пошли еще далѣе учителя. Я указывалъ, что одинъ изъ нихъ, Кобль, все ученіе объ измѣнчивости называетъ „старый хламъ, который можно видѣть на окнахъ старьевщиковъ" (В. Е. 1913).

[2]) Бэтсонъ не поясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ — цвѣтокъ или все соцвѣтіе; — вѣроятно, послѣднее.

стоитъ при каждомъ признакѣ допустить существованіе другого, да еще третьяго — ингибитора, дѣлающаго его невидимкой, тогда, вмѣсто наблюдаемаго факта появленія новаго свойства, стоитъ только допустить появленіе другого выдуманнаго Бэтсономъ невидимаго, постояннаго свойства, обусловленнаго исчезновеніемъ третьяго, выдуманнаго имъ постояннаго свойства [1]). А главное, будетъ вновь завоеванъ принципъ предвѣчнаго творенія всего существующаго, столь драгоцѣнный уже не методикамъ-телеологамъ, а телеологамъ-креаціонистамъ. Все существующее было когда-то создано во всей своей сложности и потомъ измѣнялось только, теряя по пути часть своихъ первозданныхъ свойствъ или перетасовывая ихъ въ новыхъ комбинаціяхъ. Бэтсонъ откровенно высказываетъ свою надежду на то, что наукѣ будущаго удастся возстановить „прерогативы“ неизмѣнныхъ со дня ихъ сотворенія „Линнеевскихъ“ видовъ въ отличіе отъ измѣняющихся въ ничтожныхъ предѣлахъ разновидностей. Возвратъ къ Линнею, т. е. почти на два вѣка назадъ, вотъ то „новое“, что предлагаетъ Бэтсонъ въ замѣнъ „старому“ эволюціонному ученію, за цѣлые полвѣка подвигающемуся впередъ, отражая и сводя къ нулю всѣ ожесточенныя нападки такихъ прогрессистовъ, какъ Бэтсонъ.

Воображая, что онъ успѣлъ кого-то убѣдить въ необходимости вернуться къ восемнадцатому или семнадцатоту вѣку, а то и прямо къ средневѣковью, онъ съ напускнымъ величіемъ такъ заканчиваетъ свою рѣчь: „Результатъ, къ которому мы пришли, отрицательный. Онъ разрушаетъ то, что многими принималось за эволюцію. Но уничтоженіе, какъ бы оно ни было полезно, низменная работа. Мы теперь находимся въ томъ положеніи, въ которомъ находился Бойль въ семнадцатомъ вѣкѣ. Мы можемъ расправиться съ алхиміей, но то, чѣмъ мы сами заняты, только quasi химія. Мы еще только ждемъ своего Пристли, своего Менделѣева. Да, по правдѣ сказать, и не эти широкія темы генетики занимаютъ насъ пока. Ихъ время придетъ. Великіе успѣхи науки, какъ и эволюціи, осуществляются не едва замѣтными движеніями массъ, а спорадическимъ зарожденіемъ прозрѣвающихъ вдаль геніевъ. Обыкновенно, поденщики идутъ по ихъ слѣдамъ, какъ мы идемъ по слѣдамъ Менделя“. Въ одномъ только Бэтсонъ вѣренъ себѣ. Онъ начинаетъ и кончаетъ свою рѣчь, признавая священное для него, какъ первосвященника его узкой секты, имя Мен-

[1]) Лѣтъ тридцать тому назадъ мнѣ приходилось возражать на совершенно сходную теорію одного извѣстнаго ботаника (Принсгейма) въ другой области науки. Я говорилъ, что можно придумать существованіе цѣлыхъ, недоступныхъ отрицанію міровъ, стоитъ ихъ только одарить свойствами всегда парными, равными и съ противнымъ знакомъ. Результатомъ будетъ = 0. Отрицать ихъ существованія невозможно, но также невозможно и утверждать его.

деля, съ какимъ на этотъ разъ правомъ, мы далѣе разберемъ. Но къ чему ему понадобилось призывать имя Менделѣева, когда онъ уже ранѣе приравнивалъ Менделя Пастеру и Ньютону — да къ тому же Менделѣева генетики онъ еще ждетъ, значитъ Мендель еще рангомъ ниже Менделѣева. Ужъ не одно ли созвучіе соблазнило его къ этому сопоставленію именъ. Если бы Бэтсонъ сознательно относился къ химіи, а, слѣдовательно, и къ ея современнымъ творцамъ, онъ, вѣроятно, слыхалъ бы что-нибудь о другомъ русскомъ химикѣ — о Бутлеровѣ, а между тѣмъ, вотъ какъ позволяетъ онъ себѣ отзываться въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ направленіи, первый толчекъ къ которому былъ данъ Бутлеровымъ. Извѣстно, что Бутлеровъ первый указалъ на возможность происхожденія сахаристыхъ веществъ изъ муравьинаго альдегида; мысль эта была подхвачена Байеромъ, и въ послѣднее время англійскими и американскими химиками дѣлаются попытки доказать, что именно этимъ путемъ осуществится первый синтезъ органическаго вещества, переходъ изъ неорганическаго міра въ органическій. Ссылаясь на эти изслѣдованія, Бэтсонъ позволяетъ себѣ грубое издѣвательство. „Когда мы слышимъ, что синтезъ формальдегида принимается за первый шагъ, обусловливавшій появленіе грани на землѣ, намъ приходитъ на память Гарри Лаудеръ, Гласгоускій школьникъ [1]), который, выворачивая карманы своихъ штановъ, наполненныхъ всякой дрянью, говоритъ: „Тутъ у меня все, что нужно для постройки автомобиля". Это образецъ отношенія Бэтсона ко всему въ наукѣ, что превышаетъ его пониманіе.

Попытаюсь подвести итогъ этой длинной рѣчи, безпорядочная безсистемность которой дѣлаетъ крайне затруднительной ея краткую передачу, а чтеніе въ цѣломъ сопряжено съ громаднымъ трудомъ вылущиваніи дѣйствительнаго ядра ея. Содержаніе ея опредѣлено самимъ авторомъ, — „Менделизмъ и эволюція". Относительно менделизма новаго въ этой рѣчи только категорическое признаніе, что то превознесеніе, исключительное значеніе, которое приписывалось этому весьма скромному изслѣдованію, вопреки самому его автору, объяснялось только проглубокимъ невѣжествомъ маленькой фантастической кучки. Что повѣдуетъ теперь о „системахъ" наслѣдственности Бэтсонъ, только то, что было извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ литературой этого предмета, и прежде всего Дарвину, Кернеру и самому Менделю [2]). Что касается эволюціи, то Бэтсонъ останавливается только на одной трети этого ученія — на и з м ѣ н ч и в о с т и и огульно отрицаетъ все, что

---

[1]) Вѣроятно, дѣйствующее лицо какого-нибудь моднаго фарса или водевиля.

[2]) См. мою статью „Д а р в и н ъ и о т б о й м е н д е л ь я н ц е в ъ", „В. Евр.", 1909—1913.

пріобрѣтено наукой, особенно за послѣднюю четверть вѣка. Несмотря на жестокій урокъ, полученный имъ за его невѣжество въ области ученія о наслѣдственности, Бэтсонъ позволяетъ себѣ дерзкое отрицаніе всего, что пріобрѣтено въ еще менѣе ему извѣстной области объ измѣнчивости. Отъ себя онъ предлагаетъ возвратъ къ представленіямъ восемнадцатаго и семнадцатаго вѣка, къ ученію Линнея о „созданныхъ видахъ“, къ ученію объ „emboitement“, т. е включеніе зародышей одного поколѣнія въ зародышѣ другого и такъ далѣе, вплоть до замѣчательныхъ вычисленій, сколько зародышей находилось въ утробѣ праматери, если она должна была заключать готовые зачатки зародышей всего послѣдующаго человѣчества. Въ заключеніе остается напомнить, что даже смѣлость этого возврата къ темнымъ преданіямъ прошлыхъ вѣковъ не составляетъ его личнаго подвига. Нѣсколько разъ въ своей рѣчи онъ повторяетъ имя Лотси и долженъ признаться, что основная мысль его рѣчи уже высказана въ 1913 г. этимъ извѣстнымъ ботаникомъ. И, дѣйствительно, этотъ ученый, отличающійся болѣе обиліемъ своихъ компилятивныхъ произведеній, чѣмъ строгой критической мыслью, въ статьѣ, носящей широковѣщательный заголовокъ: „Успѣхи со времени Дарвина нашихъ воззрѣній на ученіе о происхожденіи и современная точка зрѣнія на этотъ вопросъ[1]) — пришелъ еще ранѣе и тѣмъ же путемъ къ тому же заключенію, выраженному въ еще болѣе нелѣпо-откровенной формѣ. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться о содержаніи этой статьи, тѣмъ болѣе, что съ ней уже поторопились познакомить русскую публику[2]). Исходнымъ толчкомъ для Лотси является вдругъ осѣнившая его „геніальность“ идей Кернера[3]). А проникшись ихъ геніальностью, онъ впадаетъ въ обратную крайность, приписываетъ процессу образованія среднихъ помѣсей снова исключительное значеніе и заявляетъ: „Причину образованія новыхъ видовъ я усматриваю только въ новой перегруппировкѣ уже въ родоначальныхъ, а въ концѣ-концовъ, въ первозданныхъ организмахъ (Urorganismum), предсуществовавшихъ потенціяхъ или генахъ. И въ этомъ отношеніи раздѣляю

---

1) Fortschritte unserer Anschauungen ueber Descendenz und der jetzigen Standpunct der Frage von S. P. Lotzy. Progressus Rei Botanicae. 1913.

2) „Природа“. Октябрь 1915.

3) Кернеръ высказалъ свои воззрѣнія двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ популярной книгѣ. Въ томъ же году я подробно изложилъ ихъ въ публичномъ курсѣ „Историческій методъ въ біологіи“, упоминалъ о немъ на страницахъ „В. Евр.“ (Дарвинъ, 1904, „Отбой менделъянцевъ“, 1913), разумѣется, предостерегая отъ его крайностей. Теперь можно ожидать, что за полосой мендельянства наступитъ полоса кернеръянства.

мнѣніе Гагедофна: „что, можетъ быть, у Парамеціи[1]) уже передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе генетическая вещь, обладавшая способностью сдѣлать хвостъ животнаго вьющимся или зубы его тупыми, но за отсутствіемъ хвоста и зубовъ эти вещи должны были дожидаться своего времени". Итакъ, по современнымъ эволюціонистамъ, любая инфузорія со дня творенія обладала несмѣтными миріадами такихъ безполезныхъ „вещей", какъ кудрявость несуществующихъ хвостовъ и тупость несуществующихъ зубовъ. И только потерявъ по дорогѣ кое-что отъ этихъ ненужныхъ вещей, кое-что перетасовавъ, изъ этой первозданной инфузоріи произошли новыя формы животныхъ вплоть до червяка. Неужели необходимъ новый Вильямъ Оккамскій, чтобы обуздать этихъ воскресшихъ схоластиковъ-реалистовъ?

Но если трудно постичь содержаніе этой новой „эволюціонной" (?) теоріи Бэтсона и тѣхъ, у кого онъ ее заимствовалъ, зато ясна ея цѣль. Остановимся ли мы на чудесной инфузоріи Лотси, или проще, на Линнеевскихъ видахъ, воскрешенныхъ Бэтсономъ, начало ихъ очевидно одно — Линеевскій креаціонизмъ, что Бэтсону и требовалось доказать. Нельзя только не пожалѣть, что первое торжественное слово европейской науки у антиподовъ явилось прямымъ антиподомъ дѣйствительной современной науки — представляясь образцомъ эволюціоннаго ученія à rebours.

На рѣчи президентовъ не принято возражать, что, конечно, и входило въ расчеты Бэтсона, но возраженіе все же пришло и сравнительно скоро — не изъ Австраліи и не изъ Европы, а изъ третьей части свѣта, изъ Америки, болѣе старой, чѣмъ Австралія, но болѣе молодой, болѣе свободной отъ пережитковъ старой Европы, защитникомъ которыхъ выступилъ въ своей рѣчи Бэтсонъ.

II. Отвѣтъ изъ третьей части свѣта.

Британской ассоціаціи въ Новомъ свѣтѣ соотвѣтствуетъ Американская. Какъ бы желая подчеркнуть мысль, что ею подводится итогъ науки за истекшій годъ, она обычно собирается въ самые послѣдніе дни декабря. Единственная изъ крупныхъ націй цивилизованнаго міра („великая" въ настоящій моментъ едва ли умѣстный терминъ, такъ какъ истинное величіе культурная исторія, вѣроятно, со временемъ признаетъ за тѣми націями, которымъ льющаяся кровь еще не ударила въ голову и не заразила повальной маніей величія) — Америка сумѣла остаться въ сторонѣ отъ крававой бури и въ самый разгаръ ея собрала своихъ ученыхъ на обычный праздникъ науки въ

[1]) Инфузорія.

Филадельфіи съ 28 декабря 1914 г. до 2 января 1915 г. Президентомъ съѣзда былъ избранъ извѣстный зоологъ, много работавшій въ области цитологіи и наслѣдственности, Эдмундъ Вильсонъ, профессоръ Columbia University въ Нью-Іоркѣ. Рѣчь его была скромно озаглавлена: Воззрѣнія, опредѣляющія прогрессъ современной зоологіи.

I.

По существу, она была полнымъ, обстоятельнымъ отвѣтомъ на ретроградныя противонаучныя измышленія, которымъ была посвящена рѣчь Бэтсона. Постараюсь передать ея главное содержаніе въ такомъ же краткомъ пересказѣ, какъ и рѣчь послѣдняго „Мы счастливы, что живемъ въ эпоху безпримѣрнаго прогресса естествознанія, эпоху, одинаково отмѣченную открытіями первостепенной важности — развитіемъ методовъ изслѣдованія и расширеніемъ общаго кругозора". Такъ началъ свою рѣчь Вильсонъ. Упомянувъ о небывалыхъ успѣхахъ физики и намекнувъ на тотъ фактъ, что грандіозныя приложенія науки (хотя бы одно осуществленіе Панамскаго канала, благодаря изученію естественной исторіи москита) почти убили въ насъ способность удивляться, что не мѣшаетъ, однако, нашимъ романистамъ попрежнему изображать натуралистовъ въ образѣ какихъ-то диковатыхъ чудаковъ или, по меньшей мѣрѣ, безвредныхъ фантастовъ, онъ переходитъ къ біологіи. „Итоги и содержаніе біологіи сводится къ двумъ вопросамъ: что такое живой организмъ и откуда онъ взялся? Часто напираютъ на одинъ изъ этихъ вопросовъ, но по существу они нераздѣльны. Существующій организмъ несетъ неустранимый отпечатокъ своего прошлаго, а исчезнувшее животное можетъ быть понятно только при свѣтѣ настоящаго. Причинный анализъ эволюціоннаго процесса долженъ опираться на экспериментальное изученіе существующихъ формъ. Все это, кажется, самоочевидная истина и потому такъ страненъ фактъ, что изучающіе эволюцію только недавно приняли во вниманіе эту истину. А въ этомъ и лежитъ ключъ къ пониманію того научнаго движенія въ зоологіи, о которомъ я поведу рѣчь".

„Не вдаваясь въ древнюю исторію, я хочу только сказать о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ въ исходѣ девятнадцатаго столѣтія это движеніе начало принимать опредѣленную форму. Въ первыя три десятилѣтія послѣ появленія „Происхожденія видовъ" изученіе существующихъ животныхъ почти заслонялось попытками возсоздать ихъ историческое прошлое. Многіе изъ насъ вспомнятъ, съ какимъ жаромъ натуралисты набрасывались на эту глубоко интересную задачу. Позднѣе многіе изъ нихъ перешли на совершенно иные предметы, но былъ ли возбужденный ими интересъ болѣе глубокъ, болѣе живъ,

чѣмъ тотъ, который возбуждался тѣми историко-морфологическими задачами, которыя поглощали насъ въ тѣ ранніе годы? Не думаю. Скажутъ, юношескій энтузіазмъ, броженіе молодыхъ силъ! Конечно; но и еще кое-что въ придачу. Попытки разрѣшить эти задачи въ прошломъ не всегда были удачны, онѣ не представляютъ такого господствующаго значенія въ настоящемъ, но онѣ не прекратятся, пока существуетъ біологія, потому что онѣ порождаются непокореннымъ инстинктомъ, и ихъ завоеванія уже обезпечены, такъ какъ опираются на массу твердо установленныхъ фактовъ, заложенныхъ ими въ самый фундаментъ науки". „Лѣтъ черезъ тридцать послѣ появленія „Происхожденія видовъ" мы перестаемъ довольствоваться пріемами и результатами филогенетическаго метода. Словно сговорившись, натуралисты стали отворачиваться отъ историческихъ задачъ, для того, чтобы узнать побольше объ организмахъ, какими они намъ являются въ настоящемъ. Они какъ будто очнулись и сознали недостаточность своихъ традиціонныхъ пріемовъ — наблюденія и сравненія и стали все болѣе и болѣе обращаться къ тому методу, при помощи котораго сдѣланы всѣ великія завоеванія физико-химической наукой, къ методу, анализирующему явленія, при помощи подчиняющаго ихъ волѣ изслѣдователя контроля тѣхъ условій, при которыхъ эти явленія происходятъ, — къ методу эксперимента. Его неизмѣнно возрастающее значеніе и составляетъ выдающуюся черту новой зоологіи"[1]). „Постараюсь пояснить характеръ и послѣдствія этого переворота на примѣрѣ эмбріологіи. Въ своемъ филлогенетическомъ періодѣ развитія она была исключительно поглощена вопросами историческими: происхожденіемъ позвоночныхъ, гомологіей зародышевыхъ пластовъ, жаберными дугами и сотнями другихъ подобныхъ уже вопросовъ. Скажемъ сразу, эти вопросы представляли, представляютъ и всегда будутъ представлять величайшій интересъ[2]). Но эмбріологія, какъ мы теперь убѣдились, только косвенно связана съ этими историческими задачами. Эмбріологія, прежде всего, стремится понять самый процессъ развитія; отсюда то значеніе, которое пріобрѣла группа эмбріологовъ съ Виль-

---

1) Позволю себѣ замѣтить, что преобладаніе филлогенетическаго направленія произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Геккеля. Дѣятельность Дарвина послѣ появленія „Происхожденія видовъ" вращалась исключительно на почвѣ опыта или всесторонней критической оцѣнки уже полученныхъ опытныхъ данныхъ, какъ, напримѣръ, въ области изслѣдованій о наслѣдственности, что и составляетъ его преимущество передъ позднѣйшими изслѣдователями.

2) Напомню, что филлогенетической методъ на почвѣ эмбріологіи далъ доказательство своей пригодности, сдѣлавъ возможнымъ въ этой области научное пророчество, этого высшаго критерія могущества научнаго метода. Я имѣю въ виду Гофмейстера.

гельмомъ Ру во главѣ, отвернувшаяся отъ историческихъ задачъ и обратившаяся къ опыту и объясненію самаго механизма развитія". И не одна эмбріологія сдѣлала громадные успѣхи. Экспериментальный методъ охватилъ области изученія явленій роста и регенераціи, экологіи и поведенія животныхъ, ихъ отношенія къ внѣшнимъ стимуламъ, изученія факторовъ наслѣдственности и отбора. Свѣжая закваска проникла во всѣ области зоологіи". „Но вернемся къ эмбріологіи. Сомнительно, чтобы какой-нибудь періодъ въ ея длинной исторіи былъ болѣе производителенъ въ смыслѣ разнообразія и цѣнности новыхъ пріобрѣтеній, чѣмъ, тотъ который послѣдовалъ за обращеніемъ къ экспериментальному методу". „Эмбріологія стала развиваться въ направленіи, сблизившемъ ее съ физикомъ, химикомъ, патологомъ, даже съ медикомъ. Цѣлый потокъ свѣта озарилъ явленія исторіи развитія, благодаря изслѣдованіямъ въ области явленій дифференціаціи, регенераціи, прививки; въ области развитія отдѣльныхъ бластомеръ или дробленія яйца на отдѣльныя части; въ области изученія симметріи и полярности яйца; въ области изученія зависимости развитія отъ физико-химическихъ условій среды; въ области изученія изолированныхъ клѣтокъ или тканей, культивируемыхъ какъ самостоятельные организмы внѣ произведшаго ихъ тѣла — in vitro; въ области явленій оплодотворенія, искусственнаго партеногенезиса и химико-физіологическаго развитія. Въ смыслѣ расширенія области нашихъ реальныхъ знаній всѣ эти успѣхи отмѣчаютъ „новую эпоху въ развитіи біологической науки". И однако эта же эпоха отмѣчена страннымъ явленіемъ попятнаго движенія. Вильямсъ поясняетъ этотъ фактъ на примѣрѣ Дрошта. Однимъ изъ удачныхъ примѣровъ примѣненія эксперимента въ эмбріологіи было открытіе, сдѣланное Дришемъ, что на ранней стадіи развитія зародыша его можно раздѣлить на составляющія его клѣтки, которыя дадутъ начало двумъ или нѣсколькимъ нормальнымъ зародышамъ. Къ сожалѣнію, тотъ же Дришъ, получившій такіе блестящіе результаты, пока стоялъ на механической или физико-химической почвѣ, задумалъ позднѣе воскресить „вымершее ученіе о витализмѣ" — „пріютился въ новомъ убѣжищѣ за предѣлами науки, выступивъ на университетской каѳедрѣ философіи" [1]). Этотъ примѣръ даетъ поводъ Вильсону къ „небольшому отступленію, необходимому для того, чтобы разъяснить истинное положеніе біолога по отношенію къ живымъ тѣламъ. Онъ останавливается на томъ, какъ современная наука должна относиться къ вторженію въ нее метафизики, къ разнымъ „élan vital" (Бергсона)

---

[1]) Дришъ пытался использовать и свои удачные опыты въ интересахъ метафизическихъ воззрѣній. Въ возникшей по этому поводу полемикѣ ему была доказана безуспѣшность такой попытки.

или энтелехій (Дришъ), входящими въ послѣднее время въ моду". „Ожидали ли мы, что наши скальпели и микроскопы, наши соляные растворы, химическія формулы и статистическія таблицы разскажутъ всю повѣсть о живыхъ тѣлахъ? Конечно, никто изъ насъ не сталъ бы этого утверждать. И однако, чѣмъ болѣе останавливаемся мы на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе растетъ у насъ убѣжденіе, что всѣ эти энтелехіи[1]) и имъ подобныя силы, которыя вызываютъ современные виталисты, такъ же безплодны, какъ и конечныя причины старой философіи, такъ что Бэконъ съ равнымъ правомъ могъ бы сказать о первыхъ, что сказалъ о послѣднихъ: они подобны весталкамъ, посвященнымъ божеству и безплоднымъ. Не будемъ слишкомъ строги къ натуралисту, который порою позволитъ себѣ часокъ легкой болтовни съ ними — встревоженная совѣсть рано или поздно заставитъ его вернуться на его, хотя и тѣсный, но прямой путь, задавъ ему настоятельный вопросъ: Всѣ эти спеціальные дѣятели sui generis отъ которыхъ отправляются виталисты, — дѣйствительно ли это здравыя реальности? Можетъ ли существованіе всѣхъ этихъ élan vital, этихъ энтелехій и т. д. быть экспериментально провѣрено? Или даже если они не подлежатъ провѣркѣ, то имѣютъ ли какое-нибудь приктическое значеніе при нашихъ изслѣдованіяхъ живыхъ тѣлъ, могутъ ли они найти себѣ оправданіе съ точки зрѣнія другихъ болѣе широкихъ запросовъ науки? Что бы ни отвѣчала на это философія, у науки можетъ быть одинъ отвѣтъ: Методъ науки — методъ механическій[2]). Съ того момента, какъ мы уклоняемся отъ него хоть на одинъ шагъ, мы оказываемся въ чуждой для насъ странѣ, гдѣ говорятъ на чужомъ намъ языкѣ. Мы не имѣемъ доказательствъ его пригодности. Мы принимаемъ механическое воззрѣніе на органическую природу не какъ догматъ, а какъ практическую программу нашей дѣятельности, не болѣе и не менѣе. Мы очень хорошо знаемъ, что наши механическія воззрѣнія на растенія и на животныхъ далеко не исчерпываютъ всѣхъ задачъ о жизни какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ. И это только должно насъ поощрять къ новымъ усиліямъ, потому что именно въ неполнотѣ нашихъ представленій лежитъ увѣренность въ будущемъ прогрессѣ. Но путь, не допускающій провѣрки (а потому и не поддающихся опроверженію) фантастическихъ построеній — не нашъ

---

[1]) Слово, заимствованное Дришемъ у Аристотеля. Извѣстно, что всѣ переводчики расходились въ передачѣ его смысла. Юэль сообщаетъ, что одинъ изъ нихъ (Hermolaus Barbarus) въ отчаяніи призывалъ ночью на помощь самого діавола, но врагъ рода человѣческаго, издѣваясь надъ нимъ, предложилъ ему другое, еще болѣе темное. У насъ особенно горячимъ поклонникомъ ученія Дриша выступилъ профессоръ Огневъ.

[2]) Курсивъ Вильсона.

путь. Мы достигаемъ неизмѣнно постояннаго успѣха, только держась стараго пути, намѣченнаго нашими научными отцами, — пути наблюденія, сравненія, опыта, анализа, синтеза, предсказанія и провѣрки. Если эта программа покажется прозаичной, мы можемъ узнать и еще кое-что у великихъ ученыхъ почти на любомъ полѣ изслѣдованія — мы узнаемъ, какой широкій просторъ допускала ихъ дѣятельность построеніямъ воображенія — даже художественнаго творчества".

Въ этой первой части своей рѣчи Вильсонъ, не упоминая имени Бэтсона, даетъ ему урокъ не говорить о томъ, чего не знаешь, не позволять себѣ судить о вещахъ, о которыхъ не имѣешь никакого понятія. Въ отвѣтъ на презрительныя выходки Бэтсона противъ эмбріологіи и т. д. онъ указываетъ, какіе успѣхи сдѣлала наука именно въ этихъ незнакомыхъ Бэтсону областяхъ. Во второй части онъ уже прямо отвѣчаетъ ему по поводу новой теоріи эволюціи или, лучше сказать, теоріи возврата къ ученію о первично созданныхъ неизмѣнныхъ формахъ.

II.

„До сихъ поръ я особенно подчеркивалъ пробужденіе нашего интереса къ задачамъ настоящаго, къ постоянно растущему сознанію надежности экспериментальнаго метода. Посмотримъ, какъ эта перемѣна отразилась и на исторической задачѣ, въ связи съ современной задачей изученія явленій наслѣдственности. Здѣсь произошло такое же перемѣщеніе центра тяжести, какъ и въ другихъ областяхъ. Во время Дарвиновской эпохи вопросъ измѣнчивости и наслѣдственности, казалось, представлялъ интересъ только какъ подходъ къ разрѣшенію задачи эволюціи. Въ послѣдующую эпоху пробудился глубокій интересъ къ изученію этихъ свойствъ живыхъ существъ ради ихъ самихъ [1]). Но это нисколько не было вызвано какимъ-нибудь сомнѣніемъ въ дѣйствительности эволюціи или недостаткомъ интереса къ выдвинутымъ этимъ ученіемъ задачамъ".

На первый планъ въ этомъ движеніи, пробудившемъ свѣжій интересъ къ изученію явленій наслѣдственности, Вильсонъ, конечно, выдвигаетъ сдѣланное въ 1900 году открытіе забытой работы Менделя и пресловутую теорію нутацій Де-Фриза и цитологическія изслѣдо-

---

[1]) На этотъ разъ Вильсонъ едва ли правъ. А что же дѣлали Кёльрейтеръ въ XVIII вѣкѣ или Гертнеръ въ XIX вѣкѣ? А самъ Дарвинъ, посвятившій эволюціи одинъ, а наслѣдственности нѣсколько томовъ? И его стремленіе къ изученію измѣнчивости признаетъ даже и Бэтсонъ, правда, только съ цѣлью доказать, что и на этотъ разъ онъ ошибался, такъ какъ никакой измѣнчивости, по его, Бэтсона, мнѣнію, не существуетъ.

ванія, дающія, по мнѣнію Вильсона (онъ самъ участвовалъ въ этихъ послѣднихъ изслѣдованіяхъ), механическое объясненіе закону Менделя [1]).

„И вдругъ — продолжаетъ Вильсонъ, переходя къ главной темѣ своей рѣчи,— среди всего этого движенія внезапнымъ поворотомъ калейдоскопа основная задача органической эволюціи у насъ на глазахъ превращается, поворачивая всѣ наши прежнія понятія вверхъ ногами!

„Я останавливаюсь на этомъ позднѣйшемъ воззрѣніи на эволюцію отчасти ради присущаго ему интереса, отчасти же потому, что представляетъ намъ тотъ случай, который мы только что видѣли въ эмбріологіи — одну изъ тѣхъ попытокъ унестись въ область метафизики (*sit venia verbo!*) [2]) которыя теперь такъ часто идутъ по стопамъ новыхъ выдающихся открытій науки. Возбужденный вопросъ встрѣчаетъ аналогію и въ эмбріологіи, почему къ нему особенно удобно подойти именно съ этой стороны.

„Судя по внѣшнему виду, развитіе особи такъ же, какъ и эволюція, идутъ отъ простого къ сложному; но будетъ ли это вѣрно, если мы углубимся въ самую сущность процесса? Яйцо *представляется* нашему глазу болѣе простымъ, чѣмъ взрослый организмъ. Но опыты надъ наслѣдственностью, повидимому, приводятъ все новыя и новыя свидѣтельства въ пользу предположенія, что для каждой независимой наслѣдственной черты строенія взрослаго организма яйцо содержитъ соотвѣтственное *нѣчто* (мы не знаемъ, что именно) живое, дѣлящееся, передающееся при дѣленіи клѣточекъ безъ утраты своего специфическаго характера и независимо отъ другихъ, нѣчто того же порядка. Такъ возникаетъ то, что я назвалъ бы загадкой микроскопа. Неужели кажущаяся простота яйца только иллюзія? Неужели яйцо такъ же въ основѣ сложно, какъ и курица, и процессъ развитія представляетъ только превращеніе одной сложности въ другую. Таковъ основной вопросъ онтогенезиса, въ той или другой формѣ служащій темой споровъ у эмбріологовъ уже болѣе двухъ вѣковъ". „Что далѣе то хуже. Изслѣдованія въ области наслѣдственности наталкиваютъ насъ на тотъ же вопросъ въ примѣненіи къ эволюціонному зародышу. Были ли первобытныя формы въ дѣйствительности проще ихъ, повидимому, болѣе сложныхъ потомковъ? Шла ли органическая эволюція отъ простого къ сложному, или отъ одного рода сложности къ другому. А можетъ быть, даже она шла только отъ сложнаго къ простому, путемъ послѣдовательной утраты задерживающихъ факторовъ, которые по мѣрѣ ихъ исчезанія освобождали признаки первоначально заторможенные?

---

1) О Менделѣ и Де-Фризѣ и ихъ теоріяхъ, находящихся на ущербѣ, я уже имѣлъ случай говорить на страницахъ „В. Ев." и выше по поводу рѣчи Бэтсона.

2) Курсивъ Вильсона.

Съ этимъ ошеломляющимъ вопросомъ выступилъ президентъ Британской Ассоціаціи въ своей блестящей рѣчи въ Мельбурнѣ, совершенно серьезно приглашая насъ „держать наши умы открытыми" при обсужденіи такого вопроса". „Не представляется ли вполнѣ разумнымъ допущеніе, что эволюція была только развертываніемъ незначительнаго комплекса, заключавшаго въ себѣ совокупность всей той сложности, которую обнаруживаютъ современныя намъ существа?". „Эти размышленія, очевидно, сродни теоріи „пангенезиса", особенно въ ея дальнѣйшей обработкѣ Вейсманомъ и Де-Фризомъ [1].) Они прямо перекосятъ насъ въ XVIII вѣкъ, вызывая въ памяти Боннетовскій „палингенезисъ". „Мы, конечно, должны быть благодарны людямъ, помогающимъ имъ раскрывать свои умы", и профессоръ Бэтсонъ продѣлываетъ эту трудную операцію со своимъ обычнымъ мастерствомъ, вызывающимъ наше изумленіе. Правда, должно сознаться, что его сильная и картинная аргументація невольно вызываетъ сомнѣніе, неужели онъ ожидаетъ отъ насъ, что мы отнесемся къ нему вполнѣ серьезно и примемъ его слова въ ихъ буквальномъ смыслѣ?" „Но допустимъ, что онъ дѣйствительно серьезно зазываетъ насъ въ тотъ тупикъ (cul de sac), которымъ онъ такъ любезно загораживаетъ намъ дальнѣйшій путь. Разъ заманивъ насъ туда, онъ, конечно, сдѣлаетъ шахъ и матъ вопросу о началѣ и первоначальной исторіи органической жизни"... „Но точно ли уже наступитъ день, когда мы должны будемъ примириться съ мыслію о такомъ концѣ? Точно ли мы готовы все поставить на карту изъ-за сохраненія гипотезы объ „аллеломорфахъ" и „доминантахъ" „presence and absence" [2]) и т. д.? Они, можетъ быть, служили какими-нибудь орудіями изслѣдованія, но вѣдь существуютъ и такіе компетентные изслѣдователи, которые считаютъ возможнымъ объяснять явленія и совершенно иными гипотезами, не вынуждающими къ такимъ парадоксальнымъ выводамъ о природѣ эволюціи. Уже и впрямь, не приглашаетъ ли онъ насъ „отцѣживать комара и проглотить верблюда?"

„Но не будемъ задерживаться долго на его (Бэтсона) психоло-

---

[1]) Позволю себѣ напомнить, что года черезъ три послѣ появленія „провозуарной гипотезы пангенезиса" Дарвина я позволилъ себѣ высказаться о ней, что она „не научна въ основѣ, безплодна въ послѣдствіяхъ". Я будто предвидѣлъ все послѣдовавшее. Значительно позднѣе, когда появилась переписка Дарвина, я узналъ изъ нея, что самъ Дарвинъ относился къ своей гипотезѣ безжалостно строго, назвавъ ее „вздорной спекуляціей". Но это не помѣшало ей пріобрѣсть горячихъ сторонниковъ въ Вейсманѣ, Де-Фризѣ и др. и вотъ чуть не черезъ полвѣка отвергнутая гипотеза воплощается въ новѣйшую теорію Бэтсона, по крайней мѣрѣ, онъ остается вѣренъ себѣ и развиваетъ до конца то, что Дарвинъ призналъ за „вздорную спекуляцію".

[2]) Терминъ, которымъ манипулируетъ Бэтсонъ въ своей мендельянской теоріи.

гической концепціи, а остановимся только на выведенной на ея основѣ общей надстройкѣ. Не идетъ ли здѣсь рѣчь о какомъ-то символизмѣ, о какой-то попыткѣ браться за задачу, лежащую за предѣлами нашего мысленнаго охвата. Осмѣлюсь утверждать, что ни вы, ни я не задумаемся ни на минуту утверждать, что первобытная Амёба (если позволительно такъ величать самаго ранняго изъ нашихъ предковъ) въ томъ или иномъ смыслѣ содержитъ все то, что реализуется теперь всей нашей „Американской Ассоціаціей для развитія науки". Но если бы кто-нибудь спросилъ, что собственно хотимъ мы этимъ сказать, мы убѣдились бы въ полной своей неспособности отвѣтить въ болѣе понятныхъ выраженіяхъ". И если бы мы захотѣли осуществить такую же попытку — изобразить конечную организацію яйца ли или первобытной Амёбы или зародыша, мы почувствовали бы себя „въ опасной близости отъ обители мистика или трансцендденталиста".

„Можетъ быть, изъ опасенія быть нескромнымъ я бы долженъ на этомъ и остановиться. Но поднявъ вопросъ о природѣ эволюціи, Бэтсонъ оставилъ незатронутымъ не менѣе важный вопросъ о томъ, что же направляетъ эту эволюцію? Я буду смѣлъ и не побоюсь затронуть вопросъ о приспособленіи и естественномъ отборѣ. Какъ извѣстно, вопросъ о приспособленіяхъ въ настоящее время получаетъ различное разрѣшеніе. Одни думаютъ избавиться отъ него, просто признавъ его за основное свойство организмовъ [1]). Другіе думаютъ отдѣлаться отъ него однимъ разговоромъ. Говорятъ также, что приспособленія обоюдны: организмовъ къ окружающей средѣ и среды къ организмамъ. Можетъ быть, оно и такъ для метафизиковъ, но для насъ, натуралистовъ, это вопросъ историческій, и организмы появляются, несомнѣнно, позднѣе ихъ среды. И если бы передъ нами стояли только простые факты въ родѣ того, что водяныя животныя дышатъ жабрами, съ этимъ еще можно было бы справиться. Но загвоздка въ томъ, что, кромѣ жабръ, при нихъ есть еще особые резервуары, трубки, фильтры, щетки, которыя ихъ выскребаютъ — и все это коственно служитъ для главной функціи. Сваливаніемъ всего на случай дѣлу не поможешь. Дана вода, и спрашивается, какъ все это появилось и усовершенствовалось.

„Вопросъ этотъ неотразимъ, онъ навязывается намъ здравымъ смысломъ. Понятно, не метафизики подняли бы его; они бы охотнѣе его замалчивали".

„И несмотря на то, находятся люди, которые считаютъ, что самое слово „приспобленіе" пользуется еще слишкомъ сомнительной репу-

---

[1]) Это уже давно пытался сдѣлать Литре.

тацiей, чтобы его можно было упоминать въ приличномъ обществѣ [1])“ Вильсонъ приводитъ два примѣра изъ своихъ молодыхъ лѣтъ и изъ недавняго времени.

„Конечно, не подлежитъ сомнѣнiю, что многiя приспособленiя, выражаясь словомъ Бэтсона, „на дѣлѣ не такъ уже хорошо подогнаны“. Извѣстно, что даже глазъ, какъ этому давно училъ насъ Гельмгольтцъ, представляетъ нѣкоторыя несовершенства, какъ оптическiй инструментъ, и, однако, онъ дѣйствуетъ настолько хорошо, что даетъ намъ возможность видѣть обильный матерiалъ относительно приспособленiй, наблюдаемыхъ у живыхъ существъ. И попытки натуралистовъ искать объясненiя для этихъ приспособленiй не прекратятся до той поры, пока они не перестанутъ, слѣдуя совѣту Гексли, руководиться въ своей дѣятельности здравымъ смысломъ“.

„Въ настоящiй моментъ не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ ходячемъ фактѣ, что многiе, правильнѣе было бы сказать, всѣ сложныя морфологическiя приспособленiя не были осуществлены однимъ творческимъ мановенiемъ, а подвигались шагъ за шагомъ по пути къ совершенству. Но что же направляло это поступательное движенiе къ такому результату? Мы не можемъ дать сколько-нибудь увѣреннаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но какъ бы мы ни откладывали его на будущее время, мы должны же смотрѣть ему прямо въ глаза. Мы были свидѣтелями тому, какъ цѣлый рядъ теорiй исчезъ подъ огнемъ критики; я не буду останавливаться на тяжелыхъ пораженiяхъ, понесенныхъ теорiями полового отбора, неоламаркизмомъ и ортогенезисомъ. Нѣкоторые ученые, пожалуй, готовы отвести мѣсто въ этомъ ряду и естественному отбору. Но, вѣроятно, не найдется ни одного ученаго, который сталъ бы утверждать, что это ученiе окончательно уничтожено. Сведенное къ своему минимуму — переживанiе приспособленнаго — оно является очевиднымъ фактомъ. Особи, не приспособленныя къ жизни и воспроизведенiю, имѣютъ мало или вовсе не имѣютъ шансовъ на сохраненiе — противъ этого никто не можетъ возражать. Но такое голое и мало говорящее заключенiе исчерпываетъ ли оно всю задачу, даетъ ли оно полную оцѣнку фактамъ? Въ этомъ весь вопросъ. Уничтоженiе неприспособленныхъ поддерживаетъ ли

---

[1]) Вильсонъ здѣсь имѣетъ въ виду не одного Бэтсона, но, и извѣстную ультра-реалистическую группу американскихъ бiологовъ, которые въ своей заботѣ изгнать изъ науки все, отзывающееся телеологiей или антропоморфизмомъ, объявляютъ войну всѣмъ словамъ, имѣющимъ, по ихъ мнѣнiю, такую подозрительную внѣшность (вплоть до изгнанiя частицъ to и for, — и чтобы), при чемъ сами частенько впадаютъ впросакъ, замѣняя слово „приспособленiе“ выраженiемъ „выгодная реакцiя“ или слово „функцiя“ словомъ „роль“.

оно только status quo или опредѣляетъ прогрессивное поступательное движеніе? Допуская второе, Дарвинъ приписалъ отбору руководящую роль въ числѣ условій, опредѣляющихъ современный строй живого міра. Съ той поры взгляды на задачу значительно расширились. Мы должны исключить изъ нея происхожденіе безразличныхъ и безполезныхъ признаковъ. Мы не должны смѣшивать происхожденія приспособленій съ происхожденіемъ видовъ [1]).

„И тѣмъ не менѣе, насколько дѣло касается самыхъ основъ начала естественнаго отбора, я долженъ признаться въ моихъ сомнѣніяхъ: точно ли всѣ новѣйшія разсужденія даже въ настоящую минуту даютъ болѣе пищи для размышленія, чѣмъ то, что заключается въ шестой и седьмой главѣ „Происхожденія видовъ" и въ другихъ произведеніяхъ Дарвина?

„Нельзя также отрицать доли истины въ утвержденіи, что ученіе о естественномъ отборѣ скорѣе находится еще въ стадіи біологической философіи, чѣмъ біологической науки, что, вопреки многочисленнымъ экспериментальнымъ и критическимъ этюдамъ на эту тему, концепція Дарвина остается и теперь, какъ и въ его время, теоріей, логическимъ построеніемъ, правда, не безчисленныхъ фактовъ, но еще ожидающей экспериментальной провѣрки [2]). Какъ ни простъ основной принципъ ученія, его дѣйствительное проявленіе въ природѣ связано съ такими спутанными условіями и обнаруживается въ такіе долгіе періоды времени, что не могутъ быть воспроизведены въ лабораторіяхъ. Отсюда понятно, что, несмотря на пятьдесятъ лѣтъ, прошедшихъ съ ея появленія, еще не наступило время для полной оцѣнки предложеннаго Дарвиномъ разрѣшенія великой задачи [3]).

„Но можно добавить еще кое-что. Слишкомъ часто простая формула естественнаго отбора предлагается для того, чтобы слегка скользнуть

---

1) См. сдѣланное выше замѣчаніе по поводу соотвѣтствующаго мѣста рѣчи Бэтсона, особенно о соотношеніи признаковъ по изслѣдованію профессора Н. В. Цингера.

2) На это возраженіе данъ уже удачный отвѣтъ. Оно относится къ способу изложенія, а не къ содержанію теоріи Дарвина. Если бы послѣдній сначала изложилъ ее въ отвлеченной формѣ, а затѣмъ сталъ бы приводить безчисленные примѣры искусственнаго отбора, то каждый изъ нихъ признавался бы за новое экспериментальное доказательство. Для современнаго натуралиста не существуетъ различія между естественнымъ и искусственнымъ измѣненіемъ формы, которая во время Дарвина поддерживалась господствовавшимъ предразсудкомъ о чудесномъ началѣ естественныхъ формъ, въ отличіе отъ искусственно вызванныхъ.

3) Такіе примѣры естественнаго отбора, какихъ требуетъ Вильсонъ, уже существуютъ. (Изслѣдованіе Ченола, Уэльдона, Цингера); я о нихъ упоминалъ на страницахъ В. Е., 1909, 1910.

по поверхности не подозрѣваемыхъ безднъ, серьезное изслѣдованіе которыхъ окупилось бы богатой добычей. Здоровая реакція противъ этого слѣпого отношенія къ дѣлу перешла въ модное умаленіе значенія Дарвиновой теоріи и, наоборотъ, большую услугу нашему изученію этой задачи принесъ критическій и скептическій духъ экспериментальной науки. Нѣмецкая поговорка учитъ насъ быть осторожнѣе, чтобы съ водой не выплеснуть изъ ванны и ребенка. Это предостерегаетъ насъ отъ ошибки недооцѣниванія единственно простого и понятнаго объясненія органическихъ приспособленій, когда-либо высказаннаго. Для нѣкоторыхъ умовъ, — причисляю къ ихъ числу и себя — въ этомъ и заключается та нескромность, о которой я упомянулъ выше — становится все болѣе очевиднымъ, что наша привычка смотрѣть на задачу со слишкомъ близкаго разстоянія, въ извѣстномъ смыслѣ препятствуетъ нашему зрѣнію охватить ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ, для чего необходима аккомодація на болѣе далекое разстояніе. Мы сосредоточиваемъ вниманіе на мелкихъ препятствіяхъ въ ущербъ успѣху великой истины. Для такихъ умовъ ученіе объ естественномъ отборѣ, если, можетъ быть, еще не доставляетъ ключа ко всѣмъ загадкамъ эволюціи, во всякомъ случаѣ продолжаетъ оставаться однимъ изъ величайшихъ завоеваній науки [1]).

„Мы окинули бѣглымъ взглядомъ предметъ на столько же громадный, какъ и многосторонній. Я старался показать, что приливъ умозрительнаго обобщенія въ нашей наукѣ значительно отступилъ, а экспериментальный методъ занялъ въ ней подобающее мѣсто и что мы достигли болѣе вѣрной перспективы въ оцѣнкѣ относительнаго значенія прошлаго и настоящаго въ изученіи задачъ, предлагаемыхъ имъ животной жизнью. Эпоха разрушенія уже уступила мѣсто эпохѣ созиданія, и эта новая эпоха обѣщаетъ быть продолжительной. Все это сулитъ долгую будущность продуктивной дѣятельности физико-химической наукѣ, не удовлетворяющейся апріорными построеніями, академическими обсужденіями гипотезъ, не поддающихся опытной провѣркѣ.

---

[1]) Подъ страхомъ той же нескромности, о которой говоритъ выше Вильсонъ, пишущій эти строки можетъ напомнить, что почти сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ также съ публичной каѳедры (Жизнь растенія, X лекція) отстаивалъ эту мысль о тѣсной связи между экспериментальной наукой и Дарвиновой исторической теоріей, которую защищалъ Вильсонъ отъ односторонности нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ. А двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ такой же обстановкѣ (Факторы органической эволюціи, рѣчь на съѣздѣ натуралистовъ) я еще опредѣленнѣе высказалъ мысль, что за порогомъ будущаго вѣка возникнетъ та отрасль экспериментальной науки (Экспериментальная морфологія, какъ я въ первый разъ предложилъ ее назвать), развитіе которой американскій зоологъ признаетъ самой характерной чертой біологической науки двадцатаго вѣка.

Предстоящая работа предъявитъ намъ серьезныя техническія требованія. Дни піонерской дѣятельности уже миновали для зоолога. Натуралистъ будущаго долженъ быть воспитанъ на методахъ физики и химіи. [1]) Онъ долженъ подготовлять себя къ цѣло жизни напряженной работы и высшей специализаціи, но и въ будущемъ, пожалуй даже болѣе чѣмъ въ прошломъ, онъ будетъ только тщетно бродить въ сухихъ пескахъ спеціальныхъ изслѣдованій, если будетъ упускать изъ вида широкія задачи и общія цѣли всей своей науки. Потому то именно онѣ представляются истиннымъ путеводнымъ маякомъ ея прогресса и, хотя бы на близкомъ разстояніи наука и представлялась намъ безконечно сложной, съ болѣе широкой точки зрѣнія ея отдѣльныя открытія окажутся только болѣе простыми. Это поможетъ намъ поддерживать въ себѣ духъ великихъ піонеровъ науки, которые вели насъ впередъ, когда ея задачи были болѣе просты, а это настроеніе сохранитъ въ насъ надежду на успѣхъ и въ будущемъ".

Таковъ этотъ любопытный международный научный турниръ. Копья на немъ ломались за главные устои современной біологіи, а ареной ему служилъ безъ малаго весь земной шаръ.

К. Тимирязевъ.

---

1) Въ томъ-то и бѣда, что современные морфологи, берущіеся за вопросы по существу физіологическіе, часто воображаютъ, что годы сидѣнія за микроскопомъ, подсчитываніе усиковъ и сяжковъ могутъ замѣнить имъ серьезную физическую и химическую школу. Это мнѣ также приходилось не разъ высказывать.

ПРОСЛАВЛЕННАЯ СУДОМОЙКА.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ „ОБРАЗЦОВЫХЪ НОВЕЛЛЪ", СЕРВАНТЕСА.

Въ знаменитомъ и славномъ городѣ Бургосѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жили два знатныхъ и богатыхъ кабальероса [1]). Одинъ, по имени донъ-Діего де Карріасо, другой — донъ-Хуанъ де Авенданьо. У дона-Діего былъ сынъ, котораго онъ назвалъ собственнымъ своимъ именемъ, и у дона-Хуана тоже былъ сынъ, по имени Томасъ де Авенданьо. Такъ какъ этимъ двумъ юнымъ кабальеросамъ предстоитъ быть главными дѣйствующими лицами нашего разсказа, то, для сбереженія времени и излишней траты словъ, мы будемъ называть ихъ только по фамиліи: Карріасо и Авенданьо. Карріасо было лѣтъ тринадцать или немногимъ больше, когда онъ, побуждаемый склонностью къ приключеніямъ и повѣсничеству [2]), вовсе не вслѣдствіе худого обращенія съ нимъ его родителей, а по собственной лишь прихоти и охотѣ задалъ лататы, — какъ выражаются дѣти — изъ родительскаго дома. И пошелъ онъ бродить по свѣту, до того довольный своей жизнью на свободѣ, что, среди неудобствъ и лишеній этой жизни, онъ нимало не жалѣлъ о довольствѣ въ отцовскомъ домѣ. Ни ходьба пѣшкомъ не утомляла его, ни холодъ его не мучилъ, ни жара не надоѣдала. Всѣ времена года казались ему лишь сладостной, теплой весной; онъ такъ же хорошо спалъ въ гумнѣ на снопахъ, какъ дома на мягкомъ матрасѣ; съ такимъ же удовольствіемъ погружался въ солому постоялаго двора, какъ будто онъ ложился среди двухъ голландскихъ простынь. Словомъ, Карріасо такъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ „пикаро", что могъ бы занять каѳедру по этому предмету и читать

---

[1]) Дворянинъ.

[2]) Picaresca, рісаrо — это слово нельзя перевести совсѣмъ точно по-русски — Рісаrо означаетъ и бездѣльника, и глупца, и бродягу, и завсегдатая игорныхъ, питейныхъ домовъ и т. д. Что такое рісаrо, видно лучше всего изъ послѣдующаго описанія времяпровожденія Карріасо.

изумительныя лекціи въ университетѣ знаменитому Алфараче[1]). Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ Карріасо внѣ родительскаго дома, юноша научился въ Мадридѣ играть въ бабки, въ кабачкахъ въ Толедо играть въ „рентой“[2]) и на брустверахъ Севильи въ „преза и пинта“[3]). Но хотя этотъ его образъ жизни сопровождался нуждой и лишеніями, въ поступкахъ своихъ Карріасо держался всегда настоящимъ принцемъ. На разстояніи ружейнаго выстрѣла и изъ тысячи разныхъ признаковъ явствовало, что онъ благороднаго происхожденія, потому что всегда онъ былъ великодушенъ и щедръ со своими товарищами. Карріасо рѣдко посѣщалъ притоны Бахуса и хотя вино онъ пилъ, но такъ мало, что никакъ нельзя было причислить его къ тѣмъ несчастнымъ, у которыхъ, какъ только они выпиваютъ самый маленькій излишекъ, тотчасъ же лицо ихъ покрывается какъ бы притираніемъ изъ киновари или альмагры[4]). Однимъ словомъ, Каріассо явилъ въ своемъ лицѣ міру добродѣтельнаго, чистоплотнаго, хорошо воспитаннаго и очень остроумнаго „пикаро“. Онъ перешелъ черезъ всѣ ступени этого ремесла, пока не получилъ степень маэстро въ заколахъ[5]) Сахары, гдѣ „finis terrae“[6]) наукамъ пикаро.

О, грязные, жирные и блестящіе кухонные пикаро, о ложные, притворяющіеся нищіе, увѣчные скряги изъ Сокадовера въ Толедо и съ площади въ Мадридѣ, живописные бѣдняки, распѣвающіе молитвы, рыночные посыльные, носящіе корзины въ Севильѣ, посредники разврата, со всей безчисленной толпой, которую заключаетъ въ себѣ слово „пикаро“, спустите свой флагъ, сбавьте свою спесь и не называйте себя „пикаро“, если вы не прошли два курса въ академіи рыбной ловли атунцевъ. Тамъ, именно тамъ самый центръ, тамъ работа, соединенная съ лѣнью, тамъ опрятная нечистоплотность, дюжая, крѣпкая тучность, алчущій голодъ, сытость до отвалу, порокъ безъ личины, безпрерывная игра, ежеминутныя ссоры, убійство на всѣ лады, насмѣшки на каждомъ шагу, пляски, какъ на свадьбахъ, сегидильи[7]) какъ на картинахъ, романсы съ припѣвами, поэзія безъ дѣйствія. Въ

---

[1]) Герой испанскаго романа: „Vida y aventuras del picaro Guzman de Alfarache“, compuesto por el doctor Mateo Aleman. (Жизнь и приключенія пикаро Гусманъ де Алфараче, написанныя докторомъ Матео Алеманъ.) Французскій романистъ Лесажъ воспользовался этимъ романомъ для своего „Gil Blas“.

[2]) Карточная игра, нѣчто въ родѣ „козыри“.

[3]) Карточная игра, въ родѣ „фаро“, „бассетъ“.

[4]) Красная испанская охра, родъ глины.

[5]) Almadrahas — заколы для ловли атунцевъ.

[6]) Высшая ступень, конецъ.

[7]) Seguidillas — испанскія пѣсни и испанскіе танцы на тотъ же мотивъ.

этомъ вотъ мѣстѣ поютъ, тамъ богохульствуютъ, здѣсь ссорятся, подальше играютъ и со всѣхъ сторонъ воруютъ. Въ заколахъ этихъ торжествуетъ свобода и сіяетъ трудъ; много знатныхъ отцовъ является тамъ, или же они посылаютъ туда искать своихъ сыновей и находятъ ихъ. А сыновья такъ огорчаются, когда ихъ отрываютъ отъ этого образа жизни, точно ихъ ведутъ на закланіе.

Но вся та сладость, которую я здѣсь изобразилъ, имѣетъ горькій, отравляющій ее привкусъ, именно тамъ нельзя ночью спать спокойно, не опасаясь того, что въ одно мгновеніе можно очутиться вмѣсто Сахары въ Берберіи. Изъ-за такихъ опасеній рыбаки по ночамъ скрываются въ нѣкоторыхъ морскихъ башняхъ и выставляютъ свои передовые посты и своихъ часовыхъ. Полагаясь на чуткость этихъ глазъ, рыбаки позволяютъ сну закрывать ихъ глаза. Однако, несмотря на это все-таки случалось, что часовые и аванпосты „пикаро", а также хозяева барокъ и сѣтей, со всей нестройной толпой лицъ, пребывающихъ въ тѣхъ мѣстахъ, ложились вечеромъ спать въ Испаніи, а утромъ просыпались въ Тетуанѣ. Но и этотъ страхъ не помѣшалъ нашему Карріасо отправляться туда подъ рядъ три лѣта, чтобы тамъ пріятно провести время. Въ послѣднее лѣто судьба такъ ему благопріятствовала, что онъ выигралъ въ карты около семисотъ реаловъ [1]). На эти деньги онъ рѣшилъ пріодѣться и вернуться въ Бургосъ къ своей матери, пролившей изъ-за него много слезъ.

Карріасо простился со своими друзьями, а ихъ было у него много — и все очень хорошіе. Онъ обѣщалъ имъ вернуться на слѣдующее лѣто, если только болѣзнь или смерть не помѣшаютъ ему. Половину своей души онъ оставилъ среди нихъ, и всѣ свои желанія ввѣрилъ этимъ сухимъ, песчанымъ равнинамъ, которыя казались ему болѣе свѣжими и яркими, чѣмъ Елисейскія поля. Затѣмъ, привыкшій путешествовать пѣшкомъ, онъ, какъ говорятъ, „взялъ дорогу въ руки" и въ обуви изъ веревочныхъ сандалій [2]) дошелъ изъ Сахары до Вальядолидъ, распѣвая пѣсенку: „Tres anades, madre" [3]). Карріасо остался въ Вальядолидѣ двѣ недѣли, чтобы его цвѣтъ лица немного улучшился, и онъ изъ мулата превратился бы въ фламандца. А также, чтобы съ ногъ до головы одѣться въ новыя одежды и, сбросивъ съ себя рабочее платье пикаро, явиться домой въ нарядѣ кабальеро. Все это Карріасо сдѣлалъ основательно, насколько это ему позволили тѣ пятьсотъ реаловъ, съ которыми онъ прибылъ въ Вальядолидъ. Изъ этой суммы онъ сберегъ еще сто реаловъ, чтобы взять на нихъ наем-

---

[1]) Реалъ — мелкая монета — 25 сантимовъ.
[2]) Alpargates — обувь крестьянъ.
[3]) „Три утенка, мама".

наго мула и погонщика, съ которыми онъ и явился къ своимъ родителямъ, довольный и съ почетомъ. Они же приняли его съ великой радостью, и всѣ ихъ друзья и родственники пришли поздравлять ихъ съ счастливымъ возвращеніемъ сына, сеньора дона Діего де Карріасо. Надо замѣтить, что во время своего пилигримства донъ Діего фамилію Карріасо перемѣнилъ на Урдіалесъ, и этимъ именемъ назывался для тѣхъ, которымъ настоящая его фамилія была неизвѣстна.

Въ числѣ поспѣшившихъ повидаться съ вернувшимся къ родителямъ сыномъ были и донъ Хуанъ де Авенданьо и его сынъ Томасъ. Съ послѣднимъ Карріасо — такъ какъ оба они были одного возраста и къ тому же сосѣди — заключилъ и поддерживалъ самую тѣсную дружбу. Карріасо разсказалъ родителямъ и всѣмъ, кто присутствовалъ, тысячи длиннѣйшихъ и самыхъ пышныхъ выдумокъ о томъ, что съ нимъ приключилось во время трехлѣтняго его отсутствія. Но онъ тщательно воздерживался даже намекнуть на законы для ловли атунцевъ, хотя воображеніе его постоянно было занято именно ими, въ особенности же при приближеніи времени, когда онъ обѣщалъ своимъ друзьямъ вернуться къ нимъ. Его не развлекали ни охота, которою отецъ думалъ его занять, не доставляли ему ни малѣйшаго удовольствія и многочисленные, веселые и вкусные званые обѣды, обычные въ Бургосѣ. Наоборотъ, развлеченія утомляли его, и наиболѣе изысканнымъ изъ нихъ онъ мысленно противопоставлялъ тѣ, которыми наслаждался въ Сахарѣ.

Другъ его Авенданьо, видя, что Карріасо задумчивъ и часто грустенъ, отважился, — полагаясь на его дружбу — спросить у него о причинѣ его тоски. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ, — если окажется возможнымъ и нужнымъ — помочь ему цѣною хотя бы собственной жизни. Чтобы не нанести обиды великой дружбѣ, выказанной ему Авенданьо, Карріасо ничего не скрылъ отъ него и разсказалъ точка въ точку о всей своей жизни въ Сахарѣ въ заколахъ для ловли тунцовъ и добавилъ, что грусть и задумчивость его происходятъ отъ желанія вернуться въ тѣ мѣста. Карріасо такъ нарисовалъ Авенданьо жизнь тамъ, что его другъ, выслушавъ его, скорѣе похвалилъ его склонности, чѣмъ осудилъ. Конецъ разговора былъ тотъ, что Карріасо сумѣлъ повліять на волю Авенданьо, и тотъ тоже рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ наслаждаться въ теченіе лѣта счастливѣйшей жизнью, которую другъ ему описалъ. Карріасо былъ этимъ въ высокой степени доволенъ, потому что ему казалось, будто онъ пріобрѣлъ свидѣтеля для защиты и оправданія своихъ низменныхъ наклонностей. Въ то же время друзья сговорились собрать денегъ, сколько окажется возможнымъ. Лучшимъ способомъ для этого имъ показался тотъ, чтобы Авенданьо просился мѣсяца черезъ два

ѣхать въ Саламанку, гдѣ онъ уже раньше по собственному желанію изучалъ греческій и латинскій языки. И отецъ его желалъ, чтобы онъ продолжалъ свое ученіе и избралъ факультетъ по собственному вкусу. Денегъ же, которыя будутъ ему даны, хватитъ съ избыткомъ для осуществленія ихъ желаній.

Одновременно и Карріасо заявилъ своему отцу, что и онъ желалъ бы отправиться съ Авенданьо слушать курсъ въ Саламанку. Отецъ на это очень охотно согласился. Поговоривъ объ этомъ, отцы рѣшили устроить молодыхъ людей вмѣстѣ въ Саламанкѣ, со всѣми удобствами, приличествующими положенію ихъ сыновей.

Наступило время отъѣзда. Юношей снабдили деньгами и отправили съ ними гувернера, человѣка скорѣе добраго, чѣмъ умнаго. Отцы преподали своимъ сыновьямъ совѣты, какъ имъ поступать, какъ вести себя въ университетѣ, успѣвая въ наукахъ и преуспѣвая въ добродѣтели, то есть, чтобы заручиться тѣми плодами, которые всякій студентъ, особенно изъ хорошей семьи, долженъ желать извлечь изъ своихъ трудовъ и ночного бодрствованія. Оба сына выказали себя кроткими и послушными; матери ихъ плакали. И, напутствуемые всеобщимъ благословеніемъ, путешественники отправились въ дорогу на собственныхъ мулахъ. Ихъ сопровождали двое слугъ и сверхъ того гувернеръ, который, чтобы придать больше авторитета своей должности, отростилъ себѣ бороду.

Пріѣхавъ въ Вальядолидъ, молодые люди выразили гувернеру желаніе остаться въ городѣ дня два, чтобы хорошенько осмотрѣть его, потому что никогда не были въ Вальядолидѣ и не видѣли его. Но гувернеръ отнесся съ строгимъ и суровымъ порицаніемъ къ просимой остановкѣ и сказалъ, что юноши, которые такъ спѣшно ѣдутъ учиться, какъ они, не должны для пустяковъ останавливаться и часу, а тѣмъ болѣе на два дня, и ему было бы совѣстно позволить имъ потратить на это хоть минуту. Пусть же они немедленно ѣдутъ дальше, если же нѣтъ, они будутъ имѣть дѣло съ нимъ.

Вотъ до чего доходила смышленность гувернера или мажордома, какъ мы охотнѣе назвали бы его. Юноши, которые уже какъ бы собрали свою жатву и кончили уборку винограда, потому что успѣли стибрить четыреста золотыхъ, находившихся у ихъ мажордома, — стали просить, пусть онъ позволилъ бы имъ остаться въ Вальядолидѣ только одинъ этотъ день, чтобы имъ можно было съѣздить осмотрѣть родникъ Аргалесъ, изъ котораго черезъ обширные и большіе водопроводы начинали проводить воду въ городъ. И гувернеръ далъ просимое разрѣшеніе, хотя и съ болью въ душѣ, такъ какъ онъ желалъ избѣжать потери времени и провести ту ночь въ Вальдеастильясѣ, чтобы на два дня раздѣлить восемнадцать миль, ведущія изъ Вальдеа-

стильяса въ Саламанку, а изъ Вальядолида предстояло проѣхать двадцать двѣ мили. Но такъ какъ „одно думаетъ вороной, другое тотъ, кто сѣдлаетъ его“ [1]), все и случилось обратно тому, что желалъ гувернеръ.

Молодые люди, сопровождаемые однимъ лишь слугой, верхами на двухъ хорошихъ собственныхъ мулахъ поѣхали осматривать источникъ Аргалесъ, знаменитый и своей древностью, и своей водой, вопреки и „Caño Dorado“ и почтенной „Priora“, и не желая оскорблять ни водъ „Леганитосъ“, ни превосходнѣйшаго источника „Castellana“ передъ соперничествомъ которыхъ должны замолчать и „la Corpa“ и „La Pizarra della Mancha“ [2]).

Авенданьо и Карріасо прибыли въ Аргалесъ, и въ то время какъ слуга подумалъ, что Авенданьо вынимаетъ изъ сѣдельной сумки стаканчикъ, онъ увидѣлъ что юноша вынулъ запечатанное письмо. Отдавая ему это письмо, Авенданьо приказалъ тотчасъ же вернуться въ городъ и передать письмо гувернеру, а затѣмъ ждать ихъ у воротъ „дель Кампо“. Слуга повиновался, взялъ письмо и вернулся въ городъ. А молодые люди повернули въ обратную сторону своихъ муловъ и эту ночь спали въ Мохадосѣ, а оттуда черезъ два дня прибыли въ Мадридъ. Здѣсь они черезъ четыре дня продали своихъ муловъ на рынкѣ, гдѣ и нашелся покупатель, давшій имъ шесть скуди и выплатившій имъ всѣ деньги даже золотомъ. Они одѣлись крестьянами, въ „капотилло“ [3]) и „сарагуельесъ“ [4]), а чулки надѣли изъ сѣраго сукна. Нашелся продавецъ готоваго платья, который купилъ у нихъ утромъ ихъ одежды; а къ вечеру въ одеждѣ крестьянъ до того измѣнилась ихъ внѣшность, что родная мать не узнала бы каждаго изъ нихъ. Итакъ, одѣтые по указанію и вкусу Авенданьо, юноши пустились въ путь по направленію въ Толедо „ad pedem litterae“ и безъ шпагъ, которыя торговецъ готовымъ платьемъ также купилъ у нихъ, хотя это и не входило въ кругъ его дѣлъ.

Оставимъ ихъ теперь идти, такъ какъ шагали они веселые и довольные, а сами вернемся назадъ и разскажемъ, какъ поступилъ гувернеръ, когда онъ распечаталъ доставленное ему слугой письмо и

---

[1]) Испанская поговорка.

[2]) Caño Dorado (золоченая труба) былъ другой водопроводъ въ Вальядолидѣ, „Priora“, „Leganitos“ и „Castellana“ — фонтаны въ Мадридѣ. Первые два уже не существуютъ, а „Кастеллана“ находится внѣ городскихъ стѣнъ, близъ воротъ Св. Варвары.

[3]) Capotillo de los faldas — нѣчто въ родѣ короткой накидки, открытой съ боковъ.

[4]) Zaragüellas — широкія панталоны, на половину греческаго, на половину полумавританскаго фасона, которыя носятъ валенсійскіе крестьяне.

прочелъ въ немъ слѣдующее: „Не будете ли добры, ваша милость, сеньоръ Педро Алонсо, заручиться терпѣніемъ и вернуться въ Бургосъ, гдѣ вы сообщите нашимъ родителямъ, что мы, ихъ сыновья, послѣ зрѣлаго размышленія, сообразивъ насколько оружіе болѣе, чѣмъ словесность, приличествуетъ кабальеросамъ, рѣшили промѣнять Саламанку на Брюссель и Испанію на Фландрію. Четыреста скуди мы увозимъ съ собой; муловъ думаемъ продать. Наше благородное намѣреніе и продолжительность предстоящаго путешествія достаточно извиняютъ нашъ проступокъ, хотя никто не сочтетъ этого проступкомъ, кромѣ только труса. Отъѣздъ нашъ имѣетъ быть немедленнымъ, а вернемся мы когда Богу будетъ угодно. Да хранитъ Онъ вашу милость, какъ можетъ, и какъ мы, ваши смиренные ученики, того желаемъ. Писано у фонтана де Арголесъ, уже съ одной ногой въ стремени, готовясь къ отъѣзду во Фландрію. — Карріасо и Авенданьо“. Прочитавъ письмо, Педро Алонсо былъ внѣ себя отъ изумленія. Онъ тотчасъ же бросился къ своему чемоданчику и нашелъ его пустымъ, что и подтверждало ему справедливость письма. Не теряя ни минуты, усѣлся онъ на мула, оставшагося у него, и поѣхалъ въ Бургосъ, чтобы сообщить какъ можно скорѣе эти свѣдѣнія своимъ хозяевамъ, въ надеждѣ, что они могутъ помочь дѣлу и найти способъ, какъ догнать своихъ сыновей. Но обо всемъ этомъ не говоритъ ни слова авторъ нашей повѣсти, такъ какъ лишь только онъ посадилъ верхомъ на мула Педро Алонсо, тотчасъ же возвращается къ Авенданьо и Карріасо. Застаетъ онъ ихъ у воротъ Иллескасъ и разсказываетъ, что, войдя въ ворота города, юноши встрѣтили здѣсь двухъ погонщиковъ муловъ, повидимому, андалузцевъ. На нихъ были надѣты широкія полотняныя панталоны, а также нѣчто въ родѣ куртки, подбитой дерюгой, съ воротниками изъ буйволовой кожи. Были у нихъ и кинжалы съ крюкомъ для привѣски къ поясу, и шпаги безъ портупеи. Повидимому, одинъ изъ погонщиковъ прибылъ изъ Севильи, а другой ѣхалъ туда. Послѣдній говорилъ первому: „Если бъ мои господа уже не опередили меня, я задержался бы нѣсколько дольше съ тобой, чтобы поразспросить о тысячѣ вещей, которыя желалъ бы знать; ты сильно изумилъ, сообщивъ, что графъ повѣсилъ Алонсо, Хинесъ и Рибейро, не давъ имъ даже разрѣшенія перенести дѣло на апелляцію“.

— О, я грѣшникъ! — отвѣтилъ севильянецъ, — графъ такъ повелъ дѣло, что бѣдняжки подпали подъ его судебную юрисдикцію; они были солдаты, и графъ хитро овладѣлъ ими, такъ что „Аудіенція“ [1]) не могла уже отнять ихъ у него. Знайте, другъ, что у этого

[1]) Судебная палата.

графа де Пуньонростро[1]) въ тѣлѣ Вельзевулъ; онъ тамъ пальцы своего кулака просовываетъ въ самую душу. Вся Севилья на десять миль въ окружности очищена отъ бахваловъ, ни одинъ воръ не показывается въ окрестностяхъ города. Всѣ боятся графа, какъ огня, хотя уже носятся слухи, будто онъ скоро покинетъ свою должность „Ассистента" [2]), потому что по своему характеру онъ не въ состоянiи на каждомъ шагу затѣвать ссору съ сеньорами Судебной Палаты.

— Да здравствуютъ эти сеньоры тысячи лѣтъ! — воскликнулъ погонщикъ, ѣхавшій въ Севилью, — потому что они отцы нуждающихся и опора несчастныхъ. Сколькимъ бѣдняжкамъ приходится жевать землю единственно благодаря гнѣву коррегидора, этого самодержавнаго судьи, или плохо освѣдомленнаго, или черезчуръ пылкаго. Много глазъ видятъ лучше, чѣмъ два глаза; ядъ по справедливости не такъ скоро впитывается во многія души, какъ въ одну душу.

— Ты сталъ проповѣдникомъ, — отвѣтилъ погонщикъ изъ Севильи, — и судя по тому, какъ ты началъ служить молебенъ, ты не такъ скоро кончишь его, а я не могу тебя ждать. Но сегодня не отправляйся ночевать на обычный постоялый дворъ, а ночуй въ „Севильяно", потому что тамъ ты увидишь самую красивую судомойку, какую только можно вообразить себѣ. Маринилья изъ гостиницы Техада — просто отвращеніе по сравненію съ той. Не скажу тебѣ ничего больше, лишь только то, что прошла молва, будто сынъ коррехидора сходитъ съ ума по ней. Одинъ изъ моихъ хозяевъ, которые уѣхали впередъ, клянется, что на возвратномъ пути онъ вернется въ Андалузію и пробудетъ два мѣсяца въ Толедо и въ одной и той же гостиницѣ „Себастьяно", чтобы насытить свои глаза лицезрѣніемъ этой судомойки. Я оставилъ ей на память щипокъ, а въ обмѣнъ уношу съ собой знатный тумакъ по головѣ. Эта судомойка тверда, какъ мраморъ, дика, какъ крестьянка изъ Саяго, жжетъ, какъ крапива; но лицо у нея словно Пасха, и видъ точно Новый годъ. На одной ея щекѣ солнце, на другой — луна; на одной щекѣ цвѣтутъ розы, на другой гвоздики и на обѣихъ также лиліи и жасмины. Не скажу тебѣ ничего больше, только одно: повидай ее, и убѣдишься, что я ничего не сказалъ по сравненію съ тѣмъ, что могъ бы сказать относительно ея красоты. Два сѣрыхъ мула, которые, какъ ты знаешь, принадлежатъ мнѣ, я бы охотно отдалъ ей въ приданое, если бъ она пошла за меня замужъ. Но я знаю, что ее не отдадутъ за меня, такъ какъ это кладъ для протопопа, каноника или для графа. Еще разъ повторяю тебѣ, чтобы ты пошелъ взглянуть на нее, и прощай, — я уѣзжаю.

---

[1]) Puñonrostro состоитъ изъ словъ puñon — кулакъ, rostro — лицо.
[2]) Такъ назывался въ Севильи коррехидоръ.

Съ этими словами распростились два погонщика муловъ, а два друга, слышавшіе ихъ разговоръ, оцѣпенѣли отъ изумленія. Особенно Авенданьо, въ которомъ простой разсказъ погонщика о красотѣ судомойки пробудилъ сильное желаніе увидѣть ее. И Карріасо тоже раздѣлялъ это стремленіе; но не до такой степени, чтобы, ради этого, не торопиться прибыть поскорѣй въ свои заколы для ловли атунцевъ. Онъ не задержался бы и для осмотра египетскихъ пирамидъ или кого-нибудь изъ семи чудесъ свѣта, или всѣхъ ихъ взятыхъ вмѣстѣ.

Повторяя слова погонщиковъ, подражая имъ и передразнивая ихъ жесты и манеру говорить, молодые люди развлекались по дорогѣ въ Толедо. Тутъ, подъ руководствомъ Карріасо, который уже бывалъ въ этомъ городѣ, они спустились къ Sanqre de Christo и очутились у самой гостиницы „Sevillano"; но не рѣшились войти туда спросить комнату, такъ какъ ихъ одежда этого не позволяла. Ночь надвигалась уже, и хотя Карріасо и докучалъ Авенданьо, предлагая пойти отыскать ночлегъ въ другомъ постояломъ дворѣ, но онъ не могъ увести его отъ дверей „Севильяно", потому что Авенданьо не переставалъ надѣяться, не появится ли вдругъ столь прославленная судомойка. Ночь спустилась, а судомойки все не было видно; Карріасо былъ въ отчаяніи, а Авенданіо оставался спокойнымъ. Наконецъ, чтобы добиться своей цѣли, подъ предлогомъ разузнать, не прибыли ли сюда нѣкоторые кабальеросы изъ Бургаса, ѣхавшіе въ Севильяно, Авенданьо проникъ во дворъ постоялаго двора. Едва онъ пробрался туда, какъ увидѣлъ, что изъ дома появилась дѣвушка приблизительно лѣтъ пятнадцати, одѣтая крестьянкой, державшая зажженную свѣчу въ рукахъ. Авенданьо не взглянулъ на одежду дѣвушки, а только на ея лицо, которое показалось ему лицомъ ангела, какъ ихъ принято рисовать. Онъ былъ изумленъ и ошеломленъ ея красотой и не сумѣлъ ничего спросить ее: до того велико было его изумленіе и восхищеніе. Дѣвушка, увидѣвъ передъ собой молодого крестьянина, сказала ему:

— Что вы ищете, братецъ? Быть можетъ, вы слуга кого-либо изъ пріѣзжихъ, остановившихся [у] насъ?

— Я ничей слуга, только вашъ, — отвѣтилъ Авенданьо, полный смущенія и страшно оробѣвшій.

Дѣвушка, услышавъ такой отвѣтъ, сказала ему:

— Ступайте себѣ, братецъ, въ добрый часъ; мы, которые сами служимъ, не нуждаемся въ слугахъ.

И позвавъ хозяина, она ему сказала:

— Узнайте, сеньоръ, что нужно этому парню.

Хозяинъ гостиницы вышелъ и спросилъ Авенданьо, кого онъ ищетъ. Онъ отвѣтилъ, что ищетъ кабальеровъ изъ Бургоса, держав-

шихъ путь въ Толедо. Одинъ изъ нихъ — его сеньоръ, пославшій его впередъ изъ Алкала де Энаресъ, гдѣ у сеньора очень важное дѣло. Одновременно онъ послалъ его въ Толедо и велѣлъ тамъ ждать въ гостиницѣ „Севильяно", гдѣ онъ думаетъ остановиться. „Полагаю, что сеньоръ пріѣдетъ сегодня ночью, или самое позднее — завтра".

Авенданьо сумѣлъ такъ хорошо скрасить свою выдумку, что хозяинъ гостиницы счелъ ее за правду и сказалъ ему:

— Оставайтесь, другъ мой, у меня въ гостиницѣ: здѣсь вы можете ждать вашего сеньора, пока онъ пріѣдетъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сеньоръ хозяинъ, — отвѣтилъ Авенданьо. — Не прикажете ли, ваша милость, отвести комнату мнѣ и моему товарищу, который пріѣхалъ со мною и стоитъ тамъ на улицѣ? У насъ есть настолько денегъ, что мы можемъ заплатить за комнату не хуже другихъ.

— Охотно велю вамъ дать комнату, — отвѣтилъ хозяинъ. И обращаясь къ дѣвушкѣ, добавилъ:

— Констасика, скажи Аргуэльо, чтобы она отвела этимъ двумъ молодцамъ угловую комнату и постлала на кровати чистыя простыни.

— Будетъ исполнено, сеньоръ, — отвѣтила Костанса, — такъ звали дѣвушку.

И поклонившись хозяину, она ушла. Ея отсутствіе показалось Авенданьо тѣмъ же, что для путешественника закатъ солнца и наступленіе мрачной и темной ночи. Но все же онъ отправился дать отчетъ Карріасо, что онъ видѣлъ и о чемъ велъ переговоры. Карріасо по тысячѣ признаковъ, понялъ, что другъ его вернулся зараженный любовной чумой. Но онъ не захотѣлъ говорить съ нимъ объ этомъ, пока не увидитъ собственными глазами, дѣйствительно ли заслуживаетъ такихъ отзывовъ предметъ его необычайныхъ восхваленій и величайшихъ преувеличеній, которыми Авенданьо превозносилъ красоту Констансы до небесъ. Оба друга вошли, наконецъ, въ гостиницу, и Аргуэльо — женщина лѣтъ сорока пяти, главная завѣдывающая меблировкой комнатъ и всѣми постелями, повела ихъ въ помѣщеніе, предназначенное не для кабальеросовъ, а для услугъ и для пріѣзжихъ, которые могли, между этимъ двумя крайностями, составить середину. Они попросили ужинать; но Аргуэла отвѣтила имъ, что въ этой гостиницѣ не даютъ никому ѣсть, хоть варятъ и приготовляютъ то, что пріѣзжіе сами купятъ и принесутъ. Но вблизи имѣются корчмы и трактиры, куда безъ зазрѣнія совѣсти можно идти ужинать и спрашивать все, чего захочешь. Два друга послѣдовали совѣту Аргуэльо и отправились въ корчму, гдѣ Карріасо поужиналъ тѣмъ, что ему дали, а Авенданьо тѣмъ, что принесъ съ собой, то есть грезами и мечтами.

Карріасо очень удивился, что Авенданьо такъ мало, или, вѣрнѣе, ничего не ѣлъ. Чтобы вполнѣ проникнуть въ мысли и намѣренія своего друга, онъ, вернувшись въ гостинницу, сказалъ ему:

— Намъ слѣдуетъ завтра встать поранѣе, чтобы до жары мы могли добраться въ Оргасъ.

— Я съ этимъ не согласенъ, — отвѣтилъ Авенданьо, — потому что, до отъѣзда изъ этого города, желаю видѣть все, что въ немъ есть замѣчательнаго; какъ, напримѣръ, храмы, машины Хуанело [1]), возвышенности Св. Августины, садъ короля и Бегу [2]).

— Въ добрый часъ, — отвѣтилъ Карріасо, — все это можно осмотрѣть въ два дня.

— По правдѣ говоря, — возразилъ Авенданьо, — я не вижу причины спѣшить. Мы не ѣдемъ въ Римъ добиваться какой-нибудь вакансіи.

— Та, та, та, — объявилъ Карріасо, — пусть меня убьютъ, другъ мой, если вы не желаете оставаться лучше въ Толедо, чѣмъ продолжать начатое нами путешествіе.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Авенданьо, — мнѣ такъ же невозможно удалиться изъ города, гдѣ бы я могъ созерцать лицо этой дѣвушки, какъ невозможно попасть въ рай безъ добрыхъ дѣлъ.

— Великолѣпное сравненіе и рѣшеніе, достойное столь великодушнаго сердца, какъ ваше. Прекрасно подходитъ донъ Томасу де Авенданьо, сыну дона Хуана де Авенданьо, одного изъ самыхъ знатныхъ кабальеросовъ, благороднаго, богатаго до избытка юношѣ, доставляющаго всѣмъ радость, настолько умнаго, что имъ восхищаются, а онъ до безумія влюбленъ въ судомойку, которая служитъ на постояломъ дворѣ „Севильяно“.

— Совершенно то же и я могъ бы сказать, — возразилъ Авенданьо, — когда я подумаю, что донъ Діего де Карріасо, сынъ знатнаго дворянина, кабальероса ордена Алкантара, который оставитъ маіоратъ сыну, одинаково прекрасный тѣломъ и умомъ, — со всѣми этими благородными данными влюбленъ... и въ кого, какъ вы думаете? Въ королеву Хинебру? Вовсе нѣтъ, а въ ловлю атунцевъ въ Сахарѣ, которая, какъ мнѣ сдается, болѣе уродлива, чѣмъ одно изъ страшилищъ, искушавшихъ Св. Антоніо.

—Мы съ вами расквитались, другъ, — сказалъ Карріасо. — Остріемъ той шпаги, которымъ я тебя ранилъ, ты меня убилъ. Пусть на этомъ

---

[1]) Эти машины не существуютъ больше. Они поднимали рѣчную воду до Алкасара, построеннаго на вершинѣ высокой горы. Названіе это было имъ дано оттого, что построилъ ихъ итальянскій инженеръ, нѣкто Джанелло.

[2]) Плодородная долина.

и остановится нашъ споръ: пойдемъ спать; Богъ пошлетъ утро, и мы имъ воспользуемся.

— Слушай, Карріасо! До сихъ поръ ты не видѣлъ еще Констанціи. Когда ты увидишь ее, позволяю тебѣ обрушиться на меня всякой бранью и всѣми упреками, какіе будутъ тебѣ угодны.

— Я знаю, чѣмъ все это кончится, — заявилъ Карріасо.

— Чѣмъ? — переспросилъ Авенданьо.

— Тѣмъ, что я отправлюсь въ свое рыболовство атунцевъ, а ты останешься со своей судомойкой.

— Я не буду такъ счастливъ, — сказалъ Авенданьо.

— Ни я такъ глупъ, — отвѣтилъ Карріасо, — чтобы, слѣдуя твоему дурному вкусу, отказаться отъ моего хорошаго намѣренія.

Въ такихъ разговорахъ они дошли до своей гостиницы и провели еще половину ночи въ подобныхъ объясненіяхъ. Проспали они затѣмъ, какъ имъ казалось, лишь немногимъ больше часу, какъ вдругъ ихъ разбудили звуки многихъ „Mirimias“ [1]), раздававшихся на улицѣ. Друзья сѣли на своихъ кроватяхъ, стали прислушиваться, и Карріасо сказалъ:

— Готовъ биться о закладъ, что уже насталъ день, и должно быть происходитъ торжество въ монастырѣ „Nuestra Señora del Carmen“, который тутъ вблизи. Вотъ почему играютъ на этихъ гобояхъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Авенданьо, — мы вовсе не такъ много спали, чтобы могъ уже настать день.

Въ это время они услыхали, что зовутъ у дверей ихъ комнаты. А когда они спросили, кто зоветъ ихъ, имъ отвѣтили: „Молодые люди, если желаете слышать хорошую музыку, встаньте и подойдите къ окну, выходящему на улицу. Для этого отправляйтесь въ сосѣдній залъ, тамъ никого нѣтъ“.

Оба друга встали и, когда открыли дверь, не увидѣли никого и не знали, кто имъ далъ этотъ совѣтъ. Но они услышали звуки арфы и повѣрили, что будетъ музыка. Въ рубашкахъ, какъ они были, вошли они въ залъ, гдѣ уже стояли у рѣшетчатаго окна трое или четверо проѣзжихъ. И они тоже нашли себѣ мѣсто и вскорѣ, при звукахъ арфы и гитары, услышали изумительный голосъ, пѣвшій сонетъ, который крѣпко остался въ памяти Авенданьо:

Созданье дивное, приводишь въ изумленье
Ты прелестью своей небесной красоты;

---

[1]) Древніе арабскіе музыкальные инструменты, нѣчто въ родѣ длинныхъ гобоевъ, съ двѣнадцатью отверстіями; звукъ этихъ гобоевъ былъ очень низкій и звонкій.

Такой достигла въ ней отмѣнной высоты,
Что ею превзошла природы ты велѣнья.
Смѣешься ль, говоришь, несется ль пѣснопѣнье
Изъ кроткихъ устъ твоихъ — лучемъ ли теплоты,
Суровостью ль горишь — всѣмъ, всѣмъ плѣняешь ты,
Чаруешь душу намъ и мысли, и стремленья.
А чтобъ еще сильнѣй могла гремѣть и жить
Молва о чистотѣ твоей столь неизмѣнной,
О свѣтлой красотѣ, высокой, вдохновенной, —
Ты брось служить и знай: тебѣ должны служить
Всѣ тѣ, въ рукахъ чьихъ властно скипетры сверкаютъ,
Всѣ тѣ, чьи головы короны украшаютъ.

Не нужно было говорить друзьямъ, что эта музыка предназначалась Констансіи. Имъ это ясно открывалъ сонетъ, который въ ушахъ Авенданьо прозвучалъ такъ, что онъ охотнѣе согласился бы вовсе не слышать его и родиться лучше глухимъ и остаться глухимъ весь остатокъ своей жизни, потому что съ этой минуты сама жизнь такъ опротивѣла ему, какъ человѣку, чье сердце пронзено жестокимъ копьемъ ревности. При этомъ худшее было то, что онъ не зналъ, къ кому можетъ, или долженъ онъ ревновать Констансію. Но скоро его извлекъ изъ этого сомнѣнія одинъ изъ стоявшихъ у окна, сказавшій:

— Какой простодушный этотъ сынъ коррегидора, задающій серенады судомойкѣ! Правда, что это одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ я когда-либо видѣлъ. Но развѣ это причина ухаживать за нею такъ публично.

Къ этимъ словамъ и другой пріѣзжій, стоявшій у окна, добавилъ:

— По правдѣ говоря, я слышалъ изъ самаго вѣрнаго источника, что она такъ мало обращаетъ на него вниманія, будто онъ никто. Готовъ биться о закладъ, что и теперь она спитъ сномъ праведника рядомъ со своей хозяйкой, гдѣ стоитъ ея постель, и нимало не интересуется ни музыкой, ни пѣснями.

— Совершенно вѣрно, — добавилъ первый, — потому что она самая цѣломудренная изъ дѣвушекъ на всемъ свѣтѣ. Удивительно, какъ, живя въ домѣ, гдѣ столько народу и ежедневно являются вновь пріѣзжающіе, она бываетъ во всѣхъ комнатахъ, а о ней, однако, неизвѣстно хотя бы самой малѣйшей неприличной выходки.

Эти слова вернули Авенданьо охоту къ жизни. Онъ воспрянулъ и подбодрился и могъ слушать много другихъ романсовъ, которые музыканты пѣли подъ звуки разныхъ инструментовъ, всѣ обращенные къ Констансіи. А она, какъ сообщилъ хозяинъ гостиницы, спала себѣ безъ малѣйшей заботы. Когда день наступилъ, музыканты ушли, прощаясь громкими звуками гобоевъ. Авенданьо и Карріасо вернулись

въ свою комнату, гдѣ тотъ изъ нихъ, кто могъ, и проспалъ до утра. Когда же настало утро, они встали, оба охваченные желаніемъ видѣть Констансу; но желаніе одного было только любопытство, а другого — любовь. Но Констансія удовлетворила желаніе обоихъ: вышла изъ залы, откуда выходъ во дворъ, и обоимъ имъ показалось, что похвалы погонщиковъ были недостаточны и далеко не преувеличены. Одежда дѣвушки состояла изъ юбки и корсажа изъ зеленаго сукна съ обшивкой изъ той же матеріи. Корсажъ имѣлъ большой вырѣзъ, но рубашка поднималась и была сложена у шеи въ складки, украшенныя вышивкой изъ чернаго шелка; небольшое ожерелье изъ чернаго янтаря охватывало, казалось, обломокъ алебастровой колонны, потому что шея ея не была менѣе бѣлой. Кушакомъ ей служилъ шнурокъ св. Франциска и съ правой стороны висѣла у нея большая связка ключей. На ногахъ ея не было туфель, а башмаки съ двойными красными подошвами и штаны, которыхъ не было видно, развѣ только чуточку въ профиль, и тоже красные. Волосы дѣвушки были заплетены въ косы съ бѣлыми сырцовыми лентами, и косы были такія длинныя, что падали съ плечъ ниже таліи. Цвѣтъ ея волосъ былъ каштановый съ золотистымъ отливомъ; но волосы казались до того блестящими и шелковистыми и такъ хорошо причесаны, что не было на свѣтѣ другихъ волосъ, съ которыми ихъ можно было бы сравнить, если бъ даже это были нитки изъ золота. Въ ушахъ у дѣвушки блестѣли серьги изъ двухъ грушевидныхъ стеклянныхъ подвѣсковъ, которые казались жемчугомъ. Собственные ея волосы замѣняли ей и сѣтку и куафюру. Выйдя изъ залы, она перекрестилась и, спокойная и кроткая, подошла къ образу „Nuestra Señora", висѣвшему на одной изъ стѣнъ „patio"[1]. Она низко преклонилась передъ образомъ, затѣмъ, поднявъ глаза, увидѣла нашихъ двухъ друзей, устремившихъ на нее взоры. Едва увидѣвъ ихъ, она тотчасъ вернулась въ залъ и оттуда стала звать Аргуэльо, чтобы та вышла.

Теперь остается намъ сказать, какое впечатлѣніе произвела на Карріасо красота Констансіи; какое впечатлѣніе сдѣлала она на Авенданьо, когда впервые онъ ее увидѣлъ, мы уже говорили. Я скажу только, что Карріасо она такъ же понравилась, какъ и его товарищу. Но онъ влюбился въ нее куда меньше и до того меньше, что пожелалъ не оставаться ночевать въ гостиницѣ, а тотчасъ отправиться въ дорогу къ своимъ рыбнымъ промысламъ на ловлю атунцевъ.

На зовъ Констансіи вышла изъ коридора Аргуэла, съ другими двумя дѣвушками, тоже служанками, о которыхъ говорили, что они родомъ изъ Галисіи. Было необходимо въ „Севильяно" имѣть столь-

[1]) Такъ называется внутренній дворъ въ Испаніи.

кихъ служанокъ, вслѣдствіе множества пріѣзжавшихъ въ гостиницу, которая была одна изъ лучшихъ и наиболѣе посѣщаемой въ Толедо. Появились также и слуги пріѣзжихъ съ просьбой задать корму ихъ животнымъ. Хозяинъ гостиницы пошелъ исполнять ихъ просьбу и сталъ проклинать своихъ дѣвушекъ, изъ-за которыхъ отказался отъ мѣста у него парень, прекрасно выполнявшій свое дѣло, при которомъ, какъ казалось хозяину, ни одно зерно ячменя не пропадало у него даромъ. Авенданьо, услыхавшій эти слова хозяина, сказалъ:

— Не утомляйтесь, сеньоръ хозяинъ. Дайте мнѣ записную книгу. Пока я пробуду здѣсь, я такъ хорошо поведу счетъ соломы и ячменя, которые потребуются, что вы не будете жалѣть о парнѣ, ушедшемъ отъ васъ, какъ вы говорите.

— Поистинѣ очень благодаренъ вамъ, молодой человѣкъ, — отвѣтилъ хозяинъ, — потому что самому мнѣ не справиться, у меня еще очень много дѣлъ и помимо гостиницы. Пойдемте со мной, я вамъ дамъ книгу. Но обратите вниманіе: погонщики муловъ, это дьяволы въ собственной персонѣ и они спокойно стибрятъ у васъ гарнецъ ячменю, нимало не совѣстясь, словно это гарнецъ соломы.

Авенданьо вошелъ въ „patio", получилъ книгу и началъ отмѣрять гарнцы ячменя — какъ воду и вписывать ихъ въ книгу въ такомъ порядкѣ, что хозяинъ, наблюдавшій за нимъ, остался очень доволенъ, до того доволенъ, что сказалъ:

— Далъ бы Богъ, чтобъ вашъ сеньоръ не вернулся и чтобъ у васъ явилась охота остаться у меня. Клянусь, вы бы услышали пѣніе иного пѣтуха; я долженъ вамъ сказать, что парень, который отказался отъ мѣста, поступилъ ко мнѣ восемь мѣсяцевъ тому назадъ, одна кожа да кости и весь рваный. Теперь же онъ унесъ съ собой двѣ пары очень хорошей одежды, а самъ разжирѣлъ словно выдра. Желаю также, чтобы ты, сынъ мой, зналъ, что въ этой гостиницѣ сверхъ жалованія, много иныхъ прибылей.

— Если бъ я остался здѣсь, — заявилъ Авенданьо, — меня не очень бы манила прибыль. Я бы удовлетворился чѣмъ попало, лишь бы остаться въ этомъ городѣ, который, какъ говорятъ, лучшій во всей Испаніи.

— По крайней мѣрѣ,— отвѣтилъ хозяинъ, — городъ этотъ одинъ изъ лучшихъ, изъ самыхъ богатыхъ городовъ Испаніи. Но мнѣ недостаетъ теперь еще и другого: надо бы найти водовоза, который бы отправлялся за водой на рѣку. Ушелъ отъ меня также еще одинъ парень, онъ на отличнѣйшемъ моемъ ослѣ привозилъ столько воды, что наполнялъ водой всѣ мои большіе чаны и ушаты[1]) и дѣлалъ изъ

---

[1]) Tinajas — громадные кувшины, въ которыхъ въ Испаніи хранятъ, смотря по мѣсту, или вино, или прованское масло, или воду.

моего дома озеро. Одна изъ причинъ, почему погонщики муловъ съ удовольствіемъ приводятъ господъ своихъ въ мою гостиницу это — изобиліе воды, которой всегда у меня много. Вотъ почему погонщики не водятъ своихъ животныхъ на рѣку, а тутъ же, дома, поятъ ихъ въ большихъ глиняныхъ корытахъ.

Все это слышалъ Карріасо. Видя, что Авенданьо уже устроился въ домѣ и имѣетъ должность, онъ не пожелалъ остаться не при чемъ, и подъ открытымъ небомъ. Кромѣ того, онъ принялъ во вниманіе, какое величайшее удовольствіе доставитъ Авенданьо, если товарищъ присоединится къ его намѣреніямъ. Поэтому Карріасо сказалъ хозяину:

— Велите привести осла, сеньоръ хозяинъ, я такъ же хорошо сумѣю его подтянуть подпругой и нагрузить чанами съ водой, какъ мой товарищъ умѣетъ записывать въ книгу вашъ товаръ.

— Да, — заявилъ Авенданьо, — мой товарищъ будетъ словно принцъ возить воду, и я ручаюсь за него.

Аргуэльо, слышавшая весь этотъ разговоръ изъ коридора, услыхавъ слова Авенданьо, что онъ ручается за своего товарища, воскликнула:

— Скажите мнѣ, господинъ дворянинъ, а кто же поручится за васъ? По правдѣ говоря, мнѣ кажется, что болѣе необходимо, чтобы поручились за васъ, чѣмъ вы стали бы поручителемъ за вашего товарища.

— Молчи, Аргуэльо, — сказалъ хозяинъ гостиницы, — не вмѣшивайся, куда тебя не спрашиваютъ. Я самъ ручаюсь за нихъ обоихъ. И клянусь жизнью, не смѣть у меня ссориться съ моими слугами, потому что изъ-за васъ они всѣ уходятъ отъ меня.

— Итакъ, — сказала другая служанка, — эти парни остаются служить въ домѣ? По чести, если бъ я шла съ ними по одной дорогѣ, никогда не довѣрила бы я имъ бурдюка съ виномъ.

— Довольно гаэрства, сеньора изъ Галисіи, — прервалъ ее хозяинъ. — Дѣлайте свое дѣло и не ввязывайтесь въ дѣла моихъ слугъ, иначе я васъ отколочу палкой.

— Нечего сказать, — возразила галисійка. — Посмотрите, какая она драгоцѣнность, чтобы возбуждать зависть. Но говоря по правдѣ, сеньоръ хозяинъ, вы же не видѣли меня заигрывающей съ парнями здѣсь или внѣ гостиницы, чтобы составить обо мнѣ то дурное мнѣніе, которое вы составили. Парни мазурики и отходятъ отъ мѣста, когда имъ вздумается, а мы тутъ вовсе не при чемъ. Нечего сказать, это все милѣйшіе люди, которые дѣйствительно нуждаются, чтобы возбуждали ихъ аппетитъ, побуждая ихъ кричать „до свиданія“ своимъ господамъ, когда тѣ меньше всего этого ожидаютъ.

— Много вы разговариваете, сестра галисійка, — возразилъ хозяинъ, — закройте-ка свой ротъ и займитесь своимъ дѣломъ.

Въ это время Карріасо уже навьючилъ осла и, вскочивъ на него, направился къ рѣкѣ. Авенданьо былъ крайне обрадованъ его доблестнымъ рѣшеніемъ.

Такимъ образомъ (въ добрый часъ, будь сказано) Авенданьо сталъ домашнимъ слугой въ гостиницѣ, подъ именемъ Томаса Педро, какъ онъ называлъ себя, а Карріасо водовозомъ подъ именемъ Лопе Астурійца: превращенія, заслуживающія быть приравнены къ метаморфозамъ длинноносаго[1]) поэта. Не успѣла Аргуэльо услышать, что оба парня остались служить въ гостиницѣ, какъ она тотчасъ остановила свой выборъ на Астурійцѣ и считала его уже своимъ, рѣшивъ такъ угождать ему, что даже, если бъ по характеру онъ былъ угрюмъ и не разговорчивъ, то все же сдѣлался бы мягче перчатки. Жеманная галисійка приняла подобное же рѣшеніе относительно Авенданьо. А такъ какъ онѣ, по характеру, разговорамъ и потому, что спали вмѣстѣ въ одной комнатѣ, были большими пріятельницами, то сейчасъ же одна другой сообщили свое любовное рѣшеніе. Съ этой же ночи онѣ опредѣлили приступить къ завоеванію своихъ двухъ безстрастныхъ любовниковъ. Первое условіе, на которомъ обѣ сошлись, было поставить имъ на видъ, чтобы они не выказывали ревности, какъ бы обѣ онѣ ни распоряжались своими особами, потому что служанкамъ не такъ удобно потчевать собой тѣхъ, кто въ домѣ, если онѣ дѣлаются данницами тѣхъ, кто внѣ дома.

— Молчите, братья, — говорили онѣ (точно уже видѣли предъ собой двухъ парней и тѣ уже были настоящими ихъ возлюбленными или любовниками) — молчите, закройте глаза и предоставьте тѣмъ играть въ бубны, кто на нихъ играетъ, и вести хороводъ тому, кто свѣдущъ въ танцахъ. Знайте также, что не найдется канониковъ, за которыми лучше бы ухаживали, чѣмъ будутъ ухаживать за вами ваши данницы. Эти и другіе тому подобные, по сути и содержанію, разговоры вели между собою галисійка и Аргуэльо. А въ это время нашъ добрый Лопе Астуріецъ возвращался съ рѣки, ѣхалъ по берегу дель Карменъ, думая о ловлѣ атуанцевъ и о внезапной перемѣнѣ своего положенія. Вслѣдствіе ли этого, или потому, что таково было велѣніе судьбы, въ узкомъ проходѣ, спускаясь внизъ съ косогора, Лопе встрѣтился съ осломъ водовоза, который подымался, нагруженный, вверхъ. А такъ какъ, наоборотъ, Карріасо спускался и его оселъ былъ рѣзвый, поворотливый и хорошо отдохнулъ, то онъ при встрѣчѣ съ утомленнымъ и исхудалымъ осломъ такъ его ударилъ, что тотъ свалился на землю, причемъ кувшины съ водой разбились, и вся вода

[1]) Овидія, котораго Сервантесъ называетъ, повидимому, такъ изъ за его имени: Ovidius Naso.

разлилась. Увидавъ этотъ несчастный случай, старый водовозъ, раздосадованный и разгнѣванный, набросился на новаго водовоза, сидящаго верхомъ на ослѣ. И прежде, чѣмъ Лопе могъ соскочить съ сѣдла и оправиться, водовозъ нанесъ ему дюжину такихъ мощныхъ ударовъ, что они не очень-то пришлись по вкусу Астурійцу. Наконецъ онъ сошелъ съ осла, но въ такомъ ужасномъ настроеніи, что бросился на своего врага и, схвативъ его обѣими руками за горло, кинулъ его на землю. Тотъ ударился головой о камень и такъ сильно, что раскололъ себѣ голову въ двухъ мѣстахъ. Кровь полилась изъ ранъ настолько обильно, что Астуріецъ подумалъ, не убилъ ли онъ водовоза?

Другіе водовозы, проѣзжавшіе въ томъ мѣстѣ, увидавъ, что ихъ товарищъ раненъ, бросились на Лопе, схватили его и держа стали кричать:

— Правосудіе, правосудіе! — Этотъ водовозъ убилъ человѣка! Одновременно съ этими восклицаніями и криками они его осыпали кулачными и палочными ударами. Новые водовозы прибѣжали къ своему товарищу, который ударился головой о камень, и увидѣли, что голова у него проломана и онъ вотъ вотъ испуститъ духъ. Крики переходили изъ устъ въ уста по всему побережью и на площади дель Карменъ дошли до слуха альгуасиля[1]). И онъ, въ сопровожденіи двухъ сыщиковъ, съ большей быстротой, чѣмъ если бы онъ летѣлъ, очутился на полѣ сраженія въ то время, какъ раненый былъ уже положенъ поперекъ своего осла, а оселъ Лопе отведенъ въ сторону, въ видѣ залога. Самъ же Лопе былъ окруженъ болѣе чѣмъ двадцатью водовозами, не дававшими ему двинуться съ мѣста и обработавшими ему ребра до такой степени, что можно было больше опасаться за его жизнь, чѣмъ за жизнь раненаго: до того эти мстители за чужую обиду осыпали Лопе ударами кулаковъ и палокъ.

Прибылъ альгуасилъ, разогналъ собравшихся, передалъ сыщикамъ Астурійца, и, погоняя передъ собой осла Лопе и осла съ раненымъ, направился къ тюрьмѣ. Его сопровождало такое множество народа и слѣдовавшихъ за нимъ мальчишекъ, что блюститель порядка едва могъ пробить себѣ дорогу сквозь толпу. Привлеченные шумомъ толпы, Томасъ Педро и его хозяинъ вышли къ дверямъ гостиницы посмотрѣть, что это за шумъ. Они увидѣли Лопе между двумя сыщиками, съ лицомъ и ртомъ полнымъ крови. Хозяинъ тотчасъ оглянулся кругомъ, ища, гдѣ его оселъ. И увидѣлъ осла во власти третьяго сыщика, присоединившагося къ первымъ. Хозяинъ спросилъ о причинѣ всѣхъ этихъ арестовъ; ему сообщили всю правду о томъ, что случи-

1) Alguazil — полицейскій въ Испаніи.

лось, и онъ былъ очень огорченъ, больше всего за своего осла, такъ какъ опасался, что ему придется лишиться его, или, по меньшей мѣрѣ больше истратить на то, чтобы вновь овладѣть имъ, чѣмъ оселъ стоилъ.

Томасъ Педро шелъ слѣдомъ за своимъ товарищемъ, но ему не дали подойти къ Лопэ и сказать тому хоть бы слово: столько было мѣшавшаго ему въ этомъ, и такой былъ значительный надзоръ альгуасиля и сыщиковъ, которые вели Лопе. Томасъ разстался съ нимъ только тогда, когда увидѣлъ, что его повели съ кандалами на ногахъ, заключили въ темной и низменной камерѣ. А раненаго отправили въ больницу. Томасъ присутствовалъ при перевязкѣ и увидѣлъ, что рана была крайне опасна, что даже сказалъ хирургъ. Альгуасилъ увелъ къ себѣ домой двухъ ословъ, а также и пять монетъ по восьми реаловъ каждая, отнятыхъ сыщиками у Лопе. Томасъ вернулся въ гостиницу, полный смущенія и печали; тутъ онъ засталъ и своего хозяина не менѣе огорченнаго, чѣмъ онъ самъ. Сообщивъ ему, въ какомъ положеніи его товарищъ, Томасъ разсказалъ также о смертельной опасности раненаго, и гдѣ находится его оселъ. Сообщилъ онъ хозяину сверхъ того еще и о другомъ несчастьи, присоединившемся къ первому, не менѣе непріятномъ: именно, большой пріятель его сеньора встрѣтилъ Томаса на дорогѣ и передалъ ему, что сеньоръ, съ цѣлью ѣхать быстрѣе и выиграть двѣ мили, — изъ Мадрида переправился черезъ перевозъ въ Асеку и эту ночь будетъ ночевать въ Оргасѣ. И сеньоръ передалъ ему для Томаса двѣнадцать скуди съ приказаніемъ ѣхать въ Севилью, гдѣ сеньоръ его ждетъ.

— Но этого не можетъ быть, — добавилъ, Томасъ; — было бы несправедливо, чтобы я бросилъ моего друга и товарища, когда онъ въ тюрьмѣ и въ такой опасности. Мой господинъ проститъ мнѣ это. Тѣмъ болѣе, что онъ такой добрый и честный человѣкъ, и всякій проступокъ по отношенію къ нему сочтетъ ни за что, лишь бы я не сдѣлалъ проступка по отношенію къ моему товарищу. Ваша милость, синьоръ хозяинъ, сдѣлайте мнѣ одолженіе, возьмите вотъ эти деньги и займитесь нашимъ дѣломъ. Когда сумма эта будетъ истрачена, я напишу сеньору моему обо всемъ, что происходитъ, и знаю,— онъ пришлетъ мнѣ достаточно денегъ, чтобы освободить насъ изъ какой угодно опасности.

Хозяинъ открылъ широко глаза на цѣлую пядь и очень обрадовался, что отчасти онъ вознаграждается за потерю осла. Взявъ деньги, онъ сталъ утѣшать Томаса, говоря, что въ Толедо у него есть связи съ служителями правосудія. Въ особенности одна монахиня, родственница коррехидора, въ рукахъ которой этотъ послѣдній — какъ мягкій воскъ. А у монастырской прачки того монастыря, гдѣ

проживаетъ монахиня, есть дочь, которая въ величайшей дружбѣ съ сестрой монаха, очень приближеннаго и хорошо знакомаго съ духовникомъ упомянутой монахини. И вотъ эта прачка моетъ бѣлье на всю гостиницу, и если она попроситъ свою дочь, — а она это несомнѣнно сдѣлаетъ, — поговорить съ сестрой монаха, чтобы та поговорила со своимъ братомъ, а онъ поговорилъ бы съ духовникомъ, духовникъ же съ монахиней, а монахиня благоволитъ дать записку, (что ей не трудно) для коррехидора, записку, въ которой будетъ настоятельно просить его заинтересоваться дѣломъ Лопе, тогда непремѣнно можно будетъ надѣяться на счастливый исходъ этого дѣла. И счастливый исходъ получится навѣрно, если раненый водовозъ не умретъ и не будетъ недостатка въ мази, чтобы смазать всѣхъ служителей правосудія, потому что, если не мазать ихъ, то они будутъ скрипѣть хуже повозокъ, запряженныхъ волами.

Томаса весьма позабавило предложеніе покровительства, сдѣланное ему его хозяиномъ, какъ и безконечный, извилистый путь, который долженъ привести къ цѣли. Хотя Томасъ и понималъ, что хозяинъ предлагалъ все это скорѣе изъ плутовства, чѣмъ невиннымъ образомъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ ему благодаренъ за доброе желаніе помочь; поэтому онъ передалъ ему деньги, обѣщая добыть еще гораздо больше, потому что вполнѣ довѣрялъ своему сеньору, какъ онъ уже говорилъ. Какъ только Аргуэльо увидѣла, что повели на сворѣ ея новаго друга, тотчасъ она побѣжала въ тюрьму, чтобы ему принести поѣсть. Но ее не допустили къ нему, и она вернулась домой очень недовольная и въ самомъ дурномъ настроеніи, но все же не отказалась изъ-за этого отъ своего добраго намѣренія. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, раненый оказался внѣ опасности, и на двадцатый день хирургъ заявилъ, что онъ совершенно выздоровѣлъ. За это время Томасъ устроился такъ, что ему выслали изъ Севильи пятьдесятъ скуди и, вынувъ ихъ изъ своего кармана, онъ передалъ ихъ своему хозяину вмѣстѣ съ подложными письмами и подложнымъ векселемъ своего господина. А такъ какъ хозяина мало интересовала подлинность этой переписки, онъ поскорѣй взялъ деньги и оттого, что это были все золотыя скуди, еще больше обрадовался.

За шесть золотыхъ раненый отказался отъ своей жалобы; и Астуріецъ былъ приговоренъ къ штрафу еще въ десять червонцевъ и къ уплатѣ проторей и убытковъ и конфискаціи осла. Лопе вышелъ изъ тюрьмы, но онъ не захотѣлъ вернуться жить къ своему товарищу, объяснивъ, что въ дни его заключенія въ тюрьмѣ Аргуэльо посѣщала его и объяснилась ему въ любви, — вещь для него настолько непріятная и ненавистная, что онъ скорѣе желалъ бы быть повѣшеннымъ, чѣмъ отвѣчать на чувства этой дурной женщины. Теперь же онъ рѣшилъ,

разъ его другъ не отказывается отъ своего предпріятія, купить осла и продолжать ремесло водовоза, пока они пробудутъ въ Толедо. Подъ этимъ прикрытіемъ никто не заберетъ и не арестуетъ его въ качествѣ бродяги, и съ однимъ толькомъ грузомъ воды можно прогуливаться не стѣсняясь цѣлый день по всему городу, разглядывая дуръ...

— Скорѣй ты увидишь здѣсь красивыхъ женщинъ, а не дуръ. Этотъ городъ славится тѣмъ, что тутъ самыя умныя женщины въ Испаніи, такія, которыя соединяютъ красоту съ умомъ... Если ты не вѣришь, посмотри на Констансику: избыткомъ своей красоты она бы могла обогатить не только всѣхъ красавицъ этого города, но и всего міра...

— Потише, сеньоръ Томасъ, — возразилъ Лопе, — надо вамъ поосторожнѣе воспѣвать хвалу сеньорѣ судомойкѣ, если вы не желаете, чтобы я, подобно тому, какъ считаю васъ безумнымъ, сталъ бы считать и еретикомъ...

— Братъ Лопе, — отозвался Томасъ, — ты назвалъ судомойкой Констансу?.. Да проститъ тебя Богъ и дастъ тебѣ познать твою ошибку...

— А развѣ она не судомойка?.. — спросилъ Астуріецъ.

— До сихъ поръ я еще жду увидѣть, какъ она начнетъ мыть первое блюдо.

— Не важно, — отвѣтилъ Лопэ, — что ты не видѣлъ, какъ она мыла первое блюдо, если ты видѣлъ, что она мыла второе и сто первое блюдо.

— Говорю тебѣ, братъ, — отвѣтилъ Томасъ, — что она не моетъ ничего и не занята другой работой, какъ только шитьемъ и храненіемъ серебра, котораго достаточно въ этомъ домѣ.

— Но какъ же ее во всемъ городѣ, — сказалъ Лопе, — зовутъ свѣтлѣйшей судомойкой, если она не моетъ посуду? Вѣроятно, оттого, что она моетъ и чиститъ серебро, а не фаянсовую посуду, ее и прозвали свѣтлѣйшей судомойкой. Но оставимъ это въ сторонѣ, скажи мнѣ, Томасъ, въ какомъ положеніи твои надежды?

— Въ положеніи отчаянія, — заявилъ Томасъ, — такъ какъ за все время, что ты былъ въ тюрьмѣ, я не могъ сказать съ нею ни одного слова. И что бы ей ни говорили пріѣзжіе, у нея на все одинъ отвѣтъ: не открывая губъ, она опускаетъ глаза. Такъ велики ея сдержанность и скромность, что она не менѣе чаруетъ своей сосредоточенностью и благопристойностью, чѣмъ своей красотой. Единственное, что заставляетъ меня терять терпѣніе, это то, что сынъ коррехидора, — юноша пылкій и достаточно отважный, — умираетъ отъ любви къ ней и ухаживаетъ за ней, устраивая подъ ея окнами музыку и пѣніе. Почти ни одной ночи не проходитъ безъ музыки въ

ея честь и все это настолько открыто, что въ романсахъ называютъ ее по имени, восхваляя и прославляя ее. Но она не слышитъ ничего этого и съ вечера до утра не выходитъ изъ спальни своей хозяйки, — щитъ, который не мѣшаетъ однако тому, чтобы жестокая стрѣла ревности не пронзила мнѣ сердце.

— Но что же ты думаешь дѣлать въ виду невозможности завоеванія этой Порсіи, этой Минервы, этой новой Пенелопы, которая въ образѣ служанки и судомойки тебя воспламеняетъ, внушаетъ тебѣ робость, ошеломляетъ тебя и кружитъ тебѣ голову?

— Смѣйся надо мной сколько угодно, другъ Лопе, но я знаю, что я влюбленъ въ самое прекрасное лицо, которое только могла создать природа, и въ самую несравненную безупречность и цѣломудріе, которыя только можно встрѣтить во всемъ мірѣ. Имя ея Констансія, а не Порсія, не Минерва или Пенелопа, она служитъ въ гостиницѣ — этого я не могу отрицать. Но что мнѣ дѣлать, если мнѣ кажется, что судьба сокровенной силой побуждаетъ, а разсудокъ съ яснымъ распознаваніемъ велитъ мнѣ боготворить ее? Видишь ли, другъ, не знаю, какъ это тебѣ объяснить, — продолжалъ Томасъ, — какимъ образомъ любовь такъ высоко подымаетъ въ моихъ глазахъ низменное положеніе этой судомойки, какъ ты ее называешь, что, даже видя это низменное положеніе, я его не вижу и, понимая, не понимаю. Мнѣ невозможно, какъ бы я ни старался, хотя бы самое краткое мгновеніе, созерцать низменность ея положенія, если можно такъ сказать, потому что тотчасъ же ея красота, изящество, спокойствіе, цѣломудріе и кротость спѣшатъ изгладить эту мысль и даютъ мнѣ понять, что подъ этой грубой корой должна быть спрятана и скрыта какая-то очень цѣнная и имѣющая большое значеніе руда. Наконецъ, что бы то ни было, я люблю не той обыденной любовью, которою я любилъ другихъ, но такой чистой любовью, которая простирается не дальше, какъ только къ стремленію служить ей и добиться того, чтобы она любила меня, платя честнымъ, безупречнымъ чувствомъ за мою столь же честную и безупречную любовь.

Тутъ Астуріецъ громко воскликнулъ и, точно декламируя, сказалъ:

— О, платоническая любовь! О, свѣтлѣйшая судомойка! О, счастливѣйшее наше время, когда мы видимъ, что красота возбуждаетъ любовь безъ дурныхъ намѣреній, цѣломудріе воспламеняетъ, не сжигая, изящество нравится, не искушая, а низменность положенія заставляетъ и принуждаетъ вознести любимую на вершину колеса той, которую называютъ Фортуной. О, бѣдные мои атунцы, — вамъ придется провести этотъ годъ, лишившись посѣщенія того, кто такъ дорожитъ вами, такъ влюбленъ въ васъ! Но въ будущемъ году, я до

такой степени исправлюсь, что заправилы желанныхъ заколовъ атунцевъ не будутъ недовольны мной.

Томасъ отвѣтилъ на это:

— Я вижу, Астуріецъ, какъ ты открыто насмѣхаешься надо мной: ты лучше всего могъ бы въ добрый часъ уѣхать къ своимъ рыбнымъ ловлямъ, а я останусь здѣсь въ домѣ, и ты, по возвращеніи своемъ, меня здѣсь и найдешь. Если ты желаешь увезти съ собой причитающуюся на твою долю часть денегъ, я сейчасъ же отдамъ ее тебѣ. Уходи себѣ съ миромъ, и пусть каждый изъ насъ идетъ по той дорогѣ, куда его ведетъ его судьба.

— Я считалъ тебя болѣе умнымъ, — возразилъ Лопе. — Развѣ ты не видишь, что я шучу? Но зная, что со своей стороны ты говоришь серьезно, я серьезно буду служить тебѣ во всемъ, что можетъ тебѣ нравиться. Объ одной только вещи буду просить тебя взамѣнъ многихъ услугъ, которыя я намѣренъ тебѣ оказать: а именно, не ставь меня въ такое положеніе, чтобы Аргуэльо могла ухаживать за мной и домогаться моего отвѣтнаго чувства. Я готовъ скорѣе утратить твою дружбу, чѣмъ подвергнуть себя опасности пріобрѣсти ея дружбу. Клянусь Богомъ, другъ, она говоритъ больше, чѣмъ даже докладчикъ въ судѣ, и отъ ея дыханія несетъ винными дрождями за цѣлую милю. Всѣ ея верхніе зубы вставлены, и я думаю, что и на головѣ у нея парикъ. А чтобы украсить и возмѣстить всѣ эти недостатки, послѣ того, какъ она открылась мнѣ въ своихъ дурныхъ намѣреніяхъ, она выдумала бѣлиться свинцовыми бѣлилами, и до такой степени мажетъ себѣ ими лицо, что оно похоже на маску изъ чистой извести.

— Все это правда, — согласился Томасъ. Но галисійка, которая мучаетъ меня, все-таки не до такой степени некрасива. Одно остается сдѣлать: только сегодняшнюю ночь ты проведешь здѣсь, въ гостиницѣ. Завтра же купишь себѣ осла, какъ хотѣлъ, и отыщешь другое помѣщеніе. Такимъ образомъ, ты избѣгнешь встрѣчи съ Аргуэльо, я же останусь и готовъ подвергаться встрѣчамъ съ галисійкой и сіянію дивныхъ лучей отъ глазъ моей Костансы.

Сговорившись такимъ образомъ, двое друзей отправились въ гостиницу, гдѣ Аргуэльо привѣтствовала Астурійца выраженіями величайшей любви. Въ эту ночь у воротъ гостиницы былъ устроенъ балъ для нѣсколькихъ погонщиковъ муловъ, жившихъ въ этой гостиницѣ, и для другихъ, жившихъ въ окрестныхъ гостиницахъ. Астуріецъ игралъ на гитарѣ; танцовали, кромѣ двухъ галисіекъ и Аргуэльо, еще три дѣвушки съ другого постоялаго двора. Присоединились къ танцующимъ и многія лица въ плащахъ [1]), болѣе желавшіе видѣть

[1]) Embogados — плащъ, такъ накинутый на плечо, что складками его закрывается все лицо.

Констансу, чѣмъ балъ; — но она не показалась и не вышла взглянуть на танцы, чѣмъ были обмануты всѣ желанія. Лопе игралъ на гитарѣ такъ, что многіе находили, будто онъ заставляетъ ее говорить. Дѣвушки просили его, и особенно усердно просила Аргуэльо, чтобы онъ спѣлъ романсъ. Лопе отвѣтилъ, что онъ готовъ пѣть, если онѣ будутъ танцовать [1]) такъ, какъ танцуютъ и поютъ въ комедіяхъ. И чтобы не ошибиться, онѣ должны дѣлать все то, что онъ, распѣвая, будетъ говорить имъ, и ничего другого. Среди погонщиковъ муловъ были хорошіе танцоры, а также и среди служанокъ. Лопе прочистилъ себѣ горло, плюнувъ раза два; въ это время онъ думалъ, что бы ему такое сказать. А такъ какъ у него умъ былъ живой и изобрѣтательный, — то онъ съ величайшей быстротой импровизаціи началъ пѣть слѣдующимъ образомъ:

— „Пусть красотка Аргуэльо,
Дѣва разъ одинъ — не дважды,
Реверансъ отвѣситъ мѣрный,
Два шага назадъ отступитъ,
Пусть ее возьметъ за руки
Тотъ, кого зовутъ Варравой
Проводникъ и андалузецъ
И канонпкъ дель Компаса [2]).
Изъ двухъ дѣвушекъ, служащихъ
Здѣсь въ гостиницѣ, пусть выйдетъ
Та впередъ, что круглолица
Безъ передника, въ камзолѣ.
Пусть Торротъ ее зацѣпитъ
И всѣ четверо, согласно
Нагибаясь и качаясь,
Начинаютъ контрапасъ [3]).

Все, что пѣлъ Астуріецъ, танцоры и танцовщицы выполняли буквально; но когда онъ сказалъ, чтобы они начали „контрапасъ“, танцоръ-погонщикъ муловъ, Баррабасъ, носившій такое прозвище, воскликнулъ:

— Братъ музыкантъ, обратите вниманіе на то, что поете, и не упрекайте никого въ томъ, что онъ плохо одѣтъ; здѣсь нѣтъ никого въ лохмотьяхъ, и каждый одѣвается, какъ Богъ ему поможетъ.

Хозяинъ, увидѣвъ невѣдѣніе погонщика, сказалъ ему:

---

[1]) Какъ извѣстно, въ Испаніи разныя bolero, seguidillas и другія народныя музыкальныя произведенія, одновременно пѣніе и танцы. Сервантесъ даетъ намъ примѣръ, какъ создаются они — это просто уличныя импровизаціи.

[2]) Названіе квартала въ Севильи, обитаемаго подонками населенія.

[3]) Чтобы понять послѣдующее, надо знать, что слова „con trapas“ означаютъ по-испански „въ лохмотьяхъ“.

— Братъ погонщикъ, контрапасъ — заграничный танецъ, а не насмѣшка надъ плохо одѣтыми.

— Если это такъ — заявилъ погонщикъ, къ чему насъ было ставить въ затрудненіе; пусть играютъ сарабанды, шаконы и фоліасъ, танцы — которые у насъ въ обычаѣ, и тогда какъ угодно распоряжаются. Тутъ есть люди, которые сумѣютъ держать тактъ и танцовать до упаду.

Астуріецъ, не говоря ни слова, продолжалъ слѣдующимъ образомъ свое пѣніе:

Пусть всѣ нимфы и всѣ фавны
Сразу бодро въ пляску вступятъ,
Вѣдь шакона [1]) танецъ славный,
Шире онъ предѣловъ моря.

Захвативши кастаньеты,
Всѣ къ землѣ вы наклоняйтесь,
Чтобъ руками прикоснуться
И къ навозу и къ песку.

Все продѣлали вы ладно,
Никого не упрекну я...
Осѣнивъ себя крестомъ, всѣ
Дайте дьяволу двѣ фиги [2]).

На проклятаго вы плюньте,
Чтобъ онъ далъ намъ забавляться,
Хоть извѣстно: отъ шаконы
Не привыкъ онъ удаляться.

Аргуэльо, дѣва рая,
Ты прекраснѣй лазарета —
Будь мнѣ музой, подари мнѣ
Благосклонность безъ раздѣла.

Да, шакона танецъ знатный,
Символъ жизни благодатной.

Всѣ движенья этой пляски,
Знайте, въ прокъ идутъ здоровью,
Вытрясая изъ всѣхъ членовъ
Лѣнь трусливую надолго.

Смѣхъ кипитъ въ груди у всѣхъ тѣхъ,
Кто играетъ и танцуетъ,
Иль на быстрый танецъ смотритъ,
Звуки слушаетъ лихіе.

---

1) Chacona.

2) Иззѣсгно, что означаетъ фига.

Точно ртуть въ ногахъ всѣхъ льется
И расплавлены тѣла всѣ.
Къ удовольствію владѣльцевъ
Съ туфель ихъ летятъ подошвы.

Сразу жаръ разбѣга старыхъ
Молодитъ, бодритъ, — а юныхъ
Онъ приводитъ въ восхищенье,
Даже просто въ иступленье.

Вѣдь шакона танецъ знатный
Символъ жизни благодатной.

Сколько разъ уже пыталась
Эта дивная сеньора
Вмѣстѣ съ легкой „Сарабандой“
И съ „Пессаме“, съ „Перра Мора“ [1])

Черезъ трещины пробраться
Въ монастырскую обитель,
Чтобы скромность всѣхъ живущихъ
Въ тихихъ келіяхъ нарушить.

Сколько разъ ее корили
Даже тѣ, что обожаютъ!
И веселья сынъ увѣренъ,
И глупецъ соображаетъ,

Что шакона танецъ знатный
Символъ жизни благодатной,

Индіянка и мулатка [2])!
Слухъ о ней идетъ, что будто
Больше скверенъ и оскорбленій
Сотворила, чѣмъ Ароба,

Индіянка, дань которой
Съ увлеченьемъ страстнымъ платятъ
Судомоекъ вереницы,
Хоръ пажей, толпа лакеевъ, —

Говоритъ, — клянется, будто
Несмотря на чинъ высокій
„Самбапала“ [3]) горделивца,
Лишь она цвѣтъ лучшій Оллы [4]).

---

[1]) Названіе старинныхъ танцевъ: „Jarabanda“, „Pésame“ „Perra Mora“.

[2]) Сервантесъ называетъ такъ шакону, потому что танецъ этотъ по происхожденію изъ Америки, какъ и остальные названные здѣсь танцы.

[3]) Танецъ того же времени, и того же происхожденія.

[4]) Olla — приварокъ, супъ и т. д.

Да, шакона танецъ знатный
Символъ жизни благодатной! —

Въ то время, какъ Лопе пѣлъ, шумное собраніе танцоровъ, погонщиковъ и судомоекъ, число которыхъ доходило до дюжины, не жалѣли себя. Какъ разъ когда Лопе собрался пѣть дальше и перейти къ другимъ пѣснямъ, болѣе объемистымъ, значительнымъ и существеннымъ, сравнительно съ тѣми, которыя онъ уже пѣлъ, одинъ изъ многихъ, „эмбосадосъ", смотрѣвшихъ на танцы, сказалъ, не снимая съ лица закрывавшаго его плаща:

— Молчи, пьяница, молчи, дрянная кожа, бурдюкъ, старьевщикъ-поэтъ, музыкантъ, играющій фальшиво.

Вслѣдъ затѣмъ къ этому первому „эмбосадосъ" присоединились и многіе другіе, наговорившіе Лопе столько ругани, такихъ насмѣшекъ, что онъ счелъ за лучшее замолчать. Но погонщикамъ муловъ это такъ не понравилось, что, если-бъ не хозяинъ, успокоившій ихъ разумными доводами, тутъ началась бы страшная кутерьма. И даже несмотря на всѣ эти доводы, они пустили бы въ ходъ кулаки, если-бъ только въ эту минуту не явилась полиція и не заставила всѣхъ разойтись по домамъ.

Не успѣли всѣ разойтись, какъ до слуха тѣхъ, которые еще не спали въ томъ околоткѣ, дошло прекрасное мужское пѣніе. Пѣвецъ, сидѣвшій на камнѣ, напротивъ гостиницы дель-Севильяно, пѣлъ такъ сладко и съ такой изумительной нѣжностью, что очаровалъ всѣхъ своихъ слушателей и заставилъ дослушать свое пѣніе до конца.

Но внимательнѣе всѣхъ слушалъ его Томасъ Педро, такъ какъ не только музыка, но и самыя слова пѣсни глубоко затрогивали его. И до такой степени затрогивали, что ему казалось, будто онъ слушаетъ не пѣсню, а какой-то приговоръ отлученія, который терзаетъ ему душу; вѣдь музыкантъ пѣлъ слѣдующій романсъ:

„Гдѣ же ты, зачѣмъ ты скрылась,
Образъ дивной красоты?
Неземная къ намъ сошла ты
Изъ небесныхъ, дальнихъ сферъ...

Эмпирей ты и жилище
Достовѣрное любви,
Первый двигатель [1]), ведущій
За собой блаженства всѣ.

Ты родникъ кристально-чистый,
Влага свѣтлая твоя

---

[1]) Mobile — названіе, данное Птоломеемъ небу, которое охватываетъ собой и заставляетъ двигаться всѣ остальныя небеса.

Освѣжаетъ, очищаетъ
Пламя жаркое любви.

Небо новое ты; свѣтятъ,
Не заимствуя свой блескъ,
Двѣ звѣзды оттуда, ярко
Свѣтятъ небу и землѣ.

Радость ты, что отражаетъ
Грусть неясную отца [1]),
Чрево чье могилой служитъ
Для родныхъ его дѣтей.

Кротость, что сопротивлялась
Возвеличенью Зевесомъ,
И тогда твоимъ смиреньемъ
Тронутъ былъ великій Зевсъ.

Сѣть незримая, что крѣпко
Держитъ въ горестномъ плѣну
Побѣдителя въ сраженьяхъ,
Соблазнителя женъ многихъ [2]).

Солнце ты второе, небо
Ты четвертое. — Случайно
Взглянешь ли, затмишь тотчасъ же
Солнца блескъ, неся намъ счастье.

Ты посолъ краснорѣчивый
До того, что и молчаньемъ
Убѣждаешь больше даже,
Чѣмъ желалъ бы это самъ ты.

Отъ второго неба ярко
Ты свою красу пріяла
А отъ перваго — не больше
Чѣмъ сіяніе луны.

Ты, Констанса, эта сфера —
Но злой волею судьбы
Угодила въ положенье,
Гдѣ твой блескъ весь омраченъ.

Будь творцомъ своей судьбины,
Брось суровость, будь добрѣе

И тогда, сеньора, будутъ
Всѣ завидовать вамъ тѣ,

---

[1]) Время.
[2]) Намекъ на сѣть, въ которой Вулканъ взялъ въ плѣнъ Марса и Венеру.

Что кичатся знатнымъ родомъ
Иль надменной красотой.

Если путь вы захотите
Сократить — вамъ предлагаю
Жаръ любви, его богаче,
Чище нѣтъ ни въ чьей душѣ.

Въ ту минуту, когда пѣвецъ окончилъ двѣ послѣднія строки романса, къ нему долетѣли двѣ половинки кирпичей. И если бы кирпичи, упавшіе у самыхъ ногъ пѣвца, попали бы ему въ середину головы, они легко бы выбили у него навсегда изъ черепа и музыку, и поэзію. Испугался бѣдняга и бросился бѣжать вверхъ по побережью. Бѣжалъ онъ такъ быстро, что ни одна борзая собака не догнала бы его: вотъ оно — несчастное положеніе музыкантовъ — ночныхъ совъ и нетопырей — всегда подверженныхъ подобнымъ несчастьямъ и ливнямъ. Всѣмъ, слушавшимъ пѣніе побитаго камнями, оно очень понравилось, но больше всѣхъ понравилось Томасу Педро, который пришелъ въ вострогъ и отъ голоса, и отъ романса. Тѣмъ не менѣе онъ желалъ бы, чтобы другая, а не Констанса, была причиной всѣхъ этихъ серенадъ, хотя до ея слуха ни одна не доходила.

Совершенно обратнаго мнѣнія былъ Баррабасъ, погонщикъ муловъ, который тоже внимательно слушалъ пѣвца. Но не успѣлъ тотъ бѣжать, какъ Баррабасъ заявилъ:

— Тебѣ туда и дорога, болванъ, трубадуръ Іуды, пусть хоть блохи тебѣ выѣдятъ глаза! Кто, чортъ, училъ тебя пѣть судомойкѣ розсказни о сферахъ, небесахъ, называть ее „lunes“, „martes“ [1]) и колесомъ фортуны? Если бъ ты ей говорилъ — (да будешь ты и всѣ тѣ прокляты, кому понравились твои стихи) — что она пряма, какъ спаржа, надменна, какъ плюмажъ, бѣла, какъ молоко, цѣломудренна — какъ послушникъ, жеманна и неподатлива — какъ наемный мулъ, и тверже куска извести, — если бъ ты все это сказалъ, она бы поняла тебя и была бы довольна. Но называть ее посломъ, сѣтью, двигателемъ, высотой и низменностью, — это можно сказать ученику монастырскихъ школъ, а не судомойкѣ. По правдѣ говоря, имѣются такіе поэты въ мірѣ, сочиняющіе стихи, въ которыхъ и чортъ ногу сломитъ. Что меня касается, хотя я и Баррабасъ, но ровно ничего не понялъ изъ того, что здѣсь пѣлъ музыкантъ. Посмотримъ, что скажетъ Констансика. Хотя она поступаетъ умнѣе, лежитъ въ своей постели и смѣется надъ самимъ Престе-Хуанъ де-ласъ-Индіасъ [2]). —

---

[1]) Lunes — понедѣльникъ, martes — вторникъ, — одновременно означаютъ луну и Марса.

[2]) „Preste Juan de las Indias“ — легендарная личность — нѣчто вродѣ

Этотъ музыкантъ, по крайней мѣрѣ, изъ числа тѣхъ, которыхъ сынъ коррехидора приводитъ съ собой, потому что ихъ много и все же время отъ времени ихъ можно понять. Но этотъ вотъ, клянусь жизнью, очень ужъ разсердилъ меня...

Всѣ, слушавшіе Баррабу, были весьма довольны и нашли, что его критика и мнѣніе очень разсудительны.

Послѣ того всѣ улеглись спать, и едва водворилось кругомъ спокойствіе, какъ вдругъ Лопе услышалъ, что у дверей его комнаты тихонько постучались. Онъ спросилъ: кто тамъ? и услышалъ въ отвѣтъ:

— Мы — Аргуэльо и галисійка; — откройте намъ, мы полумертвы отъ холода.

— Какъ такъ? — возразилъ Лопе, — вѣдь теперь у насъ самая середина жаркаго лѣта.

— Брось свое остроуміе, Лопе, — сказала галисійка; — встань и открой намъ дверь; мы разодѣты, какъ эрцгерцогини.

— Эрцгерцогини въ такіе-то часы? — изумился Лопе. — Не вѣрю этому, мнѣ сдается скорѣй, что вы вѣдьмы, или же самыя большія мошенницы. Тотчасъ же убирайтесь отсюда; а если нѣтъ, клянусь жизнью — дайте мнѣ лишь встать, и я желѣзными пряжками моего кушака превращу ягодицы ваши въ красный макъ.

Услыхавъ, что имъ отвѣчаютъ такъ жестоко и такъ непохоже на то, что онѣ ожидали, Аргуэльо и галисійка испугались гнѣва Астурійца и вернулись съ обманутыми надеждами и разрушенными планами, печальныя и несчастныя, въ свои постели. Но прежде, чѣмъ отойти отъ дверей, Аргуэльо приблизила свое хрюкало къ замочной скважинѣ и заявила:

— Медъ не созданъ для рта осла.

И затѣмъ, словно она произнесла великое изреченіе и добилась справедливой мести, она, какъ уже было сказано, вернулась въ свою неказистую постель.

Лопе, услыхавъ, что женщины ушли, обратился къ Томасу Педро, который еще не спалъ, со словами:

— Слушайте, Томасъ, — пошлите сражаться съ двумя великанами, или заставьте меня на службѣ вашей своротить челюсти полдюжинѣ или цѣлой дюжинѣ львовъ, — все это я сдѣлаю легче, чѣмъ выпить стаканъ вина. Но если бъ вы меня поставили въ необходимость взять поперекъ тѣла Аргуэльо, я бы не согласился, даже если бъ меня убили ударами стрѣлъ. Подумайте только, какихъ дѣвъ изъ

вѣчнаго жида. Это былъ, по повѣрью, принцъ крестьянинъ, одновременно король и священникъ, царствовавшій на границѣ Китая.

Даніи [1]) предлагала намъ этой ночью судьба. Но пусть настанетъ утро, и все видно будетъ.

— Я уже говорилъ тебѣ, другъ мой, — заявилъ Томасъ, — что ты можешь поступить по своему усмотрѣнію, отправиться въ свое паломничество, или же купить осла и сдѣлаться водовозомъ, какъ ты уже рѣшилъ.

— Мое рѣшеніе сдѣлаться водовозомъ я снова подтверждаю, — отвѣтилъ Лопе, — а теперь давай будемъ спать то немногое время, что осталось намъ до утра. У меня голова какъ котелъ, и я не въ состояніи вести теперь съ тобой разговоры.

Они заснули; день наступилъ, и оба встали. Томасъ пошелъ раздавать ячмень кому слѣдовало, а Лопе отправился на рынокъ, гдѣ по близости продавали скотину, намѣреваясь купить тамъ осла, но достойнаго и хорошаго.

Случилось такъ, что Томасъ, увлеченный своими влюбленными мыслями и уютомъ уединенной сіесты [2]), сочинилъ любовные стихи и вписалъ ихъ въ ту самую книгу, въ которой онъ велъ счетъ расхода ячменя. При этомъ онъ имѣлъ намѣреніе переписать стихи впослѣдствіи на отдѣльномъ листкѣ и вырвать или перечеркнуть все написанное имъ въ книгѣ. Но раньше, чѣмъ онъ это успѣлъ сдѣлать, онъ ушелъ изъ дому, оставивъ счетную книгу на ящикѣ съ ячменемъ. Хозяинъ взялъ книгу, открылъ ее, чтобы посмотрѣть, какъ обстоятъ счета, и, увидѣвъ стихи, прочелъ ихъ и весьма смутился и удивился. Онъ понесъ эти стихи женѣ, но раньше, чѣмъ ихъ прочесть ей, позвалъ Констансу и съ длинными предупрежденіями, смѣшанными даже съ угрозами, просилъ ее сообщить, не говорилъ ли ей Томасъ Педро, — слуга по раздачѣ ячменю, — какія-либо любезности или что нибудь неподходящее, или же слова, выражавшія нѣжность. Констанса клялась, что первыя слова, которыми имъ въ этомъ или въ иномъ отношеніи когда либо предстоитъ обмѣняться, всѣ еще впереди, и что даже и глазами онъ никогда не выражалъ ей никакой дурной мысли.

Хозяева Констансы повѣрили ей, такъ какъ привыкли, что она всегда, о чемъ бы ее ни спрашивали, говорила одну лишь правду. Они отослали изъ комнаты дѣвушку, и хозяинъ сказалъ женѣ:

— Не знаю, что мнѣ думать обо всемъ этомъ; знайте, сеньора, что Томасъ написалъ въ счетной книгѣ не о ячменѣ, а стихи, вызвавшіе у меня безпокойную мысль, не влюбленъ ли онъ въ Констансу?

---

[1]) Лица изъ романа „Амадисъ Гальскій".

[2]) Siesta — послѣобѣденный отдыхъ.

— Прочтемъ стихи, — отвѣтила жена, — и тогда я вамъ скажу, что тамъ такое.

— Такъ пусть и будетъ; нимало не сомнѣваюсь, — заявилъ мужъ, — что разъ вы поэтесса, вы тотчасъ же проникнете въ смыслъ этихъ стиховъ.

— Я не поэтесса, — отказывалась жена, — но вы знаете, что у меня умъ живой, и я могу прочесть по латыни четыре молитвы.

— Вы бы лучше дѣлали, если бъ читали эти молитвы по-испански; вашъ дядя, священникъ, уже говорилъ вамъ, что вы дѣлаете тысячи нелѣпыхъ ошибокъ, когда молитесь по-латыни, и что вы и вовсе тогда не молитесь, — такая выходитъ у васъ чепуха...

— Знаю: стрѣла эта пущена изъ лука его племянницы, которая завидуетъ тому, что я держу въ рукахъ латинскій молитвенникъ и глазами пробѣгаю въ немъ, какъ въ виноградникѣ, съ котораго собранъ виноградъ.

— Пусть будетъ, какъ вы желаете, — отвѣтилъ хозяинъ, — теперь слушайте внимательно, вотъ стихи:

Кто въ любви побѣдой овладѣетъ?
Кто молчать умѣетъ...

Чѣмъ любви суровость отразить возможно?
Постоянствомъ можно.

Какъ любви блаженствомъ намъ упиться?
Стойкимъ быть учиться...

Значитъ, если постояннымъ
Буду, стойко буду я молчать,
Можетъ быть, тогда желаннымъ
Стану счастьемъ обладать.

Что любовь желаетъ? Снисхожденье,
Ласки, увлеченье.

Что сдержать пыль страсти успѣвало?
Оскорбленья жало.

Новыхъ силъ любви давало ли презрѣнье?
Нѣтъ, лишь охлажденье.

Значитъ, ясно заключенье:
Буду вѣчно я влюбленъ.
Нѣтъ ни ласки, ни презрѣнья
Мнѣ отъ той, кѣмъ увлеченъ.

Въ чемъ отчаянье надежду видитъ?
Въ смерти лишь провидитъ.

А какая смерть дастъ облегченье?
Смерть въ воображеньи.

Но не лучше ль для меня могила?
Нѣтъ, въ страданьи — сила.

Говорятъ вѣдь, послѣ бури
(Эта истина ясна),
Засверкаетъ блескъ лазури
И наступитъ тишина.
Не признаться ль мнѣ въ любви кипучей?
Если будетъ случай.

Если жъ случай ввѣкъ мнѣ не предстанетъ?
Знаю я — настанетъ.

А вдругъ смерть нежданная нагрянетъ?
Пусть надежда такъ воспрянетъ,
Вѣра ярко такъ горитъ,
Что, узнавъ о томъ, Констанса
Плачъ твой въ радость превратитъ.

— Есть тамъ еще что нибудь? — спросила хозяйка.

— Ничего больше, — отвѣтилъ мужъ. — Но что вы скажете объ этихъ стихахъ?

— Прежде всего, — заявила она, — надо удостовѣриться, дѣйствительно ли Томасъ написалъ ихъ?

— Въ этомъ отношеніи нельзя сомнѣваться, — возразилъ мужъ, — потому что почеркъ счета ячменя и почеркъ стиховъ совершенно тождественный и этого нельзя отрицать.

— Слушайте, мужъ мой, — сказала хозяйка — по всему, что я вижу, хотя въ стихахъ и встрѣчается имя Констансы, что можетъ вызвать предположеніе, будто эти стихи сочинены для нея, однако мы не вправѣ считать предположеніе это за такую неопровержимую истину, какъ если бъ мы своими глазами видѣли, что онъ эти стихи именно ей писалъ. Тѣмъ болѣе, что на свѣтѣ имѣются и другія Констансы, кромѣ нашей, но даже, если бъ эти стихи и были написаны для нашей Констансы, Томасъ не говоритъ въ нихъ ничего, что бы ославило ее, и не проситъ у нее ничего не надлежащаго. Намъ надо быть насторожѣ и надо предупредить дѣвушку, потому что, если онъ влюбленъ, навѣрное онъ напишетъ еще другіе стихи и постарается всучить ихъ ей.

— Не лучше ли было бы, — спросилъ мужъ, — избавиться отъ этихъ безпокойствъ и отказать ему отъ дому?

— Это въ вашихъ рукахъ, — отвѣтила хозяйка, — но, по правдѣ говоря, если, по вашимъ же собственнымъ словамъ, этотъ парень такъ хорошо служитъ, было бы совѣстно выставлять его изъ дому по такой незначительной причинѣ.

— Вы правы, — сказалъ мужъ, — мы будемъ насторожѣ, какъ вы говорите, и время научитъ насъ, что намъ дальше дѣлать.

Они на томъ и порѣшили, и хозяинъ пошелъ и положилъ книгу обратно, на то мѣсто, откуда ее взялъ. А Томасъ вернулся домой, безпокоясь относительно счетной книги, взялъ ее, и чтобы больше не испытывать безпокойства переписалъ свои стихи и вырвалъ изъ книги страницы, на которыхъ они были написаны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ попытаться при первомъ же представившемся случаѣ — открыть Констансѣ свои чувства. Но такъ какъ она была всегда закована въ бронѣ добродѣтели и сосредоточенности, — то и не давала никому времени смотрѣть на нее, а тѣмъ болѣе разговаривать съ ней. И потому что почти всегда въ гостиницѣ было множество народа и множество глазъ, затрудненіе говорить съ Констансой еще увеличивалось, и это приводило въ отчаяніе влюбленнаго.

Но въ тотъ день Констанса вышла какъ бы въ чепцѣ съ повязанными щеками, и на чей-то вопросъ, отчего она такъ вырядилась, отвѣтила, что у нея сильно болятъ зубы. Томасъ, которому его любовь оживляла умъ, тотчасъ же сообразилъ, что надо ему сдѣлать, и сказалъ:

— Сеньора Констанса, я дамъ вамъ молитву и послѣ того, какъ вы ее раза два прочтете, зубную боль у васъ сниметъ, какъ рукой.

— Въ добрый часъ, — отвѣтила Констанса, — я прочту ее, такъ какъ умѣю читать.

— Только подъ однимъ условіемъ, — добавилъ Томасъ, — чтобы вы никому не показывали эту молитву, потому что я ставлю ее очень высоко и не хорошо было бы, чтобы, сдѣлавшись извѣстной многимъ, она такимъ образомъ потеряла свою цѣнность.

— Обѣщаю вамъ, что не дамъ ее никому, — заявила Констанса. — Итакъ, Томасъ, дайте мнѣ молитву тотчасъ, потому что я очень мучаюсь зубной болью.

— Я сейчасъ напишу вамъ ее по памяти, — отвѣтилъ Томасъ, — и тотчасъ дамъ ее вамъ.

Это были первыя слова, которыми Томасъ и Констанса обмѣнялись за все время, что онъ прожилъ въ гостиницѣ, т. е. болѣе, чѣмъ за двадцать четыре дня. Томасъ ушелъ къ себѣ, написалъ молитву и нашелъ случай передать ее Констансѣ такъ, что никто этого не ви-

дѣлъ. Она же съ большимъ удовольствіемъ и съ еще большимъ благочестіемъ вошла въ пустую комнату, гдѣ была одна, и, открывъ бумагу, увидѣла, что тамъ прописано слѣдующее:

„Сеньора души моей! я — кабальеро, родомъ изъ Бургаса. Если переживу моего отца, то наслѣдую отъ него майоратъ съ ежегоднымъ доходомъ въ шесть тысячъ червонцевъ золотомъ. Привлеченный молвой о вашей красотѣ, — молвой, распространившейся на много миль кругомъ, — я покинулъ мою родину, перемѣнилъ одежду и въ костюмѣ, въ которомъ вы меня видите, пришелъ служить вашему хозяину. Если бы вы согласились быть моей повелительницей, то тѣмъ путемъ, который наиболѣе отвѣтствуетъ вашему цѣломудрію, укажите мнѣ, какія вы бы желали доказательства отъ меня для убѣжденія въ истинѣ и справедливости моихъ словъ. Когда вы убѣдитесь, — если это будетъ угодно вамъ, — я сдѣлаюсь вашимъ супругомъ и сочту себя за самаго счастливаго человѣка въ мірѣ. Теперь же я васъ прошу только объ одномъ, сеньора моя, чтобы вы не отвергли такія чистыя и полныя любви чувства, какъ мои. Если бы вашъ господинъ узналъ обо всемъ этомъ и не повѣрилъ бы мнѣ, онъ присудилъ бы меня къ изгнанію, къ удѣлу не видѣть васъ, что было бы равносильно присудить меня къ смерти. Позвольте же мнѣ видѣть васъ, пока вы не провѣрите меня, и примите въ расчетъ, что тотъ не заслуживаетъ столь тяжкаго наказанія не видѣть васъ, кто виновенъ лишь въ одномъ, что боготворитъ васъ. Глазами вы можете отвѣтить мнѣ, тайно отъ всѣхъ взоровъ, которые постоянно устремлены на васъ. Ваши глаза таковы: если они гнѣвные, то убиваютъ, а если полны состраданія — даруютъ воскресеніе отъ смерти“.

Въ то время, когда, по мнѣнію Томаса, Констанса пошла читать его строки, сердце у него крѣпко билось, исполненное то страха, то надежды. Онъ ожидалъ или своего смертнаго приговора, или возвращенія къ жизни. Между тѣмъ Констанса вышла такая красивая, хотя и съ прикрытымъ лицомъ, что если бъ ея красота могла по какому-либо случаю увеличиться, можно было бы вывести заключеніе, что красота ея увеличилась отъ изумленія тому, что она прочитала. Она вышла съ бумагой, изорванной на мелкіе клочки, и сказала Томасу, который едва могъ отъ волненія держаться на ногахъ:

— Братъ Томасъ, молитва, которую ты мнѣ далъ, скорѣе кажется колдовствомъ и обманомъ, чѣмъ священной молитвой. И потому, не желая ни вѣрить ей, ни примѣнять ее, я, по этой причинѣ, разорвала ее на мелкіе куски, чтобъ не увидѣлъ ее кто-либо болѣе легковѣрный, чѣмъ я. Научись другимъ, болѣе обычнымъ молитвамъ, такъ какъ, что касается этой молитвы — невозможно, чтобы она пошла тебѣ на пользу.

Сказавъ это, Констанса пошла въ комнату своей хозяйки, и Томасъ остался ошеломленный, но нѣсколько утѣшенный мыслью, что только въ одномъ лишь сердцѣ Констансы заключена тайна его любви. Ему казалось, что разъ она не сообщила обо всемъ хозяину, то, по крайней мѣрѣ, ему, Томасу, не грозитъ опасность быть изгнаннымъ изъ гостиницы. Онъ подумалъ также, что, сдѣлавъ первый шагъ въ своемъ предпріятіи, онъ уже отстранилъ цѣлыя горы помѣхъ, такъ какъ въ великихъ и сомнительныхъ предпріятіяхъ наибольшую трудность представляетъ начало.

Въ то время, какъ это происходило въ гостиницѣ, Астуріецъ покупалъ себѣ осла на рынкѣ, гдѣ шла продажа ословъ. И несмотря на то, что онъ видѣлъ тамъ многихъ, но ни одинъ не понравился ему, хотя какой-то цыганъ и старался всячески всучить ему осла, который, однако, бѣжалъ скорѣй благодаря влитой ему въ уши ртути, чѣмъ вслѣдствіи собственной быстроты. Если этотъ оселъ нравился Лопе своей рысью, то не нравился всей посадкой: онъ былъ очень малаго роста, не той величины и объема, какъ того желалъ Астуріецъ, который искалъ такого осла, чтобы тотъ возилъ и его самого, съ налитыми водой или пустыми кувшинами. Въ это время къ Лопе подошелъ парень и сказалъ:

— Милый человѣкъ, если вы ищете осла, пригоднаго для ремесла водовоза, у меня здѣсь близко на лугу имѣется оселъ такой, что не найти во всемъ городѣ ни лучше, ни больше его. И я вамъ совѣтую, не покупайте ословъ у цыганъ, потому что на видъ животныя хотя и кажутся хорошими и здоровыми, но у нихъ все лишь на показъ и имѣется масса недостатковъ. Если вы хотите купить осла, который вамъ вполнѣ подойдетъ, идемъ со мной и — молчаніе.

Астуріецъ повѣрилъ парню и сказалъ, чтобы онъ повелъ его туда, гдѣ былъ оселъ, котораго онъ такъ восхвалялъ. Они направили какъ говорится, рука въ руку, пока не дошли до королевскаго сада, гдѣ въ тѣни „асуды“ [1]) нашли нѣсколькихъ водовозовъ, ослы которыхъ паслись на близъ лежащемъ лугу. Продавецъ показалъ своего осла, и тотъ, какъ нельзя больше, понравился Астурійцу; и всѣ, бывшіе вокругъ, хвалили осла за его силу, за прекрасный бѣгъ и за то, что онъ несравненный ѣдокъ. Скоро продавецъ и Астуріецъ сошлись въ цѣнѣ, и безъ всякаго посторонняго ручательства и свидѣтельства, — а остальные водовозы изображали собой посредниковъ и маклеровъ, — Лопе далъ за осла, со всѣми нужными принадлежностями для ремесла водо-

---

[1]) Azyda — названіе очень простой гидравлической машины для добыванія воды и поливки полей. Это большое колесо, ось котораго прикрѣплена къ двумъ крѣпкимъ столбамъ; оно вращается отъ толчковъ теченія и наполняетъ водой резервуаръ.

воза, шестнадцать червонцевъ, которые онъ и заплатилъ золотомъ. Водовозы пожелали ему удачи въ покупкѣ и въ его новомъ ремеслѣ и увѣрили его, что онъ купилъ осла, приносящаго большое счастье, такъ какъ владѣлецъ его уступалъ осла, не претерпѣвъ съ нимъ ни малѣйшихъ невзгодъ (онъ не былъ ни искалѣченъ, ни убитъ), честно прокормивъ и себя и осла, пріобрѣлъ меньше, чѣмъ за годъ, двѣ пары одежды, и, сверхъ того, за продажу осла тѣ шестадцать червонцевъ, съ которыми предполагаетъ вернуться къ себѣ въ село, гдѣ ему предстоитъ свадьба съ дѣвушкой, наполовину его родственницей.

Кромѣ маклеровъ по покупкѣ осла, тутъ было еще четверо водовозовъ, которые лежали на землѣ, и трава служила имъ постелью, а плащи покрываломъ. Они играли въ „примѣра“ [1]), Астуріецъ сталъ смотрѣть на нихъ и увидѣлъ, что они играютъ не какъ водовозы, а какъ каноники, потому что передъ каждымъ изъ нихъ лежало болѣе ста реаловъ мѣдью и серебромъ. Завязалась такая игра, что весь остатокъ былъ поставленъ на карту; и еслибъ одинъ изъ играющихъ не уступилъ партію другому, онъ все бы забралъ. Наконецъ, двое изъ нихъ потеряли окончательно свои ставки и вышли изъ игры. Увидавъ это, продавшій осла сказалъ, что еслибъ нашелся четвертый партнеръ, онъ тоже сѣлъ бы играть, а втроемъ игра ему не нравится. Астуріецъ, который былъ, если можно такъ выразиться, изъ сахарнаго тѣста, и никогда не могъ „кому-либо испортить супъ“, какъ говорятъ итальянцы, — заявилъ, что будетъ четвертымъ. Игроки усѣлись; дѣло шло хорошо, и вслѣдствіе желанія лучше использовать деньги, чѣмъ время, Лопе скоро проигралъ всѣ шесть скуди, бывшіе у него въ карманѣ. Увидавъ себя безъ гроша, Астуріецъ заявилъ, что, если согласятся играть на осла, онъ замѣнитъ ставку осломъ. Предложеніе его было принято, и онъ поставилъ на карту четвертую часть осла, говоря, что онъ хочетъ разыгрывать его по четвертямъ. Однако, ему такъ плохо повезло, что на четыре ближайшія карты онъ потерялъ всѣ четыре четверти осла, и выигралъ осла тотъ самый водовозъ, который продалъ ему это животное. Когда же тотъ всталъ, чтобы взять съ собой выиграннаго имъ осла, Астуріецъ заявилъ, что проигралъ онъ лишь четыре четверти осла, а что касается хвоста, его должны отдать ему, и послѣ этого — пусть, въ добрый часъ, уводятъ осла...

Всѣ, услышавшіе заявленіе Томаса, требовали отдачи хвоста и очень смѣялись; но нашлись и законовѣды, утверждавшіе, что такое требованіе не закономѣрно, потому что, если продаютъ овцу, или другую штуку скотины, то не отнимаютъ и не отрубаютъ хвоста, который поневолѣ долженъ раздѣлить участь одной изъ заднихъ чет-

---

[1]) Primera — старинная игра въ карты, которую называли quinola.

вертей. На это Лопе возразилъ, что овцы въ Берберіи дѣлятся на пять четвертей и что пятая четверть — хвостъ. И когда этихъ овецъ рѣжутъ на бойнѣ, хвостъ цѣнится столько же, какъ и всякая другая четверть. Что хвостъ идетъ со скотиной, которую продаютъ живой, и не рѣжутъ его, — съ этимъ онъ согласенъ. Но оселъ не былъ имъ проданъ, а былъ проигранъ, и онъ никогда не имѣлъ въ виду проиграть и хвостъ. Пусть же его вернутъ ему тотчасъ же, со всѣми принадлежностями, начиная съ кончика темени, всѣми позвонками спины и кончая послѣднимъ пучкомъ волосъ на хвостѣ.

— Пусть будетъ такъ, какъ вы говоряте, — крикнулъ одинъ изъ присутствующихъ, — и пусть вамъ дадутъ хвостъ, какъ вы желаете, и тогда садитесь рядомъ съ тѣмъ, что останется отъ осла.

— Именно такъ оно и есть, — сказалъ Лопе, — пусть мнѣ дадутъ хвостъ. — А если нѣтъ, клянусь Богомъ, что не отберутъ отъ меня осла, хотя бы за нимъ пришли водовозы всего свѣта. И пусть не думаютъ, хотя ихъ тутъ и много, что меня можно надуть. Я человѣкъ, который отлично сумѣетъ подойти къ другому человѣку и всадить ему въ животъ два вершка шпаги такъ, что онъ и не узнаетъ отъ кого, откуда, какимъ образомъ, и что приключилось съ нимъ. Сверхъ того, я не желаю также, чтобы мнѣ заплатили за хвостъ, соразмѣрно съ цѣной всего осла: я хочу, чтобы выдали мнѣ хвостъ въ дѣйствительности и такъ его вырѣзали изъ осла, какъ я говорилъ...

Выигравшему осла и остальнымъ водовозамъ показалось неподходящимъ разрѣшить это дѣло силой, потому что они считали Астурійца слишкомъ рѣшительнымъ, чтобы онъ допустилъ ихъ до этого. И, дѣйствительно, Лопе, пріучавшій себя къ житью-бытью среди рыбаковъ-атунцевъ, гдѣ налицо всякаго рода опасности, ссоры, неслыханныя клятвы и богохульства, — бросилъ шляпу въ воздухъ, вытащилъ изъ-подъ плаща кинжалъ и всталъ въ такую позицію, что внушилъ страхъ и уваженіе всей этой водовозной компаніи. Наконецъ, одинъ изъ водовозовъ, который казался наиболѣе разсудительнымъ и разумнымъ, предложилъ сыграть на хвостъ противъ четверти осла, въ одну сдачу, или въ двѣ игры въ guinola. На это всѣ согласились. Лопе выигралъ guinola; его партнеръ разсердился, проигралъ еще четверть, а черезъ три сдачи онъ остался безъ осла. Тогда онъ захотѣлъ играть на деньги; Лопе не соглашался, но всѣ до того его понуждали къ игрѣ, что ему пришлось согласиться. Послѣ того Лопе сорвалъ, какъ говорится, банкъ и оставилъ своего партнера безъ единаго гроша. Проигравшійся такъ огорчился этимъ, что бросился во всю длину своего роста на землю и началъ колотиться объ нее головой. Лопе, какъ человѣкъ благородный, щедрый и сострадательный, поднялъ съ земли бѣднягу, вернулъ ему выигранныя у него

деньги и всѣ шестнадцать червонцевъ за осла, а также роздалъ и собственныя деньги между присутствующими. Это неслыханное великодушіе изумило всѣхъ, и, если бъ дѣло случилось во времена и при обычаяхъ эпохи великаго Тамерлана, они бы провозгласили Лопе королемъ водовозовъ.

Съ большой свитою вернулся Лопе въ городъ, гдѣ сообщилъ Томасу обо всемъ случившемся, а Томасъ, въ свою очередь, разсказалъ ему о своихъ приключеніяхъ. Не осталось ни одной таверны, ни трактира, или собранія „пикаро", гдѣ бы не знали объ игрѣ на осла, проиграннаго и вновь выиграннаго, благодаря ослиному хвосту и гдѣ бы не знали также о храбрости и щедрости Астурійца. Но, такъ какъ недоброе животное, которому имя толпа, обыкновенно и злоязычно, и злобно, и склонно проклинать, то толпа скоро забыла о щедрости, храбрости и о всѣхъ хорошихъ качествахъ великаго Лопе и помнила лишь только о хвостѣ. Такимъ образомъ, едва только два дня повозилъ Лопе воду по городу, какъ уже многіе стали указывать на него пальцами, говоря: „Это водовозъ съ хвостомъ". Уличные мальчишки обратили на эти слова вниманіе, потомъ узнали, въ чемъ суть, и не успѣвалъ Лопе показаться на какой-нибудь улицѣ, какъ всѣ ребятишки кричали ему отовсюду: „Астуріецъ, дай хвостъ, дай сюда хвостъ, Астуріецъ". Лопе, увидавъ, что въ него летятъ стрѣлы столькихъ укоровъ и столькихъ криковъ, рѣшилъ молчать, надѣясь, что въ глубокомъ его молчаніи потонетъ такая великая наглость. Но этого не случилось, потому что, чѣмъ больше онъ молчалъ, тѣмъ больше мальчишки кричали. Тогда онъ сдѣлалъ попытку превратить свое терпѣніе въ гнѣвъ и, соскочивъ съ осла, принялся надѣлять колотушками мальчишекъ. Но это было все равно, что толочь порохъ и зажечь его, это было равносильно тому, если бы онъ сталъ рубить головы гидры. Вмѣсто одной, которую онъ отрубалъ, начиная колотить нѣсколькихъ мальчишекъ, въ ту же минуту выростало не семь новыхъ, а семьсотъ. И мальчишки съ еще большей настойчивостью и многократностью просили его дать хвостъ. Наконецъ, Лопе счелъ за лучшее для себя удалиться въ гостиницу, гдѣ онъ нанялъ себѣ комнату, вдали отъ своего товарища, чтобы такимъ образомъ уйти отъ Аргуэльо. Онъ хотѣлъ оставаться въ той комнатѣ, пока не пройдетъ вліяніе дурной планеты и изъ памяти мальчишекъ не исчезнетъ это злое требованіе хвоста, которымъ они его преслѣдовали. Шесть дней прошло, и Лопе не выходилъ изъ дому иначе, какъ только ночью, когда онъ отправлялся повидать Томаса и спросить его о положеніи его дѣлъ. Томасъ сообщилъ ему, что послѣ того, какъ онъ далъ Констансѣ письмо, онъ больше не имѣетъ возможности сказать съ ней ни одного слова, и что ему

кажется, будто она еще болѣе удаляется отъ него, чѣмъ раньше. Однажды, когда представился случай ему подойти и поговорить съ ней, она, увидавъ это, предупредила его, говоря: „Томасъ, у меня ничего не болитъ, и потому я не нуждаюсь ни въ твоихъ молитвахъ, ни въ разговорахъ; удовольствуйся тѣмъ, что я не обвинила тебя передъ Инквизиціей, и не утомляй себя больше“. Но эти слова она произнесла безъ гнѣва въ глазахъ, безъ всякаго неудовольствія, которое могло бы свидѣтельствовать объ ея суровости. Лопе въ свою очередь разсказалъ своему другу, какъ мальчишки надоѣдаютъ ему съ приставаніемъ дать хвостъ, вслѣдствіе того что онъ самъ требовалъ хвостъ своего осла передъ тѣмъ, какъ ему удалось такъ хорошо отыграться. Томасъ посовѣтовалъ другу не показываться по крайней мѣрѣ верхомъ на ослѣ; если же придется выходить, то не иначе, какъ держась уединенныхъ и безлюдныхъ улицъ. А если это не окажется достаточнымъ, то слѣдуетъ вовсе отказаться отъ ремесла водовоза. Это послѣднее средство положитъ конецъ столь нахальнымъ преслѣдованіямъ. Лопе спросилъ, возобновляла ли галисійка прежнюю попытку, а Томасъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Однако, она все пытается прельстить его подарками и подношеніями того, что она крадетъ въ кухнѣ у пріѣзжихъ.

Послѣ того Лопе удалился снова въ свою гостиницу, рѣшивъ не выходить оттуда опять цѣлую недѣлю, а если выйти, то, во всякомъ случаѣ, не верхомъ на ослѣ.

Было около одиннадцати часовъ ночи, какъ вдругъ нежданно негаданно появилось въ гостиницѣ нѣсколько судебныхъ лицъ съ ихъ жезлами [1]) и во главѣ ихъ коррехидоръ. Хозяинъ смутился, смутились также и пріѣзжіе. Подобно тому, какъ появленіе кометы вызываетъ всегда опасеніе, не предсказываетъ ли она несчастье и злополучіе, такъ и служители правосудія, когда они неожиданно и въ большомъ количествѣ появляются въ домѣ, внушаютъ смущеніе и страхъ даже и ни въ чемъ неповиннымъ людямъ. Вошелъ коррехидоръ въ залъ, позвалъ хозяина, и тотъ, весь трепещущій, явился узнать, чего желаетъ сеньоръ коррехидоръ. Какъ только этотъ послѣдній увидѣлъ хозяина, онъ спросилъ его весьма торжественно:

— Это вы хозяинъ?

— Да, сеньоръ, — отвѣтилъ тотъ. — И я жду, что будетъ угодно вашей милости приказать мнѣ.

Коррехидоръ пожелалъ, чтобы всѣ, бывшіе въ залѣ, удалились и чтобы его оставили одного съ хозяиномъ.

---

[1]) vara — знакъ ихъ должности.

Такъ и сдѣлали. И когда они остались наединѣ, коррехидоръ спросилъ хозяина:

— Каковъ у васъ тутъ, въ вашей гостиницѣ, служебный персоналъ?

— Сеньоръ, — отвѣтилъ хозяинъ, — у меня двѣ дѣвушки галисійки, одна экономка, и парень для выдачи и записи соломы и ячменя.

— И больше никого? — спросилъ коррехидоръ.

— Нѣтъ, сеньоръ, — отвѣтилъ хозяинъ.

— Однако, скажите мнѣ, хозяинъ, — настаивалъ коррехидоръ, — гдѣ же та дѣвушка, которая, какъ говорятъ, служитъ въ вашемъ домѣ и которая до такой степени красива, что ее во всемъ городѣ называютъ не иначе, какъ „прославленной" судомойкой. И мнѣ даже говорили, будто мой сынъ, донъ Перикито, поклонникъ ея и будто не проходитъ ночи, чтобы онъ не угощалъ ее музыкой.

— Сеньоръ, — отвѣтилъ хозяинъ, — эта прославленная судомойка, о которой столько говорятъ, дѣйствительно въ домѣ у меня; но она не служанка моя и все-таки не перестаетъ быть моей служанкой.

— Не понимаю, хозяинъ, ничего изъ вашихъ словъ; какъ это судомойка ваша — служанка и въ то же время не служанка ваша?

— Я сказалъ вѣрно, — возразилъ хозяинъ, — и если ваша милость позволитъ мнѣ, я объясню смыслъ сказаннаго и открою, въ чемъ дѣло, хотя объ этомъ я еще никому не говорилъ.

— Прежде, чѣмъ узнавать что-либо, я желалъ бы видѣть судомойку; позовите ее сюда, — приказалъ коррехидоръ.

Хозяинъ открылъ дверь залы и крикнулъ женѣ:

— Слышите ли, сеньора, пришлите сюда Констансику.

Когда хозяйка услышала, что коррехидоръ зоветъ Констансу, она сильно смутилась, стала ломать себѣ руки и говорила. „Ахъ, я несчастная! Коррехидоръ зоветъ Констансу и еще хочетъ видѣть ее наединѣ! Должно быть, случилось большое несчастье изъ-за того, что красота этой дѣвушки чаруетъ всѣхъ мужчинъ.

Констанса, услыхавъ слова эти, сказала:

— Сеньора, не горюйте; я пойду и узнаю, чего желаетъ сеньоръ коррехидоръ, и если случилось какое-нибудь несчастье, пусть ваша милость будетъ увѣрена, что не по моей винѣ.

И тотчасъ же, не ожидая, чтобы ее вторично позвали, она взяла зажженную свѣчу въ серебрянномъ подсвѣчникѣ больше со стыдливостью, чѣмъ страхомъ, вошла въ комнату, гдѣ находился коррехидоръ.

Какъ только коррехидоръ увидѣлъ ее, онъ велѣлъ хозяину запереть дверь. Когда это было сдѣлано, коррехидоръ всталъ и, взявъ

принесенный Констансой подсвѣчникъ со свѣчей, подойдя съ огнемъ близко къ молодой дѣвушкѣ, сталъ ее разсматривать съ ногъ до головы. А такъ какъ Констанса была взволнована, она раскраснѣлась и казалась до того красивой и непорочной, что коррехидору представилось, будто онъ видитъ предъ собой красоту ангела, сошедшаго съ неба. Разсмотрѣвъ ее хорошенько, онъ сказалъ:

— Хозяинъ, этой драгоцѣнности не приличествуетъ низкая оправа постоялаго двора. И отнынѣ я скажу, что сынъ мой Перекито уменъ, разъ онъ сумѣлъ такъ хорошо направить свои любовныя стремленія. Я говорю, молодая дѣвушка, что не только могутъ, но и должны называть васъ прославленной и даже свѣтлѣйшей. Хотя эти титулы должны были бы прилагаться не къ названію судомойки, а герцогини.

— Она не судомойка, сеньоръ, — воскликнулъ хозяинъ, — у нея нѣтъ другой службы въ моемъ домѣ, какъ только хранить ключи отъ серебра. По милости Божьей у меня имѣется кое-какое серебро, которое и употребляется для знатныхъ проѣзжихъ, посѣщающихъ мой постоялый дворъ.

— При всемъ томъ, — заявилъ коррехидоръ, — я говорю, хозяинъ, что неприличное и неподходящее дѣло, чтобы эта молодая дѣвушка находилась въ гостиницѣ. Но, быть можетъ, она вамъ родственница.

— Она мнѣ и не родственница, и не прислуга. И если милости вашей было бы угодно узнать, кто она такая, то когда Констанса выйдетъ изъ зала, ваша милость услышитъ вещи, которыя одновременно и доставятъ вамъ удовольствіе, и изумятъ васъ.

— Хорошо, — сказалъ коррехидоръ, — пусть Констансика удалится и пусть она ожидаетъ отъ меня всего того, чего она могла бы желать отъ родного своего отца. Ея скромность и красота обязываетъ всѣхъ, кто ее видитъ, предлагать ей свои услуги.

Констанса не отвѣтила ни слова, а съ глубокимъ поклономъ коррехидору вышла изъ зала и поспѣшила въ комнату къ своей хозяйкѣ, нетерпѣливо ждавшей ее, въ надеждѣ узнать, что нужно было коррехидору. Дѣвушка разсказала хозяйкѣ все, что произошло, и сообщила о томъ, что хозяинъ остался съ коррехидоромъ наединѣ, чтобы передать ему кой-что такое, чего онъ не желалъ сказать въ ея присутствіи. Однако хозяйка не вполнѣ успокоилась и все время молилась, пока коррехидоръ не ушелъ изъ гостиницы и она не увидѣла своего мужа, вернувшагося свободнымъ.

Оставшись наединѣ съ коррехидоромъ, хозяинъ разсказалъ ему слѣдующее.

— Сегодня, сеньоръ, по моему исчисленію, какъ разъ пятна-

дцать лѣтъ, одинъ мѣсяцъ и четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала въ эту гостиницу сеньора въ одеждѣ богомолки. Ее несли на носилкахъ, и прибыла она въ сопровожденіи четверыхъ слугъ, ѣхавшихъ за нею верхомъ, и еще были съ нею двѣ дуэньи и одна служанка, — остававшіяся въ экипажѣ. — А кромѣ того два вьючныхъ осла, покрытые богатыми попонами, которые везли роскошную постель и кухонную утварь. Словомъ, все бывшее съ нею, выглядѣло великолѣпно. Богомолка, по всѣмъ признакамъ, была знатная сеньора. Хотя и казалось, что ей около сорока лѣтъ, или немногимъ меньше, несмотря на это она была необычайно красива. Пріѣхала она больная, блѣдная и до того утомленная, что велѣла скорѣй приготовить ей постель, — и ея слуги тотчасъ это и исполнили и постелили ей постель вотъ въ этой самой залѣ. Они спросили у меня, кто лучшій докторъ во всемъ городѣ. Я сказалъ имъ, что лучшимъ считается докторъ Де ля Фуэнте. За нимъ послали, и онъ тотчасъ пришелъ; сеньора глазъ на глазъ съ нимъ говорила о своей болѣзни и въ результатѣ ихъ разговора докторъ велѣлъ ей устроить постель въ другой комнатѣ, въ такомъ мѣстѣ, чтобы она не слышала ни малѣйшаго шума. Тотчасъ ее перенесли въ другую комнату, здѣсь наверху совершенно отдѣльную и обладающую тѣми удобствами, о которыхъ говорилъ докторъ. Никто изъ слугъ не входилъ къ сеньорѣ, и за нею ухаживали только ея двѣ дуэньи и ея дѣвушка. Я и жена моя, мы спрашивали слугъ сеньоры, кто она, какъ ее зовутъ, откуда пріѣхала и куда ѣдетъ, замужняя ли она, вдова или дѣвица, и почему она одѣта богомолкой? На всѣ эти вопросы, которыя мы имъ предлагали не разъ, слуги отвѣчали намъ одно и то же, именно, что эта богомолка — знатная и богатая сеньора изъ Старой Кастиліи, что она вдова и у нея нѣтъ дѣтей, которыя бы наслѣдовали послѣ нея, и что, заболѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ водянкой, она дала обѣтъ отправиться на богомолье Богоматери въ Гуадалупѣ. И изъ-за этого обѣта она носитъ одежду богомолки. Что же касается ея фамиліи, имъ велѣно называть ее только „сеньорой богомолкой“.

Вотъ все, что мы узнали тогда, но по прошествіи трехъ дней, которые сеньора богомолка провела больная въ домѣ у насъ, одна ея дуэнья позвала меня и мою жену отъ имени сеньоры. Мы отправились узнать, что ей отъ насъ угодно, и тогда, при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи своихъ служанокъ она со слезами на глазахъ произнесла, если мнѣ вѣрно помнится, слѣдующія слова: „Сеньоры мои, небо мнѣ свидѣтель, что я не по своей винѣ нахожусь въ томъ жестокомъ положеніи, о которомъ сейчасъ сообщу вамъ: я беременна, и такъ близки мои роды, что я чувствую уже первыя боли. Никто изъ сопровождающихъ меня слугъ не знаетъ о моемъ положеніи и

моемъ несчастьи. Что же касается этихъ служащихъ мнѣ женщинъ, я не могла и не хотѣла скрываться отъ нихъ. Чтобы избѣжать злыхъ глазъ моихъ земляковъ и чтобы этотъ часъ не засталъ меня дома, я дала обѣтъ отправиться на богомолье къ Nuestra Señora de Guadalupe. Она, какъ видно, пожелала, чтобы я родила у васъ въ домѣ. Теперь ваше дѣло помочь мнѣ и сохранить тайну той, которая честь свою отдаетъ въ ваши руки. Вознагражденіе за милость, которую вы мнѣ окажете (я такъ желаю называть ее), если и не будетъ соотвѣтствовать великому ожидаемому мною отъ васъ благодѣянію, но, по крайней мѣрѣ, окажется достаточнымъ, чтобы доказать вамъ, насколько я имѣю желаніе выразить вамъ мою благодарность. Пусть же первымъ доказательствомъ этого моего желанія будутъ двѣсти золотыхъ скуди въ этомъ вотъ кошелькѣ". — И доставъ изъ-подъ подушки кошелекъ, вязаный золотымъ съ зеленымъ шелкомъ, она вручила его моей женѣ. Жена, по своей простотѣ, не думая вовсе о томъ, что она дѣлаетъ, — ее переполнили величайшимъ смущеніемъ слова богомолки, — взяла кошелекъ, не отвѣтивъ ни слова благодарности, хотя бы изъ вѣжливости. Помню, я сказалъ сеньорѣ, что ничего этого не нужно, что мы не такіе люди, которые, когда имъ представляется случай, дѣлаютъ добро скорѣй изъ корыстныхъ цѣлей, чѣмъ по человѣколюбію. Сеньора продолжала тогда прерванный разговоръ и сказала:

„Необходимо, друзья мои, чтобы вы, какъ можно скорѣе, отыскали мѣсто, куда отнести ребенка, который долженъ у меня родиться, и придумали бы также, что сказать тѣмъ, кому вы его передадите. Пока оставьте его въ городѣ, а потомъ я желала бы, чтобъ ребенка отправили въ деревню. Что же впослѣдствіи нужно будетъ дѣлать, вы узнаете, если Богу угодно будетъ просвѣтить меня и дать мнѣ выполнить мой обѣтъ, по возвращеніи моемъ изъ Гуадалупы. Время дастъ мнѣ возможность обдумать и выбрать все, что лучше подойдетъ мнѣ. Въ акушеркѣ я не нуждаюсь и не желаю ее звать; другіе, болѣе почетные роды, бывшіе у меня, даютъ мнѣ увѣренность, что съ помощью моихъ служанокъ я справлюсь со всѣми затрудненіями и избѣгну лишняго свидѣтеля моего приключенія...".

Этими словами окончила свою рѣчь несчастная богомолка и разразилась обильными слезами. Отчасти ее нѣсколько успокоила тогда моя жена, уже пришедшая въ себя отъ своего смущенія. Она привела сеньорѣ многіе и хорошіе доводы утѣшенія. Затѣмъ я вышелъ немедленно изъ дому, чтобы отыскать мѣсто, куда отнести ребенка, въ какое бы позднее время онъ ни родился. Въ эту же самую ночь, между полночью и часомъ, когда всѣ служащіе въ домѣ спали крѣпкимъ сномъ, добрая синьора родила дѣвочку, самую красивую изъ

всѣхъ, которыхъ глаза мои когда либо видѣли. Это и есть та самая дѣвушка, которую вы только-что увидѣли. Мать не издала ни одного стона во время родовъ, и дочь, родившись, ни разу не заплакала: все кругомъ хранило изумительную ташину и молчаніе, какъ и подобало при этомъ поразительномъ происшествіи. Еще дней шесть пролежала сеньора въ постели, и докторъ ежедневно навѣщалъ ее. Но она не сообщила ему причины своей болѣзни, и лѣкарства, которыя онъ ей прописывалъ, ни разу не приняла, желая только обмануть своихъ слугъ посѣщеніями врача. Все это она сама мнѣ сказала послѣ того, какъ увидала себя внѣ опасности. И недѣлю спустя, она встала съ постели съ той же самой опухолью, или по крайней мѣрѣ, подобной той, которая у нея была, когда она слегла въ постель. Она отправилась въ свое богомолье и вернулась оттуда черезъ двадцать дней, почти здоровая, такъ какъ она, мало-по-малу, уменьшала искусственную опухоль, которая и послѣ родовъ, придавала ей видъ больной водянкой. Къ ея возвращенію я уже распорядился, чтобы дѣвочка, подъ именемъ моей племянницы, была отдана, за двѣ мили отсюда, въ деревню кормилицѣ. При крещеніи ей было дано имя Констанса, какъ приказала ея мать. Довольная тѣмъ, что я сдѣлалъ, сеньора на прощаніе дала мнѣ золотую цѣпочку, которая и теперь имѣется у меня. Кромѣ того, сеньора сняла съ цѣпочки шесть звеньевъ и ихъ, какъ она сказала, со временемъ принесетъ то лицо, которое будетъ прислано за ея ребенкомъ. Она также вырѣзала бѣлый листъ пергамента волнистыми извилинами и зубцами, наподобіе сложенныхъ рукъ, и на пальцахъ ихъ что-то написала. Такъ что, когда пальцы скрещены, можно прочесть написанное; когда же руки разняты, нельзя разобрать ни слова, потому что и буквы разъединяются. Я хочу сказать, что одна половина пергамента является какъ бы душой другой половины; соединивъ ихъ вмѣстѣ, можно прочесть написанныя слова, а при разъединеніи это оказывается невозможнымъ. Развѣ можно отгадать тѣ буквы, которыя написаны на второй половинѣ пергамента? Первая половина пергамента и почти цѣликомъ вся золотая цѣпь осталась у меня, и я ихъ до сихъ поръ храню, и все жду еще и теперь недостающіе шесть звеньевъ цѣпи и другую половину пергамента. Сеньора говорила, уѣзжая, что черезъ два года пришлетъ за своею дочерью, и поручила мнѣ воспитывать ее не такъ, какъ надлежитъ ей по рожденію, а какъ обыкновенно воспитываются крестьянки. Сеньора поручила мнѣ также и въ случаѣ, если, по какой-либо неожиданности, ей нельзя будетъ такъ скоро, какъ она думаетъ, прислать за дочерью, то не сообщать дѣвочкѣ ничего о тайнѣ ея рожденія, хотя бы она выросла красивой и отличалась умомъ. Еще просила меня сеньора извинить ее, что она не сообщаетъ мнѣ ни своего имени, ни своего положенія, а все это оста-

вляетъ до болѣе важнаго случая. Наконецъ, она вручила мнѣ еще четыреста скуди и, расцѣловавъ со слезами умиленія мою жену, уѣхала, оставивъ насъ въ удивленіи отъ своего ума, энергіи, красоты и разсудительности. Констанса росла два года въ деревнѣ, а затѣмъ, я взялъ ее къ себѣ, и она всегда ходила въ крестьянскомъ платьѣ, какъ мать этого желала. Пятнадцать лѣтъ, одинъ мѣсяцъ и четыре дня жду я, чтобы пришли за нею. Но долгое промедленіе отняло у меня надежду увидѣть, наконецъ, посланнаго за Констансой. А если и въ нынѣшнемъ году никто не явится, я рѣшилъ удочерить Констансу и сдѣлать ее наслѣдницей всего моего имущества, стоимостью, благодареніе Богу, болѣе шести тысячъ червонцевъ. Мнѣ остается теперь, сеньоръ коррехидоръ, разсказать вашей милости, если только это мнѣ окажется по силамъ, насколько велики добродѣтели и хорошія качества Констансики. Она, прежде всего, очень богобоязненна и предана Nuestra Señora; исповѣдуется и причащается каждый мѣсяцъ; умѣетъ читать и писать; нѣтъ лучше ея кружевницы во всемъ Толедо; поетъ она, какъ ангелъ; по цѣломудрію никто не сравнится съ ней; что же касается красоты, ваша милость, вы сами видѣли ее. Сеньоръ донъ-Педро, сынъ вашей милости, не говорилъ съ ней во всю жизнь ни одного слова; правда, что, время отъ времени, онъ устраиваетъ музыку въ честь ея, но она никогда не слушаетъ эту музыку. Много сеньоровъ, и очень знатныхъ, останавливалось у меня въ гостиницѣ и нарочно долго откладывали день своего отъѣзда, чтобы насытиться лицезрѣніемъ красоты. Но я хорошо знаю, что не найдется никого, который по справедливости могъ бы похвастать, что Констанса дала ему случай сказать ей хотя-бы одно словечко наединѣ или даже въ присутствіи другихъ. Вотъ, сеньоръ, истинная исторія прославленной судомойки, которая не есть судомойка, и я не отступилъ въ этой исторіи отъ правды ни на іоту.

Хозяинъ умолкъ, и коррехидоръ долгое время не могъ промолвить ни слова, до того взволновалъ его разсказъ, сообщенный ему хозяиномъ. Наконецъ, онъ сказалъ, чтобы хозяинъ принесъ цѣпь и пергаментъ, такъ какъ онъ желаетъ все это видѣть. Хозяинъ пошелъ за вещами и, когда онъ ихъ принесъ, коррехидоръ убѣдился въ правдивости всего разсказаннаго. Цѣпь состояла изъ звеньевъ изумительной работы; на пергаментѣ были начертаны, одна за другою, отдѣленныя промежутками, которые должна была пополнить другая половина пергамента, — слѣдующія буквы: e, t, e, l, s, n, v, d, d, r. Читая эти буквы, коррехидоръ убѣдился, что только при соединеніи ихъ съ буквами другой половины пергамента, возможно понять смыслъ написаннаго. Онъ счелъ весьма остроумнымъ этотъ способъ признанія и провѣрки, а также рѣшилъ, что сеньора богомолка, подарившая такую цѣпь ко-

зяину, очень богата. Кромѣ того, коррехидоръ рѣшилъ въ умѣ взять изъ гостиницы прекрасную молодую дѣвушку, лишь только она изберетъ монастырь, куда онъ сможетъ ее передать, а пока коррехадоръ удовлетворился тѣмъ, что взялъ съ собой пергаментъ. Хозяину онъ поручилъ, если бъ вдругъ явились за Констансой, увѣдомить его объ этомъ, а также сообщить, кто то лицо, которое за ней явится, и лишь тогда показать цѣпь, которая попрежнему осталась въ рукахъ хозяина. Затѣмъ коррехидоръ ушелъ, столь же удивленный разсказомъ и исторіей о прославленной судомойкѣ, какъ и ея несравненной красотой. Все время, проведенное хозяиномъ съ коррехидоромъ, и то время, которое пробыла съ ними Констанса, когда ее туда позвали, Томасъ былъ внѣ себя. Душа его была охвачена тысячью различныхъ мыслей, и ни съ одной изъ нихъ онъ не былъ въ состояніи справиться. Но когда Томасъ увидѣлъ, что коррехидоръ уѣхалъ, а Констанса осталась, онъ вздохнулъ всей грудью, и пульсъ его, который какъ бы уже замеръ, снова правильно забился. Томасъ не посмѣлъ спросить у хозяина, что было нужно коррехидору, и хозяинъ не сказалъ этого никому, кромѣ своей жены, которая тоже только тогда пришла въ себя и благодарила Бога за то, что освободилась отъ такой большой тревоги.

На слѣдующій день, около часа пополудни, на постоялый дворъ заѣхали, въ сопровожденіи четырехъ верховыхъ, двое старыхъ кабальеросовъ, весьма почтенной наружности. Но прежде чѣмъ заѣхать, они спросили одного изъ двухъ пѣшихъ слугъ, сопровождавшихъ ихъ, это ли гостинница дель-Севильяно, и, узнавъ, что это, всѣ заѣхали туда. Четверо верховыхъ сошли съ лошадей и побѣжали держать стремя двумъ старикамъ, изъ чего и явствовало, что именно эти двое — господа всѣхъ остальныхъ шестерыхъ. Констанса вышла съ обычной своею привѣтливостью встрѣтить новыхъ пріѣзжихъ, и едва одинъ изъ стариковъ увидѣлъ ее, онъ сказалъ другому:

— Мнѣ кажется, сеньоръ Хуанъ, что мы нашли то, чего пріѣхали искать...

Томасъ, прибѣжавшій задать корму лошадямъ, тотчасъ же узналъ двухъ слугъ своего отца, а также узналъ какъ своего отца, такъ и отца Карріасо. Вотъ кѣмъ оказались старики, которымъ всѣ служили. И хотя Томасъ удивился ихъ пріѣзду, но подумалъ, что, должно быть, они отправляются искать его и Карріасо въ заколахъ для ловли атунцевъ, такъ какъ имъ могли сообщить, будто тамъ, а не во Фландріи надо искать ихъ сыновей.

Томасъ не отважился открыть себя отцу, — напротивъ того, рѣшился, прикрывъ рукой лицо, пройти мимо стариковъ и отправился искать Констансу. Къ счастью своему, онъ ее нашелъ одну. Поспѣшно

и смущеннымъ голосомъ, боясь, что она не дастъ ему времени что-либо сказать, Томасъ объявилъ ей:

— Констанса, одинъ изъ старыхъ кабальеросовъ, только что пріѣхавшихъ сюда, — мой отецъ. Это тотъ, котораго, какъ ты услышишь, будутъ называть донъ-Хуаномъ де Авенданьо. Узнай у его слугъ, нѣтъ ли у него сына, котораго зовутъ дономъ Томасомъ де Авенданьо. Этотъ сынъ — я. Отсюда ты можешь вывести заключеніе, правду ли я сказалъ тебѣ относительно моего положенія и происхожденія, и также относительно справедливости данныхъ тебѣ мною обѣщаній. Прощай, потому что, пока они не уѣдутъ, я не думаю вернуться въ эту гостиницу.

Констанса ничего не отвѣтила, и онъ не ждалъ, чтобы она ему что-либо отвѣтила. Онъ снова пробѣжалъ назадъ, съ прикрытымъ, какъ раньше, лицомъ, и отправился сообщить Карріасо о пріѣздѣ ихъ отцовъ на постоялый дворъ.

Хозяинъ позвалъ Томаса задать кормъ лошадямъ, но такъ какъ Томасъ не появлялся, то сдѣлалъ это самъ. Одинъ изъ двухъ стариковъ отозвалъ одну изъ служанокъ галисіекъ въ сторону и спросилъ ее, какъ имя той красивой дѣвушки, которую они видѣли, и не родственница ли она хозяину или хозяйкѣ? Галисійка отвѣтила:

— Имя этой дѣвушки — Констанса; она не родственница ни хозяину, ни хозяйкѣ, и не знаю, что она такое. Скажу только одно, что желала бы ей чуму. Не могу понять, чѣмъ такимъ она обладаетъ, но она стоитъ поперекъ горла всѣмъ намъ, дѣвушкамъ, которыя служатъ въ этой гостиницѣ. А между тѣмъ, по правдѣ говоря, и у насъ, вѣдь, черты лица, какъ Богъ ихъ создалъ. Нѣтъ ни одного пріѣзжаго, который тотчасъ бы не спросилъ, кто эта красавица, и который не сказалъ бы: „Какъ она хороша, какъ мила! клянусь, она недурна! плохо придется изъ-за нея самымъ знатнымъ и богатымъ... Пусть мнѣ судьба пошлетъ жену не хуже ея“. А что касается насъ, то никто не скажетъ даже: что дѣлаете вы тутъ, женщины, или черти, или кто бы вы тамъ ни были?

— Въ такомъ случаѣ, — спросилъ старый кабальеросъ, — эта молодая дѣвушка позволяетъ ухаживать за собой пріѣзжимъ?..

— Да, — отвѣтила галисійка, — забейте-ка ей подкову въ ногу; какъ разъ эта дѣвушка годна для этого. Клянусь Богомъ, сеньоръ, если бъ только она позволила взглянуть на себя, она бы плавала въ золотѣ. Но она болѣе жестка, чѣмъ ежъ. Она то и дѣло глотаетъ „Ave Maria“; цѣлый день работаетъ и молится; я бы хотѣла въ тотъ день, когда она совершитъ чудо, имѣть ренту на текущемъ счету. Хозяйка говоритъ, что она носитъ власяницу на тѣлѣ. Вотъ и получай, папенька!

Крайне довольный тѣмъ, что онъ услышалъ отъ галисійки, кабальеро, не ожидая, чтобы ему сняли шпоры, позвалъ хозяина и, удалившись съ нимъ вдвоемъ въ залъ, сказалъ ему:

— Сеньоръ хозяинъ, я пріѣхалъ отнять у васъ сокровище, принадлежащее мнѣ, которое нѣсколько лѣтъ хранилось въ вашихъ рукахъ. Чтобы взять его у васъ, я привезъ вамъ тысячу скуди золотомъ, вотъ эти звенья цѣпи и этотъ кусокъ пергамента...

Сказавъ это, кабальеро вынулъ изъ кармана шесть звеньевъ отъ цѣпи, хранившейся у хозяина; точно такъ же хозяинъ узналъ и половину пергамента, и, въ высшей степени обрадованный предложеніемъ тысячи скуди, отвѣтилъ:

— Сеньоръ, сокровище, которое вы желаете отнять, — у меня въ домѣ. Но у меня тутъ нѣтъ ни цѣпи, ни пергамента, которыми, какъ я думаю, милость ваша желаетъ удостовѣриться въ подлинности. И потому прошу васъ, вооружитесь терпѣніемъ, я тотчасъ же вернусь...

И немедленно хозяинъ пошелъ увѣдомить коррехидора о томъ, что къ нему въ гостиницу за Констансой пріѣхали два кабальероса.

Коррехидоръ только-что началъ обѣдать. Но движимый желаніемъ узнать скорѣй конецъ этой исторіи, онъ тотчасъ же всталъ, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ „Севильяно", взявъ съ собой половину пергамента. Едва онъ увидѣлъ двухъ кабальеросовъ, какъ открылъ свои объятія и бросился цѣловать одного изъ нихъ, говоря:

— Клянусь именемъ Бога, что за счастливая встрѣча, сеньоръ донъ-Хуанъ де Авенданьо, мой двоюродный братъ и сеньоръ мой!

И старый кабальеро, въ свою очередь, расцѣловалъ коррехидора, говоря:

— Безъ сомнѣнія, сеньоръ двоюродный братъ, счастливъ мой пріѣздъ, такъ какъ я вижу васъ и вижу васъ здоровымъ, какъ я всегда того желалъ. Обнимите, кузенъ, обнимите и этого сеньора, донъ-Діего де Карріасо, знатнаго дворянина и друга моего.

— Я уже знакомъ съ сеньоромъ донъ-Діего, — отвѣтилъ коррехидоръ, — и я его покорнѣйшій слуга...

Послѣ того, какъ они расцѣловались и обмѣнялись всякими изъявленіями вѣжливости и величайшей дружбы, всѣ трое вошли въ залъ, гдѣ остались наединѣ съ хозяиномъ гостиницы, взявшимъ съ собой цѣпь. Хозяинъ заговорилъ такъ:

— Сеньору коррехидору уже извѣстно, милость ваша, почему вы пріѣхали сюда, сеньоръ донъ-Діего де Карріасо. Пусть ваша милость предъявитъ звенья, недостающія въ этой цѣпи, а сеньоръ коррехидоръ предъявитъ пергаментъ, находящійся у него въ рукахъ. И сдѣлаемъ теперь провѣрку, которую я жду столько уже лѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ донъ-Діего, — мнѣ не зачѣмъ еще разъ сообщать сеньору коррехидору, почему мы пріѣхали сюда. Вѣдь, изъ вашихъ словъ я вижу, сеньоръ хозяинъ, причина эта извѣстна ему.

— Кое-что онъ сообщилъ мнѣ, но еще многое осталось мнѣ узнать. Вотъ пергаментъ.

Донъ-Діего представилъ другую половину пергамента, и, когда соединили обѣ части вмѣстѣ, получилось одно цѣлое. И буквы половины пергамента, бывшей въ рукахъ хозяина, а именно какъ уже было сказано: E T E L S N V D D R оказались соотвѣтствующими буквамъ другой половины пергамента, а именно: S A S A E A L E R A E A и, взятыя вмѣстѣ, онѣ составляли слова: Esta es la senal verdadera, т. е.: это есть истинный знакъ. Тотчасъ же приставили звенья къ цѣпи, и они подошли, какъ нельзя лучше.

— Дѣло сдѣлано, — сказалъ коррехидоръ, теперь остается узнать, если это возможно, кто родители прекраснѣйшей дѣвушки?...

— Отецъ ея, — отвѣтилъ донъ-Діего, — я; матери нѣтъ уже въ живыхъ. Достаточно сказать, что она была настолько знатнаго рода, что я могъ бы быть ея слугой. Но чтобъ отъ утайки ея имени не пострадала ея добрая слава и чтобы не обвиняли ее въ тайномъ грѣхѣ и явномъ проступкѣ противъ совѣсти, надо знать, что мать этого прелестнаго ребенка была вдовой знаменитѣйшаго кабальеро. Она удалилась жить въ одно изъ своихъ имѣній. Тамъ, въ величайшемъ уединеніи и цѣломудріи, проводила она, среди своихъ слугъ и вассаловъ, спокойную и тихую жизнь. Судьба распорядилась такъ, что однажды, когда я охотился на границахъ ея владѣній, я вздумалъ посѣтить ее, въ ея алькасарѣ[1]) (вѣдь, ея громадный домъ заслуживалъ это названіе) какъ разъ въ часъ сіесты. Поручивъ присмотръ за моимъ конемъ слугѣ моему, самъ я поднялся по лѣстницѣ, не встрѣтивъ никого, и добрался до ея комнаты, гдѣ она спала на черномъ возвышеніи. Она была изумительно хороша. Тишина, уединеніе, случай пробудили во мнѣ порывъ болѣе отважный, чѣмъ благородный. Я былъ не въ состояніи подчиниться разумнымъ мыслямъ и заперъ за собою дверь. Потомъ, подойдя къ сеньорѣ, разбудилъ ее и, крѣпко держа ее въ своихъ объятіяхъ, сказалъ ей:

— Ваша милость, сеньора моя, не кричите: крики ваши были бы герольдами вашего безчестья. Никто не видѣлъ, какъ я вошелъ въ вашу комнату, и моя судьба, которую я считаю наисчастливѣйшей, такъ какъ могу обладать вами, пролила сонъ на глаза всѣхъ вашихъ слугъ. Если бы они и прибѣжали на вашъ крикъ, то могли бы только ли-

---

[1]) Alcasar — отъ арабскаго слова al-kasr, означаетъ — дворецъ.

шить меня жизни, — и это бы произошло въ вашихъ объятіяхъ, а смерть моя не вернула бы вамъ вашу потерянную честь...

И такъ я овладѣлъ ею, противъ ея желанія и только благодаря насилію. Испуганная, ошеломленная, утомленная, она не могла или не захотѣла произнести ни слова, и я оставилъ ее какъ бы въ оцѣпенѣніи и почти бездыханной. Вернулся я назадъ по тому же пути, по какому пришелъ, и уѣхалъ въ имѣніе къ одному моему пріятелю, въ двухъ миляхъ отъ нея. Эта сеньора перемѣнила свое мѣстопребываніе, и я больше никогда ея не видѣлъ и не старался встрѣтиться съ ней. Такъ прошло два года, по минованіи которыхъ я узналъ, что она умерла. И вотъ, приблизительно дней двадцать тому назадъ я получилъ письмо отъ мажордома той сеньоры. Въ этомъ письмѣ онъ очень настоятельно просилъ пріѣхать, потому что рѣчь идетъ о вопросѣ весьма важномъ, какъ для моего счастья, такъ и для моей чести. Я поѣхалъ къ нему; нашелъ его на смертномъ одрѣ, и, чтобы не удлинять разсказа, онъ въ краткихъ словахъ сообщилъ мнѣ, что, умирая, его сеньора открыла ему все происшедшее между нею и мною, и то, какъ она забеременѣла вслѣдствіе учиненнаго надъ нею насилія. Чтобы скрыть свое положеніе, она отправилась на богомолье къ Nuestra Señora de Guadalape, и затѣмъ родила въ этой гостиницѣ дѣвочку, которая должна называться Констанса. Мажордомъ передалъ мнѣ при этомъ доказательства, съ помощью которыхъ я могу найти дѣвочку. Это и были тѣ доказательства, которыя мы видѣли: звенья цѣпи и половина пергамента. Отъ отдалъ мнѣ также тридцать тысячъ скуди золотомъ, оставленные сеньорой на приданое ея дочери. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сообщилъ мнѣ, что если онъ не передалъ эти деньги тотчасъ же послѣ смерти своей госпожи и не сообщилъ мнѣ того, что она довѣрила его чести и порядочности, то сдѣлалъ это лишь изъ жадности, чтобы себѣ самому присвоить деньги. Но теперь онъ на порогѣ смерти и долженъ отдать Богу отчетъ въ своихъ поступкахъ. Для облегченія совѣсти, онъ хочетъ передать мнѣ деньги и сообщить, гдѣ и какъ я могу найти свою дочь. Получилъ я отъ мажордома тридцать тысячъ скуди и доказательства — звенья цѣпи и половину пергамента. Тогда же я сообщилъ объ этомъ сеньору донъ-Хуану де Авенданьо, и мы отправились съ нимъ въ дорогу сюда.

Не успѣлъ донъ-Діего проговорить эти слова, какъ у дверей съ улицы послышались громкіе крики:

— Пусть скажутъ Томасу Педро, парню, выдающему лошадямъ ячмень, что его друга, астурійца, только что арестовали. Пускай онъ отправится къ нему въ тюрьму, гдѣ его ожидаетъ его другъ...

Услыхавъ слова: „тюрьма“ и „арестовать“, коррехидоръ велѣлъ привести арестованнаго и альгвазила, арестовавшаго его. Альгвазилу со-

общили, что коррехидоръ приказываетъ ему войти съ арестованнымъ въ гостиницу, и тотъ долженъ былъ это исполнить.

Астуріецъ вошелъ съ окровавленнымъ лицомъ, въ растерзанной одеждѣ. Его крѣпко держалъ альгвазилъ. Едва войдя въ домъ, онъ тотчасъ узналъ своего отца и отца Авенданьо и сильно смутился. Но, чтобы его не узнали, онъ, дѣлая видъ, будто платкомъ вытираетъ кровь, прикрылъ себѣ лицо. Коррехидоръ спросилъ: что сдѣлалъ молодой человѣкъ, котораго ввели въ такомъ плачевномъ состояніи? Альгвазилъ отвѣтилъ, что парень этотъ — водовозъ, по прозванію Астуріецъ, которому уличные мальчишки кричали: „давай хвостъ, Астуріецъ, давай хвостъ", и тутъ же въ краткихъ словахъ разсказалъ, почему у этого водовоза спрашиваютъ хвостъ. Выслушавъ всю исторію, присутствующіе очень смѣялись. Далѣе альгвазилъ сообщилъ, что, когда Астуріецъ выходилъ изъ воротъ Алкансара, мальчишки очень ему досадили своими требованіями хвоста. Тогда онъ сошелъ съ осла и, бросившись на мальчишекъ, схватилъ одного изъ нихъ и до полусмерти избилъ палкой. А когда его хотѣли арестовать, онъ сопротивлялся и потому является въ столь плачевномъ видѣ.

Коррехидоръ велѣлъ Лопе открыть свое лицо, и, такъ какъ онъ отказывался это сдѣлать, то альгвазилъ подошелъ къ нему и сорвалъ съ лица его платокъ. Тотчасъ же отецъ узналъ сына и взволнованный воскликнулъ:

— Сынъ мой донъ-Діего! Какимъ образомъ ты въ такомъ видѣ? Что это за костюмъ на тебѣ? Ты еще не забылъ своихъ глупыхъ шалостей?..

Карріасо опустился на колѣни и упалъ къ ногамъ отца, который долго держалъ его въ объятіяхъ. Донъ-Хуанъ де Авенданьо, зная, что донъ-Томасъ, его сынъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ донъ-Діего, спросилъ послѣдняго о Томасѣ. На это Діего далъ отвѣтъ, что донъ-Томасъ де Авенданьо и есть тотъ самый парень, который распредѣляетъ ячмень и солому въ гостиницѣ. Такой отвѣтъ Астурійца вызвалъ еще бо̀льшее удивленіе среди присутствующихъ, и коррехидоръ велѣлъ хозяину привести сюда парня, завѣдующаго кормомъ лошадей.

— Мнѣ сдается, что его нѣтъ въ домѣ, — отвѣтилъ хозяинъ, — но я пойду искать его.

И онъ отправился искать парня.

Донъ-Діего спросилъ тогда у Карріасо, что это съ нимъ за метаморфоза и что побудило его сдѣлаться водовозомъ, а дона Томаса — слугой въ гостиницѣ? На это Карріасо отвѣтилъ, что не можетъ дать объясненія при всей публикѣ, а сдѣлаетъ это наединѣ съ отцомъ.

Томасъ Педро сидѣлъ, спрятавшись въ своей комнатѣ, въ надеждѣ

видѣть оттуда все [1]), а самому остаться незамѣченнымъ. Ему хотѣлось увидѣть, что будутъ дѣлать его отецъ и отецъ Карріасо. Томаса очень безпокоило появленіе коррехидора и шумъ, поднявшійся во всемъ домѣ. Нашлись люди, которые сообщили хозяину, гдѣ спрятался Томасъ. Хозяинъ поднялся къ нему въ комнату и скорѣе насильно, чѣмъ по доброй волѣ, заставилъ его спуститься внизъ. И все-таки онъ бы не спустился, если бъ самъ коррехидоръ не вышелъ во дворъ и не назвалъ его по имени, сказавъ:

— Сойдите, ваша милость, сеньоръ мой родственникъ: здѣсь, вѣдь, ждутъ васъ не медвѣди и не львы...

Томасъ сошелъ внизъ, съ опущенными глазами и величайшей покорностью всталъ онъ на колѣни передъ своимъ отцомъ, который съ глубокой радостью поцѣловалъ его, подобно отцу блуднаго сына, вернувшаго въ родительскій домъ...

Въ это время подъѣхала коляска коррехидора, чтобы всѣ могли поѣхать въ ней, такъ какъ въ великія празднества не принято было ѣздить верхомъ. Коррехидоръ велѣлъ позвать Констансу и, взявъ ее за руку, представилъ дочь отцу, говоря:

— Примите это сокровище, сеньоръ донъ-Діего, и сочтите его за самую большую драгоцѣнность, которую вы только могли пожелать себѣ... А вы, прекрасная дѣвушка, поцѣлуйте руку вашего отца и благодарите Бога, поднявшаго васъ такимъ почетнымъ образомъ изъ неизменнаго въ столь высокое положеніе.

Констанса, которая не понимала и не знала, что такое случилось, страшно смущенная и вся дрожащая, не сумѣла предпринять что-либо иное, какъ только броситься къ ногамъ своего отца. Она взяла его руки и нѣжно цѣловала, орошая ихъ слезами, которыя текли изъ ея прекрасныхъ глазъ...

Въ то время, какъ все это происходило, коррехидоръ убѣдилъ своего двоюроднаго брата, донъ-Хуана, отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ домъ коррехидора. И хотя донъ-Хуанъ отказывался, но коррехидоръ такъ убѣдительно просилъ, что пришлось уступить ему, и всѣ усѣлись въ его коляску. Когда же коррехидоръ сказалъ Констансѣ, чтобы и она тоже сѣла въ экипажъ, бѣдная дѣвушка не выдержала. Она и жена хозяина бросились другъ другу въ объятія и такъ горько расплакались, что огорченіе ихъ тронуло всѣхъ присутствующихъ. Хозяйка воскликнула:

— Возможно ли, дочь моего сердца, что ты уѣзжаешь и бро-

---

[1]) Архитектура домовъ въ Испаніи не изъ тщательныхъ, и часто можно съ верхняго этажа чрезъ щели пола видѣть, что происходитъ внизу.

саешь меня? Какъ у тебя хватаетъ духа покинуть ту мать, которая съ такой любовью выростила тебя?

Констанса плакала и отвѣчала ей такими же нѣжными словами. Но коррехидоръ, тронутый всѣмъ этимъ, велѣлъ и хозяйкѣ сѣсть въ коляску, чтобъ она не разставалась съ своей дочерью, пока та не уѣдетъ изъ Толедо.

Такимъ образомъ хозяйка и всѣ остальные усѣлись въ коляску и поѣхали къ коррехидору, гдѣ были какъ нельзя лучше приняты его женой, очень знатной сеньорой. Всѣ роскошно и богато пообѣдали и, послѣ обѣда, Карріасо разсказалъ своему отцу, какъ изъ любви къ Констансѣ донъ-Томасъ поступилъ на службу въ гостиницу „Севильяно". Его любовь была такъ велика, что, не зная, какого Констанса высокаго происхожденія, Томасъ хотѣлъ жениться на ней, даже въ ея положеніи судомойки... Жена коррехидора одѣла тотчасъ же Констансу въ платье одной изъ своихъ дочерей, того же роста и такого же возраста, какъ и Констанса. И если дѣвушка казалась красивой въ одеждѣ крестьянки, то въ платьѣ придворной дамы она олицетворяла небесное созданіе. Такъ хорошо шелъ къ ней этотъ костюмъ, что, казалось, съ самаго рожденья она была сеньорой и носила непрерывно лучшіе и самые модные наряды.

Но среди столькихъ веселыхъ лицъ оказалось одно грустное, и это былъ — донъ-Педро, сынъ коррехидора, который тотчасъ понялъ, что Констанса не будетъ его женой. Такъ оно и случилось. Дѣйствительно, коррехидоръ согласился съ дономъ Діего и съ дономъ Хуаномъ де Авенданьо, чтобы донъ-Томасъ женился на Констансѣ, и отецъ дастъ ей тѣ тридцать тысячъ скуди, которыя мать оставила ей въ приданое. Они согласились также, чтобы водовозъ, донъ-Діего де Карріасо, женился на дочери коррехидора, а донъ-Педро, сынъ коррехидора — на дочери донъ-Хуана де Авенданьо; при чемъ отецъ его предложилъ исходатайствовать разрѣшеніе на этотъ бракъ между близкими родственниками.

Такимъ образомъ, всѣ были довольны, радостны и счастливы. Вѣсть о предстоящихъ свадьбахъ и о счастьѣ, выпавшемъ на долю „прославленной судомойки", распространилась въ городѣ.

Множество народа прибѣгало посмотрѣть на Констансу въ ея новомъ нарядѣ, въ которомъ она казалась вполнѣ сеньорой, какъ мы уже это говорили. Увидѣли и парня, раздававшаго лошадамъ ячмень, превращеннаго въ дона Томаса де Авенданьо и одѣтаго сеньоромъ; отмѣтили также, что и Лопе Астуріецъ сталъ весьма элегантнымъ двоpяниномъ послѣ того, какъ онъ перемѣнилъ платье, бросивъ осла и кувшины. Но, тѣмъ не менѣе, и при всемъ его великолѣпіи, когда онъ шелъ по улицамъ, встрѣчались еще шутники, которые спрашивали его о хвостѣ.

Мѣсяцъ всѣ оставались еще въ Толедо, послѣ чего въ Бургасъ вернулись: донъ-Діего де Карріасо съ своей женой и съ отцомъ и Констанса съ своимъ мужемъ, дономъ Томасомъ, и съ сыномъ коррехидора, который желалъ посѣтить свою родственницу, а въ скоромъ времени и супругу.

Хозяинъ гостиницы „Севильяно" обогатился тысячью скуди и еще многими драгоцѣнностями, подаренными Констансой своей „сеньорѣ", какъ она всегда называла ту, которая ее воспитала.

Исторія „прославленной" судомойки снабдила поэтовъ золотистаго Тахо случаемъ пустить въ ходъ свои перья, чтобы воспѣть и восхвалить несравненную красоту Констансы, которая и теперь еще живетъ счастливо въ союзѣ съ своимъ преданнымъ сеньоромъ и слугой.

У Карріасо теперь, ни болѣе и ни менѣе, какъ три сына, которые, не подражая отцу и ни мало не заботясь, есть ли на свѣтѣ законы для ловли атунцевъ, слушаютъ всѣ курсы въ Миланскомъ университетѣ. Отецъ же ихъ, какъ увидитъ осла водовоза, тотчасъ же вспоминаетъ осла, котораго онъ имѣлъ въ Толедо. И онъ опасается, что вдругъ, когда онъ менѣе всего будетъ ожидать этого, въ какой-нибудь сатирѣ послышится возгласъ:

— Неси хвостъ, Астуріецъ... Астуріецъ, неси хвостъ...

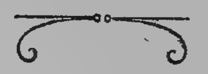
Съ испанс. пер. М. Ватсонъ.

* * *

Развѣ кто-нибудь знаетъ, когда постучится къ намъ счастье?
Можетъ быть, на разсвѣтѣ, на алой холодной зарѣ
Мнѣ лицо опахнетъ вмѣстѣ съ вѣтромъ въ безумной игрѣ,
Или въ полдень горячій надъ моремъ приснится оно,
Или съ первой зеленой звѣздою заглянетъ въ окно?
Развѣ кто-нибудь знаетъ, когда постучится къ намъ счастье?
Не напрасно ли ждать мы выходимъ весной на порогъ?
Не напрасно ль мы ищемъ кого-то въ туманѣ дорогъ?
Можетъ быть, — оно съ юга придетъ вмѣстѣ съ таяньемъ льдовъ
Или, просто, изъ комнаты смежной отъ милыхъ шаговъ.
Развѣ кто-нибудь знаетъ, откуда приходитъ къ намъ счастье?..
Счастьемъ можетъ быть, — солнце и ясный ребяческій смѣхъ,
Ливень теплый и звонкій, летящій, блистая, со стрѣхъ,
Къ сердцу крикъ, долетѣвшій отъ неба несущихся стай...
Счастьемъ могутъ быть слезы и гордое слово „прощай“!
Развѣ кто-нибудь знаетъ лицо къ намъ идущаго счастья?

А. Чумаченко.

НА ВЕРШИНѢ.

Романъ ТЕМПЛЯ СЁРСТОНА.

(Продолженіе[1].)

X.

Лэди Діана возвращалась немедленно въ Лондонъ: начинался сезонъ. А черезъ три дня Дикки закончилъ свои дѣла въ Эккингтонѣ и тоже уѣхалъ. Переустройствомъ мельницы долженъ былъ вѣдать м-ръ Ферлонгъ — кстати и занятіе для него. Маленькій Гарри остался на попеченіи м-съ Флинтъ, къ которой онъ уже успѣлъ привязаться. Бабушка и ея возвращеніе изъ поѣздки за свѣчами переходили въ область смутныхъ воспоминаній въ его головкѣ, занятой теперь чудесами деревенскаго приволья.

М-съ Флинтъ замѣтила, что ч т о - т о произошло съ Дикки въ послѣдніе дни. Онъ былъ безпокоенъ по особому; не такъ, какъ онъ бывалъ раньше, когда бѣсъ творчества овладѣвалъ имъ. Онъ казался угнетеннымъ, потерявшимъ цѣль. Она не знала, въ чемъ дѣло, но инстинктивно связывала это съ встрѣчей на выставкѣ цвѣтовъ. Съ этого самаго дня онъ сталъ безпокойнымъ. Но что̀ произошло съ тѣхъ поръ? Развѣ могли они видѣться?

Въ день отъѣзда м-съ Флинтъ не вытерпѣла и спросила Дикки, что съ нимъ.

— Ровно ничего, — сказалъ онъ, — просто мнѣ хочется опять вернуться къ работѣ. Вотъ и все.

Она опустила голову. Приходилось пока удовлетворяться такимъ отвѣтомъ. Но когда онъ прощался, она пристально взглянула ему прямо въ глаза.

— Разказывайте мнѣ все о себѣ, Дикки, — сказала

---

[1]) См. Мартъ, стр. 155.

она спокойно. — Никто не интересуется вами и вашей работой больше, чѣмъ я. Не забывайте этого. Въ вихрѣ лондонской жизни, среди большихъ задачъ и большихъ успѣховъ вспоминайте тихую мельницу и меня. Я хочу знать все о васъ, хорошее и дурное.

Дикки тепло сжалъ ея руку.

— Вы не требуете отъ меня писать каждую недѣлю? — спросилъ онъ съ улыбкой. — Вы знаете, что я никуда негодный корреспондентъ.

— Нѣтъ... Пишите, если вамъ захочется... Иначе не надо.

Когда Дикки вернулся домой, м-съ Сэмби съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила его на лѣстницѣ. Мастерская была тщательно убрана, а сама Фанни предвкушала наступленіе веселыхъ дней, но, увидя Дикки, тотчасъ смекнула, что шутокъ сегодня не будетъ.

— Я и дочка моя каждый день приходили убирать, — сказала она, пока онъ осматривался кругомъ. — Нигдѣ ни пятнышка, ни соринки.

— Да, очень чисто! очень хорошо! — сказала Дикки, но въ немъ не чувствовалось прежней гордости своей студіей. Темной тѣнью лежало на его мысляхъ и ощущеніяхъ утомленіе и недовольство. Уже нѣсколько дней эта тѣнь сопровождала его, отъ нея вѣяло холодомъ, но ни въ чемъ не было отъ нея спасенія. Фанни приходила каждое утро, какъ обыкновенно, въ мастерскую. Часто она заставала его уже за мольбертомъ, но, бросивъ искоса взглядъ, она знала, что работа не спорится. Она терпѣливо ждала дня, когда Дикки, наконецъ, опять начнетъ шутить, и можно будетъ посмѣяться, но этотъ день долго не приходилъ.

Дикки засталъ новые заказы отъ Рейнгардта и Гернани, а также и отъ другихъ фирмъ. Недостатка въ работѣ не было. Къ тому же еще шла подготовка его выставки въ галлереяхъ Рейнгардта. Дикки работалъ, но ни души, ни радости не вкладывалъ въ дѣло. Цѣлыхъ три недѣли уныніе окутывало его, постылое и прилипчивое, точно мокрый плащъ. Онъ не хотѣлъ признаться самому себѣ, что влюбленъ и при томъ безнадежно... Онъ даже не допускалъ, чтобы лэди Діана могла быть въ какой бы то ни было мѣрѣ причиной этого настроенія. Такъ состояніе это и тянулось упорно, томительно, и онъ не могъ найти въ себѣ смѣлости признать, что онъ сраженъ въ своихъ упованіяхъ.

Разставаясь тогда, на Бредонскомъ холмѣ, они, не опредѣляя ни времени ни мѣста, согласились на томъ, что увидятся въ Лондонѣ. Дикки не спросилъ ея адреса, и она не знала, гдѣ онъ живетъ. Конечно, свѣдѣнія о ней было легко получить. Купивъ Синюю книгу, Дикки нашелъ въ ней имя лорда Фредди Чэртрисъ и его особнякъ, но не рѣшился писать туда.

„То утро на холмѣ было только маленькое деревенское приключеніе, — думалъ Дикки въ сотый разъ. Онъ всего-навсего — сынъ мельника. Чтó она можетъ имѣть съ нимъ общаго? Поболтала, убила скучный день — больше онъ ей не нуженъ. Если бы ей, дѣйствительно, такъ понравилась его работа, то развѣ она не могла просить его писать ея портретъ? Съ какой радостной готовностью сдѣлалъ бы онъ это, безъ иной награды, какъ только наслажденіе работой“.

Нѣсколько листковъ въ его альбомѣ и нѣсколько полотенъ въ мастерской было украшено ея портретами, сдѣланными по памяти. Но всѣми онъ былъ глубоко не удовлетворенъ, когда сравнивалъ ихъ съ тѣмъ образомъ, который носилъ въ душѣ.

Больше онъ не увидитъ ея. Въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Она вернулась къ свѣтской жизни, къ которой выражала такое презрѣніе. Передъ нимъ блеснулъ на мгновенье новый міръ — невѣдомый, изумительный! — но онъ ему чужой. Какъ она умно сказала: свѣтское общество — не теплица для искусства. Это правильно. Но нужно было время для того, чтобы онъ могъ освоиться съ этимъ, войти въ прежнюю колею и начать работать по-старому. И вотъ однажды утромъ Фанни подала ему письмо. На оборотной сторонѣ конверта была графская корона.

„Это что-то казенное, — подумала Фанни, — подоходный налогъ или что-нибудь такое“.

Она не спускала съ Дикки глазъ, пока онъ вскрывалъ письмо и читалъ. „Прочтетъ, — думала она, — и станетъ туча-тучей!“ Но къ ея удивленію, этого не произошло. Наоборотъ, лицо Дикки прояснилось. Черезъ нѣсколько секундъ онъ захотѣлъ вставать, попросилъ горячей воды, и голосъ его звучалъ молодо и оживленно, какъ бывало раньше.

Письмо было, конечно, отъ лэди Діаны. М-съ Флинтъ переслала его изъ Эккингтона. Ей не на чемъ было основываться, кромѣ какъ на своемъ чутьѣ, и она шла ощупью отыскивать правду, какъ это женщины умѣютъ.

„Многоуважаемый, м-ръ Ферлонгъ, — прочелъ Дикки и еще разъ перечиталъ, когда сѣлъ пить кофе. — Адресую это письмо на мельницу, такъ какъ вы мнѣ не дали адреса вашей мастерской въ городѣ и, повидимому, уклоняетесь отъ чести фигурировать въ справочникѣ „Who's Who". Отчего вы не написали мнѣ? Гдѣ я живу — найти не такъ трудно. Если эта записка попадетъ къ вамъ до среды, то приходите въ этотъ день къ чаю. Я буду дома во всякомъ случаѣ и рада буду снова встрѣтиться съ вами. Искренно уважающая васъ.

Діана Чэртрисъ".

Это было въ среду. Прочитавъ письмо вторично, Дикки взглянулъ на часы: было половина десятаго. Онъ окончилъ свой завтракъ и принялся за работу съ свѣжимъ приливомъ энергіи.

— А я боялась, что письмо насчетъ налога, — сказала Фанни. Она знала, что теперь можетъ говорить все, что ни вздумается.

— Нѣтъ, Фанни, — отвѣтилъ Дикки, подмигивая глазомъ, — письмо это отъ самого короля. Онъ приглашаетъ меня закусить съ нимъ.

Острота была довольно сомнительнаго качества, но онъ зналъ, что Фанни весьма одобряетъ этотъ жанръ. — Ну и потѣха, ей Богу! — воскликнула она, затряслась отъ смѣха и припала къ двери.

Дикки не останавливался мыслью на томъ, что можетъ дать ему судьба или случай въ этой второй встрѣчѣ. Онъ опять увидитъ ее и по ея собственному приглашенію — этого было достаточно, чтобы поднять его настроеніе. Все утро онъ проработалъ надъ новой доской съ эскизовъ, сдѣланныхъ за границей, а въ четвертомъ часу собрался въ Hans Crescent.

Эта часть Лондона была для него совершенно новой. Въ его памяти встало все то, что говорила лэди Діана тогда на-холмѣ. Но онъ былъ твердо увѣренъ, что его творчество не будетъ искажено фальшивымъ положеніемъ художника среди меценатствующихъ баръ, свѣтской лести и диллетантизма. Независимо отъ лэди Діаны, онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ презрѣнія къ принужденному лакейству свѣт-

скихъ людей, къ пустотѣ ихъ жизни, изъ которой они въ лучшемъ случаѣ дѣлаютъ безпрерывное увеселеніе.

Дикки предполагалъ, что отношеніе политиковъ къ странѣ такое, какъ его отношеніе къ своему искусству, но лэди Діана открыла ему глаза. Онъ не ощущалъ никакого другого міропониманія, кромѣ своего. Во всемъ жизненномъ онъ былъ наивенъ, какъ дитя. Никогда Дикки не читалъ регулярно газетъ. Политика, если онъ, вообще, думалъ о ней, казалась ему областью, въ которой честные люди служатъ родинѣ, сообразно своимъ идеаламъ. Связывать ихъ съ какими бы то ни было дѣловыми и карьерными расчетами ему никогда въ голову не приходило. Въ той средѣ, въ которой Дикки жилъ, никогда не толковали о политикѣ. Да и вообще онъ стоялъ настолько внѣ жизни, что считалъ, напримѣръ, коммерсантовъ единственными людьми, цѣлью которыхъ являтся нажива. Это и былъ тотъ реальный идеализмъ, который увидѣла въ немъ лэди Діана. Онъ зналъ его за собой, зналъ, какъ относятся къ этому люди, но умѣлъ защищать свою точку зрѣнія и проявлялъ гораздо больше вдумчивости и логики, чѣмъ было въ аргументахъ, выставлявшихся противъ него.

Но вотъ теперь онъ едва только на дорогѣ этого новаго міра, и у него нѣтъ еще абсолютной увѣренности, что люди здѣсь готовы промѣнять все, вплоть до своихъ мозговъ, на золото, какъ говорила лэди Діана. Онъ точно путешественникъ, попадающій въ новую страну, готовъ былъ зоркимъ окомъ ловить все необычное, попадавшееся ему на глаза.

Покидая свою мастерскую, Дикки не подумалъ о томъ, что для посѣщенія великосвѣтскаго салона нуженъ особаго рода костюмъ. Изъ двухъ имѣвшихся у него пиджачныхъ паръ онъ выбралъ лучшую. Но это было сдѣлано съ мыслью о лэди Діанѣ, а не обо всемъ ее окружающемъ. Дикки съ особой тщательностью повязалъ свой галстукъ, а также болѣе внимательно, чѣмъ обыкновенно, пригладилъ волосы. Но и все. Шляпу онъ надѣлъ уже безъ всякаго опасенія за цѣлость своей прически.

Въ день ихъ встрѣчи, на Бредонскомъ холмѣ, лэди Діана была въ простенькой юбкѣ и блузкѣ. На головѣ у нея была большая мягкая шляпа, какъбудто безформенная, но чрезвычайно живописная: такою она и осталась въ его памяти. И лишь въ тотъ моментъ когда дворецкій отворилъ ему дверь роскошнаго особняка, когда онъ увидѣлъ безукоризнен-

ную выдержку этого почтеннаго домоправителя и огромный, слабо освѣщенный вестибюль, — тогда только Дикки почувствовалъ, какъ онъ несоотвѣтстненно одѣтъ.

Лицо дворецкаго было невозмутимо, но все-таки за этой маской Дикки замѣтилъ выраженіе удивленія.

— Лэди Чэртрисъ дома? — спросилъ онъ, запинаясь на словѣ „лэди“. Онъ чуть не забылъ назвать ея титулъ: какъ было бы неловко, если бы онъ сказалъ просто „м-съ Чэртрисъ“!

Дворецкій стоялъ въ самыхъ дверяхъ и не двинулся съ мѣста пока не узналъ, какъ о немъ доложить.

— М-ръ Ферлонгъ, — сказалъ Дикки.

— Не угодно ли пожаловать наверхъ, сэръ? Лэди Чэртрисъ въ гостиной.

XI.

Домъ былъ огромный. Изъ просторнаго вестибюля подымалась широкая лѣстница, заканчивающаяся наверху витой галлереей. Стѣны были украшены большими картинами — все портретами, не слишкомъ хорошей работы. Въ вестибюлѣ стояло нѣсколько штукъ массивной мебели, красивой въ своемъ одиночествѣ. Стѣны были бѣлыя, а двери — полированныя, красныя. Всѣ онѣ были заперты. Дикки шелъ вслѣдъ за дворецкимъ по толстому ковру лѣстницы, и нѣмая тишина дома давила его. Молотомъ билось у него въ груди сердце; ему казалось даже, что онъ слышитъ его стукъ.

Было это не благоговѣніе, а смущеніе. Дикки чувствовалъ себя здѣсь не у мѣста. Онъ зналъ, что его костюмъ долженъ показаться смѣшнымъ. Больше того, ему даже плохо вѣрилось, что здѣсь, въ этомъ пышномъ домѣ, онъ встрѣтитъ ту, которую видѣлъ среди родныхъ полей. Съ каждымъ шагомъ вверхъ по безшумной лѣстницѣ, романтическая прелесть ихъ встрѣчи, казалось, все болѣе исчезаетъ. Видно, судьба рѣшила его обмануть: этотъ кругъ — не для него, и даже если бъ лэди Діана была свободна, все равно онъ не могъ бы стать его членомъ.

Наконецъ, дворецкій распахнулъ рѣзную дверь въ гостиную и доложилъ имя гостя. Когда Дикки входилъ, на лицѣ лакея отражалось сдержанное любопытство. Но Дикки было уже не до того, чтобы обращать на это вниманіе: а лэди Діана поднялась ему навстрѣчу, и его сердце встрепе-

нулось. Вотъ онъ опять видитъ женщину, образъ которой уже три недѣли неотступно стоитъ передъ нимъ! Но теперь она совсѣмъ не похожа на ту, что была на Бредонскомъ холмѣ. Вмѣсто простенькаго деревенскаго платья, на ней изящный вечерній туалетъ того цвѣта, который носитъ странное названіе tête de négre, а на груди ало-пурпурная роза.

Дикки былъ больше по душѣ ея деревенскій образъ, но его развитой вкусъ и вниманіе, вѣчно направленное на поиски сюжета для кисти не могли не поддаться очарованію этого новаго живописнаго образа. Неловкость и смущеніе исчезли, уступивъ восхищенію. Но когда лэди Діана стала пожимать ему руку, неловкое чувство сново овладѣло имъ. А въ другомъ углу гостиной, возлѣ камина стоялъ господинъ, безукоризненно одѣтый, во фракѣ, съ заложенными за спину руками, и съ живымъ любопытствомъ наблюдалъ Дикки. И казалось даже, что онъ замѣтилъ его растерянность, и легкая ироническая усмѣшка тронула его губы.

Таковы были первыя впечатлѣнія, сплошь подернутыя смущеніемъ. Однако лэди Діанѣ и ея гостю, ожидавшимъ прихода Дикки, врядъ ли это было замѣтно. Его гордость заставила преодолѣть себя. Стòитъ ли костюмъ того, чтобы его стѣсняться? Она сама пригласила его. Она должна принимать его такимъ, какъ онъ есть. Этимъ разсужденіемъ Дикки побѣдилъ свое смущеніе и даже взвинтилъ себя на нѣсколько вызывающій тонъ.

— Позвольте познакомить васъ съ сэромъ Вильямомъ Герришъ, — сказала лэди Діана, когда Дикки взглянулъ на мужчину твердымъ, полнымъ сознанія своего достоинства взглядомъ. Сэръ Вильямъ приготовился кивнуть головой, но Дикки, сдѣлавъ первое движеніе, заставилъ его обмѣняться рукопожатіемъ и такъ сильно стиснулъ его руку, какъ будто хотѣлъ доказать, что онъ вовсе не сконфуженъ.

— Вы ничего не имѣете противъ чаю, господа? — спросила лэди Діана и тотчасъ продолжала, — Сэръ Вильямъ тоже видѣлъ въ Парижѣ вашу „Мишуру“. Онъ такъ же восхищенъ ею, какъ и я — неправда ли?

— Красивая вещь, — сказалъ сэръ Вильямъ.

Оба они съ лэди Діаной были смущены не меньше Дикки въ его сѣромъ пиджакѣ. Но у него смущеніе было болѣе внѣшнее, и даже физическое, а у нихъ — такъ сказать, — умственное. Въ глубинѣ души они чувствовали,

что дѣло не въ платьѣ; что не богатство, не свѣтскій лоскъ дѣлаютъ ихъ чужими такому человѣку, какъ Дикки. Настоящее различіе между ними — интеллектуальное, и лэди Діана по крайней мѣрѣ (если не сэръ Вильямъ) искренно сознавала, на чьей сторонѣ больше силы.

Она одна поддерживала разговоръ, пока натянутость встрѣчи не разсѣялась. Говорила она о красотѣ тѣхъ мѣстъ, Эвона и Бредонскаго холма. Сэра Вильяма, который упорно молчалъ, она тоже старалась втянуть въ бесѣду, — тѣмъ болѣе, что и онъ гостилъ въ Іуласъ-Холлѣ одновременно съ ней:

— Хороша охота въ тѣхъ мѣстахъ, — сказалъ онъ наконецъ — это былъ первый его вкладъ въ общій разговоръ. Но теперь онъ чувствовалъ себя увѣренно и свободно, такъ какъ попалъ на знакомую почву. — Сколько дней въ недѣлю вы охотитесь, когда бываете тамъ, м-ръ Ферлонгъ?

— Ни одного, — отвѣтилъ Дикки.

Сэръ Вильямъ считалъ себя черезчуръ хорошо воспитаннымъ, чтобы проявлять удивленіе. Но онъ былъ потрясенъ. Гм, гм... Вѣроятно, все дѣло въ расходахъ. Онъ и забылъ совсѣмъ, что этотъ Ферлонгъ — сынъ мельника. Конечно, для него охота слишкомъ дорогое удовольствіе, а жаль! можно было бы славно поболтать на эту тему. Сэръ Вильямъ зналъ безконечное множество охотничьихъ исторій. Жалко! И чтобы какъ-нибудь закончить разговоръ, онъ прибавилъ:

— Чудесная охота тамъ! А что же вы дѣлаете, когда попадаете въ Бредонъ?

Сэръ Вильямъ полагалъ, что если не охота, то есть у Дикки какое-нибудь другое деревенское развлеченіе, о которомъ они могутъ поговорить, хотя бы это былъ только бѣгъ съ собаками. Это не требуетъ расходовъ. Вѣдь, какъ-нибудь да коротаетъ же онъ время!

— Я работаю, — отвѣтилъ Дикки.

— Работаете? Но я... мнѣ казалось, что ваша мастерская здѣсь, въ городѣ.

— Да, конечно. Но не всегда для работы нужна непремѣнно мастерская. Я терпѣть не могу работать въ четырехъ стѣнахъ. Да и видно это всегда — нѣтъ въ такихъ вещахъ свѣжаго воздуха. Природу не выдумаешь. Бога нѣтъ въ мастерской! Одинъ только человѣкъ въ ней, со своимъ душевнымъ богатствомъ, но этого мало. Конечно, немногіе художники признаютъ это, но это — правда. Сядешь

въ Лондонѣ на такую работу, и черезъ нѣкоторое время, смотришь, мастерская твоя превратилась въ салонъ. Только въ ней чаи и распивать. А они называютъ это работой!

Дикки сѣлъ на своего любимаго конька. А на лицѣ сэра Вильяма оживленіе, вызванное было разговоромъ объ охотѣ, погасло и смѣнилось недоумѣніемъ. Какое дѣло ему до Бога въ мастерской или еще гдѣ-то? Онъ не желалъ опровергать существованія Бога, но съ религіей онъ не имѣлъ ничего общаго, и стоило ли говорить о Богѣ!

Лэди Діана замѣтила выраженіе лица сэра Вильяма и знала, что онъ можетъ очутиться въ крайне трудномъ положеніи. Но развѣ можно остановить увлекающагося артиста, когда онъ закуситъ удила? Кромѣ того, ей хотѣлось имѣть его для себя. Достаточно было бросить одинъ взглядъ сэру Вильяму, — онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы уходить.

— Вы не остаетесь чай пить? — спросила она.

Онъ поблагодарилъ, но сказалъ, что не можетъ. Все это, однако, было условлено заранѣе.

— Угадайте, кто будетъ у меня сегодня? — спросила лэди Діана сэра Вильяма, когда онъ въ этотъ день пришелъ.

Угадать онъ, конечно, не могъ, и она напомнила ему о картинѣ въ Парижскомъ Салонѣ, которую сама повела его смотрѣть. Тогда она была крайне заинтересована личностью художника, а сэръ Вильямъ зналъ хорошо ея характеръ и былъ увѣренъ, что рано или поздно она непремѣнно познакомится съ этимъ Ричардомъ Ферлонгомъ, кто бы онъ ни былъ.

Теперь, значитъ, знакомство состоялось. Ему было интересно знать — какъ. Она разсказала ему всю исторію.

— Ну, вотъ, видите, — сказалъ онъ, — моя особа вамъ не такъ интересна. Ума я не нахваталъ столько, вотъ въ чемъ бѣда! Но знаете, я хочу серьезно читать, не знаю только, какія книги взять. О политикѣ я могу разсуждать. Это я умѣю. Обо всякомъ политическомъ вопросѣ, который задѣваетъ мое имѣньице въ Соммерсетѣ, я могу толковать съ любымъ изъ нихъ. Но народное образованіе и все такое — не моя область. Оно даже интересуетъ меня иногда, но это все-таки не моя область. А вотъ этотъ сынъ мельника, конечно, онъ уменъ, я признаю, и его картина была ловко сдѣлана. Онъ уменъ, да! Но онъ, навѣрное, не джентльменъ. Вы позволите мнѣ остаться и посмотрѣть его? Я бы хотѣлъ видѣть его, потому что онъ

умѣетъ писать красками. Такъ я и буду всѣмъ разсказывать о немъ.

Лэди Діана откинулась въ своемъ креслѣ и тихо засмѣялась. У сэра Вильяма на гладко выбритыхъ щекахъ выступила краска, онъ пощипывалъ свои усы, но не обидѣлся. Онъ привыкъ, что надъ нимъ подсмѣиваются: въ теперешнее время всѣ такъ дьявольски умны! Куда ни пойдешь, вездѣ встрѣчаешь писателей, политическихъ дѣятелей, артистовъ и всякую такую публику, и всѣ они умѣютъ такъ говорить, что онъ теряется. И каждый говоритъ о своемъ. На его темы — о лошадяхъ и о землѣ никто не разговариваетъ. Да и нельзя сказать, чтобы онъ самъ много зналъ о нихъ; но онъ кое-чего набрался у управляющаго своимъ имѣніемъ въ Соммерсетѣ.

— Что жъ, смѣйтесь, — сказалъ онъ. — Я не такъ уменъ, какъ вы. Но зачѣмъ вамъ этотъ типъ, скажите на милость? Я всегда думалъ, что разъ они профессіоналы, интеллигенты, то и довольно съ нихъ! Не зачѣмъ имъ соваться въ нашъ кругъ. Они пишутъ книги — вы ихъ читаете, они рисуютъ картины — вы идете ихъ смотрѣть; если они играютъ, пусть играютъ, пожалуйста! Но имъ слѣдовало бы оставить насъ въ покоѣ и философствовать только въ своей компаніи.

Лэди Діана перестала смѣяться.

— Да вы умница, милый Вилли, — сказала она. — Вы совершенно правы. Имъ слѣдовало бы оставаться при своемъ. Но этотъ юноша, почти еще мальчикъ, онъ способенъ оріентироваться и въ чужой области. И все-таки я знаю, чтó съ нимъ произойдетъ, если онъ не встрѣтитъ настоящаго человѣка.

— И этимъ настоящимъ человѣкомъ будете вы? — сказалъ сэръ Вильямъ, не зная, какъ это выразить, но чувствуя, что лэди Діана хочетъ присвоить себѣ художника.

— Да, я буду этимъ. Вы можете остаться и увидѣть его, но скоро вы должны уйти.

И вотъ сэръ Вильямъ ушелъ. Вдобавокъ, въ самый подходящій моментъ: когда „типъ“ развернулся и грозилъ подавить его совершенно.

Когда дверь за нимъ закрылась, лэди Діана улыбнулась. Улыбка эта покрывала собою много сложныхъ ощущеній, которыхъ даже ей самой трудно было бы опредѣлить. Она

была смущена тѣмъ чувствомъ, которое сознавала въ себѣ, и въ смущеніи произнесла первыя слова, которыя пришли ей на языкъ:

— Вотъ вамъ, — сказала она, — экземпляръ тѣхъ людей, которые составляютъ мое общество, и онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ. Я давнымъ-давно знакома съ нимъ. Онъ хорошо воспитанъ, добръ удивительно, а изъ глубины его глупости иногда рождается чистѣйшая мудрость. Какъ образчикъ, онъ не изъ самыхъ лучшихъ. Онъ никогда, никогда не претендовалъ и не претендуетъ на умъ. Онъ не любитъ интересныхъ людей, какъ другіе.

— А зачѣмъ онъ ходилъ въ Салонъ? — спросилъ Дикки.

— По той же причинѣ, по которой ему понравилась ваша „Мишура“.

— Почему же это?

— Потому, что я сказала ему, что онъ долженъ пойти. Я помню, онъ спросилъ меня: „Это что-нибудь такое, о которомъ придется потомъ разговаривать?“ Я отвѣтила: „да“, и тогда онъ пошелъ со мной, послушно, какъ ребенокъ, и я ему сказала, чтó ему надо говорить объ этой картинѣ.

— Значитъ, вы занимаетесь его образованіемъ?

— Въ этомъ родѣ. Но теперь скажите: отчего вы не написали мнѣ? Вѣроятно, погрузились очень въ работу? Вы никогда не устраиваете себѣ передышки?

— Да нѣтъ, я не много работалъ это время. Мнѣ трудно было заставить себя что-нибудь дѣлать эти три недѣли. А не написалъ я оттого, что не зналъ, дѣйствительно ли вы хотите видѣть меня.

— Но вѣдь мы рѣшили, что будемъ въ городѣ встрѣчаться.

— Да... такъ неопредѣленно... А затѣмъ не одно и то же тамъ на холмѣ и здѣсь, — онъ оглядѣлся вокругъ, — въ этой гостиной.

— Какъ... не одно и то же?

— Ну, конечно... тамъ было приключеніе... Помните, вы сами такъ назвали... И мѣсто для него было подходящее: я бы не желалъ лучшаго.

— Я тоже, — сказала она, и глаза ея засвѣтились, какъ тогда.

— Ну, вотъ, — продолжалъ онъ, — а здѣсь мѣсто не подходящее. Откуда мнѣ было знать, что вы, въ самомъ

дѣлѣ, хотите, чтобы изъ этого эпизодическаго приключенія вышло знакомство? Я не хочу подчеркивать этого, но я не забываю, что я всего только сынъ мельника.

Въ ея глазахъ блеснула досада.

— Такъ, значитъ, вы считаете меня зараженной снобизмомъ? — спросила она такъ, что онъ долженъ былъ дать прямой отвѣтъ.

— Нѣтъ. Я далекъ отъ этого. Но когда-то мой отецъ занималъ ту же должность, что вашъ дворецкій, который ввелъ меня сюда и который одѣтъ гораздо лучше меня.

Она весело разсмѣялась, откинувъ назадъ голову. Его поразила внезапно ея красота.

— Это очень забавно, — сказала она. — Но все-таки я совершенно права въ своемъ мнѣніи о васъ. Послушайте, неужели вы серьезно думаете, что нашъ Хилльсъ могъ бы имѣть сына съ такимъ талантомъ, какъ вашъ? А если да, то неужели вы думаете, что имѣло бы какое-нибудь значеніе, что онъ служилъ у насъ дворецкимъ?

— Да, я думаю, — сказалъ Дикки. — Вообразите себѣ, что Хилльсъ вводитъ сына къ вамъ въ гостиную. Кому вы бы первому подали руку: Хилльсу или его сыну?

Лэди Діана наклонилась немного ближе къ нему, серьезная теперь, потому что она почувствовала въ его словахъ правду.

— Неужели вы будете упорствовать въ этомъ? — спросила она. — Это было бы безуміемъ. Вы и вашъ отецъ — два совершенно различныхъ человѣка, — (онъ улыбнулся безсознательной правдѣ, бывшей въ ея словахъ), — вашъ талантъ, ваша индивидуальность — это ваше собственное, и оно подымаетъ васъ выше всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ вы можете встрѣтить въ моемъ салонѣ.

Такъ лэди Діана собственной рукой посѣяла тотъ плодъ, отъ яда котораго она сама предостерегала Дикки.

— Но отчего вамъ не работалось въ послѣднее время? — продолжала она допрашивать его. — Развѣ вамъ не по себѣ?

Онъ пристально взглянулъ ей въ глаза. Ему хотѣлось высказать ей всю правду.

— Да, мнѣ не по себѣ.

— Что же?

— Мнѣ хотѣлось видѣть васъ, а я... я думалъ, что тотъ день на Бредонскомъ холмѣ никогда не повторится.

Если бы это сказалъ другой мужчина, лэди Діана разсмѣялась бы. Онъ старался, чтобы голосъ звучалъ возможно равнодушнѣе, но она все же уловила въ немъ заглушенную страстность. Съ нимъ ей почему-то не хотѣлось скрывать своихъ чувствъ; съ нимъ она ощущала себя ближе къ жизни, свободнѣе отъ тягостной обязанности разыгрывать то, чего она не испытывала.

— Что касается меня, — сказала она спокойно, — то я хотѣла видѣть васъ опять. А теперь будьте добры, позвоните вотъ въ этотъ звонокъ, и намъ дадутъ чаю.

XII.

Лэди Діана первая заговорила о томъ, чтобы Дикки написалъ ея портретъ. Онъ уже цѣлыхъ полчаса, оставшись съ ней вдвоемъ, искалъ въ себѣ мужества просить ее объ этомъ. Онъ готовъ былъ взяться за дѣло безъ всякихъ разговоровъ объ условіяхъ, но онъ боялся, какъ бы она не подумала, что онъ стремится извлечь выгоду изъ знакомства съ нею. А лэди Діана сразу же поставила вопросъ на дѣловую почву. Она считала, что всякое жеманство и недоговариваніе излишне. У нея не было никакихъ предразсудковъ относительно оплачиванія труда и необходимости поэтизировать грубую, коммерческую его сторону.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть большой портретъ... въ натуральную величину, въ которомъ было бы просторно вашей кисти. Какая ваша цѣна за портретъ во весь ростъ?

Она замѣтила, что краска начинаетъ заливать его щеки, и поспѣшно прибавила, улыбаясь:

— Послушайте, зачѣмъ намъ съ вами эти глупости? Вы свободный человѣкъ, не зависите ни отъ кого. Вы рабочій — потому, что создаете вещи опредѣленной цѣнности. Развѣ можетъ быть болѣе высокій типъ человѣка? Я по убѣжденію соціалистка. Бросьте условности и скажите мнѣ прямо. Въ наше время славы безъ денегъ не бываетъ. Какой смыслъ было бы работать иначе? Даже храбрость оплачивается. Человѣкъ хорошо боролся, и вотъ его приглашаютъ въ варьетэ и даютъ ему сто фунтовъ въ недѣлю. Такъ дѣлаютъ боксёры. Но больше убѣждать я васъ не стану. Вы должны сказать мнѣ.

Дикки сидѣлъ, улыбаясь.

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, — сказалъ онъ, —

я собирался съ духомъ просить у васъ разрѣшенія писать вашъ портретъ безъ всякаго вознагражденія.

— Я бы никогда не согласилась.

— Неужели вы не понимаете, что это была бы для меня даже реклама? „Портретъ лэди Діаны Чэртрисъ“ Ричарда Ферлонга... Да его не посмѣла бы отвергнуть Королевская Академія! И за мной установилась бы прочная репутація портретиста.

— Какая ваша цѣна за портретъ въ натуральную величину? — повторила она.

— Да, что жъ, пожалуй, та же, что я получилъ за „Мишуру“.

— Нѣтъ, теперь она должна быть выше. А сколько было за ту?

— Двѣсти фунтовъ.

— Двѣсти фунтовъ! Такая картина за двѣсти фунтовъ! Кто купилъ ее такъ дешево?

— Де-Рамбулье.

— Французъ! Да, они понимаютъ толкъ въ живописи. А мы точно дѣти передъ ними. Они оцѣнили Уистлера, когда мы все еще были слѣпы.

Больше она ничего не говорила о цѣнѣ, но рѣшила про себя увеличить цифру. Они стали обсуждать, каковъ долженъ быть портретъ.

— Этотъ портретъ будетъ какъ живой, — сказала лэди Діана.

Дикки ничего не сказалъ на это, только попросилъ, чтобы она была въ томъ самомъ платьѣ, которое на ней сейчасъ.

— Вамъ оно нравится?

Для нея ново было, что мужчина обращаетъ вниманіе на ея туалетъ. Къ завистливымъ женскимъ взглядамъ она привыкла. Но это было пріятнѣе.

— Какъ бы это платье выглядѣло, — воскликнулъ Дикки, — если бъ обои въ комнатѣ были блѣдно-золотые, а мебель черная полированная!

Этого было достаточно, чтобы она ощутила нѣкоторую неудовлетворенность своей гостиной.

Они условились, что она будетъ позировать у Дикки въ мастерской.

— У меня нѣтъ мѣста для five o clock'овъ, — сказалъ онъ, — но работается хорошо.

Стали говорить о его творчествѣ, и лэди Діана открыла въ немъ футуристическій духъ, но оздоровленный изнутри и создающій красоту, близкую человѣческой душѣ.

— Красота — все то, что мы всѣ видимъ и знаемъ, — говорилъ Дикки. — А всю работу творческую совершаетъ за насъ, подъ порогомъ сознанія, другое наше *я*. Мы смѣшиваемъ краски, составляемъ схему картины, набрасываемъ планъ, — это все сознательно дѣлается. Но какъ только это сдѣлано, наступаетъ чередъ нашего другого *я*. Этотъ ремесленной стороной дѣла не занимается. Ее дѣлаешь самъ, а ему предоставляешь остальное. Грѣхъ Уистлера — что онъ слишкомъ много дѣлалъ своимъ сознательнымъ *я*. „Аранжементъ въ черномъ тонѣ" — вѣдь это откровенное сознаніе въ сознательности, даже тенденціозности! Ужъ если человѣкъ „арранжируетъ", то, значитъ, нѣтъ мѣста безсознательному.

Впервые приходилось лэди Діанѣ видѣть человѣка, который осмѣливался критиковать Уистлера. Больше того, въ его словахъ она чувствовала правду. Она вспомнила портретъ сэра Генри Ирвинга въ видѣ Филиппа II Испанскаго, портретъ м-съ Хёссъ — оба „арранжементы" въ черныхъ тонахъ — и мысленно сравнила ихъ съ безыскусственной прелестью его картины стараго Вестминстера, гдѣ арранжировка сдѣлана не намѣренно, не настолько сознательно, во всякомъ случаѣ, чтобы онъ ощущалъ, что сдѣлалъ. Дикки сказалъ правду: нельзя было дать волю стихійному, слѣпому элементу своей души въ томъ, что самъ художникъ называлъ „арранжементомъ".

— Какъ же вы избавитесь отъ сознательности по отношенію къ этому портрету? — спросила она.

— Не знаю — какъ. Знаю только, что если я не избавлюсь, то выйдетъ вещь, не достойная вниманія.

— Но какъ же все-таки вы возьметесь за работу? Мнѣ хочется знать, какъ вы приступаете къ дѣлу?

Дикки пожалъ плечами. Трудно было найти слова, чтобы объяснить ей.

— Если работа происходитъ во мнѣ безсознательно, — сказалъ онъ, — то какъ же мнѣ сознательно описать вамъ ее? Я не могу. Уходишь какъ-то отъ того предмета, который передъ тобой, и чувствуешь внутри себя трепетъ и волненіе: даже сердце начинаетъ биться сильнѣе, и кровь горячѣе разливается въ жилахъ, — и вотъ изображаешь то, что чувствуешь:

оно выливается на полотно, и вдругъ видишь передъ собою воочію то, что грезилось тайно, что самому не было вѣдомо до этой минуты.

Лэди Діана улыбалась тому, какъ онъ ищетъ словъ, но внутренно она дивилась глубинѣ и силѣ его переживаній.

— Вотъ эта способность, вѣроятно, дала вамъ возможность изобразить красками звуковую гамму того утра на Бредонскомъ холмѣ. Мнѣ любопытно, что́ вы безсознательно откроете во мнѣ, когда будете писать меня? Я знаю, что̀ вы открыли, когда писали „Мишуру“.

— Что?

— Пониманіе женщинъ, о которомъ я вамъ уже говорила. Но теперь я начинаю думать, что сознательно вы ничего въ нихъ не понимаете.

Дикки согласился, не споря.

— Я не претендую на это, — сказалъ онъ.

Лэди Діана долго-долго молча глядѣла на него. Это было бы невозможно, если бы въ ихъ отношеніяхъ была натянутость: пришлось бы говорить. Но этого не было. Дикки, наконецъ, спросилъ ее, отчего она на него такъ долго смотритъ, но сказано это было безо всякаго чувства неловкости.

— Я знаю самыхъ разнообразныхъ людей, — откровенно созналась лэди Діана, — но никто не интересуетъ меня такъ, какъ вы. Хотѣлось бы знать, какъ далеко вы пойдете и чѣмъ вы увѣнчаете свои исканія?

Будь она старше, она подумала бы, прежде чѣмъ произносить такую похвалу, какъ эта. Но она была молода и увлекалась. Дикки вызывалъ въ ней ощущеніе особой полноты и интенсивности жизни.

Оба они были молоды. Дикки даже настолько юнъ, что принималъ сказанное безъ всякаго ограниченія, такъ какъ слышалъ нотку неподдѣльнаго увлеченія въ ея голосѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ, пожалуй, усмотрѣлъ бы въ этомъ одну только лесть.

— А я долженъ признаться вамъ, — сказалъ онъ, — что никто такъ, какъ вы, не внушалъ мнѣ ощущенія, что я достигну чего-то большого.

Это было молодо. Это было безумно. И неизвѣстно, что вышло бы изъ этого дальше, если бы разговоръ не прервался въ этомъ мѣстѣ. Дверь въ дальнемъ углу гостиной отворилась, и въ нее заглянулъ лордъ Фредди Чэртрисъ.

XIII.

Первыя нити, сотканныя судьбой въ видѣ основы будущаго узора, бываютъ обыкновенно такъ легки и незамѣтны, что никто не узнаетъ еще въ нихъ опредѣленно намѣченныхъ линій. Ни Дикки, ни лордъ Фредди не почувствовали въ минуту встрѣчи руки Судьбы, которая соединила ихъ.

„Это какой-то новый курбетъ Діаны", подумалъ лордъ Фредди, когда замѣтилъ сѣрый пиджакъ Дикки. Съ всегда сопутствующимъ ему чувствомъ собственнаго превосходства, онъ замѣтилъ, что гость нервно и неловко поднялся съ мѣста.

Впечатлѣніе Дикки было болѣе опредѣленно: онъ видѣлъ передъ собою господина лѣтъ сорока, одѣтаго по послѣдней модѣ, съ лицомъ, выражающимъ благовоспитанное и даже добродушное презрѣніе ко всему, стоящему ниже его рангомъ. Хотя онъ былъ одѣтъ по модѣ, но его костюмъ былъ въ стилѣ другой эпохи. Вся его наружность и его поза какъ будто говорили: „Во мнѣ вы можете вообразить моего дѣда, пятаго графа Мэсситеръ". Если случалось такъ, что вы не могли вообразить пятаго графа, то вы, а не онъ, достойны были сожалѣнія.

Остановившись въ дверяхъ, лордъ Фредди вставилъ въ глазъ монокль въ золотой оправѣ и не безъ юмора наблюдалъ присутствующихъ. Лэди Діана повернулась въ его сторону и улыбнулась ему. За три года супружества она научилась угадывать значеніе этого насмѣшливаго взгляда и цѣль монокля. Онъ не думалъ ничего. Его вниманіе было привлечено необычнымъ видомъ Диккиной сѣрой пары. А думалъ онъ о томъ, чтó это значитъ, такъ же мало, какъ думаетъ лошадь на дорогѣ о кружащемся въ воздухѣ кускѣ бумаги, отъ котораго она невольно шарахнулась въ сторону.

„Новый фруктъ Діаны", сказалъ онъ себѣ, понимая подъ этимъ не больше, чѣмъ выражала внѣшняя сторона слова.

Наконецъ, онъ движеніемъ бровей сбросилъ монокль, заперъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Я не помѣшаю вамъ, милая Діана?

Она знала, что его привело сюда любопытство. Ея „фрукты", какъ онъ всегда называлъ ихъ, часто забавляли и всегда интересовали его. Онъ говорилъ, что восхищается

ея умѣніемъ поддерживать соприкосновеніе со всѣми модными теченіями. Его лично это избавляло отъ необходимости читать о нихъ въ книгахъ, а читать онъ, кромѣ французскихъ романовъ и изрѣдка чего-нибудь рекомендованнаго друзьями по-англійски, терпѣть не могъ.

Иногда „фрукты“ Діаны оказывались полезными. Одинъ художникъ, напримѣръ, котораго она ввела въ домъ, предложилъ ему придти въ мастерскую и сидѣть, пока онъ писалъ съ натурщицы. Это было очень занятно! Онъ зналъ, что это не въ обычаѣ: надо было сначала испросить у натурщицы разрѣшеніе, — но вѣдь онъ былъ старшій сынъ пятаго графа Мэсситеръ. Ему и въ голову не приходило, что онъ могъ бы получить отказъ. И, дѣйствительно, въ жизни ему рѣдко приходилось испытывать разочарованіе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ несчастливъ. Слишкомъ много удачъ на этомъ свѣтѣ имѣетъ свойство нейтрализовать другъ друга. Лорду Фредди во всемъ въ жизни везло. Не везло ему только въ томъ, что онъ не зналъ неудачъ и борьбы. Въ этомъ отношеніи онъ страдалъ больше другихъ. Онъ былъ совершенно невыносимъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы лэди Діана уже убѣдилась вполнѣ въ его невыносимости; въ теченіе трехъ лѣтъ нужна была вся жизнерадостность ея натуры и неутомимая воля къ жизни, чтобы нести это и мириться съ нимъ.

„Что жъ? И подъ графской короной скрывается низкая душа“, сказала она себѣ однажды послѣ объясненія съ мужемъ. Слова эти она произнесла наединѣ съ собой, въ тиши своей комнаты, въ тиши своего сердца. Но слово было произнесено, и ей стало легче съ тѣхъ поръ. Она старалась забыть о немъ, живя по-своему и выбирая себѣ общество по вкусу.

О лэди Діанѣ ходило много сплетенъ. Ея имя соединяли одно время съ именемъ знаменитаго скульптора, затѣмъ извѣстнаго адвоката. Можетъ быть, въ нихъ была правда, но она смѣло пошла навстрѣчу толкамъ и разсѣяла ихъ. Мужчины эти продолжали бывать у нея на обѣдахъ, пріѣзжали проводить конецъ недѣли въ имѣніе, въ Бембриджъ. И никто не осмѣливался повторять сплетни открыто. Только когда лордъ Фредди бывалъ раздраженъ разоблаченіемъ его собственныхъ продѣлокъ, онъ бросалъ въ лицо женѣ имена героевъ ея романовъ. Но всегда черезъ минуту онъ уже со-

жалѣлъ, что сдѣлалъ это: лэди Діана была находчива, ядовита и владѣла собой мастерски, а при такихъ свойствахъ слова не трудно отпарировать.

Лэди Діана отлично знала, что его вопросъ, не помѣшаетъ ли онъ, разсматриваніе Дикки въ монокль и затѣмъ полное его игнорированіе скрываютъ не только любопытство, но также и некрасивое подозрѣніе.

— Помѣшали намъ? — сказала она. — Чѣмъ же? Да мы страшно рады, милый Фредди. Вотъ позвольте вамъ представить: это м-ръ Ферлонгъ, м-ръ Ричардъ Ферлонгъ. Вы помните картину „Мишура" въ Салонѣ? М-ръ Ферлонгъ любезно согласился писать мой портретъ. Наконецъ-то, я буду имѣть хорошій портретъ!

Она пересказала мужу проектъ.

— Это платье... фонъ золотой и мебель лакированная, черная... я предлагаю еще ширму, — прибавила она, — чтобы скрыть мои разочарованія.

— Хотѣлъ бы я знать, какія у васъ разочарованія! — сказалъ лордъ Фредди.

— Много ихъ, милый Фредди... Поэтому ширма была бы очень кстати. Я все и спрячу.

Онъ зналъ, что она думаетъ. Зналъ съ раздражающей ясностью ея мнѣніе о немъ и ошибочно полагалъ, что она готова выболтать это всему свѣту.

— Вы чрезвычайно удачно прячете ихъ, — сказалъ онъ. — Я никогда не вижу и слѣда. Берегите свою ширму, за ней можно скрыть разнаго рода вещи.

Онъ разсмѣялся, довольный, что сумѣлъ тоже обрѣзать ее. Смѣхъ у него былъ не глубокій, грудной, а какой-то жидкій, сквозь зубы — карикатура на смѣхъ. Дикки почувствовалъ его уколъ и поднялся уходить. Удовольствіе бесѣды съ лэди Діаной было испорчено.

— Такъ когда же вы начнете портретъ? — спросила она.

— Когда вамъ угодно. Я всегда готовъ.

Она стала разсматривать свой блокъ-нотъ съ распредѣленіемъ дней. Дикки молча ждалъ, а лордъ Фредди жевалъ печенье съ чайнаго стола.

— Завтра? — спросила она. — Не слишкомъ это скоро?

— Въ какое время?

Дикки подумалъ, что надо купить полотно и приготовить мастерскую для ея прихода.

— Когда хотите.

— Днемъ?

— Хорошо.

— Въ три часа, можно?

Онъ не могъ заставить себя ждать, хотя бы одинъ день. Обмѣниваясь рукопожатіемъ съ лордомъ Фредди, онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе и ненависть и радъ былъ избавиться отъ этого непріятнаго ощущенія прикосновеніемъ къ нѣжнымъ пальцамъ лэди Діаны.

Затѣмъ онъ ушелъ.

XIV.

Въ тотъ же день былъ купленъ и натянутъ огромный холстъ. Имѣя передъ собой заманчивую цѣль — большой портретъ — Дикки далъ полный просторъ своей фантазіи.

Онъ купилъ новыя кисти, пріобрѣлъ болѣе дорогія краски, чѣмъ всегда употреблялъ. Если ужъ работать, то пусть это будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ!

Придя на другой день утромъ, Фанни застала его уже на ногахъ и одѣтымъ. Она невольно удивилась, но нюхомъ почуяла въ воздухѣ что-то необычайное.

— Я тороплюсь въ Ковентъ-Гарденъ,—сказалъ Дикки,— пока не закроютъ рынокъ: цвѣтовъ купить.

— Вотъ это славно!

Фанни любила цвѣты, какъ другія женщины любятъ дѣтей, — вѣроятно, за то, что они такъ же требуютъ ухода. Больше Фанни ничего не знала, но она догадалась, что предстоитъ какой-то исключительный день. Когда Дикки ушелъ, она принялась особо тщательно убирать мастерскую и при этомъ спрятала въ шкапъ статуэтку „Окрыленная побѣда", стоявшую на видномъ мѣстѣ.

Черезъ полчаса Дикки вернулся съ руками, полными темно-красныхъ розъ; его провожали нѣжныя улыбки дѣвушекъ, которыя шли въ свои конторы и магазины.

— Удивительно, — сказалъ онъ, — какъ улыбаются всѣ дѣвушки, когда несешь цвѣты.

И онъ положилъ на стулъ душистую охапку.

Фанни съ удовольствіемъ занялась цвѣтами: она рѣшила вставить ихъ въ большой кувшинъ съ умывальника и помѣстить посреди стола.

— Я убрала какъ слѣдуетъ, м-ръ Ферлонгъ, — сказала

она, ожидая не только одобренія, но и разъясненія этихъ приготовленій.

— Великолѣпно, — отвѣтилъ Дикки, окидывая взглядомъ комнату. — Но гдѣ же „Окрыленная побѣда“?

— Гдѣ что, сэръ?

— „Окрыленная побѣда“. Маленькая статуэтка, которая стояла вонъ тамъ, на шкапчикѣ.

— Я спрятала ее, м-ръ Ферлонгъ. Спрятала въ шкапъ.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь вы ожидаете къ себѣ кого-то. Не такъ ли?

— Да. Но что же изъ того?

— А то мнѣ казалось, что вамъ не захочется, чтобы гости видѣли такую старую сломанную фигуру. Кто-то ей голову отбилъ. Знаю только, что это не я, м-ръ Ферлонгъ, ей-Богу!

— Да, конечно, не вы, — сказалъ Дикки. — Это случилось еще до вашего появленія.

Къ неудовольствію Фанни, „Окрыленная побѣда“ была извлечена изъ шкапа и вновь водворена на свое мѣсто. Съ помощью цвѣтовъ и разныхъ мелочей мастерская приняла такой уютный видъ, какого никогда не имѣла.

— Съ цвѣточками куда наряднѣе! И комнаты-то не узнать! — восхищалась Фанни.

Любопытство ея, наконецъ, было удовлетворено: Дикки сообщилъ ей, что придетъ лэди Діана Чэртрисъ, которая заказала ему свой портретъ. Лицо Фанни приняло при этомъ извѣстіи выраженіе глубокой торжественности. Она притихла, чувствуя, что для этого случая всѣ ея рѣчи были бы неумѣстны. Тѣмъ не менѣе, она оставалась въ мастерской на цѣлый часъ больше обычнаго времени, подъ предлогомъ чистки и уборки, но въ дѣйствительности для того, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на эту лэди Діану.

Но къ двумъ часамъ голодъ заставилъ Фанни отступить. Она надѣла пальто и безутѣшно побрела внизъ, оставивъ Дикки занятымъ устройствомъ фона. Все утро онъ бѣгалъ по Лондону въ поискахъ черной полированной ширмы и какого-нибудь матеріала матово-золотого цвѣта, который былъ ему нуженъ. Наконецъ, ему удалось найти такую парчу; расплывчатый ея узоръ онъ едва намѣтилъ въ своемъ портретѣ. Всѣ приготовленія были сдѣланы, и онъ шагалъ по мастерской взадъ и впередъ, прислушиваясь, не звучатъ ли по лѣстницѣ шаги лэди Діаны. Когда, наконецъ, онъ

услышалъ ихъ, его сердце забилось сильнѣе, и онъ поспѣшилъ къ дверямъ, поджидая ее.

— Приступаемъ, значитъ, къ большой картинѣ, — сказала она войдя, улыбаясь.

Радость, что она здѣсь, у него, наединѣ съ нимъ, что онъ будетъ работать въ ея присутствіи, а особенно то, что ея красота будетъ его моделью, все это привело Дикки въ сильное возбужденіе. И лэди Діанѣ тоже, словно токъ, передалось напряженіе его подъема.

Когда она сняла шляпу, — этотъ моментъ, при всей своей краткости, сладко взволновалъ его, потому что сдѣлалъ ее болѣе близкой, принадлежащей къ этой комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, — и встала рядомъ съ ширмой, въ черномъ платьѣ, съ красной розой у пояса, на блѣдно-золотомъ фонѣ, Дикки далъ полную волю своему восторгу.

— Такой натуры у меня никогда больше не будетъ! — воскликнулъ онъ. — Какая красота! Ужъ однѣ эти три тона: золото, лакъ и платье и это кроваво-пурпурное пятно. Господи! вотъ блаженство будетъ писать!

— Но вы ничего не говорите о самомъ портретѣ и о бѣдной модели, — сказала она, смѣясь.

— Трудно, знаете ли, — сознался Дикки, — сказать женщинѣ спокойно и хладнокровно, что она прекрасна, и при этомъ не показаться ни дуракомъ, ни льстецомъ.

— Я думаю, что женщина довольно легко перенесла бы это, — возразила она, — а затѣмъ какое же это спокойствіе и хладнокровіе? Я никогда въ жизни не видѣла человѣка въ такомъ возбужденіи, какъ у васъ сейчасъ. Просто отрадно видѣть такую способность увлекаться.

— Вы не поняли моего выраженія: „хладнокровно“, — объяснилъ онъ. — Я думалъ, что человѣкъ долженъ быть влюбленъ въ женщину, для того, чтобы оправдать такія слова. Одной горячки возбужденія еще мало.

— Ахъ, я понимаю, — сказала она и подумала съ удивленіемъ, что въ немъ есть что-то такое, что заставляетъ ее чувствовать себя ближе ко всей эмоціональной сторонѣ жизни. Это вмѣстѣ съ блескомъ его оригинальности и привлекало ее къ нему. За время ихъ короткаго знакомства Дикки производилъ на нее всегда такое впечатлѣніе. Никто изъ мужчинъ, которыхъ она встрѣчала, не вызывалъ въ ней такого полнаго ощущенія своей молодости, своей силы, тѣлесной и духовной, полноты жизни вообще.

Дикки испытывалъ то же самое, — только онъ направлялъ приливъ энергіи и возбужденія въ русло своего творчества, а у нея не было никакого исхода. Правда, она была глубоко заинтересована его работой; но еще глубже зрѣло въ ней сознаніе, что, помимо его художественной мощи, у него есть какая-то особая сила и что онъ приведетъ ее къ источнику жизни.

Поработавъ съ полъ-часа, Дикки набросалъ схему портрета. Онъ грубыми штрихами намѣтилъ контуры, заполняя акварелью то, что должно было дать конечный эффектъ. Затѣмъ они стали пить чай и толковать о картинѣ.

По первому внѣшнему наброску лэди Діана видѣла уже, что геніальная рука Дикки дастъ въ законченной вещи. Преклоненіе передъ нимъ — роковое преклоненіе женщины передъ талантомъ и умственнымъ превосходствомъ мужчины — рождалось въ ней. Ей было виднѣе, чѣмъ ему самому, какое развертывается передъ нимъ будущее. Она заговорила о томъ, что эта мастерская въ Райдингъ-Стритѣ длѣ него недостаточно хороша: при этомъ она имѣла въ виду его больше, чѣмъ себя. Но и субъективное чувство играло тутъ немалую роль: ей было непріятно, думая о немъ, воображать его здѣсь, въ этомъ вульгарномъ районѣ. Было въ немъ что-то крупное, большое, чѣмъ она, даже теперь уже, гордилась. А эта мастерская — неподходящее для этого мѣсто.

— Неужели вы хотѣли бы видѣть меня салоннымъ художникомъ изъ Сентъ-Джонсъ-Вуда? — взмолился Дикки. — Я не гожусь для аристократическихъ чаепитій и прочаго. Мнѣ нужна мастерская для работы, а не для свѣтскихъ увеселеній.

— Но какъ же съ портретами? Какъ вы сдѣлаете съ портретами, когда этотъ надѣлаетъ шуму, и всѣ дамы захотятъ, чтобы вы ихъ писали?

Дикки разсмѣялся этой перспективѣ.

Отчего она предполагала, что картина надѣлаетъ шуму? Вѣроятно оттого, что это былъ ея портретъ; но, помимо этого, она вѣрила, что въ немъ самомъ таится нѣчто. Онъ ощущалъ въ себѣ, дѣйствительно, подобное. Но какъ она по грубому наброску можетъ судить, какова будетъ картина въ законченномъ видѣ?

— Видите ли, — сказалъ онъ, — я не собираюсь быть портретистомъ по спеціальности. Это значило бы — ринуться въ пропасть, очертя голову. Оттуда нѣтъ спасенія. Человѣкъ, который ушелъ въ это, конченный человѣкъ. Онъ можетъ

быть глубоко индивидуаленъ, какъ художникъ, но кончается тѣмъ, что ему приходится дѣлать то, чего желаютъ заказчики. Искусству и достиженіямъ на этомъ пути нѣтъ мѣста.

Легкое облако разочарованія скользнуло по лицу лэди Діаны. Ея глаза потемнѣли.

— А что́ же вы будете дѣлать? — спросила она.

— Останусь свободнымъ, — сказалъ онъ. — Сохраню свою совѣсть чистой, чтобы я могъ дѣлать то, что хочу. Писаніе портретовъ — это западня въ моей профессіи.

— Вы можете стать большой извѣстностью, какъ портретистъ.

— На нѣсколько лѣтъ — да. И въ нѣсколькихъ портретахъ можно быть большимъ художникомъ. Но дальше идетъ погибель. Улавливаніе сходства не есть искусство. Это фотографія. И послѣ года-двухъ работы портретисту остается только это. Онъ загребаетъ деньги — въ этомъ его проклятіе. Вѣдь, помните, вы сами это говорили?

— А если бъ я просила васъ, вы взяли бы другую мастерскую? Я имѣю одну на примѣтѣ и могла бы устроить вамъ ее. Это въ Челси, въ одномъ изъ старыхъ домовъ. Ничего салоннаго тамъ нѣтъ. Просто хорошая, спокойная мѣстность, въ которой вамъ слѣдовало бы жить.

— Мастерская въ Челси мнѣ не по средствамъ, — возразилъ онъ смѣясь. — Сколько она стоитъ?

— Всего только сто сорокъ фунтовъ въ годъ. Теперь она принадлежитъ Мастермэну, скульптору. Онъ — мой хорошій знакомый. Онъ оставляетъ ее. Всего сто сорокъ фунтовъ. Однимъ этимъ портретомъ вы заработаете пятьсотъ.

— Кто это сказалъ?

— Я сказала. Я заплачу за него такую цѣну.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете.

Она улыбнулась.

— Если нѣтъ, то, значитъ, не будетъ вовсе портрета, — сказала она. — Я заплатила Бэрнетту шестьсотъ за свой портретъ. Онъ былъ меньше этого, и вообще сравните себя съ Бэрнеттомъ... Онъ получаетъ такія цѣны. Если вы не требуете ихъ, то вамъ просто будутъ ихъ платить, вотъ и все. А теперь я предоставляю вамъ еще часъ времени, если вы хотите намѣтить фигуру. Въ половинѣ шестого мнѣ надо идти. А завтра утромъ приходите, и я повезу васъ посмотрѣть эту мастерскую въ Челси.

XV.

Портретъ былъ законченъ въ мастерской на Райдингъ-Стритѣ, но во время послѣднихъ сеансовъ контрактъ съ домовладѣльцемъ въ Челси уже былъ подписанъ Дикки. Это было начало того паденія, которое, какъ говорила ему лэди Діана въ первый день ихъ знакомства, является участью артиста, попавшаго въ тину свѣтской жизни. И къ этому паденію она сама настойчиво тянула его.

Дикки избѣжалъ этого, но какой цѣной! Какъ дались ему послѣдніе два года работы, когда онъ достигъ вершины художественнаго совершенства, — это и есть та трагедія, которая сдѣлала имя Ричарда Ферлонга одинокимъ и страннымъ во всей исторіи искусства.

Выставка его произведеній, устроенная въ ту осень въ галлереяхъ Рейнгардта, открыла лондонской публикѣ его имя. Теперь только огромное ея большинство впервые увидѣло „Мишуру“. Одна газета назвала эту картину „тріумфомъ простоты“, другая полагала, что Дикки — тончайшій колористъ среди всѣхъ существующихъ художниковъ. Съ разрѣшенія владѣльца, мсье де-Рамбулье, картина было воспроизведена во многихъ иллюстрированныхъ журналахъ, а одинъ изъ ежемѣсячниковъ посвятилъ большую лестную статью характеристикѣ творчества Ричарда Ферлонга. Съ какимъ жаромъ проглотила ее м-съ Флинтъ у себя на мельницѣ!

А въ слѣдующемъ году, когда портретъ лэди Діаны Чэртрисъ висѣлъ въ Академіи на почетномъ мѣстѣ, весь Лондонъ заговорилъ о Дикки, какъ предсказывала лэди Діана. Но видѣть его можно было только у нея въ домѣ или въ Бембриджѣ, имѣніи лорда Фредди. Дикки попрежнему пренебрегалъ свѣтскими привилегіями, зналъ ихъ роковое вліяніе на свое любимое дѣло и потому отказывался отъ всѣхъ приглашеній, кромѣ лэди Діаны. Онъ сознавалъ всю безнадежность и все свое безуміе, но не могъ больше скрывать отъ себя, что влюбленъ. Волна чувства несла его. Пусть оно даетъ ему горечь и терзаніе, но зато онъ ощущаетъ, наконецъ, что живетъ, и что жизнь манитъ и обѣщаетъ!

Зачѣмъ было ему отказывать себѣ въ горькой радости видѣть лэди Діану, если это ничѣмъ не мѣшало его работѣ? Ибо, заваленный безчисленными заказами, онъ въ тѣ дни не могъ позволить себѣ отдаться лѣни.

Одному человѣку только Дикки исповѣдался въ своей безнадежной любви. Это была м-съ Флинтъ. Какъ только до нея дошли вѣсти объ его огромномъ успѣхѣ въ Академіи, — мѣстныя газеты были полны имъ, гордясь своимъ художникомъ-землякомъ, — она собрала свои маленькія сбереженія и поѣхала въ Лондонъ.

Дикки узналъ о ея пріѣздѣ и категорически воспротивился ея проекту поселиться въ меблированныхъ комнатахъ.

— Вы будете жить у меня, — сказалъ онъ, — и, по крайней мѣрѣ, недѣлю. Въ Эккингтонѣ разсказываютъ о лондонскихъ чудесахъ — ну, вотъ вы ихъ и увидите!

Въ первый же день Дикки, не знавшій ничего объ ея стараніи устроить его встрѣчу съ лэди Діаной, повелъ ее въ Академію. Густая толпа дамъ въ модныхъ нарядахъ и мужчинъ съ самымъ вѣжливымъ выраженіемъ на лицахъ, которые самымъ невѣжливымъ образомъ толкали другъ друга, чтобы пробраться къ нашумѣвшему портрету, — это зрѣлище показало м-съ Флинтъ съ особой наглядностью, какое Дикки завоевалъ себѣ имя. И хотя это было лестно, но его раздражало, что онъ не имѣетъ возможности спокойно показать ей свою картину. Болтовня публики, глупая критика, которую онъ невольно слышалъ, тоже заставляла его съ отвращеніемъ отворачиваться. Вѣдь онъ привелъ сюда м-съ Флинтъ смотрѣть картину, а не публику.

— Мы потомъ вернемся, — сказалъ онъ.

И, дѣйствительно, позже посчастливилось, что зала оставалась почти пустой.

М-съ Флинтъ взглянула на портретъ, и съ ея губъ стремительно сорвались слова:

— Да это та, что была на выставкѣ цвѣтовъ!

— Неужели вы узнали ее теперь по одному этому воспоминанію?

— Я видѣла ее два или три раза, — отвѣтила м-съ Флинтъ и смолкла.

Она глядѣла на портретъ и не могла оцѣнить его красоты, такъ полно овладѣло ею инстинктивное сознаніе всего, что было между ними съ того дня въ Бредонѣ.

— Значитъ, она позировала вамъ? — спросила она.

— Да. Въ моей старой мастерской.

— Какая она?

— Какая?..

При этомъ вопросѣ ярко вспыхнули щеки Дикки, а у м-съ Флинтъ — поблѣднѣли.

— Она — прелестная. И умница... Мы съ ней большие друзья.

— А ея мужъ?

Даже совсѣмъ посторонній человѣкъ (не только м-съ Флинтъ) замѣтилъ бы, какой огонекъ вспыхнулъ въ глазахъ Дикки. Никогда онъ не умѣлъ скрывать на лицѣ своихъ чувствъ.

— Мнѣ онъ не особенно нравится, — отвѣтилъ онъ, но эти слова не подходили къ выраженію его глазъ. Оно досказало ей то, что, въ сущности, она знала уже съ перваго взгляда на портретъ.

Въ этотъ вечеръ, въ мастерской, когда они сидѣли вдвоемъ, разсматривая многочисленные этюды Дикки, среди которыхъ она опять увидала много разъ лицо лэди Діаны, м-съ Флинтъ прямо спросила его:

— Вы не влюблены, Дикки?

Онъ думалъ, что это — тайна для всѣхъ и даже для нея, и былъ изумленъ, что она отгадала. Но слово сказано, и онъ чувствовалъ, что ему хочется разсказать ей все.

— Она ничего не знаетъ, — сказалъ онъ. — Я не такъ безуменъ, чтобы говорить объ этомъ. Пока я могу видѣть ее часто, съ меня довольно. Я не буду такимъ глупцомъ, чтобы сказать ей. Тогда все бы кончилось.

— Развѣ она не догадывается? — спросила м-съ Флинтъ. Она знала, какъ многое ей въ такомъ случаѣ открыло бы лицо Дикки.

— Догадывается? Нѣтъ... Не думаю. На основаніи чего?.. Я никогда не позволилъ себѣ ни одного намека.

М-съ Флинтъ пожала руку Дикки.

— Милый, бѣдный вы мой Дикки, — прошептала она.

Съ этими словами, съ жалостью, звучавшей въ нихъ, ушла послѣдняя личная надежда, за которую, можетъ быть, еще слабо цѣплялась м-съ Флинтъ.

Лэди Діаны въ эти дни не было въ городѣ, и Дикки могъ удѣлять все свое время м-съ Флинтъ. Однажды вечеромъ онъ, по ея просьбѣ, привелъ къ ужину м-ра Ниббса и Эмилію. М-ръ Ниббсъ церемонно держалъ въ рукахъ шляпу. Дикки выхватилъ ее и сказалъ:

— Ради Бога, голубчикъ, безъ этой китайщины у меня въ мастерской.

Позже старикъ усѣлся рядомъ съ м-съ Флинтъ и сталъ

разсказывать о началѣ карьеры Ричарда Ферлонга, котораго онъ открылъ въ своемъ магазинѣ у моста Ватерлоо.

Цѣлыхъ десять дней м-съ Флинтъ прожила у Дикки въ Чельси и уѣхала въ Эккингтонъ съ ворохомъ разсказовъ объ его успѣхахъ. Въ теченіе этихъ десяти дней Дикки не работалъ. Онъ посвящалъ все свое время гостьѣ, стараясь ее развлечь и испытывая удовольствіе, что можетъ показать ей міръ, въ которомъ онъ живетъ. Но тотчасъ послѣ ея отъѣзда онъ снова принялся за работу: каждое утро кто-нибудь позировалъ у него для портрета, и работа шла напряженно, пока было свѣтло.

Жизнь обходилась въ то время Дикки такъ дорого, что, сколько онъ ни зарабатывалъ, все исчезало, какъ въ пропасть. Сбереженій у него не было, а приходилось еще заботиться и о мельницѣ. Дикки не зналъ цѣны деньгамъ и тратилъ ихъ безъ счета. Квартира въ Чельси потворствовала всѣмъ вкусамъ, какія этотъ новый масштабъ жизни развилъ въ немъ. Онъ тратилъ большія суммы на старинную мебель. Ему было безконечно пріятно, когда однажды лэди Діана сказала, что ей больше нравилось бы жить въ его мастерской, чѣмъ во всѣхъ комнатахъ Бембриджа и городского дома, вмѣстѣ взятыхъ.

Какъ-то поздней осенью Дикки получилъ отъ м-съ Флинтъ телеграмму о болѣзни отца съ просьбой немедленно пріѣхать. Онъ сейчасъ же поѣхалъ въ Эккингтонъ. М-съ Флинтъ съ Гарри встрѣтили его на станціи. Мальчикъ сіялъ, что видитъ своего папу, который разсказалъ ему столько чудныхъ сказокъ, которыя онъ до сихъ поръ повторялъ самъ себѣ.

— Онъ очень плохъ? — спросилъ Дикки, когда они ѣхали съ вокзала. Гарри сидѣлъ сзади, и его голыя ноги болтались, не достигая подножки.

М-съ Флинтъ взглянула въ глаза Дикки. Другого отвѣта ему не нужно было. Оказалось, что началомъ болѣзни была давнишняя, еще прошлогодняя простуда, плохо замѣченная. Но главное, что подрывало силы м-ра Ферлонга и точно червь подтачивало самый корень, — это было сознаніе, что онъ — уже не работникъ, и что его пѣсенка спѣта.

Когда Дикки увидѣлъ отца, то онъ и безъ подтвержденія доктора, которое онъ получилъ на другой день, понялъ, что дни старика сочтены. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы спросить больного, какъ онъ себя чувствуетъ. Тотъ отвѣтилъ: — „Я жду, Дикки.“ Это избавило его отъ необходимости скрывать правду.

Три дня, долгихъ, мучительныхъ дня, онъ сидѣлъ у постели отца. Когда можно было, онъ разсказывалъ ему о своихъ работахъ, и онъ видѣлъ, какъ въ глазахъ старика свѣтилась гордая удовлетворенность его успѣхами.

На третій день, вечеромъ, когда онъ собирался уже идти лечь, больной съ трудомъ наклонился впередъ и коснулся его руки.

— Дикки, — сказалъ онъ, — берегись своего успѣха.

Казалось, это былъ послѣдній проблескъ отчетливаго сознанія, послѣдняя вспышка почти догорѣвшей свѣчи.

— Въ жизни такого успѣха не бываетъ. Я его не зналъ. Господь любитъ тѣхъ, кого Онъ испытываетъ. Я не хочу сказать этимъ, что тебя, мой мальчикъ, Богъ не любитъ. Но остерегайся такого успѣха, какъ твой... Раньше я думалъ, что писаніе картинъ — пустое занятіе, я не зналъ, что художники получаютъ за нихъ такія деньги. А теперь я видѣлъ, что ты помѣщенъ въ „Who's Who", и если ты можешь получить за картину семьсотъ фунтовъ, то, значитъ, въ ней что-то есть. И это что-то надо беречь. Смотри, чтобы успѣхъ твой не отнялъ бы у тебя этого.

Онъ откинулся назадъ на подушки, продолжая держать руку Дикки. Затѣмъ его пальцы медленно разжались. Дикки тихо вышелъ изъ комнаты.

— Онъ заснулъ, — сказалъ онъ м-съ Флинтъ и вышелъ изъ дому. Онъ пошелъ къ Бредонскому холму, къ тому мѣсту, гдѣ первый разъ сидѣлъ съ лэди Діаной, и вернулся поздно.

На слѣдующее утро м-ръ Ферлонгъ все еще спалъ: новый день не принесъ ему пробужденія.

XVI.

Тотчасъ послѣ похоронъ отца, которыми распоряжался м-ръ Легаттъ, Дикки вернулся къ себѣ въ Лондонъ. Всю эту зиму онъ работалъ неутомимо и обѣщалъ м-съ Флинтъ пріѣхать весной мѣсяца на три и водвориться въ новой своей мастерской на мельницѣ, чтобы работать опять среди природы.

За это время онъ написалъ много портретовъ, но только одинъ — лорда Прескотта — можетъ по мастерству сравняться съ портретомъ лэди Діаны. Всѣ они хороши и заслуживаютъ, какъ и получили, высокой критической оцѣнки. Но

они лишены были оригинальности „Мишуры“ и портрета лэди Діаны. Когда первый разъ она позировала ему, Дикки сказалъ, что на нѣсколько портретовъ у художника можетъ хватить силы удержать ихъ на высотѣ картины, произведенія искусства, что два-три года онъ можетъ оставаться большимъ человѣкомъ. Но теперь онъ забылъ эти слова; врядъ ли даже заключавшаяся въ нихъ правда представлялась теперь его сознанію. Теперь Дикки приходилось сознательно выдумывать новыя задачи. Нужно было усиліе для того, чтобы изъ людей, которыхъ онъ писалъ, сдѣлать сюжеты произведеній искусства.

Въ этомъ усиліи онъ иногда впадалъ въ преувеличеніе. Однажды дама, позировавшая ему для портрета, замѣтила, что онъ пишетъ нѣчто, имѣющее съ ней мало общаго. Послѣ пятаго сеанса, когда работа приближалась къ концу, дама заявила, что она всегда знала, что у нея красивый затылокъ, но что все-таки онъ не стоитъ того, чтобы за его изображеніе на полотнѣ платить семьсотъ пятьдесятъ фунтовъ.

— Я не желаю, чтобы говорили, что я боюсь показать свое лицо, — прибавила она.

— Но развѣ вамъ не хочется, чтобы говорили, что это настоящая картина? — возразилъ Дикки.

— Да, конечно, — сказала она, — но я вѣдь заказала портретъ.

Дикки отказался измѣнить и докончилъ его уже безъ дамы, назвавъ его просто „Портретъ“. Это та картина, гдѣ дама, стоящая спиной къ зрителю, смотритъ на портретъ на стѣнѣ — онъ же изображалъ не кого иного, какъ лэди Діану въ костюмѣ эпохи Стюартовъ. Контуры его расплывались, уходили въ даль, но черты лица и выраженіе были, несомнѣнно, ея.

Бѣдной дамѣ, отказавшейся отъ портрета, многіе сочувствовали, особенно когда всѣ узнали лэди Діану въ томъ портретѣ, который она разсматриваетъ. Да и какъ было не узнать?

„Черты портрета на стѣнѣ намъ кажутся знакомыми“, — писали въ одной газетѣ. — „И даже, несмотря на отдаленность разстоянія съ изумительно вѣрно-переданной перспективой, эта часть картины наиболѣе интересна“.

Дикки выставилъ ее на Интернаціональной выставкѣ, но оказалось, что онъ не можетъ взять за нее ту цѣну, какую

долженъ былъ получить съ дамы за настоящій портретъ. Это и многіе другіе инциденты подобнаго характера не мало вліяли на его творчество. Когда наступила весна и Дикки получилъ приглашеніе лорда Фредди на югъ Франціи, онъ взялъ еще одинъ заказъ на портретъ и написалъ м-съ Флинтъ: „Лѣтомъ ужъ навѣрное вы увидите меня опять на мельницѣ".

Онъ не особенно вѣрилъ самъ этому, но обѣщаніе было оправдано: лѣтомъ его снова увидѣли на мельницѣ.

Но еще раньше, тотчасъ по возвращеніи изъ Каннъ, Дикки поѣхалъ въ Бембриджъ на десять дней. Для лэди Діаны его присутствіе было полно волнующаго интереса. Она знала, что онъ влюбленъ въ нее, и вотъ уже два года ждала (иногда даже съ нетерпѣніемъ) отъ него объясненія, которое, казалось ей, должно быть страстнымъ и пламеннымъ.

Но время шло и шло. Никакого объясненія не происходило. Бывали моменты, когда лэди Діана начинала даже сомнѣваться въ вѣрности своей догадки: вѣдь, думалось ей, въ подобныхъ психологическихъ прозрѣніяхъ легко ошибиться.

У нихъ никогда не было разговора о религіи, но она знала, что Дикки — невѣрующій.

Она не знала о той глубоко пуританской окраскѣ сознанія, которую Дикки, самъ того не вѣдая, унаслѣдовалъ отъ своего отца. Она была замужемъ. Но ей не приходило въ голову, что это обстоятельство можетъ являться преградой его любви. Въ томъ свѣтѣ, гдѣ она жила, это не была преграда, да если бъ и была, то въ два года ее можно было бы преодолѣть.

Въ другомъ мужчинѣ лэди Діана приняла бы это молчаніе за показатель того, что въ его жизни имѣется другая женщина. Ея интересъ къ нему постепенно падалъ бы и, наконецъ, перешелъ бы въ простое знакомство. Но съ Дикки, индивидуальность котораго была для нея источникомъ постояннаго интереса, это было не такъ: интересъ къ нему даже усиливался въ ней. Она все еще ждала и возлагала надежды на Бембриджъ, гдѣ, несмотря на присутствіе лорда Фредди, они все же имѣли больше случаевъ оставаться одни.

Да и очень романтическимъ гнѣздышкомъ былъ этотъ Бембриджъ! Великолѣпная старая усадьба Тюдоровскихъ

временъ стояла въ царственномъ одиночествѣ надъ цвѣтущей долиной. Въ ясный день изъ окна своей спальни Дикки могъ видѣть далеко на горизонтѣ, за Ромнейскими болотами, блѣдно-голубую полоску моря. Она, точно лента, связывала небо и землю въ одно цѣлое неизъяснимой красоты.

Здѣсь можно было бродить по пустынной равнинѣ, заросшей кустами колючаго терновника, или спуститься въ долину и идти берегомъ тихаго ручья, который вился среди бордюра крупныхъ желтыхъ лютиковъ. Въ самомъ паркѣ можно было заблудиться. Высокія тисовыя изгороди, посаженныя въ доброе старое время садовниками, которые помнили еще пріѣзды королевы Анны въ Бембриджъ, шпалеры сиреневыхъ кустовъ, — все это образовывало сады среди сада. Цвѣты росли здѣсь такъ, какъ они умѣютъ расти въ Кентскомъ графствѣ.

Дикки не разъ бывалъ уже здѣсь, но никогда не случалось ему пріѣзжать весною. Цвѣтники пестрѣли волшебной гаммой красокъ; въ фруктовомъ саду яблони стояли согбенныя подъ бременемъ свѣтлой, радостной ноши розовыхъ лепестковъ. Онъ зналъ, какая это красота въ Бредонѣ! Но здѣсь оно было еще прекраснѣе.

„Если есть желаніе, привезите какую-нибудь работу“, — писала лэди Діана въ своемъ приглашеніи, — „Я съ радостью составлю вамъ компанію, пока вы будете писать“.

И онъ пріѣхалъ во всеоружіи, привезя свои принадлежности для этюдовъ, и носилъ ихъ съ собой во время всѣхъ ихъ общихъ прогулокъ. Когда въ Бембриджѣ не бывало гостей, лэди Діана носила свой излюбленный костюмъ — свободное простенькое платье и ту самую мягкую безформенную шляпу, въ которой Дикки видѣлъ ее на Бредонскомъ холмѣ.

На третій день послѣ пріѣзда Дикки лордъ Фредди уѣхалъ въ Лондонъ на цѣлый день. Они шли вдвоемъ съ лэди Діаной черезъ лугъ, между кустарниковъ. Дикки вдругъ остановился, снялъ свой мѣшокъ съ плечъ и разставилъ складной стулъ.

— Хотите писать этюдъ? — спросила она.

— Я хочу писать васъ, — сказалъ онъ, — васъ и это все.

Онъ показалъ на широкую даль луговъ, переходящую въ затуманенную линію моря.

Она разсмѣялась.

— Меня и то ужъ называютъ лэди Гамильтонъ, а васъ — Ромнеемъ, — сказала она.

И правда, о нихъ ходили сплетни. Но вѣдь всегда что-нибудь да сплетничали! Лэди Діанѣ было пріятно позировать ему опять. Она остановилась, заглядѣвшись въ широкій просторъ родныхъ луговъ, подставляя лицо мягкому дыханію вѣтра; то ей было видно все, какъ на ладони, до послѣдней линіи, то, когда Дикки начиналъ говорить, она ничего не различала.

— Посидите пока, — сказалъ онъ, уловивъ легкость и граціозную простоту ея позы, — сначала намѣчу пейзажъ, а потомъ ужъ вы мнѣ понадобитесь.

Она усѣлась на траву рядомъ съ нимъ и стала слѣдить за движеніемъ его кисти.

— Эту вещь вы должны дать мнѣ, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія. — Темпъ вашей работы — это что-то совершенно неслыханное. Кажется, я постояла только минутъ пять, затѣмъ вернулась и вотъ вижу у васъ уже это все. Я хочу, чтобы этотъ этюдъ былъ моей собственностью. Нѣтъ, вы, ей-Богу, удивительный человѣкъ!

— Вы можете имѣть картину... ту картину, которую я напишу по этому этюду.

Въ этотъ моментъ онъ далъ бы ей все. Она чувствовала это въ его голосѣ, мягкомъ и ласкающемъ, какъ дыханіе вѣтра.

— Не хочу я картины, — сказала она, — я хочу вотъ этотъ этюдъ. Я повѣшу его у себя въ комнатѣ. Мнѣ не надо напоминанія, но... вспомню этотъ дивный день, а онъ у меня глядитъ со стѣнки.

— Вы получите и то и другое, — сказалъ Дикки, — картина будетъ интереснѣе этого. Господи Боже! Если бъ я могъ всегда работать такъ свободно, а не вымучивать проклятое сходство!

Казалось, впервые онъ ощутилъ, на какой опасный путь вступило его творчество.

— Мнѣ бы слѣдовало никогда не возвращаться въ Лондонъ... Посмотрите на этотъ послѣдній портретъ м-съ Ситонъ Барръ. Она заплатила восемьсотъ фунтовъ за то, чтобы было похоже. Вы думаете, у меня не стояли все время передъ глазами эти проклятые серебреники. Конечно, я всѣми силами старался обмануть себя на этотъ счетъ. Но оно было въ кисти, въ каждомъ мазкѣ! Господи! Какъ

я былъ счастливъ, когда, наконецъ, отдѣлался отъ портрета! Мнѣ надо было бы бросить эту мастерскую въ Чельси. Мнѣ надо было бы жить все время въ деревнѣ или за границей.

— Такъ отчего же вы не бросите ее? — спросила лэди Діана.

Дикки молчалъ. Онъ продолжалъ работать быстро и нервно, словно боялся того, что могъ бы отвѣтить. Она знала, что у него на умѣ, знала едва ли не лучше его самого, боявшагося высказать это; и то, что сдерживало ее всѣ эти два года, казалось, внезапно потеряло надъ ней власть.

— Дикки, — сказала она, первый разъ называя его по имени не для того, чтобы вызвать въ немъ приливъ нѣжности, а сама поддаваясь ему, — отчего вы не развяжетесь съ мастерской и Лондономъ?

— Я не могу, — сказалъ онъ, — въ этомъ мой ужасъ и мое счастье.... — и продолжалъ упрямо водить кистью, не смѣя встрѣтиться съ ея взглядомъ.

Лэди Діана гдлядѣла съ минуту на его лицо, затѣмъ коснулась его руки, чтобы прервать работу, а другой рукой взяла этюдъ и положила его на траву.

— Я хочу прямого отвѣта, — сказала она. — Вы считаете, что эта жизнь вредитъ вашему творчеству... хотя я не замѣчаю этого: взгляните на этотъ этюдъ. Это будетъ дивная вещь! Нельзя же ждать, чтобы каждая новая картина была лучше предыдущей. Нѣкоторыя выходятъ менѣе удачными. Но если вы чувствуете, что эта работа въ Лондонѣ убиваетъ вашъ талантъ, то вы должны уѣхать. Причины, оправдывающей васъ въ такомъ случаѣ, не можетъ быть.

— А она все-таки есть, — пробормоталъ Дикки.

Онъ былъ теперь въ положеніи утопающаго, хватающагося за первый попадающійся подъ руки предметъ. Безуміе или нѣтъ, но онъ зналъ, что приближается минута, когда онъ долженъ сказать ей все. И душа его ждала этой минуты, полная страха и блаженства.

Все было въ рукахъ лэди Діаны. Она могла рѣшить вопросъ такъ или иначе. Но она играла съ огнемъ, не зная, какъ жарко онъ можетъ разгорѣться, въ то время какъ Дикки велъ мучительную борьбу съ самимъ собою.

— Тутъ замѣшана женщина? — спросила она, какъ человѣкъ, имѣющій право на откровенность. Послѣ двухъ лѣтъ пріятельскихъ отношеній она, конечно, имѣла это право,

но сердце Дикки упало, когда онъ услышалъ ея спокойный вопросъ, безъ тѣни ревности или разочарованія въ голосѣ. „Неужели ей все равно?“ — подумалъ онъ.

Лэди Діана снова повторила свой вопросъ:

— Тутъ замѣшана женщина?

— Да, — стремительно вырвалось у него.

— Я знаю ее?

— Вы должны были бы знать, — сказалъ онъ, — вы должны бы, наконецъ, догадаться...

— Это я...

Произнесла она эти слова тихо, просто, съ довѣрчивой интонаціей ребенка. Мягкое очарованіе ея тона порвало послѣднюю цѣпь его сдержанности. Казалось, долго тлѣвшій огонь вдругъ вспыхнулъ яркимъ сильнымъ пламенемъ. Онъ весь затрепеталъ. Лэди Діана потянулась, чтобы взять его руку, она, точно пойманная птица, трепетала въ ея рукѣ.

— Кто же это, Дикки?

— Да, это вы, — сказалъ онъ. — Только вы. Вы для меня — все. Я ни о комъ, ни о чемъ другомъ не думаю. Не думалъ о другомъ съ того дня, какъ мы встрѣтились на Бредонскомъ холмѣ... Въ жизни у каждаго бываетъ такое чувство, которое не похоже на всѣ другія и стоитъ выше ихъ всѣхъ: оно слишкомъ недосягаемо для него, онъ знаетъ, что оно не будетъ взаимно. Будетъ ли эта любовь раздѣлена или нѣтъ, но она рождаетъ въ душѣ лучшее, самое глубокое, самое святое, что есть въ ней... Я стараюсь говорить связно. Для васъ, не чувствующей этой любви ко мнѣ, все это, вѣроятно, одни слова. Но я долженъ высказать ихъ. Сколько разъ, Боже мой, я обдумывалъ это безумное желаніе высказаться! Тысячи разъ! Какой-нибудь вашъ взглядъ, прикосновеніе руки при прощаніи... безчисленное множество разъ, когда мы были вдвоемъ у меня въ мастерской и когда мнѣ почти казалось, что вы ждете отъ меня этихъ словъ. Но я боролся противъ искушенія... потому что я зналъ, что, когда я скажу, все будетъ кончено для меня, я встрѣчу въ васъ или презрѣніе, или жалость, или просто снисходительное равнодушіе... Но сегодня... здѣсь, среди этой красоты, когда вы назвали меня по имени, я почувствовалъ, что больше не могу. Я почувствовалъ, что моментъ пришелъ. Взгляните только на меня.

Она взглянула послушно; ея глаза и губы казались тоже послушными.

— А теперь, — продолжалъ онъ страстно, — прежде чѣмъ вы выразите мнѣ свое сожалѣніе или презрѣніе, я хочу сказать, что я люблю васъ, люблю такъ страстно, преданно и вѣрно, какъ никого и ничего на свѣтѣ. А теперь говорите, что хотите.

Констанція, Доротея и всѣ другія женщины, которыя сдѣлали изъ него то, что въ немъ было теперь, ушли отъ него, или, лучше сказать, не ушли, а сконцентрировались въ этотъ моментъ въ бурной силѣ его страсти.

Лэди Діана смотрѣла на него. Такихъ словъ любви она никогда не слыхала. Онъ не говорилъ о желаніи, не молилъ ея благосклонности. Онъ только сказалъ о своей страсти, преданности и вѣрности, но какими убогими казались ей, по сравненію съ этимъ, всѣ любовныя признанія, какія она слышала раньше!

Лэди Діана знала, что его чувство къ ней глубоко, но сейчасъ глубина его казалась ей бездонной, и эту пучину страсти она раскрыла въ немъ!

— Скажите, что вы имѣете сказать? — повторилъ онъ.

Лэди Діана сдѣлала надъ собой усиліе. Горло у нея было перехвачено волненіемъ. Дикки видѣлъ, какъ тяжело вздымалась ея грудь. И вдругъ она произнесла почти спокойно:

— Я... я тоже люблю васъ.

Съ англ. пер. М. Славинская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БОРЬБА СЪ ДОРОГОВИЗНОЙ ВО ФРАНЦІИ.

Вопросъ о дороговизнѣ жизни во Франціи, какъ и во всѣхъ прочихъ странахъ, не вызванъ, а лишь обостренъ до болѣзненности войной. Еще задолго до нея, при условіяхъ совершенно мирныхъ, „нормальныхъ", широкія массы сильно страдали отъ непомѣрно возрастающихъ цѣнъ. Достаточно припомнить движеніе противъ дороговизны, охватившее въ 1911 году почти весь Европейскій материкъ, чтобы признать, что корни одной изъ серьезнѣйшихъ проблемъ, выдвинутой на первое мѣсто, особенно за послѣдніе мѣсяцы, военными потрясеніями, заложены глубоко въ самой организаціи хозяйственнаго уклада.

Усиленный ростъ городского населенія за счетъ деревенскаго и быстрое развитіе потребностей у жителей культурныхъ центровъ, вздорожаніе сельскохозяйственнаго труда, систематическое повышеніе охранительныхъ таможенныхъ тарифовъ въ защиту интересовъ аграріевъ и промышленныхъ предпринимателей, обезцѣненіе золота, въ связи съ усиленнымъ употребленіемъ чернаго труда въ рудникахъ африканскихъ колоній, съ одной стороны, и въ зависимости отъ усовершенствованій въ золотопромышленной техникѣ — съ другой, наконецъ, быстро возрастающее вліяніе сельскохозяйственныхъ, промышленныхъ и торговыхъ капиталистическихъ организацій, синдикатовъ и трестовъ, ставящихъ себѣ задачей „регулированіе" цѣнъ путемъ монополизаціи производства и сбыта, — всѣ эти основные факторы, систематически и уже издавна проявлявшіе свое вліяніе въ одномъ и томъ же направленіи, привели къ результатамъ, единственнымъ исходомъ изъ которыхъ является коренная ломка въ области соціально-экономическихъ отношеній. И эта ломка приближалась быстрыми шагами подъ стихійнымъ давленіемъ снизу къ рѣшительному моменту, когда разразилась международная война.

Огромныя матеріальныя средства и сосредоточеніе многихъ орга-

низаціонныхъ функцій въ рукахъ государственной власти дали возможность на нѣкоторое время парализовать наиболѣе острыя формы вздорожанія жизни съ начала военныхъ дѣйствій. Выдача пособій безработнымъ и семьямъ ушедшихъ на войну, организація продовольственнаго дѣла на основахъ государственной благотворительности, введеніе карточной системы при распредѣленіи продуктовъ первой необходимости, широкое использованіе принципа реквизиціи, временная отмѣна ввозныхъ пошлинъ и т. п. мѣропріятія позволили государству отсрочить радикальное рѣшеніе проблемы, выдвинутой до войны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ экономическія и соціальныя потрясенія, вызванныя послѣднею съ первыхъ же дней и принявшія за послѣднее время повсюду крайне напряженный и обостренный характеръ, создали предпосылки, выводы изъ которыхъ уже и теперь оказываются не соотвѣтствующими современной организаціи государства, слишкомъ тѣсно связанной съ интересами опредѣленныхъ сословно-классовыхъ группировокъ.

Въ связи съ этимъ продовольственныя проблемы мирнаго времени, въ первые дни войны какъ будто отошедшія на второй планъ передъ грандіозностью международныхъ осложненій, начинаютъ все болѣе и болѣе выступать наружу, не только накладывая опредѣленный, уже и теперь весьма ощутительный отпечатокъ на ходъ развитія внутренней политики, но и весьма отчетливо воздѣйствуя на весь характеръ международной борьбы.

Всѣ эти положенія въ общемъ примѣнимы ко всѣмъ воюющимъ странамъ. Въ силу вполнѣ понятныхъ причинъ, они получили наиболѣе яркое выраженіе въ Германіи и Австро-Венгріи, гдѣ, съ одной стороны, недостатокъ пищевыхъ продуктовъ, благодаря изолированности ихъ положенія, поставилъ вопросъ о дороговизнѣ гораздо раньше и острѣе, чѣмъ во Франціи и Англіи, и гдѣ, съ другой стороны, центральная власть, потому что она опиралась на многочисленныя общественныя организаціи, оказалась болѣе способной осуществить нѣкоторыя рѣшительныя мѣропріятія въ области распредѣленія продуктовъ первой необходимости съ наибольшей послѣдовательностью.

Франція, сохранившая въ значительной мѣрѣ свои торговыя связи съ колоніями, Испаніей, Португаліей, Англіей, Соединенными Штатами, Южной Америкой и т. д., естественно почувствовала необходимость приступить къ рѣшенію проблемы о дороговизнѣ жизни значительно позже. И, однако, несмотря на это благопріятное условіе, общій ходъ вещей привелъ ее къ тому предѣлу, за которымъ дальнѣйшее отстаиваніе принципа laissez faire оказалось способнымъ вызвать реакцію угрожающаго свойства.

Анализомъ нѣкоторыхъ попытокъ предупредить наступленіе этой реакціи мы и намѣрены заняться въ нашей статьѣ.

* *
*

Съ 1900 по 1910 годъ цѣны на различные продукты во Франціи возросли весьма замѣтно. Объ этомъ можно судить по слѣдующей таблицѣ:

	1900 г.	1910 г.
Хлѣбъ (2 килогр.) . . .	0,55 фр. — 0,60 фр.	0,85 фр.
Говядина (1 килогр.)	1,16 фр.	1,54 фр.
Баранина (1 килогр.)	1,62 фр.	1,90 фр.
Вино (1 литръ)	0,20 фр. — 0,25 фр.	0,40 фр. — 0,45 фр.
Сахаръ (1 килогр.) . .	0,55 фр. — 0,60 фр.	1,80 фр.

Анкета, произведенная Всеобщей Конфедераціей Труда среди своихъ членовъ по вопросу о соотношеніи между ростомъ цѣнъ и уровнемъ заработной платы, показала, что послѣдняя за указанное десятилѣтіе почти не измѣнилась, такъ что приведенная нами таблица выражаетъ реальное, а не номинальное вздорожаніе жизни[1]).

Первыя же попытки разобраться въ истинныхъ причинахъ этого явленія и намѣтить нѣкоторые шаги для борьбы съ ними вызвали со стороны капиталистическаго лагеря ссылки на повышеніе заработной платы, стачечное движеніе и введеніе различныхъ соціальныхъ законовъ, какъ на главный факторъ вздорожанія жизни. Однако такая аргументація настолько не отвѣчала дѣйствительному положенію вещей, что даже газеты, въ родѣ „Journal des Débats", вынуждены были отказать имъ въ убѣдительности: „Сейчасъ много говорятъ о вліяніи на цѣны пищевыхъ продуктовъ соціальнаго законодательства, стачекъ, повышенія заработной платы и т. д. Нѣтъ, разумѣется, никакого сомнѣнія въ томъ, что тяготы, обременяющія, какъ утверждаютъ, предпринимателей, являются одной изъ причинъ всеобщаго вздорожанія, но мы рѣшительно отказываемся думать, чтобы въ этомъ можно было найти удовлетворительное объясненіе подъема цѣнъ за послѣднія 6—7 лѣтъ"[2]).

Но если предприниматели весьма охотно говорили о рабочемъ движеніи и соціальномъ законодательствѣ, какъ объ одномъ и чуть ли не единственномъ вліятельнѣйшемъ факторѣ повышенія цѣнъ, то съ тѣмъ большей осторожностью они обходили вопросъ о спекуляціи и монополіи, отрицательная роль которыхъ, однако, слишкомъ бросалась въ глаза, чтобы ее можно было замолчать.

---

[1]) La vie chère. Edité par la Conféderafon générale du Travail, pp. 17 et suiv.

[2]) „Journal des Débats", 30 Août 1910.

Было бы, конечно, ошибочно приписывать синдикатамъ и трестамъ всю отвѣтственность за вздорожаніе жизни; но что дѣятельностью этихъ организацій, успѣвшихъ за послѣднее время подчинить своему контролю главныя проявленія экономической жизни, объясняются наиболѣе обостренныя формы этого вздорожанія, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И неудивительно потому, что во Франціи, гдѣ объединительныя тенденціи среди капиталистовъ далеко еще не вышли изъ стадіи примитивно-спекулятивной, весьма скоро привыкли отождествлять вздорожаніе съ повышательной игрой монополистовъ и искать рѣшенія вопроса о дороговизнѣ въ борьбѣ съ accapareurs и speculateurs.

Цитированная нами выше книжка, изданная Всеобщей Конфедераціей Труда, прямо открываетъ вступленіе слѣдующимъ заявленіемъ:

„Уже въ 1910 году Всеобщая Конфедерація Труда забила тревогу и рѣшила предпринять широкую агитаціонную кампанію противъ скандальныхъ операцій спекулянтовъ. Наши друзья повсюду разоблачали преступленія биржевыхъ акулъ и, вооруженные неоспоримыми цифрами и доказательствами, указывали, что вздорожаніе средствъ жизни является результатомъ капиталистическаго строя, который предоставляетъ полную свободу аппетитамъ собственниковъ“ (стр. 1).

Такую же позицію занялъ и E. Vaillant въ своей интересной работѣ о дороговизнѣ жизни, вышедшей въ 1914 году:

„Такимъ образомъ, дороговизна наравнѣ съ колебаніями цѣнъ, являющимися результатомъ условій и обстоятельствъ естественнаго и экономическаго порядка, проявляется въ опредѣленныхъ, постоянныхъ и нарастающихъ формахъ, благодаря современной экономической организаціи капиталистическаго производства и обмѣна“.

„Это — уже новая линія развитія капиталистическаго производства, которая ведетъ къ неуклонному вздорожанію различныхъ товаровъ... Самъ капитализмъ, стараясь избѣгнуть конкуренціи, угрожающей его прибыли, эволюціонируетъ неизбѣжно по направленію къ дороговизнѣ, проявляя свою дѣятельность въ картеляхъ и трестахъ, по мѣрѣ того какъ возрастаетъ аккумуляція капитала“.

„Такое положеніе вещей усугубляется еще злоупотребленіями спекуляціей, которая безъ зазрѣнія совѣсти сжимаетъ запасы, монополизируетъ ихъ, поддѣлываетъ пищевые продукты и грабитъ производителей и потребителей во имя собственной наживы“...

„Соглашенія посредниковъ регулируютъ покупныя цѣны въ ущербъ крестьянамъ и продажныя цѣны въ ущербъ потребителямъ, экспропріируя всю прибыль въ собственную пользу... Такъ, напримѣръ, когда общественное мнѣніе возстало противъ дороговизны мяса,

газета „Le Temps“ опубликовала слѣдующій выводъ изъ своей анкеты по этому поводу (21 ноября 1911 года): „По мѣрѣ того, какъ голова рогатаго скота проходитъ разстояніе отъ производителя до потребителя, ея цѣна возрастаетъ съ 867 фр. 82 сант. до 1149 фр. 72 сант. въ розничной продажѣ X округа и до 1482 фр. 52 сант. въ розничной продажѣ II округа. Въ первомъ случаѣ цѣна увеличивается на 33% слишкомъ, во второмъ на 72%“. И „Le Temps“ характеризуетъ дѣятельность посредниковъ, какъ „стремленіе раздавить потребителя“ [1]).

Было бы, конечно, ошибочно приписывать наиболѣе рѣзкія повышенія цѣнъ на продукты первой необходимости исключительно организованному посредничеству, какъ это дѣлаетъ „Temps“. Посредники, скупщики, спекулянты выступаютъ на сцену уже послѣ того, какъ произведенный товаръ получилъ заранѣе установленную цѣну отъ различныхъ организацій производителей; они лишь довершаютъ работу синдикатовъ и трестовъ, „регулирующихъ производство“ путемъ монополизированія рынка. И при этомъ воздѣйствіе на цѣны со стороны предпринимательскихъ организацій проявляется не только въ непосредственной формѣ, но и косвенной, благодаря тѣснымъ связямъ между земледѣліемъ и различными отраслями обрабатывающей промышленности, напримѣръ, химической (удобреніе), желѣзодѣлательной (сельскохозяйственныя машины) и т. д. Вотъ, напримѣръ, весьма характерная иллюстрація, показывающая, какъ рискованно въ оцѣнкѣ современной дороговизны останавливаться исключительно на „злоупотребленіяхъ посредниковъ“, а еще болѣе на одномъ только общемъ дѣйствіи экономическихъ или естественныхъ факторовъ.

1 декабря 1907 года газета „Le Radical“ разоблачила искусственное повышеніе цѣнъ на химическое удобреніе, вызванное могущественной компаніей Сэнъ-Гобэнъ. Она установила, что эта компанія, въ рукахъ которой находится производство двухъ третей суперфосфатовъ, захватила въ свои руки почти всѣ залежи этого продукта. И въ то время какъ цѣны на него съ 1906 года возросли на цѣлую треть, заработанная плата рабочихъ, занятыхъ на этихъ залежахъ, осталась на прежнемъ уровнѣ. Въ январѣ 1910 года было открыто слѣдствіе о дѣятельности этого общества, при чемъ удалось установить, что оно представляетъ собой настоящій трестъ, объединяющій отъ 20 до 30 суперфосфатныхъ компаній. Этотъ трестъ устанавливалъ цѣны на удобреніе для всей Франціи, при

---

[1]) Edouard Vailland. Cherté de la vie et Nationalisation du sol. Paris 1914. pp. 22, 23.

чемъ на сѣверѣ подъ вліяніемъ конкуренціи со стороны Бельгіи и Германіи цѣны назначались умѣренныя, тогда какъ въ центральныхъ и восточныхъ департаментахъ они соотвѣтственнымъ образомъ возвышались. Такимъ образомъ объясняется, почему цѣны на суперфосфатное удобреніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поднялись съ 5 фр. до 7 фр. 75 сант. за квинталъ [1]).

Само собою разумѣется, что разъ синдикаты и тресты по производству удобренія, сельскохозяйственныхъ машинъ, вилъ и косъ, колючей проволоки, шпагата для перевязки сноповъ и т. д. форсируютъ повышеніе цѣнъ на свои издѣлія, то сельскимъ хозяевамъ остается соотвѣтственно повышать цѣны на свои продукты, ссылаясь на вздорожаніе издержекъ производства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступаютъ и ихъ собственныя организаціи, которыя, возникая нерѣдко непосредственно для борьбы съ синдикатами и трестами предыдущей категоріи, сами превращаются въ монополистическія организаціи, преслѣдующія дальнѣйшее искусственное повышеніе цѣнъ. Къ этой категоріи, напримѣръ, относятся многочисленные союзы земледѣльцевъ, хозяевъ молочныхъ фермъ, сыроваровъ, скотоводовъ, винодѣловъ и пр., которыми покрыта вся Франція.

По завершеніи процесса производства сельскохозяйственные продукты расходятся по странѣ въ двухъ направленіяхъ. Часть изъ нихъ (яйца, молоко, зелень, фрукты и пр.) поступаетъ въ сыромъ видѣ непосредственно на рынокъ, при чемъ цѣны на нихъ подвергаются дальнѣйшему увеличенію подъ вліяніемъ „регуляторской" дѣятельности многочисленныхъ ринговъ, корнеровъ и т. п. посредническихъ, паразитическихъ организацій и, наконецъ, аналогичному воздѣйствію со стороны розничныхъ продавцовъ, которые пользуются своимъ монопольнымъ положеніемъ, поскольку прикрѣпленные къ мѣстнымъ районамъ, кварталамъ, улицамъ потребители фактически не въ состояніи закупать продукты, минуя эту категорію посредниковъ, ни на центральныхъ, ни на районныхъ рынкахъ. Другая часть сельскохозяйственнаго сырья предварительно поступаетъ въ обрабатывающую промышленность, гдѣ ее превращаютъ въ различные продукты, и гдѣ цѣны снова „обрабатываются" соотвѣтствующими предпринимательскими организаціями. Такую роль, напримѣръ, играетъ во Франціи извѣстный синдикатъ мукомольныхъ предпріятій Grands Moulins de Corbeil, къ дѣятельности котораго во время войны мы еще вернемся, сахарный синдикатъ, трестъ по производству излюбленнаго французскими потреби-

[1]) „Le Temps" 8 Janvier 1910.

телями рокфорскаго сыра Société de caves de Roquefort, алкогольный трестъ и т. д. Всѣ эти организаціи такъ основательно овладѣли переработкою сырья и наложили такъ властно свою руку на національный рынокъ, что еще задолго до войны противъ нихъ поднялась въ широкихъ кругахъ потребителей самая энергичная агитація, полная основательность которой не замедлила подтвердиться въ законодательныхъ учрежденіяхъ путемъ различныхъ запросовъ и преній.

Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи палаты депутатовъ 5 апрѣля 1910 года деп. Жоржъ Берри поставилъ съ трибуны министру юстиціи вопросъ относительно повышенія цѣнъ на сахаръ. „Урожай свекловицы, — сказалъ онъ, — увеличился, а цѣны на сахаръ поднялись съ 30 до 42 фр. Очевидно, что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто спекуляція“. Барту, занимавшій тогда постъ министра юстиціи, и не думалъ отрицать этой „возможности“; онъ только замѣтилъ, что въ то время какъ относительно спекуляцій на хлѣбъ поступили заявленія судебнымъ властямъ, относительно сахара жалобъ еще не поступало. Тѣмъ не менѣе въ засѣданіи 10 іюля того же года деп. д-Монзи снова интерпеллировалъ правительство относительно мѣръ, которыя оно намѣрено предпринять для того, чтобы положить предѣлъ искусственному взвинчиванію цѣнъ на сахаръ. Одновременно правительство получило рядъ резолюцій отъ Генеральныхъ Совѣтовъ, въ которыхъ настойчиво подчеркивалась противообщественная роль спекулянтовъ и предлагалось принять немедленныя и энергичныя мѣры противъ нихъ и монополистовъ[1]). Однако вся эта кампанія фактически не привела ни къ чему положительному. Общественное мнѣніе оказалось слишкомъ слабо вооруженнымъ, для того чтобы выдержать борьбу съ такимъ сильно и хорошо организованнымъ противникомъ, какъ синдикаты и тресты.

Слѣдуетъ прибавить, что повышательная тенденція охватила не только сельскохозяйственные продукты въ сыромъ и переработанномъ видѣ, но также и уголь, благодаря угольному синдикату и объединеннымъ посредническимъ фирмамъ, керосинъ, расцѣниваемый для французскихъ потребителей международнымъ керосиновымъ трестомъ, электричество, „контролируемое“ электрическимъ трестомъ, и другіе важнѣйшіе предметы потребленія, а также квартиры, цѣны которыхъ регулируются многочисленными синдикатами домовладѣльцевъ, и т. д. И совершенно понятно, что когда широкія массы убѣдились въ полной безплодности общественныхъ протестовъ и лойяльныхъ формъ противъ все усиливающейся

---

[1]) Lucien Deslinières. La vie chère. Paris, 1911, pp. 23—25.

дѣятельности монополистовъ и спекулянтовъ, онѣ въ концѣ концовъ приступили къ прямому давленію на правительство, что привело къ извѣстнымъ бурнымъ событіямъ 1911 года, особенно въ сѣверныхъ, т. е. наиболѣе промышленныхъ районахъ Франціи. Послѣдовавшія затѣмъ попытки законодательной власти успокоить общественное мнѣніе не оказали вліянія на дальнѣйшее обостреніе дороговизны. И въ этомъ не было ничего неожиданнаго, такъ какъ онѣ свелись къ проекту измѣненія архаическихъ статей 419 и 420 Уголовнаго Кодекса относительно частнохозяйственной монополіи и къ поверхностной борьбѣ со спекуляціей различными палліативными мѣрами, напримѣръ, воспрещеніемъ срочныхъ сдѣлокъ, превышающихъ нормальныя потребности покупателей, и т. д.

Такимъ образомъ, къ моменту объявленія войны вопросъ о борьбѣ съ монополіей во Франціи стоялъ во всей остротѣ, вызывая самыя тревожныя и протестующія настроенія въ широкихъ общественныхъ массахъ.

II.

Объявленіе мобилизаціи и начало военныхъ дѣйствій поставили экономическую жизнь Франціи передъ сплетеніемъ новыхъ условій, настолько сложныхъ и неожиданныхъ, что многіе изъ ея обычныхъ факторовъ должны были подвергнуться самой радикальной ломкѣ. Милитаризація желѣзныхъ дорогъ, реквизиція морскихъ и рѣчныхъ судовъ, грузовыхъ и легковыхъ автомобилей, фургоновъ, лошадей для нуждъ мобилизаціи поставили Францію на первыхъ порахъ почти въ изолированное положеніе. Не говоря уже о полномъ прекращеніи торговыхъ сношеній съ Россіей, Скандинавскими странами, Бельгіей и Германіей, ввозъ и вывозъ и въ другія государства подвергся рѣзкому сокращенію.

Весь національный рынокъ сразу оказался внѣ зависимости отъ міровой конъюнктуры, и въ то же время, благодаря нарушенію внутренняго транспорта, вся страна оказалась разбитой на отдѣльные самодовлѣющіе районы, потерявшіе временно связь съ общенаціональнымъ рынкомъ, что, конечно, немедленно же отразилось на всѣхъ отрасляхъ производства, какъ перерабатывающихъ привозное сырье, такъ и сбывающихъ свои продукты въ другіе районы.

Въ связи съ этимъ немедленно же обнаружилось значительное различіе въ цѣнахъ въ крупныхъ городскихъ центрахъ, особенно сѣверныхъ, и въ провинціи. Городской потребитель былъ поставленъ, благодаря мобилизаціи, передъ почти полнымъ истощеніемъ пище-

выхъ запасовъ. Съ одной стороны, отсутствіе путей сообщенія отрѣзало его отъ окрестностей, т. е. отъ питательной базы, въ предѣлахъ которой расположены огороды, фруктовые сады, молочныя фермы, скотопригонные дворы и пр., съ другой, — поскольку на городскихъ рынкахъ еще сохранились извѣстные пищевые запасы, они усиленно реквизицировались военными властями для нуждъ мобилизируемой арміи. Продовольственное положеніе городскихъ центровъ обострялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нихъ расположены центральныя депо для передвигающихся частей арміи, что въ значительной степени увеличивало запросы на мѣстныхъ рынкахъ. Конечно, въ такой же степени облегчался и спросъ на предметы первой необходимости въ провинціи, но такъ какъ между послѣдней и городскими центрами контактъ былъ прерванъ, то естественно, что парализовать эту разницу путемъ мобилизаціи пищевыхъ продуктовъ не было никакой возможности. Поэтому общая продовольственная картина для всей Франціи въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій далеко не отличалась однородностью красокъ. Въ то время, какъ провинціальный потребитель испытывалъ повышеніе цѣнъ лишь на нѣкоторые предметы первой необходимости, выигрывая на удешевленіи хлѣба, картофеля овощей, яицъ и проч., сѣверные районы, и особенно Парижъ, оказались сразу въ чрезвычайно неблагопріятномъ положеніи, которое потребовало категорическаго вмѣшательства со стороны правительственной власти. Достаточно, напримѣръ, указать на чудовищный ростъ цѣнъ въ Парижѣ, особенно на овощи и зелень, въ эти тревожные дни. Уже съ 31 іюля картофель съ 12 фр. поднялся до 24 фр. за 100 килогр., а черезъ два дня на Центральномъ рынкѣ (Les Halles Centrales) за такое же количество брали до 60 фр.; морковь съ 15 сантимовъ за пучокъ поднялась до 50, цѣны на салатъ почти удвоились; а что касается консервовъ, кофе, сахара, шоколада и проч., то все, что уцѣлѣло отъ реквизиціи, было мгновенно разобрано, такъ что дѣло шло уже не о ростѣ цѣнъ, а просто о недостачѣ этихъ продуктовъ.

Само собою разумѣется, что такія нормальныя условія оказались чрезвычайно удобными для развитія спекуляціи самаго примитивнаго свойства, какъ районной, такъ и мѣстной. При этомъ и центральныя организаціи оптовиковъ и розничные торговцы не стѣснялись усиливать недостачу продуктовъ первой необходимости, выдерживая наличные запасы на своихъ складахъ и взвинчивая цѣны, безъ того чрезмѣрно вздутыя. Обострившаяся, такимъ путемъ, дороговизна имѣла въ своей основѣ частно-монополистическія тенденціи до-военнаго времени, лишь подчеркнутыя и доведенныя

до логическаго конца внезапно разразившимися событіями. И послѣдствія ея начали было воспроизводить съ буквальной точностью событія 1911 года съ тою лишь разницей, что на этотъ разъ правительство не рискнуло прибѣгнуть къ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ по отношенію къ недовольнымъ, а предпочло ликвидировать возбужденное настроеніе массъ съ помощью различныхъ мѣропріятій, направленныхъ на ближайшія и наиболѣе осязательныя причины дороговизны.

При этомъ имъ были одновременно примѣнены двѣ параллельныя системы воздѣйствія на высокія цѣны. Одна имѣла въ виду парализовать повышательную игру посредниковъ посредствомъ судебнаго преслѣдованія въ случаѣ явныхъ злоупотребленій, путемъ организаціи полицейскаго надзора на Центральномъ и районныхъ рынкахъ, съ помощью установленія таксы на различные продукты первой необходимости, а также путемъ организаціи связей между Центральнымъ рынкомъ и районными потребителями. Для достиженія этого въ Парижѣ мэрами всѣхъ 20-ти округовъ были организованы особые окружные продовольственные комитеты изъ оптовыхъ торговцевъ и именитыхъ людей и т. д. Вступая въ борьбу съ чрезмѣрной дороговизной, поскольку она являлась результатомъ очевидной спекуляціи, эта система мѣръ, однако, не посягала на высокія цѣны въ той мѣрѣ, въ какой онѣ считались „справедливыми", т. е. дѣйствительно обусловленными военными обстоятельствами.

Но поскольку въ то же время эта, такъ сказать, „нормальная", дороговизна сопровождалась значительнымъ пониженіемъ покупательной способности огромныхъ слоевъ населенія, отчасти изъ-за безработицы, а отчасти изъ-за того, что сотни тысячъ семей остались безъ поддержки благодаря уходу на войну ихъ кормильцевъ, — постольку силою вещей выдвигалась и другая система мѣръ, которая имѣла въ своей основѣ государственную, коммунальную и общественную благотворительную помощь населенію, какъ денежными средствами, такъ и натурою. Эта вторая система не имѣла характера прямой борьбы съ дороговизной, но косвенно все же оказывала на нее нѣкоторое давленіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда различныя организаціи устраивали безплатныя или дешевыя столовыя, раздачу угля по низкой цѣнѣ или безплатно, а также распредѣленіе различныхъ предметовъ первой необходимости и пр.

Такую именно роль сыграла извѣстная организація Комитета Національной Помощи (Comité de Secours Nationale), очень быстро вобравшая въ себя и подчинившая своему контролю всѣ профессіональныя и партійныя организаціи помощи нуждающемуся населенію, а также національный фондъ для безработныхъ, являвшійся

дополненіемъ къ системѣ выдачи пособія семьямъ воинскихъ чиновъ. Коммунальная помощь населенію вскорѣ оказалась тѣсно связанной съ этими двумя учрежденіями, — по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе крупныхъ центрахъ, при чемъ коммунальныя организаціи сыграли въ то же время роль контрольнаго аппарата, не замедлившаго, впрочемъ, обнаружить многія отрицательныя стороны бюрократическаго свойства.

Необходимо отмѣтить, что періодъ, въ теченіе котораго этимъ обѣимъ системамъ пришлось развернуться, продолжался недолго, — главнымъ образомъ, на протяженіи мобилизаціи. Прекращеніе послѣдней прежде всего вернуло французской экономической жизни желѣзнодорожное сообщеніе. Благодаря этому мѣстная и районная, т. е. особенно опасная форма, спекуляціи оказались въ значительной степени подорванными. Затѣмъ постепенно началъ налаживаться импортъ изъ колоній и вообще изъ заграничныхъ странъ, что, въ свою очередь, оказало извѣстное давленіе на рыночныя цѣны. Наконецъ, населеніе крупныхъ сѣверныхъ городовъ, какъ мѣстное, такъ и пришлое, — Франція также пережила острый періодъ „бѣженства" изъ занятыхъ германской арміей департаментовъ, — воспользовалось освободившимися желѣзнодорожными путями для переѣзда въ провинцію, чѣмъ установилось болѣе равномѣрное распредѣленіе потребителей по всей странѣ, а въ связи съ этимъ извѣстная нивелировка цѣнъ.

Были и другія обстоятельства, которыя дали возможность нуждающемуся населенію перенести этотъ періодъ обостренной дороговизны болѣе спокойно, чѣмъ вообще можно было предполагать. Прежде всего онъ совпалъ съ лѣтнимъ временемъ, когда вопросъ объ освѣщеніи, отопленіи, теплой одеждѣ и пр. отпадаетъ самъ собою; такимъ образомъ, бѣднѣйшіе слои населенія могли сосредоточить свои покупательныя средства, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніи пищевыхъ продуктовъ. Затѣмъ, кромѣ удовлетворенія семей военныхъ съ помощью военнаго пособія и безработныхъ средствами изъ особаго фонда, правительство въ самомъ началѣ войны установило квартирный мораторій, что опять-таки вывело изъ бюджета наименѣе зажиточныхъ потребителей самую тяжелую статью.

Всѣ перечисленныя нами мѣры въ связи съ постепеннымъ переходомъ страны, особенно послѣ Марнской побѣды, на болѣе нормальное положеніе, дали возможность преодолѣть первый періодъ дороговизны съ помощью административнаго вмѣшательства, которое было направлено исключительно на обламываніе острыхъ угловъ продовольственнаго кризиса, но, естественно, меньше всего могло быть использовано для радикальнаго разрѣшенія этой проблемы.

Приблизительно съ октября цѣны на многіе продукты первой необходимости начинаютъ приближаться къ болѣе нормальному уровню, но съ этого же времени начинаетъ проявляться игра тѣхъ соціально-экономическихъ отношеній, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи и которыя лишь были затушеваны сразу обострившимся положеніемъ вещей, но, конечно, не утратили своего значенія. Рѣзко повышательная игра спекулянтовъ, благодаря измѣнившейся конъюнктурѣ, значительно сократилась, но зато общее уменьшеніе производства пищевыхъ продуктовъ и доставка ихъ изъ-за границы дали капиталистическимъ организаціямъ, какъ въ области производства, такъ и въ области товарообмѣна, возможность широко развить тѣ предпосылки частнохозяйственной монополіи, отъ которыхъ французское населеніе особенно сильно страдало еще задолго до начала войны.

III.

Осенняя уборка хлѣбовъ во Франціи, совпавшая съ началомъ войны, дала нѣкоторый недоборъ, на который совершенно ясно указываетъ въ своемъ офиціальномъ отчетѣ министерство земледѣлія. Въ общемъ, урожай ожидался средній, но подсчетъ показалъ, что министерство ошиблось въ своей предварительной оцѣнкѣ на 7 милліоновъ квинталовъ (вмѣсто 80 мил. квинталовъ было получено 87 мил.). „Къ несчастью, то обстоятельство, что 10 департаментовъ сѣверныхъ и восточныхъ, одни нѣкоторою частью, а другіе цѣликомъ, оказались занятыми германской арміей, привело къ тому, что Франція потеряла немалую часть урожая, которую можно опредѣлить въ 7.700.000 квинталовъ. Такъ какъ старыхъ запасовъ къ 31 августа у земледѣльцевъ, хлѣботорговцевъ и промышленниковъ было приблизительно 5 милліоновъ квинталовъ, и такъ какъ нормальное потребленіе хлѣба во Франціи равняется 94 милліонамъ квинталовъ, то, чтобы свести концы съ концами, необходимо предвидѣть ввозъ минимумъ въ 10 милліоновъ квинт. или, точнѣе, 14.700.000 квинт., если желательно сохранить къ концу сезона обычный запасъ въ 5 мил. квинт., подобно предыдущему году“ [1]).

Что касается овса, то, благодаря опять-таки оккупаціи сѣвернаго района, вмѣсто ожидавшихся 54 мил. кв., въ распоряженіи французскихъ потребителей оказалось лишь 48 мил. кв., при чемъ, въ виду усилившагося потребленія овса въ арміи, министерство

---

[1]) L'effort agricole de la France pendant six mois de guerre (Août 1914 — Janvier 1915). Paris 1915, pp. 2 et suiv.

опредѣлило необходимость дополнительнаго ввоза въ 10—12 мил. кв. Рожь дала 12.800.000 кв., а за вычетомъ производства въ оккупированныхъ департаментахъ (850.000) 11.957.000 кв., вмѣсто средней 12.297.000 кв. за послѣднія 10 лѣтъ. Наконецъ, картофеля было получено 140 мил. кв., а за вычетомъ потери изъ-за оккупаціи 132.800.000 кв.

Такимъ образомъ, уже съ самаго начала войны на хлѣбномъ зернѣ и овсѣ обнаружился дефицитъ, который для своего восполненія потребовалъ нѣкоторыхъ облегчительныхъ мѣръ по ввозу. Такъ, декретомъ отъ 31 іюля правительство отмѣнило ввозныя пошлины на пшеницу, полбу и смѣшанное зерно, а также на хлѣбъ и т. д. Такимъ образомъ, къ началу слѣдующаго, 1915 года общее состояніе хлѣбнаго рынка во Франціи, — хотя и не предуказывало непосредственной необходимости въ исключительныхъ мѣрахъ, аналогичныхъ съ тѣми, которыя были приняты въ Германіи, т. е. распредѣленіе хлѣба по карточной системѣ, ухудшеніе его качества путемъ посторонних примѣсей и т. д., — все же было въ извѣстной мѣрѣ стѣсненнымъ.

Зато состояніе мясного рынка оказалось гораздо болѣе пострадавшимъ. По даннымъ министерства земледѣлія за первые шесть мѣсяцевъ войны общее количество головъ скота во Франціи съ 14.807.380 упало до 13.297.000, т. е. на 1.510.000 или на 10,2%, при чемъ быковъ убыло на 12,21%, убойнаго скота на 26,47%, коровъ на 9,3%, овецъ и барановъ на 9,26%, свиней на 11,55%. Уже само по себѣ это сокращеніе является значительнымъ, но необходимо принять во вниманіе и трудность возстановленія живого запаса, несмотря на то, что племенной скотъ по возможности щадили, а также и то обстоятельство, что привозъ его изъ другихъ странъ въ настоящее время очень затрудненъ. Правда, министерство земледѣлія возлагало большія надежды на импортъ мороженаго мяса, но разстройство океаническаго пароходнаго сообщенія, а также недостатокъ вагоновъ - холодильниковъ внутри страны заставляли уже тогда скептически относиться къ этимъ расчетамъ.

Производство сахара пострадало особенно сильно благодаря тому, что большая часть района, въ которомъ находятся свеклосахарныя предпріятія, съ самаго начала была оккупирована германской арміей. Это обстоятельство сказалось уже 3 мѣсяца спустя послѣ объявленія войны на оптовыхъ и розничныхъ цѣнахъ, ростъ которыхъ уже въ то время заставилъ говорить объ остромъ сахарномъ кризисѣ.

Наконецъ, на угольномъ рынкѣ положеніе вещей вскорѣ при-

няло критическій характеръ, во-первыхъ, потому, что Франція оказалась отрѣзанной отъ двухъ важнѣйшихъ поставщиковъ, Бельгіи и Германіи, и, во-вторыхъ, благодаря тому, что она потеряла значительную часть своего собственнаго угольнаго бассейна. Въ 1912 году изъ потребляемыхъ Франціей 60.677.000 тоннъ произведено было въ самой странѣ немногимъ болѣе двухъ третей, т. е. 41.145.000 тоннъ, считая въ томъ числѣ и бурый уголь (лигнитъ). Остальная треть была доставлена изъ Англіи, Бельгіи и Германіи. Въ настоящее время Франція потребляетъ не болѣе двухъ третей обычнаго количества угля и добываетъ лишь около половины его, т. е. 20 мил. тоннъ; вторую же половину ей доставляетъ Англія[1]).

Но прежде чѣмъ министерству общественныхъ работъ удалось добиться того, чтобы всѣ заказы угля попадали дѣйствительно на внутренній рынокъ, т. е. прежде чѣмъ были налажены разгрузка судовъ въ портахъ и желѣзнодорожный транспортъ, все-таки прошло не мало времени, и лишь только теперь ввозъ достигаетъ двухъ милліоновъ тоннъ въ мѣсяцъ, которыми, вмѣстѣ съ 1.700.000 тоннъ французскаго угля, почти покрывается весь спросъ на это топливо внутри страны.

Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ другихъ отраслей производства важнѣйшихъ продуктовъ и предметовъ потребленія, такъ какъ, въ общемъ, онѣ повторяютъ одну и ту же картину. Начало военныхъ дѣйствій создаетъ значительную заминку, которая постепенно ослабѣваетъ, по мѣрѣ того, какъ въ странѣ, особенно послѣ Марнской побѣды, наступаетъ reprise des affaires. Рѣзко возросшія цѣны за этотъ сравнительно краткій періодъ ослабляются, съ одной стороны, благодаря возобновленію относительно нормальнаго транспорта, съ другой — благодаря усиливающемуся импорту и, наконецъ, подъ вліяніемъ административныхъ мѣръ, дѣйствіе которыхъ, впрочемъ, осязательно проявилось, главнымъ образомъ, въ городскихъ центрахъ. Затѣмъ наступаетъ періодъ фиксированія ослабленныхъ, но все же оставшихся на повышенномъ уровнѣ цѣнъ, и ихъ новое повышеніе, которое въ значительной степени принимаетъ планомѣрный характеръ. Оно основывается на нѣкоторомъ сокращеніи производства внутри страны и даетъ многочисленныя указанія на вступленіе одного изъ самыхъ активныхъ факторовъ вздорожанія, т. е. организованной спекуляціи, имѣющей очень много связей съ синдикатами и трестами въ области производства и рѣзко отличающейся отъ ажіотажа посредниковъ, — главнымъ

[1]) A. Luquet. La Question du charbon. Rapport au Comité d'Action, présenté le 23 oct. 1915.

образомъ, городскихъ, наживавшихся на потребителѣ въ первый моментъ всеобщаго замѣшательства, когда на рынокъ поступали запасы, оставшіеся еще отъ мирнаго времени.

Наиболѣе отчетливо выявились указанія на роль этого фактора въ срединѣ истекшаго года, когда обнаружилось, что для достаточнаго продовольствія хлѣбомъ всей страны, а также обсѣмененія полей и сохраненія нѣкотораго запаса (около 5 мил. квинт.), необходимо закупить за границей около 20 мил. кв. Въ нормальное время такая операція не могла бы вызвать значительныхъ осложненій, но во время войны она означала уплату золотомъ за границей около 660 мил. франковъ, что и поставило министерство финансовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все правительство, передъ необходимостью принять мѣры для урегулированія внутренняго хлѣбнаго рынка съ цѣлью избѣгнуть такой значительной затраты. Но разъ вопросъ былъ поставленъ, онъ естественно привелъ къ анализу и тѣхъ экономическихъ тенденцій, которыя, опираясь на значительную роль финансоваго капитала, привели къ концентраціи хлѣбнаго дѣла въ рукахъ нѣскольких фирмъ явно спекулятивнаго характера.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ формулируетъ эту проблему деп. Бедусъ (Bédouce) въ органѣ „L'Humanité" (25 августа 1915 года). „Что заставляетъ насъ предоставлять капризу спекуляціи заботу пропитанія хлѣбомъ арміи и французскаго населенія въ періодъ съ августа 1915 по сентябрь 1916 года? Развѣ не было бы болѣе благоразумно методически организовать это важное дѣло? Опытъ закончившейся кампаніи даетъ намъ отчетливый отвѣтъ на этотъ двойной вопросъ. Благодаря тому, что урожай не былъ подвергнутъ учету, что продажа хлѣба не была подготовлена и потребленіе не было организовано, наша страна была свидѣтельницей того, какъ урожай 1914 года былъ вырванъ у мелкихъ производителей въ августѣ-сентябрѣ 1914 года по цѣнамъ ниже 30 франковъ за 100 кило и немедленно же перепроданъ спекулянтами по цѣнамъ, которыя, несмотря на отмѣну ввозныхъ пошлинъ, достигли 34 и 35 франковъ и дошли бы и до 40 фр. за квинталъ, если бы правительство не пригрозило угрозой всеобщей реквизиціи по 32 фр. за квинталъ... Хлѣбъ поднялся до 0,45 и 0,50 фр. за кило въ крупныхъ городахъ, за исключеніемъ Тулузы и Лиможа, гдѣ цѣна стоитъ не выше 0,40 фр." Всѣ эти обстоятельства, по мнѣнію Бедуса, требуютъ принятія неотложныхъ мѣръ, которыя бы спасли населеніе отъ хищническихъ спекуляцій и предупредили бы взвинчиваніе цѣнъ, какъ это было въ послѣднюю зиму, когда онѣ поднялись до размѣровъ „голодныхъ". Къ числу этихъ мѣръ Бедусъ относитъ прежде всего передачу импорта хлѣба въ руки государ-

ства, а также предоставленіе ему права реквизиціи по 30 фр. за квинталъ.

Конечно, принятіе такой радикальной мѣры лишь до извѣстной степени предупреждаетъ необходимость ввоза и поэтому не совсѣмъ рѣшаетъ финансовую сторону вопроса. Но Бедусъ указываетъ и на другіе выходы, напримѣръ, на возможность перехода къ болѣе крупному помолу, т. е. съ 60 до 75%, что даетъ экономію въ 7 мил. квинталовъ или 230 милліоновъ франковъ; кромѣ того, онъ рекомендуетъ и примѣшиваніе къ хлѣбу различныхъ суррогатовъ, напримѣръ, ржи, риса, маніока и т. д.

Всѣ эти предложенія были положены въ основу законопроекта, принятаго 417 голосами противъ 13 въ засѣданіи Палаты депутатовъ 7 августа прошлаго года и вошедшаго въ силу 16 октября. Такимъ образомъ, большинство депутатовъ согласилось на государственную монополію хлѣбнаго импорта, правда, до августа 1916 г., на максимальную цѣну въ 30 франковъ за квинталъ, на помолъ въ 74% и обязательную примѣсь къ хлѣбу въ размѣрѣ 5%. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что могущественное вліяніе аграрныхъ круговъ немедленно же привело къ ослабленію того эффекта, который могъ бы получиться, если бы вотированный законъ былъ приведенъ въ дѣйствіе во всей полнотѣ. Такъ, въ силу декрета 16 октября прошлаго года ввозная пошлина на хлѣбъ въ размѣрѣ 7 франковъ, отмѣненная декретами 31 іюля 1914 года, была возстановлена цѣликомъ, какъ для пшеницы, полбы и смѣшанныхъ сортовъ зерна, такъ и для муки изъ всѣхъ этихъ сортовъ и для хлѣба. Характерно, что при этомъ была обнаружена поспѣшность, которая привела прямо къ нарушенію закона, потому что отмѣченная выше пошлина была не пріостановлена на извѣстное время, а отмѣнена, и поэтому для ея возстановленія требовалось изданіе спеціальнаго закона, что, конечно, было отмѣчено всей прессой, которая прекрасно понимала, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о смягченіи дѣйствія новаго закона въ угоду опредѣленной группы аграріевъ-монополистовъ, интересы которыхъ такъ ревностно отстаиваются аграрнымъ протекціонистомъ, министромъ Мелиномъ.

Несмотря на эту уступку, парализующую значеніе новаго закона, принятіе послѣдняго все-таки было учтено, какъ нарушеніе правъ частнохозяйственной монополіи, и не удивительно, что большая пресса немедленно подняла агитацію, оспаривая самымъ рѣшительнымъ образомъ эту попытку со стороны государства вмѣшаться въ экономическую жизнь страны и мобилизируя силы вокругъ защиты принципа laissez faire, который на практикѣ уже давно исчезъ подъ сокрушительнымъ давленіемъ частно-монополи-

стическаго начала. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ по этому поводу „Le Temps“: „Палата депутатовъ явила вчера примѣръ настоящаго разгула новыхъ импровизацій. Убѣжденная, что она совершаетъ актъ истиннаго патріотизма и дѣйствительной національной защиты, она постановила подвергнуть Францію обязательному режиму съ хлѣбомъ. Можно подумать, что съ помощью такой мѣры депутаты рѣшили усугубить для всего французскаго населенія суровыя испытанія, которымъ оно подверглось благодаря этой войнѣ. Не думаютъ ли они, что въ этотъ моментъ, когда на фронтѣ наши герои выдерживаютъ съ такой замѣчательной рѣшимостью всѣ жертвы, требуемыя отъ нихъ общественнымъ благомъ, что въ этотъ моментъ желательно установленіе равенства страданій для всѣхъ?.. И если государство считаетъ необходимымъ навязать всѣмъ гражданамъ сокращеніе ихъ средствъ существованія, то почему оно прежде всего продѣлываетъ это съ хлѣбомъ? Почему бы не позакрывать въ такомъ случаѣ театры, кинематографы, кафе и прочія увеселительныя мѣста?... Почему бы заодно ужъ не декретировать однообразіе одежды и не придать ему такого же мрачнаго оттѣнка, какой проектируется для хлѣба, благодаря запрещенію выдѣлывать его бѣлые сорта, и почему бы, наконецъ, не подчинить всю Францію траурному режиму“ и т. д. Уже одна эта цитата показываетъ совершенно ясно, какое возбужденіе воцарилось въ аграрныхъ и спекулятивныхъ кругахъ, какъ только государство поставило на очередь вопросъ о дѣйствительномъ воздѣйствіи на спекуляцію хлѣбомъ во имя болѣе общихъ интересовъ. И это отношеніе къ новому закону тѣмъ болѣе характерно, что послѣдній далеко еще не касался всѣхъ видовъ частно-монополистическаго хозяйничанья и скорѣе имѣлъ характеръ соціально-экономическаго предупрежденія.

Повышательное движеніе цѣнъ на самые разнообразные продукты первой необходимости привело въ октябрѣ минувшаго года къ тому, что законодательное предостереженіе, имѣвшее въ значительной мѣрѣ символическій характеръ, получило весьма значительное подкрѣпленіе въ видѣ столкновеній публики съ торговцами, о которыхъ, впрочемъ, въ печать проникли очень скудныя извѣстія. По поводу этихъ безпорядковъ „L'Information“ писала: „Жалобы несутся со всѣхъ сторонъ. На Центральномъ рынкѣ произошло нѣчто въ родѣ бунта, и знаменитая симфонія сыровъ, которую Золя описалъ въ „Брюхѣ Парижа“, превратилась въ безпорядочную какофонію. Еще немного, и скупщикамъ невинныхъ продуктовъ „Бри“ и „Нормандіи“ (т. е. сыра) угрожала бы перспектива заболтаться на фонаряхъ“. Въ Парижѣ безпорядки вспыхнули изъ-за дорого-

визны сыра; но одновременно произошли столкновенія и въ другихъ городахъ по самымъ различнымъ поводамъ.

Въ Парижѣ взволнованные покупатели не ограничились протестами противъ взвинченныхъ цѣнъ, но позволили себѣ манифестаціи болѣе общаго свойства, въ результатѣ которыхъ, съ одной стороны, послѣдовало спѣшное обращеніе соціалистическихъ депутатовъ къ предсѣдателю совѣта министровъ съ требованіемъ, какъ можно, скорѣе вмѣшаться въ дѣло и положить предѣлъ злоупотребленіямъ спекулянтовъ, а съ другой — созывъ „чрезвычайно важнаго", какъ писали въ прессѣ, совѣщанія, въ которомъ приняли участіе министръ внутреннихъ дѣлъ Мальви, министръ земледѣлія Давидъ, префектъ Сенскаго департамента Деланней и полицейскій префектъ Лоранъ. Это совѣщаніе рѣшило немедленно принять мѣры полицейскаго порядка, относительно цѣнъ на мясо и другіе продукты первой необходимости и въ то же время Мальви заявилъ представителямъ печати, что если принятыхъ мѣръ окажется недостаточно, то правительство потребуетъ у законодательныхъ палатъ вотированія закона о таксировкѣ различныхъ продуктовъ.

Обсужденіе этого закона и началось 23 ноября въ палатѣ депутатовъ. Новый проектъ характеренъ прежде всего тѣмъ, что, онъ касается не только хлѣба, но вообще всякихъ пищевыхъ продуктовъ, а также тѣхъ, которые необходимы для освѣщенія и отопленія (Taxation des denrées et subsistance nécessaires à l'alimentation, au chauffage et á éclairage). Это былъ первый непосредственный результатъ давленія со стороны широкихъ массъ, которыя учитывали наступленіе зимы и вступленіе вмѣстѣ съ тѣмъ спекулятивнаго начала въ область производства и сбыта самыхъ различныхъ предметовъ потребленія, а не только одного хлѣба. При обсужденіи вопроса о томъ, кому предоставляется право устанавливать таксу въ каждомъ необходимомъ случаѣ, ибо законъ не устанавливаетъ принципа обязательности таксировки, въ палатѣ депутатовъ произошли бурныя столкновенія между сторонниками правительственной, съ одной стороны, и муниципальной иниціативы — съ другой. Болѣе прогрессивнымъ депутатамъ лишь съ большимъ трудомъ удалось добиться предоставленія права таксировки прежде всего мэру, и только лишь въ томъ случаѣ, если послѣдній откажется отъ примѣненія ея, и въ случаяхъ особой необходимости передачи этого права префекту. Послѣдній при этомъ долженъ сообразоваться съ мнѣніемъ комиссіи изъ шести членовъ, среди которыхъ одинъ долженъ обязательно представлять интересы торговыхъ палатъ, а другой — интересы сельскихъ синдикатовъ, при чемъ эта комиссія назначается самимъ префектомъ и работаетъ подъ его предсѣдатель-

ствомъ. Статья 4-ая законопроекта предоставляетъ префекту каждаго департамента право реквизиціи подъ контролемъ министра торговли, промышленности и почтово-телеграфныхъ сообщеній. Всякое нарушеніе постановленій префекта о таксировкѣ преслѣдуется по закону и наказывается штрафомъ, который не можетъ превышать 500 франковъ. Относительно спекуляціи законъ устанавливаетъ болѣе строгія наказанія — отъ 2-хъ мѣсяцевъ и до 2-хъ лѣтъ тюремнаго заключенія, а также штрафъ отъ 1.000 до 20.000 франковъ въ томъ случаѣ, если кто-нибудь лично или въ качествѣ члена какой-нибудь ассоціаціи или какого-нибудь общества, даже безъ употребленія обманныхъ средствъ, но въ ясно спекулятивныхъ цѣляхъ, вызываетъ повышеніе цѣнъ на зерно, мякину, муку и различныя мучнистыя вещества, хлѣбъ, вино или на всякіе другіе питательные вещества или напитки.

Принятіе этого закона, весьма характернаго, какъ показатель дѣйствительно обострившагося положенія въ странѣ благодаря дороговизнѣ, оказалось на практикѣ основательно запоздавшимъ. Онъ являлся шагомъ впередъ по сравненію съ предыдущимъ закономъ объ урегулированія хлѣбнаго рынка, такъ какъ захватилъ большій кругъ удовлетворенія экономическихъ потребностей; но покуда этотъ законопроектъ вырабатывался въ комиссіи и обсуждался въ палатѣ депутатовъ, дороговизна сдѣлала такіе значительные успѣхи во всѣхъ направленіяхъ, что недостаточность его сдѣлалась очень скоро очевидной. Густавъ Руанэ въ своемъ отчетѣ о парламентскомъ засѣданіи, посвященномъ обсужденію законопроекта, совершенно основательно замѣтилъ: „Наконецъ, палата приступила къ обсужденію (продовольственнаго) вопроса. Правда, она сдѣлала это довольно робко. Да и самый заголовокъ правительственнаго проекта показываетъ, насколько его дѣйствіе заранѣе ограничено. Въ самомъ дѣлѣ: онъ имѣетъ въ виду различные пищевые продукты, ну, а развѣ обувь или платье можно отдѣлить отъ категоріи предметовъ довольствія? Развѣ они менѣе необходимы для жизни?“ Трудно что-нибудь возразить противъ этого простого вопроса. А между тѣмъ и въ этихъ отрасляхъ потребленія ко времени обсужденія законопроекта дѣла обстояли далеко и далеко неуспокоительно.

„Всѣ предметы первой необходимости значительно вздорожали“, пишетъ „Le Matin“ въ своемъ постоянномъ отдѣлѣ „Дороговизна жизни“. А вѣдь это бульварный органъ, вовсе не склонный дѣлать шума по поводу такихъ щекотливыхъ вопросовъ, которые могли бы чѣмъ-нибудь серьезно огорчить правительство. И частная анкета, организованная этимъ предпріимчивымъ органомъ, прекрасно подтверждаетъ справедливость его заявленія.

Но и помимо ограниченія сферы дѣйствія закона, которое можетъ привести, въ концѣ концовъ, къ тому, что рядъ отраслей промышленности будетъ поставленъ въ льготное положеніе по сравненію съ хлѣбной, мясной, угольной и пр. и неизбѣжно привлечетъ къ себѣ капиталы изъ послѣднихъ, въ немъ имѣется еще и другая отрицательная сторона, котора грозитъ значительно ослабить, если не совершенно уничтожить его эффектъ. Мы говоримъ о недостаточности тѣхъ средствъ, которыя выдвигаются имъ для борьбы съ спекуляціей. Въ сущности, здѣсь повторяется весьма старая исторія, которая „остается все-таки вѣчно новой". Спекуляція разсматривается новымъ закономъ, какъ „злоупотребленіе", а не какъ извѣстная производная опредѣленныхъ экономическихъ отношеній, и при томъ не только въ сферѣ сбыта, но и въ области производства. Ограничиваясь наложеніемъ штрафовъ, конечно, менѣе всего опасныхъ для синдикатовъ и трестовъ, которые ворочаютъ десятками и сотнями милліоновъ, или тюремнымъ заключеніемъ, которое весьма легко можетъ быть переложено на подставное лицо, законъ въ то же время обходитъ вопросъ о регулированіи производства и распредѣленія продуктовъ по существу. Оставляя и то, и другое на волю „стихійныхъ силъ" конкуренціи, а на самомъ дѣлѣ молчаливо признавая законность подчиненія ихъ организованной волѣ класса предпринимателей, онъ поддерживаетъ, такимъ образомъ, иллюзію, будто бы въ настоящее время еще сохраняютъ полную силу тѣ хозяйственныя и общественныя условія, которыя въ свое время вызвали къ жизни карающія статьи Уголовнаго Кодекса. Въ результатѣ, рѣшеніе одной изъ самыхъ неотложнѣйшихъ проблемъ, уже породившей судорожныя проявленія недовольства въ низахъ, сводится къ простому повторенію устарѣвшихъ законовъ, для обхода которыхъ современная синдикатская тактика выработала достаточное количество тонкихъ и вполнѣ дѣйствительныхъ пріемовъ.

IV.

Такое же стремленіе устранить съ поля соціально-экономическаго воздѣйствія основы производства, ограничиваясь лишь слабыми попытками регулированія рыночныхъ отношеній, отличаетъ и другой законъ относительно угля, принятый недавно въ палатѣ депутатовъ (28 декабря 1915 года).

Мы указали уже выше, что исключительныя условія, въ которыхъ оказалась Франція, благодаря потерѣ германскихъ и бельгійскихъ рынковъ, а также своего собственнаго сѣвернаго района, весьма быстро привели къ чрезвычайному вздорожанію угля. На-

ступленіе зимняго времени настолько обострило положеніе вещей, что правительство было вынуждено въ дополненіе къ только что принятому закону, имѣющему прямое отношеніе къ отопленію, внести въ палату депутатовъ законъ, направленный спеціально противъ чрезмѣрно высокихъ цѣнъ на уголь. И опять-таки при обсужденіи новаго законопроекта выяснилось совершенно отчетливо, что и въ данномъ случаѣ вздорожаніе, явившееся результатомъ войны, заострено и доведено до нестерпимой степени крупной оптовой спекуляціей.

Незадолго до начала войны цѣна на французскій уголь на внутреннемъ рынкѣ колебалась между 21 и 23 фр. за тонну. Въ настоящее время она достигла уже 40 фр., несмотря на то, что совѣтъ съѣздовъ углепромышленниковъ (Le Comité des Houillères) далъ обѣщаніе министру общественныхъ работъ воздерживаться отъ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ и призналъ достаточною установленную офиціально норму въ 28—33 фр. Въ дальнѣйшемъ мы приведемъ нѣкоторыя данныя, которыя покажутъ, что объяснить такое вздорожаніе однѣми лишь перемѣнами въ условіяхъ производства заправилы угольныхъ синдикатовъ не въ состояніи: размѣры получаемыхъ ими прибылей во время войны совершенно лишаютъ ихъ почвы.

Но сейчасъ насъ интересуетъ другая сторона вопроса. Французскій уголь удовлетворяетъ лишь половину потребностей всей страны; для удовлетворенія другой половины Франція покупаетъ уголь въ Англіи, и при томъ по цѣнамъ еще болѣе высокимъ, такъ какъ къ стоимости угля на мѣстѣ производства присоединяются весьма повышенные транспортными синдикатами фрахты, не менѣе вздутыя страховыми компаніями преміи, чудовищныя уплаты за „простойные дни“ (surestaries) во французскихъ портахъ, благодаря слабой оборудованности послѣднихъ, и т. д. Достаточно указать, напримѣръ, что перевозка одной тонны угля изъ Кардифа въ Руанъ, стоившая до войны 5 шиллинговъ 6 пенсовъ, въ октябрѣ поднялась до 16 шилл. 6 п., а теперь стоитъ 18 шилл. Въ результатѣ, англійскій уголь, пройдя всѣ стадіи транспорта и очистившись отъ городской пошлины, появляется на парижскомъ рынкѣ въ цѣнѣ, значительно превышающей цѣну французскаго угля: тогда какъ второй въ данный моментъ держится на 53—55 фр., первый достигаетъ 72—80 фр. При этомъ, благодаря старымъ контрактамъ, личнымъ связямъ, извѣстнымъ преимуществамъ при оптовой доставкѣ, огромная часть французскаго угля, остающаяся въ распоряженіи угольныхъ компаній отъ военной реквизиціи, попадаетъ, главнымъ образомъ, къ владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій, къ муниципалитетамъ

и желѣзнымъ дорогамъ; на долю же мелкаго потребителя остается лишь незначительная часть туземнаго угля, и ему поневолѣ приходится обращаться къ привозному, т. е. англійскому.

Новый законъ направляетъ свое остріе опять-таки исключительно на спекуляцію въ ея наиболѣе очевидной формѣ; онъ выступаетъ противъ слишкомъ высокаго уровня цѣнъ, совершенно обходя главный коренной источникъ его, лежащій въ самомъ укладѣ производства. А между тѣмъ эта сторона вопроса не разъ подчеркивалась во время преній. Такъ, напримѣръ, деп. Бувери обратилъ вниманіе палаты на то, что значительная часть нѣдръ Франціи, богатая углемъ, остается неразработанной по винѣ концессіонеровъ. Деп. Баллетъ подтвердилъ его заявленіе слѣдующей справкой: „Это совершенно вѣрно. На 628 утвержденныхъ концессій лишь 282 въ настоящее время эксплоатируется, а остальныя 346 не разрабатываются“. Указаніе деп. Бувери подтверждаются и слѣдующими данными, которыя мы находимъ въ отчетѣ анкетной подкомиссіи, относительно центральнаго угольнаго района: „На вопросъ: извѣстны ли вамъ залежи, которыя могли бы быть подвергнуты эксплоатаціи безъ особыхъ затратъ? — угольныя компаніи единодушно отвѣтили отрицаніемъ. А между тѣмъ члены подкомиссіи получили свѣдѣнія, что въ деп. Верхней Луары и Луары имѣются мѣсторожденія, которыя могутъ быть предметомъ эксплоатаціи и могутъ давать отъ 700 до 800, а, можетъ быть, и отъ 1.000 до 1.200 тоннъ въ день“.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ основаній, дающихъ угольнымъ компаніямъ импульсъ воздерживаться отъ эксплоатаціи малодоходныхъ участковъ, является фактическое монополизированіе ими всей промышленности; и эта тенденція является тѣмъ болѣе устойчивой, что само правительство своими мѣропріятіями не разъ помогало объединительному процессу, ведущему къ монополіи въ угольной промышленности. Напомнимъ, напримѣръ, вполнѣ благожелательное отношеніе правительства къ образованію могущественнаго синдиката Decazeville, объединившаго подъ своимъ контролемъ рядъ угольныхъ компаній Авейронскаго бассейна съ площадью въ 1.420 гектаровъ (декретъ 17 февраля 1908 года).

При такомъ положеніи вещей, какое создалось въ настоящее время подъ вліяніемъ войны, было бы совершенно естественно ожидать, что правительство, изъ одного только желанія предупредить острыя внутри-политическія осложненія, если не перейдетъ къ осуществленію государственной монополіи на угольное производство, то, по крайней мѣрѣ, принудитъ угольныя компаніи приступить къ разработкѣ свободныхъ участковъ; однако оно предпочло остано-

виться на полъ-пути, прибѣгнувъ къ настолько же старому, насколько и мало дѣйствительному средству, т. е. къ контролю цѣнъ, являющихся лишь символическимъ выраженіемъ производственныхъ отношеній.

Новый угольный законъ исходитъ изъ того принципа, что между многочисленными сортами угля, какъ ввознаго, такъ и французскаго, можно установить извѣстное сходство, благодаря чему является не очень затруднительнымъ распредѣленіе ихъ между незначительнымъ количествомъ категорій. Установивъ такую упрощенную классификацію, министерство общественныхъ работъ при содѣйствіи Горнаго управленія (Service des Mines) и Портового Управленія (Service Maritime) приводитъ въ извѣстность общее количество угля, какъ произведеннаго въ странѣ, такъ и импортированнаго въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль, устанавливаетъ общую среднюю себѣстоимость производства, прибавляетъ къ ней среднюю стоимость перевозки и „нормальную прибыль", послѣ чего фиксируетъ полученную такимъ образомъ среднюю нормальную цѣну на каждыя слѣдующія двѣ недѣли, какъ обязательную для каждой категоріи угля. Такъ какъ эта средняя цѣна, естественно, должна быть ниже цѣнъ, устанавливаемыхъ угольными компаніями, то эти послѣднія получаютъ лишь ту долю выручки, которая отвѣчаетъ себѣстоимости, установленной для ихъ производства Горнымъ управленіемъ. Излишекъ поступаетъ въ казну, которая употребляетъ его, согласно ст. 5 закона, для выдачи ввозныхъ премій на заграничный уголь, для того, чтобы добиться такимъ образомъ пониженія его цѣны до установленной средней.

Не трудно предвидѣть, что совѣтъ съѣздовъ углепромышленниковъ (Comité des Houillères), располагающій законченной системой регулированія внутренняго рынка, найдетъ достаточно средствъ для того, чтобы путемъ ли дальнѣйшаго „сжиманія" внутренняго производства, или путемъ соглашенія съ англійскими угольными синдикатами, свести къ минимуму эффектъ правительственнаго контроля. Но если даже послѣдній и сможетъ оказать извѣстное давленіе на цѣны, то этимъ вовсе не рѣшается вопросъ о распредѣленіи угля между мелкими потребителями, особенно въ крупныхъ городскихъ центрахъ. Здѣсь оптовая и розничная продажа угля сосредоточена въ рукахъ мѣстныхъ крупныхъ фирмъ (напр., Bernot), которыя располагаютъ достаточными средствами для систематическаго „выдерживанія" большихъ запасовъ на складѣ до болѣе благопріятной конъюнктуры. Фирмы эти перепродаютъ топливо своимъ агентамъ-торговцамъ, надзоръ за которыми ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія его отъ центра къ рабочимъ кварталамъ, гдѣ широко пра-

ктикуется продажа угля въ кредитъ со всѣми его ростовщическими атрибутами, отпускъ угля въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно имѣется за перегородкой и распивочная, при чемъ расплата происходитъ за выпивкой, и т. д.

Наконецъ, совершенно обойденъ въ угольномъ законѣ и вопросъ о снабженіи углемъ населенія малоимущаго и не имѣющаго никакихъ средствъ, т. е. тѣхъ значительныхъ слоевъ, для которыхъ установленіе максимума цѣнъ является пустымъ звукомъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, еще и теперь насчитывается около ста тысячъ безработныхъ мужчинъ и женщинъ, единственнымъ рессурсомъ которыхъ служитъ пособіе изъ фонда для безработныхъ въ размѣрѣ 1 фр. 25 сант. въ сутки. Къ этому слою подходятъ весьма близко и многочисленныя семьи воинскихъ чиновъ, получающихъ казенное пособіе (allocation), котораго не хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ нуждъ даже и въ лѣтнее время. Обслуживаніе всей этой бѣдноты углемъ предоставлено городскому управленію и полуофиціальному обществу Comité de Sécours National, до сихъ поръ вообще не обнаружившимъ особой иниціативы и широкаго размаха въ разрѣшеніи продовольственной проблемы.

Принятый въ палатѣ депутатовъ угольный законъ еще не прошелъ сквозь ущелье сената, а жизнь между тѣмъ ставитъ новые и новые продовольственные вопросы самымъ настойчивымъ образомъ, и, судя по многимъ признакамъ, на очереди стоитъ еще рядъ законопроектовъ, направленныхъ противъ дороговизны мяса, сахара, масла и т. д.

Со времени обнародованія закона о таксировкѣ пищевыхъ продуктовъ цѣны на мясо продолжаютъ систематически возрастать, словно скотоводы, перекупщики и владѣльцы мясныхъ лавокъ сговорились доказать законодателямъ всю тщетность ихъ усилій. И это повышеніе замѣчается не только въ Парижѣ, но и въ провинціи. Такъ, напримѣръ, „Le Matin“ пишетъ: „Мы недавно отмѣтили подозрительные маневры скупщиковъ, которые скупаютъ все по чрезвычайно повышеннымъ цѣнамъ въ департаментахъ, смежныхъ съ испанской границей. Аналогичныя жалобы доходятъ до насъ и изъ другихъ районовъ.

Если въ Autun населеніе только рѣшительно протестуетъ противъ монополистовъ-спекулянтовъ, то въ Кармо дѣло на-дняхъ опять дошло до крупныхъ безпорядковъ, и такія же извѣстія получены изъ Кастръ и т. д. И всѣ эти событія настолько встревожили мѣстныя власти, что онѣ поторопились въ нѣкоторыхъ пунктахъ взять подъ контроль торговлю свиньями, какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто въ Тарнѣ, Альби и пр. Однако въ очень не-

многихъ пунктахъ мѣстная администрація рѣшилась перейти отъ этого излюбленнаго пріема вмѣшательства въ экономическую жизнь страны къ болѣе серьезному и дающему толчокъ развитію общественной иниціативы. Въ этомъ отношеніи не безынтересенъ опытъ организаціи въ Марсели департаментскихъ боенъ, которыя входятъ въ непосредственныя сношенія съ крупными поставщиками скота по цѣнамъ, установленнымъ генеральнымъ совѣтомъ, и съ мясными розничными лавками, обязующимися продавать мясо въ розницу по установленной таксѣ. Однако результаты этихъ опытовъ еще не успѣли дать достаточно опредѣленныхъ указаній.

Можно было бы привести еще аналогичные примѣры изъ области административной и общественной иниціативы, какъ, напримѣръ, организація продажи мороженаго мяса кооперативами и т. д., но всѣ они являются случайными, порожденными извѣстнымъ давленіемъ снизу, которое не можетъ имѣть длительнаго и систематическаго характера. А между тѣмъ общія причины вздорожанія дѣйствуютъ съ неуклоннымъ постоянствомъ, и когда въ печати и въ парламентскихъ кругахъ начинаютъ говорить о необходимости вмѣшаться общимъ законодательнымъ порядкомъ и въ эту „неурядицу“, то тѣ же органы и организаціи, которые вчера вели систематическую кампанію противъ угольнаго закона, начинаютъ бить тревогу и громко вопить: „Государство — торговецъ мясомъ! Какъ можно допустить его до такого паденія!“. Даже простая попытка восполнить недостающее количество мяса мороженымъ изъ-за границы вызвала бѣшеную ярость и въ аграрныхъ кругахъ, и среди перекупщиковъ, не говоря уже о розничныхъ торговцахъ, что, впрочемъ, является вполнѣ понятнымъ, такъ какъ кампанія въ пользу мороженаго мяса ведется подъ защитнымъ флагомъ кооперація.

Еще не успѣли достаточно наполемизироваться изъ-за мяса, какъ проклятая жизнь вытащила на сцену сахаръ, вздорожаніе котораго выходитъ далеко за предѣлы обычныхъ объясненій и ссылокъ на войну, на разореніе промышленности и т. д. Въ то время, какъ пишутся эти строки, во Франціи идетъ горячая газетная, журнальная, парламентская борьба изъ-за этого важнаго продукта, которая рано или поздно закончится изданіемъ закона о регулированіи цѣнъ, для того, чтобы уступить мѣсто новой схваткѣ по вопросу о дороговизнѣ масла, о необходимости вступить въ борьбу съ спекулянтами, успѣвшими скупить значительное количество этого продукта, и разрѣшить вольную и широкую продажу маргарина... Цѣлый вихрь, водоворотъ большихъ и малыхъ продовольственныхъ вопросовъ, тѣсно сплетенныхъ въ одну сложную систему, которая глубоко уходитъ своими корнями и въ земледѣльческій протекціо-

низмъ, и въ господство финансовой плутократіи, и въ могущество предпринимательскихъ организацій. И чѣмъ больше общественное мнѣніе а подъ его давленіемъ и законодательныя учрежденія пытаются разобраться въ этомъ хаосѣ, тѣмъ очевиднѣе для всѣхъ становится, что эта общая грандіозная проблема своей сложностью ничуть не уступаетъ той, которая однимъ ударомъ вызвала къ жизни всю заостренность современныхъ соціально-экономическихъ отношеній и обнажила ихъ противорѣчивость основнымъ запросамъ человѣческаго бытія.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительны данныя о прибыляхъ различныхъ предпріятій, производящихъ продукты первой необходимости. Несмотря на всѣ пертурбаціи въ промышленности, вызванныя войной, несмотря на „терроръ законодательныхъ учрежденій", объединенные предприниматели не могутъ пожаловаться на свое положеніе, какъ это видно по слѣдующимъ примѣрамъ, взятымъ нами наудачу изъ очень многихъ.

Начнемъ съ угольной промышленности и послушаемъ, что говоритъ о ней деп. Пьеръ Лаваль: „Допустимо ли, чтобы послѣ шестнадцати мѣсяцевъ войны угольныя копи, какъ, напримѣръ, находящіяся въ Bruay, получали прибыль въ 500.000 фр. на милліонъ, въ то время какъ несчастныя женщины рѣшительно не знаютъ, какъ свести концы съ концами, располагая лишь жалкимъ военнымъ пособіемъ? Допустимо ли, чтобы потребитель платилъ 55 фр. за тонну угля на мѣстѣ производства, когда стоимость его выработки не превышаетъ 11 фр. съ тонны. Синдикатъ La compagnie des quatre mines réunis de Graissessac въ 1914 году выработалъ 198.500 тоннъ, т. е. на 12.800 тоннъ меньше, чѣмъ въ 1913 году. Но благодаря подъему цѣнъ онъ получилъ въ 1914—1915 году прибыли 605.363 фр. 81 сант. противъ 317.184 фр. 73 сант., т. е. почти на 100% больше, и выдалъ на каждую акцію дивиденда 12 фр., вмѣсто 6. Извѣстное мукомольное общество Les Grands Moulins de Corbeil, показавшее по послѣднему отчету валовой доходъ въ 2.556.000 фр. противъ 2.560.000 фр. прошлаго года, въ дѣйствительности увеличило свои оборотныя средства на 6.000.000 фр., не считая 5.500.000 фр., употребленныхъ на реализацію новыхъ запасовъ. Прибыль его, полученная, главнымъ образомъ, на казенныхъ поставкахъ, достигла такихъ размѣровъ, что ее пришлось разнести по различнымъ второстепеннымъ статьямъ, для того, чтобы не возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія." Это, однако, не помѣшало финансовому органу „L'Information" констатировать, „что хлѣбная кампанія 1914—1915 года была исключительно прибыльна для этого общества". Извѣстное сахарное

акціонерное общество Société des raffineries et sucreries Say, обнаруживающее многочисленные признаки настоящаго треста, получило къ концу августа минувшаго года, т. е. за 12 мѣсяцевъ войны 10.155.627 фр. валового дохода, при чемъ 6.407.816 фр. было выдано акціонерамъ, тогда какъ въ предыдущемъ году они получили лишь 2.127.256 фр.

И такихъ примѣровъ чудовищнаго обогащенія въ то время, какъ вся масса населенія безусловно разоряется, можно привести сколько угодно. Точно такъ же, какъ при желаніи можно привести сколько угодно доказательствъ, что за кулисами законодательной и административной власти, тамъ, гдѣ общіе принципы экономической политики распыляются на рядъ мелкихъ „практическихъ" шаговъ, едва замѣтныхъ обывательскому глазу, но часто очень важныхъ канцелярскихъ распоряженій, гдѣ вліяніе аграрныхъ, промышленныхъ круговъ проявляется въ формѣ личныхъ услугъ и одолженій и т. д., дѣлаются не малыя усилія для того, чтобы усилить и довести до логическаго конца процессъ накопленія капиталовъ въ рукахъ ничтожныхъ группъ финансистовъ и предпринимателей.

Мы только что привели данныя о прибыляхъ сахаро-рафинадной компаніи Сэя. Совершенно ясно, что этотъ трестъ спекулировалъ на несоотвѣтствіи между спросомъ и предложеніемъ на рынкѣ, и что государство обязано было немедленно разрушить эту спекуляцію путемъ ввоза сахара изъ-за границы. Оно и сдѣлало первый шагъ въ этомъ направленіи, закупивъ въ Америкѣ значительные запасы и уплативъ за нихъ наличными. Но затѣмъ выступили на арену закулисныя интриги сахарныхъ синдикатчиковъ, и въ результатѣ огромный запасъ отъ 80.000 до 100.000 тоннъ застрялъ на складахъ острова Соединенія. „Всѣ магазины, склады и доки этого острова биткомъ набиты сахаромъ, продажа котораго тѣмъ не менѣе не осуществима, такъ какъ двѣ пароходныхъ компаніи, обслуживающія эту колонію Les Messageries Maritimes и Гаврская компанія получили приказъ отказываться отъ нагрузки на томъ основаніи, что правительство реквизировало пароходы для перевозки съ Мадагаскара маніоки и другихъ продуктовъ. То же самое происходитъ и на мясномъ рынкѣ, о которомъ H. Seiller, соціалистическій муниципальный совѣтникъ и депутатъ, хорошо освѣдомленный въ продовольственномъ вопросѣ, пишетъ въ „L'Humanité" слѣдующее: „Нѣкоторые наивные люди воображали, что вздорожаніе свинины и все увеличивающійся ея недостатокъ на внутреннемъ рынкѣ можно парализовать путемъ ввоза американской мороженой свинины, которая въ Англіи въ обычное время потребляется въ количествѣ около 30 милліоновъ кило за годъ. Опытъ продажи мадагаскар-

ской свинины, сдѣланный на-дняхъ въ Центральномъ рынкѣ, далъ удовлетворительные результаты, благодаря которымъ можно было бы разсчитывать если не на пониженіе цѣнъ болѣе чѣмъ на 40 сант., то, по крайней, мѣрѣ на пріостановку вздорожанія. Но аграріи не дремали, и отдѣленіе министерства земледѣлія по дѣламъ о фальсификаціи и пр., вытащивъ изъ своего санитарнаго арсенала различныя распоряженія, вышедшія изъ употребленія со времени войны, наложило рѣшительное вето на проектъ ввоза милліона килограммовъ мороженой свинины одной американской фирмой."

И въ то самое время, какъ правительство ставитъ такія загражденія притоку пищевыхъ продуктовъ изъ-за границы, оно въ то же время совершенно спокойно относится къ экспорту ихъ, несмотря на самые угрожающіе признаки надвигающагося обостренія кризиса внутри страны. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „L'Information" утверждаетъ, что вывозъ свиней изъ различныхъ департаментовъ (Тарнъ, Авейронъ, Нижніе Пиренеи) принялъ угрожающіе размѣры. Замѣтно усиливается и вывозъ скота въ Швейцарію, откуда значительная часть его переправляется туда, гдѣ согласно l'union sacrée ему вовсе не слѣдовало бы появляться, для того, чтобы его первоначальные продавцы не были обвинены въ государственной измѣнѣ. Правда, нейтральные швейцарцы самымъ энергичнымъ образомъ протестуютъ противъ обвиненія въ томъ, будто бы они являются посредниками, и доказываютъ съ данными въ рукахъ, что въ Германію идетъ скотъ исключительно швейцарскаго происхожденія. И это, вѣроятно, правда. Какъ правда и то, что мѣсто проданнаго Германіи швейцарскаго скота изъ, скажемъ, кантона Аппенцель, немедленно занимается привознымъ скотомъ изъ Франціи, который здѣсь очень быстро натурализируется и, въ свою очередь, становится нейтральнымъ.

Наравнѣ со скотомъ вывозятся и кожи, о чемъ можно судить по компетентнымъ завѣреніямъ „Bulletin du Syndicat général des cuirs et peaux en France" (10 ноября 1915), — и это несмотря на то, что декретами отъ 31 іюля 1914 года вывозъ сырья, необходимаго для обслуживанія арміи, былъ воспрещенъ.

Или возьмемъ такой необходимый для виноградной культуры продуктъ, какъ мѣдный купоросъ. Во время преній въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи законопроекта о таксировкѣ продуктовъ первой необходимости лѣвый деп. Бартъ заявилъ: „Извѣстно, что если за послѣдній годъ средній урожай винограда съ 120 гектолитровъ на гектаръ упалъ до 7, то это объясняется недостаточнымъ употребленіемъ мѣднаго купороса. И Тулузская торговая палата обратила вниманіе общественныхъ властей на то, что цѣны на этотъ

продуктъ сдѣлались совершенно недоступными для владѣльцевъ виноградниковъ, благодаря спекуляціи". Выступавшій за нимъ деп. Лаваль, въ свою очередь, указалъ, что въ 1915 году черезъ Понтарлье въ Швейцарію было вывезено 1.600.000 килограм. купороса, тогда какъ въ предыдущемъ году его вывозъ равнялся лишь 30.000 килограм. Мѣдный купоросъ содержитъ больше 50% мѣди. Спрашивается, кто въ данномъ случаѣ воспользовался этимъ огромнымъ количествомъ вывезеннаго изъ Франціи химическаго продукта: владѣльцы швейцарскихъ виноградниковъ или нѣмецкіе военные заводы?

И въ то время, какъ внутренній рынокъ, т. е. потребитель, изнываетъ подъ двойной тяжестью дороговизны и недостатка съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ первой необходимости, а крупнопромышленный, финансовый, аграрный капиталъ, используя выгодную конъюнктуру, пускаетъ въ ходъ всѣ средства для того, чтобы не мытьемъ, такъ катаньемъ поддержать положеніе вещей, которыя создаютъ для него фактическую монополію на всю страну, къ чему онъ такъ усердно стремился и до войны, — въ это самое время вывозъ, несмотря на всевозможныя запрещенія, разстройство пароходнаго транспорта и т. д., проявляетъ необычайную устойчивость, какъ видно по слѣдующимъ даннымъ.

За первые три мѣсяца 1914 года вывозъ изъ Франціи пищевыхъ продуктовъ (Objets d'alimentation) равнялся 161.646.000 фр., за первые три мѣсяца 1915 года 125.494.000 фр., т. е. меньше на 36.152.000 фр. За первые десять мѣсяцевъ 1914 года вывозъ этихъ продуктовъ равнялся 530.693.000, т. е. меньше лишь на 84.924.000 фр.

Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду, что само государство во многихъ отношеніяхъ непосредственно заинтересовано въ сохраненіи вывоза на возможно большей высотѣ, такъ какъ это необходимо для прочности курса: это тотъ самый финансовый факторъ, который однимъ концомъ поддерживаетъ экспортъ, а другимъ затрудняетъ импортъ для того, чтобы держать валюту на возможно большей высотѣ. Но именно этимъ обстоятельствомъ и воспользовался промышленный, торговый и финансовый капиталъ для усиленнаго развитія своихъ монополистическихъ тенденцій, зародившихся во Франціи, какъ и въ другихъ капиталистическихъ странахъ, еще задолго до начала войны. Послѣдняя создала очень сложныя и запутанныя соотношенія въ экономической жизни, но она въ то же время оказалась чрезвычайно благопріятной для дальнѣйшаго развитія этихъ тенденцій.

Г. Цыперовичъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Великая война затянулась и, съ теченіемъ времени, втягиваетъ въ свой могучій водоворотъ новыхъ участниковъ, вносящихъ въ нее новые интересы громадной важности, усложняющіе болѣе или менѣе единодушное согласіе членовъ обѣихъ коалицій и не только вліяющіе такъ или иначе на колеблющееся отношеніе къ войнѣ нейтральныхъ странъ, но и затрудняющіе самое сохраненіе ими дальнѣйшаго нейтралитета. Возбужденіе и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ растутъ съ каждымъ днемъ. Ставкой является не временное преобладаніе одной націи надъ другой, а міровое владычество, рѣшеніе вопроса о томъ, чѣмъ будемъ вынуждены руководиться не только мы сами, живущіе, но и будущія поколѣнія: правомъ или силой? И подчинятъ ли 80 милліоновъ нѣмцевъ — считая германскихъ и австрійскихъ вмѣстѣ — своей милитаристской псевдо-культурѣ, равносильной кроваво-желѣзному игу, и политическому, и экономическому, весь остальной міръ?

Вопросъ, казалось бы, праздный и даже абсурдный. Тѣмъ не менѣе, именно онъ и рѣшается войной, хотя, къ сожалѣнію, повидимому, ни правительства нейтральныхъ странъ, ни славянскія народности, составляющія четыре пятыхъ населенія Австріи, не сознаютъ или не хотятъ сознавать этого съ тою ясностью, съ которой онъ представляется серьезному объективному наблюдателю. Причинъ такой близорукой нерѣшительности много, — но главными изъ нихъ нельзя не признать, во-первыхъ, ужасъ передъ поразительной подготовленностью германской военной организаціи и ея желѣзной послѣдовательностью не останавливаться ни передъ чѣмъ, отбросивъ откровенно, какъ негодный хламъ, международное право и гуманность, и, во-вторыхъ, та безпримѣрная энергія, съ которой кайзеръ преслѣдуетъ свои цѣли во всемъ мірѣ. Нѣтъ уголка на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы у него не было агентовъ, снабженныхъ огромными средствами и приказами ничѣмъ не стѣсняться. Эта дѣятельность бьетъ по воображенію

массъ своей смѣлостью и разносторонностью и чрезвычайно способствуетъ усиленію и распространенію вышеупомянутаго террора [1]). Здѣсь же, въ Сѣв.-Ам. Соед. Штатахъ, къ нимъ присоединяется и третья — доктринерскій „пасифизмъ во что бы то ни стало“ президента Вильсона и всего имъ созданнаго правительственнаго аппарата страны. Ни одинъ изъ предшественниковъ Вильсона въ Бѣломъ домѣ не пользовался такой диктаторской властью надъ своей партіей, и ни одинъ не проводилъ своихъ личныхъ взглядовъ съ такимъ фанатическимъ упорствомъ. И національный исполнительный комитетъ партіи, и кабинетъ, и партійныя организаціи въ обѣихъ палатахъ Конгресса до сихъ поръ были абсолютно безгласны и безсильны [2]). Нѣмцы оцѣнили такое положеніе дѣлъ и личность Вильсона совершенно правильно, и семнадцать мѣсяцевъ войны доказали всему свѣту до очевидности, что, покуда это положеніе не измѣнится, Германіи опасаться Америки нечего, что бы она ни учинила съ ея гражданами и ихъ имуществомъ въ открытомъ морѣ или въ ея собственныхъ предѣлахъ. Потопленіе „Лузитаніи“ вызвало здѣсь крупный взрывъ общественнаго негодованія, который, однако, выдохся, принеся только безцѣльную дипломатическую полемику. Всѣ три ноты Вильсона, — напоминающія крыловскую басню о котѣ и поварѣ, — были въ свое время искусно отпарированы германскими дипломатами отчасти такими же нотами, главнымъ образомъ — діалектическими способностями и неопредѣленными словесными полуобѣщаніями посла графа Бернсторфа по разнымъ пунктамъ, но не остановили нѣмцевъ ни отъ послѣдовавшихъ потопленій „Арабика“ и „Анконы“, ни отъ формальнаго взятія назадъ этихъ полуобѣщаній и сдачи въ архивъ всѣхъ этихъ дѣлъ безъ какого-либо дѣйствительнаго удовлетворенія американскихъ притязаній. Теперь уже достовѣрно извѣстно, что если нѣмцы и прекратили свои подводныя атаки въ предѣлахъ водъ, окружающихъ Великобританію, то сдѣлали они это отчасти благодаря эффективности защиты этихъ водъ отъ субмаринъ и ужасающимъ потерямъ въ

---

1) У насъ произвело большое впечатлѣніе заявленіе въ печати Генри Элліота, президента-эмеритуса Харвардскаго университета и едва ли не самаго вліятельнаго изъ нашихъ внѣ-партійныхъ лидеровъ общественной мысли, что настоящая война доказала еще разъ доминирующее значеніе состоянія военной силы въ разныхъ странахъ и въ случаѣ побѣды Германіи, несомнѣнно, поставитъ на первый планъ вопросъ — какую роль въ этомъ играетъ автократическая или демократическая форма правленія. Элліотъ — стойкій и активный германофобъ.

2) Необходимо, однако, замѣтить, что недавняя отставка Брайяна и хорошо организованная оппозиція въ только что открывшемся новомъ 64 Конгрессѣ обѣщаютъ измѣнить это въ ближайшемъ будущемъ.

судахъ, отчасти вслѣдствіе большей важности присутствія оставшихся въ цѣлости судовъ въ Средиземномъ морѣ, покуда еще недостаточно защищенномъ отъ ихъ нападеній. И Вильсонъ, и извѣстная часть нашей печати, въ прошломъ августѣ шумно праздновавшіе свою якобы „дипломатическую побѣду пасифистскими методами“, уже въ ноябрѣ должны были признать публично, что побѣда эта въ дѣйствительности есть не что иное, какъ обидное пораженіе. Нѣмцы просто провели Вильсона — дали время улечься народному гнѣву въ Америкѣ, водя ея правителей за носъ, а, когда пришелъ часъ разсчитаться, сказали имъ, что никакихъ обязательствъ они не давали и признаютъ дѣло поконченнымъ. Осталось только утѣшаться тѣмъ, что это были акты пиратства въ открытомъ морѣ, подлежащіе вѣдѣнію международнаго права, которое временно упразднено. Но, тѣмъ временемъ, раскрывались и назрѣли, одно за другимъ, многое множество самыхъ разнообразныхъ, прямо уголовныхъ преступленій, отъ подлоговъ до убійствъ, чинившихся нѣмецко-австрійскими агентами на территоріи самаго Союза. Приготовленія къ нимъ начались еще задолго до начала войны, что теперь доказано документально, и они были пущены въ ходъ во всѣхъ концахъ страны съ перваго же дня войны. Нельзя не удивляться той безучастности, отзывавшейся прямымъ потворствомъ, съ которыми правительство Вильсона относилось къ этимъ преступленіямъ, несмотря на массу жалобъ, разоблаченій и попытокъ штатныхъ властей остановить ихъ во-время. Одинъ перечень содѣяннаго здѣсь нѣмцами просто умопомрачителенъ. Я уже не говорю о пропагандѣ нѣмецкихъ интересовъ въ печати, съ каѳедры, даже съ трибунъ конгресса и штатныхъ легислатуръ. Миссія Дернбурга была открыто распубликована по всей странѣ, и онъ извелъ здѣсь милліоны на подкупы разныхъ лицъ и періодическихъ изданій. Эта пропаганда по своей дерзости, нахальству и завѣдомой лживости безпримѣрна въ исторіи войнъ — никогда еще воюющая сторона не позволяла себѣ ничего подобнаго въ предѣлахъ нейтральнаго государства — да и едва ли гдѣ-либо была бы допущена. Въ теченіе Русско-японской войны, когда нѣкоторыя иностранныя телеграфныя агентства зарвались въ своемъ японофильствѣ, президентъ Рузевельтъ рѣзкой прокламаціей круто остановилъ всяческія излишества. Въ настоящую войну, благодаря инертности нейтральныхъ странъ, нѣмцы, повидимому, успѣютъ ввести новые отвратительные международные обычаи. Здѣсь имъ, въ сущности, все дозволено — и они использовали эту слабость съ умѣньемъ и энергіей.

Первыми доказанными уголовными преступленіями, учиненными при посредствѣ оффиціальнаго дипломатическаго представительства Германіи и Австріи въ Вашингтонѣ, были противозаконное пользо-

ваніе подставными лицами американскими заграничными паспортами и ихъ поддѣлка, обнимающіе теперь цѣлую серію дѣлъ. Германскіе шпіоны пріѣзжали сюда изъ Европы, снабжались здѣсь такими паспортами, высаживались съ ними въ Англіи и Франціи и занимались тамъ своимъ ремесломъ въ сравнительной безопасности. Только по ихъ же случайной неосторожности открыли это и тамъ, и здѣсь, и только послѣ повторныхъ крупныхъ разоблаченій нашей печати и требованій англійскихъ властей правительство обратило на это свое вниманіе и было вынуждено измѣнить кореннымъ образомъ всю систему выдачи заграничныхъ паспортовъ. Однако дѣла эти, какъ они ни интересовали публику, систематично заминались, и до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не дошло до суда.

Еще въ августѣ 1914 года вся Америка знала, что разсѣянные тогда по Атлантическому и Тихому океанамъ нѣмецкіе крейсеры снабжаются всѣмъ имъ нужнымъ изъ американскихъ портовъ, — главнымъ образомъ, Нью-Іорка и Санъ-Франциско. Власти этого города остановили было пароходъ „Сакраменто", уходившій въ море съ завѣдомо фальшивыми документами о самомъ суднѣ и его грузѣ и съ несомнѣннымъ назначеніемъ снабдить припасами нѣмецкую эскадру, но должны были освободить его по приказу изъ Вашингтона. За нимъ послѣдовали оттуда же пять другихъ пароходовъ, тогда какъ Нью-Іоркъ снарядилъ и отправилъ цѣлыхъ шестнадцать для нѣмецкихъ крейсеровъ въ Атлантическомъ океанѣ. Безъ такой помощи крейсеры эти, при огромныхъ пространствахъ обоихъ океановъ, невозможности достиженія своихъ базъ и энергичной облавѣ, устроенной противъ нихъ англичанами и японцами, не могли бы просуществовать въ открытомъ морѣ и мѣсяца, а они топили коммерческія суда почти цѣлый годъ. И только два мѣсяца тому назадъ, послѣ того, какъ послѣдніе два изъ нихъ интернировались въ Нью-Портѣ, благодаря давленію отчасти англійской дипломатіи, отчасти нашего общественнаго мнѣнія, федеральная власть привлекла, наконецъ, къ отвѣтственности нѣсколькихъ воротилъ этихъ беззаконій,—директора Гамбургско-Американской пароходной компаніи въ Нью-Іоркѣ Бенца съ четырьмя товарищами, и только на-дняхъ судъ присяжныхъ призналъ ихъ всѣхъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія, виновными полностью во всемъ, въ чемъ ихъ обвинялъ прокуроръ, несмотря на блестящую, первоклассную защиту. Было доказано, что цѣлые милліоны долларовъ, все, что было издержано на это дѣло, шло отъ нѣмецкаго морского агента въ Вашингтонѣ, капитана Бой-Эда. Неоспоримыя разоблаченія во время суда властно всколыхнули десятки другихъ дѣлъ, болѣе серьезныхъ. Читателю, конечно, извѣстны изъ газетъ факты вынужденнаго отозванія Австро-Венгріей своего посла въ Вашингтонѣ,

доктора Думба. Въ числѣ документовъ, захваченныхъ въ Англіи у его посланца-добровольца, довольно извѣстнаго здѣшняго военнаго корреспондента Арчибальда, оказались письма и его самого, и нѣмецкаго военнаго агента въ Вашингтонѣ капитана фонъ-Папена, и австрійскаго генеральнаго консула въ Нью-Іоркѣ фонъ-Нюбера относительно организаціи стачекъ рабочихъ и расходовъ на нихъ на заводахъ, занятыхъ выдѣлкой военныхъ припасовъ для четвернаго согласія. Эти стачки, достигшія прошлымъ лѣтомъ весьма значительныхъ размѣровъ и совершенно необъяснимыя существовавшими рабочими условіями, были не только вызываемы нѣмецкимъ золотомъ, но и цѣликомъ завѣдывались офиціальными нѣмецко-австрійскими дипломатическими представителями въ странѣ. Уже возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ „Національнаго Рабочаго Совѣта мира“, къ которому привлечены одинъ бывшій членъ нижней палаты Конгресса, другой настоящій и множество другихъ выдающихся лицъ. Первымъ обличителемъ этого подложнаго учрежденія, громко шумѣвшаго все прошлое лѣто, открыто подъ эгидой пропаганды прекращенія вывоза какихъ-либо военныхъ припасовъ, а втайнѣ занятаго организаціей стачекъ, взрывовъ и пожаровъ, явился президентъ американской федераціи труда, извѣстный Гамперсъ. Теперь доказано, что и мысль объ его организаціи, и ея осуществленіе при посредствѣ отчасти продажныхъ, отчасти введенныхъ въ заблужденіе американскихъ элементовъ, и огромныя деньги на его назойливую, не разбиравшую средствъ работу шли полностью изъ германскаго посольства. А страна принимала этотъ наглый обманъ всерьезъ, въ совѣтѣ принимали активное участіе десятки тысячъ членовъ, и на эту предательскую работу были собраны значительныя суммы!

Особенно возмутительными являются взрывы и пожары, ежедневно уничтожающіе во всѣхъ концахъ Союза тѣ же фабрики и заводы. За послѣдніе мѣсяцы отъ нихъ погибло до 300 человѣческихъ жизней и имущество на многіе милліоны. Въ главныхъ портахъ взрываютъ и жгутъ пристани на пароходахъ, занятыхъ перевозкой въ Европу военныхъ и другихъ припасовъ, находятъ адскія машины и бомбы, были взрывы и пожары и въ порту, и въ открытомъ морѣ. Недавно, въ день отхода, оказались отравленными два цѣлыхъ корабельныхъ груза муловъ и лошадей. Словомъ, энергично и послѣдовательно вызывается и распространяется такой же терроръ въ дѣлѣ изготовленія и перевозки всего нужнаго союзникамъ, какой уже удалось вызвать въ сферѣ политической. Многіе заводы отказываются отъ заключенныхъ и даже отчасти уже выполненныхъ заказовъ, чтобы избѣжать вѣрнаго разрушенія. И въ портахъ, и на судахъ, и на фабрикахъ, — всюду пришлось завести усиленную, часто тройную стражу. И все

сходило нѣмцамъ съ рукъ. Только въ самое послѣднее время послѣдовали аресты въ Нью-Іоркѣ офицера нѣмецкаго запаса Фэя съ шайкой товарищей, и въ Санъ-Франциско служащихъ мѣстнаго нѣмецкаго консула Кроулэй и барона фонъ-Бринкена съ такой же шайкой, повидимому, въ обоихъ случаяхъ съ поличнымъ. Захвачены также документы, неразрывно связавшіе тѣхъ же капитановъ фонъ-Папена и Бой-Эда, состоявшихъ одновременно и военнымъ и морскимъ агентами и въ Мексико, съ финансированіемъ и возбужденіемъ тамъ новыхъ революцій эксъ-президентомъ Хуэртой, недавно арестованнымъ въ Тексасѣ. Изслѣдованіемъ банкирскихъ переводовъ установлено, что одинъ фонъ-Папенъ съ начала войны издержалъ на свои противозаконныя махинаціи разнаго рода огромную сумму въ 27 мил. долларовъ. И это только часть тѣхъ денегъ, можетъ быть, небольшая, которыя издержала здѣсь на свою работу Германія.

Огромную сенсацію, подлившую масло въ огонь, произвели появившіяся на-дняхъ въ печати разоблаченія доктора Горикара, чеха, цѣлыхъ двадцать лѣтъ состоявшаго на дипломатической службѣ Австро-Венгріи и послѣднія пять лѣтъ бывшаго ея генеральнымъ консуломъ въ Санъ-Франциско. Отъ утверждаетъ, что былъ вынужденъ навсегда покинуть службу и родину, потому что къ нему предъявлялись его начальствомъ требованія, совершенно несовмѣстимыя съ долгомъ порядочнаго человѣка. Въ его вѣдѣніи находилось все тихоокеанское побережье, при посредствѣ котораго ведется изъ Америки весь ввозъ въ Россію черезъ Владивостокъ. Горикаръ вызванъ въ Вашингтонъ и теперь помогаетъ тамъ въ различныхъ разслѣдованіяхъ. Утверждаютъ, что всѣ его обвиненія въ печати безусловно подтверждаются, и что общая, уже документально доказанная, сумма изведенныхъ здѣсь Германіей денегъ перевалила за сорокъ милліоновъ долларовъ.

Благодаря всѣмъ этимъ разоблаченіямъ, быстро слѣдовавшимъ одно за другимъ, и громадному интересу народныхъ массъ къ выходящему мало-по-малу на свѣтъ Божій невозбранному нѣмецкому засилью въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, продолжавшемуся безнаказанно больше года, замять этихъ дѣлъ или отложить ихъ въ дальній ящикъ совершенно невозможно. Уже послѣдовало требованіе убрать немедленно обоихъ капитановъ. Утверждаютъ, что то же неизбѣжно грозитъ и фонъ-Нюберу, и самому графу Бернсторфу. Разсчитывая на инертность Вильсона и его правительства, всѣ эти господа пересолили слишкомъ густо. Вышеупомянутый Бенцъ, 76-лѣтній старецъ, проведшій всю свою жизнь на дипломатической службѣ Германіи, былъ только незадолго передъ началомъ войны внезапно назначенъ на должность директора Гамбургско-Американскаго пароходства въ Нью-Іоркѣ, очевидно, съ исключительной цѣлью передать фактически

верховное секретное имъ управленіе въ руки германскаго правительства, такъ какъ онъ никогда не былъ причастенъ къ какому-либо пароходному дѣлу. На судѣ, подавленный массой неопровержимыхъ доказательствъ, онъ былъ вынужденъ признать и фальшивыя присяги, и поддѣлку документовъ, и обманъ таможенныхъ и портовыхъ чиновъ, и цѣлую серію другихъ чисто уголовныхъ преступленій, — тогда какъ единственнымъ объясненіемъ всего этого беззаконія было то, что онъ только исполнялъ приказанія своего пароходнаго начальства, конечно, недостижимаго американскому суду. Но, само собой разумѣется, такой аргументъ, какъ непризнаніе военной необходимостью ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ, такъ всесильный въ глазахъ современной Германіи, не можетъ имѣть той же чарующей силы и за ея предѣлами. Если онъ подѣйствовалъ на Вильсона, отказавшагося протестовать противъ нарушенія нейтралитета Бельгіи [1]), съ нимъ абсолютно не согласно громадное большинство американскаго народа. Оно, несмотря на свое желаніе сохранить нейтралитетъ, не готово, однако, къ политикѣ „пасифизма во что бы то ни стало". И на этой почвѣ все больше и больше чувствуется разладъ между правительственной политикой и народными массами. Дипломатическая полемика съ Германіей, начатая почти годъ тому назадъ, принесла только чувствительно обидные для народнаго самолюбія результаты. Дерзость германской дѣятельности въ предѣлахъ Союза растетъ, и для всѣхъ ясно, что остановить ее запоздалыми судебными процессами невозможно. Корни всей этой гнусности недостижимы суду, и мы, въ сущности, перестали быть хозяевами даже у себя дома, не говоря уже объ открытомъ морѣ. Душеспасительное слово о резолюціяхъ гаагскихъ конференцій и о необходимости и прелестяхъ гуманности, очевидно, недостаточное оружіе противъ стороны, открыто признающей одно право силы. Нашъ народъ начинаетъ проникаться этой идеей, тѣмъ болѣе, что ни для кого не секретъ, что и судебныя преслѣдованія послѣдняго времени были возбуждены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ почти исключительно благодаря категорическимъ, обоснованнымъ неопровержимыми доказательствами требованіямъ здѣшняго англійскаго дипломатическаго представительства. Признаковъ усиливающагося безпокойства и недовольства у насъ очень много, и они, несомнѣнно, далеко не ограничиваются партизанской оппозиціей. Эксъ-президентъ Рузевельтъ, Генри Воттерсонъ, редакторъ самой вліятельной газеты демократической партіи „The Louisville Currier", вышеупомянутый Эллiотъ,

---

[1]) Этотъ отказъ признанъ теперь всѣми независимо мыслящими сферами Америки за ту первоначальную, основную ошибку, которая eo ipso повлекла за собой и всю послѣдовавшую политику правительства въ настоящей войнѣ.

и многіе другіе люди всѣхъ партій съ крупной національной извѣстностью все громче говорятъ, что время для словъ давно прошло и что необходимо дѣйствіе. Въ то же время, многіе военные корреспонденты, пользующіеся и извѣстностью, и довѣріемъ, шлютъ изъ Европы недобрыя, даже прямо опасныя вѣсти. Они утверждаютъ, что „ограниченная письменными упражненіями" политика Америки уничтожила и тотъ небольшой престижъ, которымъ она доселѣ пользовалась въ Европѣ, и породила всюду пренебреженіе. Англійское слово contempt, собственно, непереводимо на русскій языкъ, а именно оно и употребляется въ этихъ опредѣленіяхъ. Выяснилось прежде всего, что, несмотря на податливость Вильсона, на, очевидно, твердое рѣшеніе ничего не предпринимать, и германское правительство, и, въ особенности, германскій народъ страстно и непоправимо обозлены на Америку. Современная Германія абсолютно не способна встать на какую-либо другую точку зрѣнія, кромѣ ея собственной, и такъ безнадежно загипнотизирована мыслью о своемъ всемогуществѣ и превосходствѣ своей культуры, что отъ души презираетъ всѣ народы міра и стремится насильно подчинить ихъ ея прелестямъ. Въ ея глазахъ весь свѣтъ — зазнавшіеся варвары, безумные въ своей слѣпотѣ, которымъ необходимъ урокъ ея бронированнаго кулака. Она всегда презирала Америку, какъ страну неотесанно грубую и умственно низкую, а теперь и интенсивно ненавидитъ ее, такъ какъ думаетъ, что безъ американскаго ввоза въ союзныя страны она бы давно одолѣла своихъ противниковъ. Изъ Англіи и Франціи идутъ вѣсти даже болѣе унизительныя. Англія уже пережила нѣсколько острыхъ столкновеній съ американской купеческой жадностью. Недовольная барышами отъ громадной и чрезвычайно выгодной торговли съ союзниками, Америка безпрестанно пытается снабжать при посредствѣ нейтральныхъ, главнымъ образомъ — скандинавскихъ государствъ и голодающую въ разныхъ направленіяхъ Германію. Десятки судовъ, нагруженныхъ хлопкомъ, мѣдью, нефтью, мясомъ и другими съѣстными припасами, упорно направляются въ эти государства, уже давно поглотившія въ десять и больше разъ итоги своего нормальнаго импорта. Англія задерживаетъ эти суда и принимаетъ и противъ нихъ, и противъ ихъ грузовъ все болѣе и болѣе строгія мѣры, противъ которыхъ Вильсонъ также ведетъ безрезультатную дипломатическую полемику. Но и Англія, конечно, уже давно и правильно оцѣнила положеніе. Однако истекающая отсюда постоянная ирритація передалась и англійскому народу. Не подлежитъ сомнѣнію, что и тутъ Америка потеряла много въ глазахъ британцевъ всѣхъ оттѣнковъ.

Но всего больнѣе оказывается переворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи. Еще со временъ войны за независимость между

обѣими странами существовала крѣпкая связь, которую не пошатнула даже мексиканская авантюра Наполеона III въ 1863 году, и сильно окрѣпшая послѣ учрежденія третьей республики и услугъ Франціи дѣлу мира во время Испанской войны. Ричардъ Дэвисъ, одинъ изъ самыхъ популярныхъ нашихъ беллетристовъ, превосходно знающій Францію и имѣющіи тамъ обширное личное знакомство, опытный надежный иностранный наблюдатель, пишетъ съ болью о той перемѣнѣ, которая произошла во всей странѣ относительно Америки съ начала войны. Онъ сейчасъ въ Парижѣ и подавленъ тѣмъ недовольствомъ,— опять-таки contempt, — которымъ полны французы относительно роли Америки въ войнѣ. Вильсонъ обвиняется въ фарисействѣ, въ завѣдомой пальбѣ холостыми зарядами, американскія дѣловыя и денежныя сферы — въ безпринципности, низкой жадности. Всегда любезный французъ, такъ привѣтливый до войны съ каждымъ американцемъ, теперь держитъ себя сдержанно или откровенно отворачивается.

Въ послѣднее время и организованная нѣмецкая пропаганда, и германофильствующая часть нашей печати заняты почти исключительно толками о необходимости и неизбѣжности близкаго мира. И Берлинъ, и особенно Вѣна шлютъ ежедневно длинныя телеграммы, обсуждающія мирныя условія, основанныя на томъ, что нѣмцы якобы уже безусловно побѣдили, и ихъ противникамъ не остается выхода, кромѣ принятія того, что имъ будетъ продиктовано. Цѣлыя страницы полны этими увѣреніями, входящими даже въ самыя мелкія детали. Однако наша денежная биржа, всегда крайне чуткая и отлично освѣдомленная, относится къ такой оцѣнкѣ положенія болѣе чѣмъ скептически. Замѣчательно, что за послѣдній мѣсяцъ курсъ фунта стерлинговъ поднялся съ 4 дол. 50 центовъ до 4 д. 73 ц., т. е. стоитъ всего на 11 центовъ, или около $2^1/_2{}^0/_0$, ниже пари, тогда какъ германская марка идетъ внизъ и стоитъ сейчасъ на $22^0/_0$ ниже.

Съ тѣхъ поръ, какъ написалъ мое послѣднее письмо [1]), въ финансовомъ и дѣловомъ положеніи Америки произошла разительная перемѣна. Только американецъ и способенъ на такія быстрыя, часто шатко, а то и совсѣмъ необоснованныя метаморфозы въ своей экономической жизни. На почвѣ европейскихъ военныхъ заказовъ и покупокъ у насъ развилась самая безумная спекуляція. Акціи стальныхъ, мѣдныхъ, пороховыхъ, оружейныхъ, консервныхъ и всѣхъ подобныхъ предпріятій взвинчены до невѣроятныхъ предѣловъ—въ пять, въ десять, даже двадцать разъ противъ ихъ номинальной цѣны на многіе милліарды долларовъ. Сдѣлки на нью-іоркской биржѣ ежедневно побиваютъ всѣ рекорды. Вся страна спекулируетъ. Внезапный миръ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, іюль 1915 г., „Америка и война“.

въ Европѣ вызвалъ бы здѣсь небывалую въ исторіи финансовую катастрофу. Пшеница, въ виду огромныхъ урожаевъ повсюду, упала было въ сентябрѣ до 90 центовъ за бушель; теперь она опять взвинчена до 1 доллара 20 центовъ. Сталь, мѣдь, свинецъ, никкель поднялись на 50, на 100%. Импортъ упалъ на 50%, тогда какъ экспортъ поднялся на 200%, и торговый балансъ въ нашу пользу перешагнулъ за милліардъ. Золото прибываетъ съ каждымъ пароходомъ, и его запасъ въ странѣ выросъ до 2 милліардовъ 200 милліоновъ. Банки завалены депозитами до пресыщенія. Внутреннія промышленныя и торговыя дѣла все еще въ застоѣ; но заграничный спросъ громаденъ, и вся дѣятельность страны направлена на его удовлетвореніе, взвинчивая всѣ цѣны и налагая невыносимо тяжелый налогъ на все свое собственное населеніе. Какъ анормальна и временна вся эта горячка, ясно изъ того, что въ государственномъ бюджетѣ, несмотря на экстренный „военный налогъ“ въ 100 милл., оказывается дефицитъ въ 230 милл., дефицитъ, требующій займа, до того онъ непополнимъ при настоящей системѣ и нормѣ налоговъ.

Не могу закончить письма, не упомянувъ объ экскурсіи въ Европу Генри Форда съ цѣлымъ корабельнымъ грузомъ въ 179 сотрудниковъ. Фордъ — фабрикантъ дешевыхъ автомобилей, носящихъ его имя и распространенныхъ въ сотняхъ тысячъ по всему міру. Это совсѣмъ необразованный человѣкъ, ремесленникъ, лѣтъ 15 тому назадъ,—когда автомобили только что достигли практичной стадіи, — понявшій, что всегда спѣшащему американцу до зарѣза понадобится дешевый, надежный и легко управляемый экипажъ этого рода. Путемъ долгихъ экспериментовъ онъ достигъ цѣли: его машина, несмотря на множество подражателей, является и посейчасъ самымъ дешевымъ и самымъ практичнымъ автомобилемъ въ мірѣ. Крошечное въ началѣ дѣло поразительно быстро достигло громаднѣйшихъ, многомилліонныхъ размѣровъ, было организовано имъ чрезвычайно цѣлесообразно и въ нѣсколько лѣтъ превратило его въ сказочнаго богача: Фордъ сегодня одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей всей Америки. Въ то же время онъ обратилъ на себя вниманіе страны и необычно либеральнымъ отношеніемъ къ своимъ рабочимъ: на его громадныхъ заводахъ въ городѣ Детройтѣ послѣдній чернорабочій получаетъ не менѣе 5 долларовъ за восьмичасовой день. Фордъ быстро сдѣлался важной персоной, о которой газеты неумолчно твердили по всей странѣ, но не было ни разу слышно, чтобы онъ заразился чванствомъ и другими присущими нашимъ скороспѣлымъ крезамъ-парвеню атрибутами. Фордъ скроменъ и искрененъ, и его богатство и извѣстность не вскружили ему головы..., до его настоящей затѣи.

Когда началась война, Фордъ объявился ярымъ пасифистомъ, во что бы то ни стало, и сталъ щедрымъ жертвователемъ всѣмъ росшимъ, какъ грибы, пасифистскимъ организаціямъ. Самые нелѣпые проекты прекратить войну пользовались его вниманіемъ и поощреніемъ. Вся его публичная дѣятельность въ этомъ направленіи обличаетъ фанатика, обладающаго энергіей, силой воли и неограниченными средствами, но безъ какихъ-либо квалификацій къ тому, чтобъ его мнѣніе могло имѣть какую-либо цѣну. Въ одинъ прекрасный день онъ нанялъ первоклассный трансатлантическій пассажирскій пароходъ и кликнулъ кличъ по всей Америкѣ, разославъ свыше тысячи приглашеній разнымъ лицамъ обоего пола присоединиться къ нему и на его счетъ ѣхать въ Европу помочь ей заключить миръ. До самаго момента отъѣзда у него не было никакого плана, какъ достичь этого, — онъ предоставлялъ выработать его конференціи участниковъ въ дорогѣ, имѣющей продолжаться 10—12 дней. Въ числѣ приглашенныхъ были Брайянъ, губернаторы всѣхъ штатовъ, судьи, сенаторы, мэры, священники, писатели, поэты, художники, профессора и студенты университетовъ по выбору товарищей, суффражистки и т. д. Ни одно лицо съ офиціальнымъ общественнымъ положеніемъ приглашенія не приняло, и экскурсія состоитъ исключительно изъ частныхъ лицъ второго и даже третьяго сорта: между ними нѣтъ ни одной сколько-нибудь крупной личности, если не считать таковой и самого Форда. Правительство отказало имъ даже въ обычной рекомендаціи своимъ посольствамъ въ Европѣ, а ихъ паспорта разрѣшаютъ имъ посѣщеніе только нейтральныхъ странъ. Это прежде всего случайное сборище, съ едва ли не преобладающимъ процентомъ лицъ, не устоявшихъ передъ покушеніемъ даровой, роскошной поѣздки въ Европу въ такое интересное время. У этого сборища нѣтъ никакихъ полномочій отъ кого-либо, и они представляютъ только самихъ себя.

П. А. Тверской.

Alta Loma, California.

ПУТИ РАЗВИТІЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ НАЦІИ.

Когда угаръ войны пройдетъ, и мы, приведя въ порядокъ свой домъ, пойдемъ къ сосѣдямъ отдохнуть и подѣлиться прошедшимъ горемъ и новыми радостями, — Италія вновь станетъ нашей милой и гостепріимной подругой. Снова потянутся къ ея пляжамъ, въ ея звучноименные города любопытные туристы, среди которыхъ будетъ значительно меньше нѣмцевъ и, несомнѣнно, гораздо больше прежняго русскихъ. Уже послѣдніе годы передъ войной подтвердили возможность организаціи экономическихъ поѣздокъ въ Италію, тогда еще не побратавшуюся съ нами кровавымъ крещеніемъ. Теперь, когда судьба Италіи и Россіи, — какова бы ни была эта судьба, — будетъ общей, связь наша будетъ ближе и тѣснѣе и въ счастьѣ и въ несчастьѣ, и много ближе и сердечнѣе будутъ отношенія двухъ народовъ, такихъ различныхъ по крови и такихъ близкихъ по духу. Новыя нити взаимнаго расположенія протянутся между Аппеннинскимъ полуостровомъ и великой Россійской равниной, и много новаго мы сможемъ почерпнуть другъ у друга. И вотъ тогда тѣ, кто не знавали раньше Италіи, найдутъ ее лишь истинно привлекательной и привѣтливой; тѣ же, кому и раньше приходилось быть ея гостями, найдутъ въ ней рядъ сложнѣйшихъ перемѣнъ, ощутимыхъ даже и для разсѣяннаго глаза туриста.

Я не хочу касаться здѣсь мотивовъ и цѣлей итальянской войны, тѣмъ болѣе, что сейчасъ она уже вышла за предѣлы войны національной и стала нераздѣльной частью европейской борьбы противъ германскаго милитаризма, за право и противъ насилія. Однако отмѣчу, что названіе „новаго Возрожденія", прилагаемое часто къ переживаемымъ Италіей историческимъ мѣсяцамъ, не просто пышно и звучно, но и вѣрно. Страдая экономически, раздѣляя въ этомъ участь другихъ воюющихъ странъ, Италія возрождается и растетъ духовно. Это незамѣтно для тѣхъ, кто наблюдаетъ переживанія итальянскаго народа черезъ партійныя и сек-

тантскія стекла и кто судитъ о человѣкѣ по гримасѣ, которую тотъ дѣлаетъ при извѣстіи о вздорожаніи спичекъ. Нужно брать итальянскую націю не въ лицѣ ея случайныхъ, не всегда типичныхъ представителей, а въ массѣ. Нужно вернуться къ страницамъ ея еще молодой исторіи, перелиставъ ихъ отъ времени строительства третьей Италіи до нашихъ дней, и центромъ напряженнаго вниманія нужно избрать страницы послѣдняго ею пережитаго десятилѣтія.

Тому назадъ лѣтъ семь, впервые начавъ изучать Италію на мѣстѣ, я на этихъ самыхъ страницахъ отрицалъ наличность въ Италіи націи, допуская ее лишь въ потенціи и указывая на рядъ великихъ именъ и великихъ событій, способствующихъ будущему національному объединенію ея провинцій. „При всей разницѣ въ діалектахъ, — писалъ я тогда, — простое сопоставленіе съ другими, болѣе сплоченными націями, вырисовываетъ общій типъ итальянца, типъ, уже достаточно опредѣлившійся и, нужно прибавить, многообѣщающій“. Пятью годами позже, почти наканунѣ Европейской войны, я писалъ о быстромъ процессѣ образованія итальянской націи, объ ея надеждахъ и переживаніяхъ. Мнѣ пріятно сказать теперь, что этотъ національный типъ итальянца уже окончательно выявился и что онъ не обманулъ обѣщаній. Война за полное географическое объединеніе имѣла первымъ результатомъ завершеніе національнаго единства уже объединенныхъ областей Италіи. Мы имѣемъ передъ собой почти готовую, молодую націю, и мы можемъ радоваться сознанію, что она — наша союзница въ международной борьбѣ.

Въ Италіи, гдѣ въ жилахъ у огромнаго большинства населенія течетъ одна и та же кровь, gentil sangue latino, гдѣ и граждане чужой крови не отчуждены отъ народной массы ни ограниченіемъ правъ, ни инымъ проявленіемъ „фобизма“, — въ Италіи нація родилась въ тотъ моментъ, когда интересы мѣстные были поглощены интересомъ государства, бытіе котораго силой историческихъ событій поставлено на карту. Сейчасъ было бы странно говорить о контрастѣ сѣвера и юга, о борьбѣ Рима съ Миланомъ. Былые контрасты превратились сейчасъ въ nobile gara, въ благородное состязаніе количествомъ жертвъ людьми и деньгами, положенныхъ на алтарь отечества. Но въ такихъ состояніяхъ противникъ радъ успѣху противника и, стремясь превзойти его, въ то же время и самъ готовъ расчистить дорогу его успѣху. Зачатки такого состоянія мы встрѣчали раньше въ практикѣ большихъ коммунъ по насажденію народнаго просвѣщенія; война вовлекла въ это соперничество и широкіе слои общества. Велика разница между завистью злобы и завистью восхищенія. Съ завистью восхищенія смотритъ Сицилія на патріо-

тическую щедрость богатой Ломбардіи; съ завистью восхищенія говорятъ римляне о беззавѣтной храбрости тѣхъ intrepidi sardi, которыхъ еще недавно называли дикарями и разбойниками.

Мы можемъ съ пользой дольше остановиться хотя бы на примѣрѣ новаго отношенія къ Сардиніи, этому молчаливому и забытому острову — isola taciturna ed obliata. Италію не только мыслятъ, но и штрихомъ изображаютъ въ видѣ сапога, носкомъ тыкающаго островъ Сицилію. Какъ-то невольно забывается, что рядомъ, омытый кругомъ Средиземнымъ моремъ, лежитъ другой скалистый и полудикій островъ, Сардинія, почти равный по величинѣ Сициліи, прорѣзанный рельсами желѣзной дороги отъ Кальяри до Сассари. Есть цѣлая литература о Сардиніи, но интересуются ею лишь спеціалисты, преимущественно экономисты и энтографы. Широкая же публика, даже итальянская, знаетъ только, что въ Сардиніи не вывелись разбойники стараго типа, одиночками или бандами живущіе въ горахъ, что не вывелся и въ ней обычай родовой мести, доставляющій много хлопотъ полиціи и судамъ, что періодически бываютъ въ Сардиніи съѣзды мѣстныхъ поэтовъ-самоучекъ, что устойчивы и эффектны бандитскіе костюмы мѣстныхъ крестьянъ (черный жилетъ съ кушакомъ, черный колпакъ съ откинутымъ тупымъ верхомъ и т. п.). Но кто мыслилъ Сицилію областью, готовой къ политической жизни и къ развитію національнаго сознанія? Кто громко и, главное, кто продуктивно протестовалъ противъ накапливанія подъ сукномъ проектовъ государственной помощи развитію Сардиніи? Коренной сардинецъ, провинціалъ, пріѣзжавшій „въ Италію", чувствовалъ себя здѣсь чужестранцемъ, да и былъ чужестранцемъ. Сардинія, какъ наша Сибирь, была и остается мѣстомъ ссылки.

Во время послѣдней сессіи Палаты соціалистъ Турати упрекалъ правительство за административныя и внѣзаконныя высылки неугодныхъ элементовъ, главнымъ образомъ — рабочихъ, въ Сардинію, въ малярійныя мѣста. Провѣрять эти упреки здѣсь не мѣсто; я только отмѣчаю, что Сардинія всегда была въ глазахъ итальянцевъ гиблымъ мѣстомъ. Ея отсталый бытъ въ глазахъ сѣверянъ былъ позоромъ для Италіи. Много кричали о необходимости морализовать югъ Италіи, Кампанію, Калабрію, Сицилію; но о морализаціи Сардиніи рѣдко подымалась рѣчь съ парламентскихъ и общественныхъ трибунъ. А между тѣмъ на золотой доскѣ итальянской исторіи записано не мало именъ сардинцевъ, къ которымъ нужно причислить и великаго cavaliera dell'umanità — Джузеппе Гарибальди, хотя и родившагося въ Ниццѣ, но сардинца по изгнанію и сардинца по мѣсту смерти: „Sardo volle farsi, e io terra sarda mori, l'Eroe", какъ красиво сказалъ о немъ одинъ публицистъ.

И вотъ лишь въ послѣдніе дни, лишь „войдя въ моду", gli intrepidi sardi — безтрепетные сардинцы — у всѣхъ на устахъ послѣ ихъ подвиговъ на труднѣйшихъ пунктахъ итало-австрійскаго фронта. Словно будто бы лишь теперь узнали, что кровь сардинца также nobile sangue, что въ дикихъ лѣсахъ Cossoine сардинскіе орлята пріучились не давать промаха, что pensierosa isola sarda, забытая цивилизаціей и правительствами, растила здоровую молодежь для защиты неласковой мачехи, Италіи, которую она давно уже привыкла уважать и любить, какъ родную мать. Словно бы тѣ, изъ кого составилась отнынѣ знаменитая Сассарійская бригада, особо отмѣченная въ бюллетеняхъ генерала Кадорны, не прожили свои двадцать лѣтъ жизни въ средѣ вчерашнихъ „бандитовъ", лишенные школы и самыхъ умѣреннѣйшихъ привилегій, доступныхъ областямъ, болѣе покровительствуемымъ. Въ жилахъ сардинцевъ всегда текла итальянская кровь; но нужно было пролить ее, чтобы всѣ это поняли; и только сейчасъ сыны забытаго острова самими итальянцами признаны за итальянцевъ. Только сейчасъ сѣверные Веніамины Италіи впервые признали и достойнымъ, и справедливымъ, обращаясь къ Сардиніи, отдать дань уваженія ей и ея прошлому:

„Perche tu, vecchia Sardegna, eri eroica quando l'Italia non era ancora che un nome!" — Ибо ты, старая Сардинія, была уже героической страной, когда Италія была лишь географическимъ терминомъ.

Было бы мало утѣшительнымъ, если бы все ограничивалось признаніемъ военныхъ доблестей Сассарійской бригады и благородства крови обитателей забытаго острова. Но, нѣтъ, одновременно съ возвышенными фразами слышатся и дружные голоса, напоминающіе о давнемъ долгѣ Италіи по отношенію къ Сардиніи. Съ того момента, какъ всѣ области Италіи равно несутъ жертвы и лишенія изъ-за войны, — національная совѣсть не можетъ позволить неравнаго къ нимъ отношенія. Вопросъ о Сардиніи, какъ и вопросъ о югѣ, дѣлается съ этого момента вопросомъ чести, а не полемъ политической борьбы между южанами и сѣверянами. Экономическій контрастъ Сѣвера и Юга не исчезнетъ, конечно, изъ-за однихъ добрыхъ побужденій пробудившейся итальянской націи. Но онъ долженъ утратить свою остроту въ той мѣрѣ, въ какой обусловленъ пережитками историческими и бытовыми. Здѣсь въ миніатюрѣ мы видимъ тотъ же психологическій процессъ, который у насъ рѣзко выдвинулъ вопросы польскій и еврейскій; къ счастью для Италіи, она ближе къ благопріятному и справедливому рѣшенію своихъ, на нашу мѣрку — маленькихъ, національныхъ вопросовъ, чѣмъ мы въ своихъ большихъ и жизненнѣйшихъ.

Сардинія — примѣръ яркій и выпуклый. Но не одни сардинцы доказали свое умѣніе бороться и умирать. Высоты Альпъ и тѣснины ихъ проходовъ сплотили въ единое войско молодежь всѣхъ областей Италіи. Впервые въ такомъ огромномъ масштабѣ вся Италія живетъ одной тревогой, со взорами, устремленными въ одну сторону, надолго оторванными отъ мелкихъ мѣстныхъ интересовъ и надолго прикованными къ интересамъ всей націи. Итало-турецкая война не была національнымъ дѣломъ, хотя — говорю это съ грустью — была популярна. Ея популярность объяснялась раздутыми надеждами на блага африканскихъ завоеваній и искуственно насажденной увѣренностью въ ничтожности жертвъ. Надежды не оправдались, и объ этой войнѣ сейчасъ помнятъ только тѣ, кто носилъ и носитъ трауръ по убитымъ въ стычкахъ съ арабами. Національной гордости та война не питала, національнаго объединенія она не создала, хотя и подготовила для него почву. Все же она была для итальянцевъ первымъ экзаменомъ на національную зрѣлость, и экзаменъ былъ сданъ благополучно. Доказательствомъ служитъ то, что, даже признавъ Триполитанскій походъ не малой ошибкой, итальянскій народъ не проявилъ стремленія свалить отвѣтственность за него на правительство, а принялъ ее на себя, быть можетъ, проявивъ этимъ излишнее великодушіе. Нынѣшняя война вполнѣ національна даже сейчасъ, даже при ея еще неполномъ размахѣ. Что она бѣдствіе — знаютъ всѣ, что она ужасъ — излишне доказывать, но ея необходимость признана всѣми, въ смягченіи ея бѣдствій участвуютъ всѣ, какъ всѣми она была утверждена въ знаменитые „майскіе дни“, которые напрасно противники войны, въ родѣ Энрико Ферри, называютъ презрительно „южно-американскими днями“. Мы эти дни видѣли, мы ихъ пережили, мы знаемъ все, что было въ нихъ дутымъ и искусственнымъ, но знаемъ и то, что было искреннимъ, честнымъ и подсказаннымъ національной совѣстью. И послѣднимъ вполнѣ и всецѣло искуплено первое. У насъ есть право сказать и повторить увѣренно: выступленіе Италіи было рѣшено, утверждено и одобрено волей ея народа.

Присутствуя при рожденіи итальянской націи, всего пріятнѣе отмѣтить, что процессъ сплоченія и развитія молодой націи идетъ не тѣми путями, которые были намѣчены партизанами итальянскаго національзма: не путями изоляціи итальянскаго народа, какъ единицы самодовлѣющей, а путями пріобщенія его, какъ единицы цѣльной, къ культурнымъ традиціямъ семьи европейскихъ народовъ. Итальянскіе націоналисты, недавно родившіеся, съ первыхъ же дней своего появленія на свѣтъ громкимъ крикомъ проявили самыя отрицательныя черты своей касты: нетерпимость къ чужой крови, чужой

вѣрѣ, чужимъ идеямъ, поразительное самодовольство и бахвальство не только сомнительными природными достоинствами, но и несомнѣнными благопріобрѣтенными недостатками. Говорю не о теоретикахъ итальянскаго націонализма, въ родѣ Сципіона Сигеле, съ которыми нужно считаться и можно во многомъ соглашаться, но, главнымъ образомъ, о практикахъ націонализма, дешевыхъ демагогахъ, крикунахъ площади, избирательныхъ трибунъ и столбцовъ специфическихъ газетъ. Было чрезвычайно больно въ свободной Италіи услыхать возгласы расовой и религіозной нетерпимости, особенно изъ устъ молодежи. Самобытному развитію итальянской націи, отъ природы терпимой и привѣтливой, пытались вновь привить уже давно изжитыя здѣсь и изживаемыя въ другихъ странахъ внѣнародныя сектантскія идеи расовой кичливости, абсолютизма и антисемитизма. Націоналисты взяли изъ давняго, въ даль вѣковъ ушедшаго, римскую презрительность къ „варварамъ", изъ Франціи — орлеанизмъ, изъ Германіи — имперіализмъ и милитаризмъ, изъ Россіи — абсолютизмъ, отъ каждаго чужеземца — худшее, что онъ имѣлъ. И все это они хотѣли выдать за свое, національное-итальянское, оскорбляя этимъ и Италію, и gentil sangue latino. То, что было вѣрнаго и прогрессивнаго въ націоналистическомъ движеніи, — стремленіе къ самобытному развитію націи, къ освобожденію отъ интеллектуальной и экономической опеки и пр., — грязнилось обильной прибавкой подгнившаго ввознаго товара, очень часто нѣмецкой марки. Даже въ глазахъ лучшихъ представителей итальянскаго націонализма нація являлась самодовлѣющей цѣлью и національное развитіе народа — послѣднимъ этапомъ его развитія, при чемъ подъ „націей" они разумѣли лишь сплоченную расу. Поскольку многое въ проповѣди націоналистовъ отвѣчало національнымъ склонностямъ (какъ, напримѣръ, протестъ противъ завоеванія Италіи иностраннымъ капиталомъ), постольку націоналисты имѣли успѣхъ. Но развитіе націи опережало ихъ идеи, и, несмотря на исключительно благопріятно для дурныхъ сѣмянъ вспаханную почву (призракъ европейской войны, а затѣмъ и сама война), чужеземный товаръ нашелъ мало покупателей на внутреннихъ интеллектуальныхъ рынкахъ Италіи, и узкій націонализмъ съ его обычными, упомянутыми выше атрибутами привиться не успѣлъ. Трудно, конечно, классифицировать продукты разныхъ вліяній въ итальянской національной психологіи сейчасъ, въ ненормальное время, когда даже подъ аналогичными по внѣшности проявленіями патріотизма кроется совсѣмъ не одинаковое отношеніе къ отечеству и не одинаковое представленіе о томъ, что для отечества является благомъ и что — зломъ. Мы знаемъ итальянскихъ патріотовъ, мечтающихъ о пора-

женіи милитаризма, о разоруженіи державъ и о будущей эрѣ человѣчества; знаемъ и такихъ, которые грезятъ будущую Италію вооруженной до зубовъ имперіей, грозной для всѣхъ близкихъ и далекихъ сосѣдей. И тѣ, и другіе одинаково искренно желаютъ отечеству побѣды и для этой побѣды самоотверженно работаютъ. Но лишь несомнѣнному вліянію нездоровыхъ узко-націоналистическихъ идей можно приписать мечты не только о возвратѣ ирредентныхъ земель (это — естественное вожделѣніе націи!), но и объ обезличеніи въ будущей una più grande Italia всякихъ естественныхъ расовыхъ отличій, объ искусственной итальянизаціи славянскихъ земель, о захватѣ морей и устраненіи въ сферѣ своего вліянія всякой чужой конкуренціи, хотя бы и въ ущербъ насущнымъ нуждамъ своего народа. Вполнѣ естественно итальянцу любить свою литературу и свою музыку; вполнѣ естественно ему мечтать объ ея развитіи по національнымъ путямъ. Но лишь націоналистическая узость можетъ требовать созданія искусственной китайской стѣны, которая бы защитила Италію отъ всякаго свѣта со стороны, хотя бы онъ былъ ярче и благодѣтельнѣе свѣта домашняго очага, и отъ всякой конкуренціи, хотя бы она способствовала лучшему упражненію національной энергіи.

Впрочемъ, я уже сказалъ, что узкій націонализмъ не воспринятъ итальянской націей, развитіе которой намѣтило уже другіе, болѣе широкіе пути, ведущіе къ болѣе высокой цѣли интернаціональнаго общенія и общечеловѣческой культуры, отъ romanus sum къ homus sum. Я не смогу въ этомъ небольшомъ очеркѣ съ полной отчетливостью освѣтить намѣчающіеся этапы будущаго развитія итальянской націи, — не говоря уже о томъ, что слишкомъ многое зависитъ сейчасъ отъ хода внѣшнихъ событій, предугадать который слишкомъ трудно; но указать на нѣкоторыя вѣхи этого пути, то ясныя, то едва замѣтныя, можно уже сейчасъ.

Мы, напримѣръ, были свидѣтелями измѣненія отношенія итальянцевъ къ войнѣ и къ ея цѣлямъ. Въ свое время правительство итальянское выдвигало точку зрѣнія „священнаго эгоизма", явно націоналистическую, и, отказавшись отъ нейтралитета, все же ограничило участіе Италіи въ международной войнѣ требованіями національнаго эгоизма. Эта точка зрѣнія была отринута обществомъ, которое видѣло оправданіе войны не столько въ справедливости ирредентныхъ вожделѣній, сколько въ необходимости противопоставить германскому насилію права маленькихъ націй и маленькихъ государствъ, какъ Бельгія и Сербія. Общественное настроеніе и посейчасъ остается чуткимъ, всею своей позиціей ясно выражая, что сепаратный миръ, даже и въ критическій моментъ, оно не при-

знало бы возможнымъ. Формула „священный эгоизмъ" была бы сейчасъ не только недостаточной, но и обидной; помыслы націи переступили предѣлы личныхъ интересовъ, и общество итальянское смотритъ въ будущее гораздо пристальнѣе и дальше, чѣмъ это могутъ дѣлать практическіе политики. Характернымъ является также измѣнившееся отношеніе къ Франціи. Прежняя непріязнь къ Франціи, бывшая исторической анормальностью и питавшаяся союзомъ съ центральными государствами, исчезаетъ и уже исчезла, Франція снова дѣлается латинской сестрой Италіи, и не только законодательницей моды, но и носительницей безсмертныхъ идей. То же нужно сказать объ Англіи, которая раньше была для Италіи пугаломъ, какъ обладательница несокрушимаго флота, — теперь же сдѣлалась предметомъ уваженія и примѣромъ подражанія. Сблизиться съ этими сильными союзными странами не только въ войнѣ, но и въ мирѣ, не только въ интересахъ матеріальныхъ, но и въ интересахъ духовной культуры, — таково ясно сказывающееся въ послѣднее время стремленіе итальянской націи. Наконецъ, нельзя не отмѣтить повышенія интереса и къ третьей старшей союзницѣ — къ Россіи. Итальянская пресса въ общемъ очень дурно информируется о русскихъ дѣлахъ, настолько дурно, что о правильномъ представленіи о Россіи и рѣчи быть не можетъ. „Министерскія интервью", съ одной стороны, и цензура, съ другой, даютъ въ итогѣ полное искаженіе внутреннихъ переживаній Россіи; мѣстная информація довершаетъ дѣло. Но это не мѣшаетъ итальянцамъ оцѣнивать многое внутреннимъ мѣриломъ, всегда присущимъ гражданину свободной страны. Намъ, мѣстнымъ русскимъ, замѣтно, насколько повышается въ Италіи пониманіе, если не знаменитой своей фантастичностью anima slava, то хотя бы русской литературы и особенно русской музыки, пользующейся теперь общимъ признаніемъ. Въ нынѣшнемъ году оба лучшіе оперные театра Италіи, миланская Scala и римскій Constanzi, открыли сезонъ русскими операми („Княземъ Игоремъ" и „Борисомъ Годуновымъ"), лучшій концертный залъ (Augusteum въ Римѣ) также отводитъ русской музыкѣ почетнѣйшее мѣсто, иногда почти цѣликомъ составляя програму изъ трудовъ русскихъ композиторовъ. Даже популярнѣйшій дѣтскій театръ маріонетокъ (очень любопытное начинаніе въ области дѣтскаго воспитанія) своей лучшей пьесой считаетъ „Кота въ сапогахъ" Кюи и этой оперой открылъ свой сезонъ. Мнѣ извѣстны проекты русско-итальянскаго ученаго кружка, журнала съ обширнымъ русскимъ отдѣломъ, школы русскаго языка, — и любопытно, что иниціаторами являются итальянцы, ранѣе не имѣвшіе къ Россіи никакого отношенія.

Все это указываетъ на то, что итальянское общество вовсе не

собирается вариться въ соку своихъ собственныхъ національныхъ переживаній и огораживаться отъ иноземныхъ культуръ. Мнѣ представляется особенно знаменательнымъ, что и отношеніе къ „roba tedeska“, т. е. ко всему нѣмецкому, съ теченіемъ времени дѣлается здѣсь болѣе нормальнымъ. Когда-то Германія была законодателемъ въ наукѣ, въ техникѣ, въ музыкѣ. Съ момента войны всякая roba tedesca была съ негодованіемъ отвергнута, германская культура была признана вздоромъ и варварствомъ, и публика приглашалась поклоняться только своимъ ученымъ, философамъ, литераторамъ, композиторамъ, съ нѣкоторою лишь терпимостью въ пользу иностранцевъ-союзниковъ. Теперь и эта націоналистическая нетерпимость, легко, впрочемъ, объяснимая, прошла или проходитъ. Вагнера, положимъ, со сцены пока удалили, но въ симофоническихъ концертахъ Аугустеума уже снова звучитъ порою Бетховенъ. Любя Верди національнымъ сердцемъ, итальянецъ все же понимаетъ, что слишкомъ наивно было бы, выбросивъ за бортъ партитуру Вагнера, — положить на пюпитръ Верди; онъ понимаетъ, что противъ мортиры нельзя выступать съ пулеметомъ, и что наивно отрицать у врага то, чѣмъ онъ можетъ гордиться заслуженно, и что́ не имѣетъ никакого отношенія ни къ его кайзеру, ни къ его „культурѣ“ въ кавычкахъ. И, конечно, понимаетъ онъ это не въ одной музыкальной области, а и въ другихъ областяхъ культуры и прогресса. Мало отрицать — нужно превзойти. И не надѣясь превзойти одинъ-на-одинъ, Италія и здѣсь хочетъ бороться и побѣдить въ союзѣ съ другими сильными націями.

Съ начала войны правительство итальянское прибѣгло къ довольно оригинальному методу объединенія областей Италіи на пунктѣ довѣрія къ министерству у власти. Время отъ времени въ большихъ центрахъ Италіи тотъ или другой министръ произноситъ торжественную политическую рѣчь, обычно — по приглашенію муниципалитета. Чаще всего это поручается министру безъ портфеля Бардзилаи, старому журналисту, адвокату, масону и республиканцу. Цѣль такихъ странствующихъ министерскихъ каѳедръ ясна: для правительства очень важно поддерживать во всей странѣ ровное, благопріятное національной войнѣ настроеніе, отвлекать вниманіе населенія отъ вопросовъ жизни повседневной къ острымъ вопросамъ момента, Италіей переживаемаго. Иногда министерскія рѣчи замѣняютъ правительственныя сообщенія (напримѣръ, рѣчь Бардзилаи въ Болоньѣ на тему о черногорскихъ дѣлахъ), иногда тѣ же рѣчи имѣютъ характеръ агитаціонный (напримѣръ, пропаганда 5%-наго займа). Правительство хорошо сознаетъ, что пока оно еще не можетъ говорить съ одинаковымъ успѣхомъ всей странѣ, всѣмъ областямъ. Прежній областной контрастъ еще не исчезъ,

рѣчь къ южанамъ не вполнѣ убѣждаетъ сѣверянъ, призывъ къ послѣднимъ не отнесутъ на свой счетъ первые. И вотъ отправляется ораторъ-министръ въ Неаполь, въ Палермо, въ Болонью, Миланъ, Туринъ, Генуя. Объѣздъ министрами юга былъ встрѣченъ, какъ доказательство особой внимательности министерства Саландры къ этому краю; южане, къ патріотизму которыхъ относились нѣсколько подозрительно, постарались горячимъ пріемомъ министровъ отклонить отъ себя всякія подозрѣнія. Особенно же интересовалась Италія поѣздкой Саландры и Данео (министра финансовъ) въ Туринъ. Хотя смыслъ этой поѣздки былъ ясенъ и простъ (пробудить промышленный районъ раскошелиться на военный заемъ), но ей придали, впрочемъ, не безъ нѣкотораго основанія, еще особый смыслъ. Туринъ — сфера вліянія газеты „Stampa“, нейтралистской и джолиттіанской. Тамъ же поблизости и резиденція самого Джолитти. Миланская интервентистская пресса, особенно „Il Popolo d' Italia“, органъ революціонный интервентистскихъ союзовъ[1]), била въ набатъ, предупреждая министра Саландру, чтобы онъ воздержался отъ всякихъ примирительныхъ шаговъ по адресу Джолитти, который яко бы уже готовится выпустить когти, протянувъ ласковую лапу. Но такъ какъ примиреніе съ Джолитти вообще не входило и, кажется, не входитъ въ планы кабинета Саландры, то поѣздка болѣе или менѣе сошла благополучно, не оправдавъ надеждъ любителей сенсацій. Туринъ проявилъ менѣе неорганизованнаго энтузіазма, но болѣе организованной поддержки правительственнымъ начинаніямъ. Одна малоудачная фраза министра Саландры вызвала въ печати небольшой переполохъ, давъ пищу разговорамъ о возможномъ кризисѣ кабинета, но и тутъ общество и пресса проявили достаточный запасъ дисциплины, отложивъ разговоры о пополненіи кабинета лѣвыми элементами, или о полной смѣнѣ его, до мартовской сессіи Палаты. Для насъ же эти министерскіе налеты на столицы разныхъ областей Италіи интересны въ томъ отношеніи, что ими доказывается достаточное единство настроенія Италіи въ тотъ моментъ, когда тягости войны неравно отражаются на различныхъ районахъ и когда рѣзкое неравенство культуры должно бы выступать острыми углами.

---

[1]) Хотя Италія уже давно вступила въ войну, однако дѣленіе на „интервентистовъ“ и „нейтралистовъ“ еще не утратило значенія. Говорятъ: „нейтралистъ“ тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго основанія сказать: „германофилъ“. Въ послѣднее время подъ „интервентистами“ разумѣются тѣ, кто стоитъ за расширеніе предѣловъ войны, за выступленіе на Балканахъ и за объявленіе войны Германіи.

Мы, конечно, принимаемъ здѣсь въ учетъ элементъ офиціальности и нѣкоторой искусственности въ проявленіяхъ патріотическаго энтузіазма при встрѣчахъ и проводахъ министерскихъ салонъ-вагоновъ; однако въ итальянскомъ обществѣ всегда было достаточно сознанія собственнаго достоинства и собственныхъ гражданскихъ правъ, чтобы, когда это нужно, противопоставить офиціальной и партійной помпѣ картину своего личнаго отношенія къ вопросу. Въ данномъ случаѣ нигдѣ не наблюдалось диссонанса между истиннымъ общественнымъ настроеніемъ и его офиціальной версіей, — недаромъ министры всюду выступали открыто, публично, а не только передъ отборомъ приглашенныхъ. До извѣстной степени они, дѣйствительно, говорили къ народу. Самая эта возможность „говорить къ народу“ предполагаетъ наличность политической зрѣлости націи, которая уже не удовлетворяется офиціальными бюллетенями и сообщеніями, а умѣетъ сдѣлать необходимымъ для представителей власти публичное оправданіе ихъ дѣятельности и публичное предначертаніе, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, и дальнѣйшихъ намѣреній. До сихъ поръ, въ періоды избирательной агитаціи, кандидаты въ парламентъ старались меньше говорить избирателямъ о вопросахъ общегосударственныхъ и какъ можно рельефнѣе вырисовывать свою будущую практику по вопросамъ мѣстнаго интереса. При слабомъ интересѣ къ парламентской дѣятельности, итальянскій обыватель, особенно провинціальный, былъ вообще аполитиченъ. Теперь онъ желаетъ самъ контролировать ходъ общегосударственной жизни, и министерскіе разъѣзды, несомнѣнно, отвѣчаютъ назрѣвшей потребности въ этомъ отношеніи, если даже и не вполнѣ удовлетворяютъ.

Мнѣ представляется особенно любопытнымъ отмѣтить одинъ психологическій моментъ въ развитіи національнаго сознанія итальянцевъ. Если мы сопоставимъ два рѣзко отличныхъ типа, напримѣръ, средняго англичанина и русскаго, то первымъ, что невольно бросится въ глаза, будетъ разница въ степени пониманія каждымъ изъ нихъ своей національной роли въ міровой жизни. Англичанинъ не только опредѣленно знаетъ, что такое представляетъ собою Англія въ ряду другихъ государствъ, но не менѣе опредѣленно согласуетъ съ этимъ линію своего личнаго поведенія, вездѣ и всегда сознавая себя не только гражданиномъ, но и какъ бы представителемъ своей страны во всякой другой странѣ, куда его занесла судьба или собственное желаніе. Отсюда его независимость обращенія, его осторожная общительность, его упорное желаніе говорить вездѣ, не смущаясь, на своемъ языкѣ, предоставляя другимъ смущаться незнаніемъ англійской рѣчи. Русскій, наоборотъ, можетъ съ большимъ жаромъ говорить о курьезахъ своей родины, между-

народная роль которой ему самому не ясна, но гораздо привычнѣе ему говорить о Россіи тономъ извиняющимся, при чемъ ея культурную отсталость онъ старается объяснить только противодѣйствіемъ „реакціоннаго меньшинства", а совсѣмъ не инертностью и слабостью своей и себѣ подобныхъ, что было бы, по меньшей мѣрѣ, справедливѣе. Русскій за границей никогда не чувствуетъ себя ни гражданиномъ, ни представителемъ Россіи; скорѣе онъ какъ бы стыдится такой роли, заставляющей его отвѣчать за Россію въ глазахъ иностранцевъ; и уже, разумѣется, онъ никогда не требуетъ отъ иностранцевъ знанія своего языка, удивляя ихъ, напротивъ, своими лингвистическими способностями и вообще своей легкой приспособляемостью къ условіямъ чужой жизни. Приходится вообще сказать, что отсутствіе у большинства русскихъ, попадающихъ за границу, національнаго достоинства и національной гордости (националистская кичливость, наоборотъ, частенько проявляется) есть фактъ, который врядъ ли нужно доказывать. До послѣдняго времени почти то же можно было сказать и объ итальянцахъ. И это очень понятно и легко объяснимо.

До послѣдняго времени Италія не имѣла своего собственнаго опредѣленнаго мѣста въ ряду державъ. Ея достоинство великой державы базировалось на ея участіи въ тройственномъ союзѣ, гдѣ она играла третью скрипку. Военный придатокъ къ могущественному союзу Германіи и Австро-Венгріи, она не имѣла своей опредѣленной политической физіономіи. Если нѣмецъ могъ съ гордостью говорить о „нашемъ Круппѣ", то на долю итальянца оставались лишь nostro cielo и наши развалины античнаго міра. И внутри самой Италіи эти „наши блага" показывались съ удовольствіемъ всякому иностранцу, имѣющему кошелекъ для уплаты за свои развлеченія. Строго говоря, даже и памятники древняго искусства итальянцы не могли назвать „нашими", такъ какъ вся эта старина давно уже стала достояніемъ всего человѣчества и даже изучалась не столько самими итальянцами, сколько учеными Англіи и Германіи. Понятно поэтому, что если на русскаго за границей усвоенъ взглядъ, какъ на симпатичнаго чудака, то и къ итальянцу относились, какъ къ симпатичному мандолинисту и поэту страстной любви. Національной гордости строить было еще не на чемъ; даже послѣ объединенія Италія еще долгое время оставалась „географическимъ терминомъ". А нужно ли доказывать, что уваженіе къ данной націи въ наше время основывается не на ея прошломъ, а всегда на ея настоящемъ.

Лишь въ послѣднее двадцатилѣтіе Италія, крупно шагнувшая впередъ въ своемъ развитіи политическомъ и особенно экономиче-

скомъ, переростаетъ то представленіе, которое имѣли о ней иностранцы. Роль второстепенной державы, придатка къ Союзу, сдѣлалась для нея явно унизительной. Оставаясь во многомъ ученицей, кое въ чемъ она уже чувствовала себя способной быть образцомъ для другихъ, — напримѣръ, какъ страна дѣйствительной демократической свободы, упрочившейся и не допускающей покушеній „реакціоннаго меньшинства". Если не уровень итальянской культуры, то поистинѣ удивительный темпъ ея развитія ясно говоритъ, что скоро Италіи уже не придется искать сильныхъ союзниковъ въ международныхъ общеніяхъ, а можно будетъ самой дѣлать выборъ среди тѣхъ, которые поспѣшатъ предложить ей свою дружбу. Одновременно съ этимъ начинается и переломъ въ національной психологіи средняго итальянца. Онъ уже перестаетъ видѣть свое особое почетное отличіе въ своихъ артистическихъ дарованіяхъ и пылкихъ страстяхъ. Опытъ жизни показалъ, что пылкія страсти не мѣшаютъ ему быть хорошимъ коммерсантомъ и фабрикантомъ, а для увлеченія искусствомъ нѣтъ времени въ періодъ строительства страны на новыхъ началахъ національной экономіи. И онъ потребовалъ общаго вниманія именно къ этимъ новымъ завоеваніямъ своего духа, уже чуждаясь званія хорошаго отельщика и ласковаго хозяина. Любопытно отмѣтить, что именно на почвѣ этой психологической метаморфозы родилось такое чисто итальянское явленіе, какъ футуризмъ, имѣвшее въ основѣ здоровыя идеи и очень интересное, какъ показатель, хотя довольно вздорное и пустое по внутреннему содержанію. Но въ этомъ вина уже не самой идеи, а ея носителей, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ культурой прошлой, ни съ культурой будущей и, уловивъ моментъ въ общемъ вѣрно, не умѣвшихъ дать ему вѣрной оцѣнки. Гораздо болѣе серьезнымъ представляется намъ тогда же начавшій расцвѣтать національзмъ, имѣвшій съ футуризмомъ не мало точекъ соприкосновенія. Оба эти теченія мы можемъ поставить въ одну плоскость, такъ какъ и у футуристовъ была своя „политическая платформа", и у націоналистовъ „артистическіе девизы"; сближаетъ ихъ и то, что оба они были яркими внѣшними показателями совершившагося въ жизни Италіи перелома, въ то же время не имѣя жизненныхъ корней въ прошлой Италіи, новое возрожденіе которой было вовсе не какимъ-то чудеснымъ превращеніемъ, а естественнымъ органическимъ послѣдствіемъ ея роста.

1911 годъ — интереснѣйшій этапъ въ жизни Италіи. Римъ, представитель старой Италіи, устраиваетъ выставку художественную, репродуцируя изъ гипса и дерева архитектурные памятники разныхъ областей государства. Туринъ, представитель Италіи новой, отбросивъ искусство, иллюстрируетъ индустріальной выставкой промы-

шленный расцвѣтъ страны. По ряду стороннихъ причинъ (дождливое лѣто, эпидемія холеры и пр.) выставка Турина не имѣла полнаго, ею заслуженнаго успѣха; выставка же римская провалилась самымъ естественнымъ порядкомъ и вполнѣ заслуженно. Юбилейный годъ ясно показалъ, какимъ путемъ въ дальнѣйшемъ должна идти Италія и на что ей возлагать свои надежды.

Годъ этотъ закончился Триполитанскимъ походомъ, предпріятіемъ, очень одобреннымъ націоналистами и футуристами. Этотъ походъ нельзя назвать пробой силъ новой Италіи, такъ какъ побѣда Италіи была заранѣе обезпечена международнымъ соглашеніемъ, а ея противникъ, Турція, не могла считаться противникомъ серьезнымъ и достойнымъ великой державы. Въ данномъ случаѣ Италія лишь показала, что уроки державъ не прошли для нея даромъ, и что ихъ методы ею усвоены прекрасно. Сверхъ того, она извлекла изъ союза съ центральными державами ту единственную выгоду, которую онѣ могли ей предоставить. Съ этого момента дальнѣйшее участіе въ тройственномъ союзѣ дѣлается для Италіи, по меньшей мѣрѣ, совершенно безполезнымъ. Тогда же выступаетъ на сцену и вопросъ объ ирредентныхъ земляхъ, отказъ отъ которыхъ уже не компенсировался болѣе выгодами союза съ Австріей.

Я дѣлаю эту маленькую экскурсію въ недавнее прошлое итальянской исторіи съ тѣмъ, чтобы показать, какъ въ связи съ ходомъ событій мѣнялась и психологія итальянца, какъ, по мѣрѣ усиленія престижа Италіи, зарождалось и въ немъ національное сознаніе, какъ выяснялись для него мѣсто Италіи въ ряду другихъ державъ и его собственная гражданская роль представителя своей страны. На смѣну прежнему обывательскому довольству своимъ небомъ, своими макаронами и своими античными развалинами, какъ понятная реакція, является прежде всего рѣзкое, почти шовинистическое преувеличеніе національныхъ задачъ Италіи и національныхъ качествъ ея народа. Когда, въ періодъ нейтралитета Италіи, передъ ней расшаркивались всѣ державы, нѣкоторыми это расшаркиваніе было принято за чистую монету, и нѣкоторые публицисты хотѣли увѣрить насъ, что выступленіе Италіи на той или другой сторонѣ немедленно можетъ повернуть колесо военнаго успѣха въ пользу ея союзниковъ. Позже, все еще подъ вліяніемъ идеи „священнаго эгоизма“, это увлеченіе идеей великаго призванія Италіи оставалось настолько сильнымъ, что первыя же стычки съ австрійцами именовались въ газетахъ „рѣшающими“, одинъ депутатъ предложилъ палатѣ послать привѣтъ „нашему войску, несомнѣнно храбрѣйшему въ мірѣ“, итальянская дипломатія была признана на родинѣ „единственной въ мірѣ“, германская культура была объявлена ниспро-

вергнутой, а на смѣну ей уже объявлено было грядущее завоеваніе вселенной культурой итальянской. Въ такомъ увлеченіи было не мало южной искренней пылкости, не мало и крикливаго шовинизма. Опытъ дальнѣйшаго довольно быстро поставилъ въ границы размахъ націоналистической фантазіи, и сейчасъ уже можно констатировать въ Италіи вполнѣ разумное, практическое, спокойное и серьезное отношеніе и къ роли Италіи въ конфликтѣ державъ, и къ рисующимся въ будущемъ перспективамъ. Окрѣпшее и уже закаленное испытаніемъ сознаніе итальянской націи ясно подсказываетъ ей, что не одинъ личный ея интересъ долженъ быть основнымъ мотивомъ ея дѣйствій, а интересъ общаго блага, интересъ развитія міровой культуры по путямъ права и человѣчности. Центръ вниманія давно уже перенесся отъ „нашихъ ирредентныхъ земель“ на общее развитіе мірового спора о правахъ каждой націи на самоопредѣленіе, объ уничтоженіи всякой гегемоніи, основанной на вооруженной силѣ. Этотъ переходъ отъ интересовъ чисто личныхъ къ интересамъ общимъ и является основнымъ признакомъ переживаемаго итальянской націей момента; онъ и даетъ намъ право говорить объ итальянскомъ новомъ возрожденіи, не какъ о выдумкѣ націоналистовъ, а какъ о реальномъ явленіи, которое съ каждымъ днемъ можно наблюдать все яснѣе.

Чѣмъ бы ни окончилась европейская война, мы можемъ теперь же съ увѣренностью сказать, что степень сплоченія и развитія итальянской націи служитъ гарантіей того, что послѣдствія войны не ограничатся однимъ измѣненіемъ государственныхъ границъ, но отразятся и на внутренней жизни Италіи, — какъ отразятся и на внутренней жизни всѣхъ другихъ странъ безъ исключенія. Будущимъ руководителямъ судебъ Италіи придется имѣть дѣло уже не съ равнодушнымъ и аполитичнымъ населеніемъ, не выносящимъ своего кругозора за предѣлы мѣстнаго акведука, а съ націей, объединенной, сплотившейся, понявшей многое, что было для нея скрытымъ, способной реагировать на міровыя событія и пріобщаться міровымъ идеямъ. Если исходъ войны въ большей степени зависитъ отъ степени національной выдержкч каждаго изъ воюющихъ народовъ, то еще въ высшей степени эта выдержка понадобится позже, при ликвидаціи самыхъ причинъ, породившихъ это міровое бѣдствіе. Поскольку дѣло идетъ объ Италіи, намъ представляется, что ея настоящее „возрожденіе“ служитъ хорошей гарантіей противъ возможныхъ ошибокъ въ ея будущемъ. Намъ будетъ пріятно, если это будущее оправдаетъ тѣ надежды, высказывать которыя мы можемъ пока лишь въ этихъ слишкомъ общихъ выраженіяхъ.

Римъ. М. А. Осоргинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Современное политическое положеніе и подводная война. — Германская система террора. — Рѣчь канцлера Бетмана-Гольвега и ея особенности. — Общее настроеніе противниковъ. — Паденіе Трапезунда и смерть Гольцъ-паши.

Германія продолжаетъ съ упорною послѣдовательностью дѣйствовать наступательно на сушѣ и на морѣ, чтобы добиться какого-нибудь опредѣленнаго результата, который заставилъ бы противниковъ стремиться къ скорѣйшему заключенію мира. Съ одной стороны, она не останавливается ни предъ какими жертвами для нанесенія Франціи рѣшительнаго удара подъ Верденомъ, а съ другой, — она сильнѣе, чѣмъ когда-либо, пользуется недопустимыми пріемами безпощадной подводной войны, съ явнымъ нарушеніемъ интересовъ нейтральныхъ странъ и вопреки протестамъ Соединенныхъ Штатовъ. Причиняя неисчислимый вредъ всему вообще торговому судоходству, германское правительство надѣется возбудить желаніе мира не только въ непріятельскихъ, но и въ нейтральныхъ государствахъ, которыя могли бы взять на себя посредничество въ веденіи мирныхъ переговоровъ; для этой цѣли примѣняется система террора, о которой намъ уже приходилось неоднократно говорить въ нашихъ обозрѣніяхъ.

Система террора не оправдывается, однако, на практикѣ. Стараясь навести ужасъ на враждебныя государства, германцы вызывали только негодованіе и усиливали непримиримое настроеніе противниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они все болѣе разстраивали свои отношенія съ великою американскою республикою и рисковали опаснымъ съ нею конфликтомъ. Америка все-таки располагаетъ довольно значительнымъ военнымъ флотомъ, въ составѣ котораго числится 39 броненосцевъ, и изъ нихъ — 14 дредноутовъ; и если бы во главѣ ея правительства стоялъ не убѣжденный пасифистъ Вильсонъ, а единомышленникъ Рузевельта, то Соединенные Штаты, по всей вѣроят-

ности, находились бы уже въ войнѣ съ Германіей. Именно въ расчетѣ на принципіальное миролюбіе президента Вильсона германская дипломатія позволяетъ себѣ не обращать вниманія на требованія и жалобы вашингтонскаго кабинета, поддерживая съ нимъ безплодную дипломатическую переписку для соблюденія приличій. Недавно еще Германія какъ будто пошла на уступки и обязалась, во-первыхъ, не топить непріятельскихъ торговыхъ и пассажирскихъ пароходовъ безъ предупрежденія и, во-вторыхъ, щадить нейтральныя суда, если они не дѣлаютъ попытки къ бѣгству или сопротивленію. Замѣна фонъ-Тирпица адмираломъ фонъ-Капелле на посту морского министра считалась признакомъ какого-то поворота въ германской тактикѣ морской войны; но печальные факты вскорѣ опровергли это предположеніе. Нѣмецкія подводныя лодки стали свирѣпствовать хуже прежняго. Въ Ламаншѣ неожиданно, безъ всякаго предварительнаго сигнала, пущена была мина въ британскій почтовый пароходъ „Sussex“, на которомъ находилось 380 пассажировъ, сверхъ 50 человѣкъ экипажа; изъ нихъ погибло болѣе пятидесяти человѣкъ, и въ томъ числѣ — американскій профессоръ Балдуинъ съ женою и дочерью. Четыре американца пострадали при потопленіи канадскаго пассажирскаго парохода „Englishman“. И по поводу каждаго такого случая вашингтонскій кабинетъ обмѣнивается съ германскимъ правительствомъ болѣе или менѣе рѣзкими нотами, которыя, конечно, остаются безъ всякихъ послѣдствій. Наконецъ, 17 (30) марта совершено было прямое преступленіе: нѣмецкою подводною лодкою потоплено черноморское госпитальное судно „Portugal“, которое должно было считаться неприкосновеннымъ въ силу Женевской и Гаагской конвенцій 1906—7 годовъ. Какъ видно изъ офиціальныхъ сообщеній, подводная лодка обошла судно съ обѣихъ сторонъ и остановилась на разстояніи около двадцати пяти саженъ; нѣкоторыя лица съ парохода замѣтили лодку и спокойно слѣдили за ея движеніями, такъ какъ чувствовали себя въ полной безопасности подъ флагомъ Краснаго Креста. Пароходъ стоялъ на мѣстѣ, близъ бухты Фатье; вдругъ, въ половинѣ девятаго часа утра, лодка выпустила одну за другою двѣ мины, изъ которыхъ вторая попала въ машинное отдѣленіе, и судно, расколовшись пополамъ, пошло ко дну въ теченіе менѣе одной минуты. На борту находилось всего 273 человѣка, изъ нихъ погибло 115, въ томъ числѣ уполномоченный Краснаго Креста на суднѣ, графъ Татищевъ, шестнадцать сестеръ милосердія вмѣстѣ съ старшею сестрой, баронессой Мейендорфъ, два врача, изъ русской команды и санитаровъ — 50 человѣкъ, изъ французской команды — 29.

Извѣстіе объ этомъ безцѣльномъ и безсмысленномъ злодѣяніи

взволновало общественное мнѣніе разныхъ странъ; русское общество Краснаго Креста заявило формальный протестъ и временно прервало всякія сношенія съ однородными обществами непріятельскихъ державъ, не успѣвшими или не пожелавшими протестовать противъ совершившагося факта. Долго оставалось неизвѣстнымъ, какому государству принадлежала подводная лодка, несомнѣнно, германская по конструкціи, и по чьему распоряженію она дѣйствовала. Германское правительство подозрительно молчало; только въ началѣ апрѣля обнаружилось, что лодкою командовали турки, принявшіе будто бы „Португалію" за транспортное военное судно, предназначенное для перевозки войскъ и боевыхъ снарядовъ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ не погибъ ни одинъ американскій гражданинъ, то дѣло обошлось даже безъ обычныхъ дипломатическихъ возраженій вашингтонскаго кабинета. Соединенные Штаты могли бы, конечно, протестовать въ силу своего участія въ подписаніи Женевской конвенціи, но въ настоящей войнѣ нейтральныя государства не вступаются за общіе интересы международнаго права, а ограничиваются лишь защитою правъ и интересовъ своихъ собственныхъ гражданъ. Гибель представителей Краснаго Креста, санитаровъ и сестеръ милосердія на госпитальномъ суднѣ „Португаліи" вновь подтверждаетъ ту печальную истину, что никакія международныя обязательства, даже самыя элементарныя, не существуютъ для Германіи и ея союзниковъ, озабоченныхъ желаніемъ, во что бы то ни стало, возбудить панику въ противномъ лагерѣ. Та же цѣль преслѣдуется частым иналетами цеппелиновъ и аэроплановъ на мирные города и селенія Англіи. Такъ, нѣсколько германскихъ гидроплановъ, пролетѣвшихъ 19 (6) марта надъ восточною частью графства Кентъ, сбросили 48 бомбъ, которыми убито трое мужчинъ, одна женщина и семеро дѣтей, и ранено семнадцать мужчинъ, пять женщинъ и семеро дѣтей; одна бомба попала въ канадскій госпиталь въ Рамсгэтѣ, но случайно причинила только матеріальныя поврежденія безъ человѣческихъ жертвъ. Эти нападенія на мирныхъ жителей не имѣютъ, разумѣется, никакого — ни прямого, ни косвеннаго — отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ и чаще всего почему-то обрушиваются на дѣтей; между тѣмъ германцы твердо убѣждены, что безпощадные пріемы воздушной и подводной войны необходимы для принужденія противниковъ къ исканію мира.

Германская дипломатія вообще никогда не отличалась пониманіемъ психологіи чужихъ, даже сосѣднихъ и родственныхъ націй; этотъ недостатокъ особенно ярко сказывается въ послѣднихъ рѣчахъ имперскаго канцлера, какъ и въ толкахъ нѣмецкой печати о вѣроятныхъ или желательныхъ условіяхъ будущаго мира. Въ декабрѣ

прошлаго года Бетманъ-Гольвегъ думалъ проявить свое миролюбіе, выразивъ готовность, отъ имени побѣдоносной Германіи, выслушать тѣ мирныя предложенія, которыя могутъ быть сдѣланы противниками и которыя окажутся соотвѣтствующими обстоятельствамъ; ему казалось, что этимъ заявленіемъ онъ сдѣлалъ первый шагъ къ миру, и онъ былъ оченъ удивленъ и обиженъ, когда убѣдился, что его намекъ не встрѣтилъ сочувственнаго отклика. Онъ считалъ вполнѣ естественнымъ, что враги должны добровольно признать себя побѣжденными и воспользоваться великодушнымъ настроеніемъ германскаго правительства для начатія соотвѣтственныхъ переговоровъ о мирѣ; онъ не могъ понять, что противники, не будучи побѣдителями, были лишены возможности требовать чего-либо отъ Германіи и обращаться къ ней съ какими-нибудь реальными предложеніями, а въ словахъ Бетмана-Гольвега они должны были видѣть только высокомѣріе. Однако почти вся нѣмецкая пресса повторяла на разные лады, что канцлеръ въ своей рѣчи 9 декабря протянулъ противникамъ руку примиренія и что они ее отвергли. Это странное предположеніе оказало замѣтное вліяніе на общій тонъ рѣчей, произнесенныхъ въ имперскомъ сеймѣ при обсужденіи смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ.

Рѣчь Бетмана-Гольвега въ засѣданіи 23 марта (5 апрѣля) дышала обычнымъ офиціальнымъ оптимизмомъ, но была уже свободна отъ прежнихъ иллюзій относительно подавленнаго будто бы настроенія и вѣроятной уступчивости противниковъ. „Событія, — говорилъ канцлеръ, — оправдываютъ ту увѣренность, съ какою я разсматривалъ наше военное положеніе три мѣсяца тому назадъ. Это положеніе и теперь представляется очень хорошимъ на всѣхъ фронтахъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Враги наши надѣются достигнуть своей цѣли, отрѣзавъ Германію отъ остального міра и оставивъ ее безъ привознаго хлѣба. Рѣшительно непонятно, какимъ образомъ разсудительные люди могутъ еще питать подобныя надежды послѣ опыта 1915 года. Урожай 1915 года былъ необычайно плохъ; тѣмъ не менѣе мы вступили въ новый годъ съ великолѣпнымъ запасомъ хлѣбныхъ продуктовъ; свѣдѣнія же о нынѣшнихъ всходахъ обѣщаютъ давно небывалую жатву. Англія продолжаетъ усиливать свою блокаду, въ противность международному праву, противъ чего уже протестовали Соединенные Штаты“. Это стремленіе англичанъ изолировать Германію и закрыть въ нее доступъ необходимыхъ предметовъ продовольствія вынуждаетъ нѣмцевъ, по словамъ канцлера, употреблять крайнія мѣры самозащиты при помощи подводныхъ лодокъ. „Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ нейтральныхъ странъ, — продолжалъ

Бетманъ-Гольвегъ, — не можетъ требовать отъ насъ, чтобы мы отказались отъ оружія, которое помогаетъ намъ бороться противъ этого противнаго международному праву стремленія уморить насъ голодомъ. Мы уважаемъ справедливые интересы нейтральныхъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣемъ право ожидать признанія за нами права и даже обязанности возмездія".

Въ дѣйствительности, никто не ставилъ нѣмцамъ въ вину употребленія подводныхъ лодокъ, какъ орудія войны, и если бы онѣ топили только непріятельскіе торговые пароходы, безъ потопленія экипажа, то, разумѣется, разсудительные люди нейтральныхъ странъ не возмущались бы, и подводная война не вызывала бы никакихъ протестовъ. Возмущеніе и протесты вызываются лишь тѣмъ, что германскія подводныя лодки топятъ не только непріятельскіе, но и нейтральные пароходы вмѣстѣ съ находящимися на нихъ людьми, безъ всякаго предупрежденія, и не только торговые, но и почтово-пассажирскіе, въ родѣ „Лузитаніи" или „Sussex", или даже госпитальныя суда, какъ „Portugal". Объ этихъ грубыхъ злоупотребленіяхъ подводной войны, которыя ставятся въ вину нѣмцамъ, совершенно умалчиваетъ Бетманъ-Гольвегъ, и въ этомъ заключается внутренняя фальшь его рѣчи. Если бы Германія имѣла малѣйшее уваженіе къ справедливымъ интересамъ нейтральныхъ народовъ, то она, по меньшей мѣрѣ, не допускала бы потопленія нейтральныхъ судовъ, безъ предупрежденія, по одному подозрѣнію въ томъ, что они вышли изъ непріятельскихъ портовъ или направляются къ берегамъ враждебной страны. Нельзя объяснять самозащитой и возмездіемъ систематическое потопленіе частныхъ пароходовъ съ пассажирами, женщинами и дѣтьми, не принадлежащими даже къ воюющимъ націямъ, и при томъ безъ предупрежденія и безъ предоставленія людямъ возможности спастись. Полное молчаніе канцлера объ этой возмутительной практикѣ, волнующей общественную совѣсть всего культурнаго міра и вызывающей энергическіе протесты Соединенныхъ Штатовъ, придаетъ его аргументаци оттѣнокъ поразительнаго лицемѣрія. Онъ съ невиннымъ видомъ разсуждаетъ о нарушеніи международнаго права англичанами, какъ будто можетъ еще быть рѣчь о правѣ при допущеніи сознательнаго массового убійства ни въ чемъ не повинныхъ человѣческихъ существъ.

Бетманъ-Гольвегъ какъ будто удивляется упорному нежеланію противниковъ примириться съ военнымъ превосходствомъ Германіи. „Въ рѣчахъ нашихъ враговъ, — говоритъ онъ, — не замѣчается никакихъ слѣдовъ миролюбиваго настроенія. Асквитъ считаетъ совершенное и окончательное разрушеніе военнаго могущества Пруссіи необходимымъ предварительнымъ условіемъ для вступленія въ какіе

то бы ни было переговоры о мирѣ. На такое условіе мира мы имѣемъ только одинъ отвѣтъ: нашъ мечъ дастъ этотъ отвѣтъ. Если наши противники хотятъ, чтобы избіенія людей и разореніе Европы продолжались, то на нихъ падетъ отвѣтственность за послѣдствія. Мы дадимъ имъ надлежащій отпоръ. Мы вступили въ борьбу за единство и свободу націи, проникнутые твердою рѣшимостью, какъ одинъ человѣкъ. Эту единую и свободную Германію хотятъ уничтожить наши враги. Они желали бы, чтобы она вернулась къ временамъ слабости прежнихъ вѣковъ, когда она подвергалась всѣмъ капризамъ сосѣдей, и ей даже препятствовали развивать свои экономическія силы. Это имѣютъ въ виду наши враги, говоря объ уничтоженіи военнаго могущества Пруссіи; на этомъ они сломаютъ себѣ голову. Совершенно другой смыслъ и другія цѣли имѣетъ для насъ эта война. Мы хотимъ сдѣлать Германію столь крѣпко объединенною и защищенною, чтобы никто и никогда не вздумалъ пытаться ее уничтожить и чтобы въ цѣломъ мірѣ признано было наше право свободно проявлять наши мирныя силы. Эта Германія намъ нужна, а не уничтоженіе иностранныхъ народовъ; въ этомъ прочное спасеніе для европейскаго материка, поколебленнаго теперь въ своихъ основаніяхъ. Какіе примѣры могутъ намъ представить державы враждебной намъ коалиціи въ Европѣ? Россія показываетъ намъ положеніе, какое она устроила Польшѣ и Финляндіи; Франція претендуетъ на ту гегемонію, которая была нашимъ несчастіемъ; Англія поддерживаетъ то раздробленіе и постоянную подозрительность, которыя она называетъ политическимъ равновѣсіемъ и которыя составляютъ коренную причину неописуемыхъ бѣдствій, причиненныхъ войною Европѣ. Если бы эти три державы не соединились противъ насъ и не пытались возродить времена, отошедшія навсегда въ исторію, то миръ Европы постепенно упрочился бы уже въ силу ея мирнаго развитія. Такова цѣль, которую ставила себѣ германская политика передъ войною. Все, что мы хотѣли, могло быть достигнуто мирнымъ трудомъ. Наши противники выбрали войну. Теперь миръ Европы долженъ возникнуть изъ рѣкъ крови и слезъ и изъ могилъ тысячъ людей. Мы вступили въ войну, чтобы защищаться; но то, что было раньше, не существуетъ въ настоящее время, и нельзя уже остановить ходъ исторіи: отступленіе невозможно".

Наибольшій интересъ представляла вторая часть рѣчи Бетмана-Гольвега, посвященная вопросу о вѣроятныхъ условіяхъ будущаго мира. „Судьба сраженій, — заявилъ канцлеръ, — выдвинула польскій вопросъ, и теперь требуется его рѣшеніе, которое должно быть выработано Германіею и Австро-Венгріею. Послѣ подобныхъ потря-

сеній исторія не знаетъ возвращенія status quo ante. Послѣ войны Польша не будетъ уже тою Польшею, которую покинули казаки, подвергнувъ ее грабежамъ и пожарамъ. Той Польши больше не существуетъ. Нельзя допустить, чтобы Германія согласилась добровольно вновь передать подъ власть реакціонной Россіи народы, населяющіе территорію отъ Балтійскаго моря до болотъ Волыни, будутъ ли это поляки, литовцы или латыши. Нѣтъ, Россіи не должно быть предоставлено вторично направлять свои арміи къ незащищеннымъ границамъ восточной и западной Пруссіи. Надо отнять у русскихъ возможность при помощи французскихъ денегъ пользоваться привислинскими землями, какъ воротами, для прохода въ беззащитную Германію. Никто не воображаетъ также, что на западѣ мы, безъ надежныхъ гарантій за будущее, оставимъ страну, гдѣ лилась кровь нашего народа. Мы должны создать реальныя гарантіи того, что Бельгія не сдѣлается вассальнымъ государствомъ по отношенію къ Англіи и Франціи и не превратится въ передовой оплотъ противъ Германіи, какъ съ военной, такъ и съ экономической точки зрѣнія. И тамъ результаты битвъ сохраняютъ свою силу. И тамъ Германія не можетъ отдать въ жертву латинской расѣ фламандскую народность, такъ долго угнетаемую. Мы хотимъ обезпечить этой народности нормальное развитіе, соотвѣтствующее ея положенію, ея языку и спеціальнымъ обычаямъ. Мы желаемъ имѣть не такихъ сосѣдей, которые могутъ соединиться противъ насъ, чтобы насъ разбить, а такихъ, съ которыми мы будемъ вмѣстѣ работать для взаимной нашей пользы... Русское правительство, съ самаго начала войны, принимаетъ разныя мѣры къ ограбленію и изгнанію германскихъ подданныхъ и натурализованныхъ въ Россіи нѣмцевъ. Мы имѣемъ право и обязанность потребовать отъ русскаго правительства возмѣщенія всѣхъ убытковъ, причиненныхъ такимъ образомъ, вопреки всякому праву. Мы имѣемъ право и обязанность избавить отъ русскаго рабства нашихъ преслѣдуемыхъ и угнетаемыхъ соотечественниковъ... Изъ этого страшнаго кризиса Европа выйдетъ во многихъ отношеніяхъ другою, чѣмъ какою она была раньше. То, что разбито, остается разбитымъ навсегда. Разрушенныя богатства не скоро возстановятся. Что бы ни случилось, необходимо, чтобы для всѣхъ народовъ Европа была ареною мирнаго труда. Миръ, который положитъ конецъ этой войнѣ, долженъ быть прочнымъ миромъ; онъ не долженъ содержать въ себѣ зародыша новой войны, а послужить основою окончательнаго мирнаго порядка вещей“. Упомянувъ о тщетныхъ экономическихъ угрозахъ Англіи, канцлеръ продолжалъ: „Пусть знаютъ непріятельскіе государственные люди, что чѣмъ рѣзче будутъ ихъ заявленія, тѣмъ

сильнѣе будутъ наши удары... Судьба колоній рѣшится на континентѣ. Наши постоянныя побѣды обезпечатъ намъ возвратъ нашихъ колоніальныхъ владѣній. Такимъ образомъ, мы съ полнымъ довѣріемъ смотримъ въ будущее... Мы не хотѣли этой войны; мы не имѣли никакой нужды въ измѣненіи нашихъ границъ. Когда же война вспыхнула, мы никакой странѣ не грозили уничтоженіемъ ея существенныхъ основъ и ея національныхъ учрежденій... Мы боремся за наше существованіе и за наше будущее. Наши сыновья жертвуютъ собою и умираютъ за Германію, а не за клочокъ непріятельской земли. Мы и наши войска одушевлены единой волей и единымъ чувствомъ. Мы желаемъ приготовить нашимъ дѣтямъ будущность силы и свободы." [1])

Въ этой заключительной части своей рѣчи германскій канцлеръ говоритъ уже тономъ побѣдителя, а такъ какъ побѣдителю все прощается, то онъ вновь разсказываетъ старую сказку о томъ, что Германія не хотѣла войны, что она вынуждена была защищаться отъ нападенія, что враги и завистники рѣшили ее уничтожить и т. п. Мирная Германія никого не задѣвала, но она требовала только, чтобы никто не мѣшалъ австрійцамъ уничтожить Сербію и распорядиться по-своему на Балканахъ. Германія не хотѣла войны, но она не допускала никакихъ соглашеній и компромиссовъ, способныхъ сохранить миръ; она должна была защищаться отъ попытокъ иностранной дипломатіи уладить возникшій конфликтъ мирнымъ путемъ, при помощи спеціальной международной конференціи или непосредственныхъ переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, а въ видахъ самозащиты противъ этихъ мирныхъ притязаній она внезапно напала на Бельгію и, подъ искусственно придуманнымъ предлогомъ, объявила войну своимъ сосѣдямъ. Какимъ-то издѣвательствомъ звучитъ заявленіе Бетмана-Гольвега, что Россія, въ теченіе десятковъ лѣтъ подчинявшаяся политическому вліянію и авторитету Германіи, собиралась напасть на нее и вынуждала ее къ самооборонѣ, и что нѣмцы не думали ни о расширеніи своихъ границъ, ни о завоеваніи чужихъ земель, когда противъ ихъ воли началась война. Кѣмъ же задумана и предпринята эта война, если она возникла противъ воли Германіи? Неужели тѣми державами, которымъ германское правительство объявило войну за неповиновеніе волѣ Германіи относительно австрійскихъ проектовъ на Балканахъ? Незащищенныя границы, на которыя будто бы нападали сосѣднія государства, придуманы канцлеромъ только ради

---

[1]) При изложеніи существенныхъ мѣстъ этой рѣчи мы пользовались обстоятельнымъ отчетомъ газеты „Temps" (отъ 7 и 8 апрѣля), въ виду чрезмѣрной краткости и неточности текста въ передачѣ Петроградскаго телеграфнаго агентства.

краснорѣчія, точно такъ же, какъ и указаніе на то обстоятельство, что нынѣшніе враги нѣмцевъ будто бы мѣшали имъ свободно проявлять свои мирныя силы и способности. Германія, по мнѣнію Бетмана-Гольвега, должна воспользоваться территоріею занятой нѣмцами русской Польши, чтобы обезопасить свои границы отъ русскаго нашествія; но онъ не указываетъ, въ какомъ духѣ и направленіи будетъ рѣшенъ польскій вопросъ, — ясно только одно, что судьба польской народности для него глубоко безразлична и должна, съ его точки зрѣнія, всецѣло зависѣть отъ интересовъ Германіи и Австро-Венгріи. Столь же неясенъ намекъ на предстоящую участь Бельгіи: для того, чтобы Бельгія не была въ зависимости отъ французовъ и англичанъ и не служила для нихъ ареною дѣятельности въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ, — чего и не было вовсе, — она должна будто бы сдѣлаться теперь вассаломъ Германіи, свободною ареною для ея военныхъ и промышленныхъ интересовъ, передовымъ оплотомъ противъ Франціи и Англіи. Но канцлеръ идетъ дальше и предлагаетъ взять подъ защиту Германіи родственную нѣмцамъ фламандскую народность, которая добровольно поддается преобладающему французскому вліянію. Для этого было бы уже недостаточно установленія внѣшней вассальной зависимости, а требовалось бы постоянное и самостоятельное вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, что было бы неосуществимо безъ дѣйствительной аннексіи. Можно себѣ представить, какъ должны отнестись бельгійцы къ этимъ перспективамъ германской опеки надъ всею національною жизнью ихъ отечества. Вообще Германія заранѣе обѣщаетъ круто поступить съ противниками, хотя неизвѣстно еще, получитъ ли она къ тому возможность; она, если вѣрить Бетману-Гольвегу, надѣется даже обратно пріобрѣсть свои потерянныя колоніи при помощи рѣшительной побѣды надъ Англіею и Франціею на континентѣ, — хотя трудно понять, какъ могутъ нѣмцы разсчитывать побѣдить англичанъ безъ прямого столкновенія съ ихъ флотомъ въ открытомъ морѣ. Что касается обязанности Россіи вознаградить обиженныхъ ею германскихъ подданныхъ, то такая же обязанность лежитъ на германскомъ правительствѣ относительно русскихъ подданныхъ, захваченныхъ войною въ предѣлахъ Германіи и подвергшихся всякимъ преслѣдованіямъ со стороны мѣстныхъ властей; претензія же на защиту нарушенныхъ правъ русскихъ подданныхъ нѣмецкаго происхожденія составляла бы несомнѣнное посягательство на внутреннюю самостоятельность Россіи, какъ великой державы, и никакъ не могла бы получить осуществленія на практикѣ. Очевидно, германскій канцлеръ старался по возможности поднять патріотическій духъ нѣмецкаго общества своими самоувѣренными заявленіями о будущемъ почет-

номъ и прочномъ мирѣ, и, повидимому, значительная часть нѣмецкой публики, подобно большинству имперскаго сейма, раздѣляетъ оптимизмъ Бетмана-Гольвега.

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи рейхстага, 24 марта, продолжались и закончились пренія по вопросамъ внѣшней политики, при чемъ имѣли случай высказаться представители разныхъ партій и группъ. Депутатъ Прайеръ отъ имени „народной партіи", націоналъ-либералъ Штреземанъ и консерваторъ графъ Вестарпъ поочередно одобряли заявленія канцлера, восхваляли твердость правительства, отвергали американскіе протесты противъ подводныхъ лодокъ и подчеркивали необходимость территоріальныхъ пріобрѣтеній. Только депутатъ Гаазе, представитель новой оппозиціонной фракціи соціалистовъ, позволилъ себѣ подвергнуть критикѣ заявленія правительства и возражать противъ предполагаемыхъ аннексій, чѣмъ вызвалъ рѣзкій отвѣтъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, фонъ-Ягова. Отъ имени большинства соціалъ-демократической партіи говорилъ Шейдеманъ, который оказался, въ сущности, самымъ зауряднымъ буржуазнымъ патріотомъ и оппортунистомъ. Онъ принялъ на вѣру всѣ громкія фразы Бетмана-Гольвега и съ напускною наивностью истолковалъ проекты присоединенія Польши и Фландріи въ смыслѣ „освобожденія" польской и фламандской народностей отъ иноземнаго гнета. Онъ призналъ себя вполнѣ солидарнымъ съ резолюціею бюджетной комиссіи относительно безпощадной подводной войны подъ условіемъ возможнаго „соблюденія правъ нейтральныхъ государствъ", — хотя онъ не могъ не знать, что эта оговорка не имѣетъ никакого значенія на практикѣ. Тѣмъ же духомъ самодовольнаго оптимизма проникнуты почти всѣ разсужденія германскихъ и австрійскихъ газетъ по поводу рѣчи канцлера.

Съ своей стороны, державы четверного согласія поддерживаютъ единство военныхъ, дипломатическихъ и экономическихъ плановъ при помощи совѣщаній министровъ, періодически собирающихся въ Парижѣ или Лондонѣ; эти союзныя конференціи неизмѣнно подтверждаютъ увѣренность въ достиженіи окончательной и полной побѣды надъ врагомъ. Обѣ борющіяся стороны одинаково говорятъ о неминуемомъ торжествѣ своего оружія, при чемъ одна изъ нихъ опирается на грубые факты, а другая — на логику исторіи и требованія безобиднаго для народовъ, прочнаго мира.

Когда германскій канцлеръ произносилъ свою послѣднюю рѣчь, положеніе не могло уже считаться благопріятнымъ для Германіи „на всѣхъ фронтахъ", такъ какъ ея союзники, турки, терпѣли жестокія неудачи и должны были очистить часть своихъ мало-азіатскихъ владѣній вмѣстѣ съ Эрзерумомъ, подъ напоромъ русскихъ

войскъ. Нѣмцы надѣялись поправить дѣла Турціи присылкою своихъ офицеровъ и значительныхъ запасовъ боевого снаряженія; предполагалось сосредоточить свѣжія силы противъ Эрзерума и захватить его обратно, воспользовавшись уходомъ главной массы нашихъ передовыхъ отрядовъ вслѣдъ за разбитыми турками. Турецкими военными операціями въ Малой Азіи руководилъ сначала генералъ Лиманъ фонъ-Сандерсъ, а потомъ старый турецко-нѣмецкій маршалъ (муширъ), баронъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша.

Вожди нашей кавказской арміи приняли свои мѣры для скорѣйшаго занятія морского побережья, чтобы закрыть для турецкихъ войскъ путь сообщенія съ моремъ; эти усилія, при существенномъ содѣйствіи нашего черноморскаго флота, завершились 5 апрѣля взятіемъ чрезвычайно важнаго укрѣпленнаго порта, Трапезунда, послѣ чего стали невозможными предположенныя дѣйствія турокъ противъ Эрзерума. Занятіе Трапезунда обезпечиваетъ кавказскую армію отъ неожиданныхъ случайностей и придаетъ прочность нашимъ успѣхамъ въ Малой Азіи. Значительная часть Арменіи освобождается такимъ образомъ отъ турецкаго ига, и надо думать, что на этотъ разъ освобожденіе многострадальнаго армянскаго народа будетъ окончательнымъ.

На другой день послѣ взятія нашими войсками Трапезунда, въ апрѣлѣ, скончался въ турецкой главной квартирѣ, на 73-мъ году жизни, маршалъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша, заболѣвшій незадолго до того брюшнымъ тифомъ. Онъ прославился въ свое время, какъ талантливый проповѣдникъ и поклонникъ прусскаго милитаризма, въ цѣломъ рядѣ популярныхъ сочиненій по военной исторіи и теоріи; изъ нихъ наибольшею извѣстностью пользуется книга о „вооруженномъ народѣ“ (Das Volk in Waffen, 1883). Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ перешелъ на турецкую службу и въ теченіе многихъ лѣтъ подготовлялъ почву для созданія и утвержденія исключительнаго военнаго авторитета Германіи въ глазахъ Турціи и ея правительства; онъ содѣйствовалъ преобразованію турецкой арміи по прусскому образцу, но не могъ измѣнить тѣ военно-административные порядки, которые подрываютъ силу и значеніе самой лучшей внѣшней организаціи. Паденіе Трапезунда, послѣдовавшее такъ быстро за потерей Эрзерума, было сильнѣйшимъ предсмертнымъ ударомъ для барона Кольмара фонъ-деръ-Гольцъ-паши; вмѣстѣ съ тѣмъ оно нанесло чувствительный ущербъ военному престижу германцевъ не только на турецкомъ фронтѣ, но и въ правящихъ кругахъ Оттоманской имперіи.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Новыя перемѣны въ составѣ министровъ.—Уходъ генерала Поливанова.— Назначеніе графа Бобринскаго. — Пренія о бюджетѣ въ Государственной Думѣ. — Судьба „еврейскаго запроса". — Письмо Е. К. Брешко-Брешковской. — Юбилей П. И. Макушина. — А. А. Сабуровъ и Д. Г. фонъ-Дервизъ. †

Какъ ни многочисленны были въ послѣднее время перемѣны въ составѣ правительства, вращеніе министерскаго калейдоскопа все еще не прекратилось. Совершенно неожиданно оставилъ свой постъ военный министръ, А. А. Поливановъ. Впечатлѣніе, произведенное его уходомъ, было тѣмъ сильнѣе, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе, съ его разрѣшенія, отчетъ о думскомъ засѣданіи 7-го марта, происходившемъ при закрытыхъ дверяхъ и посвященномъ обсужденію вопроса о пріостановленіи работъ на Путиловскомъ заводѣ. Послѣ рѣчи военнаго министра, встрѣченной всеобщимъ одобреніемъ, и продолжительныхъ преній, освѣтившихъ всѣ стороны дѣла, единогласно — за исключеніемъ воздержавшихся отъ голосованія соціалъ-демократовъ — была принята предложенная прогрессивнымъ блокомъ формула перехода, которую смѣло можно назвать одною изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашихъ законодательныхъ учрежденій. „Государственная Дума, — такъ гласитъ эта формула — считаетъ своею обязанностью призвать какъ рабочее населеніе страны, такъ и предпринимателей къ добровольному, сознательному и одушевленному исполненію гражданскаго долга. Принимая во вниманіе, что усиливающаяся дороговизна предметовъ первой необходимости вызываетъ неотложную нужду въ пересмотрѣ нормъ рабочей платы, въ особенности наиболѣе низкихъ ея ставокъ, съ цѣлью охраны трудового населенія страны отъ послѣдствій недоѣданія и для обезпеченія ему достойнаго существованія, что въ то же время значительно увеличившаяся доходность предпріятій, работающихъ на нужды обороны, даетъ возможность соотвѣт-

ствующаго увеличенія фонда заработной платы; что должна быть немедленно произведена разработка данныхъ о существующихъ размѣрахъ заработной платы; наконецъ, полагая, что насильственное и одностороннее разрѣшеніе столкновеній на экономической почвѣ способно лишь привести къ внутренней розни, ослабляющей нашу силу и радующей нашего врага, Гос. Дума считаетъ необходимымъ: 1) планомѣрное использованіе установленнаго — п. 12 ст. 10 закона объ особомъ совѣщаніи по оборонѣ государства — права урегулированія размѣра заработной платы въ цѣляхъ приведенія ея къ соотвѣтствію съ современными общими условіями экономической жизни страны; 2) устраненіе препятствій для легальной дѣятельности профессіональныхъ рабочихъ организацій, преслѣдующихъ чисто экономическія цѣли, и проведеніе въ жизнь института старостъ на фабрикахъ и заводахъ; 3) учрежденіе законодательнымъ порядкомъ примирительныхъ камеръ для урегулированія столкновеній рабочихъ и капитала".

Единственный образъ дѣйствій, соотвѣтствующій требованіямъ времени, намѣченъ здѣсь ясно и твердо. Приведеніе въ исполненіе перваго пункта резолютивной части формулы было заранѣе облегчено взятіемъ Путиловскаго завода, по распоряженію генерала Поливанова, въ военное управленіе.

По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", циркулирующіе въ обществѣ слухи различнымъ образомъ объясняютъ отставку генерала Поливанова. Одни ставятъ ее въ связь съ отношеніемъ, установившимся между бывшимъ военнымъ министромъ и Госуд. Думою. Другіе указываютъ на неудовольствіе, возбужденное послѣдними мѣрами генерала Поливанова въ средѣ вліятельныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ Путиловскаго завода; говорятъ, что въ промышленныхъ кругахъ вообще были недовольны направленіемъ взглядовъ ген. Поливанова по вопросу объ отношеніяхъ труда и капитала. Интересное объясненіе уходу А. А. Поливанова даетъ недавно основанная газета „Голосъ Россіи", издаваемая совершенно чуждымъ литературѣ кн. М. М. Андрониковымъ [1]). Признавая, что бывшій военный министръ — „безспорно военный, знающій и всесторонне образованный", газета замѣчаетъ, что онъ „сообразовался въ своей дѣятельности съ симпатіями общественныхъ группъ и особенно дорожилъ мнѣніемъ главныхъ общественныхъ дѣятелей и

---

[1]) По словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", имя кн. Андроникова пріобрѣло извѣстность въ послѣднее время, благодаря сообщенію газетъ о тщетныхъ попыткахъ одной домовладѣлицы выселить лицо, носящее эту фамилію, изъ занимаемой имъ вопреки ея волѣ квартиры. Неуспѣхъ этихъ попытокъ объясняли отношеніями даннаго лица къ недавно ушедшимъ министру внутреннихъ дѣлъ и одному изъ его товарищей.

организацій, которые, правда, много дѣлаютъ, но и много болтаютъ и критикуютъ, а между тѣмъ послѣднее въ военномъ дѣлѣ и особенно въ военное время совершенно лишнее". Неужели, однако, совершенно лишней оказалась бы своевременная „критика" дѣятельности генерала Сухомлинова? И какъ провести демаркаціонную черту между критикой серьезной и несерьезной? Достаточно ли неопредѣленнаго страха передъ послѣдней, чтобы ставить преграды для первой? Чему помѣшала, чему повредила критика, шедшая со стороны „много дѣлавшихъ" общественныхъ дѣятелей и общественныхъ организацій? Когда и гдѣ эта критика переходила въ „болтливость", какія были ею раскрыты военныя или государственныя тайны?.. „Общественнымъ довѣріемъ" бывшій военный министръ пользовался безспорно; но вѣдь если даже стать на модную теперь точку зрѣнія, объявляющую это условіе ненужнымъ, то отсюда еще далеко до признанія его вреднымъ. „Много дѣлающіе" общественные дѣятели и организаціи — это не quantité négligeable: это — крупная сила, мнѣніе которой въ значительной мѣрѣ обусловливаетъ собою удѣльный вѣсъ государственнаго человѣка, а, слѣдовательно, и шансы успѣха его государственной работы.

Значеніе и важность нравственной поддержки, какъ элемента успѣха въ области политической жизни, — успѣха не только личнаго, но и коллективнаго, общаго для цѣлой общественной группы, — сознаютъ, въ сущности, даже крайніе правые, которыхъ приводятъ въ такую ярость слова „общественное довѣріе", начертанныя въ программѣ прогрессивнаго блока. Вся суть въ томъ, о чьемъ довѣріи идетъ рѣчь. Прогрессивный блокъ находитъ, что правительство должно пользоваться довѣріемъ широкихъ круговъ общества и народа, довѣріемъ, которое оправдывалось бы всей прошлой дѣятельностью министровъ и отношеніемъ ихъ къ важнѣйшимъ вопросамъ дня. Съ точки зрѣнія крайнихъ правыхъ для министерства въ цѣломъ и для каждаго министра въ отдѣльности необходимо — и вполнѣ достаточно — довѣріе небольшой кучки, непосредственно заинтересованной въ сохраненіи или даже въ обостреніи дѣйствующихъ порядковъ, идущихъ вразрѣзъ съ офиціально существующимъ государственнымъ строемъ.

Впадая въ противорѣчіе, которое можно было бы назвать наивнымъ, если бы оно не было сознательно разсчитаннымъ, крайніе правые вмѣняютъ въ вину своимъ противникамъ именно то, что сами практикуютъ съ полнѣйшею безцеремонностью и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прогрессивный блокъ совершаетъ преступленіе, когда говоритъ о недовѣріи своемъ къ министру или министерству; крайніе правые остаются безукоризненно лойяльными, когда ведутъ

подкопъ противъ ненавистнаго имъ министра, и считали бы себя, конечно, ультра-лойяльными и въ нападеніяхъ на цѣлое министерство, если бы оно было составлено изъ лицъ имъ не угодныхъ. Съ особенною ясностью эта черта реакціонной психологіи выразилась въ послѣднее время въ кампаніи, направленной противъ министра народнаго просвѣщенія. Если бы гг. Марковы и К° ограничивались осужденіемъ дѣйствій графа П. Н. Игнатьева въ думскихъ рѣчахъ, — пожалуй, даже въ резолюціяхъ созываемыхъ ими съѣздовъ, они оставались бы въ предѣлахъ своего формальнаго права; но есть основаніе думать, что они идутъ и другими, окольными путями, развивая закулисную агитацію „записокъ". И эта агитація тѣмъ интенсивнѣе, тѣмъ упорнѣе, что ея руководителями уготованъ, повидимому, кандидатъ на мѣсто, занимаемое гр. Игнатьевымъ. Есть и готовый, острый обвинительный пунктъ: графъ Игнатьевъ пользуется „общественными симпатіями". Эти симпатіи съ особенною ясностью выразились въ засѣданіи Думы 14-го марта, къ которому мнѣ еще придется возвратиться.

Не меньше, чѣмъ перемѣна въ составѣ кабинета, обратило на себя вниманіе назначеніе графа А. А. Бобринскаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, — назначеніе, разсматриваемое многими какъ переходная ступень къ другому, болѣе важному посту. Политическая окраска гр. А. А. Бобринскаго опредѣляется съ достаточною ясностью двумя словами: послѣ смерти П. Н. Дурново онъ сталъ лидеромъ группы правыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Къ чему стремилась и чего достигала эта группа — это слишкомъ хорошо извѣстно... Всѣмъ памятна также роль, которую на-дняхъ сыгралъ гр. Бобринскій при разсмотрѣніи въ верхней палатѣ законопроекта о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ. Въ послѣдніе годы графъ Бобринскій не занималъ выдающагося мѣста въ совѣтѣ и на съѣздахъ объединеннаго дворянства (что и подчеркнуто имъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей"); но въ пору его предсѣдательства — одну изъ самыхъ боевыхъ въ исторіи объединеннаго дворянства, — дѣятельность этого учрежденія была проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и при его преемникѣ... „Думаю, — сказалъ гр. Бобринскій своему собесѣднику, — что мое назначеніе означаетъ желаніе высшихъ правительственныхъ круговъ работать вмѣстѣ, рука объ руку, съ обществомъ, представителемъ котораго я себя считаю... Я намѣренъ дѣйствовать въ новой моей роли такъ, какъ мнѣ это подсказываетъ моя совѣсть общественнаго дѣятеля правыхъ убѣжденій. Всю свою жизнь я прожилъ не бюрократомъ, а человѣкомъ общественности, и таковымъ останусь до конца". О какомъ обществѣ идетъ рѣчь въ началѣ

этой тирады? Если объ обществѣ дворянскомъ, какъ о чемъ-то болѣе или менѣе тожественномъ съ „объединеннымъ дворянствомъ", то слова гр. Бобринскаго совершенно понятны и, по всей вѣроятности, вѣрно отражаютъ въ себѣ дѣйствительность; но если онъ говоритъ объ обществѣ въ широкомъ, обычномъ смыслѣ слова, то позволительно усомниться въ его правѣ считать себя представителемъ этого общества, стремленія котораго не имѣютъ ничего общаго съ партійнымъ credo крайнихъ правыхъ. Чтобы быть „человѣкомъ общественности", нужно не только пробыть извѣстное число лѣтъ представителемъ дворянства, гласнымъ земскаго собранія или городской думы, даже членомъ Государственной Думы; нужно служить общимъ интересамъ страны, а не спеціальнымъ интересамъ узкаго круга. Чтобы отклонять отъ себя наименованіе бюрократа, нужно не только не имѣть за собою заурядной чиновничьей карьеры: нужно стоять вдали отъ бюрократическаго строя или, по меньшей мѣрѣ, не оказывать ему дѣятельной поддержки. Между крайними правыми, не состоящими на государственной службѣ, немало найдется такихъ, которые афишируютъ свое пренебреженіе къ бюрократамъ и въ то же время усердно служатъ бюрократіи. Съ точки зрѣнія гр. Бобринскаго „человѣкомъ общественности" слѣдовало бы признать, напримѣръ, г. Маркова 2-го, — а много ли можно насчитать людей, къ которымъ такъ мало подходилъ бы этотъ эпитетъ?! „Человѣкомъ общественности", если бы это выраженіе было въ ходу тридцать лѣтъ тому назадъ, могъ бы считать себя Пазухинъ до назначенія и даже послѣ назначенія правителемъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, — а кто же больше его способствовалъ насажденію бюрократіи въ русскую деревню?! И развѣ такіе типичные бюрократы, какъ И. Н. Дурново и Д. С. Сипягинъ, не сдѣлали первыхъ шаговъ къ власти въ качествѣ предводителей дворянства?.. Едва ли я ошибусь, если скажу, что у насъ, въ Россіи, бюрократомъ in potentia, бюрократомъ á l'état latent является каждый „истинно-крайній" правый.

На дняхъ исполнилось восемь лѣтъ бытности Асквита первымъ министромъ Англіи, а со времени вступленія его въ составъ кабинета прошло уже болѣе десяти лѣтъ. Столько же лѣтъ занимаетъ постъ министра Ллойдъ-Джорджъ. Невольно напрашивается на мысль сравненіе этой длительной бытности у власти съ поразительно быстрыми, особенно въ послѣднее время, перемѣнами въ составѣ министерства у насъ, въ Россіи. Во Франціи руководящіе министры не имѣютъ за собою такого долгаго, непрерывнаго прошлаго, какъ въ Англіи, но все же стоятъ у дѣлъ не со вчерашняго

дня. Не менѣе велико различіе между министерствами союзныхъ державъ и нашимъ и по отношенію къ полнотѣ, съ которою представлены въ нихъ политическіе взгляды, распространенные въ странѣ. Напрасно, наконецъ, было бы искать въ нашихъ правительственныхъ сферахъ такихъ богато одаренныхъ людей, какъ Асквитъ, Ллойдъ-Джорджъ, Макъ-Кенна, Бальфуръ — въ Англіи, Бріанъ, Вивіани, Рибо — во Франціи. А между тѣмъ въ безпримѣрно тяжелое время, какое теперь переживаетъ Россія, болѣе чѣмъ когда-либо важно было бы сосредоточеніе власти въ рукахъ министерства, которое можно было бы назвать, по образцу англійскаго кабинета 1806 года, „ministry of all the talents“ [1]). Менѣе всего подготовить къ дѣятельности при совершенно новыхъ, исключительно трудныхъ условіяхъ могла у насъ государственная служба въ пережитые Россіей годы застоя и реакціи; она не могла воспитать ни инціативы, ни творчества, ни способности откликаться на постоянно растущія и усложняющіяся требованія жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить сдѣланное и дѣлаемое во время войны въ Англіи и въ Россіи: тамъ — рѣшительная постановка неожиданно возникшихъ задачъ и смѣлый приступъ къ ихъ исполненію, здѣсь — запоздалое, неполное признаніе ихъ неотложности и колебанія при переходѣ отъ мысли къ дѣлу. Единственнымъ исключеніемъ — я говорю только о внутренней политикѣ — было состоявшееся одновременно съ началомъ военныхъ дѣйствій запрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ; энергія, проявленная при этомъ, соотвѣтствовала вполнѣ значенію минуты.

Иллюстраціей къ только что сказанному могутъ служить пренія о бюджетѣ въ Государственной Думѣ. Развѣ не знаменательно, напримѣръ, что обсужденіе смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ прошло почти безъ всякаго участія со стороны правительства? Правда, какъ разъ въ это время уходилъ министръ и еще не былъ назначенъ его преемникъ; но какъ объяснить, что никто изъ членовъ „объединеннаго“ кабинета не взялъ на себя истолкованіе и защиту дѣятельности важнѣйшаго органа внутренняго управленія?.. Въ засѣданіи 15-го марта министръ путей сообщенія, отстаивая свое вѣдомство, утверждалъ, что раздающіяся со всѣхъ сторонъ противъ него жалобы могутъ быть объяснены только неосвѣдомленностью объ условіяхъ, въ которыхъ желѣзныя дороги сейчасъ работаютъ.

---

[1]) Это министерство было образовано лордомъ Гренвиллемъ изъ всѣхъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей того времени; въ его составъ вошли Фоксъ, Виндгамъ, Грей, Эрскинъ, Шериданъ. Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ того времени, оно существовало недолго; паденіе его было большимъ бѣдствіемъ для Англіи.

Полную освѣдомленность, наоборотъ, обнаружили рѣчи депутатовъ Герценвица, Годнева, Добровольскаго, и въ слѣдующемъ засѣданіи А. Ѳ. Треповъ заявилъ, что онъ не отрицаетъ факта затрудненности желѣзнодорожныхъ перевозокъ. Противъ офиціальнаго оптимизма выступилъ съ горячей, доказательной рѣчью деп. Шингаревъ. „По мнѣнію министра, — воскликнулъ ораторъ, — налицо лишь несоотвѣтствіе желѣзныхъ дорогъ имѣющейся потребности; но развѣ отъ этого появились колоссальныя мошенничества и взятки? Это — результатъ разложенія системы управленія, результатъ „рухловщины", и война тутъ ни при чемъ". Въ подтвержденіе своихъ словъ А. И. Шингаревъ приводилъ факты, имѣвшіе мѣсто почти наканунѣ его рѣчи. И когда онъ кончилъ, В. М. Пуришкевичъ, только что вернувшійся съ фронта арміи, самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердилъ все, имъ сказанное, и противопоставилъ ему министра, преисполненнаго самыми благими намѣреніями, но страдающаго такой неосвѣдомленностью, которою не долженъ страдать человѣкъ, облеченный суммою правъ, налагающихъ на него извѣстныя обязанности. Переутомленіе служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ В. М. Пуришкевичъ объясняетъ слѣдующимъ примѣромъ: поѣздъ со срочнымъ грузомъ, на вагонахъ котораго изображены ядро и пламя, который долженъ идти отъ станціи къ станціи, сплошь и рядомъ задерживается у разъѣздовъ и семафоровъ, чтобы не будоражить начальство, и желѣзнодорожная бригада, обслуживающая поѣздъ, идущій вмѣсто восьми, тридцать шесть часовъ, валится отъ усталости, особенно въ товарныхъ вагонахъ, гдѣ негдѣ укрыться.

Вслѣдъ за смѣтой министерства путей сообщенія разсматривалась смѣта министерства торговли и промышленности. Докладчикъ, И. В. Годневъ, сказалъ, что министерство, послѣ десятилѣтняго существованія, все еще не въ состояніи выполнить возложенныя на него задачи; оно не имѣетъ рѣшительнаго голоса въ касающихся его вопросахъ и находится отчасти въ зависимости отъ министерства финансовъ, путей сообщенія и внутреннихъ дѣлъ. Картина, нарисованная докладчикомъ, осталась, повидимому, неопровергнутою; длинная рѣчь министра, по общему отзыву, была безцвѣтна и малосодержательна.

Совершенно особый характеръ носило обсужденіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія. Общее сочувствіе къ работѣ вѣдомства оттѣнялось чрезвычайно рельефно нападеніями крайнихъ правыхъ, несмотря на всю злобность — или, быть можетъ, отчасти благодаря ей, — производившими впечатлѣніе чего-то убогаго и жалкаго. Къ чему сводились обвиненія, взведенныя на графа

П. Н. Игнатьева? Если не считать указанія на предоставленіе нѣкоторыхъ школьныхъ помѣщеній подъ лазареты для раненыхъ, — предоставленіе, которому министерство помѣшать, при условіяхъ военнаго времени, очевидно, не могло, — остаются только два обвинительныхъ пункта: постановка на очередь широкихъ преобразованій, вопреки лозунгу: сначала окончаніе войны, потомъ реформы, и переполненіе высшей школы студентами-евреями. Конечно, первый упрекъ былъ усложненъ увѣреніемъ, что въ реформируемую школу не вносится ничего новаго, національнаго и сохраняется слишкомъ много нѣмецкаго; но вѣдь не трудно представить себѣ, какую новизну ввели бы въ школу гг. Левашевы и К°, а ссылка на избытокъ нѣмецкаго напоминаетъ тѣ ядовитые газы, которые пускаетъ въ ходъ нѣмецкая тактика. Сближеніе съ нѣмцами, въ настоящую минуту, излюбленный способъ аргументаціи, разъ что ей недостаетъ внутренней силы. Министерство народнаго просвѣщенія усвоило себѣ ту простую истину, что, не имѣя возможности принять непосредственное участіе ни въ отраженіи врага, ни въ заготовкѣ средствъ обороны, оно должно трудиться надъ своими мирными задачами и способствовать, такимъ образомъ, подготовленію лучшаго будущаго для народа. Что касается до второго обвиненія, то опроверженіе его лежитъ въ немъ самомъ. Г. Левашовъ ставитъ въ вину министерству распространеніе льготы, дарованной дѣтямъ участниковъ войны, на всѣхъ лицъ, которыя, за смертью своихъ отцовъ или за утратой ими работоспособности, находятся на иждивеніи родственниковъ несущихъ службу въ дѣйствующей арміи. Итакъ, гг. крайнихъ правыхъ возмущаетъ доброжелательное вниманіе къ лицамъ, и прямо, и косвенно пострадавшимъ отъ войны! Комментаріи излишни... Приходя въ ужасъ отъ числа евреевъ, принятыхъ въ университеты, г. Левашовъ увѣряетъ, что министерство ограничило этимъ самымъ число студентовъ другихъ національностей, не исключая и русскихъ. Докладчикъ по смѣтѣ, Е. П. Ковалевскій, категорически удостовѣрилъ, что ни одно лицо не-еврейскаго происхожденія, имѣвшее право и желаніе поступить въ университетъ, не было лишено этого права. И все-таки г. Марковъ 2-ой, въ слѣдующемъ засѣданіи, продолжалъ увѣрять, что высшая школа на 80—90% захвачена евреями! Этотъ же депутатъ приписывалъ графу П. Н. Игнатьеву предложеніе не подвергать раньше требовавшимся испытаніямъ докторовъ медицины, получившихъ эту степень въ иностранныхъ университетахъ. Графъ Игнатьевъ не замедлилъ доказать, что предложеніе это состоялось въ силу закона, разъясненнаго Прав. Сенатомъ!.. И вотъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ г. Марковъ рѣшился утверждать,

что слѣдовало бы образовать слѣдственную комиссію, для обревизованія всѣхъ дѣяній гр. Игнатьева! Нѣсколько дней спустя съ думской трибуны было выражено удивленіе, почему онъ не предложилъ ничего подобнаго по отношенію къ министерству путей сообщенія. Противорѣчіе тутъ есть безспорно, и самое вопіющее; но это только частный случай изъ той практики крайнихъ правыхъ, о которой упомянуто выше, частный случай примѣненія готтентотской морали, въ силу которой преступное по отношенію къ другу похвально по отношенію къ врагу... Для довершенія характеристики крайнихъ правыхъ остается только привести послѣднія слова рѣчи депутата Левашова: „Что бы сказалъ выдающійся дѣятель прошлаго столѣтія графъ Н. П. Игнатьевъ о дѣятельности теперешняго министерства народнаго просвѣщенія?“

Интереснымъ матеріаломъ для той же характеристики является эпизодъ думскаго засѣданія 26-го марта. Депутатъ Шингаревъ, въ блестящей и убѣдительной, какъ всегда, рѣчи, очертилъ положеніе нашихъ финансовъ, созданное войною[1]), и указалъ на желательность болѣе тѣснаго финансоваго единенія съ нашими союзниками, въ видѣ бо̀льшаго участія ихъ въ заключаемыхъ нами займахъ. Съ этимъ не согласился г. Марковъ 2-ой. „Если русскій народъ, — воскликнулъ онъ, — затрачиваетъ гораздо больше своей крови, чѣмъ наши союзники, не говоря уже о томъ, что кровь невозможно расцѣнивать на деньги, то эту несправедливость можно возмѣстить не заграничными займами, а прямыми субсидіями нашихъ союзниковъ въ пользу Россіи“. Противъ этихъ словъ горячо протестовалъ А. И. Шингаревъ. „Когда-нибудь, — сказалъ онъ, — мы разберемъ расходы на войну и раздѣлимъ ихъ соотвѣтственно понесеннымъ каждымъ тратамъ, но для великой нашей державы просить субсидіи невмѣстно ея достоинству“. Слова А. И. Шингарева, — гласитъ отчетъ, — покрываются аплодисментами слѣва и въ центрѣ. Слѣва раздаются возгласы: „на содержаніе нельзя идти!“ Не трудно рѣшить, съ чьей стороны шла въ данномъ случаѣ охрана государственной чести. Что было болѣе или менѣе понятно полтора столѣтія тому назадъ, въ эпоху императрицы Елизаветы, для бѣдной, мало населенной, совершенно не культурной Россіи, вовлеченной въ войну, чуждую ея реальнымъ интересамъ, то слишкомъ мало подходило бы къ роли міровой державы, сознательно ведущей

---

[1]) Уясненію этого положенія не мало способствовало бы предложенное А. И. Шингаревымъ, но отклоненное большинствомъ Думы включеніе въ роспись на 1916 годъ суммы въ 190 милліоновъ рублей, необходимой для уплаты процентовъ по военнымъ займамъ.

борьбу, одинаково важную для нея самой, для ея союзниковъ, для всего человѣчества!

Продолжая играть выдающуюся роль въ преніяхъ и рѣшеніяхъ Государственной Думы, диктуя формулы перехода, знаменующія собою глубокую рознь между министерствомъ и народнымъ представительствомъ, прогрессивный блокъ не оправдалъ въ одномъ случаѣ возбужденныхъ имъ ожиданій. Въ засѣданіи 10-го марта онъ понесъ тяжкое пораженіе — и, что всего печальнѣе, понесъ его по собственной своей винѣ. Способствуя внесенію запроса, предметомъ котораго служили извѣстные анти-еврейскіе циркуляры, лѣвыя группы прогрессивнаго блока должны были сознавать неизбѣжность бурныхъ столкновеній, и, слѣдовательно, необходимость такого плана дѣйствій, которымъ предусматривались бы всѣ способы покончить борьбу если не побѣдоносно, то почетно. Что это не было сдѣлано, доказательствомъ тому служитъ печальный исходъ дѣла. Извиненіе ему ищутъ, повидимому, въ содержаніи офиціальнаго отвѣта, даннаго представителями министерства. Правыя и центральныя группы блока нашли его удовлетворительнымъ; настаивать затѣмъ на голосованіи запроса значило бы идти навстрѣчу вѣрной неудачѣ, и не оставалось ничего другого, кромѣ отказа отъ запроса, на что, скрѣпя сердце, и рѣшились депутаты-евреи. Для оцѣнки этого оправданія нужно припомнить, что сказалъ, отъ имени министерства внутреннихъ дѣлъ, авторъ циркуляра департамента полиціи, г. Кафафовъ. Онъ утверждалъ, что свѣдѣнія, давшія поводъ къ циркуляру, были получены департаментомъ изъ „высокоавторитетнаго источника“; онъ восхвалялъ осторожность, выразившуюся въ секретномъ характерѣ и „объективномъ“ изложеніи циркуляра, разосланнаго только „для свѣдѣнія“ власть имѣющихъ лицъ и учрежденій; онъ отрицалъ всякую аналогію между такимъ офиціальнымъ актомъ и погромной литературой, проникающей „въ гущу населенія“; онъ находилъ, что опасность возбужденія страстей возникла лишь послѣ того, какъ циркуляръ, вслѣдствіе вызваннаго имъ запроса, получилъ широкую огласку.

Авторитетность источника, г. Кафафовымъ не названнаго, осталась недоказанною; но какъ бы она, въ глазахъ департамента полиціи, ни была велика, она могла свидѣтельствовать только о достовѣрности отдѣльныхъ фактовъ и не давала никакого права на обобщеніе, сдѣланное департаментомъ. Изъ образа дѣйствій нѣсколькихъ, хотя бы и довольно многочисленныхъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной національности, нельзя выводить заключеніе, неблагопріятное для послѣдней. Между тѣмъ смыслъ цир-

куляра состоялъ именно въ огульномъ заподозрѣваніи данной части населенія. На мѣстную полицію онъ возлагалъ, хотя бы и не ipsissimis verbis, обязанность искать виновниковъ исчезновенія монеты или повышенія цѣнъ прежде всего и больше всего среди евреевъ. Совершенно ясно, что „объективными" разслѣдованія, предпринимаемыя съ такою предвзятою мыслью, ни въ какомъ случаѣ быть не могли, особенно разъ что эта мысль была внушена начальствомъ. Указаніе, идущее сверху, близко граничитъ съ приказаніемъ. Но это еще далеко не все. Тайна „секретнаго циркуляра" очень легко становится прозрачной, даже помимо какой бы то ни было нескромности со стороны его получателей. Внезапное усиленіе подозрительности, направленное въ опредѣленную сторону, неизбѣжно обращаетъ на себя вниманіе, возбуждаетъ слухи, толки, догадки, отъ которыхъ иногда недалеко и до поступковъ. Въ настоящую минуту, когда такъ дорого внутреннее спокойствіе, усилія власти больше чѣмъ когда-либо должны быть направлены къ предупрежденію подобныхъ явленій, а циркуляръ увеличивалъ ихъ возможность. Въ этомъ и заключается его сходство съ погромной литературой. Болѣе чѣмъ неудачной является, наконецъ, попытка перенести отвѣтственность съ департамента полиціи на авторовъ запроса, благодаря которымъ „секретный циркуляръ" получилъ широкую извѣстность. Распоряженія этого рода особенно опасны тогда, когда вокругъ нихъ сгущается мракъ, когда неизвѣстны съ точностью ихъ основы, ихъ мотивы. Оглашенныя во всеобщее свѣдѣніе, они не только встрѣчаютъ въ широкихъ сферахъ общества должную оцѣнку, но получаютъ и офиціальное разъясненіе, болѣе или менѣе смягчающее ихъ остроту. Именно такой характеръ имѣла послѣдняя часть рѣчи, произнесенная г. Кафафовымъ въ засѣданіи 10-го марта. Оправданіемъ циркуляра эта рѣчь, тѣмъ не менѣе, служить не могла и основаній къ простому снятію запроса т. е. къ признанію правильности дѣйствій департамента полиціи, она не давала.

Что же произошло въ Думѣ послѣ выслушанія объясненій г. Кафафова? Первой ошибкой было прекращеніе преній, противъ котораго голосовали только крайніе лѣвые, депутаты-евреи и нѣкоторые изъ числа правыхъ (какую цѣль при этомъ имѣли въ виду послѣдніе — угадать не трудно). Совершенно ясно, что у авторовъ запроса — да и у другихъ, ему сочувствовавшихъ, — не слѣдовало отнимать возможности отвѣтить представителямъ власти; недаромъ же выступленіе кого-либо изъ рядовъ правительства признается обычно поводомъ къ возобновленію преній, хотя бы и объявленныхъ прекращенными... Второй аномаліей было возобновле-

ніе засѣданія ровно черезъ пять минутъ послѣ перерыва, тогда какъ „пятиминутные“, по названію, перерывы обычно продолжаются минутъ 10—15. Въ данномъ случаѣ экстраординарная поспѣшность имѣла послѣдствіемъ допущеніе рѣчи гр. Капниста (земца-октябриста) по мотивамъ голосованія, для которой не было бы мѣста, если бы депутатамъ-евреямъ дано было время узнать объ исходѣ происходившаго, послѣ объявленія перерыва, совѣщанія членовъ бюро прогрессивнаго блока. Всего важнѣе самое рѣшеніе блока, состоявшееся, вѣроятно, по большинству голосовъ, но признанное, повидимому, обязательнымъ для всѣхъ его членовъ. Принадлежалъ ли настоящій случай къ категоріи тѣхъ, въ которыхъ часть должна уступать цѣлому, коллективная воля блока — подчинять себѣ въ одинаковой мѣрѣ волю всѣхъ группъ, изъ которыхъ онъ состоитъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Смыслъ блока — въ преслѣдованіи общими силами ряда поставленныхъ имъ задачъ; но, независимо отъ этихъ задачъ, могутъ возникать и другія, различныя отношенія къ которымъ, а, слѣдовательно, и къ обусловливаемому ими различію въ способѣ дѣйствій, вполнѣ совмѣстимы съ существованіемъ и назначеніемъ блока. Именно такою задачей была та, которую создалъ „еврейскій запросъ“; предстояло дать оцѣнку одному изъ проявленій правительственной дѣятельности — оцѣнку, въ которой могли разойтись между собою члены блока, не отступая отъ своей общей программы, не отказываясь отъ стремленія къ общей цѣли. Если недостаточно побѣжденныя предубѣжденія мѣшали правымъ группамъ блока высказаться противъ огульнаго заподозрѣванія евреевъ, то это не должно было отразиться на тактикѣ лѣвыхъ группъ, самымъ участіемъ своимъ во внесеніи запроса обнаружившихъ свое отрицательное отношеніе къ данному циркуляру. Или, быть можетъ, нужно было предупредить, во что бы то ни стало, „провалъ“ запроса, неизбѣжный при разногласіи въ средѣ блока? Но развѣ получившійся теперь результатъ лучше провала? Развѣ заявленіе гр. Капниста не показало съ полною ясностью, что „провалъ“ неизбѣженъ, и только потому снимается запросъ? Подавъ голосъ за резолюцію, порицающую циркуляръ, лѣвые члены блока, конечно, не обезпечили бы за нею большинства, но показали бы съ полною ясностью, что значительная часть Думы объясненіями г. Кафафова удовлетвориться не можетъ. Не было бы побѣды, но не было бы и пораженія; не было бы повода предполагать, что существованіемъ блока стѣснена свобода оппозиціонныхъ думскихъ фракцій.

Если бы не тотъ ускоренный темпъ, въ которомъ шло, послѣ перерыва, засѣданіе Думы, препятствіемъ къ снятію запроса послу-

жило бы, быть можетъ, содержаніе объясненій гр. Капниста. Онъ указалъ на опасность еврейскаго вопроса, неизбѣжно разжигающаго въ Думѣ страсти и нарушающаго спокойствіе, столь необходимое въ настоящую минуту. Въ подтвержденіе своей мысли онъ сослался на тяжелыя сцены, происходившія въ засѣданіи 8-го марта, при самомъ приступѣ къ разсмотрѣнію запроса. Да, эти сцены были очень тяжелы; но чѣмъ онѣ были вызваны? Безпримѣрною грубостью оскорбленій, которыми осыпалъ евреевъ — и не однихъ евреевъ — деп. Замысловскій, и безконечною снисходительностью, съ которою относился къ нему предсѣдательствовавшій въ засѣданіи. И когда, наконецъ, истощилось терпѣніе наиболѣе пылкихъ слушателей, дисциплинарной мѣрѣ подвергся не оскорбитель, а тотъ, кто „протестовалъ противъ оскорбленій". Неужели одной возможности повторенія подобныхъ возмутительныхъ явленій было достаточно для того, чтобы избѣгать постановки существенно важныхъ вопросовъ или насильственно полагать конецъ ихъ обсужденію? Вѣдь при такомъ взглядѣ на дѣло отъ крайнихъ правыхъ всегда зависѣло бы установленіе границы, дальше которой не должна идти Дума. Пренія были прекращены, но если бы запросъ не былъ снятъ, возраженіе гр. Капнисту евреевъ и лѣвыхъ членовъ блока могло бы быть облечено въ форму объясненія по мотивамъ голосованія.

Если со стороны прогрессивнаго блока была допущена прискорбная ошибка, то еще бо́льшей ошибкой я считаю тѣ преувеличенныя нападенія, которымъ онъ подвергся въ нѣкоторыхъ органахъ печати. Вполнѣ понятны рѣзкія выходки слѣва, т. е. со стороны тѣхъ, кто съ самаго начала признавалъ программу блока недостаточною, самое образованіе блока — ненужнымъ или даже вреднымъ. Но со стороны тѣхъ, кто видѣлъ и видитъ въ прогрессивномъ блокѣ средство осуществленія ближайшихъ, насущныхъ задачъ, едва ли цѣлесообразно объявлять его „не выдержавшимъ экзамена элементарной политической твердости и мужества". Гораздо правильнѣе точка зрѣнія „Русскихъ Вѣдомостей": рѣшительно осуждая „какъ бы отсутствіе", въ засѣданіи 10-го марта, „прогрессивнаго блока", онѣ не выводятъ отсюда пессимистическаго заключенія о его будущемъ. Пускай не повторяется ошибка, но пускай продолжаетъ существовать и укрѣпляться союзъ, отвѣчающій требованіямъ минуты. По самому своему существу коалиція не можетъ быть долговѣчной; но кто сочувствуетъ ея основной мысли, тотъ не долженъ содѣйствовать преждевременному ея распаду. Можно, впрочемъ, надѣяться, что рѣшительнаго вліянія на судьбу блока печальный инцидентъ имѣть не будетъ. 18-го марта состоялось засѣданіе бюро блока, въ которомъ установленъ планъ дальнѣйшей его дѣятельности

П. Н. Милюковъ просилъ гр. Капниста разъяснить смыслъ заявленія, сдѣланнаго имъ въ засѣданіи 10-го марта, такъ какъ многіе видятъ въ немъ отказъ отъ выполненія соотвѣтствующаго пункта программы блока. Графъ Капнистъ удостовѣрилъ, что такого значенія его слова не имѣли.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . . Въ печати („Рѣчь“, № 78) появились недавно отрывки изъ письма Е. К. Брешко-Брешковской, большую часть своей долгой жизни (ей около 75 лѣтъ) проведшей въ ссылкѣ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя она всегда переносила мужественно и бодро. Только теперь, когда установленный за нею надзоръ не даетъ ей дышать спокойно, изъ устъ ея раздается жалоба на судьбу. Нельзя читать эту жалобу безъ глубокаго возмущенія. . . . .

. . . .

Вся Сибирь праздновала на-дняхъ пятидесятилѣтній юбилей П. И. Макушина, чрезвычайно много сдѣлавшаго для народнаго просвѣщенія особенно въ Томскѣ, гдѣ по его почину основано въ 1882 г. общество попеченія о начальномъ образованіи, съ девизомъ: „Ни одного неграмотнаго“, а въ 1912 г. открытъ созданный на его крупныя пожертвованія „Домъ науки“, т. н. народный университетъ. Функціонированіе его могло, однако, начаться лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: пока министромъ былъ Л. А. Кассо, оно признавалось „нецѣлесообразнымъ и нежелательнымъ“. Чѣмъ больше препятствій такіе люди, какъ П. И. Макушинъ, встрѣчаютъ на своемъ пути, тѣмъ выше и драгоцѣннѣе ихъ заслуга.

Скончавшійся 11-го марта А. А. Сабуровъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, слишкомъ многочисленныхъ у насъ людей, которые сдѣлали много, но могли бы сдѣлать гораздо больше. Въ молодости онъ быстро выдвинулся въ первые ряды судебныхъ дѣятелей, поставившихъ на должную, не превзойденную съ тѣхъ поръ высоту обновленное русское правосудіе. Память о немъ, какъ объ образцовомъ представителѣ суда съ присяжными, до сихъ поръ хранится среди юристовъ. Больше чѣмъ кто-либо другой онъ содѣйствовалъ установленію тѣхъ традицій, которыя могутъ быть временно забыты, но должны воскреснуть съ общимъ подъемомъ русской жизни. Онъ далъ незабываемые образцы правильнаго веденія судебнаго слѣдствія; въ значительной мѣрѣ благодаря ему у насъ пустилъ глубокіе корни перекрестный допросъ и выработался нормальный типъ заключительнаго слова, обращеннаго къ присяжнымъ. Въ 1880 г., когда блеснула мимолетная надежда на движеніе, выходъ изъ томительнаго застоя, передъ А. А. открылась перспектива широкой дѣятельности; назначенный на мѣсто ненавистнаго всему русскому обществу гр. Д. А. Толстого, онъ былъ призванъ къ тому, чтобы возвратить министерству народнаго просвѣщенія совершенно утраченный имъ просвѣтительный характеръ. И его намѣренія соотвѣтствовали этой цѣли. Достаточно сказать, что они были прямо противоположны начатому его предшественникомъ и довершенному его преемниками. При А. А. Сабуровѣ университетскій уставъ 1863 г. не уступилъ бы мѣста уставу 1884 года, гимназія не осталась бы подъ гнетомъ мертвящаго псевдо-классицизма, не было бы сдѣлано попытокъ затворить ея двери передъ „кухаркиными дѣтьми“, не были бы искусственно насаждены, съ цѣлью понизить уровень начальнаго обученія, церковно-приходскія школы, не была бы оставлена въ подозрѣніи земская работа въ области народнаго образо-

ванія. Измѣнившаяся политическая обстановка положила конецъ государственной дѣятельности А. А. Сабурова. Въ продолженіе восемнадцати лѣтъ онъ оставался въ сторонѣ отъ той дороги, на которой онъ могъ бы принести всего болѣе пользы; онъ былъ сенаторомъ, но не въ томъ департаментѣ (уголовномъ кассаціонномъ), къ которому его готовила прежняя дѣятельность, и, за исключеніемъ короткаго промежутка времени, не въ первомъ, гдѣ могла бы найти примѣненіе его административная опытность, а въ гражданскихъ департаментахъ. Только въ 1899 году, уже на склонѣ лѣтъ, онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь, въ особенности послѣ возведенія Госуд. Совѣта на степень верхней палаты, онъ игралъ выдающуюся роль, всесторонне освѣтить которую можетъ только исторія нашихъ законодательныхъ учрежденій. Вполнѣ использованной его умственная и нравственная сила все же не была: онъ слишкомъ мало подходилъ къ тѣмъ условіямъ, въ которыя его поставила судьба.

Далеко не заурядным человѣкомъ былъ и скончавшійся нaдняхъ Д. Г. фонъ-Дервизъ. Мои воспоминанія о немъ восходятъ къ пятидесятымъ годамъ прошлаго вѣка, когда онъ былъ редакторомъ гражданскаго отдѣленія департамента министерства юстиціи, потомъ старшимъ юрисконсультомъ. Онъ былъ членомъ перваго времени юридическаго кружка, въ которомъ я участвовалъ съ самаго его основанія. И въ дѣлахъ служебныхъ, и въ частныхъ занятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью приготовленіе къ ожидавшейся тогда судебной реформѣ, онъ одушевлялъ своихъ товарищей глубокимъ интересомъ къ стоявшимъ на очереди вопросамъ, привлекалъ ихъ своею добротою, ровнымъ, веселымъ нравомъ. Когда онъ былъ старшимъ юрисконсультомъ, онъ предложилъ всѣмъ докладчикамъ на консультаціи собираться за два дня до засѣданія, для обсужденія дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію, и эта „предварительная консультація“ какъ мы ее назвали, была очень полезна и для насъ, и для дѣла. Увлекшись, на время, дѣятельностью своего брата, извѣстнаго желѣзнодорожнаго предпринимателя П. Г. фонъ-Дервиза, онъ отказался отъ участія въ ней, какъ только предстояло введеніе судебныхъ уставовъ, и былъ первымъ, занявшимъ должность оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента. Авторитетъ его заключеній былъ очень великъ; но его законное стремленіе къ полной независимости вовлекло его въ конфликтъ съ министромъ юстиціи, гр. Паленомъ, и онъ оставилъ должность, а вмѣстѣ съ нею и службу. Десять лѣтъ спустя, по представленію новаго министра юстиціи, Д. Н. Набокова, онъ былъ назначенъ сенаторомъ, и это назначеніе, какъ и одновременное съ нимъ возвращеніе В. А. Половцова въ судебное вѣдом-

ство [1]), возбудило въ судебныхъ сферахъ всеобщую радость. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ призванъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ примыкалъ — до преобразованія 1906 года — къ небольшой группѣ вѣрныхъ завѣтамъ эпохи великихъ реформъ. Въ послѣдніе годы (онъ скончался въ весьма преклонномъ возрастѣ) физическая слабость не позволяла ему присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ.

К. Арсеньевъ.

[1]) В. А. Половцовъ впалъ въ немилость, какъ снисходительный — съ офиціальной точки зрѣнія — обвинитель по нечаевскому процессу 1871 года.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Черты общественно-политическаго облика М. М. Ковалевскаго. — Его терпимость и отзывчивость. — М. М. Ковалевскій въ первой Думѣ. — Депутатъ-учитель. — Его аргументація въ пользу отвѣтственнаго министерства. — Къ десятилѣтію созыва первой Думы. — Была ли первая Дума жизнеспособна? — В. П. Обнинскій.

Покойный М. М. Ковалевскій среди насъ былъ европейцемъ, а въ Европѣ — русскимъ. Въ Парижѣ, Брюсселѣ, Стокгольмѣ и Чикаго слушавшіе его лекціи, бесѣдовавшіе съ нимъ лично, даже близкіе друзья и читавшіе его ученыя работы никогда не ошибались и не могли ошибаться: для нихъ онъ былъ всегда неизмѣннымъ русскимъ — представителемъ русской научной мысли и русскимъ политическимъ дѣятелемъ. Какъ ни великъ срокъ восемнадцатилѣтняго вынужденнаго пребыванія внѣ родины, какъ ни втягиваетъ въ себя чужая культура, создающая, помимо воли эмигранта, новые навыки и ломающая унаслѣдованныя отъ предковъ и воспринятыя съ дѣтства точки зрѣнія на факты и явленія, — М. М. Ковалевскій сумѣлъ оградить себя отъ засасывающаго вліянія иноземнаго быта и сохранилъ въ себѣ того самаго человѣка, какимъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда покинулъ Москву и каѳедру московскаго университета. Онъ и тогда, согласно нашей номенклатурѣ, былъ западникомъ, — по образу мыслей и по теоретическимъ убѣжденіямъ. Это его западничество, въ теченіе восемнадцати лѣтъ непосредственнаго общенія съ научной, политической и литературной жизнью Запада, въ немъ, конечно, углубилось, въ него вкоренилось и стало неотъемлемой частью его духовнаго облика. Но оно не сдѣлало его ни французомъ, ни англичаниномъ, потому, какъ только вынужденность заграничнаго пребыванія отпала, М. М. Ковалевскій вернулся „домой".

Такъ до столыпинскаго землеустройства возвращались „домой" съ фабричныхъ заработковъ крестьяне-землеробы. Еще недавно, и

десять, и двадцать даже лѣтъ жизни въ фабричномъ центрѣ и работы у машины или станка не отрывали крестьянъ отъ родной деревни и отъ дѣдовской полосы. Съ горемъ и слезами они уѣзжали изъ „дома", — уѣзжали потому, что такъ заставляла дѣлать деревенская нужда. И едва подросталъ на смѣну сынъ, отецъ, не раздумывая, бросалъ городъ, со всѣми соблазнами его легкой жизни, съ работой въ теплѣ и подъ крышей, и возвращался „домой", чтобы спрятать подъ замокъ чистую городскую одежду и чтобы, питаясь хлѣбомъ и квасомъ, лѣтомъ — ходить за плугомъ или съ косой, зимой — ѣздить въ лѣсъ, весной — тонуть въ грязи, осенью — отбивать дробь цѣпомъ на овинѣ.

Не харьковскій хуторъ, конечно, былъ для М. М. Ковалевскаго его „домомъ", которому принадлежали его мысли и мечты, — когда онъ работалъ въ Британскомъ музеѣ и въ книгохранилищахъ Парижа, или когда онъ учреждалъ во Франціи Высшую русскую вольную школу, или когда изучалъ парламентскій строй Англіи, читалъ лекціи, отдыхалъ въ Больё, или переплывалъ океанъ. Его „домомъ", куда его всѣ долгіе годы наудержимо влекло и котораго онъ не забывалъ и не забылъ, была вся необъятная Русская земля. Рухнули внѣшнія препятствія, и онъ немедленно пріѣхалъ, — пріѣхалъ не какъ гость, не на время: онъ вернулся „домой". На М. М. Ковалевскомъ сказалась во всей мощи власть малокультурной русской земли, терзаемой бѣдами, произволомъ и безправіемъ. Условія русской земли безжалостны. Они не считаются ни съ талантомъ, ни съ геніальностью. Они выбросили за бортъ служенія русской наукѣ друга Ковалевскаго, Мечникова. И Мечниковъ пріобрѣлъ второе отечество. Онъ даритъ Россію своими пріѣздами, но онъ не вернулся къ намъ „домой". Изгнаніе создало ему другой „домъ".

М. М. Ковалевскій вернулся „домой" въ августѣ 1905 года и сразу вошелъ въ бурно кипѣвшую тогда нашу политическую жизнь. Русская общественность его впервые увидала на сентябрьскомъ московскомъ земскомъ съѣздѣ. Хотя онъ не былъ ни земцемъ, ни представителемъ какой-либо національности, — главный предметъ занятій того съѣзда составлялъ національный вопросъ, — но бюро съѣзда поспѣшило сдѣлать для него исключеніе. И у всѣхъ многочисленныхъ участниковъ съѣзда, навѣрное, сохранились въ памяти тѣ аплодисменты, которыми было встрѣчено его появленіе за столомъ президіума. Этими аплодисментами русская общественность привѣтствовала изгнанника, именемъ котораго, за время его изгнанія, стала гордиться изгнавшая его страна. Ими привѣтствовалась достигнутая побѣда, давшая возможность Ковалевскому вернуться. Но были въ залѣ и тѣ, кто, аплодируя, просили у него прощенія

страданія изгнанія. Въ то время нарождалось у насъ, такъ и не народившееся затѣмъ, сознаніе отвѣтственности народа за дѣйствія власти...

На сентябрьскомъ съѣздѣ М. М. Ковалевскій или не говорилъ вовсе, или, во всякомъ случаѣ, не говорилъ ничего значительнаго, по крайней мѣрѣ, такого, что ярко осталось въ памяти. Послѣ долгаго отсутствія онъ приглядывался. Но затѣмъ не прошло и мѣсяца, какъ имя его стало буквально каждый день встрѣчаться на столбцахъ газетъ, — то въ видѣ подписи подъ статьями, то какъ лектора или оратора на публичномъ собраніи, то какъ иниціатора или устроителя того или другого общественнаго дѣла. М. М. Ковалевскій привезъ къ намъ, вмѣстѣ съ европейской извѣстностью, съ знаніями и эрудиціей, во-первыхъ, изумительную способность къ непривычной у насъ, особенно тогда, сложной и разносторонней политической работѣ и, во-вторыхъ, столь мало намъ знакомое умѣнье жить на людяхъ, быстро завязывать отношенія съ людьми, входить въ личное общеніе съ ними и сосредоточивать вокругъ себя не только близкихъ, но порой и очень отдаленныхъ по общественно-политическимъ воззрѣніямъ друзей.

М. М. Ковалевскій не былъ организаторомъ, въ смыслѣ человѣка, соединяющаго даръ иниціативы съ энергіей проведенія ея въ жизнь. Онъ даже не всегда вѣрно разбирался въ качествахъ и свойствахъ привлекаемыхъ имъ къ работѣ общественныхъ дѣятелей. И, несмотря на это, такъ повелось, что М. М. исключительно быстро сдѣлался тѣмъ центромъ, къ которому стремились люди, безконечно разнообразные по положенію, по убѣжденіямъ, по профессіи. Секретъ этого стремленія къ М. М. Ковалевскому, какъ къ центру, заключался именно въ томъ, что среди насъ онъ былъ своимъ, русскимъ, и въ то же время европейцемъ. Мы и до сихъ поръ въ области политики переживаемъ годы молодости, съ ихъ страстностью, малой терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ и съ ихъ склонностью замыкаться въ тѣсномъ кругу полнаго единства мыслей. Ковалевскій пріѣхалъ изъ-за границы человѣкомъ, уже пережившимъ эти годы. Терпимость была его основной чертой. При совершенной законченности политическаго міросозерцанія и при непоколебимой твердости вѣрованій и убѣжденій, онъ не только не сторонился тѣхъ, кто держался иныхъ, чѣмъ онъ, воззрѣній, но, наоборотъ, съ особенной охотой съ ними встрѣчался. Его терпимость шла настолько далеко, что она нерѣдко даже обманывала людей, наиболѣе ему близкихъ. И они, случалось, укоряли его въ излишней мягкости и въ чрезмѣрной снисходительности. Но въ дѣйствительности это была отнюдь не напрасная мягкость, а только чуждая сектантства терпимость.

Едва ли можно перечислить всѣ тѣ общественныя начинанія, которыя за десять лѣтъ жизни Ковалевскаго среди насъ вокругъ него зародились, создались и окрѣпли. Зародилась мысль создать литературно-политическій кружокъ имени Герцена, — иниціаторовъ потянуло прежде всего къ Ковалевскому. Возникла идея создать общество „Миръ", — во главѣ общества сталъ Ковалевскій. Уже во время войны союзъ съ Англіей подсказалъ образованіе „Общества англійскаго флага", — всѣ предварительныя собранія и обсужденія происходили въ извѣстной всему Петрограду квартирѣ на Моховой. Умеръ П. Ф. Лесгафтъ, — профессора и преподаватели Лесгафтовскихъ курсовъ въ одинъ голосъ рѣшили, что во главѣ дѣла долженъ встать Ковалевскій, и онъ не отказался. Нужно было гласнымъ петроградской городской думы переговорить по поводу предстоявшаго избранія городского головы, — М. М. Ковалевскій предоставилъ свою квартиру и разрѣшилъ разослать приглашенія отъ его имени. Вольное Экономическое общество переживало нелегкій президентскій кризисъ, — дѣятели общества обратились къ Ковалевскому, и онъ принялъ избраніе. Въ смутные годы въ университетѣ онъ былъ предсѣдателемъ профессорскаго дисциплинарнаго суда. Предварительныя совѣщанія объ образованіи прогрессивнаго парламентскаго блока тоже происходили у него, на Моховой.

Этотъ бѣглый, намѣренно случайный, перечень характерно показываетъ, какъ велика была общественная тяга къ Ковалевскому и какъ безпредѣльна была его отзывчивость. Какъ только у него хватало времени! Онъ читалъ лекціи въ университетѣ, въ политехникумѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ, въ психоневрологическомъ институтѣ, онъ только по болѣзни пропускалъ засѣданія Государственнаго Совѣта, онъ писалъ рецензіи для академіи наукъ, рѣдкія книги „Вѣстника Европы" и двухъ энциклопедическихъ словарей выходили безъ его статей, онъ принималъ участіе рѣшительно во всѣхъ крупныхъ общественныхъ юбилеяхъ и поминкахъ, чуть не каждую недѣлю онъ то говорилъ, то предсѣдательствовалъ въ публичныхъ собраніяхъ. И онъ еще находилъ часы, чтобы писать въ газетахъ и ѣздить по министрамъ съ просьбами за томящихся въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ и объ отмѣнѣ каръ, налагавшихся на „неблагонадежныя" общества... Любопытная подробность: когда бывшіе первые избранники народа, въ виду предстоящаго десятилѣтія дня 27 апрѣля 1906 года, задумали издать сборникъ статей, посвященныхъ первой Думѣ, М. М. Ковалевскій принялъ ближайшее участіе въ собраніи редакторовъ, и въ портфель редакціи его рукопись поступила первою.

М. М. Ковалевскій, вернувшись въ Россію и вступая въ роль

политическаго дѣятеля и борца, на первыхъ же порахъ, по обычаямъ Запада, создалъ свою газету. Но подчинить западнымъ обычаямъ русскую дѣйствительность „Странѣ“ не удалось. Черезъ годъ съ небольшимъ изданіе газеты прекратилось. Приходилось ей за этотъ годъ и „перефамиливаться“ изъ „Страны“ въ „Телеграфъ“, а Ковалевскому пришлось, въ итогѣ, познакомиться со скамьей подсудимыхъ. По счастью, скамья подсудимыхъ не обратила его въ категорію невѣдомыхъ Западу и созданныхъ русскимъ „правовымъ“ строемъ гражданъ, — не лишенныхъ правъ по суду и, все-таки, „по разъясненію“, ихъ не имѣющихъ.

Осенью 1905 года все совершалось у насъ съ головокружительной быстротой. Съ такой же быстротой слагались политическія партіи. Партіи слагались и закрѣпляли свое существованіе требованіемъ соблюденія строгой партійной дисциплины. М. М. Ковалевскій, воспитанный на терпимости и чуждый партійной замкнутости, былъ слишкомъ большой индивидуальностью, чтобы онъ могъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ сдѣлать шагъ къ своему обезличенію. И онъ сталъ однимъ изъ учредителей партіи демократическихъ реформъ, въ основу образованія которой было положено, съ одной стороны, конкретизированіе аграрной программы, а, съ другой, отрицаніе строгой партійной дисциплины. Въ глазахъ лѣвыхъ общественныхъ группъ было непріемлемо второе, въ глазахъ тѣхъ, что стояли на грани между лѣвыми и правыми, — первое. И партія успѣха не имѣла. Но и потомъ Ковалевскій остался вѣренъ сохраненію за собою права независимой и самостоятельной мысли. Ни въ какую другую партію онъ до конца дней не вступалъ, а примкнулъ къ той, такъ называемой, думской группѣ прогрессистовъ, которая объединяетъ людей не столько программными тезисами и вообще твердо формулированными положеніями, сколько общностью прогрессивнаго настроенія.

Присоединенію Ковалевскаго къ прогрессистамъ предшествовала попытка его найти внѣпартійныя формы объединенія лѣвыхъ политическихъ теченій. Послѣ того, какъ положеніе 3-го іюня создало октябристскую „послушную“ третью Думу, въ которой лѣво-оппозиціонное большинство населенія оказалось представленнымъ въ видѣ лишеннаго силы ничтожнаго меньшинства, извнѣ Думы естественны были усилія сплотить это меньшинство въ одно компактное цѣлое. И среди рядовыхъ членовъ всѣхъ партій, начиная отъ тогда еще существовавшей партіи демократическихъ реформъ и продолжая влѣво до самыхъ крайнихъ, эти усилія встрѣтили значительное сочувствіе. Но руководители партій отнеслись къ нимъ отрицательно, и найти формы единенія не удалось.

Прошла, однако, попытка не безрезультатно. Тѣ, кто тогда, въ зиму 1907—1908 гг., такъ часто собирались у М. М. Ковалевскаго, навѣрное помнятъ искреннія бесѣды людей, еще недавно извѣстныхъ другъ другу лишь по имени и еще недавно считавшихъ, что у нихъ другъ съ другомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Эти собранія ярко вспомнились на первыхъ же панихидахъ у гроба Ковалевскаго. Кого только здѣсь не было! Кого только не привлекло горестное извѣстіе о кончинѣ Максима Максимовича!..

Будущій историкъ русской конституціи навѣрное удѣлитъ немало вниманія рѣчамъ М. М. Ковалевскаго въ первой Думѣ. Вся правда о 72-хъ дняхъ первой Думы еще не сказана; но когда она будетъ сказана, то станетъ ясно, какое большое значеніе имѣли бы его профессорскія рѣчи, — если бы судьба сулила первой Думѣ не короткіе 72 дня жизни.

Съ каѳедры юнаго русскаго парламента М. М. говорилъ, какъ профессоръ, какъ учитель. Но это были не лекціи учителя-педанта, внушавшаго почерпнутыя изъ книгъ истины, а рѣчи учителя-оратора, учителя-депутата, убѣждавшаго и доказывавшаго. Русская Дума не имѣла тогда абсолютно никакого опыта. Ей былъ данъ законъ, по нормамъ котораго она должна была дѣйствовать. Но въ чемъ была сильная и въ чемъ была слабая сторона этихъ нормъ, она не знала. Она была охвачена болѣзненно-нетерпѣливой жаждой законодательнаго творчества. Но какъ творить право и въ чемъ состоитъ законодательная техника, подавляющее большинство членовъ Думы совершенно себѣ не представляло.

Почти по каждому возникавшему въ Думѣ вопросу М. М. Ковалевскій входилъ на каѳедру и въ яркихъ краскахъ живого образнаго слова давалъ справку изъ исторіи парламентаризма и изъ дѣйствующаго законодательства Англіи, Америки и Франціи.

Во время преній по поводу отвѣтнаго адреса М. М. Ковалевскій говорилъ нѣсколько разъ, и если соединить эти его рѣчи, то получается сжатая, но полная критическая оцѣнка какъ учрежденія Государственной Думы, такъ и тѣхъ требованій и пожеланій, съ которыми Дума проектировала обратиться къ Монарху. „Законъ 20 февраля, — говорилъ Ковалевскій, — призналъ за вами не право законодательнаго почина, а право въ томъ случаѣ, когда министры и главноуправляющіе отдѣльными частями не внесутъ тѣхъ и другихъ законопроектовъ, поручать вашей комиссіи выработку ихъ, послѣ чего эти проекты могутъ поступить изъ комиссіи въ Думу, при чемъ законъ не указываетъ срока, когда министры

или главноуправляющіе должны выработать проектъ даже по неотложнымъ вопросамъ, и когда вы, слѣдовательно, въ состояніи будете осуществить тѣ слабые зародыши права законодательнаго почина, которые за вами признаны".

Перейдя затѣмъ къ вопросу объ отвѣтственномъ министерствѣ, М. М. продолжалъ: „Господа, вами не обращено достаточнаго вниманія на то, что контроль за администраціей немыслимъ и невозможенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ ваши права въ этомъ отношеніи будутъ сводиться къ обращенію къ министрамъ съ просьбами о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій. Министры въ теченіе неопредѣленнаго числа дней и недѣль вправѣ не давать отвѣта на эти запросы или довольствоваться, какъ единственнымъ отвѣтомъ, указаніемъ на причины, почему они не желаютъ давать свѣдѣній и разъясненій". Въ теченіе истекающихъ десяти лѣтъ русской конституціонной практики законодательныя учрежденія имѣли несчетное число иллюстрацій къ приведеннымъ словамъ Ковалевскаго.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Ковалевскій ярко представилъ первой Думѣ, въ чемъ заключается отличіе политической отвѣтственности отъ отвѣтственности уголовной и насколько вторая никогда не можетъ ни замѣнить первой, ни восполнить ея отсутствія. „Только съ того момента, — говорилъ онъ, — когда къ отвѣтственности судебной присоединилась политическая отвѣтственность министровъ въ Англіи,— что случилось не ранѣе середины XVIII вѣка,— только съ этого момента правило, гласящее: „король не можетъ дѣлать зла", — получило дѣйствительный смыслъ и значеніе". И вслѣдъ за этимъ обычнымъ обоснованіемъ политической отвѣтственности министровъ Ковалевскій отмѣтилъ еще два положенія, переносящія вопросъ изъ области принципіальной въ область практическую.

„Политическая отвѣтственность есть якорь спасенія для министровъ, — говорилъ М. М. Ковалевскій. — До тѣхъ поръ, пока не существовало политической отвѣтственности министровъ и необходимости для нихъ выхода въ отставку, когда большинство народныхъ представителей высказывалось противъ ихъ политики, всякій

разъ, когда эта политика вызывала неудовольствіе въ большинствѣ народныхъ представителей, возникало требованіе о судебной отвѣтственности, и за дѣйствія, по природѣ не преступныя, привлекали ихъ къ уголовному суду. Англія XVII вѣка, не знающая политической отвѣтственности, можетъ указать на рядъ процессовъ, которые кончались смертнымъ приговоромъ министрамъ, не совершившимъ акта, по природѣ своей уголовнаго характера, а совершившимъ лишь актъ нецѣлесообразный, но подведенный искусственно подъ понятіе акта преступнаго"... „Министерская политическая отвѣтственность имѣетъ значеніе и для монарха, и для министровъ но она имѣетъ значеніе и для палаты. До тѣхъ поръ, пока у васъ будетъ увѣренность, что вы можете быть только отраженіемъ существующихъ въ Россіи настроеній, вы не будете устанавливать справедливыхъ границъ между легко осуществимыми и вполнѣ назрѣвшими реформами и тѣми реформами, которыя отвѣчаютъ вашимъ политическимъ и общественнымъ идеаламъ. Но разъ надъ вами будетъ висѣть Дамокловъ мечъ, состоящій въ томъ, что каждый изъ васъ въ извѣстный моментъ можетъ быть призванъ къ осуществленію на дѣлѣ предлагаемой вами программы, разъ вы будете близки къ власти и къ той отвѣтственности, которую она создаетъ, вы не позволите себѣ настаивать на ближайшемъ принятіи тѣхъ или другихъ программъ, которыя въ дѣйствительности неосуществимы при данныхъ условіяхъ. Вы будете рекомендовать только тѣ мѣропріятія, которыя вы будете въ состояніи провести въ жизнь, какъ члены правительства".

Ни одинъ самый нерасположенный къ Ковалевскому человѣкъ не найдетъ въ цитированныхъ словахъ и тѣни профессорскаго доктринерства. А насколько неоспорима заключающаяся въ нихъ правда, — развѣ не служатъ для этого исчерпывающимъ доказательствомъ факты нашей парламентской дѣйствительности, хотя бы за послѣднее время? Сложилось ли въ сознаніи членовъ Государственной Думы, безотносительно къ ихъ партійной принадлежности, ясное представленіе объ отвѣтственности? Поднялась ли та мѣра чувства отвѣтственности, съ которою вошли въ Таврическій дворецъ первые избранники народа? Всѣ ли поынѣ предъявляемыя у насъ лѣвыя программныя требованія построены на „справедливомъ" ограниченіи осуществимаго отъ неосуществимаго и назрѣвшаго отъ неназрѣвшаго? Устами Ковалевскаго тогда говорилъ не педантъ-ученый, а профессоръ-психологъ, дѣлившійся извлеченными имъ изъ изученія исторіи конституціонализма фактами и наблюденіями, — тѣми наблюденіями, которыя удостовѣряютъ, что представительныя учрежденія имѣютъ свою, имъ присущую, психологію и что въ госу-

дарственномъ строительствѣ съ этой психологіей нельзя не считаться.

Созванная въ условіяхъ революціи, первая Дума была цѣликомъ захвачена дѣлами внутренней политики, и дѣла политики внѣшней не привлекали ея вниманія. Ковалевскій энергично стремился показать и доказать Думѣ, что отрицать вопросы и дѣла внѣшней политики, сохраняя свое достоинство, она не должна. Такъ, при обсужденіи отвѣтнаго адреса, онъ внесъ предложеніе включить въ адресъ „дополненіе, касающееся отношеній обновленной Россіи къ народамъ Европы и другихъ странъ свѣта". „Я полагаю, — говорилъ онъ, — что Государственная Дума, какъ представительное учрежденіе Россійской Имперіи, не можетъ игнорировать ея отношеній къ другимъ народамъ Европы и должна высказать въ адресѣ свою общую точку зрѣнія, какой внѣшней политикѣ Россіи желаетъ слѣдовать".

Его предложеніе, по сложнымъ и разнообразнымъ причинамъ и соображеніямъ, не встрѣтило сочувствія и было отвергнуто. Но Ковалевскій отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ политическимъ дѣятелямъ, которые легко отказываются отъ своихъ мыслей и которые послѣ одной неудачи не повторяютъ, въ другихъ формахъ и по другимъ поводамъ, не получившаго сочувствія предложенія. Онъ, напротивъ, былъ весьма настойчивъ въ проведеніи своихъ мнѣній и взглядовъ, какъ въ области вопросовъ научныхъ и литературныхъ, такъ ничуть не менѣе въ области вопросовъ политическихъ. Онъ только не облекалъ своей настойчивости въ рѣзкія и угловатыя формы. А потому людямъ, мало его знавшимъ, нерѣдко казалось, что не настойчивость, а скорѣе уступчивость составляетъ свойство его характера. Но людямъ, болѣе близкимъ, хорошо было извѣстно другое. И въ первой Думѣ онъ положительно не пропускалъ ни одного случая, чтобы такъ или иначе подчеркнуть необходимость народнымъ представителямъ всегда помнить, что страна живетъ не одной внутренней жизнью, но что она такъ же точно живетъ жизнью международной.

Эта настойчивость М. М. Ковалевскаго въ стремленіи обратить вниманіе Думы въ сторону внѣшней политики, въ связи со ссылками въ рѣчахъ на примѣры изъ исторіи и изъ законодательства Запада, съ цитатами изъ сочиненій европейскихъ авторитетовъ, имѣла весьма характерное отраженіе въ умахъ трудовиковъ-крестьянъ. Когда въ думскихъ кулуарахъ шли разговоры о министерствѣ изъ членовъ Думы, крестьяне съ большой тщательностью перебирали имена возможныхъ и желательныхъ кандидатовъ, и вокругъ тѣхъ или другихъ именъ часто велись оживленные споры. Но кто долженъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, они рѣшили

въ одинъ голосъ и объ этой кандидатурѣ не спорили. „Кому же, какъ не Максиму Максимовичу, съ иностранцами возиться“, — говорилъ, формулируя мысли думскихъ крестьянъ, кіевскій хохолъ Грабовецкій.

М. М. Ковалевскій былъ иниціаторомъ порученія комиссіи по составленію наказа выработать форму выраженія сочувствія Думы институту третейскаго разбирательства въ международныхъ дѣлахъ. Онъ же первымъ откликнулся съ думской каѳедры на полученную телеграмму изъ Лондона, въ которой 326 членовъ старѣйшаго въ свѣтѣ парламента привѣтствовали членовъ самаго юнаго русскаго парламента и выражали надежду встрѣтиться съ представителями Думы на междупарламентской конференціи въ Вестминстерскомъ дворцѣ. И въ Думѣ минуты сомнѣнія не было въ томъ, что первымъ для поѣздки на конференцію, конечно, долженъ быть избранъ Ковалевскій. Дѣленіе на замкнутыя фракціи и система фракціоннаго представительства въ первой Думѣ еще не успѣли пустить глубокихъ корней. А потому тогда не могло возникать сомнѣній въ томъ, имѣетъ ли право на представительство въ Лондонѣ фракція, къ которой принадлежалъ Ковалевскій и которая насчитывала въ своемъ составѣ всего пять членовъ Думы. И насчитывавшая свыше ста членовъ трудовая группа не сочла для себя обидой, что она была представлена въ лондонской депутаціи только однимъ представителемъ, т. е. въ одинаковомъ числѣ съ партіей демократическихъ реформъ, имѣвшей пять членовъ. Въ лондонской депутаціи тогда получилъ одно мѣсто изъ шести даже М. Я. Острогорскій, вовсе не принадлежавшій ни къ какой партіи и ни къ какой фракціи.

Блестящая рѣчь была сказана М. М. Ковалевскимъ при обсужденіи деклараціи правительства. „Министры какого правительства, — спрашивалъ Ковалевскій, — пришли напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Пришли министры того государства, которое въ 1861 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости. Если бы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣмъ же назиданіями, какими они удостоили насъ сегодня, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли Царя-Освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи, — освобожденіе крестьянъ съ землею!“ Ковалевскій выражалъ надежду, что „сегодняшній урокъ не пропадетъ даромъ для тѣхъ, которые пришли насъ учить“. Въ этомъ онъ ошибся...

Говорилъ М. М. Ковалевскій и по самымъ жгучимъ вопросамъ

въ первой Думѣ — о смертной казни и объ амнистіи. По вопросу о неприкосновенности личности онъ работалъ въ комиссіи. Комиссіонная разработка наказа происходила подъ его предсѣдательствомъ. Памятны еще его выступленія по вопросу о свободѣ собраній и по вопросу о положеніи печати, а также по поводу бѣлостокскаго погрома.

Землевладѣльцы Харьковской губерніи во вторую Думу М. М. Ковалевскаго не пропустили, и съ 1907 года онъ занялъ кресло въ верхней палатѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, по представительству отъ академіи наукъ и отъ университетовъ. И здѣсь, какъ въ Думѣ, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ палаты, часто всходившимъ на трибуну. Говорилъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ тѣмъ же своимъ обычнымъ тономъ, съ той же обычной для него богатой аргументаціей каждаго положенія и каждой мысли. Но содержаніе его словъ и мыслей, среди убѣленныхъ сѣдиной и удрученныхъ служебнымъ опытомъ членовъ Совѣта, не могло, конечно, встрѣчать того живого отзвука, какой оно встрѣчало въ первой Думѣ. Здѣсь его слушали, пожалуй, съ его словъ поучались, но только это поученіе практическаго результата не давало. Ибо здѣсь главный стимулъ голосованія не въ убѣжденіяхъ, а въ подчиненіи убѣжденій условно и специфически понимаемымъ требованіямъ, такъ называемой, высшей политики. Здѣсь М. М. Ковалевскому было тѣсно. Его всегда тянуло въ Думу. Недаромъ онъ былъ однимъ изъ наиболѣе частыхъ посѣтителей думскихъ засѣданій. А — кто знаетъ! — былъ ли бы безъ измѣненій получившійся итогъ пяти лѣтъ работы третьей Думы и четырехъ лѣтъ — четвертой, если бы всѣ эти девять лѣтъ съ трибуны Таврическаго дворца неумолчно звучалъ громкій и сильный надпартійный голосъ Ковалевскаго...

Смерть М. М. Ковалевскаго съ особенной живостью подняла воспоминанія, связанныя съ первой Думой, вернула мысль къ вопросамъ, для объективнаго отвѣта на которые, пожалуй, уже приближается время. Дѣйствительно ли были „лучшими людьми“ тѣ, кто были такъ названы въ день ихъ призыва для „обновленія нравственнаго облика земли русской“, — для „возрожденія ея лучшихъ силъ“? Была ли первая Дума жизнеспособна? Не таила ли она въ себѣ элементовъ разложенія, которые рано или поздно неизбѣжно должны были привести къ досрочному ея роспуску? Могла ли наступить мирная эволюція, если бы первая Дума не была распущена черезъ 72 дня, или каждый лишній день ея жизни приближалъ взрывъ революціи и торжество анархіи?

Авторъ настоящихъ строкъ, имѣющій счастье считать въ

своемъ прошломъ, что онъ тоже принадлежалъ къ составу первой Думы, конечно, далекъ отъ намѣренія взять на себя смѣлость объективнаго отвѣта на поставленные вопросы. Большее, что онъ въ силахъ сдѣлать, это съ условной объективностью передать, послѣ десятилѣтней провѣрки, свои субъективныя впечатлѣнія. Но ему думается, что и при полномъ объективизмѣ отношенія къ факту русской исторіи, имѣющему отнынѣ десятилѣтнюю давность, нельзя, разрѣшая поставленные вопросы, не считаться и съ тѣмъ, что раскрыли истекающія десять лѣтъ.

Почему на языкѣ народа есть слово „перводумецъ" и нѣтъ словъ „втородумецъ" или „третьедумецъ"? Почему и столицы, и уѣздные города, и деревня помнятъ и знаютъ первую Думу, и почему такъ скоро забылись вторая и третья? Почему члены первой Думы не разсыпались безслѣдно, а сохраняютъ и поддерживаютъ общеніе „перводумцевъ" между собой? Почему именованіе себя „перводумцемъ" вездѣ и всѣми встрѣчается съ уваженіемъ? Почему вся Россія помнитъ день 27 апрѣля 1906 года, и почему даже сами члены второй или третьей Думы давно забыли даты, въ которыя они вступили въ Таврическій дворецъ? Неужели всѣ эти вопросы покрываются отвѣтомъ: то была *первая* Дума?

Оцѣнивая первую Думу, необходимо отличать ее до и послѣ 13 мая, — до и послѣ дня оглашенія деклараціи правительства. Составъ Думы, какъ матеріалъ, былъ дѣйствительно представленъ людьми, которыхъ можно было считать лучшими, по чистотѣ намѣреній и по абсолютной искренности желаній. Но у этихъ людей не было руководительства. Они были введены въ Таврическій дворецъ и оставлены. Они наивно мечтали, что со второго же дня приступятъ къ законодательному творчеству и къ устроенію родины, а въ ихъ распоряженіе не позаботились дать ни свода законовъ, ни чернилъ, ни перьевъ, ни бумаги. Даже чиновъ государственной канцеляріи, которые вѣдали дѣлопроизводствомъ по созыву Думы, отъ нихъ увели. И членамъ Думы, которые имѣли, по участію въ земствѣ и въ городскомъ самоуправленіи, хоть нѣкоторый общественно-государственный опытъ, сразу стало ясно, какое критическое создалось положеніе.

Надо отдать должное партіи народной свободы. Она оцѣнила положеніе и прибѣгла къ героическимъ усиліямъ, чтобы заполнить раскрывшуюся передъ Думой пустоту. Явились на-спѣхъ составленные законопроекты, явился набросокъ проекта наказа. Явился хоть призракъ страстно желаемаго Думой огромнаго, захватывающаго „дѣла".

Когда было закончено обсужденіе отвѣтнаго адреса и редакція

поправокъ была поручена комиссіи, комиссія, въ виду поздняго времени, — былъ первый часъ ночи, — обратилась съ просьбой дать ей срокъ до одиннадцати часовъ утра слѣдующаго дня. У Думы въ это время не было рѣшительно никакого ни очередного, ни неочередного дѣла. И, конечно, было совершенно безразлично, немедленно ли или на слѣдующее утро отвѣтный адресъ будетъ окончательно вотированъ. Тѣмъ не менѣе просьба комиссіи вызвала бурю негодованій. Ораторы одинъ за другимъ входили на каѳедру и бросали упреки комиссіи въ томъ, что народъ измучился, что народъ изголодался, что народъ десятки лѣтъ ждетъ земли, — а комиссія желаетъ отдыха. Таково было господствовавшее среди членовъ первой Думы настроеніе.

Это настроеніе, въ смыслѣ возможности привитія первой Думѣ способности къ работѣ, было, во всякомъ случаѣ, скорѣе благопріятнымъ факторомъ, нежели наоборотъ. И сюда надо еще прибавить, что значительная масса членовъ первой Думы, въ отличіе отъ членовъ второй Думы, въ моментъ избранія представляла собой людей, въ партійномъ отношеніи, если не безразличныхъ, то и не закрѣпившихъ своей принадлежности къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, которыя, какъ извѣстно, выборы въ первую Думу бойкотировали. Словомъ, въ первые дни ея существованія, Дума, созванная 27 апрѣля 1906 года, являла исключительно благодарный матеріалъ, который „свое" для населенія и для Думы правительство безъ малѣйшаго труда могло использовать. У власти же тогда было то правительство, глава котораго въ первомъ разговорѣ съ С. А. Муромцевымъ сказалъ, что, по его мнѣнію, раньше всего слѣдуетъ объявить перерывъ занятій Думы на всѣ лѣтніе мѣсяцы, — то правительство, которое взамѣнъ проектовъ коренныхъ реформъ, представило вниманію Думы законопроектъ о постройкѣ оранжереи и прачешной при юрьевскомъ университетѣ.

Въ опроверженіе органической необходимости солидарнаго съ законодательными учрежденіями министерства, политически отвѣтственнаго передъ палатами, обыкновенно приводятъ примѣръ Германіи. Не станемъ спорить. Примѣръ Германіи, можетъ быть, съ совершенной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о возможности существованія конституціонныхъ формъ безъ отвѣтственнаго министерства въ тѣ моменты жизни страны, когда на очереди не стоятъ коренныя реформы. Но мы имѣемъ теперь свой собственный примѣръ, завѣренный десятилѣтнимъ опытомъ, устраняющій всякія сомнѣнія въ томъ, что никакія коренныя реформы немыслимы безъ дружнаго участія въ ихъ созданіи и палатъ, и правительства. И не потому только нужно это дружное участіе, чтобы со стороны

исполнительной власти не было противодѣйствія ихъ преведенію, но такъ же точно потому, что палаты не обладаютъ и никогда не могутъ обладать столь мощнымъ аппаратомъ для подготовительной работы, какой имѣется въ распоряженіи исполнительной власти.

Въ теченіе всѣхъ минувшихъ десяти лѣтъ у насъ ни на минуту не прекращалась борьба между Думой и правительствомъ. Въ дни первой и второй Думы инициатива борьбы шла отъ народнаго представительства, основную въ данномъ отношеніи тенденцію котораго В. Д. Набоковъ формулировалъ словами: „власть исполнительная да покорится власти законодательной". Въ годы третьей Думы инициатива борьбы шла отъ П. А. Столыпина, который въ каждомъ своемъ выступленіи и въ каждомъ актѣ правительственной власти подчеркивалъ, что онъ твердо держится той же самой формулы, только въ ея обратной конструкціи. И если третья Дума не реагировала на борьбу борьбою, а принимала формулу П. А. Столыпина, какъ завѣтъ государственной мудрости, и отвѣчала на борьбу „послушаніемъ", то отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что пять лѣтъ третьей Думы создали нормальный контактъ между Думой и министерствомъ, въ смыслѣ двухъ самостоятельныхъ факторовъ бытія конституціоннаго строя . . . . . .

. . . .

. . . . . Усилія партіи народной свободы приступить къ созданію реформъ въ порядкѣ думской инициативы законодательной работы первой Думы не наладили и наладить не могли. Такой простой законодательный вопросъ, какъ отмѣна смертной казни, Дума технически разрѣшить могла и разрѣшила. Но проекты законовъ объ аграрной реформѣ, о неприкосновенности личности, о свободѣ собраній, о равноправіи и другіе подобные потонули въ безконечныхъ преніяхъ и въ безбрежности высказывавшихся желаній. И по мѣрѣ того, какъ углублялась пропасть между первой Думой и министерствомъ, желанія и требованія становились все болѣе и болѣе безбрежными.

До 13 мая министерство въ сознаніи членовъ первой Думы было для нихъ чужимъ. Послѣ 13 мая установились отношенія

воюющихъ сторонъ. Боевое настроеніе неудержимо наростало въ Думѣ. Но нельзя забывать, что оно наростало и тамъ, откуда должно было идти умиротвореніе. Въ правительственныхъ кругахъ тогда получила господство несчастная мысль установленія параллели между эксцессами революціи и эксцессами въ дѣйствіяхъ власти. Думѣ говорилось: „пусть сперва революціонные элементы откажутся отъ эксцессовъ". И Дума каждый день видѣла, что это не только слова, а твердо и послѣдовательно проводимый принципъ. Отдавшись страстямъ борьбы, наиболѣе экспансивные члены Думы стремились вынести ее за стѣны Таврическаго дворца. Но нельзя забывать, во-первыхъ, того, что тогда печаталось въ правительственныхъ изданіяхъ, а, во-вторыхъ, того, что было послѣднимъ, со стороны министерства, актомъ борьбы съ Думою. Мы имѣемъ въ виду правительственное сообщеніе по земельному вопросу, распубликованное 20 іюня, — сообщеніе, которое было составлено въ ярко полемическомъ изложеніи и которое не скрывало намѣреній авторовъ дискредитировать Думу въ глазахъ населенія.

Одинъ изъ героевъ романа Маркевича „Четверть вѣка назадъ", нарисованный въ славянофильскихъ тонахъ, называлъ реформы „революціей сверху". Онъ относилъ эти слова къ реформамъ Петра, но то былъ лишь образъ, за который авторъ укрывался отъ цензуры. Говоря о „революціи сверху", герой Маркевича, конечно, разумѣлъ не только и не столько реформы Петра, сколько реформы Александра II и изъ нихъ первую — освобожденіе крестьянъ. Подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, въ глазахъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, освобожденіе крестьянъ, освобожденіе съ принудительно отчужденной отъ помѣщиковъ землей, несомнѣнно, было актомъ „революціи сверху". Но развѣ не вѣрно такое опредѣленіе по его существу? Развѣ оно не приложимо ко всякаго рода крупнымъ реформамъ, ломающимъ сложившіеся устои государственнаго, соціальнаго и экономическаго быта?

Можно даже пойти дальше и сказать: реформы въ государствѣ и не могутъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ именно „революціей сверху". Снизу, по волѣ народа, реформъ ни дать, ни создать невозможно. Воля народа, — „революція снизу", — можетъ лишь измѣнить условія, при которыхъ реформы будутъ созданы и даны. Ибо реформы могутъ явиться только какъ слѣдствіе, а не какъ актъ революціи.

Въ приложеніи къ формамъ конституціоннаго строя, изъ этихъ общихъ сужденій вытекаетъ, что безъ правительственной иниціативы о реформахъ не можетъ быть и рѣчи. Законодательныя палаты не могутъ сами идти по пути реформъ и вести позади себя

правительство. Наоборотъ, въ томъ и заключается смыслъ правительственной власти, что она должна вести за собою страну и палаты.

. . . .

Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте, представленномъ 17 октября 1905 года, была опредѣленно выражена идея водительства, какъ задача и долгъ правительственной власти. Изъ доклада ясно видно, что правительство имѣло тогда искреннее намѣреніе встать, если не во главѣ движенія къ праву и свободѣ, то въ первые его ряды. Но обѣщанія еще до созыва Думы обезпечить гражданскую свободу и приблизить страну къ правовому строю гр. Витте не исполнилъ, а 27-го апрѣля власть ему уже не принадлежала. Дума встрѣтила правительство, задавшееся отсрочкой реформъ. И. Л. Горемыкинъ, предлагая Думѣ разъѣхаться на лѣтнія каникулы, желалъ выгадать хоть нѣсколько мѣсяцевъ.

П. А. Столыпинъ, вернувшись къ старому афоризму всѣхъ противниковъ поступательнаго движенія государственной жизни: „Сперва успокоеніе, потомъ реформы“, — возвелъ отсрочку реформъ, выдвинутыхъ освободительнымъ движеніемъ, въ догматъ. Но для себя онъ этотъ догматъ обязательнымъ не считалъ, и вѣковой укладъ крестьянской поземельной общины имъ былъ сломанъ. А когда успокоеніе наступило, въ догматъ правительственной политики былъ возведенъ вопросъ: „зачѣмъ реформы?“ . . . .

. . . .

Первая Дума обладала способностью подчиняться водительству „своего“ по духу правительства. Если же такъ, то она была способна къ жизни.

Нѣсколькими днями раньше М. М. Ковалевскаго скончался перводумецъ Викторъ Петровичъ Обнинскій. Въ первой Думѣ покойный занималъ одно изъ выдающихся мѣстъ. Талантливый ораторъ и отличный работникъ, близко знавшій крестьянскую жизнь и крестьянскую нужду, онъ большую часть времени отдавалъ работѣ въ области земельнаго вопроса. Образны и ярки были также его выступленія въ Думѣ по національному вопросу.

В. П. вступилъ въ Думу изъ земской среды. Передъ избраніемъ онъ былъ предсѣдателемъ Калужской губернской земской

управы и, какъ земецъ, принималъ участіе въ земскихъ съѣздахъ 1904—1905 гг. При образованіи партій онъ примкнулъ къ партіи народной свободы. Вышелъ В. П. изъ Думы „изгоемъ“. Участіе въ выборгскомъ процессѣ лишило его политическихъ правъ и имѣло непосредственнымъ слѣдствіемъ трехмѣсячное тюремное заключеніе. Свои переживанія въ тюрьмѣ покойный день за днемъ записывалъ, но лишь немногое изъ записаннаго имъ могло до настоящаго времени сдѣлаться достояніемъ печати. Часть этихъ записокъ была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“. Послѣдніе годы своей жизни В. П. Обнинскій, главнымъ образомъ, посвящалъ литературѣ. По роду таланта, онъ былъ мемуаристомъ. Еще въ 1907 году онъ задумалъ огромный трудъ: зафиксировать лѣтописныя данныя освободительнаго движенія. Въ томъ же году вышло два тома его „Лѣтописи русской революціи“. На третьемъ томѣ изданіе по „независящимъ обстоятельствамъ“ пріостановилось. Одинаковый характеръ имѣетъ другая большая его работа: „Новый строй“. Искренность и доброта были основными чертами характера покойнаго.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

НѢМЕЦКАЯ КНИГА О РОССІИ.

Russland. Von Dr. F. Lifschitz. Zürich, 1916.

Книга г. Лифшица рѣзко отличается отъ обычныхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Авторъ ея, приватъ-доцентъ Бернскаго университета, принадлежитъ къ числу „русскихъ гражданъ", какъ сказано въ предисловіи, и говоритъ о нашемъ отечествѣ со знаніемъ предмета, стараясь по возможности быть объективнымъ въ своихъ замѣчаніяхъ и выводахъ. Желаніе ознакомить иностранную публику съ внутреннимъ состояніемъ и политическимъ строемъ Россіи заслуживаетъ, конечно, всякой похвалы; но авторъ идетъ дальше, — онъ невольно заступается за родную страну, даже за ея правительство и администрацію, выставляя хорошія черты нашего быта и опровергая распространяемыя за границей невѣрныя или одностороннія свѣдѣнія о существующихъ у насъ порядкахъ. Такая попытка дѣлается при томъ въ военное время и на нѣмецкомъ языкѣ, что придаетъ ей особый интересъ въ глазахъ читателя.

Отношеніе западно-европейской печати къ Россіи представляется автору иногда „комическимъ и претенціознымъ". „Какъ извѣстно, — говоритъ онъ, — Западная Европа претендуетъ на монопольное обладаніе культурою, цивилизаціею и просвѣщеніемъ; мы же, русскіе, остаемся варварами, азіатами или, по меньшей мѣрѣ, полуазіатами. Можно было бы подумать, что эта Западная Европа, при своей великой образованности, знаетъ также и Россію; но этого нѣтъ: она не знаетъ Россіи и тѣмъ не менѣе высказываетъ о ней рѣшительныя сужденія".

Разумѣется, то, что приписывается здѣсь „Западной Европѣ", относится только къ нѣкоторой части заграничной прессы и вовсе не къ серьезной западно-европейской литературѣ, въ которой имѣются капитальные труды о Россіи Анатоля Леруа-Болье, Мэккензи-Уоллеса и другихъ. Иностранная періодическая печать судитъ о нашихъ дѣлахъ по извѣстнымъ внѣшнимъ фактамъ,

и если она часто ошибается въ оцѣнкѣ ихъ значенія, то это зависитъ не столько отъ невѣжества, сколько отъ сознательной тенденціозности, въ виду традиціонныхъ непріязненныхъ чувствъ къ Россіи. Образованные иностранцы, и въ частности нѣмцы, хорошо знакомы съ русской литературой по имѣющимся многочисленнымъ переводамъ; они признаютъ и уважаютъ умственное и художественное творчество русскаго народа, но относятся большею частью несочувственно къ нашимъ политическимъ нравамъ и обычаямъ, къ нашей намѣренной политической отсталости и къ нашей устарѣлой внутренней политикѣ. Взглядъ на Россію, какъ на оплотъ реакціи, народнаго безправія и административнаго произвола, лежитъ въ основѣ ея дурной репутаціи въ значительной части культурнаго міра — репутаціи, которая даетъ себя сильно и горько чувствовать всякому русскому, проживающему за границей.

Г. Лифшицъ находитъ эту репутацію несправедливою и видитъ источникъ ея въ искусственномъ разладѣ между русскою интеллигенціею и правительствомъ. „Русское правительство, — говоритъ онъ, — не сумѣло привлечь духовныя силы Россіи, или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, на сторону консервативныхъ идей, какъ это дѣлалось въ нѣмецкихъ государствахъ. Такъ какъ правительства нѣмецкихъ странъ покровительствовали развитію наукъ, искусствъ и литературы, то имъ удалось внести консервативный духъ въ умственную работу націи. Этого не было въ Россіи. Поэтому духовная культура Россіи гораздо демократичнѣе и свободнѣе, чѣмъ культура Германіи, ибо русское умственное развитіе происходило независимо отъ правительства и въ противоположномъ ему духѣ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ культура приняла въ Россіи противогосударственное направленіе.“ Авторъ упускаетъ изъ виду, что въ нѣмецкихъ государствахъ, и главнымъ образомъ въ Пруссіи, существуетъ сильный, тѣсно сплоченный классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ, который заставляетъ правительство служить его сословнымъ и классовымъ интересамъ, тогда какъ въ Россіи разрозненные общественные классы, начиная съ помѣстнаго дворянства, были одинаково подчинены государственной власти и не могли оказывать сознательное вліяніе на ея политику. При томъ и въ области духовной культуры ничто не совершалось у насъ безъ строгаго и неустаннаго правительственнаго контроля и воздѣйствія, и если умственная работа нашей интеллигенціи направлялась не по тому пути, по которому желало направить ее правительство, то это происходило лишь вслѣдствіе обычнаго безсилія внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ въ сферѣ духовной жизни общества. Что ка-

сается противогосударственныхъ идей, то развитіе ихъ зависитъ отъ антагонизма между правящимъ классомъ и народомъ, при чемъ нерѣдко происходитъ смѣшеніе понятій правительства и государства: послѣднее ставится на мѣсто перваго. Противогосударственное направленіе русскаго народа и интеллигенціи, по словамъ г. Лифшица, было причиною нашей неудачи въ японской войнѣ: у насъ „не только не было воодушевленія, но у многихъ проявлялась даже мысль о желательности пораженія во имя лучшей будущности страны“ Русское общество и молодежь „стали національными только послѣ того какъ страна получила конституцію 1905 года“. Въ дѣйствительности, японская война не могла быть популярна ни въ какой общественной средѣ, хотя бы самой консервативной, ибо она была затѣяна по иниціативѣ небольшой группы честолюбивыхъ предпріимчивыхъ дѣльцовъ, вопреки настоятельнымъ совѣтамъ и предостереженіямъ спеціальнаго дипломатическаго вѣдомства, и велась въ высшей степени неумѣло, безъ всякой системы, съ огромными безполезными затратами и жертвами, съ напрасной потерей флота.

Г. Лифшицъ не отрицаетъ недочетовъ существующей у насъ системы управленія и политики; онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, вредныя послѣдствія узкаго и нездороваго націонализма, овладѣвшаго умами нѣкоторой части нашего общества, но въ то же время онъ оспариваетъ преувеличенные отзывы о культурной отсталости Россіи. Со времени японской войны, — говоритъ онъ, — русская жизнь измѣнилась до неузнаваемости. „Въ Россіи, въ ея правахъ и культурѣ, существуетъ многое, очень многое, чѣмъ она превосходитъ уже Западную Европу“. Даже наша „конституція“ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше и лучше прусской и австрійской. Доказывая свою мысль, авторъ разсуждаетъ лишь на основаніи текста нашихъ основныхъ законовъ, въ связи съ манифестомъ 17 октября. Какъ примѣняются эти законы на практикѣ, какія формы управленія сохранились рядомъ съ „конституціею“ и какъ уничтожаются всѣ предположенныя гарантіи права и законности неограниченнымъ господствомъ „усиленной охраны“ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, — объ этомъ авторъ не имѣетъ точныхъ печатныхъ свѣдѣній, и вся эта сторона русской жизни не входитъ въ кругозоръ его наблюденій. Нашъ политическій строй, какъ и вообще вся современная Россія, представляется ему въ какомъ-то свѣтломъ, хотя отчасти туманномъ ореолѣ. Онъ не одобряетъ поведенія оппозиціи и ставитъ ей въ вину упорное доктринерство, не считающееся съ реальными жизненными условіями и отношеніями. „Радикалы, — замѣчаетъ онъ, — склонны осуждать безъ разбора все, что исходитъ отъ правительства, что предпринимается или предлагается имъ;

но гораздо легче критиковать правительственную власть, чѣмъ улучшить самое положеніе дѣлъ. И часто сами критикующіе оказываются несостоятельными, когда ихъ привлекаютъ къ положительной работѣ". Съ другой стороны, обсуждая дѣятельность нашего народнаго представительства, авторъ находитъ въ ней творческій идеализмъ, присущій даже представителямъ крупной промышленности, — что выразилось особенно ярко въ вопросахъ соціальнаго законодательства. Въ книгѣ изложены и разобраны наши законы о страхованіи рабочихъ, имѣющіе, по словамъ г. Лифшица, нѣкоторыя серьезныя преимущества предъ вышедшимъ одновременно швейцарскимъ закономъ 1912 года. Изъ этого видно, что „доктринерство" и отрицательное отношеніе къ правительству, — или, по ошибочной терминологіи, къ государству, — не мѣшали положительной работѣ на пользу страны и народа.

Говоря о русской интеллигенціи, авторъ останавливается на ея великихъ нравственныхъ качествахъ — самоотверженномъ идеализмѣ, пренебреженіи къ личнымъ матеріальнымъ выгодамъ и исключительной преданности общественнымъ и народнымъ интересамъ. Въ назиданіе иностраннымъ сословнымъ и классовымъ корыстолюбцамъ, онъ напоминаетъ, что въ ряду русскихъ соціалистовъ есть много дворянъ и даже князей, что проповѣдники демократическихъ идей въ литературѣ и политикѣ принадлежатъ большею частью къ дворянству, и что въ числѣ сторонниковъ аграрной реформы было много дворянъ-землевладѣльцевъ. Всякій образованный русскій, какъ думаетъ г. Лифшицъ, — въ душѣ демократъ; а правительство, въ сущности, „не можетъ быть названо ни консервативнымъ, ни реакціоннымъ, такъ какъ въ послѣдніе годы оно не имѣетъ никакого политическаго направленія, никакой системы и никакой политики". Довольно вѣрно характеризуетъ авторъ наши политическія партіи — правыхъ, какъ „революціонеровъ и террористовъ сверху", націоналистовъ, какъ ненавистниковъ и преслѣдователей инородцевъ, умѣренно-либеральныхъ октябристовъ и радикально-буржуазныхъ кадетовъ. Послѣдніе „представляютъ собою единственную партію, въ которой имѣются высоко-образованные и даровитые люди, способные разрабатывать и обсуждать съ знаніемъ дѣла законодательные, экономическіе и прочіе парламентскіе вопросы". Эта партія есть „соль земли"; ея слабость заключается „въ чрезмѣрномъ идеализмѣ, въ склонности преувеличивать добрыя качества и стремленія людей". Программа ея въ нѣкоторыхъ пунктахъ весьма радикальна; западно-европейскіе парламенты не знаютъ такой радикальной буржуазной партіи. Со временемъ, по мнѣнію г. Лифшица, исчезнутъ нынѣшніе правые и націоналисты; обра-

зуется новая консервативная партія изъ двухъ группъ — землевладѣльческой и представителей духовенства; октябристы превратятся въ націоналъ-либераловъ, а направленіе кадетовъ и прогрессистовъ будетъ зависѣть отъ политики правительства: если послѣднее сдѣлается либеральнымъ, то кадеты передвинутся вправо; если же власть станетъ еще правѣе, то кадеты передвинутся влѣво. Авторъ забылъ, что въ Думѣ должны быть представлены еще двѣ группы населенія, о которыхъ онъ самъ же упоминаетъ передъ тѣмъ (стр. 134), а именно, главныя народныя массы, не имѣющія еще своей крестьянской партіи, и средній промышленный классъ. Въ будущемъ должно измѣниться и неправильно изданное безъ участія Думы избирательное положеніе, которымъ искусственно расширены права высшихъ классовъ и ограничено участіе крестьянства въ выборахъ. Въ концѣ книги опять повторяется мысль, что не слѣдуетъ всѣ недостатки политической жизни приписывать правительству. И, дѣйствительно, авторъ защищаетъ и оправдываетъ многое изъ того, что ставится у насъ въ вину представителямъ власти; онъ хвалитъ даже принудительное упраздненіе земельной общины. Онъ вѣритъ въ прочность установившагося у насъ конституціонно-монархическаго строя, съ которымъ оппозиція, по его мнѣнію, должна окончательно примириться, такъ какъ это есть единственная цѣлесообразная форма правленія, возможная для Россіи при современныхъ условіяхъ. Реальная обстановка этого режима, какъ мы замѣтили выше, остается какъ будто неизвѣстною автору, чѣмъ и объясняется оптимистическій тонъ всѣхъ его разсужденій.

Мы коснулись только политическаго отдѣла книжки г. Лифшица; но въ ней сообщаются еще и краткія географическія и статистическія свѣдѣнія о Россіи, весьма полезныя и поучительныя для иностранной публики. Небольшія главы о населеніи страны, объ историческомъ развитіи русскаго народа и государства, о культурѣ, народномъ хозяйствѣ и финансахъ даютъ достаточно фактическаго матеріала въ общедоступномъ и легкомъ изложеніи.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дневникъ Льва Николаевича Толстого. Изданіе первое, подъ редакціей В. Г. Черткова. Томъ I. 1895—1899 (съ портретомъ 1897 г.). Москва, 1916. XX + 292 стр. Цѣна 1 рубль.

Дневники Толстого выходятъ подъ редакціей В. Г. Черткова, согласно желанію самого Толстого. Въ первомъ выпускѣ этого изданія, которое составитъ цѣлый рядъ томовъ, редакторъ подробно сообщаетъ о завѣщательныхъ распоряженіяхъ Л. Н. Они воспроизведены въ приложеніи къ книгѣ, частью факсимиле, и не остается никакихъ сомнѣній въ правахъ В. Г. Черткова на первое напечатаніе всего литературнаго наслѣдства Л. Н., съ тѣмъ, что послѣ этого всякій получаетъ право на воспроизведеніе его. Въ отношеніи посмертныхъ художественныхъ произведеній это уже и исполнено, и вмѣстѣ съ тѣмъ яснополянскіе крестьяне уже пользуются предназначенной имъ Л. Н—чемъ землею, выкупленною у наслѣдниковъ на средства отъ изданія этихъ произведеній.

Первый выпускъ дневника воспроизведенъ не по оригиналу, а по копіямъ, такъ какъ оригиналы въ распоряженіи графини С. А. Толстой. Послѣдующіе томы будутъ воспроизведены съ оригиналовъ (съ 19 мая 1900 по 1910 гг.). Предисловіе редактора указываетъ на нѣкоторыя сокращенія, сдѣланныя въ дневникѣ: сокращенія эти касаются лишь цензурныхъ затрудненій (за границей печатается все полностью), мѣстъ съ отзывами слишкомъ интимнаго и личнаго характера и т. п. Вообще же редакторъ благоразумно не принялъ на себя той отвѣтственности, какую готовъ былъ на него возложить самъ Л. Н., предоставлявшій ему выпускать при изданіи дневниковъ „все случайное, неясное и излишнее". Редакторъ рѣшился печатать дневникъ въ полномъ видѣ, допуская лишь выше отмѣченные и неизбѣжные пропуски (они всѣ отмѣчены въ текстѣ). „Правда, при чтеніи подлиннаго дневника встрѣчаются хотя и рѣдко, мѣста не вполнѣ ясныя, имѣются также въ дневникѣ мысли,

постепенно складывавшіяся въ сознаніи Л. Н—ча въ теченіе продолжительнаго періода времени, и потому часто повторяющіяся, иногда почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; наконецъ, попадаются иногда вторичныя выписки однихъ и тѣхъ же мѣстъ изъ карманной записной книжки, очевидно, по забывчивости вновь занесенныя на страницы дневника. Вслѣдствіе этого, мѣстами получается нѣсколько однообразное и, быть можетъ, утомительное впечатлѣніе. Но зато дневникъ Л. Н—ча въ полномъ, неприкосновенномъ видѣ имѣетъ совершенно исключительное значеніе, какъ „единственная въ своемъ родѣ лѣтопись его внутреннихъ переживаній и послѣдовательной, непосредственной работы его сознанія". Въ этомъ, конечно, редакторъ дневника совершенно и вполнѣ правъ.

Вслѣдъ за дневникомъ, даны обширныя примѣчанія, о которыхъ редакторъ говоритъ, что они разсчитаны на самый широкій кругъ читателей. Можно, однако, усомниться, чтобы читатель мало образованный когда-нибудь сталъ читать этотъ дневникъ, отпугивающій отрывочностью и сложностью другъ друга перебивающихъ мыслей, а также и безчисленными упоминаніями именъ, чуждыхъ такому читателю. Поэтому не слѣдовало бы, кажется, загромождать книги такими поясненіями, какъ, напр., что Шекспиръ это есть англійскій драматургъ и т. п. Зато можно поблагодарить редактора за то, что въ эти примѣчанія введены указанія на письма Л. Н., частью еще неизданныя, съ любопытными иногда цитатами, и за то, что онъ почти не внесъ въ примѣчанія собственныхъ поясненій мыслей Л. Н.: комментаторъ не заслоняетъ нигдѣ автора. Комментарій даетъ также весьма много цѣнныхъ свѣдѣній о лицахъ, иногда лишь однимъ именемъ обозначенныхъ въ дневникѣ, и, въ общемъ, свидѣтельствуетъ о любовномъ и исключительно внимательномъ отношеніи редактора къ своему дѣлу. Очень полезны также для изученія дневника краткій обзоръ жизни Л. Н. Толстого въ концѣ 90-хъ гг., составленный К. Шохоръ-Троцкимъ, и алфавитный указатель именъ и названій произведеній, упоминаемыхъ на страницахъ дневника.

Такова внѣшняя оболочка, продуманная и хорошо разработанная, въ которой интимно, для себя писанныя строки Толстого являются теперь на всенародныя очи. Для широкихъ круговъ читателей черновая работа мысли Толстого, чѣмъ по преимуществу и является дневникъ, едва ли доступна: рядового читателя могутъ только сбивать и отпугнуть, напр., постоянныя замѣтки самого Л. Н. о только что записанномъ: „не ясно", „не то", „кажется невѣрно" и т. п. Но какъ источникъ свѣдѣній о душевныхъ процессахъ, сопровождавшихъ появленіе тѣхъ или иныхъ произведеній Толстого, или

объ обстоятельствахъ, въ которыхъ проходили тѣ или иные важные въ жизни Толстого моменты, дневникъ, конечно, безцѣненъ.

Можно отмѣтить въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ очень многія страницы, говорящія о видныхъ, всѣмъ знакомыхъ произведеніяхъ Толстого или тѣхъ или иныхъ его извѣстныхъ шагахъ. Отрывочныя замѣтки устанавливаютъ здѣсь точно многія даты, представляютъ первую редакцію художественнаго замысла или идеи, перенесенныхъ потомъ въ книги въ болѣе развитомъ или переработанномъ видѣ. Въ этотъ періодъ 1895—99 гг. складываются взгляды Толстого на искусство, выраженные въ книгѣ „Что такое искусство?". Въ апрѣлѣ 1896 г. Толстой слушалъ оперу „Зигфридъ". „Я не могъ высидѣть одного акта, — сообщаетъ онъ брату (цитируется въ примѣчаніяхъ), — и выскочилъ оттуда, какъ бѣшеный, теперь не могу спокойно говорить про это. Это глупый, не годящійся для дѣтей старше 7 лѣтъ, балаганъ съ претензіей, притворствомъ, фальшью сплошной и музыкой никакой. И нѣсколько тысячъ человѣкъ сидятъ и притворяются, что восхищаются"... Съ ноября 1895 и до конца 1899 года писалось, съ перерывами, „Воскресеніе", и въ то же время обдумывались и писались многія посмертныя художественныя произведенія: „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ", „Хаджи-Муратъ" (начало его есть воспроизведеніе одной записи въ дневникѣ, болѣе яркое и полное), „Отецъ Сергій", „Кто правъ?", „Живой трупъ", „Фальшивый купонъ". На эти же годы падаютъ многія обширныя письма общаго и общественнаго значенія, — напр., 18 іюля 1897 г. письмо графинѣ С. А. Толстой съ извѣстнымъ первымъ заявленіемъ объ уходѣ изъ Ясной Поляны. На это время приходится участіе Л. Н. Толстого въ судьбѣ и устройствѣ духоборовъ и т. д. И вообще въ этихъ дневникахъ данъ обширный матеріалъ для разработки біографіи, для исторіи творчества и души Толстого на многіе, многіе годы. Слѣдить по дневнику за всѣми изгибами настроеній и мыслей великаго художника и своеобразнаго мыслителя составляетъ само по себѣ огромное наслажденіе.

С. Елпатьевскій. Литературныя воспоминанія. (Близкія тѣни, часть II). Кн-во писателей въ Москвѣ. Стр. + 142. Цѣна 1 р.

Первая часть литературныхъ воспоминаній С. Елпатьевскаго хорошо извѣстна. Они написаны съ горячимъ чувствомъ, выпукло и ярко. Напр., портретъ Г. Успенскаго въ этой первой части принадлежитъ къ лучшему, что только было написано объ этомъ писателѣ и совершенно исключительномъ человѣкѣ, соперничая съ извѣстными воспоминаніями В. Г. Короленка. Не пройдутъ неза-

мѣченными и воспоминанія, собранныя и во второй части. Они посвящены Л. Толстому, П. Якубовичу, Д. Мамину-Сибиряку, Н. Анненскому и В. Соболевскому. Талантливый художникъ-беллетристъ, авторъ нашелъ для близкихъ ему людей вѣрныя и яркія краски и, главное, сердечный тонъ, дѣлающій музыку, интимно приближающій къ читателю образы, можетъ быть, никогда не видѣнныхъ людей. Лучшими намъ показались воспоминанія о Якубовичѣ, Маминѣ и Анненскомъ. Каждый изъ этихъ очерковъ невольно запоминается въ характеристикѣ автора, рѣзко схватывающей въ человѣкѣ какую-либо одну основную черту, внѣшнюю и внутреннюю. „У него не было изможденнаго, измученнаго, страдальческаго лица, — читаемъ о Якубовичѣ, — которое я ожидалъ встрѣтить послѣ всего того, что пережилъ онъ на каторгѣ. У него было слишкомъ спокойное лицо, слишкомъ бѣлое въ рамкѣ черныхъ волосъ, я бы сказалъ слишкомъ чистое, почти безъ морщинъ, словно никогда не загоравшее, словно никакими вѣтрами не обвѣтренное лицо... Мало было мимики въ лицѣ и жестикуляціи въ разговорѣ. А когда замолкалъ онъ, лицо становилось совсѣмъ неподвижное, бѣлокаменное. Какъ маска ложилась на лицо... И онъ особенно смѣялся. Онъ недосмѣивался. Была радость въ его смѣхѣ, но не было веселья, былъ полусмѣхъ, оборванный смѣхъ, и мнѣ всегда жутко было слушать этотъ смѣхъ. И только полуулыбка являлась на его лицѣ. Каторга еще не отпустила его, она глубоко вонзилась въ него“. И въ связи съ этимъ внѣшнимъ, скорбнымъ трогающимъ за сердце, авторъ отмѣчаетъ, что Якубовичъ внутренне такъ и не развернулся, не расцвѣлъ во всю художественную красоту, которая вложена была въ него. Въ красивомъ образѣ схвачена оригинальность уральца Мамина: „Онъ былъ породистый, сильный человѣкъ, цѣльный и цѣлостный, не ломкій, не гибкій, не гнущійся. Онъ былъ какъ обломокъ яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесенной далеко отъ родимыхъ горъ. Онъ имѣлъ общій интеллигентный обликъ, но за полированной поверхностью яшмы была глыба цѣльной породы, чистой, твердой, безъ трещинъ и излучинъ“. Своеобразно обрисованъ и Анненскій, для котораго авторъ не можетъ подобрать другого болѣе подходящаго слова, какъ — „онъ былъ великодушный человѣкъ. Великодушный и въ обычномъ ходячемъ смыслѣ слова... великодушный и въ болѣе широкомъ настоящемъ смыслѣ слова. Его душа была большая, чуткая, отзывчивая на все возвышенное и благородное. Великія движенія человѣчества, судьбы родины, великіе вопросы человѣческаго духа и, въ особенности, великія нужды русскаго народа несъ онъ въ своей душѣ отъ юности до могилы. Они наполняли его душу, они неот-

ступно звали его къ себѣ... Онъ не соотвѣтствовалъ русской дѣйствительности. Онъ былъ неспокойный, волнующійся, страстный, непокорный и гордый и необыкновенно жалостливый человѣкъ, съ напряженнымъ чувствомъ, съ широкими жестами. А не было мѣста въ русской жизни для широкихъ жестовъ, для свободныхъ, гордыхъ и жалостливыхъ душъ, жизнь была связанная, жизнь была тѣсная, опутанная, гдѣ нельзя было размахиваться". И такъ не могъ развернуться въ ширь своей натуры и исключительныхъ талантовъ этотъ „прирожденный общественный политическій дѣятель, въ той же мѣрѣ, какъ бываютъ прирожденные математики, прирожденные, предуказанные властители красокъ и звуковъ", „прирожденный лидеръ — единственная позиція въ жизни, которая могла бы использовать всего Анненскаго и которая заполнила бы всю большую душу Анненскаго". И всѣ эти люди, такъ или иначе, — не исключая — даже и Льва Толстого, можетъ быть, — не развернулись такъ, какъ могли бы, и это горькое сознаніе придаетъ особый оттѣнокъ книжкѣ г. Елпатьевскаго.

Н. Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Петроградъ, 1916. Стр. XII+560. Цѣна 2 р. 75 к.

Книга г. Н. Котляревскаго извѣстна постояннымъ читателямъ „Вѣстника Европы"; составившія ее статьи въ свое время были напечатаны на страницахъ нашего журнала. Собранныя въ одно цѣлое, онѣ производятъ болѣе законченное впечатлѣніе и не будутъ обойдены интересующимися общественными настроеніями даннаго времени. Книга посвящена „свѣтлой памяти А. Н. Пыпина". Общая постановка разсмотрѣнныхъ въ ней вопросовъ дана въ предисловіи. Оно указываетъ прежде всего на новизну того широкаго радикализма въ мысляхъ и чувствахъ, какой проявился въ канунъ освобожденія и имѣлъ затѣмъ огромное вліяніе на распространеніе демократическихъ идей и настроеній въ русскомъ обществѣ. „Вплоть до 1905 г. радикализмъ въ области мысли и дѣяній былъ несомнѣнно той силой, которая всего рѣшительнѣе и настойчивѣе шевелила общественные круги, и консервативные, и либеральные, и безразличные... 1855—1861 годы — прологъ революціоннаго движенія въ Россіи. Дѣйствія въ эту эпоху мало, но много идейнаго движенія, и такъ какъ послѣдующіе годы въ это движеніе не внесли никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, то періодъ выработки радикальной доктрины, замкнутый 1855—1861 годами, представляетъ собою нѣчто цѣльное и вполнѣ опредѣленное. Основные взгляды на личную мораль,

на участіе женщины въ общественномъ движеніи, на задачи воспитанія и образованія, на долгъ гражданина; религіозныя понятія и философскіе принципы; оцѣнка красоты въ жизни и искусствѣ; представленіе о желанномъ грядущемъ соціальномъ и политическомъ строѣ, опредѣленіе того участія, которое въ установленіи этого строя и въ его торжествѣ приметъ народная масса; наконецъ, выборъ тактики самой борьбы за этотъ строй — всѣ эти вопросы, рѣшаемые при радикальномъ образѣ мыслей и при боевомъ настроеніи, были намѣчены и обсуждены въ указанные годы и позднѣйшему времени пришлось въ эту теоретическую часть доктрины вносить лишь поправки и дополненія". Авторомъ избранъ для изображенія занимающихъ его настроеній типическій методъ, и радикализмъ кануна освобожденія представленъ анализомъ взглядовъ и настроеній наиболѣе видныхъ представителей радикализма. Центръ тяжести книги въ характеристикахъ взглядовъ Герцена, Добролюбова, Чернышевскаго.

Ч. В—ій.

„Родной языкъ въ школѣ", ежемѣсячный журналъ. Годъ изданія первый, 1914—15, №№ 1—9—10 (4—5).

За судьбы родного языка въ школѣ давно болѣли лучшіе умы нашей родины, и наиболѣе дѣятельные педагоги давно были озабочены постановкой дѣла преподаванія русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сознаніе неудовлетворительности учебныхъ программъ и методовъ преподаванія родного языка проникло въ умы достаточно широкихъ слоевъ преподавательской среды и въ провинціи, какъ можно судить по различнымъ статьямъ въ педагогическихъ журналахъ, рѣчамъ и резолюціямъ на съѣздахъ по народному образованію. Но не было еще, насколько намъ извѣстно, сдѣлано попытки посвятить отдѣльный органъ интересамъ родного языка, и съ этой точки зрѣнія журналъ „Родной языкъ въ школѣ", издаваемый преподавателями мужской гимназіи въ Ярославлѣ, можетъ заслужить только самый горячій привѣтъ и сочувствіе.

Не будемъ касаться вины русскаго учительства передъ родиной въ его прошломъ; она, конечно, невольная, и причины ея коренятся въ общихъ условіяхъ нашей дѣйствительности. Обратимся лучше съ вѣрой къ болѣе свѣтлому будущему, и тогда нельзя будетъ не прочесть съ чувствомъ большого удовлетворенія слова программной статьи журнала, въ которыхъ какъ нельзя яснѣе сказалось твердое осознаніе педагогами своихъ грядущихъ высокихъ обязанностей въ дѣлѣ лучшаго строительства русской жизни.

„Многочисленныя рати защитниковъ родины на полѣ брани скоро смѣнитъ другая армія — русскаго учительства“, читаемъ мы въ № 1 журнала за августъ 1914 года. „Она тѣсно сомкнетъ свои ряды въ дружной работѣ воспитанія молодого поколѣнія, здороваго духомъ, работоспособнаго, умѣющаго положить душу свою за друзей своихъ“. Вотъ то знамя, которое долженъ взять въ руки каждый педагогъ, вступая на учительскую каѳедру и помня, что въ его рукахъ, если не возможность создать Катоновъ и Перикловъ для родины, то возможность охранить родину на будущее время отъ гасителей народнаго духа.

Особенно сильное орудіе воспитанія истинныхъ гражданъ находится въ рукахъ преподавателя родного языка, родной литературы и исторіи. Журналъ, посвятившій себя интересамъ отечественнаго языка въ школѣ, правильно понялъ его назначеніе.

„Въ дни глубокаго подъема народнаго духа, охватившаго Россію, особенно ярко выступаетъ значеніе родного языка въ дѣлѣ здороваго національнаго воспитанія“, читаемъ мы въ той же статьѣ. „Въ языкѣ запечатлѣно все наше родное, близкое, все лучшее изъ того духовнаго богатства, которое создалъ русскій народъ... Соотвѣтственно великому значенію родного языка въ общемъ ходѣ нашей культуры, его слѣдуетъ поднять, какъ средство воспитанія, на должную высоту, пробудить въ учащихся любовь къ нему, укрѣпить его положеніе, какъ одного изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія въ школѣ“.

Такая вѣрно намѣченная задача преподавателя вызываетъ естественный вопросъ: какими путями достигнуть желаемыхъ результатовъ? какъ сдѣлать, чтобы скучный до этихъ поръ во мнѣніи учениковъ предметъ сталъ интереснымъ, любимымъ и главнымъ по своей значительности? А кромѣ того, какъ помочь ученикамъ пріобрѣсти твердое и достаточное знаніе предмета?

Авторы различныхъ статей журнала предлагаютъ различныя средства, почерпнутыя частью изъ опыта, частью изъ теоріи. Одни исходятъ при этомъ изъ соображеній эстетическаго характера, требуя, чтобы преподаватель развивалъ въ школьникахъ чистоту и изящество русской рѣчи — качества, дѣйствительно крайне необходимыя и находящіяся у насъ, къ сожалѣнію, въ большомъ пренебреженіи; какъ средство ими рекомендуются уроки выразительнаго чтенія, заучиваніе наизусть совершеннѣйшихъ образцовъ поэзіи[1]),

---

[1]) Только отнюдь не по способу, предложенному авторомъ статьи „Заучиваніе наизусть въ старшихъ классахъ“ (№ 1, стр. 40), такъ какъ намѣренное выписываніе и заучиваніе цитатъ, имъ рекомендуемое, прі-

собственные опыты учениковъ въ стилистикѣ и т. п. Другіе стремятся къ большей цѣлесообразности въ постановкѣ изученія русской литературы и исторіи, находя нужнымъ привести ихъ въ бо́льшую связь другъ съ другомъ, а мы бы прибавили пожеланіе — и съ языкомъ. Третьи озабочены облегченіемъ для дѣтей трудностей усвоенія грамматики и правописанія.

Нечего и говорить, насколько заслуживаютъ вниманія всѣ три требованія школьныхъ практиковъ. Не только воспитанники средней школы, но и университетская молодежь наша, а часто даже и болѣе взрослая интеллигенція — особенно въ провинціи — говоритъ по-русски весьма плохо; прохожденіе различныхъ курсовъ русской литературы ведется большей частью безъ всякаго освѣщенія ихъ бытомъ и фактами исторіи, отчего значительно утрачивается какъ художественность ихъ воспріятія въ сознаніи учащихся, такъ и интересъ къ нимъ; наконецъ, головы малышей съ самаго перваго класса неизмѣнно начинаютъ забиваться механической зубрежкой правилъ грамматики, въ результатѣ которой ничего, кромѣ отвращенія къ урокамъ по языку, у дѣтей не получается и получиться не можетъ, и хорошо еще, если отвращеніе это не переносится на литературу и исторію, нѣкоторый интересъ къ которымъ обычно спасаетъ окончившихъ среднюю школу отъ забвенія этихъ предметовъ тотчасъ по выходѣ изъ нея.

Самымъ больнымъ мѣстомъ русской школы является, конечно, вопросъ о преподаваніи языка. Извѣстно, съ какимъ трудомъ и неудовольствіемъ дается дѣтямъ изученіе грамматики и правописанія, сколь немногіе усваиваютъ ихъ вполнѣ даже по прохожденіи полнаго курса наукъ. Причины такого явленія лежатъ какъ въ требованіяхъ министерской программы, такъ и въ самомъ способѣ преподаванія предмета, возбуждающаго лишь скуку и нелюбовь. А между тѣмъ языкъ всегда служилъ и будетъ служить самымъ значительнымъ факторомъ духовнаго роста человѣчества, надежнымъ двигателемъ отдѣльнаго народа на пути его къ самосознанію и самоопредѣленію, орудіемъ большой силы въ борьбѣ за право развитія своей культуры и самаго существованія своего на аренѣ общеміровой жизни. Имъ можно и должно заинтересовать дѣтей, тѣмъ болѣе что сдѣлать это не такъ уже трудно, если только проявить немного уступчивости особенностямъ дѣтской души, ихъ способности реагировать на все внѣшнее. Давно замѣчено, что повышенная воспріимчи-

---

учаетъ къ неглубокому вниканію въ дѣло, часто ведетъ къ фразерству и недѣятельности мысли при пользованіи готовыми цитатами вмѣсто собственной аргументаціи, а въ отношеніи къ образцамъ поэзіи равносильно акту разрѣзанія на части красивѣйшаго по формѣ тѣла.

вость и впечатлительность дѣтскаго мозга такъ же быстро совершенствуется, развиваясь при благопріятныхъ условіяхъ занятій науками, какъ быстро притупляется и понижается, при условіяхъ затраты умственной энергіи, имъ непосильной. Законовъ этимологіи и синтаксиса дѣтской головѣ никакъ не понять въ младшихъ классахъ; приходится заучивать ихъ механически, напрягая память низшаго рода, въ человѣкѣ наименѣе цѣнную. И, конечно, заблуждаются думающіе, что такое заучиваніе требуемыхъ правилъ разовьетъ въ дѣтяхъ грамотность! Она достигается прежде всего накопленіемъ зрительныхъ и моторныхъ навыковъ въ правильномъ писаніи, а затѣмъ уже — умѣлымъ примѣненіемъ правилъ грамматики. Но для перваго нужно время, для второго — пониманіе сущности грамматики, котораго у дѣтей нѣтъ. За все существованіе школъ въ Россіи не было случая, чтобы хоть одинъ изъ учениковъ въ возрастѣ младшихъ классовъ выучился писать грамотно, а между тѣмъ грамматикой начиняли ихъ во всѣ времена сколько угодно.

Выводъ изъ всего сказаннаго только одинъ и напрашивается самъ собою: необходимо избавить дѣтей отъ грамматики въ младшихъ классахъ средней школы. Время, на нее затраченное, можетъ быть использовано съ большимъ успѣхомъ для другого: для накопленія опыта въ правописаніи, о которомъ было только что говорено, для развитія въ дѣтяхъ инстинктивнаго чутья языка съ его законами. То и другое получить не трудно, если пробудить въ учащихся интересъ къ языку, собственное стремленіе писать и говорить на немъ чисто, грамотно, красиво. Тутъ на помощь должно придти прежде всего чтеніе, разумное, сопровождаемое соотвѣтственными разъясненіями; заучиваніе наизусть, переписываніе изъ книги, наконецъ, классныя диктовки, но не обычнаго характера, для дѣтей утомительнаго и мало полезнаго. Вмѣсто нихъ, можно предложить дѣтямъ записать, напримѣръ, по памяти выученное ими стихотвореніе, прозаическій отрывокъ, или пересказать знакомый разсказъ, или же продиктовать имъ то, что они неоднократно читали и списывали дома. Такія диктовки будутъ развивать память и вниманіе при чтеніи и могутъ быть интересны, какъ состязанія въ этихъ умственныхъ качествахъ, когда дѣтямъ не захочется отстать другъ отъ друга, показать себя безпамятными или недостаточно внимательными. Но первое условіе при этомъ — не ставить балловъ за диктовки, не заставлять дѣтей выписывать и заучивать ошибки; эти мѣры дѣйствуютъ обыкновенно сильно расхолаживающимъ образомъ.

Послѣ того, какъ дѣтямъ привита любовь къ чтенію, объяснено значеніе поэзіи и литературы въ жизни, достигнуто желательное отношеніе ихъ къ искусству вообще, разъяснена имъ роль языка въ

словесныхъ искусствахъ и значеніе его въ жизни народа — понятія, усваиваемыя гораздо легче правилъ грамматики, — не трудно приступить и къ изученію формъ и законовъ языка, подчасъ скучному и утомительному, но достаточно уже понятному въ возрастѣ 4-го класса. Министерствомъ народнаго просвѣщенія одобренъ для введенія въ школы новый типъ учебниковъ по языку, который, какъ, напримѣръ, учебникъ г-жи Истриной „Руководство по исторіи русскаго языка", какъ нельзя лучше отвѣчаетъ своему назначенію и новой программѣ, предложенной тѣмъ же министерствомъ въ 1912 году. Учебники этого типа знакомятъ учениковъ съ исторіей языка въ прошломъ и настоящемъ, даютъ понятіе о живыхъ развѣтвленіяхъ языка, ставятъ изученіе его на научную точку зрѣнія, обращаютъ учениковъ даже къ чтенію памятниковъ. Насколько правильно оцѣнивается учениками такое своевременное ознакомленіе съ законами языка, насколько возбуждаютъ къ себѣ интересъ такіе уроки, можно видѣть хотя бы изъ статьи: „Можно ли заинтересовать учениковъ 4-го класса ср. школы научнымъ языкознаніемъ", помѣщенной въ № 1 журнала. Да иначе оно и быть не можетъ, ибо совершенно противоестественно наблюдавшееся до сихъ поръ въ школѣ отвращеніе къ тому, что должно бы быть ближе всего и дороже всего сердцу будущаго гражданина.

Дѣйствительно, нужно, чтобы министерство пошло дальше по пути предпринятыхъ въ области преподаванія языка реформъ и исключило изъ программы младшихъ классовъ изученіе этимологіи и синтаксиса.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе по поводу отдѣла журнала „Отзывы о книгахъ" Было бы крайне цѣнно имѣть въ немъ возможно полную библіографію трудовъ учебнаго характера, а не отзывы о научныхъ изслѣдованіяхъ, которые для школы мало пригодны, тѣмъ болѣе, что эти отзывы даже не самостоятельны, а приводятся въ видѣ выдержекъ изъ чужихъ рецензій. Журналу можно отъ души пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія подъ знаменемъ любви къ родному языку и литературы, этихъ высшихъ сѣятелей свѣта въ народѣ.

Е. К-вичъ.

Л. Я. Гуревичъ. Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ войны 1914—1915 г. Петроградъ, 1916 г.

Вышедшій недавно обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ войны (1914—1915), составленный Л. Я. Гуревичъ, очень интересенъ. По этой небольшой кни-

жечкѣ мы можемъ прослѣдить, что дѣлалось въ „тылу“, какъ отозвались интеллигентныя силы Петрограда на народныя затрудненія, вызванныя войной. Общественный подъемъ, создавшійся послѣ объявленія войны, нашелъ себѣ выходъ отчасти въ организаціи помощи семьямъ призванныхъ на войну. Безлюдныя и до этого момента малодѣятельныя попечительства ожили. Въ нихъ, несмотря на лѣтнее время, начался приливъ добровольныхъ работниковъ. Закипѣла работа по обслѣдованію имущественнаго положенія семействъ призванныхъ на войну. Но съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что мало накормить и одѣть, надо часто дать въ руки работу или даже обучить ей. Недостаточно пріютить ребенка, надо научить его грамотѣ и оказать на него воспитательное вліяніе. И рядомъ съ работой чисто благотворительной стала развертываться культурно-общественная.

Книга Л. Я. Гуревичъ, внѣшне сухая, пестрящая цифрами и снабженная діаграммами, въ высшей степени краснорѣчива, такъ какъ цифры говорятъ часто больше, чѣмъ громкія фразы. Въ ней подводятся итоги всей работѣ, произведенной за годъ. Она мало индивидуализируетъ дѣятельность отдѣльныхъ, часто такихъ различныхъ по своему составу, характеру и работѣ двадцати петроградскихъ попечительствъ и даетъ общій обзоръ попечительской работѣ, распредѣляя ее по отдѣльнымъ отраслямъ.

На нужды населенія, вызванныя войной, была затрачена за первый годъ внушительная сумма въ 1.980.667 р. съ копѣйками. Распредѣлялись эти деньги очень неравномѣрно между отдѣльными попечительствами и по различнымъ статьямъ расхода. Самыя крупныя затраты падаютъ на помощь квартирную, на денежныя выдачи, платье, обувь, выкупъ заложенныхъ вещей и т. д. Да это и понятно. Паекъ 4 р. 90 к. не можетъ прокормить, и къ нему потребовались дополнительныя выдачи. Только третье мѣсто занимаетъ помощь дѣтямъ и одно изъ послѣднихъ — трудовая помощь. Общее число семей, получившихъ вспомоществованіе за первый годъ войны, — 38.500.

Съ первыхъ же шаговъ чисто благотворительной работы сказались ея отрицательныя стороны. У части населенія проявилась тенденція эксплуатировать попечительства, вытянуть лишнюю подачку и отвильнуть отъ работы. Пришлось сократить квартирную помощь, такъ какъ было замѣчено, что, проживая въ устроенныхъ для солдатокъ безплатныхъ квартирахъ-общежитіяхъ, онѣ начинаютъ черезчуръ разсчитывать на всякую помощь и отвыкать отъ работы, скорѣе облѣниваются и деморализуются, чѣмъ проживая въ своихъ углахъ, среди трудящагося населенія.

Цифры, приводимыя г-жей Гуревичъ, являются лѣтописью бѣдствій, вызванныхъ войною. Пришлось открыть 33 столовыхъ и одну безплатную лавку, гдѣ выдавалась помощь провизіей (такъ называемый, холодный паекъ). Въ этихъ столовыхъ отпускалось 20.300 обѣдовъ въ день; ихъ большею частью получали семьи запасныхъ. Огромный спросъ на обѣды является показателемъ создавшейся нужды, такъ какъ при ихъ дешевизнѣ обѣды не могутъ быть высокаго качества и предназначались для бѣднѣйшаго населенія (на нихъ въ большинствѣ попечительствъ затрачивалось отъ 3,5 к. до 10 к. на человѣка, съ удорожаніемъ продуктовъ повышенные до 6,18 к. 13,7). Не всѣ кліенты попечительства могли вынести тяжелую пищу. Прежде всего потребовалось дать добавочный питательный продуктъ дѣтямъ, а потомъ къ нимъ присоединили слабыхъ и старыхъ кліентовъ попечительствъ. Такимъ продуктомъ стало молоко. За годъ до войны выдано 13-ю попечительствами, организовавшими этотъ видъ помощи, 992.610 бутылокъ молока.

Самой интересной частью попечительской работы является организація дѣтской и трудовой помощи. Сейчасъ же послѣ объявленія войны, во всѣхъ попечительствахъ, не имѣвшихъ раньше мастерскихъ, закипѣла работа по ихъ организаціи. Тысячи женщинъ, существовавшихъ до сихъ поръ на заработокъ мужа, не привычныя ни къ какому профессіональному труду, обратились въ попечительства, прося помощи и работы. Всюду, гдѣ нашлись достаточныя силы, возникли, такъ называемыя, „Бюро труда", т.-е. посредническія конторы для пріисканія работы и мастерскія. Вмѣсто 5 мастерскихъ, созданныхъ до войны, ихъ выросло 35. Изъ нихъ 23 швейныхъ, остальныя туфельныя, вязальныя и прачешныя. Въ этихъ мастерскихъ 19.357 женщинъ заработали свыше 360.000 рублей. Самыми крупными являются раздаточныя швейныя мастерскія, въ которыхъ выдается работа на домъ. Число женщинъ, берущихъ работу на домъ, почти въ 20 разъ превышаетъ количество работающихъ въ мастерскихъ. Почти всѣ заказы, полученные швейными мастерскими, были связаны съ нуждами военнаго времени и выполнялись для арміи и лазаретовъ. Названные заказы принимались большею частью по очень низкой расцѣнкѣ. И различныя попечительства сильно разошлись по вопросу о томъ, какой долженъ быть самый характеръ организаціи этихъ мастерскихъ. Нѣкоторыя попечительства придали имъ чисто благотворительный характеръ, добавляя къ заработанной платѣ изъ пожертвованныхъ суммъ; другія стремятся извлечь изъ мастерскихъ выгоды въ ущербъ заработной платы, нѣкоторыя придаютъ имъ характеръ дѣловой, не извлекая выгоды. Къ сожалѣнію, послѣ войны останутся жизнеспособными только тѣ ма-

стерскія, существованіе которыхъ не связано съ нуждами военнаго времени, какъ, напр., швейныя мастерскія 11-го попечительства, продающія свою работу въ ларькѣ на Мальцевскомъ рынкѣ, и мастерская 8-го попечительства, выставляющая работу своей мастерской въ витринахъ на Невскомъ, а также туфельныя и вязальныя мастерскія. Заработокъ женщинъ колеблется отъ 9 р. 75 к. до 67 руб. въ мѣсяцъ. Изъ посредническихъ бюро выросла биржа труда съ нѣсколькими отдѣленіями въ различныхъ районахъ города. Благодаря посреднической дѣятельности попечительства, получили работу болѣе 15.000 человѣкъ.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о помощи дѣтямъ. Число дѣтей, живущихъ въ попечительскихъ пріютахъ, достигло къ 1-му августу 739. Кромѣ того, создались дневныя убѣжища, т.-е. ясли, недовѣріе къ которымъ у населенія понемногу исчезаетъ. На окраинахъ было организовано нѣсколько дѣтскихъ клубовъ, число которыхъ до войны было очень невелико и которые большею частью явились продолженіемъ существовавшихъ лѣтомъ площадокъ. Общее въ этихъ клубахъ, при всемъ ихъ разнообразіи, это любовное отношеніе къ нимъ дѣтей и то воспитательное вліяніе, которое они оказываютъ и которое не въ силахъ дать школа. Черезъ всѣ дѣтскія убѣжища, ясли, клубы, пріюты за первый годъ прошло 4.425 дѣтей. Большое значеніе имѣетъ, конечно, рядъ школъ, открытыхъ попечительствами, и 16 колоній, куда отправляются дѣти бѣднѣйшаго населенія на лѣто.

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ сторонахъ дѣятельности попечительствъ и предложимъ каждому интересующемуся ихъ работой обратиться къ книгѣ Л. Я. Гуревичъ. Скажемъ только, что отличительной стороной дѣятельности попечительствъ является ихъ сотзывчивость на нужды, выдвигаемыя жизнью. Въ отвѣтъ на создавшуюся дороговизну были открыты пять продовольственныхъ магазиновъ, торговля которыхъ превышаетъ 12.000 р. въ день. Огромная работа была сдѣлана по организаціи помощи бѣженцамъ.

Непосредственное соприкосновеніе съ низами населенія и съ ихъ нуждами выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія на мѣстахъ. Городская дума, болѣе удаленная отъ населенія и менѣе гибкая въ своей работѣ, не можетъ отзываться на многія насущныя нужды населенія. Работа попечительствъ послѣ войны не должна замереть. Поэтому необходимо создать городскіе органы, объединяющіе работу на мѣстахъ, и самую эту работу развить, углубить и сдѣлать болѣе планомѣрной. Углубленіе попечительской работы возможно въ тѣхъ отрасляхъ ея, которыя носятъ

не временный, а постоянный характеръ, какъ трудовая и дѣтская помощь. Но все это возможно только при болѣе прочной базѣ попечительской работы. До сихъ поръ попечительства существовали на случайныя ассигновки, которыя выдавались имъ городомъ; всякая же широкая работа возможна только тогда, когда она основывается на прочной матеріальной базѣ.

А. П.

Н. Д. Кондратьевъ. Развитіе хозяйства Кинешемскаго Земства Костромской губерніи. Съ предисловіемъ проф. П. П. Мигулина. Подъ редакціей прив.-доц. А. І. Буковецкаго. Изданіе Кинешемскаго Уѣзднаго Земства. Кинешма, 1915 г.

Громадную работу дѣлаетъ земство въ дни войны, и когда послѣ войны начнется соціальное возрожденіе Россіи, то земству, несомнѣнно, придется играть выдающуюся роль въ немъ. Поэтому важны и нужны книги, выясняющія условія дѣятельности земствъ, задачи, стоящія передъ ними, и средства ихъ разрѣшенія. Авторъ разсматриваемой книги сосредоточилъ свое вниманіе на Кинешемскомъ уѣздномъ земствѣ. Очертивъ природныя условія уѣзда, онъ выясняетъ распредѣленіе естественныхъ богатствъ между различными группами населенія, формы эксплоатаціи земли, особенности развитія и распредѣленія по отраслямъ быстро растущей фабричной промышленности. На этомъ хозяйственномъ фонѣ слагаются новыя соціально-экономическія группировки населенія. Сотрудничество различныхъ группъ въ земской работѣ дѣлается возможнымъ потому, что есть объединяющій интересъ: поднятіе экономическаго благосостоянія и культурнаго уровня населенія. Освѣтивъ далѣе правовыя нормы, регулирующія земскую дѣятельность, и сословно-классовый составъ земства, авторъ обращается къ изученію земскаго бюджета. Онъ устанавливаетъ, что доходный бюджетъ почти непрерывно возрастаетъ, вслѣдствіе роста обложенія земель и особенно торгово-промышленныхъ предпріятій, сборъ съ которыхъ дѣлается основой доходнаго бюджета, а также вслѣдствіе роста правительственныхъ субсидій на агрономію народное образованіе. Раціонализація обложенія требуетъ пересмотра нормъ оцѣнки и имуществъ. Изслѣдованіе расходнаго бюджета показываетъ, что при общемъ ростѣ расходовъ, наиболѣе интенсивно возрастаютъ расходы по народному образованію, медицинѣ, а съ 1909 года и по агрономіи и дорожному строительству. Но, будучи поставлено передъ громадными соціальными задачами, земство не можетъ вполнѣ разрѣшить ихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ (такъ какъ законодательство ограничиваетъ для земствъ возможность удовлетво-

рительно организовать привлеченіе доходовъ). Послѣдняя часть книги посвящена изслѣдованію итоговъ дѣятельности земства — въ области народнаго образованія, медицины, ветеринаріи, агрономіи, кооперація, кустарной промышленности, общественнаго призрѣнія и страхованія, юридической помощи населенію и обезпеченія его телефономъ. Для освѣщенія всѣхъ этихъ вопросовъ автору пришлось обработать громадный сырой матеріалъ и преодолѣвать при разсмотрѣніи важнѣйшихъ проблемъ скудость точныхъ данныхъ. Быть можетъ, было бы цѣлесообразно прибѣгнуть для такихъ случаевъ къ опросу компетентныхъ лицъ. Приходится также пожалѣть, что авторъ не предпослалъ своему труду библіографію предмета и не коснулся въ изложеніи статистической и издательской дѣятельности земства. Классификація расходнаго бюджета представляется намъ мало плодотворной. Всѣ расходы авторъ дѣлитъ на обязательные и необязательные и разсматриваетъ ихъ по двумъ періодамъ: до и послѣ 1905 года. (Второе дѣленіе не соотвѣтствуетъ первому, такъ какъ переломъ въ эволюціи обязательныхъ расходовъ относится къ 1909 году). Дорожные расходы и губернскія повинности оказались оторванными отъ расходовъ по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія лишь потому, что первые формально обязательны для земства. Не вслѣдствіе ли неудачной классификаціи дорожныя условія края остались не обрисованными, а губернскія повинности (до 28% расх. смѣты) — не анализированными?

Эти небольшія упущенія, разумѣется, ничуть не умаляютъ значенія книги и заслуги автора, живо и отчетливо разработавшаго тему и плодотворно примѣнившаго избранный методъ къ изученію земскаго хозяйства. Если кого слѣдуетъ упрекнуть, то — издателей, такъ какъ въ книгѣ много опечатокъ, которыя нерѣдко врываются и въ таблицы (стр. 165, 286, 309). На картѣ уѣзда, приложенной къ книгѣ, не указанъ ни масштабъ, ни время составленія, а указанія на распредѣленіе по уѣзду кооперативовъ, с.-хоз. складовъ, ветеринарныхъ пунктовъ, мощеныхъ дорогъ и т. п. — неточны. Лучше было бы эту карту въ краскахъ замѣнить рядомъ простыхъ и точныхъ картограммъ.

И. Михайловъ.

Эволюція растеній. Д. Г. Скоттъ. Петроградъ, 1915.
Ш. Депаре, Превращенія животнаго міра. Петроградъ, 1915.

Двѣ названныя книги принадлежатъ къ одной и той же области знаній (палеонтологіи), трактуютъ объ одномъ и томъ же явленіи — эволюціи жизненныхъ формъ (растеній въ одной изъ нихъ,

животныхъ — въ другой), какъ она рисуется на основаніи данныхъ палеонтологіи, но значительно различаются по характеру, и это различіе находится до извѣстной степени въ соотвѣтствіи съ степенью, такъ сказать, зрѣлости палеонтологіи животныхъ и растеній, зависящей, въ свою очередь, отъ того, что животный міръ, по своему строенію болѣе приспособленный для сохраненія, оставилъ больше слѣдовъ въ нѣдрахъ земли, нежели міръ растеній. Скоттъ ограничивается въ своей книгѣ задачей прослѣдить по ископаемымъ даннымъ путь развитія нѣкоторыхъ группъ растеній, тѣхъ группъ, для которыхъ сохранилось наибольшее число остатковъ. Благодаря большему обилію палеонтологическаго матеріала относительно животнаго міра, разработкѣ на основаніи этого матеріала многихъ частныхъ вопросовъ различными учеными и исчерпывающему свѣдѣнію палеонтологическихъ данныхъ, вмѣстѣ съ критическимъ ихъ разсмотрѣніемъ и систематизаціей на фонѣ идеи эволюціи органическаго міра, выполненному Циттелемъ еще 25—30 лѣтъ тому назадъ, — Депере получилъ возможность двинуться въ дѣлѣ изученія прошлой исторіи царства животныхъ далѣе того, что предполагалъ Скоттъ относительно растеній, и въ названномъ выше сочиненіи поставилъ себѣ задачу установленія эмпирическихъ частныхъ з а к о н о в ъ эволюціи животныхъ или, точнѣе, — „частыхъ повтореній однихъ и тѣхъ же явленій“. Онъ разсматриваетъ въ немъ измѣнчивость видовъ, въ пространствѣ и времени, причины вымиранія видовъ, механизмъ появленія новыхъ формъ и смѣну фаунъ путемъ миграцій. Въ разсмотрѣніи этихъ вопросовъ Депере старается держаться ближе къ фактическому матеріалу, избѣгая рискованныхъ предположеній, предпочитая недоконченность теоретическаго построенія недоказанной округленности теоріи. И Скоттъ, и Депере предназначаютъ свои труды не для большой публики, а для спеціалистовъ, но степень ихъ доступности для дилетантовъ и даже для полупрофановъ въ естественныхъ наукахъ различна. Болѣе частная задача Скотта отразилась на ея содержаніи обиліемъ такихъ частностей строенія растеній, которыя могутъ быть извѣстны и понятны только спеціалисту. Книга Депере, устанавливающаго эмпирическіе законы развитія животнаго міра, и болѣе интересна, и болѣе доступна пониманію лицъ, не чуждыхъ интереса къ естествознанію. Непосредственному предмету своей рѣчи Депере предпосылаетъ еще очеркъ исторіи палеонтологическихъ воззрѣній и открытій.

В. В.

Календарь русской природы на 1916 г. Естественно-историческій справочникъ. Редакторы: Н. К. Кольцовъ, Н. М. Кулагинъ, Л. А. Тарасевичъ. Изданіе журнала „Природа". Москва. Ц. 2 р. 25 к. въ переплетѣ.

Привѣтствуя первый, очень трудный и отвѣтственный, опытъ изданія въ формѣ календаря естественно-историческаго справочника, нельзя не отмѣтить, что составителямъ — и редакція это признаетъ — приходится пока идти ощупью въ поискахъ настоящаго пути. Имѣя въ виду очень разнообразную группу читателей — и начинающаго натуралиста, и учителя природовѣдѣнія, и сельскаго хозяина, и рыбовода, и охотника и т. д., — календарь, врядъ ли дастъ имъ полное удовлетвореніе. Въ календарѣ помѣщены свѣдѣнія о небесныхъ и метеорологическихъ явленіяхъ, о птицахъ, о вредныхъ для полеводства насѣкомыхъ Европейской Россіи, о грибахъ, о рыбоводствѣ и рыболовствѣ, о бабочкахъ, о жизни прѣсной воды и т. д. Книга открывается исторической справкой о происхожденіи календаря и заканчивается календарями естественнаго движенія населенія и эпидемическихъ болѣзней. Издана книга довольно изящно. Надо надѣяться, что, при внимательномъ отношеніи читателей, которыхъ редакція усердно проситъ сообщить свои замѣчанія, дальнѣйшіе выпуски календаря получатъ болѣе опредѣленную физіономію.

В. Б—ъ.

Марія Монтессори. Руководство къ моему методу. Переводъ Р. Ландебергъ. Москва, 1916 г.

Эта книжка содержитъ описаніе тѣхъ приспособленій (дидактическаго матеріала) и краткое изложеніе тѣхъ пріемовъ, какіе употребляются при воспитаніи по методу Монтессори мускуловъ, чувствъ (органовъ воспріятія) и языка маленькихъ дѣтей, преслѣдующему цѣль облегченія имъ „сложной внутренней работы психическаго приспособленія, духовнаго роста". Воспитаніе этихъ, казалось бы, только внѣшнихъ средствъ общенія человѣка съ внѣшнимъ міромъ отражается, однако, не только на сторонахъ психической жизни, непосредственно съ ними связанныхъ, но и на всемъ обликѣ ребенка. Самодисциплина, напр., говоритъ Монтессори, „пожалуй, наиболѣе удивительный результатъ работы въ Домахъ Ребенка (такъ именуются ея воспитательныя заведенія)", наиболѣе потому, что въ нихъ дѣти совершенно свободны, не подчиняются никакимъ извнѣ установленнымъ правиламъ поведенія, не слышатъ наставленій и уроковъ благонравія и ведутъ себя, какъ сами знаютъ. Наставники здѣсь только наблюдаютъ работу дѣтей и приходятъ на помощь въ затрудненіяхъ, справиться съ которыми они, очевидно, не въ со-

стояніи. Такіе результаты свободнаго поведенія ребенка, извѣстнымъ образомъ обставленнаго, показываетъ, говоритъ Монтессори, что недостатки дѣтей, доставляющіе подчасъ такъ много безпокойства и огорченій родителямъ и воспитателямъ, являются послѣдствіемъ не естественныхъ ихъ склонностей ко злу, а ненадлежащей обстановки ихъ быта, полагающей преграду инстинктивному ихъ стремленію упражнять свои познавательныя орудія и способности — необходимыя средства борьбы за существованіе (въ широкомъ смыслѣ слова) человѣка. Преграда же на пути ихъ развитія, обусловленная тѣмъ, что маленькій ребенокъ помѣщается въ родительскомъ домѣ въ обстановку, приспособленную къ потребностямъ взрослаго человѣка или физическаго существованія ребенка — не болѣе, вызываетъ съ его стороны рядъ поступковъ, называемыхъ капризами и озорствомъ. Съ помѣщеніемъ же ребенка (въ Домахъ Дѣтей) въ обстановку, отвѣчающую его естественному стремленію къ саморазвитію, озорство замѣняется „спокойствіемъ и мягкостью", дѣлающими его для насъ „какъ бы новымъ существомъ". Воспитательныя начинанія Монтессори установили, слѣдовательно, путемъ опыта новыя средства достиженія человѣкомъ „болѣе высокихъ стадій покоя и добра", и средства эти заключаются въ свободѣ, сочетанной съ „организаціей работы", отвѣчающей потребностямъ психо-физической природы ребенка. Опыты свободнаго воспитанія, какъ извѣстно, часто приводили къ печальнымъ результатамъ, а дисциплинированность дѣтей обыкновенно достигается строгимъ извнѣ установленнымъ режимомъ. Ибо, говоритъ Монтессори, полная свобода ребенка безъ возможности „работать", такъ какъ это ему свойственно, ведетъ къ напрасной и нерѣдко порочной растратѣ его силы, и лишь съ организаціей работы, отвѣчающей его естественнымъ стремленіямъ, свобода ребенка становится безусловно положительнымъ факторомъ воспитанія „Не тѣ же ли черты, — заключаетъ отсюда Монтессори, — замѣчаемъ мы въ исторіи человѣчества?" И исторія цивилизаціи не представляетъ ли исторіи „послѣдовательныхъ попытокъ организовать трудъ и добиться свободы?" Воспитательная система Монтессори примѣнялась, какъ извѣстно, къ дѣтямъ до 6—7-лѣтняго возраста. Теперь ею заканчивается опытъ примѣненія того же метода къ воспитанію старшихъ дѣтей. Очень интересно будетъ познакомиться съ результатами этого эксперимента. Къ разсматриваемой нами работѣ Монтессори приложено переводчицей описаніе школъ, примѣняющихъ методы итальянской докторессы въ Англіи.

В. В.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Современное положеніе таксировки предметовъ продовольствія въ Россіи и мѣры къ ея упорядоченію. Петроградъ, 1915.

Изданная „Управленіемъ дѣлами особаго совѣщанія для обсужденія и объединенія мѣропріятій по продовольственному дѣлу" книга даетъ богатый юридическій и фактическій матеріалъ для оцѣнки больного вопроса о таксахъ. Знакомство съ нею важно не только для экономиста, но вообще для каждаго гражданина, не совсѣмъ беззаботнаго на счетъ раціональнаго устройства „тыла". Не малое значеніе эта книга будетъ имѣть и для будущаго историка великой разрухи, свидѣтелями которой мы теперь являемся. Издана книга хорошо и снабжена многими приложеніями. *Р. С.*

Я. М. Букшпанъ. Проблема чайной монополіи и міровой чайный рынокъ. Петроградъ, 1915.

¾ этого изданія петроградской чайной и фруктовой биржи заняты таблицами, относящимися къ культурѣ, закупкамъ, перевозкѣ, торговлѣ, цѣнамъ, потребленію чая въ различныхъ государствахъ и т. п., а въ краткомъ текстѣ заключается описаніе главныхъ моментовъ въ ходѣ чайнаго дѣла и производятся финансовые подсчеты къ проектамъ чайной монополіи. Общее заключеніе автора таково, что монополизація чайной торговли, необходимо связанная съ ограниченіемъ числа сортовъ продаваемаго продукта, находится въ противорѣчіи съ природой чая, „дающаго большое разнообразіе вкусовыхъ свойствъ, требующаго внимательной сортировки и расцѣнки и обслуживающаго потребителей разныхъ категорій и покупательскихъ способностей", не обѣщая въ то же время значительнаго повышенія государственныхъ доходовъ. *В. В.*

Русское Общество охраненія народнаго здравія. Труды постоянной комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ. Подъ редакціей М. Н. Нижегородцева. Выпускъ VIII. Петроградъ, 1915. Ц. 1 р. 50 коп.

Съ достойной удивленія и благодарности настойчивостью комиссія по борьбѣ съ алкоголизмомъ продолжаетъ изданіе своихъ трудовъ, представляющихъ единственную въ своемъ родѣ энциклопедію по вопросамъ алкоголизма.

Отлично оцѣнивая непрочность создавшагося у насъ подъ вліяніемъ войны невольнаго отрезвленія, предвидя еще долгую и тяжелую борьбу съ алкоголизмомъ, какъ народной болѣзнью, комиссія съ прежней энергіей ведетъ свою работу. Въ вышедшемъ XIII выпускѣ вслѣдъ за интереснымъ отдѣломъ о засѣданіяхъ комиссіи, въ которыхъ всегда принимаютъ участіе люди науки, государственные и общественные дѣятели, идетъ отдѣлъ докладовъ, среди которыхъ имѣется много цѣнныхъ, непреходящаго характера, сообщеній. Назовемъ доклады: Д. И. Воронова „О статистическихъ методахъ изслѣдованія вопроса о массовомъ алкоголизмѣ", Е. Н. Тарновскаго: „Алкоголизмъ и преступность",

И. В. Сажина „Бугорчатка и алкоголизмъ“ и другіе. Особымъ приложеніемъ къ выпуску является очеркъ дѣятельности комиссіи за 15 лѣтъ, составленный секретаремъ комиссіи Л. И. Дембо. Очеркъ этотъ очень облегчаетъ пользованіе вышедшими трудами комиссіи. *Ц. Б-чъ.*

А. Кауфманъ. Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи. Статистическій очеркъ. Самара, 1915.

Этотъ выпускъ „Библіотеки участковаго агронома“, издаваемый журналомъ „Земскій Агрономъ“, посвященъ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства въ Россіи, тѣмъ измѣненіямъ, какія можно наблюдать въ области животноводства, площади посѣвовъ, удобреній, распространенія усовершенствованныхъ орудій, смѣны полевыхъ культуръ и высоты урожаевъ различныхъ хлѣбовъ. Общее заключеніе автора — что „наше сельское хозяйство сдвинулось съ мертвой точки, но что выходъ изъ кризиса еще далекъ“. Очеркъ составленъ на основаніи, главнымъ образомъ, одного своднаго изданія д-та земледѣлія, и степень полноты, точности и свѣжести используемаго въ немъ матеріала всецѣло обусловливается поэтому свойствами собираемыхъ правительствомъ данныхъ. Можно пожалѣть, что авторъ не всегда точно указываетъ источникъ почерпаемыхъ имъ данныхъ и заключеній. *В. В.*

П. А. Буланже. На землю! Москва, 1916. Изд. Горбунова-Посадова. Стр. 208. Ц. 1 р.

По существу, это — книжка чисто техническая. Она трактуетъ о разныхъ видахъ интенсивной культуры, и не съ этой точки зрѣнія она представляетъ интересъ. Но любопытенъ выразившійся въ этой книжкѣ результатъ долгаго броженія въ русскомъ обществѣ старыхъ призывовъ къ землѣ со стороны народническаго и толстовскаго направленій. Когда-то призывъ: „на землю!“, напр., въ книгѣ Энгельгардта „Письма изъ деревни“, былъ призывомъ къ соціальному и моральному обновленію. Звалъ и Л. Толстой къ земледѣльческому труду. Отголосокъ этого соціально-моральнаго настроенія отчасти слышенъ въ нѣкоторыхъ лозунгахъ г-на Буланже: „Путь къ освобожденію людей. Земля — неисчерпаемая сокровищница и т. д.“ Но у г. Буланже все дѣло сведено на то, что и на маломъ клочкѣ земли можно добиться иногда очень хорошей доходности, обезпечивающей хозяина, „освобождающей“ будто бы людей. Авторъ и рекомендуетъ горячо, всѣмъ и каждому, заняться огородничествомъ и т. п., прельщая фактами чрезвычайной доходности земли, къ которой приложенъ былъ умѣлый трудъ. *Ч. В-скій.*

Ф. Клейнъ. Парижскіе дѣтскіе сады. Переводъ съ французскаго С. Кауфманъ. Кіевъ, 1916.

Хотя французскіе дѣтскіе сады не выдѣляются особеннымъ достоинствомъ и не блещутъ оригинальностью, но Кіевское Фребелевское Общество остановилось на изданіи книги, относящейся именно къ этимъ садамъ, конечно, потому, что въ картинныхъ очеркахъ того, какъ идутъ въ лучшихъ парижскихъ садахъ, постоянно смѣняясь одно на другое, разнообразныя занятія, игры и уроки. Аббатъ Клейнъ наглядно знакомитъ въ ней читателя съ задачами, характеромъ и пріемами дѣтскихъ садовъ, всего ближе осуществляющихъ идею Фребеля о центральной задачѣ, объединяющей и связывающей въ нѣкоторое единство занятія дѣтей въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода (по мнѣнію Клейна, 1—5 недѣль), путемъ направленія ихъ вниманія на явленія и предметы, характеризующіе данную идею или съ нею связанные, — чѣмъ достигается лучшее усвоеніе дѣтьми получаемыхъ отъ внѣшняго міра впечатлѣній и гармоническое ихъ согласованіе. Въ дополненіе къ изложенію Клейна, редакторъ перевода, г-жа Русова, знакомитъ читателя съ „нѣкоторыми новыми пріемами внѣшкольнаго воспитанія“, примѣняемыми въ дѣтскихъ садахъ различныхъ государствъ. Книга читается съ большимъ интересомъ. *В. В.*

Въ теченіе марта мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Амари. Глухія слова. Стих. Москва, 1916 г. Ц. 60 к.

Ашукинъ, Н. Скитанія. Стихи. Москва. Ц. 75 к.

Бальмонтъ, К. Ясень. Видѣніе древа. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Браггъ, У. Х. и Браггъ, У. Л. Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Брейтманъ, Григорій. Разсказы. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р.

Булгаковъ, П. Власть лукаваго. Разсказъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 80 к.

Війонъ, Фр. Баллады. Стих. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Владиславлевъ, И. Классификація литературы по вопросамъ земскаго и городского самоуправленій. Москва, 1916 г.

Водовозовъ, В. По сербской Македоніи. Петроградъ, 1916 г.

Войнова-Дандурова, А. Ника. Романъ. Борисоглѣбскъ, 1916 г. Ц. 1 р.

Волошинъ, Макс. Anno mundi ardentis 1915 г. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Воробьевъ, К. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губ. Симбирскъ, 1916 г.

Вѣтровъ, А. Во что сегодня вѣритъ Германія. Петроградъ, 1916 г. Ц. 65 к.

Гагенъ, В. Учебникъ административнаго права. Ростовъ на Дону, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Горькій, М. Лѣто. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григорьевъ, Ап. Стих. Москва, 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дашкевичъ, Л. Реформа волости. Москва, 1912 г. Ц. 50 к.

Демковъ, М. Начальная народная школа, ея исторія, дидактика и методика. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 15 к.

Денисовъ, В. Война и лубокъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джемсъ, У. Переводъ И. И. Лапшина. Психологія. Петроградъ, 1916 г. Ц. 2 р.

Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, В. и Евзлинъ, З. Банковое дѣло. Теорія, практика и техника операцій коммерческихъ банковъ. Петроградъ, 1916 г.

Елпатьевскій, С. Литературныя воспоминанія. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Ждановъ, Л. Подъ властью фаворита. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Касаткинъ, Ив. Лѣсная быль. Разсказъ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Касперовичъ, Г. Лѣсное дѣло, лѣсная торговля и лѣсопромышленность въ Россіи въ связи съ пересмотромъ торговыхъ договоровъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кашинъ, Н. В. Основанія математическаго анализа. Москва, 1916 г. Ц. 3 р.

Кизеветтеръ, А. Историческіе отклики. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Коваленская, Н. Вельможа въ фаворѣ. Москва, 1916 г. Ц. 40 к.

Комовская, Н. Въ странѣ великаго хана. Картины изъ жизни монголовъ. Москва, 1916 г. Ц. 40 к.

Князевъ, Г. Ломоносовъ (природа его генія). Петроградъ, 1915 г.

Конъ-Винеръ. Исторія стилей изящныхъ искусствъ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 75 к.

Кричевская, Е. Письма о материнствѣ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 60 к.

Кропоткинъ, П. А. О войнѣ. Москва, 1916 г. Ц. 40 к.

Крымовъ, В. О прочемъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Левицкій, П. А. Дальнія зарницы. Повѣсть изъ дѣтскихъ лѣтъ. Москва, 1916 г. Ц. 60 к,

Лерта, Эдуардъ. Догматъ и критика. Москва, 1915 г. Ц. 2 р.

Линцбахъ, Я. Принципы филос

скаго языка. Петроградъ, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ллойдъ-Джорджъ, Д. Рѣчи, произнесенныя во время войны. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Лященко, П. И. Зерновое хозяйство и хлѣботорговыя отношенія Россіи и Германіи въ связи съ таможеннымъ обложеніемъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Морозовъ, Н. А. Лингвистическіе спектры. Средство для отличенія плагіатовъ отъ истинныхъ произведеній. Петроградъ, 1916 г.

Морозовъ, Ник. На войнѣ. Разсказы и размышленія. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мукаловъ, М. Танго. Драматическій этюдъ. Кіевъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Новосельскій, С., д-ръ. Обзоръ главнѣйшихъ данныхъ по демографіи и санитарной статистикѣ Россіи. Петроградъ, 1916 г.

Озеровъ, Н. Очерки словесности. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Панкхерстъ, Э. Моя жизнь. Записки суфражистки. Петроградъ, 1916 г. Ц. 2 р.

Плавтъ, Близнецы. Переводъ С. Радлова. Петроградъ, 1916 г.

Парнокъ, С. Стих. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рудневъ, Д. и Куликъ, Н. Матеріалы къ изученію Сѣвернаго морского пути изъ Европы въ Обь и Енисей. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Рыковскій, Н. Черное кружево. Стих. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сизовъ, М. Сонъ. Біологическій очеркъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Силинъ, В. Стихотворенія Тобольскъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Сухановъ, Н. Къ кризису соціализма. Петроградъ, 1916 г. Ц. 30 к.

Игорь Сѣверянинъ и Алексѣй Масаиновъ. Мимозы льна. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р.

Ткаченко, М. Высшее лѣсохозяйственное образованіе въ Америкѣ. Петроградъ, 1915 г.

Ткаченко, М. Лѣса, лѣсное хозяйство и древообрабатывающая промышленность Сѣв. Амер. Соед. Шт. Петроградъ, 1915 г.

Тодоровичъ, Д. Японско-русская торговля. Харбинъ, 1916 г.

Тришатовъ, А. Молодое только молодое. Разсказы. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тугендхольдъ, Я. Проблема войны въ міровомъ искусствѣ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Устиновъ, В. М. Ученіе о народномъ представительствѣ. Москва, 1915 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фихте, I. Г. Избранныя сочиненія. Москва, 1916 г. Ц. 4 р.

Цыбартъ, Э. Культурная жизнь древне-греческихъ городовъ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 40 к.

Черный, Борисъ. Третья тетрадь разсказовъ. Москва, 1916 г. Ц. 25 к.

Чеховъ, А. П. Письма. Т. VI. (1900—1904). Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Чириковъ, Е. Волжскія сказки. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Чулковъ, Г. Судьба Россіи. Петроградъ, 1916 г. Ц. 65 к.

Чулковъ, Г. Сережа Нестроевъ. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шацкіе, В. Н. и С. Т. Бодрая жизнь. Дѣти въ трудовой обстановкѣ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Шьачко, П. Право и сила. Драматическія картины. Орѣхово, Владим. губ., 1915 г. Ц. 1 р.

Штихъ, А. Стихи. Москва, 1916 г. Ц. 80.

Щербина, А. М. О допущеніи женщинъ въ университетъ. Москва, 1916 г. Ц. 15 к.

Архивъ села Карабихи. Письма Н. А Некрасова и къ Некрасову. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Всероссійскій Земскій и Городской Союзы. Главный по снабженію армій комитетъ. Очеркъ дѣятельности. Москва, 1916 г.

Грозный годъ. Сборникъ въ пользу жертвъ войны. Москва, 1916 г. Ц. 3 р.

Ежегодникъ Департамента Земледѣлія. 1914 г. Петроградъ. Ц. 3 р.

Записки стараго пенсіонера въ Катковскомъ лицеѣ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ жемчужинъ польской поэзіи. Переводъ К. Висковатова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Молочные продукты. Петроградъ, 1915 г.

Народное Хозяйство въ 1916 г. Изд. Мин. Фин. Петроградъ, 1916 г. Ц. 5 р.

Обзоръ дѣятельности особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу. 17 августа 1915 г. — 17 февраля 1916 г. Петроградъ, 1916 г.

Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Положеніе 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Сборникъ. День торговыхъ служа-

щихъ. Защитникамъ родины. Н. Новгородъ, 1916 г. Ц. 30 к.

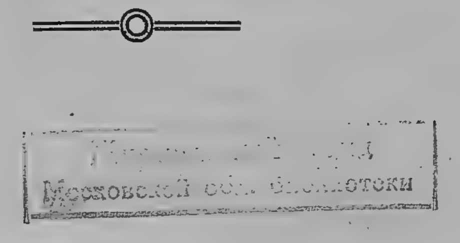
„Слово". Сборникъ VI. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Сполохи. Кн. 10. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Статистическій отчетъ Одесскаго т-ва для страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Одесса, 1916 г.

Стоимость производства главнѣйшихъ хлѣбовъ. Вып. I. Петроградъ, 1915 г.

Труды психіатрической клиники. Имп. Моск. Унив. Москва, 1916 г. Ц. 3 р.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

